

Элизабет Гаскелл
Север и Юг. Крэнфорд

СЕВЕР И ЮГ

В связи с тем, что эта история впервые должна была увидеть свет в «Домашнем чтении», она была написана в соответствии с некоторыми условиями, обычными для еженедельных публикаций, а именно: разделена на главы строго определенного объема с тем расчетом, чтобы постоянно поддерживать интерес публики. Хотя эти условия были чрезвычайно легкими, автор нашел невозможным развить историю в той манере, что была присуща ей изначально, тем более, что его заставили ускорить ход событий к концу повествования. В некоторой степени, чтобы исправить эти явные недостатки, были вставлены различные маленькие отрывки, и добавлено несколько новых глав. С этим коротким пояснением рассказ представляется на суд читателя.

ТОМ ПЕРВЫЙ

Глава I Предсвадебная суета

«Ухаживал, женился, и все»

- Эдит! — тихо позвала Маргарет. — Эдит!

Как и подозревала Маргарет, Эдит уснула. Она лежала, свернувшись на диване, в гостиной дома на Харли-стрит и выглядела прелестно в своем белом муслиновом платье с голубыми лентами. Если бы Титания^[1] оделась в белое муслиновое платье с голубыми лентами и задремала на темно-красной дамасской софе в гостиной, она выглядела бы точь-в-точь как Эдит. Маргарет снова залюбовалась красотой своей кузины. Они росли вместе, и окружающие не раз отмечали миловидность Эдит, но Маргарет никогда не думала об этом до последних дней, когда перспектива вскоре потерять подругу, казалось, усилила действие чар, которыми обладала Эдит. Девушки разговаривали о свадебных платьях и церемонии. И о капитане Ленноксе, и о том, как он описывал Эдит ее будущую жизнь на Корфу, где был расквартирован его полк. И еще о том, как трудно поддерживать пианино в хорошем состоянии (эту трудность Эдит, кажется, считала самым ужасным испытанием из всех, что ждали ее в замужней жизни), и о платьях, которые необходимо приготовить для медового месяца в Шотландии. Но шепот под конец стал затихать, и Маргарет после небольшой паузы обнаружила, что, несмотря на гул в соседней комнате, Эдит свернулась в комок из муслина, лент, и шелковых локонов и уснула мирным послеобеденным сном.

Маргарет хотела поговорить и о собственных планах и мечтах, о своей будущей жизни в деревне, в доме священника, где жили ее отец и мать, и где она проводила незабываемые каникулы, хотя последние десять лет дом тети Шоу считался и ее домом. Но за неимением слушателя ей пришлось размышлять о переменах в своей жизни в тишине, как и прежде. Это были приятные мысли, хотя и с оттенком сожаления: ей грустно было

расставаться на неопределенный срок со своей доброй тетей и дорогой кузиной. В то время как она с удовольствием размышляла о важных обязанностях, лежащих на плечах единственной дочери Хелстонского священника, обрывки разговора из соседней комнаты достигли ее ушей. Тетя Шоу беседовала с пятью-шестью леди, которые приехали сегодня на обед, и чьи мужья были все еще в столовой. Все они были близкими знакомыми дома, соседями, которых миссис Шоу звала друзьями, потому что ей случалось обедать с ними чаще, чем с другими людьми, а также потому, что если ей или Эдит нужно было что-то от них, или им от нее, они не стеснялись наносить друг другу визиты перед ланчем. Эти леди и их мужья были приглашены на прощальный обед в честь предстоящего замужества Эдит. Эдит сначала была против этого обеда из-за того, что капитана Леннокса ожидали с последним поездом этим вечером. Но, хоть Эдит и была своенравным ребенком, она была слишком беззаботной и ленивой, чтобы настоять на своем, и уступила матери, когда выяснилось, что обед будет довольно скромным, хотя миссис Шоу заказала к нему самые модные в этом сезоне лакомства. Эдит удовольствовалась тем, что откинулась на спинку стула и просто играла с едой на тарелке, смотрела серьезно и рассеянно, пока все вокруг нее наслаждались остротами мистера Грея, — джентльмена, который всегда сидел в конце стола на званых обедах миссис Шоу и просил Эдит поиграть на пианино в гостиной. Мистер Грей был сегодня в ударе, и джентльмены оставались внизу дольше обычного. Благодаря этому Маргарет смогла услышать фрагменты разговора, который вели дамы.

- Я сама слишком много страдала. Нет, я не могу сказать, что не была совершенно счастлива с бедным дорогим генералом, и все же неравенство в возрасте — это помеха для счастья. Единственное, что я твердо решила: в жизни Эдит не должно быть случайностей. Конечно, я предвидела, что мое дорогое дитя может выйти замуж рано. На самом деле, я была уверена в том, что девочка выйдет замуж до девятнадцати лет. У меня было настоящее предчувствие, когда капитан Леннокс... - и здесь голос превратился в шепот, но Маргарет могла легко восполнить пропуск. Истинная любовь пришла к Эдит без всяких затруднений. Миссис Шоу поддалась предчувствию, как она выразилась, и очень настаивала на браке, хотя многие знакомые Эдит прочили для нее, молодой и хорошенькой наследницы, более блестящую партию. Но миссис Шоу сказала, что ее единственное дитя должно выйти замуж по любви, и вздохнула многозначительно, намекая, что ей самой не было даровано подобного счастья. Миссис Шоу наслаждалась мечтами о предстоящей помолвке даже больше, чем ее дочь. Не то, чтобы Эдит не была влюблена, но она, конечно, предпочла бы хороший дом в Белгравии[2] той необыкновенной жизни на Корфу, которую описывал капитан Леннокс. Мысль об обязанностях, которая так воодушевляла Маргарет, приводила Эдит в трепет отчасти из-за удовольствия, которое она получала от уговоров своего нежного возлюбленного, и отчасти потому, что ей действительно не хотелось лишиться привычного комфорта. И все же, появившись сейчас перед ней некто, владеющий прекрасным домом, прекрасным имением и прекрасным титулом в придачу, Эдит устояла бы перед искушением и осталась бы верна капитану Ленноксу. Позднее, правда, у нее, возможно, появились бы небольшие сомнения и плохо скрываемое сожаление из-за того, что капитан Леннокс не смог соединить в себе все мыслимые совершенства. В этом она была дочерью своей матери, которая вышла замуж за генерала Шоу, испытывая лишь уважение к его репутации и положению, и многие годы постоянно, хотя и тихо, оплакивала свое существование вместе с человеком, которого она не любила.

- Я не экономлю на ее приданом, - таковы были следующие слова, которые услышала Маргарет. - У нее есть прекрасные индийские шали и шарфы. Генерал дарил их мне, но я их никогда не надену.

- Она - счастливица, - ответил другой голос, который, Маргарет знала, принадлежал миссис Гибсон, — леди, имевшей двойной интерес в разговоре, так как одна из ее дочерей вышла замуж несколько недель назад. - Хелен мечтала об индийской шали, но когда я узнала о непомерной цене, какую просят за нее, вынуждена была отказать моей дочери. Она будет завидовать, когда узнает, что у Эдит есть индийские шали. Какие они? Из Дели? С прекрасной маленькой каймой?

- Маргарет снова услышала тетин голос, но на этот раз он звучал так, как будто она поднялась со своего кресла и всматривалась в полумрак гостиной.

- Эдит! Эдит! - позвала она, а затем затихла, как будто утомилась от произведенного усилия.

Маргарет вышла вперед.

- Эдит спит, тетя Шоу. Я могу что-то сделать для вас?

Все леди заохали: «Бедное дитя!» И крохотная комнатная собачка в руках миссис Шоу начала лаять, как будто тоже разволновалась.

- Тихо, Крошка! Непослушная маленькая девочка! Ты разбудишь свою хозяйку. Я хотела спросить Эдит, не попросит ли она Ньютон принести сюда индийские шали. Может, ты это сделаешь, Маргарет, дорогая?

Маргарет направилась в старую детскую на втором этаже, где Ньютон занималась подготовкой кружев, необходимых для свадьбы. Пока Ньютон, не отказав себе в удовольствии поворчать, распаковала шали (их демонстрировали гостям четыре или пять раз за день), Маргарет оглядела детскую, первую комнату в доме, с которой она познакомилась девять лет назад, когда ее, совсем еще дикарку, привезли сюда, чтобы разделить комнату, игры, уроки с кухней Эдит. Маргарет вспомнилась унылая детская, где царствовала суровая и церемонная няня, ужасно требовательная к чистоте рук и одежды. Она вспомнила первое чаепитие здесь, отдельно от ее отца и тети, которые обедали где-то внизу, в бесконечной глубине; она сама была где-то на небе (так казалось маленькой Маргарет), а они - в недрах земли. Дома, до того как она приехала жить на Харли-стрит, ей служила детской гардеробная ее матери. В деревенском доме Маргарет всегда завтракала вместе с отцом и матерью. Восемнадцатилетняя девушка ясно помнила горе, терзавшее в тот день сердце девятилетней девочки. Она помнила, как прятала лицо под одеялом в ту первую ночь, и как няня приказывала ей не плакать, потому что это побеспокоит мисс Эдит. И как она все равно плакала так же горько и безутешно, но уже тише, пока новая, величественная и милая тетя тихо поднималась вверх вместе с мистером Хейлом, чтобы показать ему его маленькую спящую дочку. Потом маленькая Маргарет успокоилась и старалась лежать тихо, притворяясь спящей, чтобы не расстроить отца своим горем, потому что нельзя было открыто горевать после всех надежд, планов, изобретений, через которые они прошли дома, прежде чем ее гардероб был приведен в соответствие с ее новыми важными обстоятельствами, и прежде чем папа смог оставить свой приход и приехать в Лондон на несколько дней.

Теперь она полюбила старую детскую, хотя это была уже не та комната. Маргарет осмотрелась вокруг, сожалея, что оставит ее навсегда через три дня.

- Ах, Ньютон! - сказала она. - Я думаю, мы все будем жалеть, что покидаем эту милую старую комнату.

- На самом деле, мисс, все, кроме меня. Мои глаза уже не так хорошо видят, как раньше, и свет здесь такой плохой, что я не могу штопать кружева нигде, кроме как у окна, а там всегда жуткий сквозняк, достаточно сильный, чтобы довести кого-либо до смерти от простуды.

- Ну, думаю, что в Неаполе у вас будет достаточно и света, и тепла. Ты сможешь закончить свое рукоделие там. Спасибо, Ньютон, я отнесу шали вниз - вижу, ты занята.

Спускаясь вниз по лестнице с шальями, Маргарет вдыхала их пряный восточный аромат. Тетя попросила ее продемонстрировать гостям обновку, так как Эдит еще спала. Длинные волны ярких тканей почти скрыли бы миниатюрную Эдит, но красиво облегли фигуру ее высокой, прекрасно сложенной подруги в черном шелковом платье, которое она носила в знак траура по какому-то дальнему родственнику. Маргарет стояла прямо под люстрой молча и покорно, пока тетя расправляла складки. Случайно повернув голову, она увидела свое отражение в зеркале над камином и улыбнулась себе и своему наряду принцессы. Она нежно касалась шалей и наслаждалась их мягкостью и яркой расцветкой. Ей нравилось выглядеть так великолепно, она радовалась этому, как ребенок. В этот момент дверь отворилась, и вошел Генри Леннокс. Некоторые леди отступили назад, как будто устыдились своего женского интереса к нарядам. Миссис Шоу протянула руку вошедшему. Маргарет стояла совершенно спокойно, думая, что она, может быть, еще понадобится. Но, взглянув на мистера Леннокса, увидела на его лице выражение сочувствия, что ее очень удивило.

Поскольку мистер Леннокс не смог прийти к обеду, тетя Шоу принялась расспрашивать его о брате - женихе; о сестре - подруге невесты, приезжающей по случаю свадьбы из Шотландии, и о других членах семьи Леннокса. Маргарет поняла, что больше ее услуги не понадобятся, и занялась развлечением других гостей, о которых ее тетя сразу же забыла. Вскоре Эдит вышла из гостиной, моргая и шурясь от яркого света, потряхивая слегка помятыми локонами, и в целом напоминая Спящую Красавицу, которая только что проснулась. Даже сквозь дремоту она инстинктивно почувствовала, что ради Леннокса нужно пробудиться. У нее было много вопросов о ее дорогой Дженет, будущей невестке, которую она до сих пор не видела, и о которой она говорила в таких восторженных выражениях, что не будь Маргарет такой гордой, она могла бы почувствовать ревность к сопернице. Все больше увлекаясь беседой, которую вела ее тетя, Маргарет заметила, что Генри Леннокс поглядывает на свободный стул рядом с ней, и поняла, что как только Эдит освободит его от своих расспросов, он займет это место. Она не была вполне уверена, будет ли он в гостиной тети Шоу этим вечером. Его появление оказалось для Маргарет сюрпризом. Теперь она была уверена, что проведет приятный вечер. Ему нравилось и не нравилось почти то же самое, что и ей. Вскоре он подошел. Она встретила его с улыбкой, в

которой не было ни капли робости или неловкости.

- Я полагаю, вы все заняты дамскими делами. Они очень отличаются от моего рода занятий — юриспруденции. Примерка шалей совсем не похожа на составление завещаний.

- Представляю, как вы развлекались, застав нас за нашим занятием. Но на самом деле индийские шали очень красивые.

- Без сомнения. И цены на них тоже впечатляют.

Появились джентльмены, стало очень шумно.

- Это ваш последний прием, верно? И до четверга больше не будет?

- Нет. Я думаю, после этого вечера все успокоится. Я не отдыхала уже несколько недель. В конце концов, нам всем нужно отдохнуть, — ведь приготовления к важному событию уже закончены. Я рада, что у меня и у Эдит будет время подумать.

- Я не так уверен в ней, но могу представить, что вы будете рады. Когда я видел вас в последний раз, вы были слишком заняты посторонними хлопотами.

- Да, - печально согласилась Маргарет, вспоминая бесконечные волнения по пустякам, продолжающиеся уже больше месяца. - Удивительно, неужели перед свадьбой всегда столько хлопот, или в некоторых случаях свадьба может быть тихой и мирной?

- Ну, например, если бы крестная фея Золушки наколдовала приданое, свадебный прием и приглашения, - ответил мистер Леннокс, улыбаясь.

- Но неужели все эти хлопоты так необходимы? - спросила Маргарет.

Необыкновенная усталость от всех этих приготовлений, которыми занималась Эдит в течение последних шести недель только для того, чтобы произвести на всех впечатление, навалилась на Маргарет, и ей очень хотелось поговорить о приятной и тихой свадьбе.

- Конечно,- ответил он, изменив тон на более серьезный. - Существуют формальности и церемонии, которые необходимо соблюдать не столько для собственного удовольствия, сколько ради того, чтобы не было людских сплетен. Но как бы Вы устроили свадьбу?

- Ну, я никогда особо не думала об этом. Я бы хотела, чтобы было прекрасное солнечное утро, и я бы шла в церковь под сенью деревьев. Мне бы не хотелось иметь много подружек, не хотелось бы организовывать свадебный прием. Я решительно против всех этих формальностей, которые доставили мне столько беспокойства.

- Я не думал, что вы такая. Идея величественной простоты подходит вашему характеру.

Маргарет не вполне понравилась его речь. Она вздрогнула от этого даже сильнее, чем от воспоминаний об их прошлых беседах, когда он пытался обсуждать ее характер и привычки. Она внезапно прервала его речь, сказав:

- Для меня привычнее думать о прогулке к Хелстонской церкви, чем о поездке в карете к Лондонской церкви по вымощенной улице.

- Расскажите мне о Хелстоне. Вы никогда не описывали его. Я бы хотел иметь некоторое представление о том месте, где вы будете жить, когда дом на Харли-стрит опустеет. Прежде всего, Хелстон — это деревня или город?

- Только деревушка. Я не думаю, что его можно назвать деревней. Там всего лишь церковь и несколько домиков рядом в зелени, скорее коттеджей. И розы растут повсюду.

- Нужно еще добавить, что они цветут круглый год, особенно на Рождество, и картина будет закончена,- улыбнулся он.

- Нет, - ответила Маргарет раздраженно. - Я не рисую картину. Я пытаюсь описать Хелстон так, как он выглядит на самом деле. Вам не следовало этого говорить.

- Каюсь,- ответил он. - Только ваше описание больше похоже на деревню из сказки, чем из реальной жизни.

- Так и есть, - с горячностью отозвалась Маргарет. - Все другие места в Англии, что я видела, кажутся суровыми и прозаичными после Нью Фореста. Хелстон же похож на деревню из одного стихотворения Теннисона. Но я не буду больше пытаться описывать его. Вы только посмеетесь надо мной.

- Обещаю, что не буду. Но я вижу, вы очень решительны. Тогда расскажите мне о доме, я хотел бы узнать о нем побольше.

- Я не могу описать свой дом. Это просто дом, и я не могу передать его очарование словами.

- Подчиняюсь вам. Вы довольно суровы сегодня, Маргарет.

- Почему?- сказала она, взглянув на него своими большими глазами. - Я не знала, что я такая.

- Потому что я сделал неудачное замечание, и вы никогда не расскажете мне о Хелстоне, ничего не расскажете о вашем доме, хотя мне очень бы хотелось узнать и о том, и о другом, а о последнем особенно.

- Но я и правда не могу рассказать вам о своем доме. Я не думаю, что об этом нужно говорить, и вы знаете это.

- Ну, тогда,- помедлив немного, сказал он, - расскажите мне о ваших занятиях. Здесь вы читаете или берете уроки, — другими словами, совершенствуете свой ум до середины дня. Гуляете до ланча, потом катаетесь в коляске с тетей и чем-то заняты вечерами. Теперь вспомните свой день в Хелстоне. Вы ездите верхом, катаетесь или гуляете?

- Гуляю, несомненно. У нас нет лошади, даже для папы. Он ходит пешком даже к самым дальним своим прихожанам. Прогулки - это прекрасно, и нам было бы стыдно ездить в коляске, а уж тем более ездить верхом.

- Вы много работаете в саду? По-моему, это подходящее занятие для молодых леди в деревне.

- Я не знаю. Боюсь, я не люблю такую тяжелую работу.

- Стреляете из лука, устраиваете пикники, играете в шары?

- О, нет!- ответила она, смеясь. - Папин образ жизни очень скромный. И даже если бы мы устраивали что-то подобное, я сомневаюсь, что присоединилась бы к таким занятиям.

- Понятно, вы не расскажете ничего. Просто скажите мне, что вы не собираетесь делать этого. До окончания каникул, я думаю, я навещу вас и посмотрю, чем вы там заняты.

- Надеюсь, так и будет. Тогда вы сами увидите, как прекрасен Хелстон. Теперь я должна идти. Эдит собирается музицировать, а я достаточно разбираюсь в музыке, чтобы переворачивать для нее страницы. И, кроме того, тете Шоу не понравится, что мы разговариваем.

Эдит играла блестяще. В середине пьесы дверь приоткрылась, и Эдит увидела капитана Леннокса, не решающегося войти. Она прекратила играть и бросилась прочь из комнаты, оставив смущенную и краснеющую Маргарет объяснять удивленным гостям, что заставило Эдит внезапно сорваться с места. Капитан Леннокс приехал раньше, чем ожидалось, или было уже так поздно? Все взглянули на часы, удивились и стали расходиться.

Потом Эдит вернулась, вся светясь от удовольствия, робко и одновременно гордо ведя за собой высокого красивого капитана.

Его брат пожал ему руку, а миссис Шоу поприветствовала его в своей мягкой, радушной манере, однако в ее голосе проскальзывали печальные и даже жалобные нотки - следствие долгой привычки видеть себя жертвой неподходящего брака. Но теперь, когда генерал скончался, у нее была неплохая жизнь, хотя и не без тревог и сожалений. В последнее время миссис Шоу стала опасаться за свое здоровье. У нее появлялся легкий нервный кашель, когда она думала об этом. И некоторые услужливые доктора советовали ей то, о чем она мечтала - провести зиму в Италии. Миссис Шоу, как и большинство людей, временами испытывала сильные желания. Но она никогда не любила что-то делать открыто, согласно своей воле и удовольствию. Она предпочитала поступать по требованию и желанию других и потворствовала себе в этом. Миссис Шоу постоянно убеждала себя, что подчиняется жесткой внешней необходимости, и тогда она могла грустить и жаловаться, хотя каждый раз она делала то, что ей нравилось.

Она начала со вздохом рассказывать о своем вынужденном путешествии капитану Ленноксу. Тот из чувства долга соглашался со всем, что говорила его будущая теща, и незаметно искал глазами Эдит, которая сервировала стол и заказала прислуге самые разные лакомства, несмотря на его заверения, что он поужинал два часа назад.

Мистер Генри Леннокс стоял, прислонившись к камину, забавляясь семейной сценой. Он был очень похож на своего брата, хотя и был единственным некрасивым членом этой необыкновенно красивой семьи. Но его лицо было умным, пронизательным и живым. Время от времени Маргарет размышляла, о чем он думает, пока молчит и наблюдает с немного саркастичным интересом за всем, что делают она и Эдит. Впрочем, сарказм был вызван разговором миссис Шоу с его братом, и не относился к девушкам. Напротив, он думал, что приятно видеть двух кузин, занятых сервировкой стола. Эдит предпочла все сделать сама. Она была в хорошем настроении и радовалась, показывая своему жениху, как хорошо она сможет справиться с ролью солдатской жены. Обнаружив, что вода в чайнике остыла, она приказала принести с кухни большой чайник. Эдит приняла его в дверях и пыталась нести, но ей было очень тяжело. Она вошла, отдуваясь, с черным пятном на муслиновом платье и с отметиной от ручки чайника на маленькой белой руке, которую она показала капитану Ленноксу,

словно раненный ребенок, и конечно, за этим последовало обычное для такого случая утешение. Маргарет быстро разожгла спиртовку, которая оказалась очень эффективной здесь, но не в кочевом лагере, где Эдит готовилась провести свою замужнюю жизнь.

После этого вечера снова было много суеты, и она закончилась лишь со свадьбой.

Глава II

Розы и шипы

«Сквозь мягкий зеленый свет деревьев,
По ковру мха, где твое детство прошло;
К твоему дому, откуда ты
Впервые взглянул с любовью в летнее небо»
Миссис Химанс

Маргарет возвращалась домой с отцом, который приезжал в Лондон на свадьбу. Ее мать осталась дома по многим причинам, но только мистер Хейл знал истинную. Миссис Хейл решительно отказалась надеть на свадьбу серое сатиновое платье, которое было уже не новым, но еще и не старым, аргументируя это тем, что, если у ее мужа нет денег, чтобы одеть свою жену во все новое, то она не покажется на свадьбе дочери своей единственной сестры. Если бы миссис Шоу догадалась о настоящей причине отсутствия миссис Хейл, она бы подарила ей кучу платьев. Но прошло уже больше двадцати лет с тех пор, как миссис Шоу была бедной хорошенькой мисс Бересфорд, и она уже забыла все огорчения, кроме роковой разницы в возрасте, о которой она могла распространяться в течение получаса. Ее дорогая Мария вышла замуж по любви за человека с прекрасным характером лишь на восемь лет старше ее. Мистер Хейл был одним из самых очаровательных проповедников, которых она когда-либо слышала, и совершенным идеалом приходского священника. «Что еще может желать дорогая Мария в этом мире, выйдя замуж по любви?» - рассуждала миссис Шоу.

Миссис Хейл могла бы многое на это ответить. Она бы обязательно упомянула серебристо-серое шелковое платье, белую шляпку, еще дюжину нарядов и украшений и сотни вещей для дома.

Маргарет знала лишь, что ее мать не нашла удобным приехать, и в глубине души не сожалела об этом, полагая, что им лучше встретиться в Хелстоне, чем посреди суматохи в доме на Харли-стрит, где ей самой пришлось играть роль Фигаро и быть повсюду в одно и то же время. Маргарет слишком устала от того, что ей пришлось сказать и сделать за последние сорок восемь часов. После всех поспешных прощаний с тетушкой и кузиной она чувствовала себя подавленной, сожалела о временах, которые больше не повторятся, какими бы они не были. На сердце у Маргарет было намного тяжелее, чем она ожидала, хоть она и возвращалась в свой родной дом, — к той жизни, о которой она мечтала долгие годы, пока тоска не притупилась. Она с болью отгоняла воспоминания о прошлом, надеясь на радостное и безмятежное будущее. Наконец ее мысли обратились к настоящему, к ее дорогому отцу, который спал, откинувшись на спинку сиденья. Его иссиня-черные волосы уже начали сесть и падали на лоб редкими прядями. Черты его лица сейчас казались резкими, хотя когда-то они были очень изящными и считались даже красивыми. Во сне лицо старого священника стало безмятежным, но это был скорее отдых после трудов, чем спокойствие того, кто вел жизнь, лишенную тревог. Маргарет была глубоко поражена его изможденным видом и вновь копалась в воспоминаниях о прошлом, чтобы понять, какие страдания точили сердце ее отца.

«Бедный Фредерик! - подумала она, вздохнув.- О, если бы Фредерик стал священником, вместо того, чтобы пойти на флот и исчезнуть для нас! Мне бы хотелось больше знать об этом. Я ничего не поняла со слов тети Шоу. Я только знаю, что он не может вернуться в Англию из-за того ужасного случая. Бедный дорогой папа! Каким печальным он выглядит! Я так рада, что еду домой, чтобы быть рядом с родителями».

Когда отец проснулся, она встретила его радостной улыбкой, в которой не было ни тени усталости. Он улыбнулся в ответ, но слабо, как будто это было для него непривычно. На его лицо опять вернулось выражение обычного беспокойства. У него была привычка приоткрывать рот, как будто он говорил, что постоянно изменяло форму его губ и придавало лицу нерешительное выражение. Но у него были такие же большие

нежные глаза, как у дочери. Их зрачки двигались медленно, почти величаво, и были прикрыты прозрачными веками. Маргарет была больше похожа на него, чем на свою мать. Иногда люди поражались, что у таких красивых родителей дочь была далеко не так красива, некрасива вообще, как полагали многие. Ее рот был широковат и совсем не напоминал бутон розы, слегка раскрывающийся, чтобы сказать «да» или «нет» или «пожалуйста, сэр». Но ее пухлые алые губы имели мягкий изгиб. А кожа, не белая и не светлая, была гладкой и нежной, напоминая цветом слоновую кость. Если выражение ее лица было обычно слишком сдержанным и даже высокомерным для такой молодой девушки, то теперь, разговаривая со своим отцом, она сияла, как утро, на щеках появились ямочки, а взгляд говорил о детской радости и бесконечной надежде на будущее.

Маргарет вернулась домой в конце июля. Деревья в лесу оделись в темную, густую зелень, а папоротник под ними купался в косых солнечных лучах. Дни стояли знойные и душные. Маргарет много гуляла, сменяя папоротник с жестоким весельем, чувствуя, как он поддается под ее легкими ступнями и испускает ему одному присущий аромат. Она забредала на пустоши, купавшиеся в теплом ароматном свете, видела множество диких, свободных, живых существ - зверьков и насекомых, наслаждающихся солнечным светом, травы и цветы. Эти прогулки в полной мере оправдали ожидания Маргарет. Она набиралась гордости у своего леса. Люди, живущие по соседству, были близки ей. Она завела сердечных друзей, с радостью училась говорить, как они, чувствовала себя среди них свободно, нянчилась с их детьми, беседовала с ними или читала медленно и отчетливо для стариков, носила вкусные похлебки больным, вскоре решила преподавать в школе, куда ее отец ходил каждый день. Ей постоянно хотелось пойти и навестить кого-то из новых друзей - мужчину, женщину или ребенка - живущих в коттеджах в зеленой тени леса. Ее жизнь за пределами дома была превосходной, однако в доме далеко не все шло на лад. Она винила себя, как может винить ребенок, за проникательность, за то, что она понимала, что все не так, как должно было быть. Ее мать, всегда такая добрая и нежная, казалась временами очень недовольной их положением. Она считала, что епископ поступил несправедливо, не предоставив мистеру Хейлу лучшего положения, и укоряла своего мужа за то, что он не мог заявить о своем желании оставить приход и получить более высокий пост. Он неизменно отвечал, что если бы ему удалось сделать что должно в маленьком Хелстоне, он был бы вполне доволен. Но с каждым днем отец становился все более подавленным. Каждый раз, когда миссис Хейл требовала, чтобы ее муж просил о повышении, он все больше замыкался в себе. В такие дни Маргарет старалась примирить свою мать с Хелстоном. Миссис Хейл жаловалась, что близкое соседство с лесом плохо сказывается на ее здоровье, и Маргарет пыталась напомнить ей об освещенных солнцем пустошах. Она была уверена, что мать просто слишком привыкла к домашней жизни, редко прогуливаясь за пределы церкви, к школе и соседским домам. На время такие разговоры помогли, но когда наступила осень, и погода стала более изменчивой, мысли матери вернулись к нездоровому климату Хелстона. Она снова стала жаловаться, что, хотя ее муж более образован, чем мистер Хьюм, и лучше исполняет обязанности приходского священника, чем мистер Голдсворт, он не занимает такой высокий пост, как эти два их бывших соседа.

Маргарет оказалась не готова к атмосфере недовольства, царящей в доме. Она с удовольствием рассталась с роскошью, царившей в доме на Харли-стрит, которая лишь мешала ее свободе. Конечно, роскошь приносила наслаждение, но в то же время гордость могла помочь Маргарет обойтись без нее, если было нужно. Но облака никогда не приходят с той стороны, откуда их ждешь. Когда раньше Маргарет проводила каникулы дома, она только изредка слышала жалобы матери. Воспоминания тех времен были счастливыми, — она просто забывала все неприятные мелочи.

Во второй половине сентября начались осенние дожди и сильные ветры. Маргарет вынуждена была проводить дома больше времени, чем прежде. В Хелстоне было мало людей их круга, и в доме пастора редко бывали гости.

- Хелстон, несомненно, одно из самых захолустных мест в Англии, - заявила миссис Хейл в одну из своих плохих минут. - Я не могу не сожалеть о том, что папе не с кем здесь общаться: мы живем так уединенно, что он неделями не видит никого кроме фермеров и рабочих. Если бы мы только поселились на другой стороне прихода, мы бы могли прогуливаться до Стэнфилдза, и, конечно, навещать Горманов.

- Горманы? - переспросила Маргарет. - Это те Горманы, что разбогатели на торговле в Саутгемптоне? Я рада, что мы не навещаем их. Я не люблю торговцев. Я думаю, нам лучше жить вдали от всех, общаясь только с сельскими жителями и рабочими, и людьми, которые не умеют притворяться.

- Ты не должна быть такой привередливой, Маргарет, дорогая! - сказала ее мать, вспоминая молодого

красивого мистера Гормана, с которым она однажды познакомилась у мистера Хьюма.

- Все нет! У меня весьма разносторонний вкус. Мне нравятся люди, чьи занятия связаны с землей. Мне нравятся солдаты и моряки, и еще ученые люди. Ты же не хочешь, чтобы я восхищалась мясниками, булочниками и изготовителями свечей, правда, мама?

- Но Горманы никогда не были ни мясниками, ни булочниками, — они очень уважаемые люди и занимаются производством экипажей.

- Очень хорошо. Производство экипажей - та же самая торговля, и я думаю, они намного бесполезнее, чем мясники и булочники. Как же я уставала кататься каждый день в экипаже тети Шоу, и как я наслаждалась прогулками!

И Маргарет гуляла, несмотря на погоду. Она была так счастлива, уходя из дома, что готова была пуститься в пляс. Она шла по пустоши, а западный ветер мягко подталкивал ее в спину. Ей казалось, что она - листок, уносимый осенним ветром. Но по вечерам ей было трудно сохранять мир в семье. Сразу же после чая отец удалялся в свою маленькую библиотеку, и они с матерью оставались наедине. Миссис Хейл никогда не интересовалась книгами и в начале своей семейной жизни запрещала мужу читать ей вслух, пока она работала. Иногда они играли в триктрак. Но позже у мистера Хейла появилось много забот, связанных со школой и приходом, и вскоре он обнаружил, что жена вовсе не считает эти заботы важной частью его профессии, а полагает, что он поступает так просто, чтобы позлить ее. Тогда он стал уходить в свою библиотеку, где проводил вечера за чтением философских и богословских трактатов.

Когда Маргарет приезжала домой на каникулы, она привозила с собой большую коробку книг, рекомендованных учителями или гувернантками. Тогда же она выяснила, что летний день слишком короток, чтобы тратить его на чтение. Теперь у нее были только книги английских классиков, которые были перенесены из отцовской библиотеки, чтобы пополнить маленькие книжные полки в гостиной. «Времена года» Томсона, «Коупер» Хейли, «Цицерон» Миддлтона были самыми новыми и самыми занимательными из них. На книжных полках помещалось не так уж много книг. Маргарет рассказала матери все подробности своей жизни в Лондоне. Миссис Хейл слушала с интересом, иногда удивлялась и задавала вопросы, а иногда, не без сожалений, сравнивала спокойную и комфортную жизнь сестры с довольно скромным образом жизни в Хелстонском приходе. В такие вечера Маргарет частенько довольно резко обрывала разговор и слушала, как дождь стучит по свинцовому подоконнику эркерного окна. Один или два раза Маргарет поймала себя на том, что считает капли. Она гадала, сможет ли когда-нибудь спросить, где сейчас Фредерик, что он делает, давно ли получали от него письмо. Но Маргарет также понимала, что хрупкое здоровье матери и явная неприязнь к Хелстону начались со времени мятежа, в котором Фредерик принимал участие. Маргарет никогда не знала подробностей случившегося, но ей казалось, что вся семья молча согласилась делать вид, что забыла об этой печальной истории. Это заставляло Маргарет останавливаться и уходить от опасной темы. Когда Маргарет была с матерью, отец казался ей тем самым человеком, к которому можно обратиться с вопросом. Когда же она была с отцом, она думала, что легко могла бы поговорить со своей матерью. Возможно, что ничего нового она бы не услышала. В одном из писем, которые она получила до отъезда с Харли-стрит, отец написал ей, что они получили весточку от Фредерика. Он находится в это время в Рио-де-Жанейро в добром здравии и посылает ей горячий привет. Это были скупые строчки, — ни капли живого участия, которого она ожидала. Фредерика всегда называли не иначе, как «бедный Фредерик» в те редкие часы, когда упоминали его имя. Его комната оставалась точно такой же, какой он ее оставил. Диксон, служанка миссис Хейл, регулярно убирала ее и поддерживала в порядке. Диксон всегда вспоминала день, когда леди Бересфорд взяла ее в дом сэра Джона в качестве служанки к прекрасным мисс Бересфорд, красавицам Рутлэндшира. Служанка всегда считала мистера Хейла препятствием, вставшем на пути блестящего будущего юной леди. Если бы мисс Бересфорд не вышла в такой спешке замуж за бедного сельского священника, кто знает, кем бы она могла стать. Но Диксон была слишком преданной, чтобы оставить свою госпожу в несчастье (то есть в замужестве). Она осталась с ней и всегда считала себя доброй защитницей-феей, в чьи обязанности входит расстраивать планы злобного великана мистера Хейла. Мастер Фредерик был ее любимцем и гордостью, и она еженедельно приходила прибирать его комнату, будто он мог вернуться домой в этот же вечер.

Маргарет догадывалась, что, наверняка, были еще письма от Фредерика, о которых ее мать не знала, и из-за которых ее отец стал беспокойным. Миссис Хейл, казалось, не замечала перемен во внешности и поведении мужа. Он всегда был нежным и добрым, и всегда готов был помочь всем, кто нуждался в помощи. Обычно он по

несколько дней бывал подавлен, побывав у смертного ложа или получив известие о преступлении. Но теперь Маргарет замечала его отсутствующий взгляд, как будто его мысли были постоянно чем-то заняты. Его ежедневные дела, утешение страдающих, преподавание в школе не могли отвлечь его от тревог. Мистер Хейл не ходил к своим прихожанам, как обычно, он все больше закрывался в своем кабинете, беспокойно ожидая деревенского почтальона, который извещал семью о своем приходе легким стуком в ставень кухни. Теперь мистер Хейл часто бродил без дела по саду, если утро было хорошим, а если нет — стоял задумчиво в кабинете у окна, пока его не звал почтальон. Проходя по тропинке, почтальон почтительно кивал головой священнику, который наблюдал за ним из-за изгороди шиповника или из-за большого земляничного дерева, прежде чем вернуться в комнату и начать работать, с тяжелым сердцем и беспокойными мыслями.

Но Маргарет была в том возрасте, когда любое предчувствие, не основанное на фактах, легко изгоняется ярким солнечным днем или какими-то счастливыми внешними обстоятельствами. И когда наступили две замечательные недели в октябре, ее заботы унеслись, как пушинки чертополоха, и она не думала ни о чем, кроме красоты леса. Папоротники завяли, и теперь, когда прошел дождь, стали доступны многие просеки, которые Маргарет только разглядывала в июле и августе. В Лондоне она училась рисовать вместе с Эдит и теперь, когда, наконец, наступила хорошая погода, решила сделать несколько эскизов. Так, однажды утром она занималась подготовкой своей доски, когда Сара, горничная, широко распахнула дверь гостиной и объявила: «Мистер Генри Леннокс».

Глава III

«Тише едешь, дальше будешь»

«Учись завоевывать веру женщины
Благородно, так как вещь — дорогая;
Храбро, как жизнь у смерти —
С верной торжественностью.

Веди ее от праздничных подмостков,
Укажи ей звездные небеса,
Охраняй ее своими искренними словами,
Очищенными от лести ухаживания.»
Миссис Браунинг

«Мистер Генри Леннокс». Маргарет думала о нем минуту назад, вспоминая, как он расспрашивал ее в Лондоне об их занятиях дома. «Помяни солнце — и увидишь луч света». Радость осветила лицо Маргарет, подобно солнцу, она отложила свою доску и крепко пожала руку Генри.

- Позови маму, Сара,- сказала она. - Мы с мамой хотим задать вам много вопросов об Эдит. Я так рада, что вы приехали.

- Разве я не говорил, что приеду? - осторожно спросил он.

- Но я слышала, что вы уехали Шотландию, поэтому и подумать не могла, что вы заглянете в Хэмпшир.

- Ну, - он улыбнулся с видимым облегчением. - Наши молодожены откалывали такие дурацкие штуки, рискуя всем: то забирались высоко в горы, то катались на лодке по озеру, что я уже стал думать, не нанять ли им гувернера. На самом деле, даже мой дядя не мог справиться с ними. Они заставляли старика волноваться по шестнадцать часов в день. Позже я понял, что не стоит доверять их только одному человеку, и подумал, что не должен оставлять их, пока не увижу их в безопасности, садящихся на корабль в Плимуте.

- Вы были в Плимуте? Эдит никогда не упоминала об этом. Наверно она, как обычно, писала в спешке. Они действительно отплыли во вторник?

- Да, отплыли и избавили меня от ответственности. Эдит передала со мной разного рода послания для вас. Надеюсь, записка у меня где-то здесь. Да, вот она.

- Спасибо, - воскликнула Маргарет.

Потом, желая прочесть записку в одиночестве, она, извинившись, сказала, что пойдет к маме сама, так как Сара, кажется, забыла предупредить миссис Хейл.

Когда она вышла из комнаты, Леннокс осмотрелся. Маленькая гостиная выглядела очаровательно, освещенная лучами утреннего солнца. Среднее окно в эркере было распахнуто, и внизу можно было увидеть кусты роз и алой жимолости. Маленькая лужайка пестрела цветами вербены и герани всевозможных оттенков. Но эти яркие цвета снаружи только подчеркивали скромную обстановку комнаты. Ковер был далеко не новый, ситцевые занавески выцвели от частой стирки. Сама комната была маленькой, вовсе не под стать царственному облику Маргарет. Он взял одну из книг, лежащих на столе. Это был «Рай» Данте, в старом итальянском переплете из белой веленовой бумаги с золотом. Рядом лежал словарь, некоторые слова были выписаны рукой Маргарет. Это был скучный список слов, но ему почему-то нравилось смотреть на них. Вздохнув, он положил книги обратно.

- Они живут весьма скромно, как она и сказала. Странно. Кажется, Бересфорды считались вполне обеспеченными.

Маргарет тем временем нашла свою мать. У миссис Хейл был один из тех дней, когда все казалось ей трудным и утомительным. И появление мистера Леннокса было своего рода трудностью, хотя втайне она приветствовала его решение приехать.

- Как неудачно! Мы обедаем сегодня рано, и у нас нет ничего, кроме холодного мяса, — ведь слуги глядят белье. Но мы должны просить его остаться пообедать — все-таки он родственник Эдит. А твой папа в таком подавленном настроении сегодня утром, и я не знаю из-за чего. Я заходила к нему в кабинет прямо сейчас, а он сидит, склонившись к столу и закрыв лицо руками. Я сказала ему, что Хелстонский воздух вреден ему больше, чем мне; внезапно он поднял голову и попросил меня не говорить больше ни слова о Хелстоне, потому что он не может больше терпеть это. Если и есть на земле место, которое он любит, — это Хелстон. Но я уверена, это все из-за сырого и расслабляющего воздуха.

Маргарет почувствовала, как на ее небосклоне появилось маленькое холодное облако, закрывшее для нее солнце. Она слушала терпеливо, надеясь, что мать говорит так, чтобы облегчить душу. Но нужно было вернуться к мистеру Ленноксу.

- Папе нравится мистер Леннокс, они прекрасно поладили на свадебном приеме. Полагаю, его приезд обрадует папу. И не беспокойся насчет обеда, дорогая мама. Холодное мясо превосходно подойдет для ланча, и мистер Леннокс посчитает его за двухчасовой обед.

- Но чем мы займем его до этого? Сейчас только половина одиннадцатого.

- Я попрошу его пойти со мной порисовать. Я знаю, он рисует, и это освободит тебя от него, мама. Только выйди сейчас, — ему покажется странным, если ты не выйдешь.

Миссис Хейл приветствовала мистера Леннокса с радушием, обычным для встречи родственников. Он явно ожидал, что его попросят провести у них день, и принял приглашение с радостной готовностью; и миссис Хейл захотелось добавить еще что-нибудь к холодной говядине. Он радовался всему — обрадовался идее Маргарет пойти рисовать вместе, не дожидаясь мистера Хейла, и увидеть его только за обедом. Маргарет вынесла ему свои рисовальные принадлежности, чтобы он выбрал бумагу и кисти. После чего оба в самом веселом расположении духа вышли из дома.

- Пожалуйста, просто остановимся здесь на минуту или две, - попросила Маргарет. - Эти коттеджи преследовали мое воображение во время двух дождливых недель, будто упрекая меня, что я не нарисовала их.

- До того как они развалятся, и мы их больше не увидим. Честно говоря, их нужно нарисовать - они очень живописны - и нам лучше не откладывать этого до следующего года. Но где мы сядем?

- О! Вы могли бы приехать сюда прямо из конторы в Темпле,[3] вместо того, чтобы проводить два месяца в горах! Посмотрите на этот прекрасный ствол дерева, который оставили лесорубы. Просто отличное место, и света вполне достаточно. Я постелю там свой плед, и это будет настоящий лесной трон.

- И поставите ноги в эту лужицу, как на королевскую подставку для ног! Кто живет в этих домиках?

- Они были построены поселенцами пятьдесят или шестьдесят лет назад. Один пустует — лесники собираются снести его сразу, как только старик, живущий в другом, умрет, бедняга! Посмотрите, вот и он, я должна подойти и поговорить с ним. Он так глух, что вы услышите все наши секреты.

Старик стоял на солнце перед своим домом с непокрытой головой, опираясь на палку. Его жесткие черты лица смягчились улыбкой, как только Маргарет подошла к нему и заговорила. Мистер Леннокс поспешно набросал две фигуры и пейзаж на заднем плане. Когда пришло время собираться, убирать воду и обрывки

бумаги и представить друг другу свои наброски, Маргарет сразу поняла, что живописный вид коттеджей ни в малой мере его не заинтересовал. Она засмеялась и покраснела; мистер Леннокс внимательно наблюдал за сменой выражений ее лица.

- Я назову это коварством, - сказала она. - Я не думала, что вы нарисуете меня и старого Исаака, когда вы попросили меня расспросить его об истории этих коттеджей.

- Это было непреодолимо соблазнительно. Вы представить себе не можете, какое это было сильное искушение. Я едва ли смею сказать, насколько мне дорог этот набросок.

Он был не вполне уверен, слышала ли она последние его слова перед тем, как ушла к ручью мыть свою палитру. Она вернулась немного покрасневшей, но смотрела совершенно просто и бесхитростно. Он был рад этому, ибо слова сорвались с его губ неожиданно. Редкий случай для такого человека, как Генри Леннокс, который всегда заранее обдумывал свои действия.

Атмосфера в доме, когда они вернулись, была вполне мирной. Тучи на челе миссис Хейл рассеялись под благотворным влиянием созерцания пары карпов, весьма кстати подаренных соседом. Мистер Хейл вернулся с утренней прогулки и ожидал гостя прямо за калиткой ворот, ведущих в сад. Он выглядел весьма почтенным джентльменом, несмотря на потертое пальто и поношенную шляпу. Маргарет гордилась своим отцом. Она всегда испытывала чистую и нежную радость, видя, какое впечатление он производит на каждого незнакомца. Все же она заметила на лице отца следы какого-то необычного беспокойства, подавленного, но не рассеявшегося полностью.

Мистер Хейл попросил разрешения посмотреть их наброски.

- Я думаю, ты сделала эти оттенки на соломенной крыше слишком темными, разве нет? - он возвратил Маргарет ее рисунок и протянул руку за рисунком мистера Леннокса, который замешкался на секунду, не более.

- Нет, папа! Я так не думаю. Молодило и заячья капуста стали такими темными из-за дождя. Разве не похоже, папа? - возразила она, заглядывая через его плечо, так как он рассматривал фигуры на рисунке мистера Леннокса.

- Да, очень похоже. Твоя фигура и манера держать себя - основные. А это просто скованный сутулостью из-за ревматизма спины старый бедный Исаак. А что это висит на ветке дерева? Не гнездо ли птицы?

- О нет, это моя шляпа. Я никогда не могу рисовать в шляпке, — моей голове становится слишком жарко. Интересно, могла бы я справиться с изображением человека? Здесь так много людей, которых я бы хотела нарисовать.

- Я бы сказал, что если захотите добиться сходства, то всегда его добьетесь, - заметил мистер Леннокс. - Я верю в силу желания. Думаю, что и мне удалось добиться сходства, когда я рисовал вас.

Мистер Хейл прошел в дом вперед них, так как Маргарет замешкалась, срывая несколько роз, которыми хотела украсить платье.

«Обычная лондонская девушка поняла бы намек, скрытый в моих словах, - думал мистер Леннокс. - Она поняла бы, проанализировав каждую реплику, что молодой человек сделал ей комплимент без всякой задней мысли. Но я не верю Маргарет».

- Пойдите! - воскликнул он. - Позвольте мне помочь вам!

И он сорвал для нее несколько бархатных темно-красных роз, что росли высоко, а потом, разделив добытое, воткнул две себе в петлицу, а остальное отдал ей, довольной и счастливой.

Разговор за обедом протекал тихо и приятно. С обеих сторон было множество вопросов, которые нужно было задать. Обменялись самыми последними сведениями о путешествии миссис Шоу по Италии. Интересная беседа, простота образа жизни сельского священника и, прежде всего, соседство Маргарет, заставили мистера Леннокса забыть то небольшое чувство разочарования, которое возникло у него поначалу.

- Маргарет, дитя мое, может, ты соберешь нам несколько груш для десерта, - попросил мистер Хейл, когда на столе появилось вино, перелитое из бутылки в графин, знаменуя одновременно роскошь и гостеприимство.

Мистер Хейл поторопился. Казалось, будто бы десерт является экспромтом и необычной вещью для сельского прихода. Если бы только мистер Хейл оглянулся назад, он бы увидел сухое печенье и мармелад, и все прочие угощения, ожидавшие своей очереди в привычном порядке на буфете. Но идея с грушами завладела умом мистера Хейла и не покидала его.

- Напротив южной стены есть несколько коричневых берэ,^[4] которые стоят всех заграничных фруктов и варенья. Сбегай, Маргарет, сорви нам несколько.

- Я предлагаю всем нам перейти в сад и съесть их там, - сказал мистер Леннокс. - Нет ничего вкуснее, чем отведать хрустящую, сочную грушу, пахнущую солнцем. Самое худшее - это осы, достаточно дерзкие, чтобы

бороться за фрукт, даже в самый миг наслаждения.

Он поднялся, чтобы следовать за Маргарет, которая вышла в сад, и ждал только разрешения миссис Хейл. Она предпочла бы закончить обед в надлежащей манере, со всеми церемониями. Тем более что она и Диксон достали чашу для полоскания пальцев из кладовой нарочно, чтобы не сплеховать перед завсегдатаем дома вдовы генерала Шоу. Но мистер Хейл тоже встал, и миссис Хейл осталось только покориться.

- Я вооружусь ножом, - сказал мистер Хейл. - Я уже не могу так просто есть фрукты, как вы. Я должен чистить и разделять их на четвертинки, прежде чем насладиться ими.

Маргарет сделала тарелку для груш из свекольного листа, который превосходно оттенял их коричневое золото. Мистер Леннокс смотрел больше на нее, чем на груши. Но ее отец, склонный привередливо отбирать самые счастливые и совершенные мгновенья, украденные им у своего беспокойства, выбрал самый лакомый и зрелый фрукт и сел на садовую скамейку. Маргарет и мистер Леннокс прогуливались вдоль маленькой аллеи у южной стены, где пчелы еще жужжали и деловито работали в своих ульях.

- Какой совершенной жизнью вы здесь живете! Раньше я всегда довольно пренебрежительно относился к поэтам с их желаниями. «Мой дом - хижина за холмом» или что-то в этом роде. Боюсь, что я был ничем не лучше любого другого уроженца Лондона. Зато теперь я чувствую, что двадцать лет усердного изучения законов были бы достойно вознаграждены одним годом такой превосходной безмятежной жизни, как эта. Такие небеса! Взгляните, какая темно-красная и янтарная листва, совершенно неподвижная! - он указал на несколько больших лесных деревьев, загороженных садом, как будто гнездом.

- Лучше вспомните, что наши небеса не всегда такие голубые, как сейчас. У нас идет дождь, наша листва опадает и промокает, хотя, я думаю, Хелстон - такое же совершенное место, как и любое другое в мире. Вспомните, как вы посмеивались надо мной и называли Хелстон — «деревня из сказки».

- Мне кажется, Маргарет, вы преувеличиваете.

- Возможно, это так. Только я знаю, мне бы понравилось разговаривать с вами о том, чем я заполняю время, а вы - как бы мне назвать это - говорили неуважительно о Хелстоне.

- Я никогда не сделаю этого снова, - сказал он с теплотой.

Они повернули за угол аллеи.

- Я бы мог почти желать, Маргарет... - он остановился и замешкался. Эта запинка была так необычна для юриста, что Маргарет взглянула на него в недоумении. Но через мгновение она не могла сказать, почему. Ей захотелось вернуться назад к матери и отцу, куда угодно подальше от него; она была уверена, что он собирается сказать что-то, на что она не знала, как ответить. В следующее мгновение ее гордость — опора во всех жизненных испытаниях — поборолла внезапное волнение. Конечно, она могла ответить так, как нужно. Для нее было постыдной слабостью избегать его слов, как будто у нее не было сил ответить вежливо и с достоинством.

- Маргарет, - сказал он, захватив ее врасплох и внезапно завладев ее рукой, так что она была вынуждена стоять смирно и слушать, презирая себя за трепетание сердца. - Маргарет, я бы хотел, чтобы вы не любили Хелстон так сильно, не казались такой совершенно спокойной и счастливой здесь. Я надеялся все эти прошедших три месяца, что вы скучаете по Лондону, по лондонским друзьям, — немного, но достаточно, чтобы заставить вас слушать более любезно (она тихо, но решительно стремилась высвободить свою руку) того, кто не может предложить много, это правда, — ничего, кроме смутных надежд на будущее, но того, кто любит вас, Маргарет, вопреки себе. Маргарет, я так сильно поразил вас? Скажите! - он увидел ее дрожащие губы, как будто она собиралась плакать. Она собрала все силы, чтобы успокоиться, и не говорила, пока не уверилась, что справляется со своим голосом, а потом произнесла:

- Я поражена. Я не знала, что вы мною интересуетесь. Я всегда думала о вас, как о друге и, пожалуй, я бы предпочла и дальше так о вас думать. Мне не хотелось бы, чтобы обо мне говорили так, как вы это сейчас делали. Я не могу сказать вам то, что вы хотите услышать, и еще я буду очень сожалеть, что рассердила вас.

- Маргарет, - сказал он, глядя ей в глаза, встретившись с ее открытым прямым взглядом, выражающим наивысшую степень честности и нежелание причинить боль. - Вы, - продолжил говорить он, - любите кого-то другого? - но казалось, этот вопрос оскорбил чистую безмятежность ее глаз. - Простите меня, я был слишком грубым. Я наказан. Только позвольте мне надеяться. Дайте мне слабое утешение, сказав, что вы никогда не встречали того, кого вы могли бы... - снова пауза. Он не смог закончить свое предложение.

Маргарет мысленно упрекнула себя в том, что послужила причиной его страданий.

- Ах! Если бы эта фантазия никогда не приходила вам в голову! Было так приятно считать вас другом.

- Но я могу надеяться или нет, Маргарет, что когда-нибудь вы подумаете обо мне как о возлюбленном? Не сейчас, я понимаю, не стоит спешить, но когда-нибудь...

Маргарет молчала минуту или две, пытаясь отыскать правду в своем собственном сердце, прежде чем ответить. Потом она сказала:

- Я никогда не думала о вас иначе, как о друге. Мне нравится считать вас другом, но я уверена, я никогда не смогла бы думать о вас как-то иначе. Умоляю, давайте оба забудем, весь этот (неприятный, собиралась сказать она, но резко остановилась) разговор.

Он помолчал, прежде чем ответить. Потом со своей привычной холодностью сказал:

- Конечно, раз ваши чувства так определены, и коль скоро этот разговор был явно неприятен вам, лучше это не вспоминать. Это очень хорошо в теории, — забыть то, что причинило боль, но для меня будет трудно выполнить обещанное.

- Вы рассержены, - сказала она печально. - Как мне помочь?

Она выглядела на самом деле такой печальной, сказав это, что он мгновение боролся со своим настоящим разочарованием, а потом ответил более весело, но все еще с небольшой жесткостью в голосе:

- Примите во внимание разочарование не только влюбленного, Маргарет, но и человека, обычно не показывающего своих чувств, - осторожного, светского, как меня многие называют, выбитого из своего обычного состояния силой страсти. Ну, мы больше не будем говорить об этом. Я буду вынужден утешаться презрением к моей собственной глупости. Адвокат подумал о браке!

Маргарет не могла на это ответить. Сам тон разговора раздражал ее. Казалось, стоит ей возразить, и оживут все разногласия, которые отталкивали ее от него, хотя он был самым приятным мужчиной, самым сердечным другом, единственным человеком, который понимал ее в доме на Харли-стрит. К счастью они, сделав круг по саду, внезапно столкнулись с мистером Хейлом. Он еще не покончил с грушей, с которой снимал тонкую, как фольга, полоску кожуры и наслаждался этим в своей неторопливой манере. Это походило на историю про восточного короля, который по велению волшебника окунул лицо в воду, а когда поднял голову, то оказалось, что прошло много лет и все вокруг изменилось. Маргарет была ошеломлена и не могла присоединиться к разговору между ее отцом и мистером Ленноксом. Она ожидала, когда же мистер Леннокс уйдет, чтобы она смогла отдохнуть и обдумать все, что случилось за последние четверть часа. Он и сам страстно желал уехать. Но несколько минут разговора, легкого и беззаботного, были жертвой, которую он должен был принести своему униженному тщеславию или своему самоуважению. Он глядел время от времени на ее печальное и задумчивое лицо.

«Я не так безразличен ей, как она считает», - думал он про себя. - «Я не оставлю надежду».

И он тихо, но с сарказмом, заговорил о жизни в Лондоне, о жизни в деревне, как если бы осознавал существование своей второй равнодушной и насмешливой половины и боялся собственной насмешки. Мистер Хейл был озадачен. Его гость отличался от того человека, с которым он виделся на свадебном приеме и сегодня за обедом. Более беспечный, более умный, более светский человек, в чем-то противостоящий мистеру Хейлу. Все трое почувствовали облегчение, когда мистер Леннокс сказал, что должен отправляться немедленно, чтобы успеть на пятичасовой поезд. Они прошли в дом поискать миссис Хейл и попрощаться с ней. В последний момент Генри Леннокс - настоящий - сумел одолеть своего двойника:

- Маргарет, не презирайте меня. У меня есть сердце, тем не менее, это никчемный разговор. Как доказательство этого, я верю, что люблю вас даже больше, чем раньше - если я не ненавижу вас - за презрение, с которым вы слушали меня последние полчаса. До свидания, Маргарет... Маргарет!

Глава IV

Сомнения и трудности

«Забрось меня на какой-нибудь пустынный берег,

Где я могу оставить

Только след печального кораблекрушения,

Если ты будешь там, в бушующих морях,

Я не буду кротко, спокойно умолять.»

Гебингтон

Он уехал. Дом закрыли на ночь. Нет больше глубоких голубых небес, нет янтарной и темно-красной листвы. Маргарет поднялась переодеться к чаю, найдя Диксон, утомленную этим суматошным днем. Диксон лишь несколько раз провела щеткой по волосам молодой хозяйки, под тем предлогом, что очень торопится пойти к миссис Хейл. Теперь Маргарет ожидала в гостиной, пока мама спустится вниз. Она сидела одна у камина, не зажигая свечей на столе, вспоминая прошедший день, счастливый поход на этюды, радостный, приятный обед и злосчастную прогулку в саду.

Как же отличаются мужчины от женщин! Вот она сидит, взволнованная и несчастная из-за того, что ее интуиция не подсказала ей ничего, кроме отказа. Тогда как он, получив отказ на самое искреннее, самое святое чаяние в своей жизни, вскоре смог беседовать, как ни в чем не бывало, как будто его интересовали только дела и прочие темы, о которых говорят в хорошем доме, и в приятном обществе. О боже! Как она могла бы любить его, если бы он был другим, если бы не эта его двойственность, которую она постоянно чувствовала. Потом ей пришлось в голову, что его несерьезность могла быть напускной, чтобы скрыть горечь разочарования, которое оставило бы след и в ее собственном сердце, если бы она любила, а ей отказали.

Ее мать спустилась в комнату прежде, чем вихрь мыслей приобрел какое-то подобие порядка. Маргарет отогнала воспоминания о том, что было сделано и сказано в этот день, и превратилась в сочувствующего слушателя жалоб Диксон: гладильщица опять сожгла одеяло, а Сюзан Лайтфут видели в шляпке с искусственными цветами, чем она окончательно подтвердила, что является пустой и легкомысленной особой. Мистер Хейл потягивал свой чай молча, весь во власти своих невеселых мыслей. Маргарет задавалась вопросом, как ее отец и мать могли быть такими забывчивыми, такими равнодушными - за весь вечер они ни разу не вспомнили о мистере Ленноксе. Она забыла, что он не делал им предложения.

После чая мистер Хейл поднялся и стоял, опираясь локтем на каминную полку, склонив голову на руку, размышляя над чем-то, и время от времени глубоко вздыхал. Миссис Хейл вышла обсудить с Диксон сбор зимней одежды для бедных. Маргарет занялась рукоделием своей матери, стараясь избегать мыслей об этом длинном вечере, желая быстрее лечь спать, чтобы тщательно обдумать события этого дня.

- Маргарет! - сказал мистер Хейл наконец, с таким отчаянием в голосе, что девушка вздрогнула. - Этот гобелен так необходимо закончить прямо сейчас? Я имею в виду, не могла бы ты оставить его и пойти в мой кабинет? Мне нужно поговорить с тобой о чем-то очень важном для нас всех.

«Очень важном для нас всех». У мистера Леннокса не было возможности поговорить с ее отцом наедине после ее отказа, а что еще могло быть «очень важно»? Маргарет чувствовала вину и стыд из-за того, что, несмотря на свой возраст, оказалась не готова к замужеству, кроме того, она не знала, может ли отец быть недоволен тем, что она отвергла предложение мистера Леннокса. Но вскоре она поняла, что тема разговора едва ли имеет отношение к тому, что произошло недавно, и теперь терялась в догадках, почему отец желал поговорить с ней. Он поставил для нее стул рядом со своим, помешал угли в камине, снял нагар со свечей, вздохнул пару раз прежде, чем смог решиться произнести то, что неизбежно должно было оказаться ударом для нее:

- Маргарет! Я собираюсь уехать из Хелстона.

- Уехать из Хелстона, папа?! Но почему?

Мистер Хейл не отвечал минуту или две. Он нервно и в замешательстве перебирал бумаги на столе, открывал рот несколько раз, но закрывал его снова, не найдя смелости проронить слово. Маргарет не могла вынести этого ожидания, которое больше взволновало отца, чем ее саму.

- Но почему, дорогой папа? Скажи же мне!

Он бросил в ее сторону быстрый взгляд, а затем ответил медленно с вынужденным спокойствием:

- Потому что я не могу больше быть священником англиканской церкви.

Маргарет полагала, что ее отец, наконец, получил продвижение по службе, которого так желала ее мать. Что-то заставило его оставить прекрасный, любимый Хелстон и, возможно, заставляет ехать и жить в одном из величавых и тихих особняков, которые Маргарет видела время от времени неподалеку от кафедральных соборов. Такие места невольно внушали почтение и трепет, но если ехать туда, нужно покинуть Хелстон навсегда, что было бы печально и даже мучительно. Но последняя фраза мистера Хейла шокировала ее. Что он имел в виду? Все было намного хуже, потому что было так таинственно. Выражение жалобного страдания на его лице, голос - почти умоляющий о милосердном и добром приговоре - все это вызвало у нее внезапную дурноту. Мог ли он быть вовлечен в то, что сделал Фредерик? Фредерик был вне закона. Неужели ее отец из-за естественной любви к своему сыну, потворствовал любому...

- О! Что это? Говори, папа! Скажи мне все! Почему ты не можешь больше быть священником? Конечно, если епископу рассказали все, что мы знаем о Фредерике, и тяжелое, несправедливое...

- Это не имеет отношения к Фредерику. Епископ не смог бы ничего с этим поделать. Это из-за меня. Маргарет, я расскажу тебе об этом. Я отвечу на все твои вопросы сейчас, но после сегодняшнего вечера мы больше не будем об этом говорить. Я могу столкнуться с последствиями моих мучительных сомнений, но для меня слишком тяжело говорить о том, что послужило причиной моих страданий.

- Сомнения, папа! Сомнения в религии? - спросила Маргарет, потрясенная больше, чем раньше.

- Нет, не сомнения в религии, ничего подобного.

Он замолчал. Маргарет вздохнула, как будто стояла на грани какого-то нового ужаса. Он начал снова, говоря быстро, чтобы покончить с мучительным признанием:

- Ты не смогла бы понять, даже если бы я рассказал тебе о том, как год за годом меня тревожила мысль, имею ли я право оставаться священником, о моих попытках подавить свои тлеющие сомнения авторитетом церкви. О, Маргарет, как я люблю святую церковь, от которой я должен отгородиться!

Он не мог продолжить минуту или две. Маргарет не могла ничего ответить. Ей все казалось таким же ужасно таинственным, как если бы отец стал мусульманином.

- Я сегодня прочел о двух тысячах человек, что были изгнаны из своих церквей, - продолжил мистер Хейл, слабо улыбнувшись, - пытался украсть немного их храбрости, но это бесполезно, бесполезно, я не могу не чувствовать это.

- Но, папа, ты хорошо все обдумал? О! Это кажется таким ужасным, таким шокирующим, - сказала Маргарет, внезапно расплакавшись. Единственное крепкое основание ее дома, ее образа любимого отца, казалось, шатается и покачивается. Что она могла сказать? Что могла сделать? Ее расстроенный вид заставил мистера Хейла самого собраться с силами, чтобы попытаться успокоить ее. Он подавил сухие удушливые рыдания, идущие из сердца, подошел к книжному шкафу, взял томик, который читал довольно часто в последнее время, и который дал ему силу вступить на путь, который он уже начал.

- Послушай, дорогая Маргарет, - сказал он, обхватив ее одной рукой за талию. Она схватила его руку и крепко сжала ее, но не могла поднять голову, ни в действительности понять, что он читает, — так велико было ее внутреннее волнение.

- Это слова одного из священников сельского прихода, такого, как я. Они написаны мистером Олдфилдом, священником Карсингтона в Дербишире сто шестьдесят лет назад или больше. Его испытания закончились. Он вел честную борьбу, - последние два предложения он произнес тихо, будто для себя. Потом стал читать громко:

- Когда вы не можете больше продолжать свою работу, не унижая Бога, не сомневаясь в религии, не греша против чести, не рая совесть, не разрушая свой мир, не рискуя потерять свое спасение — словом, когда условия, в которых вы должны продолжать (если вы будете продолжать) свои обязанности, грешны и неоправданны словом Бога, вы можете, да, вы должны верить, что Бог предназначил ваше молчание, ваше отрешение и уход в сторону для вящей Своей славы и торжества слова Евангелия. Когда Бог не желает использовать вас одним образом, Он будет использовать вас по-иному. Душа, что желает служить Ему и почитать Его, никогда не упустит возможность сделать это; к тому же, вы не должны ограничивать себя заветом Израилевым, думая, что у Него есть только один путь, которым вы можете его прославлять. Он может принять ваше молчание так же, как и молитвы; ваш уход так же, как и ваш труд. Прославлять Бога без притворства - есть великая служба и исполнение тяжелейшего долга, что простит наименьший грех, хотя этот грех учит нас и дает нам возможность выполнить этот долг. Не будет тебе благодарности, о, душа моя! если ты примкнешь к извращающим Слово Божье, к дающим ложные обеты, и будешь притворяться, что можешь еще быть священником.

Пока он читал это и намекал на нечто большее — то, что нельзя было выразить словами; он принял решение для себя и чувствовал, что может быть храбрым и твердым в своих поступках, веря, что он прав. Но, замолчав, он услышал глухие судорожные рыдания Маргарет, и его смелость отступила перед острым чувством жалости.

- Маргарет, дорогая! - сказал он, подходя к ней ближе, - подумай о первых мучениках, подумай о тысячах страдавших.

- Но, отец, - сказала она, внезапно поднимая покрасневшее, залитое слезами лицо, - первые мученики страдали за правду, тогда как ты... О! дорогой, дорогой папа!

- Я страдаю во имя совести, мое дитя, - сказал он с трепетным достоинством, которое происходило от острой чувствительности его характера. - Я должен делать то, что велит мне моя совесть. Я долго мирился с самобичеванием, которое пробудило бы любой ум, менее вялый и трусливый, чем мой. - Он потряс головой,

продолжив: - Твоя бедная мать так желала перемен, но ее желания оказались подобны содомским яблокам, они привели меня к этому трудному решению, за которое я должен быть и, надеюсь, буду, благодарен. Уже почти месяц, как епископ предложил мне другую должность. Если бы я принял ее, мне нужно было бы составить новое заявление о согласии с правилами богослужения в моем приходе. Маргарет, я пытался сделать это. Я пытался удовлетвориться простым отказом от повышения, тихо оставаясь здесь, заглушая голос моей совести. Да простит меня Бог!

Он встал и заходил туда-сюда по комнате, жестоко порицая себя, но Маргарет его почти не слышала. Наконец он сказал:

- Маргарет, я вернусь к прежнему печальному известию — мы должны покинуть Хелстон.

- Да, я поняла. Но когда?

- Я написал епископу, смею сказать, я рассказал бы тебе все, но я забываю сейчас некоторые вещи, - сказал мистер Хейл, упав духом, как только разговор зашел о прозе жизни, - я написал ему о своем намерении уйти в отставку. Он был достаточно добр, он уговаривал меня, но все бесполезно, бесполезно. Я пытался внять его словам, но не смог. Я вынужден снова просить об отставке, я дождусь епископа, чтобы попрощаться с ним. Это будет испытанием, но хуже, намного хуже будет расставание с моими дорогими прихожанами. Уже назначен помощник приходского священника, некий мистер Браун. Он приедет завтра и остановится у нас. В следующее воскресенье я проведу свою прощальную службу.

«Так ли это неожиданно? - подумала Маргарет. - И возможно, такая поспешность к лучшему.

Медлительность только добавит муки боли. Лучше быть оглушенным до оцепенения, чем терпеть все эти приготовления, которые теперь, как оказалось, почти закончены».

- Что говорит мама? - спросила она, глубоко вздохнув.

К ее удивлению, отец, не ответив, вновь заходил по кабинету. Наконец он остановился и произнес:

- Маргарет, я жалкий трус, я не могу причинять боль. Я хорошо знаю, что замужество твоей матери оказалось не тем, на что она надеялась, у нее было право на надежду, а это будет ударом для нее. У меня никогда не хватит мужества и сил сказать ей. Ей нужно сказать, хотя бы сейчас, - сказал он, глядя с тоскою на свою дочь. Маргарет была ошеломлена тем, что ее мать ничего не знает, хотя дело зашло уже далеко.

- Да, в самом деле, нужно, - ответила Маргарет. - Возможно, она сможет... О, да! Она будет шокирована, - так сила удара опять вернулась к ней, когда она пыталась понять, что почувствует мать. - Куда мы едем? - спросила она наконец.

- В Милтон, на север, - ответил он с унылым безразличием, так как почувствовал, что, хотя любовь его дочери и связывает его с ним, и на мгновение старался успокоить себя ее любовью, острота боли не притуплялась ни для него, ни для нее.

- На север, в Милтон! Фабричный город в Даркшире?

- Да, - ответил он тем же подавленным безразличным тоном.

- Почему туда, папа? - спросила она.

- Потому что там я смогу заработать на хлеб для моей семьи. Потому что там я не знаю никого, и никто не знает Хелстон, никто не напомнит мне о нем.

- Хлеб для твоей семьи! Я думала, что у тебя и мамы есть... - она остановилась, увидев глубокие морщины на лбу отца.

Но он с быстрым интуитивным сочувствием прочитал на ее лице, как в зеркале, отражение его собственного мрачного уныния и подавил его усилием.

- Я все расскажу тебе, Маргарет. Только помоги мне рассказать твоей матери. Я могу сделать все, кроме этого. Мысль о ее страдании делает меня больным от страха. Если я расскажу тебе все, возможно, ты сможешь передать это ей завтра. Меня не будет весь день, буду прощаться с фермером Добсоном и бедняками в Брейси Коммон. Тебе бы это не очень понравилось, Маргарет?

Маргарет это не понравилось, она всей душой хотела избежать подобного объяснения. Она не смогла ответить сразу, и ее отец снова спросил:

- Тебе это очень не нравится, не так ли, Маргарет?

Она собрала с силами и сказала решительно:

- Это тяжело, но должно быть сделано, и я постараюсь это сделать. Тебе предстоит еще много неприятных дел.

Мистер Хейл покачал головой безнадежно, он пожал ее руку в знак благодарности. Маргарет была так расстроена, что чуть не плакала. Вернувшись к своим мыслям, она сказала:

- Теперь расскажи мне, папа, какие у нас планы. У тебя и мамы есть немного денег независимо от твоего дохода священника, не так ли? У тети Шоу есть, я знаю.

- Да, я полагаю, у нас есть своих собственных сто семьдесят фунтов в год. Семьдесят из них мы всегда отправляли Фредерику, с тех пор, как он уехал за границу. Я не знаю, нужны ли они ему, - продолжил он, колеблясь. - Он должен платить за службу в испанской армии...

- Фредерик не должен страдать, - сказала Маргарет решительно, - в другой стране, так несправедливо изгнанный своей родиной. Остается сто. Не могли бы мы — ты, я и мама — жить на сто фунтов в год в очень дешевой - очень тихой части Англии? О! я думаю, могли бы.

- Нет! - сказал мистер Хейл. - Это не ответ. Я должен что-то делать. Я должен заняться делом, чтобы держаться подальше от нездоровых мыслей. Кроме того, в деревенском приходе мне было бы больно вспоминать о Хелстоне и о моих обязанностях здесь. Я не мог бы этого вынести, Маргарет. И сто фунтов в год - очень мало на все необходимые нужды по содержанию дома, на то, чтобы обеспечить твою мать всеми удобствами, к которым она привыкла, и которых достойна. Нет, мы должны ехать в Милтон. Это решено. Мне всегда лучше решать самому, а не под влиянием тех, кого я люблю, - сказал он, будто извиняясь за то, что так много решил, прежде чем сказать кому-то из членов семьи о своих намерениях. - Я не могу слышать возражений. Они делают меня таким неуверенным и слабым.

Маргарет решила хранить молчание. В конце концов, не все ли равно, куда они поедут, если сам отъезд кажется таким ужасным.

Мистер Хейл продолжил:

- Несколько месяцев назад, когда я уже не мог молча бороться со своими сомнениями, я написал мистеру Беллу. Ты помнишь мистера Белла, Маргарет?

- Нет, я никогда не видела его. Но я знаю его. Он - крестный Фредерика, твой старый наставник в Оксфорде, не так ли?

- Да, он - член научного общества в колледже Плимута. Он - уроженец северного Милтона, полагаю. Во всяком случае, у него там есть собственность, которая очень поднялась в цене, с тех пор, как Милтон стал большим промышленным городом. Ну, и у меня есть причины полагать... представить... лучше мне ничего не говорить об этом. Но я уверен в симпатии мистера Белла. Я не уверен, что он придал мне сил. Он сам провел большую часть жизни на одном месте - в своем колледже. Но был очень добр. Это он предложил отправиться в Милтон.

- Как? - спросила Маргарет.

- Ну, у него там есть арендаторы, дома и фабрики. Хотя он и не любит это место, слишком суматошное для склада его характера, он обязан бывать там, и он сообщает мне, что слышал, будто там есть хорошая вакансия частного учителя.

- Частного учителя! - воскликнула Маргарет насмешливо. - Для чего промышленникам классика, литература или образование джентльмена?

- Ну, - ответил ее отец, - некоторые из них действительно кажутся неплохими людьми, осознающими свои недостатки больше, чем многие из Оксфорда. Некоторые хотят учиться, хотя и имеют положение и вес в обществе. Некоторые хотят, чтобы их дети были лучше образованны, чем они сами. Во всяком случае, есть вакансия, как я сказал, для частного учителя. Мистер Белл рекомендовал меня некоему мистеру Торнтону, своему арендатору, очень умному человеку, как я могу судить из писем. И в Милтоне, Маргарет, я найду себе занятие, если не счастье, найду людей и события, и, надеюсь, там все будет настолько по-иному, что я никогда не вспомню о Хелстоне.

Маргарет догадалась, что это был его тайный мотив. Все будет другим. Все, что она слышала о севере Англии, о промышленниках, о диком и холодном крае, внушало отвращение. Однако Милтон будет отличаться от Хелстона и никогда не напомнит им об их любимом крае.

- Когда мы едем? - спросила Маргарет, немного помолчав.

- Я не знаю точно. Я хотел поговорить об этом с тобой. Видишь ли, мама еще не знает ничего, но я думаю, через две недели. После того, как моя отставка будет принята, я не имею права остаться.

Маргарет была почти ошеломлена.

- Через две недели!

- Нет, не с точностью день в день. Ничего еще не готово, - сказал отец, заметив оттенок сожаления, появившийся в ее глазах и внезапно изменивший выражение ее лица. Но она немедленно опомнилась.

- Да, папа, лучше действовать быстро и решительно, как ты сказал. Только мама ничего не знает об этом! И

это самое большое затруднение.

- Бедная Мария! - нежно ответил мистер Хейл. - Бедная, бедная Мария! О, если бы мы не были женаты, если бы я был один в этом мире, как легко было бы! Маргарет, я не смею ей рассказать!

- Нет, - сказала Маргарет печально. - Я сделаю это. Позволь мне до завтрашнего вечера выбрать время. О, папа! - вскричала она неожиданно. - Скажи, скажи мне, что это кошмар, ужасный сон, а не реальность, не пробуждение! Ты ведь не думал, что действительно собираешься покинуть церковь, оставить Хелстон, быть навсегда отделенным от меня, от мамы, уехать далеко из-за какого-то обмана, искушения?! Ты не это имел в виду!

Мистер Хейл посмотрел ей в лицо и ответил медленным, хриплым и размеренным голосом:

- Я имел в виду именно это, Маргарет. Ты не должна обманывать себя, не должна сомневаться в реальности моих слов, в моих намерениях и решениях.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза и Маргарет наконец поверила, что все окончательно решено. Она поднялась и направилась к двери. Когда она взялась за ручку, отец позвал ее. Он стоял у камина, сжавшись и сутулясь, но как только она подошла, выпрямился во весь рост и, положив руки ей на голову, торжественно произнес:

- Да благословит тебя Бог, дитя мое!

«И может, Он вернет тебя в Свою Церковь», - ответила она в глубине своего сердца. В следующий момент она испугалась, что этот ответ на его благословение может быть неправильным, непочтительным, что она может навредить ему, как его дочь, и она обвила руками его шею. Он обнимал ее минуту или две. И она слышала, как он бормотал про себя:

- Мученики и проповедники терпели даже большую боль, я не отступлю.

Они вздрогнули, услышав, как миссис Хейл зовет свою дочь. Они отпрянули в стороны, полностью осознавая то, что им предстояло сделать. Мистер Хейл поспешно сказал:

- Иди, Маргарет, иди. Меня завтра не будет. До ночи ты расскажешь все матери.

- Да, - ответила она и вернулась в гостиную, потрясенная до глубины души.

Глава V

Решение

«Я прошу тебя о понимающей любви,
Чтобы неизменно встречала
Радость счастливой улыбкой,
И вытерла заплаканные глаза;
И тем утешила и успокоила на досуге»
Неизвестный автор

Миссис Хейл рассказывала дочери о том, как планирует помочь бедным этой зимой. Маргарет не могла не слушать, но каждый новый проект отдавался болью в ее сердце. К тому времени, как грянут первые морозы, они будут уже далеко от Хелстона. Ревматизм старого Саймона станет сильнее, а зрение - хуже, и не будет никого, кто пришел бы и почитал ему, кто принес бы ему горячий бульон и теплую одежду. А если кто-то и придет, то это будет незнакомый человек, и старик станет тщетно высматривать на дороге ее. Маленький сынишка Мэри Домвиль, калека, будет подползать к двери, напрасно ожидая, что Маргарет выйдет из леса. Эти бедные друзья никогда не поймут, почему она покинула их, а кроме них есть и другие. «Папа всегда тратил часть от своего заработка на нужды людей в приходе. Я, возможно, посягаю на будущие доходы, но зима, похоже, будет суровой, и нашим бедным людям нужно помочь».

- О, мама, давай сделаем все, что можем, - сказала Маргарет, думая лишь о том, что это будет последняя возможность помочь ее дорогим друзьям, - мы здесь долго не задержимся.

- Ты заболела, моя дорогая? - спросила миссис Хейл с беспокойством. - Ты выглядишь бледной и уставшей. Это все сырой, нездоровый воздух.

- Нет, нет, мама, это здоровый воздух. Он самый чистый, самый свежий после дыма Харли-стрит. Но я устала, наверно, скоро время ложиться.

- Еще не так поздно, только половина десятого. Но тебе лучше лечь, дорогая. Попроси у Диксон немного каши. Я приду навестить тебя, как только ты ляжешь. Боюсь, что ты простудилась, или это плохой воздух от стоячих прудов...

- О, мама, - сказала Маргарет, улыбаясь через силу и целуя миссис Хейл. - Я хорошо себя чувствую, не тревожусь обо мне, я только устала.

Маргарет поднялась наверх. Чтобы унять беспокойство матери, ей пришлось съесть тарелку каши. Она устало лежала в кровати, когда миссис Хейл пришла сделать последние распоряжения и поцеловать дочь, прежде чем пойти к себе. Но как только Маргарет услышала, что дверь в комнату матери закрылась, она вскочила с кровати, накинула домашний халат и начала расхаживать по комнате, пока скрип одной из половиц не напомнил ей, что она не должна шуметь. Тогда она устроилась в нише окна. Этим утром, когда она бросила взгляд сквозь стекло, ее сердце танцевало при виде яркого чистого света на башне церкви, что предсказывало хороший и солнечный день. Этим вечером - уже прошло больше шестнадцати часов - она сидела, слишком переполненная горем, чтобы плакать, но с тупой холодной болью, которая, казалось, навсегда изгнала юность и радость из ее сердца. Визит мистера Леннокса, его предложение были сном, чем-то нереальным. Ее отец впустил сомнения в свою душу и стал раскольников, отверженным. Теперь в ее жизни было лишь огромное горе.

Маргарет всматривалась в темно-серые очертания церковной башни, тонущие в темно-синей вечерней дымке. Она чувствовала, что могла бы так вглядываться вечно, с каждым мгновением видя все дальше, но не получая знамения от Бога. В этот момент ей казалось, что земля безлюднее, чем если бы была окружена железным куполом, за пределами которого может быть волшебный мир и слава Всемогущего Бога. Эти бесконечные глубины пространства в их неподвижном спокойствии были более обманчивыми, чем любые материальные границы. Они заглушали крики земных страдальцев, мешая им подняться в бесконечно великолепный простор и потеряться, потеряться навсегда, прежде чем они достигнут Его престола.

Погруженная в свои мысли, она не слышала, как вошел отец. Лунный свет был достаточно ярким, мистер Хейл смог увидеть свою дочь в необычном месте и необычной позе. Он подошел к ней и дотронулся до ее плеча, прежде чем она поняла, что он здесь.

- Маргарет, я слышал, ты встала. Я не мог не прийти и не попросить тебя помолиться со мной, попросить Бога, чтобы он был добр к нам обоим.

Мистер Хейл и Маргарет преклонили колени перед окном, он смотрел вверх, она склонила голову. Бог был там, рядом с ними, он слышал произнесенные шепотом слова отца. Ее отец мог быть еретиком, но разве не она в своих отчаянных сомнениях не более пяти минут назад показала себя еще большим скептиком? Она не произнесла ни слова, но прокралась к себе в кровать после ухода отца, как ребенок, стыдящийся своей вины. Если мир был полон ошеломляющих неожиданностей, она не утратит веры, но будет лишь молить о том, чтобы Бог дал ей мудрость принимать правильные решения в нужный момент.

Мистер Леннокс, его визит, его предложение, воспоминания о которых были вытеснены последующими событиями, завладели ее снами в эту ночь. Он залез на дерево невероятной высоты, чтобы достать ветку, на которой висела ее шляпка. Он падал, она пыталась спасти его, но ее удержала какая-то невидимая сильная рука. Он был мертв. И тут же она оказалась на Харли-стрит в гостинной, разговаривала с ним прежним, все время осознавая, что она видела его мертвым, распростертым на земле.

Несчастливая, беспокойная ночь! Скверное преддверие наступающего дня! Вздвигнув, она проснулась, не чувствуя себя отдохнувшей, понимая, что реальность хуже ее кошмарных снов. Все опять навалилось на нее, не просто горе, а ужасный разлад. Куда, как далеко забрел ее отец, ведомый сомнениями, которые казались ей искушениями Дьявола? Она продолжала спрашивать, но мир не слышал ее.

В такое прекрасное свежее утро миссис Хейл чувствовала себя особенно хорошо и счастливо за завтраком. Она разговаривала, рассказывала о своих планах благотворительности, не обращая внимания на молчание мужа и односложные ответы Маргарет. Прежде чем со стола убрали, мистер Хейл поднялся, оперся одной рукой о стол, как будто поддерживал себя:

- Меня не будет дома до вечера. Я собираюсь в Брайси Коммон и попрошу фермера Добсона дать мне что-нибудь на обед. Я буду к чаю в семь.

Он даже не взглянул на них, но Маргарет знала, что он имел в виду. К семи она должна все рассказать матери. Мистер Хейл отложил бы этот разговор до половины седьмого, но Маргарет была скроена по-другому.

Она не могла весь день носить в душе эту тяжесть, лучше скорее покончить с этим. День слишком короткий, чтобы успокоить мать. Но пока Маргарет стояла у окна, думая, как начать, и ожидая, когда служанка выйдет из комнаты, миссис Хейл поднялась наверх собрать вещи, чтобы идти в школу. Она спустилась уже одетая, более оживленная, чем обычно.

- Мама, прогуляйся со мной по саду этим утром. Хотя бы немного, - попросила Маргарет, обнимая миссис Хейл за талию.

Они прошли через стеклянную дверь в сад. Миссис Хейл что-то говорила, Маргарет не слышала слов матери. Ее взгляд наткнулся на шмеля, влетающего в цветок колокольчика. Когда этот шмель вылетит обратно со своей ношей, она начнет — это должен быть знак. Знак свыше.

- Мама! Папа собирается уезжать из Хелстона! - выпалила она. - Он собирается покинуть церковь и жить на севере в Милтоне.

Три самые трудные вещи были сказаны.

- Что заставляет тебя так говорить? - спросила миссис Хейл удивленно и недоверчиво. - Кто тебе рассказал такую чепуху?

- Сам папа, - ответила Маргарет, продолжая что-то говорить нежно, утешая, но не зная, как.

Они оказались рядом с садовой скамьей. Миссис Хейл села и заплакала.

- Я не понимаю тебя, - сказала она. - Или ты ошиблась, или я не вполне понимаю тебя.

- Нет, мама, я не сделала ошибки. Папа написал епископу, сообщив, что у него есть сомнения, что он не может оставаться священником англиканской церкви, что он должен покинуть Хелстон. Он также посоветовался с мистером Беллом, крестным Фредерика, — ты его знаешь, мама, — и он предложил нам поехать жить в Милтон, на север.

Миссис Хейл, не отрываясь, смотрела на Маргарет, пока та говорила. Тень на лице дочери сказала ей, что та, по крайней мере, верит в то, что говорит.

- Я не думаю, что это правда, - произнесла миссис Хейл наконец. - Он бы рассказал мне, прежде чем решиться на это.

Маргарет стало вдруг совершенно ясно, что матери следовало все рассказать. Как бы отец ни боялся ее недовольства и ропота, он допустил ошибку, не рассказав о переменах в своих взглядах, о намерениях изменить жизнь, предоставив жене услышать это из уст дочери. Маргарет села возле матери, склонила ее голову себе на грудь, наклонила собственную, нежно потерлась щекой о ее щеку.

- Дорогая, любимая мамочка! Мы так боялись причинить тебе боль. Папа так переживал — ты же знаешь, он не сильный, а ему предстояло пройти через такие ужасные испытания.

- Когда он рассказал тебе, Маргарет?

- Вчера, только вчера, - ответила Маргарет, почувствовав ревность, которая побудила расспросы. - Бедный папа, - она пыталась пробудить в матери сочувствие к отцу.

Миссис Хейл подняла голову.

- Что он имел в виду под сомнениями? - спросила она. - Конечно, он не стал думать иначе, он не знает ничего лучше церкви.

Маргарет покачала головой, и слезы появились в ее глазах, поскольку миссис Хейл затронула оголенные нервы ее собственного горя.

- Разве епископ не может призвать его к порядку? - спросила миссис Хейл нетерпеливо.

- Боюсь, что нет, - ответила Маргарет. - Но я не спрашивала. Я бы не вынесла то, что могла услышать в ответ. Во всяком случае, все уже решено. Он собирается покинуть Хелстон через две недели. Я не уверена, говорил ли он, что послал прошение об отставке.

- Через две недели! - воскликнула миссис Хейл. - Я думаю, это очень странно, неправильно. Я называю это жестокостью, - сказала она, начиная находить облегчение в слезах. - У него есть сомнения, ты говоришь, и он бросает свой приход, не посоветовавшись со мной. Смею сказать, если бы он мне рассказал о своих сомнениях сначала, я бы могла пресечь их в корне.

Маргарет чувствовала, что отец совершил ошибку, но она не могла слышать, как мать обвиняет его. Она знала, что его молчание было вызвано лишь любовью к жене и было, может быть, трусливым, но не бесчувственным.

- Я почти надеялась, что ты была бы рада уехать из Хелстона, мама, - сказала она, помолчав. - Ты никогда не чувствовала себя хорошо на этом воздухе, ты же знаешь.

- Не можешь же ты думать, что задымленный воздух промышленного города будет лучше этого воздуха,

чистого и приятного, даже если он слишком влажный и расслабляющий. Подумать только, жить среди фабрик и рабочих! Хотя, конечно, если твой отец оставляет церковь, нас нигде не примут в обществе. Это будет таким позором для нас! Бедный дорогой сэръ Джон! Хорошо, что он не дожил и не видит, до чего дошел твой отец. Каждый день после ужина, когда я была маленькой девочкой и жила с твоей тетей Шоу в Бересфорд-Корте, сэръ Джон обыкновенно произносил первый тост:

«Церковь и король, и долой «охвостье»!»

Маргарет была рада, что мысли матери перешли от факта умолчания ее мужа к тому, что должно было быть так близко ее сердцу. Помимо серьезного и важного беспокойства о природе сомнений отца было еще одно обстоятельство, которое причиняло Маргарет сильную боль.

- Ты знаешь, мама, у нас здесь очень маленькое общество. Горманы, наши ближайшие соседи (трудно назвать их обществом, если мы едва с ними видимся), занимались торговлей так же, как и многие люди в Милтоне.

- Да, - ответила миссис Хейл почти возмущенно. - Но, во всяком случае, эти Горманы сделали экипажи для половины дворянства в стране и были в своего рода отношениях с ним. Но эти фабричные люди... Ради чего кто-то будет носить хлопок, если может позволить себе лен?

- Хорошо, мама, я уступаю прядильщикам хлопка, но защищаю их не больше, чем других рабочих. Только нам придется общаться с ними.

- Почему твой отец выбрал Милтон?

- Отчасти, - ответила Маргарет, вздыхая, - потому, что он так отличается от Хелстона, отчасти потому, что мистер Белл говорит, что там есть вакансия частного учителя.

- Частный учитель в Милтоне! Почему он не может поехать в Оксфорд и быть учителем для джентльменов?

- Ты забываешь, мама! Он оставляет церковь из-за своих убеждений, его сомнения не пойдут ему на пользу в Оксфорде.

Миссис Хейл молчала какое-то время, тихо плача. Наконец она произнесла:

- И мебель. Как, в конце концов, мы справимся с переездом? Я никогда в жизни не переезжала, и у нас только две недели, чтобы подумать об этом!

Маргарет почувствовала невыразимое облегчение, обнаружив, что беспокойство и страдания матери подавлены этим вопросом, таким незначительным для нее самой, и в решении которого она могла помочь. Она все распланировала и убедила мать, по возможности, заняться подготовкой, чтобы все было готово до того, как они узнают что-то более определенное о намерениях мистера Хейла. На протяжении всего дня Маргарет не оставляла мать одну, всеми силами души стараясь уследить за перепадами ее настроения. Маргарет очень хотелось, чтобы вечером ее отец нашел спокойный прием дома. Она без конца повторяла, что он, должно быть, долго держал это в секрете и испытал немало горя, а ее мать холодно отвечала, что ему следовало рассказать ей все, что, во всяком случае, у него был бы советчик, чтобы дать ему наставление. У Маргарет дрогнуло сердце, когда она услышала шаги отца в холле. Она не осмелилась выйти встречать его и рассказать, что ей пришлось делать весь день, чтобы смягчить ревнивое раздражение матери. Она услышала, что он медлит, как будто ждет ее или какого-то знака от нее, но не осмелилась пошевелиться. По подергивающимся губам матери и ее побледневшим щекам Маргарет поняла, что та знает о возвращении мужа. Вскоре он открыл дверь в комнату и встал в проходе, не решаясь войти. Его лицо было серым и бледным, а взгляд робким и боязливым, почти жалким. Но этот взгляд унылой неуверенности, умственной и телесной вялости тронул сердце миссис Хейл. Она подошла к нему, бросилась на грудь мужа, плача.

- О, Ричард, Ричард, ты должен мне рассказать все немедленно!

А Маргарет в слезах оставила ее, побежала наверх и бросилась на кровать, пряча лицо в подушку, чтобы заглушить истеричные рыдания, что вырвались у нее, наконец, после того, как она весь долгий день контролировала свои чувства.

Как долго она так лежала, она не могла сказать. Она не слышала шума, хотя служанка приходила убираться в комнате. Напуганная девочка на цыпочках выбралась из комнаты, пошла и сказала миссис Диксон, что мисс Хейл плачет навзрыд. Она была уверена, что та доведет себя до болезни, если будет продолжать так плакать. Вскоре Маргарет почувствовала, что до нее кто-то дотронулся, и села. Она увидела привычную комнату, фигуру Диксон в тени. Та стояла со свечой в руке чуть позади нее, чтобы не ослепить распухшие от слез глаза мисс Хейл.

- О, Диксон! Я не слышала, как ты вошла в комнату! - прошептала Маргарет. - Уже очень поздно? - спросила она, осторожно поднимаясь с кровати, хоть и не была уверена, что устоит на ногах.

Тем не менее она откинула влажные растрепанные волосы с лица и сделала вид, будто ничего не

случилось, — она просто спала.

- Я едва ли могу сказать, который час, - ответила Диксон огорченно. - С тех пор, как ваша мама рассказала мне эту ужасную новость, когда я одевала ее к чаю, я потеряла счет времени. Ума не приложу, что будет со всеми нами. Когда Шарлотта сказала мне, что вы рыдаете, мисс Хейл, я подумала: неудивительно, бедняжка! Хозяин думает вернуться к отступникам в его-то возрасте, когда, право слово, Церковь пошла ему на пользу и, в конце концов, не сделала ничего плохого. У меня есть кузен, мисс, который стал Методистским проповедником в пятьдесят лет, а до того он всю жизнь был портным. Но он никогда не мог сшить и пары приличных брюк, так как долго занимался торговлей, поэтому неудивительно. Но хозяин! Как я сказала миссис: «Что бы сказал на это бедный сэр Джон? Ему никогда не нравился ваш брак с мистером Хейлом, но если бы он знал, к чему это приведет, он был бы страшно рассержен!»

Диксон так привыкла комментировать поступки мистера Хейла своей хозяйке (которая слушала ее, — или нет, когда была не в настроении), что не заметила пылающие глаза Маргарет и расширенные ноздри. Слышать, как отца осуждает перед ней ее же служанка!

- Диксон, - сказала она низким голосом, которым всегда говорила, если была взволнованна, и в котором слышались угрожающие нотки. - Диксон! Ты забываешь, кому ты это говоришь, - она стояла теперь прямо и твердо на ногах, лицом к лицу со служанкой, устремив на нее пристальный, пронизательный взгляд. - Я дочь мистера Хейла. Иди! Ты сделала странную ошибку, и одно то, что я уверена в твоих добрых чувствах, заставит тебя сожалеть об этом, когда ты подумаешь.

Диксон нерешительно слонялась по комнате минуту или две. Маргарет повторила:

- Диксон, ты можешь идти. Я хочу, чтобы ты ушла.

Диксон не знала, возмущаться этими решительными словами или плакать, любой исход подошел бы для ее хозяйки, но она сказала себе: «У мисс Маргарет та же манера, что и у старого джентльмена, — такая же, как и у мастера Фредерика. Удивительно, откуда она у них?» И она, которая возмущалась бы такими словами, будь они сказаны тоном менее надменным и решительным, смягчилась и сказала немного робким, немного обиженным голосом:

- Можно я расстегну ваше платье и причешу вас, мисс?

- Нет! Не сегодня, спасибо! - и Маргарет выставила ее из комнаты и заперла дверь.

С этого дня Диксон восхищалась Маргарет и во всем ее слушалась. Она сказала: это потому, что та была такой же, как и бедный мастер Фредерик. Но, по правде говоря, Диксон, как и многим другим, нравилось, чтобы ею руководила сильная и решительная натура.

Маргарет потребовалась помощь Диксон и ее молчание. Какое-то время служанка считала своей обязанностью выказывать оскорбленное достоинство и разговаривать как можно меньше, со своей молодой леди. Поэтому вся ее энергия проявилась в поступках, а не в разговорах. Две недели были очень коротким сроком, чтобы подготовиться к такому серьезному переезду. Как-то Диксон сказала:

- Любой, кроме джентльмена, более того, любой другой джентльмен... - но, взглянув на прямые суровые брови Маргарет, она поспешно раскашлялась и кротко приняла мятлый леденец, предложенный Маргарет, чтобы прекратить «легкую щекотку в груди, мисс». Но почти все, кроме мистера Хейла, имели достаточно практических знаний, чтобы понять, что в такой короткий срок будет трудно выбрать дом в северном Милтоне или еще где-нибудь, куда они смогут перевезти необходимую мебель из Хелстонского прихода.

Миссис Хейл, подавленная всеми неприятностями и необходимостью принимать немедленные решения, которые, казалось, свалились на нее сразу, и в самом деле заболела. Маргарет почувствовала почти облегчение, когда ее мать фактически слегла и предоставила распоряжаться делами ей. Диксон, верная своей обязанности телохранительницы, преданно ухаживала за своей хозяйкой и только изредка выходила из комнаты миссис Хейл, качая головой и бормоча про себя. Маргарет предпочитала этого не слышать. Ей было ясно только одно - необходимо покинуть Хелстон. Преемник мистера Хейла был уже назначен, сразу после решения отца об отставке. Не стоит здесь задерживаться для его же пользы, а так же из-за других соображений. Мистер Хейл возвращался домой каждый вечер все более подавленным после неизбежных прощаний с каждым своим прихожанином. Маргарет, не имея достаточно опыта, чтобы справиться со всеми делами, не знала, к кому обратиться за советом. Кухарка и Шарлотта продолжали работать усердно, несмотря на все эти приготовления и сборы. И поскольку пути назад не было, Маргарет вскоре почувствовала, что была способна увидеть, что нужно сделать, и как это сделать лучше. Но куда они поедут? Через неделю все должно быть готово. Сразу в Милтон или куда-нибудь еще? Так много приготовлений зависело от этого решения, что Маргарет решила спросить отца однажды вечером, несмотря на его явную усталость и подавленное настроение. Он ответил:

- Моя дорогая! Я действительно слишком много думал, как это решить. Что говорит твоя мама? Что она хочет? Бедная Мария!

В ответ он услышал эхо, более громкое, чем его вздох. Диксон только что вошла в комнату с чашкой чая для мисс Хейл и услышала последние слова мистера Хейла. Защищенная его присутствием от укоряющих глаз Маргарет, она осмелилась сказать:

- Моя бедная хозяйка!

- Ты же не думаешь, что ей стало хуже сегодня, - сказал мистер Хейл, торопливо поворачиваясь.

- Не могу сказать, сэр. Это не мне судить. Болезнь, кажется, больше задела душу, чем тело.

Мистер Хейл выглядел очень подавленным.

- Тебе лучше отнести маме чай, пока он горячий, Диксон, - сказала Маргарет тихим, но властным тоном.

- Я приношу извинения, мисс! Я была занята размышлениями о моей бедной... о миссис Хейл.

- Папа! - сказала Маргарет. - Эта неопределенность плоха для вас обоих. Конечно, мама должна через это пройти, мы не можем ничего поделать, - продолжала она мягче, - но теперь, по крайней мере, нам известен конечный пункт нашего пути. И я думаю, папа, что могу попросить маму помочь мне с подготовкой, если бы ты мне сказал, к чему готовиться. Она не выражала никаких пожеланий, она только думает, что ничего нельзя поделать. Мы направляемся прямо в Милтон? Ты снял дом там?

- Нет, - ответил он. - Я полагаю, мы должны снять комнаты и искать дом.

- И запаковать всю мебель, чтобы можно было оставить ее на станции, пока не найдем дом?

- Полагаю, что так. Делай, что считаешь нужным. Только помни, что у нас не так много денег, чтобы тратить их, не считая.

Маргарет знала, что у них никогда не было лишних денег. Она почувствовала, будто на ее плечи внезапно опустилась огромная тяжесть. Четыре месяца назад все решения, которые ей нужно было принять, сводились к тому, какое платье надеть к обеду, и помочь Эдит набросать списки, кого с кем нужно посадить на званых обедах дома. И не нужно было вести домашнее хозяйство, чтобы принимать такие решения. Кроме одного важного обстоятельства — предложения капитана Леннокса, — вся их жизнь совершалась словно по воле безупречного часового механизма. Раз в год тетя и Эдит долго спорили, стоит ли им поехать на остров Уайт, за границу или в Шотландию. Но в те времена Маргарет сама была уверена, что вернется без всяких усилий в тихую гавань родного дома. Теперь, с того самого дня, как приехал мистер Леннокс и поставил ее перед выбором, каждый день приносил какой-то вопрос, имевший важное значение для нее и для тех, кого она любила.

Мистер Хейл после чая поднялся к своей жене. Маргарет осталась одна в гостиной. Неожиданно она взяла свечу, поднялась в отцовский кабинет за большим атласом и, принеся его обратно в гостиную, начала сосредоточенно изучать карту Англии. Она выглядела радостной, когда ее отец спустился к ней.

- У меня есть хороший план. Послушай, в Даркшире, едва в ширине моего пальца от Милтона, находится Хестон. Я слышала от людей, живущих на севере, что это славный морской курорт. Как ты думаешь, может нам отправить туда маму с Диксон, пока ты и я будем искать дом, и подготовим его для ее возвращения в Милтон? Она бы подышала морским воздухом, набралась бы сил к зиме, отдохнула бы, а Диксон с удовольствием позаботится о ней.

- Диксон едет с нами? - спросил мистер Хейл взволнованно.

- О, да! - сказала Маргарет. - Диксон даже настаивает на этом, и я не представляю, как мама будет обходиться без нее.

- Но, боюсь, нам придется смириться с другим образом жизни. В городе все намного дороже. Я сомневаюсь, что Диксон будет чувствовать себя удобно. Сказать по правде, Маргарет, я иногда чувствую, будто эта женщина держится высокомерно.

- Это так и есть, папа, - ответила Маргарет. - И если она будет вынуждена смириться с другим образом жизни, то мы будем вынуждены смириться с ее высокомерием, что еще хуже. Но она, действительно, любит нас всех и будет несчастна, покинув нас, особенно при таких обстоятельствах. Поэтому, ради мамы и ради ее преданности, я думаю, она должна поехать.

- Очень хорошо, моя дорогая. Продолжай. Как далеко Хестон от Милтона? Ширина твоего пальца не дает мне ясного представления о расстоянии.

- Я полагаю, миль тридцать, не так много!

- Дело не в расстоянии, а в... Не волнуйся! Если ты на самом деле думаешь, что маме там будет хорошо, пусть будет так.

Это был большой шаг вперед. Теперь Маргарет могла действовать и всерьез заняться подготовкой. И теперь миссис Хейл могла победить свою слабость и забыть страдания, с восторгом думая о поездке к морю. Она жалела лишь о том, что мистер Хейл не может провести с ней там несколько дней, как однажды провел две чудесных недели, когда они были помолвлены, и она жила с сэром Джоном и леди Бересфорд в Торки.

Глава VI Прощание

«Не видим мы ветвей шатёр
Или трепещущий бутон,
Не любим бука тёмный тон
И клёна пламенный костёр;
Подсолнух, как ни горделив,
Ничто не пробуждает в нас,
Тюльпан цветёт в урочный час -
Нам дела нет, что он красив;

Пока по тем же мы садам
Все снова, снова не пройдем,
И будут тропки с каждым днём
Знакомей и любимей нам.
Так пахарь борозду ведёт,
Всё дальше направляя плуг;
Так ширит память наша круг
День ото дня, из года в год.»
Теннисон

Наступил последний день. В доме было полно ящиков, которые увозили от парадного крыльца к ближайшей железнодорожной станции. Даже прелестная лужайка перед коттеджем выглядела неприглядной и неопрятной из-за соломы, которая вылетала через открытую дверь и окна и путалась в траве. В комнатах гулко раздавалось эхо, и непривычно яркий свет падал сквозь незашторенные окна, делая всю обстановку какой-то чужой и трудно узнаваемой. Гардеробная миссис Хейл до последнего момента оставалась нетронутой. Там хозяйка и Диксон упаковывали одежду, постоянно прерывая друг друга восклицаниями, перебирали с нежным сожалением забытые сокровища - подарки, сделанные руками детей, когда те были еще маленькими. Поэтому работа шла очень медленно. Маргарет стояла внизу спокойная и собранная, давая указания людям, нанятым в помощь кухарке и Шарлотте. Служанки все время плакали и удивлялись, как молодая леди может так бодро держаться. В конце концов они решили между собой, что она не успела полюбить Хелстон, так долго прожив в Лондоне. Маргарет была очень бледна и молчалива, но ее большие серьезные глаза замечали все, вплоть до каждой мельчайшей подробности. Служанки не могли понять, как болит ее сердце от тяжелой ноши, которую не могли ни снять, ни облегчить никакие вздохи. Все ее нервы были напряжены до предела, и лишь постоянное усилие воли помогало ей удержаться от слез. Но если бы она уступила чувствам, кто бы тогда действовал? Ее отец проверял бумаги, книги, реестры и прочие документы в ризнице вместе с новым священником. Когда он приходил домой, ему нужно было упаковывать свои собственные книги, которые кроме него никто не мог уложить в нужном порядке. Кроме того, разве Маргарет могла дать волю слезам перед незнакомцами или даже домашними - перед кухаркой и Шарлоттой?! Только не она! Но наконец, четверо упаковщиков пошли на кухню выпить чаю, а Маргарет медленно прошла по коридору, где она, казалось, простояла целую вечность, через пустую гостиную, гулко отзывающуюся эхом, в сумерки раннего ноябрьского вечера. Ночь уже опустила на землю тонкую завесу, затенявшую, но не скрывавшую предметы. Последние лучи заходящего солнца окрашивали их в лиловый цвет. «Малиновка поет», - подумала Маргарет. Та самая малиновка, с которой так

часто разговаривал ее отец, которая зимой жила у них в доме, и для которой он собственными руками сделал что-то вроде клетки у окна кабинета. Листья теперь были еще пестрее и ярче, чем несколько дней назад, но с первым морозом они облетят на землю. Уже сейчас они, то и дело, срываются с ветвей, сверкая янтарем и золотом в косых лучах солнца.

Маргарет пошла по аллее под ветвями грушевых деревьев. Она не бывала здесь с тех пор, как гуляла вместе с Генри Ленноксом. Здесь, у клумбы тимьяна он начал говорить, что хотел бы, чтобы она не так сильно любила Хелстон. Ее взгляд тогда остановился на поздно расцветшей розе, будто в ней она пыталась найти ответ. Потом Маргарет залюбовалась перистыми листьями моркови, рассеянно слушая его речь. Прошло только две недели, а все так изменилось. Где он сейчас? Вернулся в Лондон, живет обычной жизнью, по давно заведенному порядку, обедает со старыми знакомыми на Харли-стрит или в компании веселых молодых друзей. А она бродит в сумерках по сырому и унылому саду, где листья опадают, вянут и превращаются в прах. Сейчас он, наверное, уже отложил свои юридические документы, вдоволь наработавшись за день, и прогуливается быстрым шагом по Темпл Гарденз (он говорил, что часто там бывает), слышит неразборчивый шум - говор десятков тысяч деловых людей, невидимых, но находящихся где-то поблизости, и видит на поворотах проблески городских огней, будто всплывавших со дна реки. Он не раз рассказывал Маргарет об этих торопливых прогулках, совершаемых в перерывах между работой и ужином. Здесь же, в саду, было совсем тихо. Малиновка исчезла в безбрежной неподвижности ночи. Время от времени дверь дома открывалась и закрывалась, впуская уставшего работника в дом, но этот звук доносился издали. Тихий, бросающий в дрожь хруст опавших листьев раздался в лесу за садом, но Маргарет показалось, что он прозвучал совсем рядом. Она знала - это был браконьер. Она много раз видела, сидя в темноте у окна спальни и любясь торжественной красотой небес и земли, как браконьеры легко и бесшумно перепрыгивали через садовую изгородь, быстро перебежали влажную и залитую лунным светом лужайку и исчезали в черном неподвижном полумраке. Дикая, опасная свобода их жизни завладела ее воображением. Ей хотелось пожелать им успеха, она никогда не боялась их. Но сегодня Маргарет испугалась, сама не зная, почему. Она услышала, как Шарлотта закрывает окна и запирает их на ночь, не догадываясь, что кто-то находится в саду. В ближней части леса послышался шум - это ветка упала, то ли оттого, что подгнило ее основание, то ли сломанная чьей-то рукой. Маргарет побежала, быстрая как Камилла, прямо к окну, и рывком распахнула его, что напугало Шарлотту.

- Впусти меня! Впусти меня! Это только я, Шарлотта! - сердце Маргарет все еще трепетало от страха, пока она не оказалась в безопасности в гостиной, где окна были закрыты на засов, а знакомые стены окружали и защищали ее. Маргарет села прямо на заколоченный ящик. В мрачной и неуютной комнате было холодно; не было ни огня, ни какого другого света, кроме пламени огарка свечи у Шарлотты. Шарлотта смотрела на Маргарет с удивлением, и Маргарет, не видя этого, а больше почувствовав, поднялась.

- Я испугалась, что ты оставишь меня на улице, Шарлотта, - произнесла она, едва заметно улыбнувшись. - И потом, ты никогда бы не услышала меня на кухне, а двери на дорожку к церковному двору давно закрыты.

- О, мисс, я уверена, что скоро бы заметила ваше отсутствие. Мужчины хотели, чтобы вы сказали им, что делать дальше. И я отнесла чай в кабинет хозяина, потому что это самая подходящая комната для разговоров.

- Спасибо, Шарлотта. Ты добрая девушка. Мне будет жаль расстаться с тобой. Ты можешь написать мне, если тебе нужны будут мой совет или помощь. Я буду рада получить письмо из Хелстона, ты ведь знаешь. Когда буду знать свой адрес, я тебе пришлю его.

Стол в кабинете был сервирован к чаю. Ярким пламенем горел огонь, а на столе стояли незажженные свечи. Маргарет села на ковер поближе к огню - ее платье пропиталось вечерней сыростью, к тому же она дрожала от бесконечной усталости. Обхватив колени, она склонила голову на грудь, позволив себе на минуту предаться отчаянию. Но когда услышала шаги отца, она встала, поспешно откинула назад тяжелые черные волосы, утерла слезы, катившиеся по щекам, и пошла открывать ему дверь. Он выглядел еще более подавленным, чем дочь. Она вновь и вновь пыталась разговаривать его ценою невероятных усилий, каждый раз думая, что это ее последняя попытка.

- Ты сегодня далеко ходил? - спросила она, видя, что он не может есть.

- Далеко, до Фордхэм Бичиз. Я ходил повидаться с вдовой Молтби, — она очень жалела, что не может попрощаться с тобой. Она говорит, маленькая Сьюзан все смотрела на аллею последние дни... Маргарет, что случилось, дорогая?

Мысль, что маленький ребенок высматривал ее и так и не дождался, оказалась последней каплей горя для бедной Маргарет, она разрыдалась так, будто ее сердце разрывалось, — не потому, что она забыла попрощаться со Сьюзан, а потому, что не могла оставить Хелстон. Мистер Хейл был огорчен и ошеломлен. Он поднялся и

нервно заходил по комнате. Маргарет попыталась успокоиться, но не решалась заговорить, пока не обрела твердость голоса. Она услышала, что отец разговаривает сам с собой.

- Я не могу этого вынести. Я не могу видеть страдания других. Лучше бы я нес свой крест терпеливо и молча. Разве нельзя все вернуть назад?

- Нет, отец, - ответила Маргарет медленно и четко, глядя прямо на него. - Не нужно думать, что ты ошибся. Было бы намного хуже, если бы нам пришлось считать тебя лицемером, - она понизила голос на последних словах, будто сама мысль о лицемерии отца отдавала непочтительностью.

- Кроме этого, - продолжила она, - я просто устала сегодня. Не думай, что я страдаю из-за того, что ты сделал, дорогой папа. Сегодня мы оба не можем говорить об этом, - сказала она, почувствовав, что опять готова разрыдаться. - Я лучше пойду и отнесу маме чашку чая. Она пила чай очень рано, когда я была слишком занята и не могла подняться к ней, — думаю, она с удовольствием выпьет еще.

Время отправления поезда неумолимо приближало разлуку с прекрасным, любимым Хелстоном. Наступило следующее утро. Они уезжали. В последний раз они видели длинный приземистый дом, полускрытый китайской розой и пиракантусом. Теперь он казался еще уютнее, чем прежде, в лучах утреннего солнца, которое отражалось в окнах их любимых комнат. Они сели в экипаж, направлявшийся из Саутгемптона до железнодорожной станции, и уехали, чтобы больше не вернуться. С острой болью в сердце Маргарет старалась в последний раз увидеть старую церковную башню, на миг мелькнувшую на повороте дороги, над волной зеленых деревьев. Мистер Хейл тоже вспомнил об этом, и она молча признала, что у него больше прав смотреть в окно, провожая глазами эту башню. Маргарет откинулась назад и закрыла глаза, слезы на мгновение повисли, сверкая, на темных ресницах, прежде чем незаметно скатиться по щекам.

Они остановились на ночь в Лондоне в каком-то скромном отеле. Бедная миссис Хейл проплакала в пути почти весь день, а Диксон выказывала свое сожаление ворча и постоянно одергивая свои юбки, якобы для того, чтобы защитить их от случайных прикосновений рассеянного мистера Хейла, которого она считала источником всех несчастий.

Они проходили по хорошо знакомым улицам, мимо домов, которые так часто посещали, мимо магазинов, в которых Маргарет слишком нетерпеливо, по мнению тети, ожидала, пока та примет какие-то важные решения. Утро казалось им бесконечно долгим, и они чувствовали, что давно пора отдохнуть, хотя на улицах Лондона царили обычное оживление и суматоха. Миссис Хейл давно не была в Лондоне, она пробудилась и, подобно ребенку, восхищалась витринами магазинов и экипажами.

- О, это магазин Харрисона, где я купила так много вещей к своей свадьбе. Боже! Как все изменилось! У них огромные зеркальные окна, больше, чем у Кроуфорда в Саутгемптоне. О, и там, скажу я вам... нет, это не... да, это... Маргарет, мы только что прошли мимо мистера Генри Леннокса. Интересно, куда он направляется?

Маргарет шагнула вперед и также быстро отступила назад, улыбаясь такому своему движению. Казалось, прошли века со дня их последней встречи, но сейчас мистер Леннокс казался ей отголоском Хелстона, он ассоциировался с солнечным утром, богатым событиями днем; ей захотелось увидеть его, не будучи замеченной им, не вступая в разговор.

Вечер, проведенный в гостиничной комнате, был длинным и тяжелым. Мистер Хейл пошел в книжную лавку и заодно хотел повидать одного или двух друзей. Все люди, которых они видели в отеле или на улице, торопились по каким-то своим делам, ожидали кого-то или спешили к кому-то, кто ожидал их. Лишь Хейлы казались чужаками, лишенными друзей, всеми покинутыми. Маргарет были хорошо знакомы несколько семей, живущих рядом с отелем; там она и миссис Хейл могли бы быть приняты ради самой Маргарет или ради ее тети Шоу, если бы они приехали поделиться радостью или просто узнать новости. Но сейчас, когда они привезли с собой в Лондон тревогу и боль, они вряд ли были желанными гостями в домах просто знакомых, а не друзей. Лондонская жизнь была слишком суматошной и полной, чтобы в ней нашлось место даже для часа глубокого молчания и сочувствия, которое показали друзья Иова, когда «они сидели с ним на земле семь дней и семь ночей, и никто не сказал ему ни слова, потому что они видели, насколько великой была его печаль.»

Глава VII

Новые места и новые лица

«Туман заслоняет солнце,
Закопченные карликовые дома
Видим мы повсюду».
Мэтью Арнольд

На следующий день примерно в двадцати милях от Милтона они пересели на маленькую железнодорожную ветку, ведущую в Хестон. В городке была только одна длинная и широкая улица, идущая параллельно побережью. Хестон так же отличался от маленьких курортных городков на юге Англии, как те от курортов на континенте. Используя шотландское слово, все здесь было устроено «по-деловому». В повозках было больше деталей, сделанных из железа, в конской упряжи - меньше дерева и кожи, а люди на улицах, хоть и наслаждались отдыхом, выглядели озабоченными и поглощенными делами. В городе господствовали унылые цвета - более долговечные, но не такие веселые и приятные. Даже деревенский люд не носил рабочих халатов, поскольку они стесняли движения, и часто попадали в механизмы. На юге Англии лавочники в отсутствие покупателей отдыхали у дверей, наслаждались свежим воздухом и разглядывали прохожих. Здесь, если у них было свободное время, они сразу же находили себе занятие в магазине, даже если просто разворачивали и сворачивали ленты. Все эти отличия поразили воображение Маргарет, когда она с миссис Хейл вышла искать для них временное жилье.

Две ночи, которые они провели в гостинице, стоили дороже, чем ожидал мистер Хейл. Поэтому, лишь, когда им удалось снять чистую и светлую квартиру, Маргарет успокоилась - впервые за много дней. Здесь, на курорте, все дышало мечтательной расслабленностью, манило к отдыху и наслаждению. Отдаленное море, мерный плеск волн на песчаном берегу, раздававшиеся рядом крики носильщиков - все это привлекало внимание Маргарет, но у нее не было сил, чтобы полностью отдаться новым впечатлениям, и она бегло просматривала сценки из курортной жизни, словно цветные картинки. Они гуляли по пляжу, дышали морским воздухом, мягким и теплым на этом побережье даже в конце ноября. На горизонте край бледно-голубого неба тонул в тумане. Белый парус далекой лодки серебрился в неярком солнечном свете. Маргарет была готова день за днем наслаждаться грезами, которые подарило ей настоящее, не смея вспоминать о прошлом, и не желая размышлять о будущем.

Но с будущим пришлось встретиться, каким бы суровым и жестоким оно ни было. Однажды вечером было решено, что Маргарет с отцом должны отправиться на следующий день в Милтон, чтобы подыскать дом. Мистер Хейл получил несколько писем от мистера Белла и одно или два от мистера Торнтонна, и теперь хотел выяснить подробности своей будущей жизни в Милтоне. Это он мог сделать только в личной беседе с мистером Торнтонном. Маргарет знала, что им нужно уезжать. Но при одной мысли о промышленном городе она испытывала отвращение и, видя, что ее мать получает удовольствие от Хестонского воздуха, так охотно откладывала отъезд в Милтон.

За несколько миль до Милтона они увидели свинцовую тучу, нависшую над горизонтом. Она казалась особенно темной в контрасте с бледно-голубым зимним небом Хестона, - у побережья уже начались утренние заморозки. Ближе к городу в воздухе чувствовался слабый запах дыма, возможно, особенно ощутимый из-за отсутствия запаха трав и деревьев. Хейлы быстро заблудились в длинных, прямых, нескончаемых улицах, вдоль которых выстроились маленькие кирпичные, похожие друг на друга дома. То здесь, то там, как курица среди цыплят, возвышалась огромная, длинная фабрика со множеством окон, выпускающая черный «непарламентский» дым. Этот дым стягивался в висевшую над городом тучу, которую Маргарет поначалу приняла за дождевую. Пока они ехали от станции к гостинице, им приходилось постоянно останавливаться. Большие загруженные телеги преграждали путь на не слишком широких улицах. Маргарет и раньше выезжала в город вместе с тетей. Но в Лондоне тяжело гроыхающие повозки исполняли самую разную работу. Здесь каждый фургон, каждая телега и вагонетка перевозили хлопок, либо необработанный - в мешках, либо тканый - в тюках из коленкора. Улицы были многолюдны, большинство прохожих были хорошо одеты, соответственно своему достатку, но с неряшливой небрежностью, которая поразила Маргарет, привыкшую к потертому, поношенному щегольству того же класса в Лондоне.

- Нью-стрит, - сказал мистер Хейл. - Это, я полагаю, главная улица Милтона. Белл часто рассказывал мне о ней. Он говорил, что когда несколько лет назад этот переулок нарекли улицей, цены на дома сразу подскочили. Фабрика мистера Торнтонна должна быть где-то здесь, не очень далеко, так как он - подрядчик мистера Белла. Но мне кажется, он начинал с работы в магазине.

- Где наша гостиница, папа?

- Полагаю, ближе к концу улицы. Что мы сделаем сначала - позавтракаем или осмотрим дома, которые отметили в «Милтон Таймс»?

- Давай сначала посмотрим дома.

- Очень хорошо. Тогда я только посмотрю, есть ли для меня письмо или записка от мистера Торнтон, он обещал сообщить мне все, что услышит об этих домах, а потом мы отправимся. Мы поедем в кэбе, так мы не потеряемся и не опоздаем на сегодняшний поезд.

Писем для мистера Хейла не было. Они отправились на поиски дома. Тридцать фунтов в год - это все, что они могли предложить в качестве арендной платы, но в Хэмпшире за те же деньги можно было найти просторный дом с прелестным садом. Здесь даже скромная квартира из двух гостиных и четырех спален оказалась слишком дорогой. Они осмотрели все дома из списка, но так и не смогли подобрать ничего подходящего. Отец и дочь тревожно посмотрели друг на друга.

- Я думаю, нам нужно посмотреть еще раз второй дом. Тот, что в Крэмптоне, в пригороде. Там было три гостиные. Помнишь, как мы смеялись и говорили, что нам больше подошли бы три спальни? Но я уже все распланировала. Передняя комната внизу будет твоим кабинетом и нашей столовой (бедный папа!), поскольку, ты знаешь, нам нужно обустроить для мамы самую лучшую гостиную. А та комната наверху, с ужасными голубыми и розовыми обоями и тяжелым карнизом, окнами выходит на прелестную равнину с излучиной реки или канала, или что там было внизу. Я могла бы взять себе маленькую дальнюю спальню на втором этаже, над кухней, ты знаешь, а ты и мама - комнату за гостиной, а тот встроенный шкаф в крыше послужит вам прекрасной гардеробной.

- А Диксон и девушка, которая будет помогать?

- О, подожди минуту. Я потрясена, обнаружив в себе талант к управлению. Диксон придется жить... дай подумать... позади гостиной. Я думаю, ей понравится. Она так много ворчит по поводу лестниц в Хестоне, а у девушки будет та скошенная комната на чердаке над вашей с мамой спальней. Разве не так?

- Смею сказать, да будет так. Но обои. Что за вкус! Обезобразить дом такими цветами и такими тяжелыми карнизами.

- Не беспокойся, папа! Конечно, ты можешь уговорить хозяина кое-что поменять в одной или двух комнатах - гостиной и вашей спальне, - поскольку мама будет проводить там много времени. А твои книжные полки скроют большую часть этих безвкусных обоев в кабинете.

- Ты думаешь, так будет лучше? Если так, мне лучше пойти и навестить этого мистера Донкина, чье имя упомянуто в объявлении. Я провожу тебя обратно в гостиницу, где ты сможешь заказать ланч и отдохнуть, а ко времени, когда все будет готово, я вернусь. Надеюсь, мы сможем заменить обои.

Маргарет тоже на это надеялась, хотя и ничего не сказала. Она никогда не сталкивалась с людьми, предпочитавшими безвкусные украшения строгости и простоте, которые сами по себе являются лучшим воплощением элегантности.

Отец проводил ее до входа в гостиницу, и, оставив у лестницы, направился искать хозяина того дома, который они присмотрели. Только Маргарет собралась войти в свою комнату, как услышала шаги посыльного:

- Прошу прощения, мэм. Джентльмен так быстро ушел, у меня не было времени сообщить ему. Мистер Торнтон пришел сразу же после вашего ухода, и как я понял из того, что сказал джентльмен, вы вернетесь через час; я передал ему, и он пришел снова около пяти минут назад, сообщив, что ожидает мистера Хейла. Сейчас он в вашей комнате, мэм.

- Спасибо. Мой отец скоро вернется, и вы можете ему сообщить.

Маргарет открыла дверь и вошла стройная, бесстрашная и величавая, как обычно. Она не почувствовала неловкости - она успела привыкнуть к обществу в Лондоне. В комнате находился человек, пришедший по делу к ее отцу, и так как он проявил любезность, она была расположена оказать ему в полной мере вежливый прием. Мистер Торнтон был намного больше удивлен и смущен, чем она. Вместо скромного священника средних лет вошла молодая девушка, она держалась смело и с достоинством, так отличавшим ее от женщин, которых он видел прежде. Ее одежда была простой: шляпка из лучшей соломки, украшенная белой лентой; темное шелковое платье без каких-либо украшений и оборок; большая индийская шаль, спадавшая с ее плеч длинными тяжелыми складками, словно мантия с плеч императрицы. Он не понял, кто она, встретив прямой, невозмутимый взгляд, и почувствовав, что его присутствие не произвело на нее особого впечатления, и не вызвало удивления на бледном, цвета слоновой кости лице. Он слышал, что у мистера Хейла есть дочь, но думал, что она - маленькая девочка.

- Мистер Торнтон, я полагаю, - сказала Маргарет после небольшой паузы, во время которой он так и не проронил ни слова. - Присаживайтесь. Мой отец проводил меня до дверей не более минуты назад, но, к сожалению, ему не сказали, что вы здесь, и он ушел по делам. Но он вернется почти тотчас же. Я сожалею, что вам пришлось прийти дважды.

Мистер Торнтон привык к ощущению собственной власти, но сейчас эта девушка, казалось, приобрела над ним какую-то власть. И хотя он был сильно раздражен бессмысленной потерей драгоценного времени, он все же сел, подчиняясь ее просьбе.

- Вы знаете, куда направился мистер Хейл? Возможно, я смогу найти его.

- Он направился к мистеру Донкину на Кэньют-стрит. Это хозяин дома, который мой отец желает снять в Крэмптоне.

Мистер Торнтон знал этот дом. Он видел объявление в газете, и осмотрел помещения. Он обещал сделать для мистера Хейла все возможное, отчасти из-за рекомендации мистера Белла, отчасти потому, что ему был интересен священник, оставивший должность. Мистер Торнтон считал, что дом в Крэмптоне как раз то, что нужно. Но как только увидел Маргарет с ее величественной манерой и пронизательным взглядом, он начал стыдиться того, что подумал, будто дом с такой вульгарной обстановкой подойдет Хейлам.

Маргарет никогда не считалась красавицей, но ее изогнутая верхняя губа, твердый подбородок, гордая посадка головы, движения, полные достоинства и одновременно женственной мягкости, всегда производили впечатление на незнакомцев. Она казалась высокомерной даже сейчас, когда устала и мечтала об отдыхе. Но, конечно, она считала себя обязанной вести себя как настоящая леди с этим неожиданным пришельцем, который не выглядел слишком опрятным и слишком элегантным, как и все прохожие на Милтонских улицах. Ей хотелось, чтобы он ушел по своим явно неотложным делам, вместо того, чтобы сидеть здесь и кратко и сухо отвечать на все ее замечания. Маргарет сняла шаль и повесила на спинку стула. Она сидела лицом к гостю, и Торнтон невольно обратил внимание на то, как прекрасно она сложена - округлая белая шея, покатые плечи, гибкая фигура. Когда она говорила, ее лицо не меняло своего холодного спокойного выражения, губы оставались надменно изогнутыми. Ее глаза с их мягкой темной глубиной смотрели на него со спокойной невинной открытостью. Он почти признался себе, что она ему не нравится еще до того, как закончился их разговор. Так он пытался утешить себя и отогнать ужасное чувство, что пока он смотрит на нее, едва сдерживая восхищение, она взирает на него с гордым безразличием, считая его большим грубым парнем, лишенным изящества и утонченности. Ее спокойную холодноватую манеру он истолковал как надменность и, обиженный этим до глубины души, хотел уже встать и уйти, чтобы больше не иметь ничего общего с этими Хейлами и их высокомерием.

Как только Маргарет исчерпала все темы для разговора, который решительно не ладился, вошел мистер Хейл. Он тут же учтиво извинился, восстановив свое доброе имя и имя своей семьи во мнении мистера Торнтона.

Мистер Хейл и его гость заговорили о мистере Белле, и Маргарет, радуясь, что ей больше не надо принимать участия в разговоре, подошла к окну, пытаясь рассмотреть, что происходит на улице. Она была так поглощена своим занятием, что не услышала, что сказал ей отец, и ему пришлось повторить:

- Маргарет! Владелец дома упорствует - эти ужасные обои кажутся ему верхом совершенства, и я боюсь, мы будем вынуждены их оставить.

- О боже! Мне так жаль! - ответила она и начала прикидывать, как скрыть безобразные розы за какими-то рисунками, но вскоре отбросила эту идею, поскольку поняла, что от этого будет только хуже. Ее отец, тем временем, со своим сердечным деревенским гостеприимством настаивал, чтобы гость остался позавтракать с ними. Мистеру Торнтону было очень неудобно, но все же он решил уступить, если Маргарет словом или взглядом поддержит приглашение своего отца. Он был рад и одновременно рассержен на нее, когда она не сделала этого. Она едва кивнула ему, когда он уходил, и он почувствовал себя неловким и застенчивым, чего с ним прежде не случалось.

- Ну, Маргарет, теперь быстро поедим. Ты заказала ланч?

- Нет, папа. Этот человек был здесь, когда я пришла, и у меня не было возможности передать заказ на кухню.

- Тогда мы должны просто что-нибудь перекусить. Боюсь, он долго ждал.

- Мне показалось чрезвычайно долго. Я была как раз на последнем издыхании, когда ты пришел. Он совсем не поддерживал разговор, а лишь отвечал кратко и резко.

- Я все же смею думать, что он - толковый молодой человек. Он сказал, (ты слышала?), что Крэмптон находится на песчаной почве, и что это самое здоровое предместье Милтона.

Когда Маргарет и мистер Хейл вернулись в Хестон, им пришлось отчитываться перед миссис Хейл, приготовившей для них чай и множество вопросов.

- А как твой корреспондент, мистер Торнтон?

- Спроси Маргарет, - ответил ее муж. - Они долго беседовали, пока я разговаривал с владельцем дома.

- О! Я едва знаю его, - сказала Маргарет лениво, слишком уставшая, чтобы тратить свои силы на описание. А затем, встряхнувшись, произнесла: - Он высокий, широкоплечий мужчина, около... сколько ему, папа?

- Я полагаю, около тридцати.

- Около тридцати... лицо не простодушное и не красивое, ничего замечательного... не вполне джентльмен, как и следовало ожидать.

- Не грубый, хотя и простой, - добавил отец ревниво - ему не нравилось, что дочь недооценивает его нового друга.

- О, нет! - воскликнула Маргарет. - Он смотрит так решительно и властно, что какими бы ни были черты его лица, оно не может показаться грубым или простым. Я бы не стала заключать с ним сделку, он выглядит очень непреклонным. В общем, человек, который самой природой предназначен для своего места, проницательный и сильный, прирожденный торговец.

- Не называй Милтонских промышленников торговцами, Маргарет, - попросил ее отец. - Это разные вещи.

- Разные? Я применяю это слово ко всем, кто так или иначе связан с продажами, но если ты думаешь, папа, что это неправильно, я не буду больше так говорить. Но, мама! К слову о грубости и простоте: ты должна подготовиться, чтобы увидеть наши обои в гостиной. Розовые и голубые розы с желтыми листьями! И очень тяжелый карниз по всей комнате!

Но когда они переехали в свой новый дом в Милтоне, старые обои были убраны. Владелец дома принял их благодарность очень спокойно, и позволил им думать, если им так нравится, что он уступил их вежливым просьбам. Не было никакой особенной нужды говорить им, что вся учтивость мистера Хейла не имела в Милтоне той власти, какой обладало краткое и резкое указание мистера Торнтона, богатого промышленника.

Глава VIII

Домашние заботы

«И это дом, дом, дом,
Дом, где я буду жить».

Мэтью Арнольд

Новые светлые обои немного примирили их с Милтоном. Но требовалось большее - то, чего они не могли себе позволить. Когда миссис Хейл приехала в новый дом, наступило время густых желтых туманов, застилавших долину и широкий изгиб реки, который прежде был виден из окна.

Маргарет и Диксон два дня распаковывали вещи и обустроивали комнаты, но в доме все еще царил беспорядок. А снаружи густой туман подкрадывался к окнам, заплывал в каждую открытую дверь, клубился под потолком душными белыми завитками нездорового воздуха.

- О, Маргарет! Мы будем жить здесь? - спросила миссис Хейл в полном смятении.

Унылый тон, которым был задан вопрос, болью отозвался в сердце Маргарет. Она едва заставила себя ответить:

- О, туманы в Лондоне иногда намного хуже!

- Но тогда ты знала, что ты - в Лондоне, а рядом твои друзья. Здесь же... мы одиноки! О, Диксон, что это за место!

- В самом деле, мэм, я уверена, оно кого хочешь доведет до могилы, едва ли кто выживет здесь! Мисс Хейл, для вас это слишком большая тяжесть.

- Совсем нет, Диксон, спасибо, - ответила Маргарет холодно. - Самое лучшее, что мы можем сделать для мамы - подготовить ее комнату, чтобы она могла лечь спать, а я пойду и принесу ей кофе.

Мистер Хейл также был подавлен и ждал сочувствия от дочери.

- Маргарет, я убежден, что это нездоровое место. Что, если твое или мамино здоровье ухудшится? Жаль, что я не поехал в какой-нибудь сельский край в Уэльсе, здесь, действительно, ужасно, - сказал он, подходя к окну.

Но пути назад не было. Они обосновались в Милтоне и должны стойко переносить капризы погоды. Более того, казалось, что другая жизнь скрыта от них этим густым туманом. Только вчера мистер Хейл подсчитал, во сколько обошлись им переезд и две недели, проведенные в Хестоне, и нашел, что потратил почти все свои небольшие сбережения. Нет! Они уже здесь, здесь и должны остаться.

Ночью, когда Маргарет поняла это, она долго сидела в темноте, оцепенев от горя. Тяжелый пахнущий дымом воздух витал по ее спальне. Высокое и узкое окно комнаты смотрело на пустую стену соседнего дома. Она едва проступала сквозь туман и казалась огромной непреодолимой преградой, скрывшей от них надежду. В спальне Маргарет был беспорядок - все свои силы она потратила на обустройство комнаты матери. Маргарет присела на ящик и с болью в душе подумала о том, что ярлык, прикрепленный к нему, надписали еще в Хелстоне - прекрасном, любимом Хелстоне! Она глубоко задумалась, и тут, к счастью, вспомнила, что получила письмо от Эдит, которое не успела прочитать до конца в суматохе утра. Эдит рассказывала об их прибытии на Корфу, о путешествии по Средиземному морю - о музыке и танцах на борту корабля. Веселая новая жизнь открывалась перед юной миссис Леннокс. У нее был дом с балконом, выходящим на белые утесы и глубокое синее море.

Эдит писала легко и красиво, но не умела создавать на бумаге яркие образы и живые картины. Она не смогла уловить характерные особенности пейзажа, но перечислила достаточно беспорядочных деталей, и Маргарет все же удалось представить себе виллу, снятую капитаном Ленноксом, стоящую высоко на крутой скале, над самым морем. В последние дни этого года они, казалось, только и делали, что плавали на лодках и устраивали пикники на берегу. Вся жизнь Эдит на свежем воздухе проходила в удовольствии и радости и была подобна высокому голубому небу, безоблачному и чистому. Ее муж вынужден был посещать строевую подготовку, а она, как самая музыкальная из жен офицеров, по просьбе капельмейстера была вынуждена переписывать последние новинки английской музыки - это оказались их самые суровые и тяжелые обязанности. Эдит выразила робкую надежду на то, что если и в следующем году полк остановится на Корфу, Маргарет сможет к ней приехать и погостить подольше. Она спрашивала Маргарет, помнит ли та, как год назад в тот же день лил дождь, и как она не хотела надевать свое новое платье, чтобы пойти на этот глупый ужин, и как промочила и забрызгала подол, пока они ехали в экипаже, и как в том доме они впервые познакомились с капитаном Ленноксом.

Да! Маргарет хорошо помнила тот день. Эдит и миссис Шоу поехали на ужин. Маргарет присоединилась к ним вечером. Роскошный прием, дорогая и красивая мебель, огромный дом, тихая, спокойная непринужденность гостей — все эти воспоминания живо пронеслись перед ней, и она с удивленным вздохом вернулась в настоящее. Спокойное течение той старой жизни закончилось, без какого-то знака, говорившего, где свершилась роковая перемена. Привычные застолья, визиты, покупки, танцевальные вечера, все ушло, ушло навсегда. Эдит и тети Шоу тоже больше не было в Лондоне, поэтому она даже меньше скучала. Она сомневалась, что кто-либо из ее прошлого окружения думает о ней, кроме Генри Леннокса. Маргарет знала, что он тоже будет стараться забыть ее из-за боли, которую она ему причинила. Она слышала, как он часто с гордостью говорил о своей силе воли, благодаря которой он был способен заставить себя забыть о том, что причиняло ему неприятности. Потом она представила, как все могло бы случиться. Если бы она на самом деле любила его и приняла его предложение, то перемена взглядов отца и изменение его положения в обществе были бы с раздражением приняты мистером Ленноксом. С одной стороны, для нее это оказалось бы горьким разочарованием, но она смогла бы его вынести, поскольку знала, что намерения отца чисты, это придало бы ей сил примириться с его ошибками, хотя, возможно, она и говорила бы о них с осуждением. Но светские толки о странном поступке мистера Хейла угнетали и раздражали бы мистера Леннокса. Как только Маргарет поняла, как все могло бы быть, она почувствовала благодарность за то, что этого не случилось. Сейчас они бедны, но хуже уже не могло быть. Когда пришли письма от Эдит и тети Шоу, то вся семья храбро восприняла их удивление и смятение. Маргарет поднялась и начала медленно раздеваться, чувствуя наслаждение от того, что может позволить себе не торопиться после такого суматошного дня, хотя было уже поздно. Она уснула, надеясь, что новый день принесет облегчение телу и душе. Но если бы Маргарет знала, сколько времени пройдет, прежде чем придет облегчение, она бы упала духом. Время года было неблагоприятным как для здоровья, так и для оптимизма. Ее мать сильно простудилась, и Диксон было явно не по себе, хотя Маргарет не могла больше обижаться на нее, пытаясь беречь ее и заботясь о ней. Они не могли найти девушку в помощь Диксон - в Милтоне все работали на фабриках. Тех же, которые обращались к ним, Диксон распекала за то, что они считали, будто им можно доверить работу в доме джентльмена. Поэтому Хейлам пришлось держать приходящую уборщицу. Маргарет хотела послать за Шарлоттой, но сейчас им было не по средствам держать

такую хорошую служанку, да и до Хелстона было слишком далеко.

Мистер Хейл встретился с несколькими учениками, рекомендованными ему мистером Беллом и мистером Торнтоном. По большей части ученики были в том возрасте, когда мальчики еще учатся в школе, но, согласно общепринятым в Милтоне взглядам, чтобы сделать из парня хорошего торговца, его нужно с молодых лет приучать к работе на фабрике, в конторе или на складе. Если послать его в Шотландский университет, он вернется непригодным к коммерции. В Оксфорд и Кембридж не принимали до восемнадцати лет. Поэтому многие промышленники подыскивали свои сыновьям должности в коммерческих предприятиях, едва тем исполнялось четырнадцать - пятнадцать лет, беспощадно отрезая все пути для дальнейшего образования. Но все же оставались еще умные родители и молодые люди, у которых было достаточно здравого смысла, чтобы осознать свои собственные недостатки и попытаться исправить их. Среди них было несколько мужчин в расцвете лет, которые решительно признавали свое собственное невежество и намеревались выучить то, что им следовало выучить раньше. Мистер Торнтон был, возможно, самым старшим учеником мистера Хейла. И конечно, самым любимым. У мистера Хейла вошло в привычку цитировать его мнения так часто, и с таким уважением, что это превратилось в маленькую домашнюю шутку.

Маргарет вполне одобряла это легкое, шутовское отношение к знакомству отца с мистером Торнтоном, потому что чувствовала, что миссис Хейл слегка ревнует мужа к его новому другу. Пока его время в Хелстоне было занято исключительно книгами и прихожанами, ее мало заботило, много ли она с ним видится или нет. Но теперь, когда он с нетерпением ожидал занятий с мистером Торнтоном, она, казалось, была уязвлена и обеспокоена, что он впервые пренебрег ее обществом. Чрезмерная похвала мистера Хейла, как это нередко бывает, производила на слушателей обратный эффект. Они не склонны были верить в неизменную и безупречную справедливость этого Аристида.[5]

Прожив более двадцати лет в деревенском приходе, мистер Хейл был ослеплен той грандиозной энергией, которая была в Милтоне через край, с легкостью преодолевая бесчисленные трудности. Власть машин и мужчин в этом городе произвела на него сильнейшее впечатление, и он поддался этому чувству, не задумываясь о деталях. Но Маргарет мало бывала за пределами дома и не знала, сколь сильно машины и люди, связанные с ними, влияют на общество, и, как это часто случается, незаметно стала одной из жертв, неизбежных при таком порядке вещей. Всегда следует задаваться вопросом, все ли сделано для того, чтобы уменьшить страдания тех, кому суждено страдать. Или триумфаторы растопчут беспомощных вместо того, чтобы просто увести их в сторону с дороги победителя, к которому они не сумели присоединиться?

Маргарет пыталась найти служанку в помощь Диксон. Однако представления Диксон об услужливых девушках были основаны на воспоминаниях об аккуратных ученицах Хелстонской школы, которые гордились тем, что им позволили прийти в пасторский домик в будний день, относились к миссис Диксон со всем уважением и трепетали перед мистером и миссис Хейл. Диксон не требовала этой трепетной почтительности по отношению к себе, но и не возражала, если благоговение с которым девочки относились к семье пастора, распространялось и на нее. Их манеры льстили ей, как Людовику XIV льстили его придворные, прикрывая глаза от слепящего света, будто бы исходящего от него. Но ничто, кроме преданной любви к миссис Хейл, не могло заставить Диксон примириться с грубыми и вольными манерами милтонских девушек, искавших место служанки, даже если они отвечали ее запросам. Они выдерживали длинную череду ее вопросов, но сомневались в платежеспособности семейства, которое отдавало за дом тридцать фунтов в год и еще важничало и держало двух служанок, одна из которых была очень сердитая и властная. Мистер Хейл больше не считался священником Хелстона, а только человеком, который мог потратить определенную сумму. Маргарет была утомлена и раздражена жалобами Диксон на поведение этих новых служанок, которыми та постоянно тревожила миссис Хейл. Не то, чтобы Маргарет отталкивали грубые манеры этих людей; не то, чтобы она избегала с брезгливой гордостью их приятельского обращения и сильно возмущалась их нескрываемым любопытством к состоянию и положению любой семьи в Милтоне, не занимающейся торговлей. И все же ей очень хотелось найти вежливую и расторопную служанку и оградить мать от новых огорчений.

Маргарет ходила и к мясникам, и к бакалейщикам в поисках подходящей кандидатки. Ее надежды и ожидания таяли с каждой неделей, поскольку в промышленном городе было трудно найти кого-нибудь, кто бы отказался от большего заработка и большей свободы на фабрике. Для Маргарет выходы в такой суматошный и деловой город оказались своего рода испытанием. Миссис Шоу, заботясь о приличиях и не позволяя девушкам вести себя слишком независимо, всегда настаивала на том, чтобы лакей сопровождал Эдит и Маргарет, если они выходили за пределы Харли-стрит и даже если навещали соседей. Маргарет молча роптала на эти ограничения, и оттого особенно наслаждалась одинокими прогулками по лесу и полям Хелстона. Она ходила быстрым шагом,

иногда почти бегом, если должна была спешить, или ступала совсем бесшумно, вслушиваясь в лесные голоса или наблюдая за птицами, которые пели в листве деревьев или поглядывали своими пронизательными яркими глазами из-под низкого кустарника или спутанного дрека. Для нее было испытанием перейти от таких вольных прогулок, когда движение и покой сменяли друг друга, повинаясь лишь ее собственной воле, к размеренной и осторожной походке, которая приличествовала девушке на городских улицах. Она бы посмеялась над собой, вспомнив о такой перемене, если бы ее не занимали более серьезные мысли.

Часть города, в которой располагался Крэмpton, была особенно оживленной из-за рабочих. На окраинах было расположено много фабрик, из которых два - три раза в день выходили толпы мужчин и женщин. До тех пор, пока Маргарет не изучила этот распорядок, она постоянно сталкивалась с ними. Они шли стремительно, их лица были бесстрашными и самоуверенными, смех - громким, остроты - язвительными, особенно по отношению к тем, кто стоял выше них по рангу или общественному положению. Звуки их несдержанных голосов и пренебрежение правилами вежливости поначалу немного испугали Маргарет. Девушки бесцеремонно, хотя и беззлобно, обсуждали ее одежду, даже дотрагивались до шали или платья, чтобы определить материал. Однажды или дважды они задавали вопросы о какой-нибудь вещи, заинтересовавшей их. Они были так уверены в том, что ей, как женщине, без слов понятен их интерес к ее одежде, что она охотно отвечала на их вопросы, и почти улыбалась в ответ на замечания. Маргарет не боялась, встречая ватаги девушек, говорящих громко и возбужденно. Гораздо больше беспокоили ее рабочие, которые то и дело отпускали смелые замечания ей в след. Она, до сих пор считавшая, что даже самое утонченное замечание по поводу ее внешности было дерзостью, вынуждена была терпеть нескрываемое восхищение от этих искренних людей. Но эта самая искренность подтвердила отсутствие у них намерений причинить ей вред или оскорбить, и Маргарет поняла бы это, если бы была меньше напугана беспорядочным шумом. Страх заставлял ее сердиться, ее лицо краснело, а темные глаза вспыхивали, когда она слышала некоторые их замечания. И все же, когда она оказалась в безопасности дома и припомнила их слова, они скорее позабавили ее, чем рассердили.

Например, однажды, когда она проходила мимо большой компании мужчин, вслед ей понеслись сомнительные комплименты и предложения стать «казнобой» одного из них. При этом один из рабочих добавил: «Твое милое личико, радость моя, светит как солнышко». А на другой день, когда она бессознательно улыбалась каким-то своим мыслям, бедно одетый рабочий средних лет сказал, обращаясь к ней: «Улыбайся, сколько хочешь, милая, многие тут улыбались бы, будь у них такое славное личико». Этот человек выглядел таким измученным, что Маргарет не могла не улыбнуться ему в ответ, с радостью осознавая, что ее облик может кого-то порадовать. Он, казалось, понял ее, и отныне они приветствовали друг друга улыбками всякий раз, когда их пути случайно пересекались. Однако в разговор они не вступали. И все же Маргарет посматривала на этого человека с большим интересом. Иногда, в воскресный день, она видела его рядом с девушкой, скорее всего его дочерью, которая выглядела еще более усталой и больной, чем он сам.

Однажды Маргарет с отцом прогуливались далеко в полях за городом. Была ранняя весна, и Маргарет собрала дикие фиалки и чистотел, вспоминая с невыразимой грустью о щедром изобилии юга. Мистер Хейл покинул ее, вернувшись в Милтон по каким-то делам, и по дороге домой она встретила своих новых друзей. Девушка тоскливо взглянула на цветы, и Маргарет, повинаясь внезапному порыву, протянула их ей. Светло-голубые глаза девушки вспыхнули, когда она взяла цветы, и ее отец заговорил с Маргарет.

- Спасибо вам, мисс. Бесси будет теперь частенько думать о цветах. Это она будет думать, а я вот буду думать о вашей доброте. Вы, сдастся мне, не из этих мест?

- Нет, - ответила Маргарет со вздохом. - Я приехала с Юга, то есть из Хэмпшира, - продолжила она, боясь, что он может не понять ее и решить, что она смеется над его невежеством.

- Это ведь за Лондоном, так вроде? А я из Бернли-вэйз - это сорок миль на Север. Так что получается, что Север и Юг встретились и вроде бы даже стали добрыми друзьями в этом большом и дымном городе.

Маргарет замедлила шаг, чтобы идти рядом с мужчиной, который нарочно шел не торопясь, чтобы не утомить дочь. Маргарет заговорила с девушкой, и в ее голосе невольно зазвучали жалость и нежность, тронувшие сердце отца.

- Я боюсь, вы не очень хорошо себя чувствуете.

- Нет, - ответила девушка, - и никогда не буду.

- Скоро весна, - сказала Маргарет, надеясь разогнать печаль, владевшую собеседницей.

- Ни весна, ни лето не принесут мне облегчения, - отозвалась девушка тихо.

Маргарет взглянула на мужчину, словно ожидая от него возражений, ей казалось - он не должен позволять дочери говорить о себе с такой безнадежностью. Но, вместо этого, он сказал лишь:

- Боюсь, она говорит правду. Боюсь, она совсем зачала.
- Там, где я скоро буду, всегда будет весна, и цветы, и много блестящих одежд.
- Бедный ягненочек, бедный ягненочек! - пробормотал ее отец еле слышно. - Так оно и будет, и ты наконец-то отдохнешь, бедняжка, бедняжка. Бедный отец! Сдается мне, это случится совсем скоро.
Его слова удивили Маргарет, однако не вызвали отвращения, - она лишь сильнее посочувствовала отцу и дочери.

- Где вы живете? Я думаю, что мы, должно быть, соседи, если мы так часто встречаемся на этой дороге.
- Мы устроились на Фрэнсис-стрит 9, второй поворот налево, как пройдете «Золотой дракон».
- А ваше имя? Я постараюсь не забыть его.
- Мне стыдиться нечего. Меня зовут - Николас Хиггинс, а ее - Бесси Хиггинс. Почему вы спрашиваете?
Маргарет была удивлена последним вопросом, в Хелстоне было в порядке вещей, что, побеседовав немного, она спросит у собеседника имя и адрес, чтобы навестить его, и, при необходимости, помочь в его нуждах.
- Я думала... я хотела прийти и навестить вас, - она внезапно оробела, осознав, что напрашивается в гости к незнакомцу, который, видимо, не желал этого.

Судя по выражению его лица, мужчина нашел это предложение бесцеремонным.
- Мне не нравится, когда чужие приходят в мой дом, - сказал он резко, но потом смягчился, увидев как она покраснела от смущения, и добавил: - Вы нездешняя, любой скажет, и, может быть, не знаете здешних людей, вы подарили моей девочке цветы из ваших рук... Вы можете прийти, если хотите.
Маргарет была немного удивлена и немного уязвлена его ответом. Она не была уверена, пойдет ли к ним, если ей сделали такое одолжение. Но когда они подошли к городу по Фрэнсис-стрит, девушка обернулась к ней и сказала:
- Вы ведь, правда, не забудете навестить нас? - Вот, вот, все так и будет, - произнес ее отец нетерпеливо, - она придет. Она сейчас немного сердится и думает, что я мог бы быть повежливее. Но она еще подумает хорошенько и придет. Я читаю ее хорошенькое, гордое личико, словно книгу. Пойдем, Бесси, слышишь, звонит колокол на фабрике. Маргарет пошла домой, удивляясь своим новым друзьям и улыбаясь, вспоминая о том, как мужчина разгадал ее мысли. С этого дня Милтон перестал быть для нее мрачным и безотрадным местом. Не весна и не время примирили ее с этим городом, это сделали люди.

Глава IX

Переодеться к чаю

«Пусть земля Китая, раскрашенная ярко,
Очерченная золотом и пестрая от голубых вен
От аромата индийского листа,
Иль загорелых зерен Мокко радость получает».
Миссис Барбо

На следующий день после знакомства Маргарет с Хиггинсами мистер Хейл поднялся в маленькую гостиную раньше обычного. Он подходил то к одной вещи в комнате, то к другой, словно изучая их, но Маргарет видела, что это была просто уловка, способ отложить то, что он желал, но все-таки боялся сказать. Наконец он произнес:

- Моя дорогая! Я пригласил мистера Торнтон сегодня на чай.
Миссис Хейл сидела, откинувшись на спинку стула, закрыв глаза, с выражением страдания на лице, которое стало привычным для нее в последнее время. Но слова мужа мгновенно пробудили ее.
- Мистер Торнтон! И сегодня вечером! Для чего этому человеку понадобилось прийти сюда? А Диксон стирает мои платья и кружева, а вода сейчас совсем жесткая из-за этих ужасных восточных ветров, которые, я полагаю, будут дуть в Милтоне круглый год.
- Ветер меняет направление, моя дорогая, - сказал мистер Хейл, поглядывая на дым, который несло с востока, - правда, он не разбирался в сторонах света и определял их свободно, согласно обстоятельствам.

- Не говори ничего! - сказала миссис Хейл, дрожа и еще плотнее заворачиваясь в шаль. - Восточный или западный ветер, этот человек все равно придет.

- О, мама, ты просто никогда не видела мистера Торнтон. Он выглядит, как человек, которому нравится бороться со всеми трудностями, что встречаются у него на пути - врагами, ветрами или обстоятельствами. Чем сильнее будет дождь и ветер, тем вероятнее, что он придет к нам. Но я пойду и помогу Диксон. Я умею отлично крахмалить. Скорее всего, мистер Торнтон придет только для того, чтобы побеседовать с папой. Но, папа, я, в самом деле, очень хочу увидеть того Пифиаса, [6] который сделал из тебя Дамона. Ты знаешь, я его видела только один раз, и мы оба были так озабочены тем, что сказать друг другу, что не особенно преуспели в разговоре.

- Я не думаю, что он когда-нибудь тебе понравится, или ты изменишь о нем свое мнение, Маргарет. Он не дамский угодник.

Маргарет презрительно усмехнулась.

- Я не особенно восхищаюсь дамскими угодниками, папа. Но мистер Торнтон приходит сюда, как твой друг, как один из тех, кто оценил тебя...

- Единственный человек в Милтоне, который оценил меня, - поправил мистер Хейл.

- Поэтому мы окажем ему гостеприимство и угостим кокосовыми пирожными. Диксон будет польщена, если мы попросим ее их приготовить. А я отглажу твои чепцы, мама.

Много раз за это утро Маргарет хотелось, чтобы мистер Торнтон не приходил. Она планировала для себя другие занятия: написать письмо Эдит, прочитать несколько страниц из Данте, навестить Хиггинсов. Но вместо этого она утюжила, слушая причитания Диксон, и только надеялась, что, выказав сочувствие, она сможет помешать Диксон излить свои жалобы миссис Хейл. Время от времени Маргарет, чтобы подавить недовольство, приходилось напоминать себе, что ее отец уважает мистера Торнтон. Вскоре усталость отозвалась головной болью, которая часто появлялась в последнее время. Маргарет едва могла говорить, когда наконец упала в кресло и объявила своей матери, что больше не желает быть Пегги-прачкой, а хочет остаться Маргарет Хейл, леди. Ей хотелось немного пошутить, но миссис Хейл восприняла шутку всерьез, и Маргарет рассердилась на свой несдержанный язык.

- Да! Если бы кто-нибудь сказал мне, когда я была мисс Бересфорд, одной из первых красавиц графства, что мое дитя простоит полдня в маленькой тесной кухне, работая как служанка, чтобы мы могли оказать достойный прием торговцу, а этот торговец, должно быть, единственный...

- О, мама! - произнесла Маргарет, вставая. - Не наказывай меня за мою несдержанность. Я не возражаю против глажения или какой-то другой работы ради тебя и папы. Я рождена и воспитана леди, и останусь ею, даже если придется скоблить пол и мыть тарелки. Сейчас я немного устала, но через полчаса буду совсем здорова. А что касается торговли, то почему бы бедняге мистеру Торнтону не быть торговцем? Вряд ли с его образованием он сможет заниматься чем-то другим.

Маргарет медленно поднялась и пошла в свою комнату. Сейчас она не могла долго разговаривать.

В доме мистера Торнтон в это же самое время состоялся очень похожий разговор. Крупная леди, намного старше среднего возраста, занималась рукоделием в мрачной, красиво меблированной столовой. Черты ее лица были скорее крупными и решительными, чем тяжелыми. В них не было ничего особенного, но те, кто однажды посмотрел на нее, обычно навсегда запоминали эту крепкую, суровую, величественную женщину, которая никогда не уступала дорогу из вежливости и никогда не останавливалась на своем пути к цели.

Она была одета в плотное черное шелковое платье и штопала огромную скатерть прекрасной работы, держа ее против света, чтобы обнаружить вытертые места. В комнате не было книг, кроме «Комментариев к Библии» Мэтью Генри, шесть томов которой лежали в центре массивного буфета по соседству с чайником и лампой. Из дальней комнаты раздавались звуки пианино. Кто-то разучивал легкую пьесу, играя очень быстро. Каждая третья нота звучала неотчетливо или полностью пропускалась, а в конце прозвучали громкие аккорды, половина из которых была сыграна фальшиво. Однако они не мешали миссис Торнтон услышать за дверью столовой шаги, такие же решительные, как и ее собственные.

- Джон, это ты?

Ее сын открыл дверь и остановился на пороге.

- Почему ты пришел так рано? Я думала, ты собираешься пить чай с этим другом мистера Белла, этим мистером Хейлом.

- Так и есть, мама, я просто зашел переодеться.

- Переодеться! Хм! Когда я была девочкой, молодые мужчины не меняли сюртуков перед тем, как выпить чаю. Почему ты должен переодеваться ради этого старого священника?

- Мистер Хейл - джентльмен, а его жена и дочь - леди.

- Жена и дочь! Они тоже учительницы? Чем они занимаются? Ты никогда не говорил о них.

- Нет, мама, потому что я никогда не видел миссис Хейл. А мисс Хейл я видел только полчаса.

- Берегись, Джон, как бы тебя не поймала девушка без гроша за душой.

- Меня нелегко поймать, мама, я думаю, ты знаешь. Но я не должен говорить о мисс Хейл в таком тоне. Я никогда еще не встречал ни одной молодой леди, которая попыталась бы поймать меня. Наверное, они сразу чувствуют, что это безнадежное дело.

Миссис Торнтон была не из тех, кто легко уступает, даже собственному сыну. Да и материнская гордость заставляла ее спорить с ним.

- Ну, я только говорю, берегись. Возможно, наши милтонские девушки достаточно рассудительны и доброжелательны, чтобы не ловить себе мужей, но эта мисс Хейл родом из аристократического графства, где, если слухи правдивы, богатые мужья считаются желанной добычей.

Мистер Торнтон нахмурился и подошел ближе к креслу своей матери.

- Мама, - (с короткой усмешкой), - ты заставишь меня признаться. Единственный раз, когда я видел мисс Хейл, она обращалась со мной любезно, но едва ли не презрительно. Она держала себя так надменно, будто была королевой, а я - ее скромным и не очень опрятным слугой. Не спеши, мама.

- Я не спешу, но я и не удовлетворена. Почему это она, дочь бывшего священника, воротит свой нос от тебя! Я бы ни для кого из них не стала переодеваться... дерзкое семейство!.. если бы я была на твоём месте.

Выходя из комнаты, Джон сказал:

- Мистер Хейл - добропорядочный, благородный и ученый. Он не дерзкий. Что касается миссис Хейл, я тебе расскажу, какая она, если ты захочешь послушать, - и с этими словами он закрыл дверь.

Миссис Торнтон пробормотала:

- Презирать моего сына! Относиться к нему, как к слуге! Хм! Хотела бы я знать, где она найдет другого такого. Мой сын - настоящий мужчина, и у него самое благородное, отважное сердце, которое я когда-либо знала. И неважно, что я его мать. Я вижу, что есть что, я не слепая. Я знаю, что из себя представляет Фанни, и кто такой Джон. Презирать его?! Я ненавижу ее!

Глава X

Закаленное железо и золото

«Мы все - деревья, и ветер лишь делает нас крепче и сильнее».

Джордж Герберт

Мистер Торнтон покинул дом, не заходя в гостиную. Он сильно опаздывал и торопился в Крэмpton. Ему хотелось быть пунктуальным, хотелось показать, как он уважает своего нового друга. Церковные часы пробили половину восьмого, а он уже стоял у дверей, вслушиваясь в шаги Диксон, всегда нарочито медлительные, когда ей приходилось унижать себя, открывая дверь. Мистера Торнтон проводили в маленькую гостиную, где его сердечно приветствовал мистер Хейл. Он представил гостя своей жене. Миссис Хейл пробормотала еле слышно несколько слов, впрочем, она была так бледна и так куталась в шаль, что мистер Торнтон тут же простил ей ее холодность. Маргарет зажгла лампу, и в центре полутемной комнаты образовался островок теплого золотистого света. Окна были зашторены, как это принято в сельских домах, и ночная тьма осталась снаружи, за стеклами. Мистер Торнтон не мог не сравнивать мысленно эту комнату с той, которую только что покинул. Столовая в его доме была обставлена красивой и дорогой, хотя и несколько громоздкой мебелью, но ни одна деталь в ее обстановке не выдавала присутствия женщин в доме, кроме разве что кресла у окна, где обычно восседала его мать. Конечно, его мать устроила все в доме по своему вкусу, и он был вполне доволен обстановкой, столовая соответствовала своему назначению - там можно было и перекусить на скорую руку, и угостить друзей, и дать роскошный обед, а эта маленькая гостиная была обставлена весьма скромно и все же... все же она была в

два... нет, в двадцать раз прекрасней, чем любая комната в доме Торнтонов, и намного удобнее. Здесь не было ни зеркал, ни позолоты, ни даже кусочка стекла, отражающего свет, сверкающего как вода в солнечный день. Однотонные обои теплых тонов, ситцевые шторы, привезенные из Хелстона, в тон которым была подобрана обивка стульев. Небольшой столик с секретером у окна напротив двери, на противоположной стороне - этажерка с высокой белой китайской вазой, из которой свисали ветки английского плюща, бледно-зеленой березы и медно окрашенные листья бука. Красивые корзинки для рукоделья стояли у кресел, на столе в совершенном беспорядке лежали несколько книг, как будто их только что сюда положили. За приоткрытой дверью можно было увидеть другой стол, накрытый к чаю белой скатертью. На ней красовались вазочка с кокосовыми пирожными и корзина, наполненная апельсинами и ярко-красными американскими яблоками, лежащими на ковре из зеленых листьев.

Мистеру Торнтону стало ясно, что все эти милые мелочи были привычны в их семье, и он подумал, что к ним, несомненно, приложила руку Маргарет. Она стояла возле чайного столика в светло-розовом муслиновом платье, не пытаясь вступить в разговор, занятая исключительно приготовлением чая, и ее гладкие, цвета слоновой кости руки двигались меж белых чашек красиво, бесшумно и грациозно. На одной руке был браслет, который постоянно падал на тонкое запястье. Мистер Торнтон наблюдал за перемещениями этого беспокойного украшения с большим вниманием и почти не слушал ее отца. Казалось, будто его заворожило то, как она нетерпеливо поправляла браслет, как он туго охватывал ее нежную руку, а затем, ослабев, снова падал. Мистер Торнтон готов был воскликнуть: «Он снова падает!» Он почти пожалел, когда его пригласили к столу, помешав наблюдать за Маргарет. Она подала ему чашку, храня на лице гордое и неприступное выражение, но как только его чашка опустела, она тут же заметила это и снова наполнила ее. Ему очень хотелось попросить ее сделать для него то, что она сделала для своего отца, который захватил ее мизинец и большой палец своей мужской рукой, и действовал ими как щипчиками для сахара. Мистер Торнтон видел ее прекрасные глаза, поднятые на отца, полные света, смеха и любви, и почувствовал, что эта маленькая пантомима предназначена лишь для двоих. Маргарет была бледна и молчалива - у нее все еще болела голова. Но она была готова заговорить, если в беседе возникнет длинная неловкая пауза, чтобы у гостя - друга и ученика ее отца, не было повода подумать, что им пренебрегают. Но разговор продолжался, и после того, как чайные приборы были убраны, Маргарет пересела со своим шитьем поближе к матери. Она почувствовала, что теперь может предаться своим собственным мыслям, не боясь, что ей придется заполнять паузу в разговоре.

Мистер Торнтон и мистер Хейл были поглощены беседой, которую начали при своей последней встрече. Маргарет вернуло к действительности какое-то тихое, незначительное замечание матери, и, внезапно оторвавшись от работы, она обратила внимание на то, сколь разительно различаются внешне отец и мистер Торнтон. У ее отца было хрупкое телосложение, позволявшее ему казаться выше, если рядом не находился кто-то с высокой массивной фигурой. Черты его лица были мягкими, и на лице отражалось каждое чувство, рождавшееся в его душе. Его веки были большими и выгнутыми, придавая глазам особую томную, почти женственную, красоту. Брови были красиво изогнуты и приподняты высоко над глазами. Лицо мистера Торнтона производило иное впечатление: прямые брови нависали над ясными, глубоко посаженными и серьезными глазами, их взгляд, без неприятной остроты, казался, был полон решимости проникнуть в самое сердце, самую суть людей и вещей. Морщины на его лице были редкими, но глубокими, будто вырезанными из мрамора, и располагались преимущественно в уголках рта. Губы были слегка сжаты над зубами, такими безупречными и красивыми, что когда редкая улыбка появлялась на его лице, она была подобна вспышке солнечного света. Улыбка совсем не вязалась с обликом этого сурового и решительного человека, казалось, готового пойти на все ради достижения собственных целей, она вспыхивала мгновенно и открыто, как это бывает только у детей, отражалась в глазах и заражала собеседника глубокой искренней радостью. Эта улыбка была первым и пока единственным, что понравилось Маргарет в новом друге ее отца. Она подумала, что вероятно именно противоположность характеров, столь ясно проявляющаяся во внешности обоих, объясняла тяготение, которое они явно испытывали друг к другу.

Маргарет поправила рукоделие матери и опять вернулась к своим мыслям, совершенно забывтая мистером Торнтоном, как будто ее не было в комнате. Он рассказывал мистеру Хейлу об устройстве парового молота, вернее, о том, какая осторожность и точность нужна при работе с этой машиной, обладающей невиданной мощностью. Его рассказ напомнил мистеру Хейлу о джине в «Тысяче и одной ночи» - то могучем великане ростом от земли до неба, то - крохотном существе, спрятанном в старой лампе, настолько маленькой, что могла уместиться в руке ребенка.

- И это воплощение силы, эта практическая реализация идеи, достойной титана, придумано человеком из

нашего славного города. И у этого человека еще останется сил, чтобы подняться, шаг за шагом, от одного чуда, которого он достиг, к еще большим чудесам. И я не побоюсь сказать, что среди нас много подобных ему. Если он нас покинет, другие смогут заменить его, вести борьбу, и в конце концов подчинить все слепые силы природы науке.

- Ваше хвастовство напомнило мне старые строки... «У меня сто капитанов в Англии - столь же хороших, как он когда-то был».

Услышав слова отца, Маргарет посмотрела на них с неподдельным интересом. Как же они добрались от зубчатых колес до Чеви Чейса?

- Это не хвастовство, - ответил мистер Торнтон, - это факт. Не буду отрицать, я горжусь тем, что живу в городе - или даже лучше сказать, в районе, потребности которого порождают столько открытий и изобретений. Я предпочитаю тяжело работать, страдать, падать и подниматься - здесь, чем вести скучную и благополучную жизнь, какую ведут аристократы на юге, где дни текут медленно и беззаботно. Можно увязнуть в меду так, что потом невозможно будет подняться и взлететь.

- Вы ошибаетесь, - раздраженная клеветой на свой любимый юг, Маргарет невольно повысила голос, на ее щеках появился румянец, а в глазах - сердитые слезы. - Вы ничего не знаете о юге. Там, в самом деле, меньше коммерции, меньше авантюры и меньше прогресса, меньше риска и всевозможных чудесных изобретений, но там также меньше и страданий. Здесь на улицах я нередко вижу людей, не отрывающих глаз от земли — они придавлены горем и заботами, они не только страдают, но и ненавидят. На юге у нас есть бедные, но у них нет такого ужасного выражения отчаяния на лицах, они не страдают от несправедливости. Вы не знаете юга, мистер Торнтон, - закончила она и внезапно замолчала, злясь на себя, что сказала так много.

- Могу ли я в свою очередь сказать, что вы не знаете севера? - спросил он с невыразимой мягкостью в голосе, так как увидел, что действительно задел ее.

Маргарет промолчала. Раны от расставания с Хелстоном были еще свежи, она боялась, что если заговорит, то не сможет справиться с дрожью в голосе.

- Во всяком случае, мистер Торнтон, - сказала миссис Хейл, - вы, наверное, согласитесь, что в Милтоне больше грязи и дыма, чем в любом из городов на юге.

- Боюсь, я должен согласиться, - сказал мистер Торнтон с быстро промелькнувшей улыбкой. - Парламент предложил нам пережигать дым, чтобы очистить его. И мы, как послушные дети, так и сделаем... когда-нибудь.

- Но ведь вы рассказывали мне, что уже поменяли трубы, чтобы очищать дым, разве нет? - спросил мистер Хейл.

- Я поменял трубы по своей собственной воле до того, как парламент вмешался в это дело. Это потребовало определенных затрат, но я возместил их экономией угля. Будьте уверены, закон тут ни при чем. Конечно, если бы я не поменял трубы, и на меня бы донесли, я был бы оштрафован, понес бы финансовые убытки и так далее. Но все законы, эффективность которых зависит от доносов, на деле не работают. Я сомневаюсь, был ли в Милтоне дымоход, о котором донесли правительству за последние пять лет, хотя некоторые постоянно пускают одну треть своего угля на так называемый «непарламентский дым».

- Я только знаю, что здесь муслиновые шторы нужно стирать не реже раза в неделю, а в Хелстоне они оставались чистыми месяц и больше. А что касается рук... Маргарет, сколько раз ты мыла руки этим утром? Три раза, разве нет?

- Да, мама.

- Вам, кажется, не по душе действия парламента и все законы, контролирующие работу фабрик в Милтоне, - сказал мистер Хейл.

- Да, так же, как и многие другие. И думаю, справедливо. Весь механизм... я имею в виду не только деревянное и железное оборудование... вся система торговли хлопком - дело настолько новое, что не стоит удивляться, если не все работает идеально. Что мы имели семьдесят лет назад? И чего достигли сейчас? Первые хозяева фабрик были не намного образованнее и опытнее своих рабочих. Но им хватило здравого смысла и смекалки, и они сделали ставку на машину сэра Ричарда Аркрайта. Торговля дала им, людям невысокого происхождения, огромные богатства и власть. Власть над рабочими, над покупателями - над всем мировым рынком. Пятьдесят лет назад в Милтонской газете можно было прочесть, что такой-то (один из полудюжины набойщиков того времени) закрывает свой склад в полдень каждый день, поэтому все покупатели должны прийти до этого часа. Представьте себе человека, диктующего покупателям, когда им совершать покупки. Что до меня, то если хороший покупатель надумает прийти в полночь, я встану и буду с ним предельно любезен, даже подобоострастен, если это потребует, все что угодно, лишь бы получить от него заказ.

Маргарет поджала губы, но слушала гостя внимательно, не отвлекаясь.

- Я рассказываю вам об этом, чтобы показать, какую почти неограниченную власть имели промышленники в начале столетия. У людей от власти кружилась голова. Если человек добился успехов в торговле, это еще не значило, что во всем остальном он так же будет разумен. Наоборот, золото часто лишало своего владельца остатков порядочности и скромности. Пиршества, которые устраивали эти первые текстильные магнаты, вошли в легенду. Они были расточительны и по-настоящему жестоки. Вы знаете пословицу, мистер Хейл, «Дай бедняку лошадь, и он поскачет напрямик к дьяволу». Некоторые из этих первых промышленников вели себя как настоящие тираны, они буквально втоптывали своих рабочих в грязь. Но постепенно ситуация изменилась - стало больше фабрик, больше хозяев и больше рабочих, которые им требовались. Влияние рабочих на хозяев стало ощутимей, теперь они ведут борьбу практически на равных. И нам не нужны третейские судьи, а еще меньше нам нужны советы невежд, даже если эти невежды заседают в Парламенте.

- Неужели борьба между двумя классами неизбежна? - спросил мистер Хейл. - Я знаю, вы используете это выражение, потому что, по вашему мнению, это единственное, что дает правильное представление о настоящем положении вещей.

- Это правда. И я уверен, что неизбежна борьба между разумом и невежеством, между предусмотрительностью и недальновидностью. Это одно из великих преимуществ нашей системы - рабочий может достичь власти и положения хозяина собственными усилиями. Любой усердный и рассудительный работник имеет шанс достичь большего. Он не обязательно станет владельцем фабрики, но может стать мастером, кассиром, счетоводом, клерком, кем-то, имеющим полномочия и власть.

- И вы считаете врагами всех, кто не принадлежит к вашей системе? - спросила Маргарет четким и холодным тоном.

- Я полагаю, они враги самим себе, - быстро ответил мистер Торнтон, немало задетый надменным осуждением, прозвучавшим в ее голосе.

Но через мгновение он почувствовал, что не должен был отвечать грубостью на грубость. Пусть она его презирает, раз ей так хочется, но это его долг перед самим собой - попытаться объяснить, что он имел в виду. Но что делать, если она истолкует его слова превратно? Нужно быть предельно откровенным, правдивым, тогда, возможно, он сумеет пробиться к ней. Нужно рассказать о своей жизни, чтобы она поняла, что между его словами и поступками нет противоречий. Но не слишком ли это личная тема, чтобы говорить о ней с почти незнакомыми людьми? Возможно, и все же это самый простой и честный способ, подтвердить свои слова. Поэтому, отбросив в сторону робость, которая заставила его покраснеть, он сказал:

- Я имею право так говорить. Шестнадцать лет назад мой отец умер при весьма печальных обстоятельствах. Меня забрали из школы, и мне пришлось повзрослеть за несколько дней. К счастью, у меня была такая мать, какой судьба одарила немногих. Женщина, не боявшаяся принимать решения и добиваться их исполнения во что бы то ни стало. Мы переехали в маленький провинциальный город, где жизнь была дешевле, чем в Милтоне, и где я получил должность в лавке торговца тканями (превосходное место, между прочим, именно там я приобрел исчерпывающие знания о товарах и основах торговли). Мы получали пятнадцать шиллингов в неделю - пятнадцать шиллингов на трех человек. Но моя мать настояла на том, чтобы мы каждую неделю откладывали три шиллинга. Это стало началом моей карьеры и научило меня самопожертвованию. Теперь я в состоянии предоставить моей матери все удобства, которых требует ее возраст, хоть она частенько возражает против этого. Я благодарю ее молча при каждом случае за все, чему она меня научила. Я обязан успехом не удаче, не образованию, не таланту - только строгим правилам, которые привила мне мать. Она научила меня не потакать собственным слабостям и не думать слишком много о собственных удовольствиях. Я верю, что это страдание, которое, как говорит мисс Хейл, отпечатывается на лицах людей в Милтоне, есть не что иное, как естественное наказание за легкомыслие, за неумение отказать себе в удовольствиях ради собственного будущего. Я не считаю, что люди, потворствующие своим желаниям, чувственные, достойны моей ненависти, я просто смотрю на них с презрением из-за слабости их характера.

- Но у вас было также некоторое образование, - заметил мистер Хейл. - Легкость, с которой вы теперь читаете Гомера, показывает мне, что вы уже знакомы с его произведениями, вы читали их прежде и только вспоминаете свои старые знания.

- Это правда, я читал его в школе. И, смею сказать, я даже считался довольно неплохим знатоком классики в те дни, хотя с тех пор я больше не занимался ни греческим, ни латынью. Но я спрашиваю вас, пригодились ли мне мои знания в той жизни, которую мне пришлось вести? Нет. Совершенно не пригодились. Для меня было бы достаточно просто уметь читать и писать.

- Нет, я не согласен с вами. Но возможно, я своего рода педант. Разве воспоминание о героической простоте жизни Гомера не придало вам сил?

- Нисколько! - воскликнул мистер Торнтон, смеясь, - Я был слишком занят мыслями о живых, о тех, кто был рядом со мной, кто вместе со мной боролся за свое существование, у меня просто не было времени вспоминать об умерших. Теперь, когда моя мать в безопасности и покое доживает старость, что должным образом вознаграждает ее за ее прежние усилия, я могу вернуться ко всем этим старым преданиям и с чистой совестью наслаждаться ими.

- Смею заметить, мое замечание было, скорее, профессиональным, такие мысли сродни мне, подобно коже, - ответил мистер Хейл.

Когда мистер Торнтон поднялся, чтобы уйти, он, пожав руки мистеру и миссис Хейл, шагнул и к Маргарет, протягивая ей руку. Это был искренний порыв, мистер Торнтон следовал обычаю, принятому среди близких знакомых в Милтоне, но Маргарет не была готова к такому дружескому жесту. Она просто поклонилась и, увидев его протянутую руку, быстро отступила назад. Правда, она тут же пожалела о том, что не поняла его намерения, но было уже поздно. Мистер Торнтон истолковал ее жест по-своему, также отступил назад, вскинул голову и вышел, бормоча под нос:

- Никогда прежде не видел такой заносчивой и неприветливой девицы, - спору нет, она красавица, но такая гордячка, что и смотреть на нее не хочется.

Глава XI

Первые впечатления

«Говорят, у нас в крови — жестокость,
Крупница иль две, возможно, — на пользу,
Но в нем, я это чувствую остро, —
Слишком много безжалостности».

Неизвестный автор

- Маргарет! - сказал мистер Хейл, проводив своего гостя. - Я встревожился, увидев выражение твоего лица, когда мистер Торнтон признался, что служил посыльным в лавке. Я узнал об этом еще раньше, от мистера Белла. Я почти ожидал, что ты встанешь и покинешь комнату.

- О, папа! Неужели ты и правда думаешь, что я такая глупая? Как раз его рассказ о себе понравился мне больше всего. Когда он осуждал других, когда призывал презирать людей за их беззаботность, расточительность, все во мне противилось его жесткости, но о себе он говорил так просто, без притворства и вульгарности, свойственной лавочникам, и с такой нежностью и уважением отзывался о своей матери, что мне меньше всего хотелось покинуть комнату.

- Я удивляюсь тебе, Маргарет, - сказала миссис Хейл. Не ты ли еще в Хелстоне всегда осуждала торговцев?! Я не думаю, мистер Хейл, что вы поступили правильно, представив нам такого человека и не рассказав, кем он был. Право же, я очень боялась показать ему, как я ошеломлена некоторыми подробностями его жизни. Его отец «умер при печальных обстоятельствах». Вероятно, это произошло в рабочем доме.

- Думаю, что все было еще хуже, - ответил ее муж. - Я был достаточно наслышан о его прошлой жизни от мистера Белла еще до того, как мы приехали сюда. И так как часть истории мистер Торнтон уже рассказал вам, я дополню то, что он опустил. Его отец занимался спекуляциями, обанкротился, а затем покончил с собой, потому что не мог вынести позора. Все его бывшие друзья скрыли, что причиной банкротства явилась нечестная игра, сумасбродные, безнадежные попытки заработать на деньгах других людей и сколотить собственный капитал. Никто не предложил помощь его вдове и сыну. У них был еще один ребенок, я полагаю, девочка, слишком маленькая, чтобы зарабатывать деньги, но и ее тоже нужно было содержать. По крайней мере, никто из друзей не предложил немедленную помощь, а миссис Торнтон не из тех, кто ждет милостей от Бога. Поэтому они уехали из Милтона. Я знал, что мистер Торнтон пошел работать в лавку, и на эти заработки, часть из которых откладывала его мать, они и существовали долгое время. Мистер Белл рассказал, что они буквально

перебивались с хлеба на воду... как, - он не знает. Но вскоре после того, как кредиторы потеряли надежду получить деньги по долгам старого мистера Торнтон (если они и в самом деле на что-то рассчитывали после его самоубийства), этот молодой человек вернулся в Милтон, встретился с каждым из кредиторов и заплатил им первую часть из всей суммы долга. Все было сделано без лишнего шума, но долг был выплачен до последнего пенни. Узнав об этой истории, один раздражительный старик (так назвал себя мистер Белл) взял мистера Торнтон себе в партнеры.

- Это, в самом деле, прекрасно, - сказала Маргарет. - Какая жалость, что злая судьба приготовила для человека с такой волей и характером жалкую роль милтонского промышленника.

- Жалкую роль? - переспросил мистер Хейл.

- Да, папа, мне жаль, что деньги являются для него единственной мерой успеха. Когда он говорил о новых изобретениях, он явно рассматривал их только как еще один способ расширения торговли и зарабатывания денег. А бедные люди вокруг него - они бедны, потому что они оказались порочными, потому что у них нет его железного характера и способностей, благодаря которым он стал богатым. И он даже не испытывает к ним сочувствия,

- Не порочными, он никогда не говорил так. Расточительными и потакающими собственным желаниям - вот его слова.

Маргарет собрала все рабочие принадлежности матери, готовясь лечь спать. Выходя из комнаты, она замешкалась - ей хотелось сказать отцу что-нибудь приятное, при этом не покривив душой. На ум пришли только такие слова:

- Папа, я все-таки считаю, что мистер Торнтон - замечательный человек, но лично мне он совсем не нравится.

- А мне нравится! - ответил отец, смеясь. - Лично, как ты выразилась, и в других отношениях тоже. Но спокойной ночи, дитя мое. Твоя мать сегодня очень устала, Маргарет.

Маргарет и сама заметила, как ее мать измучилась из-за волнений последних дней, и слова отца наполнили ее душу смутным страхом и легли камнем на сердце. Жизнь в Милтоне так отличалась от той, к которой миссис Хейл привыкла в Хелстоне, где и в доме, и на улице всегда был свежий деревенский воздух. Здесь же сам воздух был, казалось, лишен всех живительных элементов. Домашние заботы с новой силой обрушились на всех женщин семьи, поэтому можно было всерьез опасаться за здоровье миссис Хейл. Кроме того, странное поведение Диксон и миссис Хейл говорило о том, что с хозяйкой что-то случилось. Она и Диксон часто тайком беседовали в спальне, откуда служанка выходила заплаканной и сердитой. Однажды Маргарет вошла в комнату матери сразу после ухода Диксон и, застав свою мать стоящей на коленях, случайно услышала, как та просила Бога дать ей сил и терпения выдержать тяжелые телесные страдания. Маргарет очень хотела восстановить близкие доверительные отношения с матерью, прерванные ее долгим проживанием у тети Шоу. Прежняя Маргарет была бы довольна тем, что снова может ласкаться к маме и слышать ее нежные, полные любви слова, но сейчас она чувствовала, что есть еще какая-то тайна, скрываемая от нее, которая имеет непосредственное отношение к состоянию здоровья миссис Хейл. Этой ночью Маргарет долго лежала без сна, размышляя, как уменьшить вредное влияние милтонской жизни на здоровье ее матери. В помощь Диксон необходимо, как можно скорее, найти постоянную служанку, тогда Диксон могла бы уделять миссис Хейл больше внимания и заботы.

Последние несколько дней все время и мысли Маргарет были заняты посещением регистрационных бюро, встречами со всякого рода неприятными людьми, среди которых встретилось лишь несколько приятных. Однажды днем она встретила Бесси Хиггинс на улице и остановилась поговорить с ней.

- Бесси, как ваши дела? Надеюсь, вам теперь получше, ветер уже переменился.

- И лучше, и хуже, если вы знаете, что это значит.

- Не совсем, - ответила Маргарет, улыбаясь.

- Мне лучше оттого, что ночью я не задохнулась от кашля, но я утомлена и устала от Милтона, и хочу отправиться к земле Бьюлы.[7] И когда я думаю, что я далеко-далеко от нее, мое сердце слабеет, и мне не лучше - мне хуже.

Маргарет пошла рядом с девушкой. Минуту или две она молчала. Наконец тихо спросила:

- Бесси, ты хочешь умереть? - сама Маргарет избегала разговоров о смерти, для нее, такой молодой и здоровой, было естественно любить жизнь.

Бесси тоже помолчала минуту или две. Потом ответила:

- Если бы у вас была такая жизнь, как у меня, и вы бы так же устали от нее, как я, и думали порой: «так может продолжаться пятьдесят или шестьдесят лет - я знаю, так бывает у некоторых». И если бы вы все время

чувствовали головокружение, если бы все время были усталой и больной, будто вам уже стукнуло шестьдесят... А жизнь, кажется, вертит мной, и смеется мне в лицо, такая долгая, бесконечно долгая жизнь... о, мисс! Я говорю вам, что вы бы обрадовались, когда доктор наконец сказал бы вам, что едва ли вы увидите зиму.

- Почему, Бесси, неужели жизнь совсем не радует тебя?

- Полагаю, моя жизнь ничем не хуже, чем у многих других. Только она меня потрепала, а их - нет.

- Но что это значит? Ты знаешь, я здесь чужая, поэтому я не сразу понимаю, что ты имеешь в виду, я ведь не знаю, как вы живете здесь, в Милтоне.

- Если бы вы пришли к нам домой, как вы когда-то сказали, я бы могла рассказать вам. Но отец говорит, вы точно такая же, как и другие - с глаз долой, из сердца вон.

- Я не знаю, кто эти другие. Но я была очень занята и, по правде говоря, забыла о своем обещании.

- Вы сами предложили это! Мы никого не звали.

- Я забыла, что говорила в тот раз, - тихо продолжила Маргарет. - Я бы обязательно вспомнила о своем обещании, если бы была меньше занята. Можно я пойду сейчас с тобой?

Бесси бросила быстрый взгляд на лицо Маргарет, чтобы убедиться, что та говорит искренне. Напряжение в ее взгляде сменилось задумчивостью, когда она заметила сожаление в глазах своей собеседницы.

- Мной никто так много не интересовался. Если вам интересно, можете прийти.

Они пошли вместе, храня молчание. Когда они свернули в маленький двор, выходящий на грязную улицу, Бесси сказала:

- Вы не пугайтесь, если отец дома, он поначалу будет разговаривать грубо. Он вспоминал вас, вы понимаете, и сдается мне, он тоже волновался и гадал, придете вы или нет.

- Не бойся, Бесси.

Но когда они пришли, Николаса не оказалось дома. Крупная неопрятная девушка, немного моложе Бесси, но более высокая и крепкая, занималась стиркой. Прачка она была неумелая, и так гремела корытом, что Маргарет поежилась и от души посочувствовала бедной Бесси, которая буквально упала на стул, полностью вымотанная своей прогулкой. Маргарет попросила у сестры Бесси стакан воды, и пока та бегала за водой (задев кочергу и опрокинув стул на своем пути), Маргарет развязала ленты шляпки Бесси, чтобы та могла отдышаться.

- Вы думаете, такая жизнь стоит того, чтобы о ней заботиться? - едва слышно прошептала бедная девушка.

Маргарет не ответила, но подержала стакан воды у ее губ. Бесси сделала долгий жадный глоток, затем откинулась назад и закрыла глаза. Маргарет услышала, как она бормочет про себя: «Они больше не будут ни голодать, ни испытывать жажду. И солнце не будет палить их, и свет не будет их тревожить».

Маргарет наклонилась и тихо сказала:

- Бесси, не торопи свою смерть и не отказывайся от жизни, какой бы она не была... или могла бы быть.

Помни, кто дал тебе жизнь и предопределил твою судьбу.

Она вздрогнула, услышав голос Николаса. Он вошел, незамеченный ею.

- Нет нужды поучать мою девочку. Пусть она идет туда, куда ее зовут, к золотым воротам, украшенным драгоценными камнями. Если это ее забавляет, пусть так и будет, но я не собираюсь морочить ей голову всякой чепухой.

- Но конечно, - ответила Маргарет, поворачиваясь к нему, - вы верите в то, что я сказала, что Бог дал ей жизнь и предопределил, какой она должна быть.

- Я верю в то, что вижу, и не более. Вот, во что я верю, молодая леди. Я не верю всему тому, что слышу... нет! Ни капли. Я слышал, как одна молодая девица громко обещала, что навестит нас. А моя девочка потом дни и ночи думала об этом, вскакивала каждый раз, заслышав звук незнакомых шагов, она не знала, что я за ней наблюдаю. Но вот вы, наконец, пришли, и вам здесь будут рады, если, конечно, вы пришли не ради нравочений.

Бесси умоляюще смотрела на Маргарет, сжимая ее руку в своих.

- Не сердитесь на него, - попросила она тихо. - Здесь многие думают, как он. Если бы вы их услышали, вы не сердились бы на него. Он - очень хороший, правда... но, - и в ее глазах мелькнуло отчаяние, - когда он говорит такие вещи, это заставляет меня желать смерти больше, чем обычно, мне так хочется много знать, и меня волнуют эти чудеса.

- Бедная девочка... бедняжка, я не хотел расстраивать тебя, но мужчина должен говорить правду, а когда я вижу, что народ становится хуже день ото дня, и все вокруг приходит в упадок, я говорю себе: почему бы не оставить весь этот разговор о религии и не заняться тем, что понимаешь и знаешь. Это ведь так просто - говорить о том, что знаешь и делать то, что умеешь.

Но девушка повторяла с болью в голосе:

- Не думайте о нем плохо, он - хороший человек, правда. Я буду грустить даже в Граде Божьем, если отца там не будет, - лихорадочный румянец появился на щеках Бесси, а в глазах - лихорадочное пламя. - Но ты будешь там, отец! Ты будешь! О! Мое сердце! - она приложила свою руку к груди и мертвенно побледнела.

Маргарет обняла девушку и положила ее голову к себе на грудь. Она убрала тонкие и мягкие волосы Бесси с висков и смочила их водой. Глаза Николаса были полны любви и печали, и даже сестра Бесси притихла, наблюдая за двумя обнявшимися девушками с напряженной нежностью. Через некоторое время спазм прошел, и Бесси поднялась и сказала:

- Я пойду лягу, это лучше всего. Но, - она невольно схватила Маргарет за платье, - Вы придете снова... я знаю, вы придете... просто скажите это!

- Я приду завтра, - пообещала Маргарет.

Бесси прильнула к отцу, он собрался отнести ее наверх. Но как только Маргарет поднялась, чтобы уйти, он с видимым усилием произнес:

- Если бы Бог существовал, я бы попросил его только об одном - благословить вас.

Маргарет ушла от них очень грустная и задумчивая.

Она опоздала домой к чаю. В Хелстоне опоздание к столу миссис Хейл расценивала как тяжелый проступок, но теперь подобные вольности, казалось, перестали раздражать ее, хотя в глубине души Маргарет страстно желала, чтобы мама отчитала ее, как в добрые старые времена.

- Ты нашла служанку, дорогая?

- Нет, мама, эта Энн Бакли никогда бы не согласилась.

- Полагаю, теперь моя очередь изображать из себя принца, примеряя милтонским девушкам туфельку служанки, - сказал мистер Хейл. - Вы обе потерпели поражение, как знать, может удача улыбнется мне.

Маргарет едва смогла улыбнуться в ответ на эту маленькую шутку, так она была подавлена тем, что увидела в доме Хиггинсов.

- Что ты собираешься сделать, папа? - спросила она

- Ну, я мог бы обратиться к какой-нибудь уважаемой женщине, чтобы она порекомендовала мне девушку, хорошо известную ей или ее слугам.

- Очень хорошо. Но сначала мы должны найти такую уважаемую женщину.

- Вы ее нашли. Я уже завлек ее в ловушку, и вы поймаете ее завтра, если постараетесь.

- О чем вы говорите, мистер Хейл? - спросила его жена с интересом.

- Ну, мой идеальный ученик (как Маргарет зовет его) сегодня сказал мне, что его мать собирается навестить миссис и мисс Хейл завтра.

- Миссис Торнтон! - воскликнула миссис Хейл.

- Его мать, о которой он нам рассказывал? - спросила Маргарет.

- Я полагаю, у него только одна мать, и ее имя миссис Торнтон, так что вы обе правы, - ответил мистер Хейл.

- Я бы хотела посмотреть на нее. Должно быть, она - необычная женщина, - добавила миссис Хейл. -

Возможно, у нее на примете есть девушка, которая устроила бы нас и согласилась бы у нас работать. Она представляется мне бережливой, экономной женщиной, думаю, что она мне понравится.

- Моя дорогая, - сказал мистер Хейл встревоженно. - Прошу вас, не обольщайтесь прежде времени. Я полагаю, миссис Торнтон такая же по-своему высокомерная и гордая, как и наша маленькая Маргарет. И думаю, она не любит говорить о своем прошлом, о своих прежних невзгодах и об экономии. Я уверен, лучше не подавать вида, что мы знаем ее историю.

- Но, папа, кажется, мне не свойственно высокомерие. Хотя ты постоянно упрекаешь меня в этом, я не могу согласиться с тобой.

- Я не знаю, высокомерна ли миссис Торнтон. Но из того, что я узнал от ее сына, полагаю, что так оно и есть.

Однако характер миссис Торнтон не слишком занимал Маргарет. Ей лишь хотелось знать, должна ли она присутствовать при этом визите, поскольку это помешало бы ей пойти навестить Бесси в первую половину дня. Однако, поразмыслив, она решила, что в любом случае должна остаться дома и помогать матери.

«Ну, я полагаю, мы должны».

Друзья на совете

Мистеру Торнтону пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить мать нанести ответный визит Хейлам. Она не часто соблюдала светские формальности, а когда ей приходилось это делать, она выполняла свои обязанности, скрепя сердце. Ее сын подарил ей коляску, но она запретила ему держать лошадей. И они нанимали лошадей лишь для торжественных случаев, когда миссис Торнтон выходила в свет. Не далее, как две недели назад, она наняла лошадей на три дня и отдала визиты всем своим знакомым, и теперь могла спокойно сидеть в своем кресле, ожидая, когда те, в свою очередь, придут к ней в дом. Крэмpton находился слишком далеко, чтобы идти туда пешком. И миссис Торнтон несколько раз переспрашивала сына, в самом ли деле он желает, чтобы она потратилась на кэб и съездила к этим Хейлам. Она была бы рада, если бы без этого можно было обойтись. Миссис Торнтон заявила, что «нет смысла поддерживать близкие отношения со всеми учителями Милтона; это все равно, как если бы ты захотел, чтобы я навестила жену учителя танцев Фанни!»

- Я бы так и поступил, мама, если бы у мистера Мейсона и его жены было так же мало друзей, как у Хейлов в этом незнакомом для них месте.

- Ну, полно, полно! Я поеду к ним завтра. Я хочу только, чтобы ты точно понимал, чего хочешь.

- Если ты поедешь завтра, я закажу лошадей.

- Чепуха, Джон. Можно подумать, ты сделан из денег.

- Нет, еще не совсем. Но с лошадьми я уже все решил. Последний раз, когда ты выезжала в кэбе, ты приехала домой с головной болью от тряски.

- Смею сказать, что я никогда не жаловалась на это.

- Нет, моя мать никогда не жалуется, - сказал он с гордостью. - Вот поэтому мне стоит больше присматривать за тобой. И раз Фанни теперь здесь, — небольшая поездка пойдет ей на пользу.

- Она сделана из другого теста, Джон. Она не вынесет этого.

Сказав это, миссис Торнтон замолчала. Ей не хотелось долго распространяться на эту тему. Она испытывала невольное презрение к слабости, а Фанни обладала слабым характером в отличие от матери и брата. Миссис Торнтон не была женщиной, склонной к излишним рассуждениям, ее здравый смысл и твердость не позволяли ей вести долгие споры даже с самой собой. Она интуитивно чувствовала, что ничто не сможет укрепить характер Фанни, ничто не сможет научить ее терпеливо сносить неприятности или смело встречать трудности. И хотя миссис Торнтон с болью признала недостатки дочери, она относилась к ней со своего рода жалостливой нежностью. Так обычно матери относятся к слабым и больным детям. Человек посторонний или невнимательный мог бы предположить, что миссис Торнтон с большей любовью относится к Фанни, чем к Джону. Но он бы глубоко ошибся. Та открытость и даже некоторая бесцеремонность, с которой мать и сын высказывали друг другу все, что было у них на душе, указывала на доверительные отношения между ними. А неловкая доброта миссис Торнтон по отношению к дочери, стыд, с которым она скрывала недостаток всех лучших качеств в своем ребенке, сама обладая ими и высоко ценя их в других, - этот стыд выдавал отсутствие прочной привязанности. Она никогда не называла своего сына иначе, чем Джон; «милая», «дорогая» и тому подобные слова были предназначены для Фанни. Но сердце матери благодарило Бога за сына день и ночь, она гордилась им.

- Фанни, дорогая, сегодня я собираюсь заложить лошадей в коляску, чтобы поехать и навестить этих Хейлов. Почему бы тебе не поехать со мной и не повидать няню? Это по пути, она всегда рада видеть тебя. Ты можешь побыть там, пока я буду у миссис Хейл.

- О! Мама, это так далеко, а я так устала.

- От чего? - спросила миссис Торнтон, слегка нахмутив брови.

- Я не знаю, погода, наверно. Она такая расслабляющая. Не могла бы ты привезти няню сюда, мама? Коляска доставит ее сюда, и она сможет провести остаток дня здесь; я знаю, это ей понравится.

Миссис Торнтон не ответила, но положила свое шитье на стол и, казалось, задумалась.

- Но ей придется возвращаться домой поздно, - заметила она, наконец.

- О, я найму кэб. Я ни в коем случае не позволю ей идти домой пешком.

В этот момент в комнату зашел мистер Торнтон, чтобы попрощаться с матерью перед тем, как отправиться на

фабрику.

- Мама! Я зашел только сказать, что если у тебя на примете есть какая-нибудь девушка, которая могла бы ухаживать за больной миссис Хейл, то скажи ей об этом.

- Если что-то узнаю, то скажу. Но я сама никогда не болела, поэтому не знаю капризов больных.

- Ну, у тебя же есть Фанни, а она редко чувствует себя здоровой. Возможно, она сможет что-нибудь предложить, не так ли, Фан?

- Я не всегда чувствую недомогание, - обиделась Фанни. - И я не собираюсь ехать с мамой. У меня сегодня болит голова, и я никуда не поеду.

Мистер Торнтон выглядел недовольным. Взгляд матери был прикован к шитью, над которым она усердно трудилась.

- Фанни! Я хочу, чтобы ты поехала, - сказал он властно. - Это пойдет тебе на пользу. Ты обяжешь меня, если поедешь без лишних разговоров.

Сказав это, он быстро вышел из комнаты.

Если бы он остался чуть дольше, Фанни, наверное, расплакалась бы из-за его командного тона, даже просто из-за его слов «ты обяжешь меня». Но все было уже сказано. И она лишь проворчала, поджав губы:

- Джон всегда говорит, будто я притворяюсь больной, но я никогда не притворяюсь. Кто эти Хейлы, из-за которых он так суетится?

- Фанни, не говори так о своем брате. У него есть на это причины, иначе он не настаивал бы на этом визите. Поторапливайся и приведи себя в порядок.

Но маленькая перебранка между сыном и дочерью не заставила миссис Торнтон относиться более благожелательно к «этим Хейлам». Ее ревнивое сердце повторило вопрос дочери: «Кто они такие, что он так беспокоится о том, чтобы мы уделили им внимание?» - этот вопрос постоянно вертелся у нее в голове, как назойливый припев к песне. Фанни же скоро забыла свои обиды, отдавшись всецело созерцанию своей новой шляпки в зеркале.

Миссис Торнтон была женщиной нелюдимой и застенчивой. Только в последние годы у нее появилось достаточно свободного времени, чтобы выходить в общество. И это общество ей не нравилось. Званные обеды и обсуждение званных обедов у других людей вполне удовлетворяли ее. Но эти выходы в свет, чтобы завязать знакомства с незнакомцами, были совсем другим делом. Она чувствовала себя неловко и оттого выглядела особенно суровой и грозной, входя в маленькую гостиную Хейлов.

Маргарет вышивала на небольшом кусочке батиста узор на одежду для будущего малыша Эдит. «Пустая, бесполезная работа», - заметила про себя миссис Торнтон. Ей больше понравилось двойное вязание миссис Хейл: оно было более практичным. Комната была заполнена безделушками, так что уборка здесь занимала много времени, а время у людей ограниченного достатка измерялось деньгами.

Миссис Торнтон сделала все эти замечания про себя, пока произносила обычные банальности, которые говорит большинство людей, когда скрывают свои чувства. Миссис Хейл отвечала с усилием, ее мысли вертелись вокруг старинного кружева, украшавшего одежду миссис Торнтон. «Кружева, - как она впоследствии заметила Диксон, - старинные английские, их уже не делают лет семьдесят, и их уже не купить. Это, должно быть, фамильная ценность, доставшаяся ей от предков». Несомненно, владелица этих фамильных кружев была достойна чего-то большего, чем слабые попытки миссис Хейл угодить гостье и поддержать разговор. Маргарет, судорожно искавшая тему для разговора с Фанни, слышала, как ее мать и миссис Торнтон погрузились в бесконечное обсуждение нравов и пороков прислуги.

- Я полагаю, вы не любите музыку, - сказала Фанни, - я не вижу у вас пианино.

- Я люблю слушать хорошую музыку, но сама умею играть не слишком хорошо. А папа и мама не очень любят музыку. Поэтому мы продали наше старое пианино, когда приехали сюда.

- Удивительно, как вы можете жить без него. Оно мне кажется просто необходимым для жизни.

«Пятнадцать шиллингов в неделю, из которых три откладывались! - подумала про себя Маргарет. - Но она, должно быть, очень молода. Она могла просто не помнить об этом. Но она должна знать о том времени».

Когда Маргарет ответила, ее слова прозвучали довольно холодно:

- Полагаю, у вас здесь бывают хорошие концерты.

- О, да! Великолепные! Только там бывает слишком много народа, и это хуже всего. Туда пускают всех без разбора. И каждый уверен, что слышит там последние новинки. На следующий день после концерта все бегут к Джонсону заказывать ноты.

- Вы любите новую музыку просто за ее новизну?

- О, каждый знает, что это модно в Лондоне, иначе певцы не исполняли бы эту музыку здесь. Вы, конечно, бывали в Лондоне.

- Да, - ответила Маргарет, - я жила там несколько лет.

- О! Лондон и Алхамбра[8] - вот два места, что я хочу посетить.

- Лондон и Алхамбра!

- Да, с тех пор, как я прочитала «Истории об Алхамбре». Вы не читали их?

- Боюсь, что нет. Но уверена, вы легко можете поехать в Лондон.

- Да, как-нибудь, - сказала Фанни, понизив голос. - Мама сама никогда не была в Лондоне и не может понять моего желания. Она очень гордится Милтоном, этим грязным задымленным городом. Кажется, именно грязь и дым ей и нравятся.

- Если миссис Торнтон прожила здесь несколько лет, я вполне могу понять ее любовь к этому городу, - сказала Маргарет своим чистым звонким голосом.

- Что вы говорите обо мне, мисс Хейл? Могу я поинтересоваться?

Маргарет не была готова ответить на этот вопрос, немного удививший ее, поэтому ответила мисс Торнтон:

- О, мама! Мы только пытались выяснить, за что ты так любишь Милтон.

- Благодарю, - ответила миссис Торнтон. - Но я не думаю, что моя естественная привязанность к этому месту, где я родилась и выросла, и где прожила несколько лет, требует каких то объяснений.

Маргарет была рассержена. Из-за ответа Фанни могло показаться, будто они дерзко обсуждали чувства миссис Торнтон. Но Маргарет также возмутили бесцеремонные манеры старой дамы.

Миссис Торнтон продолжила после небольшой паузы:

- Вы знаете что-нибудь о Милтоне, мисс Хейл? Вы видели какую-нибудь из наших фабрик? Наши великолепные склады?

- Нет! - ответила Маргарет. - Пока еще нет.

Ей показалось, что, скрывая свое полное безразличие к таким местам, она уклоняется от правды, и поэтому она продолжила:

- Конечно, папа взял бы меня посмотреть фабрики, если бы я интересовалась ими. Но я, на самом деле, не нахожу удовольствия в изучении цехов и складов.

- Это очень любопытные места, - заметила миссис Хейл, - но там всегда так много шума и пыли. Помню, однажды вышла в сиреневом шелковом платье поискать свечи, и мое платье было совершенно испорчено.

- Вполне возможно, - сказала миссис Торнтон сухим недовольным тоном. - Я просто думала, что, поскольку вы недавно приехали жить в город, который занял высокое положение в стране благодаря развитию промышленности, - вы могли бы поинтересоваться и посетить некоторые фабрики. Подобных им нет больше нигде в королевстве. Если мисс Хейл изменит свое мнение и снизойдет до того, чтобы поинтересоваться фабриками Милтона, я могу только сказать, что буду рада достать ей разрешение посетить ситценабивной цех или прядильные цеха на фабрике моего сына. Вы там увидите самые последние усовершенствования станков и машин.

- Я так рада, что вы не любите фабрики, мастерские и подобные вещи, - сказала Фанни полупшепотом, поднявшись, чтобы присоединиться к своей матери, которая собралась покинуть дом Хейлов.

- Я думаю, что мне хотелось бы знать все о них, будь я на вашем месте, - тихо ответила Маргарет.

- Фанни! - сказала ее мать, когда они отъехали, - мы будем любезны с этими Хейлами, но не заводи необдуманную дружбу с их дочерью. Такая дружба не доведет до добра. Мать выглядит очень больной, но кажется женщиной милой и тихой.

- Я не хочу заводить никакой дружбы с мисс Хейл, мама, - ответила Фанни недовольно. - Я думала, я выполняю свою обязанность, разговаривая с ней и пытаюсь развлечь ее.

- Ну, во всяком случае, Джон должен быть теперь удовлетворен.

Глава XIII

Глоток свежего воздуха

«Эти сомнения, тревоги, страх и боль,

И муки, — всего лишь тени напрасные,
Что уйдут, когда придет смерть;
Мы можем пересечь безводные пустыни,
Пробраться через мрачный лабиринт,
И пройти сквозь темноту подземелья.
Если следовать воле Всевышнего,
Мрачнейшие дороги, темнейшие пути
Выведут нас на небеса.
И мы, выброшенные на разные берега,
Встретимся, пройдя опасный жизненный путь,
В доме нашего Небесного Отца».

Р.К. Тренч

Как только гости ушли, Маргарет быстро поднялась к себе, надела шляпку и шаль, и отправилась к Бесси Хиггинс, чтобы посидеть с ней хоть немного. Пока Маргарет шла по переполненным людьми узким улицам, она чувствовала на себе заинтересованные взгляды людей, как будто вопрошавшие, что привело ее к ним.

Мэри Хиггинс, младшая сестра Бесси, попыталась, как могла, прибрать дом к предстоящему визиту Маргарет. В центре комнаты пол из грубого камня был вычищен, но под стульями, столом и вокруг стен так и остался нетронутым темный слой пыли. Хотя день был жарким, — в очаге горел огонь, и в комнате было ужасно душно. Маргарет не догадывалась, что, затопив камин, Мэри хотела продемонстрировать ей свое гостеприимство, хотя, возможно, эта томительная для других жара была необходима Бесси. Сама Бесси лежала на кушетке, поставленной у окна. Она чувствовала себя намного слабее, чем вчера, но с трудом приподнималась каждый раз, заслышав на улице незнакомые шаги, чтобы посмотреть, не идет ли Маргарет. И теперь, когда Маргарет была здесь и сидела на стуле рядом с ней, Бесси лежала спокойная и довольная, вглядываясь в лицо гости, касаясь ее одежды, по-детски восхищаясь дорогой тканью.

- Я раньше никогда не понимала, почему эти люди в Библии так любили носить мягкие одежды. Но это, должно быть, так приятно, носить такие платья, как у вас. Я таких прежде не видела. На наших улицах полно разряженных красавиц, но их платья слишком яркие, — просто режет глаза, — а такие цвета, как у вас, успокаивают меня. Где вы взяли такое платье?

- В Лондоне, - ответила Маргарет, немного повеселев.

- Лондон! Вы бывали в Лондоне?

- Да! Я жила там несколько лет. Но мой настоящий дом — в деревне на самом краю леса.

- Расскажите мне о своем доме, - попросила Бесси. - Мне нравится слушать, как рассказывают о деревне, о деревьях в лесу и тому подобных вещах, - она откинулась назад, закрыла глаза, сложив руки на груди, и лежала совершенно неподвижно, приготовившись слушать Маргарет.

Маргарет никогда не говорила о Хелстоне с тех пор, как покинула его, разве что случайно упоминала название в разговоре. Но в мечтах она видела его, пожалуй, даже более отчетливо, чем в жизни, и когда ночью она проваливалась в сон, — ее память странствовала по всем дорогим и милым местам. Сердце Маргарет было открыто для бедной девушки, и она решила нарушить молчание.

- О, Бесси, я так любила дом, который мы оставили! Мне бы хотелось, чтобы ты его увидела. Я не могу передать словами и половину его красоты. Там везде стоят зеленые деревья, раскинув свои ветви над землей, и в их тени прохладно даже в полдень. И хотя каждый листок кажется неподвижным, — в лесу все время слышен шелест, словно тихий голос, звучащий вдали. Дёрн в лесу то мягкий и нежный, как бархат, то - холодный и влажный оттого, что он впитал воду из небольшого, журчащего где-то в траве ручейка. А в других частях леса раскинулись заросли папоротника, они словно волны морские - то совсем темные в тени деревьев, то освещенные золотыми лучами солнца.

- Я никогда не видела моря, - пробормотала Бесси. - Но продолжайте.

- А потом ты выходишь из леса на холмистую равнину, — и вершины холмов кажутся выше, чем кроны деревьев...

- Я рада это слышать. Я здесь все время задыхаюсь и как будто падаю в пропасть. Когда я выходила гулять, мне всегда хотелось подняться высоко-высоко, чтобы видеть далеко и вдохнуть воздух полной грудью. Я задыхаюсь здесь, в Милтоне, но думаю, что этот шелест деревьев, о котором вы говорили, — этот гул просто

ошеломил бы меня. У меня и так все время болит голова из-за шума на фабрике. Но там, на этих холмах, там, наверное, тихо?

- Да, - ответила Маргарет, - только высоко в небе можно услышать жаворонка. Иногда я слышала, как фермеры перекликаются с работниками. Но их голоса доносились издалека, и мне нравилось думать, что там, вдали, люди усердно работают на полях, пока я сижу на вереске и ничего не делаю.

- Я раньше думала, что, если бы у меня был свободный день, и я могла бы ничего не делать, а только отдыхать в каком-нибудь спокойном тихом месте, вроде того, о котором вы только что говорили, то, наверное, отдых подбодрил бы меня. Но сейчас я ничего не делаю целыми днями, а все равно устаю от безделья так же, как от своей работы. Иногда я так устаю, что думаю, я не смогу даже наслаждаться небесами, не передохнув хоть немного сначала. Я очень боюсь, что отправлюсь напрямик туда, не уснув хоть ненадолго в могиле.

- Не бойся, Бесси, - сказала Маргарет, положив ладонь на руку девушки. - Бог может дать тебе лучший отдых, чем безделье на земле или глубокий сон в могиле.

Бесси вздрогнула и тихо сказала:

- Если бы мой отец не говорил так... Вы ведь сами слышали... У него в мыслях нет ничего плохого, как я сказала вам вчера и повторю снова и снова. И я совсем не верю ему днем, но все же ночью, когда я в лихорадке — в полусне, в полубреду, — все снова наваливается на меня. О! так плохо! И я думаю, что лучше бы было умереть, чем надирать свое сердце и жить здесь среди этого бесконечного фабричного шума, чем мечтать о минуте тишины, чем дышать этим пухом и чувствовать, как он заполняет легкие, - я так жду смерти ради одного глотка чистого воздуха, о котором вы говорили. Моя мама умерла, я никогда не смогу сказать ей снова, как я любила ее, не могу рассказать обо всех своих горестях, и если эта жизнь - смерть, если нет Бога, чтобы утереть слезы со всех глаз, — вот так, девушка, вот так! - Бесси выпрямилась и с неожиданной силой сжала руку Маргарет. - Я могу сойти с ума и убить вас, я, правда, могла бы...

Она откинулась на подушку, совершенно обессиленная. Маргарет опустила перед ней на колени.

- Бесси, у нас есть Отец Небесный.

- Я знаю это! Я знаю это! - стонала Бесси, и беспокойно металась на кровати. - Я - грешница. То, что я говорю, - грешно. О! не бойтесь меня и никогда больше не приходите. Я не трону и волоска на вашей голове. И, - открыв глаза и посмотрев пристально на Маргарет, - я верю, возможно, больше, чем вы, в то, что нам предопределено. Я читала книгу Откровения до тех пор, пока не выучила ее наизусть. И я никогда не сомневаюсь, когда бодрствую и в здравом уме, что приду к Блаженству.

- Давай не будем говорить о том, какие фантазии приходят к тебе в голову, когда ты в лихорадке. Я бы хотела услышать о том, как вы жили, когда ты была здорова.

- Я думаю, что была еще здорова, когда мама умерла, но с тех пор я никогда не чувствовала себя достаточно сильной. Я начала работать в чесальном цехе, пух попал в мои легкие и отравил меня.

- Пух? - переспросила Маргарет.

- Пух, - повторила Бесси. - Маленькие волокна хлопка, когда его расчесывают, они летают в воздухе, будто мелкая белая пыль. Говорят, он оседает на легких и сжимает их. Почти все, кто работает в чесальном цехе, чахнут, кашляют и плюют кровью, потому что они отравлены пухом.

- Но разве им нельзя помочь? - спросила Маргарет.

- Откуда мне знать? Иногда в чесальных цехах ставят такое большое колесо. Оно крутится, от него начинается сквозняк и выгоняет пыль. Но колесо стоит очень дорого — пятьсот или шестьсот фунтов — и не приносит выгоды. Поэтому только несколько хозяев поставили его. И я слышала, будто многим не нравится работать там, где стоит это колесо, потому что из-за него они сильнее чувствуют голод: ведь они уже привыкли глотать пух, а теперь обходятся без него; и еще, — если нет колеса — им больше платят. Поэтому колесо не нравится ни хозяевам, ни рабочим. Но я знаю, что хотела бы работать в том месте, где стоит колесо.

- Твой отец знал об этом? - спросила Маргарет.

- Да! И он очень сожалел. Но наша фабрика была самой лучшей, там работали хорошие люди, а отец боялся отпустить меня в незнакомое место. Многие тогда называли меня красивой, хотя теперь вам бы это и в голову не пришло. И мне не нравилось, когда обо мне слишком пеклись, а мама говорила, что Мэри нужно учиться, — и отцу всегда нравилось покупать книги и ходить на разные лекции. Нужно было много денег, поэтому я просто работала, и теперь, в этой жизни, я никогда не избавлюсь от этого непрерывного шума в ушах и пуха в горле. Вот и все.

- Сколько тебе лет? - спросила Маргарет.

- В июле будет девятнадцать.

«И мне тоже девятнадцать», - подумала Маргарет, грустно глядя на Бесси - контраст между ними был слишком очевиден. Она не могла говорить минуту или две, пытаясь справиться с подступившими слезами.

- И еще я хотела сказать о Мэри, - продолжала Бесси. - Я хотела попросить вас быть ей другом. Ей семнадцать, и она - последняя в нашей семье. И я не хочу, чтобы она пошла на фабрику, и еще я думаю, что она не подходит для такой работы.

- Но она не смогла бы... - Маргарет бессознательно взглянула на грязные углы комнаты. - Она едва ли могла бы работать служанкой, не правда ли? У нас есть одна преданная служанка, почти друг, ей требуется помощь, но она очень требовательная, и было бы несправедливо нанять ей помощницу, которая только раздражала бы ее.

- Да, я понимаю. Вы правы. Наша Мэри - хорошая девушка, но кто учил ее помогать по дому? Матери не было, я работала на фабрике и совсем ей не помогала, а только ругала за то, что она все делает плохо, потому что не знает, как нужно делать. Но если бы она могла жить у вас, несмотря на все ее недостатки...

- Но даже если она не сможет работать у нас как служанка, я постараюсь всегда быть для нее другом, ради тебя, Бесси. А теперь я должна идти. Я приду снова, как только смогу. Но если я не приду завтра или на следующий день, или даже через неделю или через две недели, не думай, что я забыла тебя. Я могу быть занята.

- Я буду знать, что вы не забудете обо мне. Я не буду опять сомневаться в вас. Но помните, что через неделю или две я могу умереть, и меня похоронят.

- Я приду так скоро, как смогу, Бесси, - сказала Маргарет, крепко пожимая ее руку. - Но ты сообщишь мне, если тебе станет хуже.

- Да, конечно, - ответила Бесси, пожимая руку в ответ.

В последние дни миссис Хейл стала чувствовать себя все хуже и хуже. Почти год прошел со дня свадьбы Эдит, и, вспоминая скопившиеся за год беды и трудности, Маргарет удивилась, как они смогли их вынести. Если бы она могла предвидеть то, что случилось, она убежала бы и спряталась от грядущих событий. И все же дни шли за днями, и каждый из дней был чуть лучше предыдущего - среди всех горестей проблескивали маленькие, яркие искры нежданной радости. Год назад, когда Маргарет вернулась в Хелстон и впервые стала замечать склонность матери к постоянным жалобам и недовольству судьбой, она бы горько застонала при одной мысли о том, что мать может всерьез заболеть, и им придется бороться за ее здоровье в незнакомом шумном и деловитом городе, лишив себя привычных удобств деревенской жизни. Но с появлением более серьезной и объективной причины для жалоб миссис Хейл стала проявлять терпение. Она была столь же нежной и спокойной, испытывая телесные страдания, сколь беспокойной и подавленной была когда-то, не имея истинной причины для печали. Мистер Хейл что-то предчувствовал, но, как свойственно мужчинам его склада, закрывал глаза на ясные признаки грядущего несчастья. Однако он был более раздражен, чем обычно, и Маргарет, как его дочь, знала, что в этом выражается его беспокойство.

- В самом деле, Маргарет, ты становишься слишком впечатлительной! Клянусь, я бы первым забил тревогу, если бы твоя мама заболела. Мы всегда замечали, когда в Хелстоне у нее болела голова, даже если она не говорила нам об этом. Она выглядит очень бледной, когда болеет. А сейчас у нее здоровый румянец на щеках, — такой же, как и тогда, когда я впервые познакомился с ней.

- Но, папа, - возразила Маргарет нерешительно, - ты знаешь, я думаю, что это лихорадочный румянец.

- Чепуха, Маргарет. Говорю тебе, ты слишком впечатлительная. Я считаю, что это ты не очень хорошо себя чувствуешь. Пошли завтра за доктором для себя. А потом, если это успокоит тебя, он может осмотреть твою маму.

- Спасибо, дорогой папа. Это и правда успокоит меня, - и она подошла к нему, чтобы поцеловать.

Но мистер Хейл отстранил ее, нежно, но молча, будто бы она рассердила его своими предположениями, от которых он был бы рад побыстрее избавиться, так же, как и от ее присутствия. Он беспокойно заходил по комнате.

- Бедная Мария! - произнес он, будто бы разговаривая с самим собой. - Если бы каждый мог поступать правильно, не жертвуя другими... Я буду ненавидеть этот город и себя тоже, если она... Прошу, Маргарет, скажи, твоя мама часто говорит с тобой о Хелстоне?

- Нет, папа, - ответила Маргарет печально.

- Ты же понимаешь, она не может не волноваться из-за него, да? Я всегда был уверен, что твоя мама такая простая и искренняя, что я знаю все ее маленькие обиды. Она никогда бы не стала скрывать ничего серьезного, угрожающего ее здоровью, от меня, не так ли, Маргарет? Я вполне уверен, что не стала бы. Поэтому не позволяй мне верить в эти твои глупые, нездоровые фантазии. Подойди, поцелуй меня и иди спать.

Но она слышала, как он ходит по кабинету («Бегают, как енот», - говорили она и Эдит в детстве) и, хоть была сильно утомлена, еще очень долго без сна лежала в постели, прислушиваясь к его шагам.

Глава XIV

М я т е ж

«Я привыкла спать ночами сладко, как дитя,
Но теперь, если резко подует ветер, я вздрагиваю
И думаю о моем бедном мальчике, которого качает
В бурном море. И тогда мне кажется,
Я чувствую, как бессердечно было забрать его от меня
За такой небольшой проступок».

Саути

В эти дни Маргарет радовало лишь то, что между ней и матерью установились более нежные и доверительные отношения, чем в детстве. Миссис Хейл стала относиться к дочери, как к близкой подруге, — именно об этом Маргарет всегда мечтала, завидуя Диксон, которой миссис Хейл поверяла все свои мысли и тревоги. Маргарет старалась выполнить любые просьбы матери, даже если они казались ей пустяковыми. Она сердилась не больше, чем слон, который, посадив крохотную занозу, покорно поднимает ногу по приказу погонщика. И Маргарет вскоре получила награду за свое терпение.

Однажды вечером, когда мистера Хейла не было дома, миссис Хейл заговорила с дочерью о ее брате Фредерике. Именно о нем Маргарет так хотела расспросить мать, но робость поборола ее природную прямооту. Чем больше она хотела узнать о нем, тем меньше ей хотелось начинать разговор.

- О, Маргарет, прошлой ночью было так ветрено! Ветер завывал даже в камине у нас в комнате! Я не могла уснуть. Я совсем не могу спать при таком ужасном ветре. Я привыкла не спать, когда бедный Фредерик был в море. И теперь, даже если я не сразу проснулась из-за ветра, я вижу во сне, как его корабль в бурном море окружают волны, огромные, прозрачные, как зеленое стекло, просто водяные стены с каждой стороны, они намного выше мачт и закручиваются над кораблем этой ужасной, злой белой пеной, будто гигантские кольца змеи. Это старый сон, но он всегда возвращается ветренными ночами. Я просыпаюсь и сижу, цепенея от ужаса, в своей постели. Бедный Фредерик! Сейчас он на суше, поэтому ветер не может причинить ему вреда, — пусть даже ветер будет настолько силен, что сломает эти высокие трубы.

- Где сейчас Фредерик, мама? Наши письма адресованы господам Барбур в Кадисе, это я знаю, но где он сам?

- Я не помню названия места, но он изменил фамилию. Ты должна запомнить это, Маргарет. Помечай Ф.Д. в уголке каждого письма. Он взял фамилию Диккенсон. Я бы хотела, чтобы он взял фамилию Бересфорд, на которую он имеет право, но твой отец решил, что не стоит. Его могут узнать, ты понимаешь, если он назовется моим именем.

- Мама, - сказала Маргарет, - я была у тети Шоу, когда все случилось. И думаю, из-за того, что я тогда была слишком маленькой, мы не могли поговорить откровенно. Но теперь мне хотелось бы знать, если я могу... если тебе не будет больно говорить об этом.

- Боль! Нет, - ответила миссис Хейл, ее щеки вспыхнули. - Мне больно думать, что я больше никогда не увижу моего дорогого мальчика. Но он поступил правильно, Маргарет. Они могут говорить все, что угодно, но у меня есть его собственные письма, и я поверю ему, моему сыну, охотнее, чем любому военному трибуналу. Подойди к моему японскому шкафчику, дорогая, и во втором ящике слева ты найдешь пачку писем.

Маргарет выполнила просьбу. Там были желтые, испорченные морской водой листки, с тем особенным запахом, которым пропитаны письма моряков. Маргарет принесла их матери, та развязала шелковую ленточку дрожащими пальцами и, сверив даты, дала Маргарет прочитать их, поспешно и взволнованно пересказывая их содержимое еще до того, как дочь успела пробежать глазами страницу.

- Ты видишь, Маргарет, они с самого начала невзлюбили этого капитана Рейда. Он был вторым лейтенантом на их корабле, «Орионе», на котором Фредерик плавал тогда. Бедняжка, как он был хорош в своей форме

гардемарина, с кортиком в руке, - он разрезал им все газеты, будто это был нож для бумаги! Но этот мистер Рейд просто возненавидел нашего Фредерика. А потом... подожди! Эти письма он писал с борта «Расселла». Когда его назначили на этот корабль, он обнаружил в команде своего старого врага капитана Рейда и был готов терпеливо сносить его придирки. Посмотри! Вот это письмо. Прочти его, Маргарет. Где он говорит это... стой!.. «мой отец может быть уверен во мне, я снесу с надлежащим терпением все, что один офицер и джентльмен может стерпеть от другого. Но, зная о прошлом моего нынешнего капитана, я признаю, что с опасением ожидаю, что его жестокость даст о себе знать и на борту «Расселла»». Ты видишь, он обещал сносить все терпеливо, и я знаю, он так и делал, потому что он был самым добрым и покладистым мальчиком, когда его не сердили. Это то письмо, где он рассказывает о капитане Рейде, о том, как он разозлился на свою команду, потому что те не так быстро ставили паруса, как команда «Мстителя». Видишь, он рассказывает, что у них на борту «Расселла» было много новичков, в то время как «Мститель» находился почти три года в порту, и командиры ничего не делали, а только муштровали своих людей, заставляя их бегать вверх и вниз по снастям, подобно крысам или обезьянам.

Маргарет медленно читала письмо, наполовину неразборчивое из-за выцветших чернил. Это могло быть... возможно, это и было... обвинение капитана Рейда в излишней жестокости, возможно, намного преувеличенное рассказчиком, который написал его, еще не остыв от ссоры. Несколько моряков находились наверху на снастях марселя, капитан приказал им спуститься наперегонки вниз, угрожая тому, кто спустится последним, плеткой-девятихвосткой. Фредерик стоял на дальнем конце балки и понял, что не сможет обогнать своих товарищей, но все же, опасаясь бесчестия, отчаянно бросился вниз, не смог перехватить веревку, сорвался и упал на палубу без чувств. Он пришел в себя спустя несколько часов, и возмущение команды корабля достигло предела, когда молодой Хейл писал эти строки.

- Но мы еще долго не могли получить это письмо, очень долго, и получили его уже после того, как услышали о мятеже. Бедный Фред! Надеюсь, ему стало хоть немного легче, когда он написал нам, хотя он и не знал, как отправить его, бедняга! А потом мы увидели сообщение в газетах, — то есть задолго до того, как письмо Фреда дошло до нас, — о жестоком мятеже, вспыхнувшем на борту «Расселла», и о том, что мятежники захватили корабль и стали пиратами. И что капитан Рейд был посажен в лодку и брошен на произвол судьбы (с ним находилось еще несколько офицеров), — их позднее подобрал пароход из Вест-Индии. О, Маргарет! Мы с твоим отцом обезумели от горя, увидев список спасенных, в котором не было имени Фредерика Хейла. Мы подумали, что произошла какая-то ошибка, потому что бедный Фред был таким хорошим мальчиком, только, возможно, чересчур вспыльчивым. И мы надеялись, что они напечатали Халл, вместо Хейл, = газеты так небрежны. И на следующий день — к тому времени, как привозят почту, — папа отправился в Саутгемптон получить газеты. Я не могла оставаться дома, поэтому пошла встретить его. Он опаздывал, очень сильно опаздывал. Я села у изгороди и стала ждать его. Наконец он появился, с поникшей головой, и ступал так тяжело, как будто каждый шаг давался ему с трудом. Маргарет, теперь я понимаю его.

- Не продолжай, мама. Я все понимаю, - сказала Маргарет, наклоняясь к матери и с нежностью целуя ей руку.

- Нет, ты не понимаешь, Маргарет. Никто не поймет, кто не видел его тогда. Я едва могла подняться и встретить его... все, казалось, закружилось вокруг меня. И когда я подошла к нему, он ничего не сказал и, казалось, удивился, увидев меня там, в трех милях от дома, возле Олдемского бука. Он взял мою руку в свою и гладил ее, как будто хотел успокоить меня, чтобы я мужественно встретила тяжелый удар. Но я задрожала так, что не могла говорить, и он обнял меня, и прижал свою голову к моей, и начал раскачиваться и плакать, и тихо, едва слышно стонал, а я стояла смиренно и только просила рассказать мне, что он узнал. А потом он резко дернул рукой, как будто кто-то двигал ею против его воли, и протянул мне эту мерзкую газету, которая называла нашего Фредерика «отъявленным негодяем» и «подлым и неблагодарным предателем». О, чего только они не говорили! Я разорвала газету на мелкие кусочки... О, поверь, Маргарет, я бы порвала ее зубами. Я не плакала. Я не могла. Мои щеки горели, как в огне, и мои глаза жгло огнем. Я заметила, что твой отец серьезно смотрит на меня. Я сказала, что это все ложь, и так оно и было. Месяцы спустя пришло это письмо, и ты видишь, что Фредерик невиновен ни в чем. Все случилось не из-за него, а из-за этого капитана Рейда. И ты видишь, большинство матросов поддержали Фредерика... И, Маргарет, - продолжала она после паузы слабым, дрожащим, измученным голосом, - я даже рада этому... Я горжусь, что Фредерик воспротивился несправедливости, он был не просто хорошим офицером, он сделал больше...

- Как и я, - ответила Маргарет твердым решительным голосом. - Верность и покорность прекрасны, когда мы покоряемся мудрости и справедливости. Но достойный человек не станет терпеть деспотичную власть, что действует несправедливо и беспощадно, себе во благо, презирая слабых и беспомощных.

- И все-таки я бы хотела увидеть Фредерика еще раз, только один раз. Он был моим первенцем, Маргарет, - миссис Хейл говорила тихо и печально, словно извиняясь за свое желание, за то, что она как будто не ценила своего оставшегося ребенка.

Но такая мысль даже не приходила в голову Маргарет. Она просто думала о том, как исполнить желание матери.

- Это случилось шесть или семь лет назад. Они все еще будут преследовать его, мама? Если бы он приехал и предстал перед судом, каким бы было наказание? Конечно же, он может привести доказательства, что его спровоцировали.

- Это не принесло бы пользы, - ответила миссис Хейл. - Некоторые матросы, которые поддержали Фредерика, были схвачены, и на борту «Амисии» состоялся военный трибунал. Я полагаю, они сказали все, что могли в свою защиту, бедняги, потому что это подтверждало историю Фредерика, но все было бесполезно, - и впервые за время разговора миссис Хейл заплакала.

Маргарет было страшно задавать новые вопросы, и все же она спросила:

- Что с ними случилось, мама? - спросила она.

- Их повесили на нок-рее, - ответила миссис Хейл строго. - А самым худшим был суд, приговоривший их к смерти, утверждавший, что они сами виноваты, и что их ввели в заблуждение старшие офицеры.

Они долго молчали.

- И Фредерик был в Южной Америке много лет, не так ли?

- Да. А теперь он в Испании. В Кадисе или где-то рядом. Если он приедет в Англию, — его повесят. Я никогда не увижу его, потому что если он приедет в Англию, — он умрет.

Маргарет не знала, что сказать в утешение. Миссис Хейл повернулась к стене и лежала неподвижно, позволив отчаянию завладеть ее душой. Не было слов, чтобы успокоить ее. Она вырвала свою руку из руки Маргарет нетерпеливо, как будто больше всего в жизни хотела остаться в одиночестве, наедине с воспоминаниями о сыне. Когда пришел мистер Хейл, Маргарет вышла, подавленная унынием, не видя вокруг ни проблеска надежды.

Глава XV

Хозяева и рабочие

«Мысль сражается с мыслью. Искра правды

Возникает в столкновении меча и щита».

У.С. Лэндор

- Маргарет, - сказал мистер Хейл на следующий день. - Мы должны нанести миссис Торнтон ответный визит. Твоя мама не очень хорошо себя чувствует и считает, что не сможет идти так далеко. Но мы с тобой ходим к Торнтонам сегодня днем.

По дороге мистер Хейл спросил с плохо скрываемым беспокойством:

- Ты советовалась с врачом, Маргарет? Ты посылала за ним?

- Нет, папа, ведь ты хотел позвать его для меня, а сейчас я чувствую себя хорошо. Но если бы я знала в этом городе хоть одного хорошего доктора, я бы сегодня же попросила его прийти к нам, потому что уверена, что мама серьезно больна.

Она высказала правду так откровенно и решительно, потому что опасалась, что отец снова постарается отбросить в сторону пугающую его мысль. Но сейчас все изменилось. В голосе мистера Хейла звучала затаенная боль:

- Ты думаешь, она скрывает свою болезнь? Ты думаешь, она всерьез больна? Диксон что-нибудь сказала? О, Маргарет! Мне не дает покоя мысль, что наш приезд в Милтон убивает ее. Моя бедная Мария!

- О, папа! Не нужно так думать, - ответила Маргарет, потрясенная его словами. - Она не очень хорошо себя чувствует, вот и все. Многие люди плохо себя чувствуют временами, а рекомендации хорошего врача помогут ей поправиться и укрепить здоровье.

- Но Диксон говорила что-нибудь?

- Нет, ты же знаешь, Диксон любит сделать тайну из пустяка. Она всего лишь говорила, что ничего не знает о болезни мамы, что сильно меня встревожило, вот и все. Полагаю, мои страхи были безосновательны. Ты же недаром называешь меня впечатлительной.

- Я надеюсь и верю тебе. Но не думай о том, что я тогда сказал. Мне нравится, что ты сильно беспокоишься о здоровье твоей мамы. Не бойся рассказывать мне о своих подозрениях. Я рад, что ты так откровенна со мной, хотя, надо признаться, я был обеспокоен. Но мы попросим миссис Торнтон посоветовать нам какого-нибудь хорошего доктора. Мы не будем тратиться на кого попало, а только на самого лучшего доктора. Стой, здесь нам нужно повернуть.

Улица, которая открылась их глазам, казалась совсем не подходящей для огромного особняка богатых промышленников. Глядя на мистера Торнтон, Маргарет не могла себе представить, в каком доме он живет. Но она неосознанно предполагала, что высокая, крупная, красиво одетая миссис Торнтон должна жить в большом и красивом доме. Но Мальборо-стрит состояла из длинного ряда небольших строений, стоявших вдоль глухой стены.

- Он сказал мне, что живет на Мальборо-стрит, я уверен, - сказал мистер Хейл озадаченно.

- Возможно, он до сих пор придерживается экономии и живет в очень маленьком доме. Но здесь много народа, позволь мне спросить у них.

Она спросила прохожего, и ей сказали, что мистер Торнтон живет рядом с фабрикой, а вход на фабрику находится в конце длинной глухой стены, которую они заметили.

Дверь сторожки напоминала обычную садовую калитку. Рядом находились огромные закрытые ворота для телег и фургонов. Сторож впустил их в большой продолговатый двор, с одной стороны которого были конторы, а с другой - огромное фабричное здание с множеством окон, откуда доносился монотонный лязг машин и долгий протяжный рев парового двигателя, такой громкий, что оглушал живущих по соседству. В глубине двора стоял прекрасный каменный дом, местами кладка почернела от дыма, но окна и ступени были тщательно вычищены. Вероятно, этот дом был построен пятьдесят или шестьдесят лет назад. Множество длинных, узких окон, пролеты лестницы с обеих сторон от входной двери, огражденные перилами, - все свидетельствовало об этой дате постройки. Маргарет только удивлялась, почему люди, которые могли позволить себе жить в таком хорошем доме и содержать его в таком порядке, не предпочли поселиться в коттедже в деревне, или даже в пригороде, где не было слышно шума фабрики. Непривычная к такому шуму, Маргарет едва различала голос отца, стоя на ступеньках у входа и ожидая, когда откроют дверь.

Двор, огороженный глухой стеной с огромными воротами - такой мрачный пейзаж открывался из окон гостиной. Таким его увидела Маргарет, когда они с отцом поднялись по старинной лестнице и прошли в гостиную. Здесь никого не было. Казалось, что в комнату никто не навещал с того самого дня, когда в ней с такой заботой расставили мебель, как будто дом вскоре после окончательной отделки был погребен под лавой, и обнаружен только тысячу лет спустя. Розовые и золотые обои, светлый ковер, украшенный вышитыми букетами цветов, - в центре он был заботливо покрыт льняной тканью. Кружевные шторы на окнах, тканые или вязаные покрывала на стульях и диванах. Повсюду гипсовые фигурки, предохраняемые от пыли стеклянными колпаками. В центре комнаты, прямо под люстрой стоял большой круглый стол, на полированной поверхности которого через равные промежутки по окружности лежали книги в красивых переплетах, будто яркоокрашенные спицы колеса. Все отражало свет, ничто не поглощало его. Сверкающая, блестящая, очень пестрая комната так неприятно поразила Маргарет, что она едва заметила необычную чистоту, царившую здесь и, вероятно, требовавшую для своего поддержания титанических усилий — особенно если учесть сколь задымленным был здешний воздух. Куда бы она ни посмотрела, — все свидетельствовало о заботе и труде, но не для удобства, не ради мирных домашних занятий, а исключительно для того, чтобы оберегать дорогие украшения от пыли и копоти.

У Хейлов было время оглядеться и поговорить друг с другом вполголоса, прежде чем появилась миссис Торнтон. Они не говорили ни о чем, что нужно было скрывать, но, находясь в такой комнате, они невольно перешли на шепот, как будто не желали разбудить непривычное эхо.

Наконец вошла миссис Торнтон, шелестя черным шелковым платьем. Темная ткань и кружева резко выделялись на фоне белизны ситцевых и кружевных занавесок в комнате. Маргарет объяснила, почему миссис Хейл не смогла присоединиться к ним. Но, не желая волновать отца, она говорила так осторожно, что у миссис Торнтон сложилось впечатление, будто миссис Хейл страдает от обычных дамских недомоганий, связанных скорее с капризами, чем с серьезной болезнью. Миссис Торнтон вспомнила, что для визита к Хейлам ей

пришлось нанять лошадей, и как мистер Торнтон приказал Фанни поехать вместе с матерью, чтобы оказать им уважение, и почувствовала себя слегка оскорбленной. Она не выказала Маргарет сочувствия, едва поверив в нездоровье миссис Хейл.

- Как мистер Торнтон? - спросил мистер Хейл. - Я получил от него вчера короткую записку, в которой он извещал меня о том, что не сможет прийти, и теперь я боюсь, не заболел ли он.

- Мой сын редко болеет. А когда он болен, он никогда не говорит об этом. Он сказал мне, что прошлым вечером у него не было свободного времени, чтобы читать с вами, сэр. Конечно, он сожалел об этом, он ценит часы, проводимые с вами.

- Могу вас заверить, что я ценю их не меньше, - ответил мистер Хейл. - Я снова чувствую себя молодым, видя, сколько радости доставляет ему знакомство с классической литературой.

- Без сомнения, классика очень приятна для тех, у кого есть свободное время. Но, признаться, я была против того, чтобы мой сын возобновил свое обучение. Его фабрика, как мне кажется, требует от него всей его энергии и внимания. Классика приносит пользу тем, кто бесцельно тратит свою жизнь в деревне или в колледжах. Но в наше время мужчины в Милтоне должны посвящать свои мысли и силы исключительно работе. По крайней мере, это мое мнение, - последнее предложение она произнесла со «смирением, что паче гордости».

- Но, если ум слишком долго занят только одной целью, он станет закостеневшим и негибким, человек перестает многим интересоваться, - заметила Маргарет.

- Я не совсем понимаю, что вы имели в виду под закостеневшим и негибким умом. Я отнюдь не восхищаюсь теми ветреными людьми, которые сегодня заняты одним делом, а завтра полностью о нем забывают из-за нового интереса. Милтонскому промышленнику не пристало иметь много увлечений. Он посвящает свою жизнь лишь одной цели.

- И это..? - спросил мистер Хейл.

Ее желтоватые щеки вспыхнули, глаза засветились, и она ответила:

- Право занять подобающее место среди коммерсантов страны. Это место мой сын заработал сам, собственным трудом. Куда бы вы не поехали, я имею в виду не только Англию, но и Европу, имя Джона Торнтон из Милтона известно и уважаемо среди деловых людей. Конечно, оно неизвестно в светских кругах, - продолжила она пренебрежительно.

- Праздные дамы и господа вряд ли пожелают познакомиться с милтонским промышленником, пока он не попадет в парламент или не женится на дочери лорда.

И мистер Хейл, и Маргарет почувствовали неловкость - они сами никогда не слышали этого великого имени, пока мистер Белл не написал им, что мистер Торнтон будет для них хорошим другом в Милтоне. Мир промышленности и торговли, положением в котором так гордилась миссис Торнтон, разительно отличался от знакомого им мира Харли-стрит или мира деревенских священников и хэмпширских сквайров. Но лицо Маргарет, несмотря на все ее старания сохранить невозмутимость, все рассказало наблюдательной миссис Торнтон.

- Я полагаю, вы никогда не слышали о моем замечательном сыне, мисс Хейл. Вы думаете, я старая женщина, чьи суждения ограничены Милтоном, вы полагаете, что я - самая белая ворона, какую вы только видели.

- Нет, - сказала Маргарет с каким-то воодушевлением. - Это правда, я не слышала имени мистера Торнтон до приезда в Милтон. Но с тех пор, как я здесь, я слышала достаточно, чтобы уважать и восхищаться им, и знать, сколь справедливо все то, что вы сказали о нем.

- Кто вам говорил о нем? - спросила миссис Торнтон, немного успокоившись, но все же ревнуя.

Маргарет замешкалась, прежде чем ответить. Ей не понравился властный тон, которым был задан этот вопрос. Мистер Хейл пришел к ней на помощь.

- Из того, что мистер Торнтон рассказал сам, мы могли судить о нем. Разве нет, Маргарет?

Миссис Торнтон выпрямилась и сказала:

- Мой сын не из тех, кто рассказывает о своих заслугах. Могу я вас спросить, мисс Хейл, с чьих слов у вас сложилось благоприятное мнение о нем? Мать пытлива и жаждет услышать похвалу в адрес своих детей, знаете ли.

Маргарет ответила:

- По большей части из рассказа мистера Белла о прошлой жизни мистера Торнтон. Благодаря этому мы поняли, почему вы так гордитесь им.

- Мистер Белл! Что он может знать о Джоне? Этот ленивый профессор из сонного колледжа. Но я обязана вам, мисс Хейл. Многие молодые девушки отказались бы доставить старой женщине удовольствие и поведать,

что о ее сыне хорошо отзываются.

- Почему? - удивилась Маргарет.

- Почему? Потому что, я полагаю, у них могло бы сложиться представление, что так они заручаются поддержкой старой матери в случае, если имеют виды на ее сына.

Она улыбнулась мрачной улыбкой, она была довольна прямоотой Маргарет и, возможно, чувствовала, что зашла слишком далеко в своих расспросах. Но Маргарет в ответ рассмеялась так весело, что это резануло слух миссис Торнтон. Ей показалось, что девушка смеется над ее словами.

Маргарет тотчас же замолкла, увидев обеспокоенный взгляд миссис Торнтон.

- Прошу прощения, сударыня. Но я действительно буду очень вам обязана, если вы позволите мне не претендовать на сердце мистера Торнтон.

- До сих пор все молодые леди претендовали на него, - сказала миссис Торнтон сухо.

- Надеюсь, мисс Торнтон чувствует себя хорошо, - вставил мистер Хейл, желая сменить тему разговора.

- Она чувствует себя как обычно. Она не крепка здоровьем, - кратко ответила миссис Торнтон.

- А мистер Торнтон? Полагаю, я могу надеяться увидеть его в четверг?

- Я не могу отвечать за моего сына. В городе в среде рабочих то и дело вспыхивают недовольства, грозящие забастовкой. Если так, его опыт и добрый совет могут понадобиться его друзьям. Но я думаю, он смог бы прийти в четверг. Разумеется, он сообщит вам, если не сможет.

- Забастовка! - воскликнула Маргарет. - Из-за чего? Почему они собираются бастовать?

- Из-за зависти к чужой собственности и власти, - ответила миссис Торнтон, презрительно фыркнув. — Это всегда не дает им покоя. Если рабочие моего сына начнут забастовку, я только скажу, что они - свора неблагодарных негодяев. Но я не сомневаюсь, что они забастуют.

- Я полагаю, они хотят больше зарабатывать? - спросил мистер Хейл.

- Это только прикрытие. Но на самом деле, им хочется быть хозяевами и превратить хозяев в рабов. Они всегда лелеют подобные мысли, и каждые пять или шесть лет случается столкновение между хозяевами и рабочими. Я предполагаю, что на этот раз им придется столкнуться с чем-то новым. Если они забастуют, то не смогут вернуться обратно на свои рабочие места. У хозяев есть одна-две идеи, как надолго отбить у рабочих охоту бастовать.

- Разве это не накалит атмосферу в городе? - спросила Маргарет.

- Несомненно, но уверена, вы не трусиха, не так ли? Милтон - не место для трусов. Как-то раз мне пришлось прокладывать дорогу через толпу разъяренных мужчин, которые клялись, что они убьют Макинсона, если он рискнет высунуть свой нос с фабрики. А он не знал ничего об этом, и нужно было его предупредить, иначе он бы погиб. Для такого дела лучше подходила женщина, поэтому пошла я. А когда я вошла, я не могла выйти. Тогда я поднялась на крышу, где были сложены камни, чтобы кидать их на головы толпы, если они попытаются взломать двери фабрики. И я бы подняла эти тяжелые камни и бросила бы их так же хорошо, как и мужчина, но я упала в обморок из-за всего того напряжения, через которое мне пришлось пройти. Если вы живете в Милтоне, вы должны научиться быть храброй, мисс Хейл.

- Я сделаю все, что смогу, - ответила Маргарет, сильно побледнев. - Я не знаю, храбрая я или нет, пока не испытаю себя. Но боюсь, что я, должно быть, трусиха.

- Южане часто боятся того, что наши жители Даркшира называют жизнью и борьбой. Но когда вы проживете десять лет среди людей, которые давно затаили на вас злобу и только и ждут возможности расплатиться, вы узнаете, трусиха вы или нет, помяните мое слово.

Мистер Торнтон в тот же вечер пришел к мистеру Хейлу. Его провели в гостиную, где мистер Хейл читал вслух жене и дочери.

- Я принес записку от матери, и кроме того я хотел извиниться за то, что не нашел вчера времени прийти к вам. В записке - адрес доктора Дональдсона, который вы просили.

- Спасибо, - сказала Маргарет поспешно, протягивая руку, чтобы взять записку, ей не хотелось, чтобы мама слышала, что они интересовались адресом доктора.

Она была рада, что мистер Торнтон, казалось, немедленно понял ее. Он отдал ей записку без единого лишнего слова.

Мистер Хейл заговорил о забастовке. Мистер Торнтон тут же помрачнел, и его лицо стало таким же упрямым и суровым, как лицо миссис Торнтон в худшие минуты. Эта перемена не ускользнула от взгляда Маргарет и не обрадовала ее.

- Да, дураки будут бастовать. Пускай. Это нас вполне устраивает. Мы дали им шанс. Они считают, торговля процветает, как в прошлом году. Мы видим шторм на горизонте и приспускаем паруса. Но из-за того, что мы не объясняем причины наших поступков, они не верят, что мы действуем разумно. Кое-кто считает, что мы должны предоставить им видимость свободы и рассказать, собираемся ли мы тратить или экономить деньги. Хендерсон попытался обмануть своих рабочих в Эшли, но ему это не удалось. Ему, скорее всего, нужна была забастовка, это вполне совпадало с его планами. Поэтому, когда его рабочие пришли требовать пять процентов надбавки к зарплате, он сказал им, что подумает об этом и даст им ответ в день зарплаты. Конечно, зная заранее, каким будет его ответ, он думал, что таким образом усилит их самомнение. Тем не менее, он не до конца их понял; они же что-то услышали о трудностях торговли. Поэтому они пришли в пятницу и отказались от своих требований, и теперь фабрика продолжает работать. Но мы, милтонские промышленники, сегодня сообщили рабочим о своем решении. Мы не повысим зарплату ни на пенни. Больше того, мы говорим им, что будем вынуждены снизить зарплату. Вот как обстоят дела, теперь мы ожидаем их следующих действий.

- И что будет? - спросил мистер Хейл.

- Я полагаю, всеобщая забастовка. Представьте, мисс Хейл, через несколько дней вы не увидите в Милтоне дыма.

- Но почему? - спросила она. - Разве вы не могли им объяснить причины, из-за которых торговля идет плохо? Я не знаю, правильно ли я выразилась, но вы поймете, что я имела в виду.

- Вы отчитываетесь перед вашими слугами за ваши расходы или за экономию ваших собственных денег? Мы — собственники капитала, и у нас есть право решать, что делать с деньгами.

- Человеческое право, - ответила Маргарет очень тихо.

- Прошу прощения, я не слышал, что вы сказали.

- Я бы не хотела повторять свои слова, - сказала она. - Они относятся к чувству, которое, я думаю, вы не разделяете.

- Разве вы не испытаете меня? - попросил он.

Ему вдруг захотелось узнать, что она сказала. Она была раздосадована его упрямством, но не стала упорствовать, чтобы не привлекать лишнего внимания.

- Я сказала, что у вас есть человеческое право. Я имела в виду, что, кажется, нет никакой причины, кроме религиозной, почему вы не должны делать то, что нравится, с вашими деньгами.

- Я знаю, мы различаемся в нашем понимании религии, но разве вы не будете уважать меня за то, что у меня тоже есть мнение, хотя и не такое, как ваше?

Он говорил приглушенным голосом, как будто бы для нее одной. Маргарет не хотелось, чтобы он обращался исключительно к ней. Она ответила, повысив голос:

- Думаю, мне проще будет понять ваши религиозные суждения, когда я увижу их в деле. Я согласна, нет такого человеческого закона, который помешал бы работодателям тратить свои деньги согласно своим желаниям. Но в Библии есть несколько отрывков, которые убеждают меня, что, поступая так, вы скверно выполните свой долг руководителя этих людей. Тем не менее, я так мало знаю о забастовках, о зарплате, о капитале и труде, что мне лучше не говорить об этом с таким политическим экономистом, как вы.

- Нет, тем больше причин поговорить, - сказал он пылко. - Я буду только рад объяснить вам все, что может показаться неправильным или непонятным незнакомцу, особенно в такое время, когда наши поступки обсуждаются любым писакой на страницах газет.

- Спасибо, - холодно ответила она. - Конечно, в первую очередь я спрошу совета у отца о том, как мне следует поступать, живя в таком странном обществе.

- Вы считаете его странным, почему?

- Я не знаю, наверное, я еще не привыкла к здешним обычаям. Я вижу два класса, которые завязят друг от друга во всем, и в то же время всегда поступают так, чтобы нанести максимальный ущерб друг другу. Я прежде никогда не слышала, чтобы две группы людей отзывались друг о друге с таким пренебрежением.

- От кого вы слышали пренебрежительный отзыв о владельцах фабрик? Я не спрашиваю, от кого вы слышали пренебрежительный отзыв о рабочих, потому что вижу, что вы решительно не желаете понимать того, о чем я говорил во время прошлого визита к вам. Но от кого вы слышали о жестокости хозяев?

Маргарет покраснела, потом, улыбнувшись, ответила:

- Я не люблю, когда меня допрашивают. Я отказываюсь отвечать на ваш вопрос. Кроме того, это не имеет отношения к делу. Поверьте мне на слово, я слышала об этом от самих рабочих, или, может быть, только от одного рабочего. Он говорил, что не в интересах работодателей платить ему больше, иначе он сможет иметь

свой счет в сберегательном банке, а это делает его более независимым.

- Наверное, это был тот человек, Хиггинс, это он рассказал тебе все это, - сказала миссис Хейл.

Мистер Торнтон не подал виду, что расслышал имя, которое Маргарет явно желала скрыть. Тем не менее, он прекрасно его расслышал.

- Кроме того, я полагаю, что хозяева предпочитают иметь у себя необразованных рабочих, а не лже-законников, - так капитан Леннокс обычно называет тех людей в своем полку, которые сомневаются и раздумывают над каждым приказом.

Последнюю фразу она адресовала больше своему отцу, чем мистеру Торнтону. «Кто такой капитан Леннокс?» - спросил себя мистер Торнтон со странным чувством неудовольствия, что помешало ему сразу же ответить на ее вопрос.

Мистер Хейл вступил в разговор.

- Ты никогда не интересовалась работой школ, Маргарет, иначе ты бы знала, как много сделано для образования в Милтоне.

- Нет! - ответила она с внезапной покорностью. - Да, я мало знаю о школах. Но невежество, о котором я говорила, не имеет отношения к умению читать и писать. Обучить ребенка может каждый. Я имела в виду скорее отсутствие благоразумия, отсутствие ясно осознанной цели в жизни. Я едва ли могу объяснить, что это такое. Но он, тот рабочий, говорил, что владельцы фабрик хотели бы, чтобы их работники были просто большими детьми, живущими настоящим, слепо и безрассудно подчиняясь своим хозяевам.

- Короче говоря, мисс Хейл, совершенно очевидно, что ваш информатор нашел довольно внимательного слушателя и смог беспрепятственно выложить вам всю ту клевету, которую он сочинил против хозяев, - заметил мистер Торнтон с искренней обидой в голосе.

Маргарет не ответила. Она была недовольна, что мистер Торнтон воспринял ее слова как личную обиду.

Мистер Хейл снова решил вмешаться в разговор:

- Я должен признать, что хотя я и не знаком с рабочими так близко, как Маргарет, я также с первого взгляда был поражен враждой между работодателями и работниками. Некоторые ваши слова, сказанные мне на наших занятиях, подтверждают это наблюдение.

Мистер Торнтон немного помолчал, прежде чем ответить. Маргарет вышла из комнаты, и он был рассержен тем, что они снова не смогли понять друг друга. Тем не менее, чувство досады, из-за которого он старался говорить невозмутимо и взвешенно, придало его речи больше достоинства:

- Я полагаю, что мои интересы идентичны интересам моих рабочих и наоборот. Такова моя теория. Мисс Хейл, я знаю, не нравится слышать, когда людей называют «рабочие руки», поэтому я не буду использовать это слово, хотя оно наиболее подходит, как технический термин, и его происхождение, каким бы оно не было, относится к моему времени. Когда-нибудь в будущем, через несколько тысячелетий, в Утопии хозяева и рабочие заключат нерушимый союз, и я готов приветствовать его, так как я считаю республику самой совершенной формой правления.

- Мы возьмемся за «Республику» Платона, как только закончим Гомера.

- Ну, живи мы во времена Платона, возможно, мы все - мужчины, женщины и дети - подходили бы для республики, но давайте возьмем конституционную монархию в нашем нынешнем государстве, с нашими нравами и развитием разума. В младенчестве всем нам необходимо мудрое наставление для того, чтобы направлять нас. На самом деле, длительное младенчество, детство и юность - самое счастливое время и этим счастьем дети во многом обязаны игу законов, а также рассудительной и твердой власти. Я согласен с мисс Хейл, что многие рабочие по своему развитию находятся на уровне детей, хотя я отрицаю, что мы, хозяева, делаем все, чтобы они оставались такими. Я утверждаю, что деспотизм - самый лучший вид управления ими. Поэтому, в те часы, что я общаюсь с ними, я должен быть деспотом. Я использую всю свою проницательность - без обмана и ложной филантропии, которых у нас на севере было с избытком, - чтобы создать мудрые законы и прийти к справедливым решениям в руководстве фабрикой, законы и решения, которые работают для моей пользы в первую очередь, и для них - во вторую. И рабочие никогда не заставят меня ни объяснить причины своих поступков, ни отступить от того, что я уже объявил своим решением. Пусть попробуют забастовать! Я буду страдать так же, как они, но в конце они поймут, что я не дал слабину и ни на йоту не отступил от своих решений.

Маргарет вернулась в комнату и взяла рукоделие, но не разговаривала. Мистер Хейл ответил:

- Осмелюсь сказать, я мало знаю о том, о чем говорю. Но, исходя из того малого, что я знаю, я бы рискнул предположить, что народные массы уже достигли того беспокойного возраста, который находится между

детством и зрелостью. Настаивать на послушании без рассуждений - ошибка, которую многие родители совершают в обращении с детьми в это время. Все, что нужно делать детям, - выполнять свои обязанности, слушать простые приказы: «Иди, когда тебя зовут» и «Делай, что тебе говорят!». Но мудрый родитель потакает желанию независимости и постепенно превращается из господина и повелителя в друга и советчика своему ребенку. Если я ошибаюсь в моих рассуждениях, вспомните, это именно вы приняли аналогию.

- Недавно я услышала историю, которая случилась в Нюрнберге три или четыре года назад, - сказала Маргарет. - В огромном особняке, что был когда-то одновременно и жильем, и складом, жил одинокий богатый человек. Говорили, что у него был ребенок, но никто не знал этого определенно. В течение сорока лет этот слух то возобновлялся, то затихал, никогда полностью не пропадая. После смерти владельца особняка выяснилось, что это правда. У него действительно был сын, взрослый человек с неразвитым умом маленького ребенка. Отец воспитал сына таким странным образом, желая спасти его от искушений и ошибок. Но конечно, едва этот великовозрастный ребенок вернулся в мир, оказалось, что каждый дурной советчик имеет полную власть над ним. Бывший затворник не мог отличить добро от зла. Его отец сделал грубую ошибку, воспитывая его в неведении и полагая, что тем самым сохранит его невинность. А спустя четырнадцать месяцев городские власти вынуждены были взять над найденным опеку, чтобы спасти его от голода. Он даже не мог просить милостыню.

- Я сам использовал сравнение, предложенное вами, мисс Хейл, так что я не должен жаловаться, если ваша улыбка превратится в оружие против меня. Но, мистер Хейл, когда вы привели нам в пример мудрого родителя, вы сказали, что он потакает своим детям в их желании к независимости. Сейчас, конечно, не то время, чтобы стремиться к независимости во время работы. Я едва ли понимаю, что вы тогда имели в виду. Но я скажу, что если хозяева будут посягать на независимость своих рабочих за стенами фабрик, я первый воспротивлюсь этому. То, что рабочие трудятся на нас по десять часов в день, не дает нам права вмешиваться в их личную жизнь. Я ценю мою собственную независимость так высоко, что не могу представить себе большего унижения, чем вмешательство постороннего человека, беспрестанно указывающего, советующего и поучающего меня, даже тщательно планирующего мои действия. Он мог бы быть самым мудрым из людей, самым влиятельным, я бы равно воспротивился и возмутился его вмешательством. Я полагаю, что это чувство сильнее на севере Англии, чем на юге.

- Простите, но не из-за того ли это происходит, что нет и не было никакого равенства, ничего подобного дружбе между тем, кто советует, и тем, кто слушает эти советы? Потому что если каждый человек вынужден сражаться в одиночку, если его преследует зависть и ревность собратьев, ему трудно оставаться христианином.

- Я только констатирую факт. С сожалением я должен сообщить, что у меня встреча в восемь часов, и я должен просто принять факты, как есть, не пытаюсь объяснить их, здесь нет выбора - факты должны быть приняты.

- Но, - сказала Маргарет тихим голосом, - мне кажется, это существенно меняет дело, - мистер Хейл сделал ей знак молчать и позволить мистеру Торнтону закончить.

Он уже поднялся и собрался уходить.

- Вы должны позволить мне объясниться. Есть ли у меня право навязывать любому человеку из Даркшира свое мнение о том, как ему действовать, поступать просто потому, что он продает свой труд, а у меня есть деньги, чтобы купить?

- Ни в малейшей степени, - ответила Маргарет, решившись произнести только одно это. - Ваши деньги тут не играют роли. Но вы человек, который имеет над другими людьми безмерную власть просто потому, что ваши жизни и ваши состояния так неразрывно и тесно переплелись. Вы можете отрицать эту власть, но это ничего не изменит. Бог создал нас так, что мы зависим друг от друга. Мы можем игнорировать нашу зависимость или закрывать на нее глаза, говоря, что дело лишь в выплате заработка за неделю. Но факт остается фактом. Ни вы, ни любой другой хозяин не можете жить и работать в одиночестве. Самый гордый и независимый человек зависит от тех, кто вокруг него, из-за их незаметного влияния на его характер, его жизнь. И у самого независимого из всех ваших даркширцев есть семья, о которой он обязан думать. Он не может отбросить их. Только тот, кто по твердости превосходит самую огромную скалу, может отказаться от них...

- Довольно сравнений, Маргарет. Ты уже однажды убедила нас, - сказал мистер Хейл, улыбаясь, но все же чувствуя неловкость, что они задерживают мистера Торнтон против его воли.

Что же до самого Торнтон, то ему нравилось слушать Маргарет, хотя ее слова и рассердили его.

- Скажите, мисс Хейл, на вас саму когда-нибудь влияли? И если вы когда-либо осознавали, что на вас влияют другие люди, а не обстоятельства, - те, другие люди, действовали прямо или косвенно? Они пытались уговорить

вас, приказать действовать правильно, наставляли вас? Или они были простыми, настоящими людьми, выполняли свой долг и делали это решительно, не задумываясь о том, какое впечатление производят на вас их поступки? Если бы я был рабочим, и если бы я видел ежедневно перед собой честного, пунктуального, сообразительного и решительного хозяина (а рабочие более проникательные шпионы, чем слуги), разве не было бы это для меня лучшим уроком, чем все слова и советы? Я не хочу думать слишком много о том, что есть я сам, но я полагаюсь на честность моих рабочих, на их откровенность и не буду прибегать к уловкам, которые используют другие владельцы фабрик, чтобы утихомирить и обмануть забастовщиков. Мои рабочие и так знают, что я презираю бесчестную выгоду и обман. Можно прочитать целый курс лекций на тему «Честность - лучшая политика», но жизнь упрощает слова. Нет, нет! Каким будет хозяин, такими будут рабочие, если они не будут задумываться слишком много.

- Это великое признание, - сказала Маргарет, смеясь. - Когда я вижу, как человек вспыльчивый и упрямый отстаивает свои права, я могу с уверенностью заключить, что он плохо знает самого себя и не желает признаваться, что ему ведомы страдания и не чужда доброта, и что он заботится не только о себе.

- Вы просто не понимаете, как работает наша система, мисс Хейл, - возразил он поспешно. - Вы полагаете, что рабочие - куски теста, которым мы можем придать форму по своему усмотрению. Вы забываете, что мы имеем дело с ними на протяжении менее чем трети их жизни. Кроме того, обязанности промышленника включают в себя не только заботу о рабочей силе. Мы поддерживаем широкую коммерческую деятельность, которая превращает нас в основоположников цивилизации.

- Это поражает меня, - сказал мистер Хейл, улыбаясь, - что вы можете быть основоположником цивилизации и в своем городе. Они - грубияны и варвары, эти ваши рабочие Милтона.

- Они такие, - ответил мистер Торнтон. - Запах розовой воды не исправит их. Из Кромвеля вышел бы превосходный владелец фабрики, мисс Хейл. Я бы хотел, чтобы он был с нами, чтобы подавить эту забастовку за нас.

- Кромвель не мой герой, - ответила она холодно. - Но я пытаюсь примирить ваше восхищение деспотизмом с вашим уважением к независимости характера других людей.

Он покраснел.

- Я предпочитаю быть твердым и ответственным хозяином в те часы, когда они работают на меня. Но эти часы истекают, наши отношения прекращаются. И потом они становятся такими же независимыми, каким чувствую себя я.

Мистер Торнтон молчал минуту, так как был очень расстроен. Но вскоре он сумел совладать со своими чувствами и пожелал мистеру и миссис Хейл спокойной ночи. Затем, приблизившись к Маргарет, сказал тихо:

- Я разговаривал с вами в этот вечер второпях, и боюсь, довольно грубо. Но вы знаете, что я всего лишь грубый милтонский промышленник. Вы простите меня?

- Конечно, - ответила она, улыбаясь ему.

Он казался мрачным и беспокойным, но едва увидел ее милое сияющее лицо, его взгляд тут же прояснился, и мистер Торнтон мгновенно забыл о той холодности и суровости, что читал в ее глазах во время их спора. Но она не протянула ему руку, и он опять счел это знаком пренебрежения и приписал этот поступок ее гордости.

Глава XVI

Тень смерти

«Доверяй той скрытой руке, что ведет
Тебя по тропе, которой пройти суждено;
Но всегда будь готов
К превратностям судьбы».
Из арабского

На следующий день доктор Дональдсон пришел, чтобы осмотреть миссис Хейл. Маргарет надеялась, что благодаря установившимся близким отношениям с матерью между ними больше не будет тайн, но она

ошиблась. Ее по-прежнему не впускали в комнату к миссис Хейл, только Диксон дозволялось туда входить. Маргарет была скорее обеспокоена, чем раздосадована, - ей не знакома была любовь собственного сына, — если она любила, то любила глубоко и страстно и без малейшей ревности.

Она прошла в гостиную и стала ходить взад и вперед, ожидая пока выйдет доктор. Время от времени она останавливалась и прислушивалась. Ей показалось, что она услышала стон. Маргарет крепко сжала руки и задержала дыхание. Она была уверена, что слышала стон. Несколько минут все было спокойно, потом в гостиной задвигались стулья, послышались возбужденные голоса и легкий шум.

Когда Маргарет услышала, что дверь открылась, она быстро вышла из комнаты.

- Моего отца нет дома, доктор Дональдсон. В это время он занимается с учениками. Вас не затруднит пройти в его кабинет?

Маргарет преодолела все препятствия, что учинила ей Диксон. Она просто воспользовалась своим положением дочери, подобно Старшему Брату,[9] который очень эффективно пресек вмешательство старого слуги в его дела. Осознание того, что она, возможно, обидела Диксона, настаивая на собственных правах, на какое-то время отвлекло Маргарет от постоянного беспокойства. По изумленному выражению лица Диксон она догадалась, как, должно быть, до нелепости важно выглядит. И с этой мыслью она направилась вниз по лестнице в комнату отца. Теперь опасения снова вернулись. Прошла минута или две, прежде чем она смогла произнести хоть слово.

Но затем она спросила со всей возможной настойчивостью:

- Скажите, что с мамой? Вы очень обяжете меня, просто сказав правду, - и, увидев легкое замешательство на лице доктора, добавила:

- Я - ее единственная дочь... здесь, я имею в виду. Боюсь, что мой отец недостаточно обеспокоен ее состоянием и поэтому, если есть какое-то серьезное опасение за здоровье мамы, его нужно подготовить. Я смогу сделать это. Я могу ухаживать за своей матерью. Прошу, скажите, сэр. Я не в состоянии ничего прочесть на вашем лице, и это пугает меня больше, чем любые ваши слова.

- Моя дорогая юная леди, кажется, у вашей мамы есть самая внимательная и умелая служанка, которая для нее больше, чем друг...

- Я - ее дочь, сэр.

- Но когда я спросил о вас, она выразила желание ничего вам не рассказывать...

- Я не так послушна и терпелива, чтобы слепо подчиниться запрету. Кроме того, я уверена, вы достаточно мудры, достаточно опытны и сохраните наш секрет.

- Ну, - сказал он, печально улыбувшись, - вы правы. Я не обещал. На самом деле, я боюсь, что секрет скоро станет известен и так.

Он замолчал. Маргарет побледнела и сильнее сжала губы. Ни одна черточка ее лица не дрогнула. Обладая пронзительностью, без которой ни один врач не смог бы достичь высокого положения, доктор понял, что эта девушка потребует от него всей правды, что она поймет, если он утаит от нее хоть малую толику, и что недоговоренность будет более жестокой пыткой для нее, чем сама правда. Он рассказал обо всем коротко и ясно тихим голосом, не переставая наблюдать за ней. Зрачки ее глаз расширились от ужаса, а цвет лица стал мертвенно-бледным. Он замолчал. Он ждал, чтобы ужас исчез из ее глаз, а затрудненное дыхание восстановилось. Потом она произнесла:

- Я благодарна вам, сэр, за ваше доверие. Этот страх преследовал меня несколько недель. Это была настоящая агония. Моя бедная, бедная мама! - губы Маргарет начали дрожать, и доктор позволил ей выплакаться, уверенный, что этой девушке достанет самообладания, чтобы успокоиться.

Но Маргарет лишь всхлипнула, она вспомнила, что ей хотелось о многом его расспросить.

- Она будет сильно страдать?

Доктор Дональдсон покачал головой:

- Этого я не могу сказать. Все зависит от телосложения, от разных причин. Но последние открытия медицины помогут нам облегчить ее страдания.

- Мой отец! - сказала Маргарет, задрожав.

- Я не знаком с мистером Хейлом. Поэтому мне трудно дать совет. Но я полагаю, вы можете сообщить вашему отцу то, что вам угодно. Скорее мои визиты, с которыми я буду приходить к вам время от времени, - хотя боюсь, что не смогу ничего сделать, а только облегчить страдания, - а также множество самых незначительных случайностей могут разбудить его тревогу, усилить ее, поэтому его все же лучше подготовить. Более того, моя дорогая юная леди... я видел мистера Торнтон, и я уважаю вашего отца за жертву, которую он

принес, тем не менее, как я полагаю, он ошибся. Ну, на этот раз - все, если вы удовлетворены, моя дорогая. Только помните, когда я приду снова, я приду как друг. И вы должны научиться считать меня другом, потому что знакомство при таких обстоятельствах значит больше, чем годы светского общения.

Маргарет не могла ответить - ее душили слезы, но она крепко пожала ему руку при прощании.

«Что за чудесная девушка! - подумал доктор Дональдсон, сидя в своем экипаже. - Кто бы мог подумать, что такая маленькая рука может быть такой сильной? Мускулы кисти хорошо развиты... Она настоящая королева! Как гордо она откинула голову, когда заставляла меня говорить правду, а затем наклонила ее, чтобы внимательно слушать. Бедняжка! Я должен проследить, чтобы она не переутомилась. Хотя, поразительно, сколько страданий могут вынести такие хрупкие создания. Эта девушка по-настоящему смелая. Ни обморока, ни истерики. Она бы не опустилась до этого, только не она! И это сила воли привела ее в сознание. Будь я на тридцать лет моложе, я бы тут же упал к ее ногам. Но сейчас слишком поздно. А! Вот мы и у Арчеров», - так он и вышел из экипажа, готовясь служить благу больного всей своей мудростью, опытом, с сочувствием, как будто в целом мире для него не было ничего более важного.

Тем временем Маргарет вернулась на минуту в кабинет отца, чтобы вновь набраться сил, прежде чем подняться наверх к матери.

- О, мой Бог, мой Бог! Но это ужасно! Как я перенесу это? Такое тяжелое заболевание! И нет надежды! О, мама, мама! Лучше бы я никогда не ездила к тете Шоу и не провела бы все эти бесценные годы вдали от тебя! Бедная мама! Сколько она, должно быть, вытерпела! О! Я умоляю, тебя, Господи, пусть ее страдания не будут такими сильными, такими ужасными! Как я переживу ее страдания? Как я смогу вытерпеть папины муки? Ему нельзя все рассказывать, не все сразу. Это убьет его. Но я не хочу терять ни одной лишней минуты вдали от моей дорогой, любимой мамы.

Она поднялась наверх. Диксон не было в комнате. Миссис Хейл лежала, откинувшись в кресле, завернувшись в мягкую белую шаль и надев чепец, отдыхая после визита доктора. Ее лицо было бледным и изможденным, но спокойным, и это спокойствие поразило Маргарет.

- Маргарет, ты так странно выглядишь! В чем дело? - спросила миссис Хейл, но когда догадка вдруг осенила ее, она добавила почти сердито:

- Ты не виделась с доктором Дональдсоном и не задавала ему вопросы, не правда ли, дитя?

Маргарет не ответила, только с тоской посмотрела на мать. Миссис Хейл сдвинула брови.

- Он, конечно, не нарушил бы данное мне слово, и...

- О, да, мама, конечно. Я заставила его. Это из-за меня, это я виновата, - она опустилась на колени возле матери и схватила ее руку, она бы ни за что не отпустила ее, хотя миссис Хейл и пыталась ее выдернуть. Маргарет продолжала целовать ее, омывая своими горячими слезами.

- Маргарет, это неправильно. Ты знала, что мне не хотелось, чтобы тебе говорили, - но как будто устав от борьбы, миссис Хейл оставила свою руку в ладонях Маргарет и спустя какое-то время слегка сжала пальцы. Это приободрило Маргарет, и она сказала:

- О, мама! Позволь мне быть твоей сиделкой. Я научусь всему, чему Диксон сможет научить меня. Ты же знаешь, я - твое дитя, и я думаю, что имею право делать для тебя все.

- Ты не знаешь, о чем просишь, - ответила миссис Хейл, вздрогнув.

- Нет, знаю. Я знаю намного больше, чем ты думаешь. Позволь мне быть твоей сиделкой. Во всяком случае, позволь мне попробовать. Никто не сделает это так усердно, как я. Это будет такая помощь, мама.

- Мое бедное дитя! Хорошо, попробуй. Ты знаешь, Маргарет, Диксон и я думали, ты будешь избегать меня, если узнаешь...

- Диксон думала! - сказала Маргарет презрительно. - Диксон не могла поверить, что я люблю тебя так же, как и она. Я полагаю, она думала, что я одна из тех бедных болезненных женщин, которым нравится лежать на розовых лепестках и обмахиваться веером весь день. Не позволяй фантазиям Диксон отдалять меня от тебя, мама. Пожалуйста, не позволяй! - умоляла она.

- Не сердись на Диксон, - сказала миссис Хейл беспокойно.

Маргарет пришла в себя.

- Нет, не буду. Я постараюсь быть покорной и научиться у нее всему, если только ты позволишь мне делать для тебя все, что я смогу. Позволь мне самой помогать тебе, мама, я так хочу этого. Я воображала себе, что ты забудешь меня, пока я живу у тети Шоу, и плакала, засыпая по ночам с этой мыслью.

- А я все время думала, как ты, Маргарет, будешь терпеть нашу бедность после комфорта и роскоши Харли-стрит, — каждый раз, когда ты приезжала, я стыдилась нашего бедного дома в Хелстоне больше, чем при

визите любого незнакомого гостя.

- О, мама, а я так радовалась жизни в Хелстоне. Там было гораздо интереснее, чем на Харли-стрит. Полки с ручками от гардероба, которые становились подносами на праздничных ужинах. А еще старые коробки из-под чая, которые набили и укрыли, и получилась такая замечательная тахта. Я считаю, что та честная бедность в нашем дорогом Хелстоне была самой замечательной частью нашей жизни.

- Я больше никогда не увижу Хелстон, Маргарет, - сказала миссис Хейл, на глазах появились слезы. Маргарет не смогла ответить. Миссис Хейл продолжила:

- Пока я была там, мне все время хотелось уехать из него. Любое другое место казалось приятнее. А теперь я умру вдали от него. Я справедливо наказана.

- Ты не должна говорить так, - сказала Маргарет нетерпеливо. - Доктор сказал, что ты можешь прожить еще годы. О, мама! Мы еще вернемся в Хелстон.

- Никогда. Я должна принять это, как покаяние. Но, Маргарет... Фредерик!

При упоминании этого имени она внезапно вскрикнула так громко, как будто ее пронзила острая боль. Казалось, будто даже сама мысль о нем лишает ее самообладания, разрушает спокойствие, ослабляет до изнеможения. В иступлении миссис Хейл закричала: «Фредерик! Фредерик! Вернись ко мне! Я умираю! Мой маленький первенец, приди ко мне снова!»

Она билась в истерике. Перепуганная Маргарет вышла и позвала Диксон. Диксон пришла раздраженная и обвинила Маргарет в том, что это из-за нее миссис Хейл так разволновалась. Маргарет кротко стерпела слова служанки, молясь, чтобы отец не вернулся сейчас домой. Несмотря на свой страх, она повиновалась всем указаниям Диксон быстро и четко, даже не пытаясь оправдаться. Ее поведение успокоило Диксон. Они уложили миссис Хейл в постель, и Маргарет сидела возле матери, пока та не уснула, после чего Диксон поманила Маргарет из комнаты. С мрачным выражением лица, как будто делала что-то противоречащее своей натуре, она предложила своей молодой хозяйке выпить кофе, который приготовила для нее в гостиной, и стояла за ее спиной, пока Маргарет его не выпила.

- Не будь вы такой любопытной, мисс, вам не пришлось бы волноваться раньше времени. Рано или поздно вы все узнали бы. А теперь, я полагаю, вы обо всем расскажете хозяину. Сколько же заботы мне прибавится по вашей милости!

- Нет, Диксон, - ответила Маргарет печально. - Я не расскажу папе. Он не сможет вынести это, как я, - и в доказательство того, как терпеливо она сносит эту весть, Маргарет расплакалась.

- Эй! Я знала, как это будет. Сейчас вы разбудите вашу маму, а она только спокойно уснула. Мисс Маргарет, моя дорогая, мне пришлось скрывать это много недель. Может, я не люблю ее так же сильно, как вы, но я все же люблю ее больше, чем любой другой мужчина, женщина или ребенок - кроме разве что мастера Фредерика. С тех самых пор, как служанка леди Бересфорд впервые взяла меня посмотреть на нее, одетую в белое платьице, расшитое алыми маками. Я поранила иголкой палец, а она разорвала свой носовой платок и перевязала мне руку, а потом пришла смочить повязку лосьоном, когда вернулась с бала, где она была самой красивой молодой леди из всех. Я никогда никого не любила так, как ее. Я совсем не думала, что увижу ее такой, слабой и больной. Я никого не упрекаю. Многие назовут вас милой и красивой, и тому подобное. Даже в этом дымном месте, где можно ослепнуть от дыма, слепой и то это увидит. Но вы никогда не будете такой красивой, как ваша мать, никогда, даже если доживете до ста лет.

- Мама все еще очень красивая. Бедная мама!

- Ну, или вы куда-нибудь пойдете прогуляться, или я, в конце концов, рассержусь,- решительно сказала Диксон. - Вы ни за что не выдержите приход хозяина домой и его расспросы в таком состоянии. Выйдите и прогуляйтесь, а придете - там посмотрим, как поступить. Много раз мне хотелось не думать о том, что случилось с ней, и чем все это должно закончиться.

- О, Диксон! - сказала Маргарет. - Как часто я спорила с тобой, не зная, какую страшную тайну ты хранишь.

- Благослови вас Бог, дитя! Мне нравится видеть, что вы сохраняете присутствие духа. Это старая добрая кровь Бересфордов. Ведь последний сэр Джон дважды стрелял в своего управляющего, не сходя с места, когда ему рассказали, как управляющий обращался с арендаторами, а он просто обдирал их, пока не обобрал до нитки.

- Ну, Диксон, я не буду стрелять в тебя и постараюсь больше не спорить с тобой.

- Вы никогда не спорите. Если я и говорю так временами, то только наедине с самой собой, просто чтобы немного поболтать, потому что здесь нет никого, с кем бы можно было словом перемолвиться. А когда вы сердитесь, вы очень похожи на мастера Фредерика. Я вижу, как гнев застилает ваше лицо, словно темное облако, — так же было и с ним. Но теперь уходите, мисс. Я присмотрю за миссис и за хозяином. Его книги

составят ему компанию, если он придет.

- Я пойду, - ответила Маргарет. Она постояла рядом с Диксон минуту или больше, как будто боясь чего-то и колеблясь, а потом внезапно поцеловала ее и быстро вышла из комнаты.

- Благослови ее Бог! - сказала Диксон. - Она такая же ласковая. Только троих я люблю - миссис, мастера Фредерика и ее. Только троих. Это все. Остальные пусть проваливаются, потому что я не знаю, для чего они нужны на этой земле. Хозяин родился, как я полагаю, чтобы жениться на миссис. И если, как я думаю, он сильно ее любит, я могла бы полюбить его через какое-то время. Но он должен больше заботиться о ней, а не все время читать и читать, думать и думать. Посмотри, к чему это привело. Многие, кто никогда не читает и даже не думает, становятся Ректорами или Деканами и еще кем-нибудь. Смею сказать, и хозяин мог бы, если бы просто заботился о миссис и оставил скучное чтение и мысли в покое. Вот она идет, - Диксон выглянула в окно, услышав, как хлопнула входная дверь. - Бедная молодая леди! Ее одежда выглядит поношенной по сравнению с той, в которой она приехала в Хелстон год назад. Тогда у нее не было штопаных чулок и стиранных перчаток. А теперь...!

Глава XVII

Что такое забастовка?

«На каждой тропинке встречается терн,
Что нуждается в терпеливом уходе;
А в каждой судьбе — страдания
И потребность в искренней молитве».
Аноним

Маргарет вышла из дома очень неохотно и с тяжелым сердцем. Но долгая прогулка, да и суета милтонской улицы прибодрили ее, прежде чем она дошла до первого поворота. Вскоре ее походка вновь стала легкой и стремительной, а губы заалели. Она стала обращать внимание на то, что происходило вокруг, полностью отрешившись от своих мыслей. Прежде всего, Маргарет заметила, что сегодня на улицах много празднующихся: мужчины, засунув руки в карманы, прохаживались по улице, молодые девушки, собравшись вместе, громко смеялись и разговаривали, очевидно находясь в приподнятом настроении, словно опьяненные свободой. Люди дурного нрава околачивались возле ступенек пивных, куря и довольно бесцеремонно обсуждая каждого прохожего. Маргарет это совсем не понравилось. Сначала она намеревалась прогуляться по полям, расположенным за городом, но теперь решила навестить Бесси Хиггинс. Эта прогулка не будет настолько живительной, как загородная, но все же, возможно, пойдет ей на пользу.

Когда она вошла, Николас Хиггинс сидел у огня и курил. Бесси качалась в своем кресле.

Николас вынул трубку изо рта и, поднявшись, подвинул свой стул Маргарет. Он стоял у камина и слушал, как гостя расспрашивала Бесси о ее здоровье.

- У нее слишком подавленное настроение, но чувствует она себя лучше, - сказал он Маргарет. - Ей не нравится эта забастовка. Она бы много отдала за то, чтобы мы успокоились.

- Это третья забастовка, которую я вижу, - сказала Бесси, вздыхая, как будто это было лучшим объяснением.

- Ну, третий раз окупит все. Вот увидите, мы пошлем к черту хозяев на этот раз. Вот увидите, они еще придут и попросят нас вернуться на работу за плату, которую мы требуем. Так и будет. Прежде не все шло гладко, я согласен, но на этот раз мы подготовились очень серьезно.

- Почему вы бастуете? — спросила Маргарет. - Забастовка - это прекращение работы до тех пор, пока вы не получите требуемый заработок, не так ли? Вы не должны удивляться моему невежеству, там, откуда я приехала, я никогда не слышала о забастовке.

- Как бы я хотела оказаться там, - сказала Бесси уныло. - Я смертельно устала от забастовок. Это последняя забастовка в моей жизни. До того, как она закончится, я буду в Великом Граде - Святом Иерусалиме.

- Она все время об этом говорит и совсем не хочет думать о нашем грешном мире. Но я и так сделаю все, что могу. Я думаю, лучше синица в руке, чем журавль в небе. Поэтому мы с ней никак не можем сойтись насчет

этой забастовки.

- Но, - сказала Маргарет, - если у нас на юге наемные рабочие будут бастовать, то хлеб не будет посеян, сено не будет убрано, а урожай не будет собран.

- Ну и что? - спокойно сказал Николас.

- В этом случае, - продолжила она, - что будет с фермерами?

Он выпустил дым.

- Я полагаю, им нужно либо бросить свои фермы, либо предложить работникам справедливый заработок.

- А что, если они просто не смогут? Они не смогут бросить свои фермы в одночасье. А если у них не будет ни сена, ни зерна, чтобы продать в этом году, тогда откуда у них появятся деньги, чтобы заплатить работникам?

Продолжая пускать дым, он наконец сказал:

- Я ничего не знаю о жизни на юге. Я слышал, ваши работники - просто кучка слабаков. Они страдают от голода. Но они слишком носятся со своим страданием и не хотят увидеть, когда их надувают. Здесь же совсем не так. Мы знаем, когда нас надувают, и у нас много сил. Мы просто останавливаем свои ткацкие станки и говорим: - «Вы можете уморить нас голодом, но вы не обманете нас, хозяева!» И будь они прокляты, в этот раз у них ничего не выйдет!

- Я хотела бы жить на юге, - повторила Бесси.

- Там жизнь тоже не легка, - сказала Маргарет. - Везде есть горе, которое нужно терпеть. Есть очень тяжелый труд, который нужно выдержать, но очень мало еды, чтобы восстановить силы.

- Но этот труд на открытом воздухе, - возразила Бесси. - И вдаль от этого бесконечного, бесконечного шума и противной жары.

- Иногда там идет сильный дождь, а иногда ужасно холодно. Молодые достаточно выносливы, но пожилые мучаются от ревматизма, сгибаются и увядают раньше времени. И все же они должны работать по-прежнему или идти в рабочий дом.

- Я думала, вам нравилось жить на юге.

- Так и есть, - ответила Маргарет, чуть улыбаясь, поскольку поняла, что ее поймали на собственных словах.

- Я только имела в виду, Бесси, что в этом мире везде есть и хорошее, и плохое. И раз уж ты чувствуешь себя несчастной здесь, я думаю, что будет справедливо рассказать тебе, что там тоже есть несчастные.

- Вы сказали, они там никогда не бастуют? — неожиданно спросил Николас.

- Нет! - ответила Маргарет. - Я думаю, что для этого у них слишком много здравого смысла.

- А я думаю, - ответил он, вытряхивая пепел из своей трубки с такой силой, что она сломалась, - что они слабы духом.

- О, отец! - воскликнула Бесси, - чего вы добились своей забастовкой? Вспомни о той первой забастовке, когда умерла мама... как нам всем пришлось страдать от голода... а тебе - больше всех. И все равно многие вернулись на работу за тот же самый заработок, пока все не вышли работать. А некоторые остались нищими на всю свою жизнь.

- Да, - согласился он. - Та забастовка совсем не удалась. Те, кто руководил ею, оказались или дураками или скверными людьми. Вот увидите, на этот раз все будет по-другому.

- Но за все это время вы не сказали мне, почему вы бастуете, - заметила Маргарет.

- Ну, дело вот в чем. В Милтоне есть пять или шесть хозяев, которые снова стали платить ту зарплату, что платили два года назад, и продолжают процветать и обогащаться. А теперь они приходят к нам и говорят, что мы должны получать меньше. А мы не будем. Мы просто сначала уморим себя голодом, а потом посмотрим, кто будет на них работать. Они убьют курицу, несущую золотые яйца.

- Вы уморите себя, чтобы отомстить им?!

- Нет, - ответил Николас, - я просто скорее умру, чем уступлю. Если за это хвалят солдат, то почему бы бедному ткачу не быть таким же?

- Но, - сказала Маргарет, - солдат умирает во имя народа, во имя других.

Он мрачно рассмеялся:

- Милая, вы еще очень молоды, но не думаете же вы, что я могу содержать трех людей - Бесси, Мэри и себя - на шестнадцать шиллингов в неделю? Не думаете же вы, что я бастую ради себя? Я делаю это во имя других, как и ваш солдат. Только он умирает ради людей, которых никогда не видел. А я забочусь о Джоне Баучере — он живет по соседству с больной женой и восемью детьми, и все восемь еще слишком малы, чтобы работать. И я забочусь не только о нем, хотя он, бедняга, ни к чему не годен, кроме как работать одновременно на двух станках, но я забочусь о справедливости. Почему, спрашиваю я, сейчас мы должны получать меньше, чем два

года назад?

- Не спрашивайте меня, - сказала Маргарет, - я не знаю. Спросите своих хозяев. Они, конечно, объяснят вам, почему. Это не просто их блажь.

- Вы нездешняя, поэтому и говорите такое, - сказал он сердито. - Много вы знаете! Спросите хозяев! Они велят нам заниматься своим делом, а они будут заниматься своим. Наше дело, как вы понимаете, - получать гроши и быть благодарными, а их дело - заморить нас голодом, чтобы увеличить свою прибыль. Вот и все.

- Но, - произнесла Маргарет, решив не уступать, хотя и видела, что она сердит его, - может быть, состояние торговли таково, что они не могут предложить вам то же самое жалование?

- Состояние торговли. Это просто уловка хозяев. Я говорил о размере жалованья. Хозяева сами управляют торговлей и просто пугают нас, как детей. Я скажу вам, чего они хотят - они хотят отбить у нас всякую волю и заставить работать без продыху. А значит, мы должны терпеть и упрямо бороться — не за нас одних, а за всех, кто рядом с нами, за справедливость и справедливое жалование. Мы помогаем хозяевам получать прибыль, и мы должны помочь им потратить ее. Не то, чтобы нам хочется сразу много денег, как нам хотелось раньше. У нас есть сбережения, и мы решили держаться вместе. Никто не пойдет работать, пока Союз рабочих не договорится с хозяевами. Поэтому я говорю: «Даешь забастовку», и пусть Торнтон и Сликсон, и Хэмпер, и иже с ними посмотрят на это!

- Торнтон! - воскликнула Маргарет. - Мистер Торнтон с Мальборо-стрит?

- Да! Торнтон с фабрики Мальборо, как мы зовем его.

- Он один из хозяев, с которыми вы враждуете, да? Какой он хозяин?

- Вы когда-нибудь видели бульдога? Поставь бульдога на задние лапы и одень его в сюртук и брюки, и вы получите Джона Торнтона.

- Нет, - ответила Маргарет, смеясь. - Я не согласна с этим. Мистер Торнтон не похож на бульдога, у него нет ни короткого носа, ни вздернутой губы.

- Нет, не по виду, согласен. Но если Джон Торнтон ухватится за что-нибудь, он вцепится, как бульдог. Его можно отогнать только вилами или оставить в покое. Он стоит того, чтобы с ним бороться, этот Джон Торнтон. Что касается Сликсона, — через несколько дней он будет соблазнять своих людей вернуться на работу и обещать им золотые горы. Но их просто обманут, как только они окажутся в его власти. Он хорошо отыграется на них своими штрафами. Он скользкий, как угорь. Он как кот, такой же лоснящийся, хитрый и жестокий. С ним никогда нельзя бороться честно, как с Торнтоном. Торнтон - такой же непреклонный, как дверной гвоздь, упрямый парень, железный до последнего дюйма, - настоящий бульдог.

- Бедная Бесси! - сказала Маргарет, поворачиваясь к ней. - Ты горюешь? Тебе не нравятся сражения, правда?

- Правда, - тяжело вздохнула девушка. - Мне все это отвратительно. Мне бы хотелось говорить о чем-нибудь другом в свои последние дни, а не о столкновении, звяканье и грохоте, не о работе и жалованье, не о хозяевах, рабочих и штрейкбрехерах. Я так устала от всего этого!

- Бедняжка! - Хиггинс мгновенно смягчился. - Твои последние дни должны быть прекрасными. Но из-за забастовки я все время буду дома, и тебе будет веселее.

- Табачный дым душит меня, - сказала она недовольно.

- Тогда я никогда не буду больше курить в доме! - ответил он нежно. - Но почему же ты не сказала мне раньше, глупышка?

Она молчала какое-то время, а потом ответила так тихо, что только Маргарет ее слышала:

- Полагаю, ему скоро захочется выкурить трубку или выпить, как он делал раньше.

Ее отец вышел на улицу, очевидно для того, чтобы докурить трубку.

Бесси сказала страстно:

- Ну разве я не дура, разве нет, мисс? Я знала, что должна удержать отца дома и подальше от людей. Они ведь всегда готовы соблазнить человека во время забастовки выпивкой! И вот мне нужно было прицепиться к его трубке. И он уйдет, я знаю, он уйдет, и никто не знает, где все это закончится. Лучше бы я позволила себе задохнуться!

- Твой отец пьет? - спросила Маргарет.

- Нет, не скажу, что пьет в горькую, - ответила она по-прежнему взволнованным голосом. - Но что из этого? У вас, так же, как и у других людей, бывают дни, я полагаю, когда вы встаете и просто живете, ожидая хоть каких-то перемен, какого-то толчка. Однажды я вышла и купила четыре фунта хлеба в другой булочной, просто потому, что мне стало плохо при мысли, что я снова увижу то же самое перед глазами, услышу одно и то же, снова буду думать о том же, или не думать ни о чем, по правде говоря, и так день за днем. Мне бы очень

хотелось быть мужчиной, чтобы кутить, даже если бы пришлось потом брести куда-то на новые места в поисках работы. А что до отца - и всех мужчин - в них это еще сильнее, чем во мне. А что им делать? Для них это малый грех, если они ходят в пивные, чтобы разгонять кровь, стать бодрее и видеть то, что они не видят в обычное время - картины, зеркала и тому подобное. Но отец никогда не был пьяницей, хотя может быть, ему становилось хуже от спиртного, время от времени. Только видите, - теперь ее голос стал унылым, умоляющим, - во время забастовки столько всего происходит, чтобы сломать человека, поскольку у него появляется надежда. И откуда придет утешение? Он станет злым и безумным - они все, - а потом они устают от злости и безумия и в своем гневе совершают поступки, о которых были бы рады забыть. Благослови ваше милое сострадательное лицо! Но вы не знаете еще, что такое забастовка.

- Успокойся, Бесси, - сказала Маргарет. - Я не скажу, что ты преувеличиваешь, потому что я мало знаю об этом. Но, возможно, так как ты нездорова, ты видишь все в мрачном свете.

- Вам хорошо так говорить — вы жили в великолепных зеленых лугах всю свою жизнь, и никогда не знали ни горестей, ни забот, ни искушений.

- Будь осторожна,- сказала Маргарет, ее щеки вспыхнули, а глаза заблестели, - будь осторожна в своих суждениях, Бесси. Я пойду домой к своей матери, которая очень больна... очень больна, Бесси, для нее нет выхода из плена страданий, кроме смерти. А еще я должна весело разговаривать со своим отцом, который не имеет представления о ее настоящем состоянии, и которому нужно сообщить эту новость постепенно. Единственный человек, который может посочувствовать мне и помочь, чье присутствие могло бы успокоить мою мать больше, чем кто-либо другой на земле, - невинно осужден - его убьют, если он придет навестить свою умирающую мать. Это я рассказываю тебе, только тебе, Бесси. Ты не должна упоминать об этом. Ни один человек в Милтоне - едва ли кто еще в Англии - знает об этом. У меня нет забот? Я не знаю беспокойства, хотя я хорошо одета и у меня достаточно еды? О, Бесси, Бог справедлив и уготовил нам наши судьбы, хотя никто, кроме него, не знает, сколько горечи в наших душах.

- Прошу прощения, - ответила Бесси кротко. - Иногда, когда я думала о своей жизни и о том, как мало радости я видела, то верила, что, может быть, я - единственная из тех, кто обречен на смерть падением звезды с небес. «И имя сей звезде — «полынь». И третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они сделались горьки».[10] Любой может переносить боль и горе лучше, если думает, что судьбы всех predetermined заранее: так или иначе, тогда кажется, будто моя боль необходима для завершения замысла, а иногда кажется, что все напрасно.

- Нет, Бесси, подумай! - сказала Маргарет. - Бог не причиняет боли по своему желанию. Не живи одними пророчествами Откровения Иоанна Богослова, лучше прочти понятные отрывки из Библии.

- Осмелюсь сказать, так будет разумнее, но где еще я услышу такие величественные слова и обещания, где еще услышу рассказ о том, что так отличается от этого ужасного мира и этого города, как не в Откровении? Много раз я повторяла строфы из седьмой главы для себя, просто чтобы слышать, как они звучат. Это словно слушать орган. Нет, я не могу бросить Откровение. Оно дает мне больше утешения, чем любая другая книга в Библии.

- Позволь мне прийти и прочитать тебе несколько моих любимых глав.

- Да, - сказала она с жадностью, - приходи. Отец, может быть, тоже послушает тебя. Он не обращает внимания на мои разговоры и говорит, что все бесполезно.

- А где твоя сестра?

- Пошла резать фланель. Я была против, но мы должны как-то жить. А Союз рабочих не может предложить много денег.

- Ну, я должна идти. Ты сделала доброе дело, Бесси.

- Я сделала доброе дело?

- Да. Я пришла сюда очень грустной и думала, что мое горе - единственное в мире. И теперь, услышав, как тебе пришлось мириться со страданиями столько лет, я почувствовала себя сильнее.

- Благослови вас Бог! Это доброе дело - дать силы хорошему человеку. Я, пожалуй, возгоржусь, если подумаю, что могу сделать для вас добро.

- Ты не возгордишься, если подумаешь об этом. Но ты запутаешься, если будешь думать слишком много. И я бы очень хотела, чтобы ты нашла утешение.

- Вы не такая, как все те, кого я видела. Я не знаю, из чего вы сделаны.

- Как и я сама. До свидания!

Бесси качалась в кресле, глядя ей вслед.

- Интересно, много ли таких людей, как она, на юге. Она - как дыхание свежего воздуха. Ее присутствие освежает меня хоть ненадолго. Кто бы мог подумать, что лицо, такое чистое и сильное, как у ангела, которого я видела во сне, - знакомо с горем, о котором она говорила? Не знаю, ведом ли ей грех. Хотя все мы грешим. Несомненно, я много о ней думаю. И отец тоже. И даже Мэри. А такое случается не так уж часто.

Глава XVIII

Симпатии и антипатии

«Мое сердце бунтует в моей груди,
И два голоса мне слышны».
Уолленштайн

Вернувшись домой, Маргарет нашла на столе два письма: записку для матери и письмо от тети Шоу, покрытое иностранными марками, тонкое, серебристое и хрустящее. Она взяла его и стала читать, когда внезапно вошел отец:

- Твоя мама устала и рано легла! Боюсь, такой душный день оказался не самым лучшим для визита доктора. Что он думает? Диксон сказала мне, что он разговаривал с тобой о маме.

Маргарет замешкалась. Взгляд ее отца становился более мрачным и беспокойным:

- Он не думает, что она серьезно больна?

- Не теперь. Ей нужна забота, сказал он. Доктор был очень добр и сказал, что зайдет еще — узнать, помогает ли лекарство.

- Только забота... он не рекомендовал поменять климат? Он не сказал, что этот задымленный город причиняет ей вред, а, Маргарет?

- Нет, ни слова, — ответила она серьезно. — Я думаю, он был просто обеспокоен.

- Доктора всегда обеспокоены, это профессиональное, — заметил он.

По нервозности отца Маргарет поняла, что, несмотря на все попытки избежать горькой правды, в его сердце зародились первые признаки тревоги. Он не мог забыть их разговор, не мог отвлечься. Он продолжал возвращаться к нему весь вечер, вновь и вновь убеждая себя, что беспокоиться не о чем, из-за чего Маргарет чувствовала себя очень подавленной.

- Это письмо от тети Шоу, папа. Она приехала в Неаполь и находит, что там очень жарко, поэтому она сняла квартиру в Сорренто. Но я не думаю, что ей нравится Италия.

- Разве он ничего не сказал о диете?

- Еда должна быть питательной и легко усваиваемой. У мамы хороший аппетит.

- Да! И это все очень странно, ему следовало подумать о ее диете.

- Я спросила его, папа, — пауза.

Потом Маргарет продолжила:

- Тетя Шоу говорит, что послала мне несколько украшений из кораллов, папа, но, — добавила Маргарет, чуть улыбаясь, — она боится, что милтонские раскольники[11] не оценят их. Она набралась своих идей о раскольниках от квакеров,[12] правда?

- Если ты когда-нибудь услышишь или заметишь, что твоя мама в чем-то нуждается, сразу сообщи мне. Я так боюсь, что она не всегда говорит мне, что ей нужно. Прошу, найди девушку, о которой говорила миссис Торнтон. Если бы у нас была умелая служанка, Диксон могла бы заботиться о маме, и я уверен, вскоре мы бы поставили ее на ноги. Она очень сильно устала за последнее время от жаркой погоды. Небольшой отдых пойдет ей на пользу, да, Маргарет?

- Надеюсь, что так, — ответила Маргарет, но так печально, что мистер Хейл заметил это. Он потрепал ее по щеке.

- О, успокойся. Если ты будешь такой же бледной, как сейчас, мне придется тебя немного поддурманить. Позаботься о себе, дитя, иначе следующей, кому понадобится доктор, будешь ты.

В этот вечер он не мог усидеть на месте. Он постоянно ходил туда-сюда в напряженном ожидании и смотрел,

спит ли его жена. Сердце Маргарет болело из-за его беспокойности — попытки заглушить и задушить ужасный страх, что поселился в глубине его сердца.

Наконец он вернулся, немного успокоенный.

- Она проснулась, Маргарет. Она улыбнулась, когда увидела, что я стою возле нее. Улыбнулась, как прежде. И сказала, что чувствует себя отдохнувшей и желает выпить чаю. Где записка для нее? Она хочет посмотреть ее. Я прочту ей, пока ты готовишь чай.

Записка оказалась официальным приглашением от миссис Торнтон для мистера, миссис и мисс Хейл на обед, который должен был состояться двадцать первого числа этого месяца. Маргарет была удивлена, узнав, что они намерены принять приглашение, несмотря на все те печальные известия, что она сегодня узнала от доктора. Но мысль о том, чтобы ее муж и дочь пошли на этот обед, полностью завладела воображением миссис Хейл прежде, чем Маргарет узнала содержание записки. Этот прием оказался событием, разнообразившим монотонность жизни больной, и она ухватилась за эту идею даже с большей настойчивостью, когда Маргарет ей возразила.

Когда на следующий день Маргарет готовилась написать ответную записку миссис Торнтон, мистер Хейл полностью поддержал свою супругу.

- Почему нет, Маргарет? Если она желает этого, конечно, мы оба с удовольствием пойдем. Она бы никогда не пожелала этого, если бы не чувствовала себя лучше, намного лучше, чем мы думали, да, Маргарет? Так ведь, Маргарет? — спросил он, нервно размахивая руками.

Казалось, что будет жестоко отказать ему в утешении, которого он так ждал. И, кроме того, его страстная вера в лучший исход почти обнадежила саму Маргарет.

- Я и правда думаю, что ей стало лучше с прошлой ночи, — ответила она. — Ее глаза стали ярче, а лицо — яснее.

- Бог благословит тебя, — решительно произнес ее отец. — Но это правда? Вчерашний день был таким душным, неудивительно, любой мог почувствовать себя больным. Это был самый неудачный день для визита доктора Дональдсона.

Затем он ушел заниматься своими ежедневными обязанностями, теперь к ним добавилась подготовка к лекциям, которые он обещал прочитать рабочим в соседнем Лицее. Он выбрал темой лекции Церковную архитектуру больше в согласии со своим собственным вкусом и знаниями, чем в соответствии с особенностями места или желанием своих слушателей получить определенные знания. Сама организация, находясь в долгах, была только рада получить бесплатный курс лекций от такого образованного и культурного человека, как мистер Хейл, и позволила ему самому выбрать тему.

- Ну, мама, — спросил мистер Торнтон тем же вечером, — кто принял твои приглашения на двадцать первое?

- Фанни, где записки? Сликсоны приняли, Коллингбруксы приняли, Стивенсы приняли, Брауны отказались. Хейлы — придут отец и дочь — мать слишком больна, Макферсоны придут, и мистер Хорсфолл, и мистер Янг. Я подумала — может пригласить Портеров, если Брауны не могут прийти?

- Очень хорошо. Ты знаешь, я действительно боюсь, что миссис Хейл не совсем здорова, судя по тому, что сказал доктор Дональдсон.

- Странно, что они приняли приглашение, если она очень больна, — сказала Фанни.

- Я не сказал, очень больна, — ответил ее брат довольно резко. — Я только сказал, не совсем здорова. Они могут даже не знать этого, — а затем он вспомнил, как доктор Дональдсон рассказал ему, что Маргарет, во всяком случае, должна знать о настоящем состоянии здоровья ее матери.

- Очень возможно, что они знают о том, что ты сказал вчера, Джон. В самом деле, быть представленными таким людям, как Стивенсы и Коллингбруксы, — большое преимущество для них, я имею в виду мистера Хейла.

- Я уверен, они об этом не думали. Нет! Только не они.

- Джон! - сказала Фанни с нервным смешком. — Как мы можем верить тебе, когда ты говоришь, что понимаешь этих Хейлов, если ты никогда не позволишь, чтобы мы что-то о них узнали. Они и в самом деле так отличаются от большинства людей, с которыми мы знакомы?

Она не хотела рассердить его, но если бы намеревалась сделать это, то не могла бы придумать ничего лучше. Он сердился молча, не достаивая ее ответа.

- Они не кажутся мне необыкновенными, — сказала миссис Торнтон. - Он, вероятно — вполне достойный человек, хотя и не понимает в торговле, возможно, из-за того, что сначала был священником, а теперь —

учителем. Она — настоящая леди, хоть и больна, а что касается девушки, она - единственная, кто озадачивает меня, хоть у меня и нет времени думать о ней. Кажется, что она держится слишком высокомерно, и я не могу понять, почему. Может она считает, что слишком хороша для нас. А еще они небогаты, и никогда не были, судя по тому, что я слышала.

- И она необразованна, мама. Она не умеет играть.

- Продолжай, Фанни. Что еще она должна уметь, чтобы подходить под твой стандарт?

- Нет, Джон! — сказала его мать, - Фанни не имела в виду ничего плохого. Я сама слышала, как мисс Хейл сказала, что не умеет играть. Если бы ты не заставлял нас, мы, возможно, полюбили бы ее и увидели ее достоинства.

- Я уверена, что никогда не полюблю ее! - пробормотала Фанни, чувствуя поддержку матери.

Мистер Торнтон услышал ее слова, но не захотел отвечать. Он прошелся туда-сюда по гостиной, ожидая, когда мать прикажет зажечь свечи, тогда он сможет заняться работой, читать или писать, и таким образом поставить точку в разговоре. Он никогда не вмешивался в любые, даже незначительные домашние дела, за всем, как и в прежние времена, следила миссис Торнтон.

- Мама, - сказал он, остановившись, - я бы хотел, чтобы ты полюбила мисс Хейл.

- Почему? - спросила она, пугаясь его серьезного, но все же мягкого тона. - Ты же не думаешь жениться на ней — на девушке без гроша?

- Она никогда не полюбит меня, — сказал он, коротко усмехнувшись.

- Я не думаю, что она полюбит тебя, — ответила его мать. - Она рассмеялась мне в лицо, когда я поблагодарила ее за добрые слова мистера Белла, которые она передала мне. Мне понравилась ее искренность, и это уверило меня в том, что у нее нет намерений в отношении тебя. В следующую минуту она рассердила меня, предположив... Ну, не беспокойся! Ты прав, когда говоришь, что она слишком хорошего мнения о себе, чтобы думать о тебе. Нахальная девчонка! Хотела бы я знать, где она найдет кого-нибудь лучше!

Если эти слова ранили ее сына, то полумрак помог ему скрыть эмоции. Он подошел к матери, и, легко коснувшись рукой ее плеча, произнес:

- Ну, я несколько не сомневаюсь что ты права во всем. И так как у меня нет намерения просить ее стать моей женой, то поверь, что я вполне равнодушен, говоря о ней. Я предполагаю, что у этой девушки есть недостатки — возможно, ей не хватает материнской заботы, — и я только хочу, чтобы ты была готова стать ей другом, в случае, если он ей понадобится. И, Фанни, — сказал он твердо, — я верю, что у тебя достаточно деликатности, чтобы понять, что, оскорбляя мисс Хейл, ты также оскорбляешь и меня, когда предполагаешь, что у меня есть еще причина, кроме упомянутой, просить тебя и маму оказать ей самое доброе внимание. Думаю, мисс Хейл такое предположение просто возмутило бы.

- Я не могу забыть ее гордость, — сказала миссис Торнтон. — Я буду ее другом, если нужно, по твоей просьбе, Джон. Я была бы другом самой Иезавели,[13] если бы ты попросил меня. Но эта девушка, которая воротит свой нос от нас всех, которая воротит свой нос от тебя...

- Нет, мама. Мне еще не доводилось стать объектом ее презрения.

- Презрения! — миссис Торнтон выразительно фыркнула. — Перестань говорить о мисс Хейл, Джон, если мне придется быть доброй к ней. Когда я разговариваю с ней, я не знаю, люблю я ее или нет, но когда я думаю о ней или слышу, как ты говоришь о ней, я ненавижу ее. Я представляю, как она важничала перед тобой, как будто ты сам рассказал мне об этом.

- А если у нее... — начал он, затем помолчал мгновение и продолжил: - Я не мальчик, чтобы бояться гордого взгляда женщины или проявлять интерес к той, кто не уважает меня и мои взгляды. Я могу лишь посмеяться над этим!

- Конечно! И над ней тоже, с ее прекрасными идеями и высокомерными манерами!

- Мне только интересно, почему вы так много говорите о ней, — сказала Фанни. — Я уже устала от этой темы.

- Ну что ж! — сказал ее брат, скрывая огорчение. — Поговорим о чем-нибудь приятном. Что там слышно насчет забастовки?

- Рабочие действительно оставили станки? — спросила миссис Торнтон, проявляя живой интерес.

- Люди Хэмпера бастуют. Мои доработают эту неделю, так как боятся штрафа за разрыв контракта, который я подписал с каждым из них.

- Издержки окажутся больше, чем стоят сами рабочие — куча неблагодарных ничтожеств! — ответила его мать.

- Несомненно. Но я покажу им, как я держу свое слово и как, я полагаю, они должны держать свое. К тому времени они будут знать мое решение. Люди Сликсона ушли, вполне уверенные, что он не станет их штрафовать. Мы — на грани забастовки, мама.

- Я надеюсь, что в работе не так много заказов.

- Само собой. И они это знают. Но они не все понимают, хотя думают, что понимают.

- Что ты имеешь в виду, Джон?

Принесли свечи, Фанни занялась своей бесконечной вышивкой, над которой она зевала, время от времени откидываясь на спинку стула и глядя в пустоту.

- Ну, — продолжил он, — американцы поставляют свою пряжу на мировой рынок, так что у нас только один шанс — выпускать ее по более низким ценам. Если мы этого не сделаем, мы можем сразу закрываться, — и рабочие и хозяйка окажутся на улице. И все же, эти глупцы требуют, чтобы мы вернулись к ценам трехлетней давности — некоторые из их лидеров ссылаются теперь на цены Дикинсона — хотя они, так же, как и мы, знают, что если учесть все придуманные Дикинсоном штрафы, то их жалованье станет меньше, чем наше. Честное слово, мама, я бы хотел, чтобы старые законы против рабочих союзов были в силе. Ужасно думать, что наши глупцы — невежественные упрямы — объединяются для того, чтобы управлять богатством тех, кто отдает делу всю мудрость, знания и опыт, кто ночей не спит ради общего блага. Они полагают — нам следует пойти подобострастно и кротко просить руководителя союза ткачей быть таким добрым и предоставить нам работников по их же собственной цене. У них не хватает здравого смысла понять, что если мы не получим достаточно прибыли, чтобы компенсировать нам наши убытки здесь, в Англии, тогда нам придется перебираться в какую-то другую страну. И что из-за внутренней и иностранной конкуренции никто из нас, похоже, не заработает сейчас достаточно прибыли. Мы можем быть благодарны, если получим ее через несколько лет.

- Разве ты не можешь привезти людей из Ирландии? Я бы не держала таких рабочих и дня. Я бы проучила их, если бы была хозяйном и могла нанимать тех, кто мне нравится.

- Да! Я так и сделаю, если забастовка затянется. Будут проблемы и расходы, и, боюсь, будет опасно. Но я, скорее, привезу ирландцев, чем уступлю.

- Для этого понадобятся дополнительные средства. Я сожалею, что мы устраиваем прием в этот раз.

- Как и я, но не из-за расходов, а потому, что мне приходится много об этом думать и совершать много непредвиденных визитов. Но нам нужно пригласить мистера Хорсфолла: он ненадолго приехал в Милтон. Что касается остальных, мы обязаны пригласить их, и это только одна проблема.

Он продолжил беспокойно ходить по комнате, больше не говоря ни слова, но лишь время от времени глубоко вздыхая, будто пытаясь отбросить какие-то беспокойные мысли. Фанни задала матери бесчисленное количество незначительных вопросов, не имеющих ничего общего с темой, которая сейчас занимала внимание миссис Торнтон. На свои вопросы Фанни получила много коротких ответов. Она была рада, когда в 10 часов слуги пришли к молитве. Ее мать всегда читала молитву и главу из Библии. Когда молитвы были закончены, миссис Торнтон пожелала сыну доброй ночи, посмотрев на него своим долгим пристальным взглядом, в котором не было нежности, что наполняла ее сердце, но было благословение. Мистер Торнтон продолжил свою прогулку по комнате. Все его деловые планы были неосуществимы из-за этой приближающейся забастовки. Перспективы, ради осуществления которых он потратил много беспокойных часов, теперь превратились в ничто из-за безумной глупости, что больше отразится на рабочих, чем на нем. Но никто не может предотвратить тот вред, который они сами себе наносят. И они еще считают себя вправе указывать хозяевам, как распоряжаться капиталом! Хэмпер сказал, что если разорится из-за забастовки, то начнет жизнь снова, и его единственным утешением будет мысль, что те, кто довел его до этого, находятся в худшем положении, чем он сам. У него есть и руки, и голова, а у них — только руки. И если они всполошили рынок, то все последствия обрушатся на них. Но эта мысль не утешала мистера Торнтон. Месть не доставит ему удовольствия. Он ценил положение, которое заработал своим потом, и остро чувствовал, что оно находится под угрозой из-за невежества или глупости других, — так остро, что просто не думал о будущем, пока еще мог бороться. Он прохаживался туда-сюда, скрипя зубами. Пробыло два часа. Свечи догорали. Он зажег еще свечу, бормоча про себя:

- Раз и навсегда они узнают, с кем имеют дело. Я даю им две недели, не больше. Если они не исцелятся от своего безумства к концу этого срока, я привезу рабочих из Ирландии. Я знаю — это дело рук Сликсона, будь он проклят со своими уловками! Он полагал, что у него излишки товара, поэтому он уступил сначала, когда делегация пришла к нему, и только укрепил их в их глупости, как и намеревался сделать. Вот откуда это пошло.

Глава XIX
Визит ангела

«Как ангелы в каких-то ярких снах
К душе твоей взывают,
Так мысли странные у нас
Порою возникают».
Генри Вокс

Миссис Хейл была чрезвычайно возбуждена мыслью о предстоящем приеме у Торнтонов. Она вникала во все подробности, как простодушный маленький ребенок, который хочет предугадать все удовольствия заранее. Но монотонность жизни часто превращает больных в детей, они теряют чувство реальности, и каждый из них верит, что стены и занавеси, которые запирают их в маленьком мире, скрывают от них нечто большое и чудесное. Кроме того, миссис Хейл была тщеславна, как девочка. Став женой бедного священника, она не раз была вынуждена смирять свое тщеславие, однако так и не смогла подавить его до конца. Ей нравилось воображать, как Маргарет будет блистать на приеме, и обсуждать все детали туалета с таким беспокойством, что это забавляло Маргарет, привыкшей к изысканному обществу на Харли-стрит. Маргарет чувствовала себя гораздо более спокойно и свободно, готовясь к приему, нежели ее мать, проведенная без малого двадцать пять лет в Хелстоне.

- Ты думаешь, что следует надеть белое шелковое платье? Ты уверена, что оно подойдет? Уже почти год, как Эдит вышла замуж!

- О да, мама! Миссис Мюррей сшила его, и, конечно, оно подойдет. Его нужно чуть ушить или расставить в талии в зависимости от того, поправилась ли я или похудела. Но не думаю, что сильно изменилась.

- Пусть лучше Диксон этим займется. Оно могло пожелтеть, пока лежало.

- Как хочешь, мама. На худой конец, у меня есть очень красивое, розовое, из газа, которое тетя Шоу подарила мне за два-три месяца до свадьбы Эдит. Оно не могло пожелтеть.

- Нет! Но оно могло выцвести.

- Ну, тогда у меня есть шелковое зеленое. Пожалуй, выбор даже слишком велик.

- Мне хочется знать, что ты наденешь, - нервно сказала миссис Хейл.

Маргарет тотчас же уступила:

- Мама, давай я примерю платье одно за другим, а ты сможешь посмотреть, какое подойдет лучше?

- Да! Наверное, так будет лучше всего.

Маргарет так и поступила. Ей показалось весьма забавным наряжаться в вечерние платья в столь неурочный час и она, смеясь, покружилась перед матерью в своем белом шелковом платье так, что юбка образовала колокол, а потом торжественно удалилась, выступая, как королева. Но когда она увидела, что эти чудачества расцениваются как помеха серьезному делу и раздражают миссис Хейл, она стала серьезной и спокойной. В глубине души она находила, что странно и нелепо так волноваться из-за выбора платья. Но в тот же самый день она, зайдя навестить Бесси Хиггинс, упомянула о приглашении Торнтонов, и Бесси даже приподнялась на постели, услышав новость.

- Боже! Вы пойдете к Торнтонам с фабрики Мальборо?

- Да, Бесси. Почему ты так удивлена?

- О, нет. Просто к ним ходят все первые люди Милтона.

- А ты считаешь, что мы не вполне подходим для этого, да, Бесси?

Щеки Бесси слегка покраснели от того, что ее мысли так легко угадали.

- Знаете, - сказала она, - они так много думают о деньгах, а я полагаю, вы не зарабатываете очень много.

- Да, - ответила Маргарет, - это правда. Но мы образованные люди и жили среди образованных людей. Разве не удивительно, что мы приглашены на обед к человеку, который признает себя ниже по положению, чем мой отец, и приходит к нему учиться? Но я не хочу принизить мистера Торнтон. Немногие помощники лавочника могли бы стать тем, кем он стал.

- Но вы же не будете устраивать ответный прием в вашем маленьком доме? Дом Торнтонов в три раза больше.

- Ну, я думаю, мы могли бы устроить ответный прием для мистера Торнтон, как ты это называешь. Возможно, не в таком большом зале и не с таким количеством приглашенных. Но я не думаю, что это так уж важно.

- Я и представить себе не могла, что вы будете обедать с Торнтонами, - ответила Бесси. - Просто там обедает сам мэр, члены Парламента и им подобные.

- Я думаю, я бы выдержала честь знакомства с мэром Милтона.

- Но их леди одеваются так роскошно! - сказала Бесси, глядя с беспокойством на ситцевое платье Маргарет, материал которого она оценила в семь пенсов за ярд.

На лице Маргарет заиграли ямочки от веселого смеха.

- Спасибо, Бесси, что подумала о том, как я буду выглядеть среди всех этих элегантно одетых людей. Но у меня есть много великолепных платьев. Неделю назад я бы сказала, что они слишком великолепны для того, чтобы я захотела их снова надеть. Но поскольку я иду на прием к Торнтонам и, возможно, познакомлюсь с мэром, я надену свое лучшее платье, будь уверена.

- Что вы наденете? - спросила Бесси с каким-то облегчением.

- Белое шелковое платье, - ответила Маргарет. - Платье, которое я надевала на свадьбу кузины год назад.

- Это подойдет! - заметила Бесси, откидываясь на спинку стула. - Я бы не хотела, чтобы на вас смотрели свысока.

- О! Я буду выглядеть прекрасно, если это спасет меня от высокомерных взглядов.

- Как бы мне хотелось посмотреть, как вы будете одеты, - сказала Бесси. - Полагаю, вы не из тех, что народ зовет хорошенькими. Вы не слишком румяная и недостаточно бледная для этого. Но разве вы не знаете, — я видела про вас сон задолго до того, как встретила вас.

- Чепуха, Бесси!

- Да, точно видела! Те же черты лица - ваш чистый, пристальный взгляд из темноты... ваши волосы... словно лучи... и лоб - такой же гладкий и ровный, как сейчас. И вы всегда приходили дать мне силу и утешение. И вы были одеты в блестящие одежды. Поэтому я поняла, что это вы!

- Нет, Бесси, - сказала нежно Маргарет, - это был всего лишь сон.

- А почему в своих страданиях я не могу видеть сны так же, как другие? Как многие в Библии? Да, и видения тоже! Ведь даже мой отец много думает о снах! Я снова вам скажу, я видела вас так ясно - вы быстро шли ко мне, ваши волосы развевались за спиной, и на вас было белое блестящее платье. Позвольте мне прийти и посмотреть на вас в этом платье. Я хочу видеть вас и дотронуться до вас, как я это сделала во сне.

- Моя дорогая Бесси, это просто твоя фантазия.

- Фантазия или не фантазия, но вы пришли, потому что я знала, что так и будет, когда увидела во сне, как вы ко мне идете; и когда вы здесь рядом со мной, я чувствую, что на душе у меня становится легче и спокойнее, точно гляжу на огонь в ненастный день. Вы сказали, это будет двадцать первого. Я приду и посмотрю на вас.

- О, Бесси! Ты можешь прийти - тебя радушно примут. Но не говори так, это меня очень расстраивает.

- Тогда я буду держать это при себе, как будто я прикусила язык. И все же это правда. Маргарет помолчала. Наконец она сказала:

- Давай поговорим об этом как-нибудь потом, если ты считаешь, что это правда. Но не сейчас. Скажи мне, твой отец участвует в забастовке?

- Да! - ответила Бесси тяжело, совсем другим тоном, нежели она говорила минуту или две назад. - Он и многие другие - все с фабрики Хэмпера - есть с других фабрик. В это время женщины так же озлоблены, как и мужчины. Еда - дорогая, и их детям нечего есть.

Представьте, если бы Торнтоны прислали им свой обед - те деньги, что потрачены ими на картофель и прочую еду, утешили бы многих плачущих от голода детей, и ненадолго успокоили бы сердца их матерей.

- Не говори так! - сказала Маргарет. - А то я буду сердиться на себя и чувствовать себя виноватой от того, что я иду на этот обед.

- Нет! - ответила Бесси. - Некоторые избраны для роскошных пиров и пурпурных одежд, может быть, вы — одна из них. Другие тяжело работают всю свою жизнь, а эти подлецы в наши дни не обладают состраданием, так же как это было во времена Лазаря.[14] Но если вы попросите меня остудить ваш язык кончиком моего пальца, я перешагну через огромную бездну к вам, просто если вы захотите, чтобы я была рядом.

- Бесси! Ты вся горюшь! Не надо говорить так. В судный день меж нами не будет нищих и богатых. Нас будут

судить не по этой несчастной случайности, а по тому, как мы следовали заповедям Христа.

Маргарет встала, нашла немного воды, смочила свой платок и положила его на лоб Бесси, а том начала растирать ее холодные, как лед, ступни. Бесси закрыла глаза и успокоилась. Наконец она произнесла:

- Вы бы стали такой же, как я, если бы видели всех приходивших один за другим к отцу и рассказывавших мне о своих страданиях. Некоторые просто горели от ненависти, и у меня кровь стыла в жилах от тех ужасов, что они рассказывали о своих хозяевах. Но женщины все время говорят и говорят о ценах на мясо, и как их дети не могут спать по ночам от голода, а слезы текут у них по щекам, и они их не вытирают и не обращают на них внимания.

- Они думают, что забастовка это исправит? - спросила Маргарет.

- Так они говорят, - ответила Бесси. - Они говорят, что долгое время торговля шла хорошо, и хозяева заработали много денег. Сколько, — отец не знает, но конечно, знает Союз рабочих. И как обычно, им хотелось поделить прибыль, раз еда так дорожает. А Союз говорит, что они не будут работать, пока не заставят хозяев отдать им их долю. Но у хозяев есть превосходство, и я боюсь, что они сохраняют его и сейчас, и потом. Это похоже на великую битву Армагеддона - они продолжают ухмыляться и сражаться друг с другом, пока в запале своей борьбы не провалятся в преисподнюю.

В этот момент вошел Николас Хиггинс. Услышав последние слова дочери, он тут же сказал:

- Да! И я тоже буду бороться! И добьюсь своего на этот раз! Заставить их сдаться не займет много времени, потому что они опять получили много заказов. И скоро они поймут, что им лучше отдать нам наши пять процентов, чем потерять выгоду. Держитесь, хозяева! Я знаю, кто победит!

Маргарет подумала, что он, должно быть, пьян, не столько из-за его слов, сколько из-за его возбужденного тона. Заметив явное беспокойство Бесси, она утвердилась в своем предположении и поспешила уйти. Бесси сказала ей:

- Двадцать первого - в этот четверг. Я приду и посмотрю, как вы оделись на прием к Торнтонам. В какое время обед?

Прежде чем Маргарет смогла ответить, Хиггинс перебил ее:

- К Торнтонам! Вы идете на обед к Торнтонам? Попросите его поднять бокал за выполнение его заказов. К двадцать первому, я думаю, он пораскинет мозгами и кое-что поймет. Скажите ему, что семьсот человек придут утром на фабрику Мальборо после того, как он даст пять процентов, и помогут ему выполнить его заказы вовремя. Вы всех там увидите. Моего хозяина - Хэмпера. Он из людей старой закалки - так и сыплет ругательствами и проклятиями. Я думаю, он умрет, если поговорит со мной вежливо. «Лает, да не кусает», — вы можете передать ему, что так сказал один из его забастовщиков, если хотите. Да! Но вы увидите многих хозяев фабрик у Торнтонов! Хотел бы я послушать, о чем они говорят, когда сидят после обеда и хвастаются друг перед другом. Я бы высказал им свое мнение. Я бы опять поговорил с ними о том трудном пути, на который они нас отправили!

- До свидания! - сказала Маргарет поспешно. - До свидания, Бесси! Я буду ждать тебя двадцать первого, если ты будешь хорошо себя чувствовать.

Лекарства и лечение, которые доктор Дональдсон назначил миссис Хейл, поначалу принесли ей облегчение, и не только она сама, но и Маргарет начала надеяться, что доктор ошибался, и что ее мать сможет постепенно поправиться. Мистер Хейл, хоть внешне и не разделял их опасений, теперь ликовал и посмеивался над их страхами с явным облегчением, что доказало, насколько он сам был прежде встревожен. Только Диксон продолжала ворчать. Тем не менее, Маргарет не обращала на нее внимания и надеялась на лучшее.

Им нужно было почувствовать в своем доме эту слабую надежду, потому что снаружи даже их неопытный взгляд замечал признаки наступления дурных времен. Мистер Хейл познакомился с рабочими и был потрясен их искренними рассказами о каждодневных страданиях. Они бы не стали рассказывать о том, что им приходится выносить, тому, кто мог понять это и без слов. Но сейчас перед ними был человек из далекого графства, и каждый страстно желал сделать из него судью в давней распре рабочих и хозяев. Мистер Хейл с жаром пересказал все эти жалобы мистеру Торнтону, но тот, опираясь на свой опыт и знание экономических принципов, для всего нашел разумное объяснение.

Мистер Торнтон говорил, что доход при торговых операциях - величина непостоянная, и его падение неминуемо должно привести некоторых хозяев, так же, как и рабочих, к разорению. Для многих это разорение будет окончательным и непоправимым. Он сказал, что в этом случае ни хозяева, ни их рабочие не вправе жаловаться, потому что такова их судьба. Работодатель сворачивает с пути, по которому не может дальше

следовать, признавая свою неудачу. Израненный в борьбе, растоптанный своими товарищами в погоне за богатством, встречаемый с пренебрежением там, где раньше его чествовали, он скромно просит у надменного хозяина даровать ему работу. Конечно, говорил мистер Торнтон, подобная судьба может когда-нибудь постигнуть и его самого. И все же он не испытывает сочувствия к тем рабочим, которые не сумели приспособиться к внезапным переменам на рынке и были вынуждены уйти оттуда, где они больше не нужны, и чувствовать, что не смогут отдохнуть в своих могилах, слыша плач своих любимых и родных, оставленных ими без пропитания. Им остается лишь завидовать дикой птице,[15] которая может прокормить своих птенцов собственной кровью.

Вся душа Маргарет восстала против его рассуждений. Она едва смогла поблагодарить мистера Торнтона за его доброту, когда он пообещал ей со всей деликатностью и участием любое средство для облегчения болезни миссис Хейл, какое только можно добыть, благодаря его состоянию или предусмотрительности его матери. Мысль о том, что ему известна ее тайна, и что он, может статься, в душе уже вынес свой безжалостный приговор миссис Хейл, когда она пыталась убедить себя, что все еще, может быть, обойдется, - все это действовало Маргарет на нервы, когда она смотрела на него или слушала его. Почему он был единственным человеком, кроме доктора Дональдсона и Диксон, кто знал эту страшную тайну, которую она хранила в самых темных и потаенных уголках своего сердца, не смея поверить в то, что однажды она будет громко звать свою мать и не услышит ответа из пустой и глухой темноты? Да, он все знал. Она прочла это в его сочувствующем взгляде. Она услышала это в мягком и серьезном тоне его голоса. Как примирить эти глаза, этот голос, и этот жесткий, сухой, безжалостный тон, каким он объяснял, что рабочие никого не должны винить в своих страданиях?

Все эти противоречия невыразимо раздражали ее. По большей части из-за того, что она услышала от Бесси. Николас Хиггинс был назначен в комитет Союза рабочих и уверял, что знает секреты, о которых непосвященным неизвестно. Он рассказал об этом более подробно в день накануне приема у Торнтонов, когда Маргарет зашла поговорить с Бесси, и услышала, как Хиггинс спорит с Баучером, тем самым соседом, о котором она так часто слышала. Хиггинс считал Баучера неумелым работником и сочувствовал ему и его семье, но в то же время он - сам энергичный и оптимистичный по натуре - был взбешен недостатком духа у своего соседа. Когда Маргарет вошла, было очевидно, что Хиггинс очень зол. Баучер стоял, опираясь руками о каминную полку и раскачиваясь, смотрел на огонь с видом безысходности, что раздражало Хиггинса, несмотря на все его сочувствие. Бесси покачивалась в своем кресле. По ее движениям Маргарет догадалась, что та сильно взволнована. Мэри, которая собиралась резать фланель, завязывала шляпку огромным нескладным узлом и громко рыдала, явно расстроенная ссорой отца и Баучера.

Маргарет мгновение постояла в дверях, затем, приложив палец к губам, села на кушетку рядом с Бесси. Николас увидел, что она вошла, и поприветствовал ее сердитым, но не враждебным кивком. Мэри поспешила выскользнуть из дома. И только Джон Баучер ничего не заметил.

- Это бесполезно, Хиггинс, - причитал он. - Она не может так больше жить. Она угасает, потому что не может видеть, как ее дети умирают с голоду. Да, умирают с голоду! Пять шиллингов в неделю достаточно для тебя, у тебя ведь только две дочери, да притом одна из них может заработать себе на хлеб. Но мы умираем с голоду. Я просто говорю тебе, что если она умрет до того, как мы получим эти пять процентов, я швырну эти деньги в лицо хозяину и скажу: - «Будь ты проклят! Будь проклят весь твой жестокий мир! Потому что он забрал у меня самую лучшую жену, которая когда-нибудь рожала детей мужчине!» И посмотрю на тебя, парень. Я возненавижу тебя и весь твой Союз. Да, я прокляну тебя даже на небесах, я это сделаю, парень! Я сделаю, если ты водишь меня за нос. Ты сказал, Николас, в следующую среду, а уже заканчивается вторая неделя, а хозяева так и не предложили нам вернуться к работе за нашу зарплату. Время почти вышло. А наш маленький Джек лежит в кроватке слишком слабый, чтобы плакать, — его сердце плачет без конца от голода... наш маленький Джек. Я говорю тебе, парень! Она никогда не смотрела на него так, даже когда он родился, хотя любит его больше жизни, как и он, поскольку я знаю, что он тоже меня сильно любит... наш маленький Джек. Он каждое утро будит меня, целуя мое грубое лицо, ища гладкое место для поцелуя. А теперь он умирает с голоду, - глубокие рыдания сотрясли его тело, и Хиггинс посмотрел глазами, полными слез, на Маргарет, прежде чем собрался с мужеством ответить.

- Держись, парень. Твой маленький Джек не будет голодать. Я получил деньги, и мы купим ребенку супу или молока и хлеба прямо сейчас. Что мое - то твое, будь уверен. Только не теряй духа, парень! - продолжил он, нащупывая в чайнике деньги. - Я отдам сердце и душу ради победы. Только надо потерпеть еще неделю, и ты увидишь, — хозяева согласятся и попросят нас вернуться на фабрики. А Союз, то есть я, позаботимся о тебе и

твоей жене. Не будь трусом и не возвращайся к тиранам, не проси у них работы.

При этих словах Баучер поднял белое, мрачное лицо со следами слез, без всякой надежды в глазах, и, увидев это, Маргарет тоже заплакала.

- Ты намного хуже, чем те тираны-хозяева, которые говорят: «Умирайте от голода и смотрите, как они умирают от голода, прежде чем вы снова осмелитесь пойти в свой Союз». Ты хорошо это знаешь, Николас, потому что ты один из них. У тебя может быть доброе сердце, если ты один, но когда вы вместе, — у тебя не больше жалости, чем у дикого голодного волка.

Николас держал руку на засове двери. Он остановился, повернулся к Баучеру и сказал:

- Помоги мне Бог, я клянусь, я хочу сделать как лучше для тебя и для всех нас. И помоги мне Бог, если я ошибаюсь, когда думаю, что прав. Это их грех, — тех, кто оставил меня здесь в моем неведении. Я думал, пока голова не заболела. Верь мне, Джон. И я скажу снова — ничто нам не поможет, кроме веры в Союз рабочих. Они одержат победу, вот увидишь.

Ни Маргарет, ни Бесси не произнесли ни слова. Однако они думали об одном и том же. Наконец Бесси сказала:

- Я никогда не верила, что снова услышу, как отец взывает к Богу. Но вы слышали, что он сказал: «Помоги мне Бог!»

- Да! - ответила Маргарет. - Позволь, я принесу деньги, позволь, я принесу немного еды для детей этого бедняги. Пусть они думают, что это от их отца. Я принесу, но немного.

Бесси откинулась назад, ничего не сказав Маргарет. Она не плакала, она только тяжело дышала.

- Мое сердце высохло, - сказала она. - Баучер заходил в последние дни и рассказывал о своих бедах. Он - слабый человек, я знаю, но он человек. Хотя я и злилась раньше много раз на него и его жену, но знала не больше него, как с этим справиться. Все же знаете, не все люди мудры, хотя Бог позволяет им жить, любить и быть любимыми так же, как мудрому Соломону. И если горе приходит к тем, кого они любят, — они страдают так же, как и Соломон. Я не могу понять этого. Возможно, Союз создан как раз для таких, как Баучер, чтобы заботиться о них. Но мне бы хотелось найти средство, чтобы заставить этот союз выслушать Баучера. Может быть, тогда они бы разрешили ему пойти к хозяину и взять заработанные деньги. Пусть даже их будет не так много, как хочет Союз.

Маргарет молчала. Как она могла успокоиться и забыть голос этого человека? Она достала кошелек. У нее было мало денег, но то, что у нее было, она вложила в руку Бесси, ничего не говоря.

- Спасибо. Многие из них зарабатывают не больше, но не нуждаются так сильно, по крайней мере, не показывают это так, как он. Но отец не позволит им бедствовать, — теперь он знает. Знаете, Баучер измучен из-за своих детей, и его жена такая слабая. А все, что они могли заложить, уже заложили за этот последний год. Не думайте, что мы позволим им умереть от голода, поскольку сами бедствуем. Если соседи не будут помогать соседям, я не знаю, кто тогда будет, - Бесси, казалось, боялась, чтобы Маргарет не подумала, что у них нет желания помочь тому, кому, по ее мнению, требовалась помощь. - Кроме того, - продолжила она, - отец уверен, что хозяева не сегодня-завтра уступят, что больше упорствовать они не смогут. Но я благодарю вас все равно. Я благодарю вас за себя, так же, как и за Баучера, потому что это согревает мне сердце все больше и больше.

Сегодня Бесси выглядела еще хуже, чем обычно. Она казалась такой слабой и усталой, что Маргарет встревожилась.

- Ничего, - сказала Бесси. - Я еще не умерла. У меня была ужасная ночь со снами или чем-то похожим на сон, поскольку я весь день сегодня в оцепенении, только тот бедняга-парень меня оживил. Нет! Это еще не смерть, но смерть не так далеко. Да! Укройте меня, я, может быть, усну, если кашель мне позволит. Спокойной ночи - доброго дня, мне следовало сказать - но день сегодня тусклый и туманный.

Глава XX

Человек и джентльмен

«И стар, и млад — пускай едят, столы накрыты;
Будь хоть по сто зубов во рту — все будут сыты».
Джон Флетчер и др. «Ролло, герцог Нормандский»

Маргарет возвращалась домой, погруженная в тяжелые мысли и воспоминания о том, что случилось сегодня. Она не знала, как вновь обрести бодрость духа, а ей нужно было заботиться о матери, говорить с ней весело и непринужденно, развлекать ее рассказом о городских новостях.

- А твоя знакомая с фабрики придет в четверг посмотреть, как ты одета для приема? — спросила миссис Хейл.

- Она очень больна, и я не стала ее спрашивать, — печально ответила Маргарет.

- Боже! Сейчас все болеют, — сказала миссис Хейл с той ноткой ревности, с которой один больной говорит о другом. — Но, должно быть, очень тяжело болеть, когда живешь на окраине, — добавила она тут же с прежней «хелстонской» мягкостью и заботой. — Там очень вредный воздух. Что бы ты могла сделать для нее, Маргарет? Мистер Торнтон прислал мне немного старого портвейна, когда ты ушла. Как ты думаешь, бутылка вина ей поможет?

- Нет, мама! Я не думаю. Они очень бедны. По крайней мере, они не говорят об этом. И к тому же у Бесси чахотка, ей не нужно вино. Может быть, я отнесу ей немного варенья из наших любимых хелстонских фруктов. Нет! Есть другая семья, которой я бы хотела отнести... О, мама, мама! Разве я могу надеть красивое платье и пойти на этот роскошный прием после того, как увидела сегодня столько горя? — и Маргарет, не в силах больше скрывать то, что терзало ее душу, рассказала матери все, что она услышала в доме Хиггинса.

Это потрясло миссис Хейл. Она тут же заставила Маргарет собрать корзину с продуктами, чтобы отослать в дом Баучера. Она почти разозлилась на дочь, когда та сказала ей, что можно не спешить, поскольку Хиггинс уже обеспечил Баучеров самым необходимым, а она сама оставила для них деньги у Бесси. Миссис Хейл назвала ее бесчувственной и не успокоилась, пока корзину не отослали. Потом заметила:

- Может быть, мы поступаем неправильно? Мистер Торнтон, когда был у нас в последний раз, сказал, что те, кто помогает забастовщикам продлевать забастовку, не являются их друзьями. А этот Баучер, он тоже забастовщик?

Миссис Хейл адресовала этот вопрос своему мужу, который только что присоединился к ним, закончив урок и, ставшую уже традиционной, вечернюю беседу с мистером Торнтоном. Маргарет не волновало, продлит их подарок забастовку, или нет, — она была слишком взволнована, чтобы думать об этом.

Мистер Хейл попытался быть беспристрастным. Он вспомнил все то, что ему казалось таким очевидным не более получаса тому назад, когда он слушал мистера Торнтон. А потом нашел компромисс, который не удовлетворил ни одну из сторон. Его жена и дочь не только поступили правильно в данном случае, но он не мог представить, что они могли поступить иначе. Тем не менее и то, что говорил мистер Торнтон, было справедливо — если забастовка продлится, хозяевам придется привезти других рабочих (или в конце концов изобрести машины, которые заменят людей). И было вполне ясно, что оказать помощь забастовщикам означало не проявить к ним доброту, а лишь укрепить их в их безрассудстве. Но это не относилось к Баучеру. Мистер Хейл решил, что первым делом он пойдет и навестит его утром, чтобы выяснить, чем им можно помочь.

Мистер Хейл действительно пошел к Баучерам. Он не застал главу семьи дома, но долго разговаривал с его женой, обещал устроить ее в лазарет. И видя, как дети, хозяйничавшие в отсутствие отца, радуются изобилию еды, что прислала для них миссис Хейл, вернулся домой даже в более спокойном и приподнятом настроении, чем Маргарет могла ожидать. То, что она рассказала прошлым вечером, заставило мистера Хейла предполагать худшее, поэтому, вернувшись, он описал все в более светлых красках, чем было на самом деле.

- Я снова туда пойду, чтобы встретиться с самим Баучером, — сказал мистер Хейл. — Я едва ли могу сравнить эти домишки с нашими хелстонскими коттеджами. Я видел у них мебель, которую наши арендаторы вряд ли бы купили, и еду, совсем обычную, — а они считают ее роскошью. Все же, когда им не платят еженедельное жалованье, для этих семей нет другого источника дохода, кроме ломбарда. Здесь, в Милтоне, говорят на другом языке и меряют другими мерками.

Бесси в этот день тоже выглядела немного лучше. Но она была все еще такой слабой, что казалось, забыла, как хотела увидеть Маргарет одетой в белое платье. Скорее всего, это желание было продиктовано лихорадкой.

Одеваясь для приема, куда ей не хотелось идти, — на сердце было тяжело из-за тревог последних дней, — Маргарет все же не могла не вспомнить о тех прежних забавных и модных платьях, которые она и Эдит носили чуть больше года назад. Единственное, что ее утешало, когда она одевалась, — что матери доставляет удовольствие видеть ее такой нарядной. Она покраснела, когда Диксон, открыв дверь гостиной, воскликнула:

- Мисс Хейл выглядит превосходно, не правда ли, мэм? Кораллы миссис Шоу очень ей идут. Они придают

больше яркости, мэм. Иначе, мисс Маргарет, вы бы выглядели слишком бледной.

Черные волосы Маргарет было трудно привести в порядок — они были очень густыми. Их пришлось закрутить в тугий шелковистый жгут и уложить тяжелыми кольцами вокруг головы подобно короне, а затем собрать в большой спиральный узел на затылке. Маргарет закрепила его двумя большими коралловыми шпильками, похожими на маленькие стрелы. Шелковые рукава ее белого платья были подвязаны шелковыми лентами; на изящной, белой, как молоко, шее алели тяжелые коралловые бусы.

- Ох, Маргарет, как бы мне хотелось вывезти тебя на ассамблеи старого Баррингтона, так же, как когда-то леди Бересфорд вывозила меня!

Маргарет поцеловала мать, умилившись этому небольшому проявлению материнского тщеславия, но едва смогла улыбнуться, потому что была подавлена.

- Я бы лучше осталась с тобой... право, мне было бы лучше, мама.

- Чепуха, дорогая! Обращай внимание на все, что происходит. Мне бы хотелось услышать, как у них в Милтоне проходят приемы. Особенно обрати внимание, чем они заняты вместо игр.

Миссис Хейл была бы чрезвычайно удивлена, если бы увидела роскошную сервировку обеденного стола. Маргарет со своим утонченным лондонским вкусом заметила, что количество предложенных гостям деликатесов было даже чрезмерным. Половины блюд было бы вполне достаточно, — а обед стал бы более легким и изысканным. Но у миссис Торнтон были свои представления о гостеприимстве: каждое блюдо должно быть подано на стол в таком количестве, чтобы каждый гость получил солидную порцию. Она не заботилась о воздержанности в еде в обычные дни, а устроить настоящий пир для своих гостей было для нее предметом гордости. Ее сын был с нею полностью согласен. Возможно, будь обед организован по-иному, более скромно и непринужденно, он доставил бы мистеру Торнтону больше наслаждения, но он никогда не задумывался об этом и был доволен той избыточной щедростью, с которой его мать принимала гостей. И даже теперь, хотя он и не позволял себе потратить лишних шести пенсов и не раз сожалел, что приглашения на этот прием уже разосланы, — тем не менее, он был рад видеть прежнюю роскошь.

Маргарет с отцом прибыли первыми. Мистер Хейл был очень пунктуален. В гостиной наверху не было никого, кроме миссис Торнтон и Фанни. Все покрывала с мебели были сняты, — и желтый дамасский шелк, и ярко расцветенный ковер словно осветили комнату. Казалось, что каждый угол заполняли украшения, так что глаза уставали от этого многообразия, а сама гостиная представляла странный контраст с огромным и пыльным фабричным двором. Его широкие ворота были распахнуты, чтобы впустить подъезжающие экипажи. Из окон было видно пепельно-серое в летних сумерках фабричное здание, которое отбрасывало длинную тень, отчего казалось, что на дворе стемнело раньше времени.

- Мой сын до последнего момента занят делами. Но он скоро будет. Мистер Хейл, могу я предложить вам присесть?

Мистер Хейл стоял у одного из окон. Услышав слова миссис Торнтон, он обернулся и спросил:

- Вы не находите, что такое близкое соседство с фабрикой временами неудобно?

Она выпрямилась:

- Ничуть. Я еще не стала настолько утонченной, чтобы забыть, как мой сын достиг богатства и власти. Кроме того, вы не найдете такой другой фабрики в Милтоне. Один цех занимает двести двадцать квадратных ярдов.

- Я имел в виду, что дым и шум, постоянный поток выходящих и входящих рабочих могут беспокоить.

- Я согласна с вами, мистер Хейл! — заметила Фанни. — Этот постоянный запах дыма и машинного масла...

А шум просто оглушает.

- Я слышала шум намного оглушительней, который называли музыкой. Машинное отделение находится в другом конце фабрики. Мы едва слышим шумы, разве что летом, когда все окна открыты. А что касается голосов рабочих, то они беспокоят меня не больше, чем жужжание роя пчел. Когда я думаю обо всем этом, я думаю о своем сыне, о том, что все это принадлежит ему, и что он управляет всем этим. Но сейчас ни один звук не доносится с фабрики. Неблагодарные рабочие забастовали, — возможно, вы слышали. Мой сын собирается предпринять кое-какие шаги, чтобы поставить их на место, — именно этим он сейчас и занят.

Всегда строгое лицо миссис Торнтон потемнело от злости. Не прояснилось оно и тогда, когда мистер Торнтон вошел в комнату. Она сразу заметила, что он обеспокоен и не может отрешиться от своих забот, хотя радостно и сердечно приветствовал своих гостей. Здороваясь с Маргарет, он пожал ей руку и тут же с удивлением осознал, что сегодня в первый раз их руки встретились. Сама же Маргарет не придавала этому значения. Мистер Торнтон спросил о здоровье миссис Хейл и услышал от мистера Хейла, что опасность миновала. Взглянув на Маргарет, чтобы узнать, разделяет ли она мнение отца, он не заметил на ее лице ни тени

сомнения. Увидев ее сегодня вечером, он был заново поражен ее величественной красотой. Он никогда раньше не видел ее в таком платье и теперь подумал, что такой элегантный наряд лучше всего соответствует ее горделивому спокойствию, что ей всегда следует так одеваться. Она разговаривала с Фанни, — он не слышал о чем, но видел, как Фанни постоянно поправляла платье, а ее взгляд бесцельно блуждал по сторонам. И он невольно сравнил глаза сестры с большими мягкими глазами гостыи, что неотрывно смотрели на собеседника, и сияние, исходящее от них, излучало покой. Изгиб алых губ, которые приоткрылись от того, что Маргарет с интересом вслушивалась в то, что говорил собеседник; голова, чуть наклоненная вперед — можно было провести плавную линию от пробора в блестящих, цвета воронового крыла волосах, к гладкому, цвета слоновой кости плечу. Округлые белые руки, тонкие ладони, спокойно лежащие на коленях одна поверх другой. Мистер Торнтон вздохнул, охватив все сразу одним быстрым всеобъемлющим взглядом. А затем повернулся к девушкам спиной и заставил себя сосредоточиться на разговоре с мистером Хейлом.

Гости все приходили и приходили. Фанни оставила Маргарет, чтобы помочь матери встречать гостей. Мистер Торнтон почувствовал, что никто из пришедших не заговаривает с Маргарет, и был обеспокоен таким явным пренебрежением. Но сам он не подошел к ней. Он даже не смотрел на нее. Тем не менее он знал, что она делает или не делает, и уделял этому больше внимания, чем людям, которые были у него перед глазами. Маргарет же изучала незнакомых людей и не задумывалась о своем одиночестве. Кто-то проводил ее к столу; она не запомнила имени своего соседа, да и он не очень интересовался ею. Джентльмены вели оживленный разговор. Леди молчали, мысленно составляя реестр недочетов в организации обеда и в нарядах подруг. Маргарет уловила суть общего разговора, заинтересовалась и слушала внимательно. Мистер Хорсфолл, незнакомец, чей приезд в город и положил начало разговору, задавал вопросы относительно торговли и промышленности города. Остальные джентльмены — все из Милтона — отвечали и давали пояснения. Вскоре завязался спор. Мистер Торнтон, который мало говорил до сих пор, высказал свое мнение, подкрепив его такими вескими доводами, что даже оппоненты согласились. Внимание Маргарет было приковано к хозяину. Его манеры были естественными и полными достоинства. Маргарет подумала, что никогда прежде не имела возможность увидеть его в таком выгодном свете. В доме Хейлов он всегда говорил с излишней пылкостью или с досадой и раздражением. Он не пытался понравиться, — он желал, чтобы его принимали таким, каков он есть, со всеми его недостатками. Но теперь, среди своих друзей, ему не нужно было защищаться, не нужно было завоевывать уважение — его положение было совершенно определенным. Здесь его уважали за сильный характер, за умение управлять и властвовать. И уверенность придала величественное спокойствие голосу и манерам мистера Торнтон.

У него не было привычки вести светскую беседу с дамами, и обычно он держался слишком формально. С Маргарет он почти не разговаривал. И все же она получала огромное удовольствие от этого приема. Она и сама не ожидала, что вечер пройдет так интересно. Теперь она знала достаточно, чтобы разбираться в местных проблемах, ей даже были знакомы некоторые технические термины, которые употребляли фабриканты. Они разговаривали серьезно, и это было совсем не похоже на лондонские приемы, которые так утомляли ее когда-то. Она удивилась, что, подробно обсуждая производство и торговлю, они ни разу не упомянули об ожидаемой забастовке. Она тогда еще не знала, что хозяева всегда спокойно относились к возмущениям рабочих, потому что прекрасно знали, чем все закончится. Конечно, хозяева действовали во вред себе, но если бы они сглупили и доверились кучке подкупленных делегатов, то им пришлось бы отвечать за последствия своей глупости. Промышленники знали, что Торнтон несет убытки из-за забастовки и обеспокоен этим. Но такое могло случиться с каждым из них в любой день. И Торнтон был достаточно умен и силен, чтобы справиться с забастовкой, как и любой из них. Рабочие наивно надеялись, что смогут его перехитрить. А хозяева посмеивались про себя, зная, что Союзу и на этот раз ничего не удастся сделать, что все будет так, как решил Торнтон.

После обеда Маргарет заскучала. Она была рада возвращению джентльменов не только потому, что приход отца развеял ее сонливость, но и потому, что она могла услышать что-то более важное, чем обычная женская болтовня. Ей нравилась властность, которая читалась в каждом слове и жесте милтонских мужчин. В их поведении было немало обычного бахвальства, и одновременно они, казалось, бросали вызов прежним представлениям о пределах возможностей человека; воспоминания о прежних свершениях и мысли о том, чего они достигнут в будущем, опьяняли их. Если прежде Маргарет не смогла оценить их характера, то сейчас она восхищалась их самозабвением и пренебрежением к настоящему, их уверенностью в грядущей победе человечества над всей неживой материей в далеком будущем, когда никого из них не будет в живых, чтобы увидеть это. Она вздрогнула, когда мистер Торнтон подошел и заговорил с ней:

- Я заметил, что вы были на нашей стороне в споре за обедом, не так ли, мисс Хейл?

- Конечно. Но тогда я мало знала. Я была удивлена, услышав, что сказал мистер Хорсфолл, — что есть и другие, которые думают совсем иначе, например, мистер Морисон, о котором он говорил. Мистер Морисон — не джентльмен, верно?

- Я не тот человек, который мог бы судить о том, кто является, а кто не является джентльменом, мисс Хейл. Я имею в виду, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, произнося: «он — не джентльмен». Но я должен сказать, что этот Морисон — не настоящий человек. Я не знаю, кто он. Я просто сужу о нем со слов мистера Хорсфолла.

- Я считаю, что мое понятие «джентльмена» включает вашего «настоящего человека».

- И даже более того, подразумеваете вы. Я думаю иначе. «Человек» для меня благороднее и совершеннее, чем просто «джентльмен».

- Что вы имеете в виду? — спросила Маргарет. — Мы, должно быть, понимаем эти слова по-разному.

- Я полагаю, что слово «джентльмен» описывает человека по отношению к другим. Но когда мы говорим о нем как о «человеке», мы рассматриваем не только его отношения с себе подобными, мы видим, каков он сам по себе, видим его отношение к жизни, ко времени, к вечности. Заброшенный и одинокий, как Робинзон Крузо... пленник, замурованный в темнице на всю жизнь... даже святой на острове Патмос[16] обладают выносливостью, внутренней силой, верой — качествами, которые говорят о них, как о представителях человечества, о людях. Я очень устал от этого слова «по-джентльменски». Мне кажется, ему придают чрезмерно большое значение, его часто употребляют не к месту, и это, на мой взгляд, отдаст лицемерием. Я же предпочитаю слова «человек» и «по-человечески».

Маргарет задумалась, ей хотелось до конца понять собеседника прежде, чем она сформулирует и выскажет свое мнение, но тут мистера Торнтон отозвал в сторону какой-то нетерпеливый промышленник. Их разговор она слышать не могла, но догадалась, что речь шла о чем-то важном по коротким и точным ответам, которые давал мистер Торнтон спокойным и твердым голосом. Они, очевидно, говорили о забастовке, решая, какого курса стоит придерживаться. Она услышала, как мистер Торнтон сказал:

- Это уже сделано.

Потом присоединились еще два или три человека.

- Все уже подготовлено.

Мистер Сликсон говорил о каких-то сомнениях и каких-то трудностях. Он взял мистера Торнтон за руку, словно желая, чтобы его слова прозвучали более убедительно. Мистер Торнтон немного отодвинулся, приподнял брови и ответил:

- Я рискую. Вам не нужно влезать в это дело, если вы не решаетесь.

- Я опасаясь поджога. Я могу защитить себя от любого насилия. И я также смогу защитить других, которые придут ко мне работать. Они знают мою решительность, так же, как и вы.

Мистер Хорсфолл отвел мистера Торнтон немного в сторону, Маргарет предположила, что он хочет еще что-то спросить о забастовке. Но на самом деле он интересовался, что это за девушка — такая тихая, такая величественная и такая прекрасная.

- Она из милтонских дам? — спросил мистер Хорсфолл, когда ему назвали имя.

- Нет, с юга Англии, из Хэмпшира, я полагаю, — последовал холодный безразличный ответ.

Миссис Сликсон расспрашивала Фанни о том же:

- Кто эта красивая грациозная девушка? Сестра мистера Хорсфолла?

- О боже, нет! Ее отец, мистер Хейл, разговаривает с мистером Стивенсом. Он дает уроки, читает вместе с молодыми людьми. Мой брат Джон ходит к нему дважды в неделю, поэтому он упросил маму пригласить их, надеясь представить остальным. Я полагаю, у нас есть несколько его проспектов. Хотите взять один?

- Мистер Торнтон! У него действительно есть время заниматься с учителем, когда нужно держать эту забастовку под контролем?

Фанни так и не поняла, восхищается миссис Сликсон ее братом или упрекает его. И все же она покраснела от неловкости, как всегда, когда оказывалось, что ее брат нарушил светские правила. Только после ухода гостей она почувствовала себя лучше.

«Просто никто не знает,
Что улыбка — не сестра слезам».
Эбенезер Эллиотт

Маргарет и мистер Хейл возвращались домой. Ночь была прекрасна, улицы — пусты. «Подобрав повыше юбки» своего белого шелкового платья, как Лиззи Линдсей[17] в балладе — платье из зеленого сатина, Маргарет едва не танцевала, опьяненная прохладной свежестью ночного воздуха.

- Я полагаю, Торнтон беспокоит эта забастовка. Сегодня вечером он был явно встревожен.

- Я бы удивилась, если было бы иначе. Но когда он разговаривал о забастовке со своими гостями перед нашим уходом, он, кажется, был спокоен.

- Как и после обеда, когда все джентльмены уединились. Но когда мы с ним беседовали, меня поразило его лицо — он был сильно встревожен.

- Я бы тоже беспокоилась на его месте. Он, должно быть, знает, насколько его ненавидят рабочие. Они считают, что он из тех, кого Библия называет «бессердечными людьми». Его нельзя назвать несправедливым, согласна. Но он бесчувственный, резкий в суждениях человек, он всегда настаивает на своем, на своих правах и мало задумывается о том, как мы с нашими незначительными правами выйдем в глазах Бога. Я рада, что ты заметил тревогу на его лице. Когда я вспоминаю полубезумную речь Баучера, я не могу слышать спокойный тон мистера Торнтон.

- Во-первых, я не уверен в полной нищете Баучера. Он испытывает нужду, я не сомневаюсь. Но их всегда поддерживают деньгами эти самые Союзы рабочих. И с твоих слов я могу судить, что у этого человека страстный и необузданный характер — он говорит и поступает, не раздумывая.

- О, папа!

- Я только хочу, чтобы ты по достоинству оценила мистера Торнтон. У него противоречивая натура и к тому же он слишком горд, чтобы показывать свои чувства. Раньше я бы решил, что таким характером ты могла бы восхищаться, Маргарет.

- Я и восхищаюсь. Точнее, я бы восхищалась, но я не вполне уверена, что он способен чувствовать. Он — человек огромной силы воли, необычного ума, но думает он только о своей выгоде.

- Не только. Ты же знаешь, у него была трудная жизнь. С самого раннего возраста ему пришлось развивать самостоятельность во всем, в том числе и в суждениях, и самоконтроль. Но это лишь одна сторона человеческого характера. Несомненно, ему необходимы знания о прошлом, чтобы создать прочную основу для будущего. И он это понимает, а это уже что-то. Ты судишь о мистере Торнтоне предвзято, Маргарет.

- Он — первый промышленник и торговец с которым я столкнулась и которого стараюсь узнать. Он — моя первая оливка, так что позволь мне погримасничать, пока я проглочу ее. Я знаю, он хороший человек и со временем мне понравится. Я уже начинаю думать, что он мне нравится. Мне было интересно слушать, о чем говорили джентльмены, хотя я не поняла и половины. Я от души пожалела, когда миссис Торнтон отвела меня на другой конец комнаты, сказав, что мне, должно быть, неловко находиться одной среди джентльменов. Я даже не подумала об этом, я прислушивалась к их разговору. А леди были такие скучные, папа, такие скучные! Их разговор напомнил мне старую игру — когда из множества существительных нужно составить предложение.

- Что ты имеешь в виду, дитя? — спросил мистер Хейл.

- Они называли имена существительные, обозначающие предметы, по которым можно судить о богатстве человека: экономка, садовник, размер стекла, дорогое кружево, алмазы и тому подобное. И каждая из них старалась употребить их в своей речи, сочетая самым причудливым образом.

- Ты будешь так же говорить о своей новой служанке, когда мы примем ее на работу, если то, что рассказывает о ней миссис Торнтон, правда.

- Несомненно. Я чувствовала себя большой лицемеркой сегодня вечером, когда сидела в своем белом шелковом платье, не зная, чем занять руки, и представляла, какую тщательную уборку пришлось сегодня сделать слугам. Я уверена, они приняли меня за утонченную леди.

- Даже я мог бы принять тебя за леди, моя дорогая, — ответил мистер Хейл, тихо улыбаясь.

Но улыбки разом исчезли, уступив место бледности и тревоге, когда они увидели Диксон, открывшую им

дверь.

- О, хозяин! О, мисс Маргарет! Слава Богу, вы здесь! Только что пришел доктор Дональдсон. Служанка из соседнего дома сходила за ним, потому что наша уборщица ушла домой. Хозяйке сейчас лучше, но... О, сэр! Я думала, она умрет час назад.

Мистер Хейл ухватился за руку Маргарет, чтобы не упасть. Он посмотрел в лицо дочери и увидел на нем выражение удивления и непомерного горя, но не ужаса, который словно тисками сжал его неподготовленное к такому удару сердце. Она знала больше, чем он, и слушала Диксон, дрожа от мрачного предчувствия.

- О! Мне не следовало ее оставлять, я поступила жестоко! — плакала Маргарет, поддерживая отца, который спешно поднимался по ступенькам.

Доктор Дональдсон встретил их на лестничной площадке.

- Сейчас ей уже лучше, — прошептал он. — Успокоительное подействовало. Приступ был очень сильным, неудивительно, что он напугал вашу служанку. Но на этот раз все обойдется.

- На этот раз! Позвольте мне пройти к ней! — полчаса назад мистер Хейл выглядел как человек среднего возраста, а сейчас он мгновенно постарел — его руки дрожали, походка стала нетвердой, как у человека семидесяти лет.

Доктор Дональдсон взял его за руку и провел в спальню. Маргарет последовала за ними. Ее мать спала, и на лице ее можно было прочесть следы пережитых страданий. Ей, должно быть, стало легче, но смерть уже оставила на ней свою метку, и было ясно, что вскоре она вернется забрать свою собственность. Мистер Хейл молча смотрел на жену. Потом его начало трясти и, отказавшись от помощи доктора Дональдсона, он на ощупь стал искать дверь, но не мог найти ее, хотя в комнате ярко горело несколько свечей, — словно для того, чтобы отогнать тень смерти. Потом мистер Хейл, шатаясь, спустился в гостиную и стал искать стул. Доктор Дональдсон подвинул к нему стул и помог сесть. Взяв его руку, он стал слушать его пульс.

- Поговорите с ним, мисс Хейл. Мы должны привести его в себя.

- Папа! — сказала Маргарет голосом, в котором было столько боли. — Папа! Поговори со мной!

Его взгляд снова стал осознанным, и он с усилием спросил:

- Маргарет! Ты знала об этом? Какая же ты жестокая!

- Нет, сэр, это не жестокость! — решительно ответил доктор Дональдсон. — Мисс Хейл следовала моим указаниям. Это, может быть, ошибка, но не жестокость. Ваша жена завтра почувствует облегчение, я полагаю. Я предполагал, что у нее могут быть приступы, хотя я и не сказал мисс Хейл о своих опасениях. Она приняла успокоительное, которое я принес с собой. Она долго проспит, а завтра симптомы, которые так встревожили вас, исчезнут.

- Но не болезнь?

Доктор Дональдсон взглянул на Маргарет. Ее склоненная голова, выражение ее лица, в котором не было мольбы об отсрочке, сказали этому тонкому наблюдателю человеческой природы, что она согласна сообщить отцу правду.

- Нет, не болезнь. Мы не можем вылечить болезнь, даже используя все свои скудные умения. Мы только можем задержать ее развитие, смягчить боль, которую она причиняет. Будьте мужчиной, сэр... христианином. Имейте веру в бессмертие души без боли, без недугов, которые настигают смертных.

Но единственным ответом ему были приглушенные слова:

- Вы никогда не были женаты, доктор Дональдсон. Вы не знаете, что это такое, — и безутешные мужские рыдания прорезали тишину ночи, как выражение бесконечного страдания.

Маргарет опустилась возле отца на колени, лаская его с печальной нежностью. Никто, даже доктор Дональдсон не знал, сколько времени прошло. Мистер Хейл первым осмелился заговорить о том, что им нужно сделать в данный момент.

- Что мы должны делать? — спросил он. — Скажите нам. Маргарет — моя помощница, моя правая рука.

Доктор Дональдсон дал четкие указания. Не стоит опасаться сегодняшней ночи, приступ не повторится завтра, и еще несколько дней все будет в порядке. Но не стоит надеяться на выздоровление. Он посоветовал мистеру Хейлу лечь, и оставить кого-то на дежурстве у кровати миссис Хейл, хотя он надеялся, что ее сон будет спокойным. Он обещал навестить их рано утром. Наконец, тепло попрощавшись, он ушел.

Маргарет с отцом обменялись лишь несколькими словами. Мистер Хейл был настроен просидеть всю ночь у постели жены, и Маргарет смогла лишь уговорить его отдохнуть на диване в гостиной. Диксон решительно отказалась ложиться спать. Маргарет просто не смогла оставить мать, даже если бы все доктора в мире заявили, что «силы необходимо беречь» и что «одной сиделки будет достаточно». Диксон сидела и пристально

всматривалась в лицо хозяйки, моргала и клевала носом, потом стряхивала с себя дремоту, и наконец, сдавшись, задремала. Маргарет сняла платье, отбросила его в сторону с раздражением и надела свое обычное платье. Ей казалось, что теперь она никогда не сможет заснуть, будто все ее чувства вдруг резко обострились, и она стала все воспринимать с удвоенной силой. Каждый взгляд и звук, даже мысль задевали ее за живое. Она прислушивалась к беспокойным движениям своего отца в соседней комнате. Он без конца подходил к двери спальни жены и прислушивался, пока Маргарет, услышав его близкое невидимое присутствие, не подошла и не открыла ее, чтобы рассказать, как она узнала о болезни матери, ответить на вопросы, которые его запекшиеся губы едва могли выговорить. Наконец он уснул, и весь дом замер. У Маргарет, наконец, было время подумать. Все, что ее интересовало в последние дни, словно отдвинулось вдаль во времени и в пространстве. Не более тридцати шести часов назад она заботилась о Бесси Хиггинс и ее отце, ее сердце страдало из-за Баучера. Теперь все это казалось воспоминаниями о прошлой жизни. Все, что происходило вне этого дома, не имело отношения к ее матери, а потому было нереальным. Даже Харли-стрит казалась далекой и чужой. Она вспомнила, будто это было вчера, как она радовалась, замечая у тети Шоу черты сходства с матерью. Как приходили письма из Хелстона, которые заставляли ее сердце замирать от любви при одной мысли о доме. Сам Хелстон теперь был в туманном прошлом. Скучные, серые дни предыдущей зимы и весны, такие бедные на события и монотонные, казались ей самыми драгоценными. Она бы с радостью ухватилась за это уходящее время и молила бы его вернуться и отдать ей то, что она так мало ценила, когда имела. Какой бесполезной казалась ей жизнь! Что-то нематериальное, порхающее, быстро промелькнувшее мимо. И будто с воздушной звонницы, возвышающейся над суматохой и суетой земной жизни, раздавался непрерывный колокольный звон: «Все — тени! Все проходит! Все — в прошлом!» Когда наступило утро, прохладное и серое, подобное тем счастливым рассветам из прошлой жизни, и Маргарет посмотрела на спящих, ей показалось, что ужасная ночь была только сном. Она была тенью. Она была прошлым.

Когда миссис Хейл проснулась, она совсем не помнила, насколько ей было плохо прошлой ночью. Она очень удивилась раннему визиту доктора Дональдсона и была смущена, увидев беспокойство на лицах мужа и дочери. Она согласилась провести этот день в постели, объяснив это своей усталостью, но настояла, что завтра она встанет. Доктор Дональдсон согласился с тем, что завтра миссис Хейл вернется в гостиную. Ей было беспокойно и неудобно в любом положении, и еще до ночи она стала очень раздражительной. Мистер Хейл чувствовал себя вялым и был не в состоянии что-либо решать.

- Что нам предпринять, чтобы мама провела еще одну спокойную ночь? — спросила Маргарет на третий день.

- В некоторой степени, это реакция после сильного успокоительного, которое мне пришлось ей дать. Я понимаю, что вам тяжело видеть ее такой. Но думаю, что если бы нам удалось достать водяной матрас, было бы хорошо. Возможно, ей не сразу станет лучше. И все же я посоветовал бы достать для нее водяной матрас. У миссис Торнтон есть один, я знаю. Я попробую зайти к ним сегодня. Пойдите, — сказал он, глядя на лицо Маргарет, бледное от бессонной ночи. — Я не уверен, смогу ли я, у меня сегодня много визитов. Вам не повредит небольшая прогулка до Мальборо-стрит, и вы сможете попросить миссис Торнтон одолжить его.

- Конечно, — ответила Маргарет. — Я схожу, пока мама спит. Уверена, что миссис Торнтон одолжит нам матрас.

Предположения доктора Дональдсона оправдались. Днем миссис Хейл чувствовала себя даже намного бодрее, чем надеялась Маргарет. Ее дочь вышла после обеда, оставив мать сидеть в кресле в гостиной. Мистер Хейл держал жену за руки и выглядел более старым и больным, чем она. Но все же он смог улыбнуться, довольно слабо и вяло, хотя день или два назад Маргарет не надеялась снова увидеть его улыбку.

От их дома в Крэмpton Кресент до Мальборо-стрит было около двух миль. Идти приходилось не спеша — было слишком жарко. Августовское солнце нещадно палило в три часа дня. Маргарет прошла мили полторы, не замечая ничего необычного. Она была погружена в свои мысли и не сразу заметила, что пробирается через необычно плотный людской поток, наводнивший милтонские улицы. Ее поразило необычное настроение людей. Они забывали уступить ей дорогу, громко и возбужденно разговаривая и не двигаясь с места. Наконец они пропустили ее, и она пошла дальше, не думая ни о чем, кроме своей цели. И все же когда Маргарет дошла до Мальборо-стрит, она и душевно, и физически ощущала вокруг себя сгустившуюся предгрозовую атмосферу. Из каждого узкого переулка, выходящего на Мальборо-стрит, доносился низкий ропот, будто гудение мириад сердитых негодующих голосов. Обитатели каждого бедного, жалкого домишки собирались у дверей и окон или стояли посреди узких улиц, устремив свои взгляды в одну точку — на ворота фабрики. Некоторые взгляды были свирепы, некоторые наполнены страхом или мольбой. И когда Маргарет достигла маленькой боковой двери у

огромных ворот, позвонила и ожидала ответа привратника, она огляделась и услышала первый далекий отголосок бури. Она увидела первую, медленно пульсирующую волну двинувшейся навстречу ей людской толпы, ее гребень опадал и таял в дальнем конце улицы. Еще минуту назад она, казалось, издавала все заглушающий шум, а теперь была угрожающе тихой. Все эти детали привлекли внимание Маргарет, но не затронули ее сердце. Она не знала, что они означают, и насколько они опасны. Сейчас она лишь чувствовала, как острый нож, что занесен над ней, скоро вонзится в нее и лишит ее матери. Она пыталась совладать с этим чувством, осознать его, чтобы быть готовой утешить отца.

Привратник осторожно приоткрыл дверь, чтобы впустить ее.

- Это вы, мэм? — спросил он, глубоко вздохнув, и чуть увеличил проход, но все равно не открыл дверь полностью. Маргарет вошла. Он поспешно закрыл дверь на засов позади нее.

- Кажется, народ идет сюда? — спросил он.

- Я не знаю. Происходит что-то необычное.

Она пересекла двор и поднялась по ступенькам к входной двери. Вокруг не раздавалось ни звука: не работал паровой молот с грохотом и пыхтением, не было слышно стука машин или громких, перекрикивающих друг друга, голосов рабочих — ничего, кроме далекого, нарастающего ропота возмущения.

Глава XXII

Удар и его последствия

«Работы мало, хлеб подорожал,

И жалованья не хватает.

Толпа ирландцев вместо нас

Работу нашу выполняет».

Эбенезер Эллиотт «Пир смерти», из сборника «Стихи против хлебных законов»

Маргарет провели в гостиную. Сегодня комната выглядела буднично: диваны и кресла вновь застелили покрывалами. Окна из-за жары были распахнуты, а жалюзи — опущены. Приглушенный, мрачный свет, отраженный от мостовой, отбрасывал причудливые тени и, в сочетании с верхним зеленоватым светом, придал лицу Маргарет бледный и изнуренный вид. Она села и стала ждать. Никто не приходил. Ей казалось, что ветер доносит далекий шум множества голосов, хотя ветра не было. Иногда этот шум совсем затихал.

Наконец пришла Фанни.

- Мама скоро спустится, мисс Хейл. Она попросила меня извиниться перед вами. Возможно, вы знаете, что мой брат привез рабочих из Ирландии, и это рассердило жителей Милтона, будто он не имеет права нанимать рабочих там, где хочет. А эти глупые несчастные людишки отказались работать на него. Они запугали своими угрозами бедных голодных ирландцев, поэтому нам пришлось поселить их на фабрике. Они все томятся в верхнем цеху, вынуждены даже спать там, чтобы оградить себя от этих грубиянов, которые сами не работают и им не дают работать. Мама заботится об их пропитании, а Джон успокаивает их — некоторые женщины плачут, хотят вернуться. А, вот и мама!

Миссис Торнтон вошла с выражением мрачной суровости на лице, и Маргарет поняла, что пришла в неподходящее время. Если бы ранее миссис Торнтон сама не предложила помощь, Маргарет не решилась бы сейчас заговорить. Миссис Торнтон нахмурилась, поджала губы, слушая, как Маргарет рассказывает о тяжелом состоянии матери и о совете доктора Дональдсона достать водный матрас, чтобы больная смогла отдохнуть. Маргарет замолчала. Миссис Торнтон не отвечала. Потом она вздрогнула и воскликнула:

- Они у ворот! Позови Джона, Фанни! Вызови его с фабрики! Они у ворот! Они сломают их! Позови Джона, я говорю!

И в этот момент нарастающий шум, к которому она прислушивалась вместо того, чтобы выслушать просьбу Маргарет, раздался у самой стены. Усиливающийся гул разъяренных голосов бушевал за тонкой деревянной преградой, и она сотрясалась от ударов невидимой обезумевшей толпы, которая таранила ее своими телами и отступала только затем, чтобы нанести новый, более сильный удар. Крепкие ворота сотрясались, как тростинки

от сильных порывов ветра.

Женщины собрались у окон. Миссис Торнтон, прислуга, Маргарет — все были здесь. Фанни вернулась, пронзительно крича, как будто ее преследовали по пятам, и, рыдая, бросилась на диван. Миссис Торнтон высматривала в окно сына, который все еще находился на фабрике. Он вышел, взглянул на бледные от страха лица ирландцев и улыбнулся, ободряя их, прежде чем закрыть дверь фабрики. Потом он попросил одну из женщин спуститься и открыть дверь, которую Фанни, обезумев от страха, заперла за собой. Миссис Торнтон спустилась и сама вынула засов. Услышав хорошо знакомый голос, взбешенные люди за стеной словно почували запах крови. До сих пор они молчали — им требовалась вся их сила, чтобы сломать тяжелые ворота. Но теперь, услышав голос хозяина во дворе фабрики, они издали такой нечеловеческий рев, что даже миссис Торнтон побледнела от страха. Мистер Торнтон, вошедший в комнату вслед за ней, выглядел возбужденным. Его глаза блестели, и выражение гордого пренебрежения сделало его лицо мужественным и благородным, если не красивым. Маргарет всегда боялась, что мужество покинет ее в критической ситуации, и она окажется трусихой. Но сейчас, когда у нее были все основания бояться, она забыла о себе и чувствовала только глубокую, до боли, сопричастность этому моменту.

Мистер Торнтон подошел к ней:

- Мисс Хейл, мне жаль, что вы посетили нас в такой неподходящий момент, когда вы можете подвергнуться опасности. Мама! Не лучше ли тебе пройти в дальние комнаты? Я не уверен, что они не пройдут с Пиннерс Лейн в конюшенный двор. Но если так случится, вам будет безопаснее там, чем здесь. Иди, Джейн! — сказал он, обращаясь к старшей служанке. И та ушла следом за другими слугами.

- Я останусь здесь! — ответила его мать. — Я останусь там, где ты.

И на самом деле, отступление в дальние комнаты было бесполезным. Толпа окружила служебные постройки с тыла, ее ужасный угрожающий рев был слышен позади дома. Слуги поднялись на чердак с криками и плачем. Мистер Торнтон презрительно улыбнулся, услышав их. Он взглянул на Маргарет, стоящую у ближайшего к фабрике окна. Ее глаза блестели, щеки покраснелись, губы заалели. Почувствовав на себе его взгляд, она повернулась к нему и задала вопрос, который давно ее беспокоил:

- А где бедные рабочие, которых вы привезли? Там, на фабрике?

- Да! Я оставил их в маленькой комнате, у дальнего пролета лестницы, и просил не сбегать вниз, если они услышат, как толпа ломает двери фабрики. Но рабочим не нужны ирландцы, им нужен я.

- Когда здесь будут солдаты? — спросила миссис Торнтон тихим, но твердым голосом.

Он достал часы и что-то посчитал в уме:

- Полагаю, что Уильямс ушел сразу же, как только я послал его, и, если ему не пришлось прятаться от толпы, они придут через двадцать минут.

- Двадцать минут! — воскликнула миссис Торнтон. Впервые в ее голосе послышался ужас.

- Мама, немедленно закрой окно, — потребовал мистер Торнтон. — Ворота не выдержат еще одного такого удара. Закройте это окно, мисс Хейл.

Маргарет закрыла свое окно, а затем подошла помочь миссис Торнтон, у которой дрожали пальцы.

По той или иной причине шум на улице внезапно затих. Миссис Торнтон взглянула на лицо сына, будто хотела услышать от него, к чему теперь готовиться. На его лице не было ни страха, ни надежды — лишь застывшее, словно маска, высокомерное пренебрежение.

Фанни поднялась:

- Они ушли? — спросила она шепотом.

- Ушли?! — ответил он. — Слушай!

Она прислушалась. Они все слышали долгий, нарастающий вдох. Скрип медленно поддающегося нажиму дерева. Затем — грохот упавших тяжелых ворот. Фанни встала, шатаясь, сделала один-два шага к матери и упала к ней на руки в приступе слабости. Миссис Торнтон подняла ее с силой, которая была не столько физической, сколько силой воли, и увела из комнаты.

- Слава Богу! — сказал мистер Торнтон, увидев, что они уходят. — Не лучше ли вам подняться наверх, мисс Хейл?

Губы Маргарет произнесли «Нет!», но он не услышал, что она говорит, ее голос заглушил топот бесчисленных ног у самой стены дома и свирепый хор грубых, разъяренных голосов, словно рычащих от удовлетворения, более ужасный, чем сердитые крики несколько минут назад.

- Не беспокойтесь! — сказал он, желая приободрить ее. — Я очень сожалею. Вас, должно быть, напугал этот беспорядок. Но это скоро закончится: еще несколько минут — и солдаты будут здесь.

- О, Боже! — внезапно вскрикнула Маргарет. — Там Баучер. Я узнаю его, хотя его лицо искажено яростью, он пытается пробраться вперед, смотрите, смотрите!

- Кто этот Баучер? — спокойно спросил мистер Торнтон, подходя ближе к окну, чтобы посмотреть на человека, привлечшего внимание Маргарет. Как только толпа увидела мистера Торнтон, она издала вопль, в котором не было ничего человеческого — это был голодный рык какого-то ужасного, дикого чудовища, требующего пищи. Даже мистер Торнтон отступил назад, потрясенный силой ненависти, которую он вызвал.

- Пусть вопят! — сказал он. — Еще пять минут... Я только надеюсь, что мои бедные ирландцы не сойдут с ума от такого дьявольского шума. Будьте мужественны еще пять минут, мисс Хейл.

- Не бойтесь за меня, — поспешно сказала она. — Но что будет через пять минут? Разве вы не можете ничего сделать, чтобы успокоить этих бедняг? Ужасно их видеть в таком состоянии.

- Скоро здесь будут солдаты, они образумят их.

- Образумят! — воскликнула Маргарет. — Как образумят?

- Так, как можно образумить людей, которые превратились в диких животных. О, Боже! Они идут к фабрике!

- Мистер Торнтон, — сказала Маргарет, дрожа от обуревавших ее чувств, — немедленно спуститесь к ним, если вы не трус. Идите и поговорите с ними, как мужчина. Спасите этих бедных ирландцев, которые из-за вас оказались в ловушке. Поговорите с вашими рабочими, как с людьми. Поговорите с ними по-доброму. Не позволяйте солдатам прийти и перебить этих обезумевших бедняг, словно животных. Я понимаю, каково им. Если у вас есть мужество и благородство, выйдите и поговорите с ними, лицом к лицу.

Мистер Торнтон повернулся и смотрел на нее, пока она говорила. Его лицо потемнело. Услышав ее слова, он сжал зубы.

- Я пойду. Возможно, мне придется попросить вас проводить меня до дверей и запереть за мной дверь. Моей матери и сестре понадобится эта защита.

- О! Мистер Торнтон! Я не знаю, я, может быть, ошибаюсь... только...

Но он уже ушел. Он был внизу в холле и отпер входную дверь. Все, что Маргарет могла теперь сделать — последовать за ним и запереть дверь. Потом она снова поднялась наверх, потрясенная и с тяжелым сердцем. Она снова заняла место у дальнего окна. Мистер Торнтон стоял на ступеньках внизу, она поняла это по направленным на него тысячам озлобленных глаз. Но она не могла ни видеть, ни слышать ничего, кроме ропота дикого удовлетворения, прокатившегося по толпе. Она шире распахнула окно. Многие в толпе были всего лишь мальчишками, злыми и неразумными, злыми от своего неразумия, другие были мужчинами — голодными, как волки, жаждущими добычи. Она знала, как они стали такими. Они были такими же, как Баучер, у них так же дома голодали дети. Они были готовы на что угодно, лишь бы добиться повышения жалования и теперь были взбешены сверх меры, обнаружив, что хозяин привез ирландцев, чтобы лишить их малышей хлеба. Маргарет все это знала. Она прочитала это по лицу Баучера, полному безнадежного отчаяния и искаженному яростью. Если бы мистер Торнтон поговорил с ними, позволил им услышать себя... Ей казалось, что это было бы лучше, чем противостояние бешеного стука их сердец и его каменного молчания. С его губ не сорвалось ни слова — ни слова злости или упрека. Но, может, он сейчас говорит с ними? Шум моментально стих, стал невнятным, будто под окном была не толпа людей, а стая животных. Маргарет сняла шляпку и наклонилась вперед, чтобы лучше слышать. Но она могла только видеть. Если мистер Торнтон и сделал попытку заговорить, то мгновенный порыв уже прошел, а люди озлобились еще больше. Он стоял, скрестив на груди руки, не двигаясь, словно статуя. Его лицо было бледным от подавляемого волнения. Они пытались запугать его, заставить его отступить. Они подстрекали друг друга, они набирались духа, чтобы совершить насилие. Маргарет интуитивно почувствовала, что через мгновение они зашумят, что первый удар вызовет вспышку ярости среди сотен взбешенных мужчин и безрассудных мальчиков, и тогда жизнь мистера Торнтон окажется в опасности. Их ярость закипит, сметая все барьеры благоразумия. Маргарет увидела, как несколько парней в задних рядах наклонились, чтобы снять свои тяжелые башмаки на деревянной подошве — готовые метательные снаряды. Она поняла, что этой вспышки будет достаточно, и с криком, который никто не слышал, она бросилась из комнаты вниз по лестнице, с силой подняла тяжелый железный засов, широко распахнула дверь и оказалась там, перед лицом этих людей; ее глаза разили их пылающими стрелами укора. Башмаки так и остались в руках тех парней; их лица, такие свирепые минуту назад, теперь казались нерешительными, будто спрашивали, что это значит. Она стояла между ними и их врагом. Она не могла говорить, но протянула к ним руки, силясь восстановить дыхание.

- Не надо насилия! Он один, а вас много, — но ее слова едва ли кто-то услышал, она словно мгновенно лишилась голоса от волнения и могла лишь еле слышно шептать.

Мистер Торнтон отступил в сторону и вышел вперед: он не мог никому позволить встать между ним и

опасностью.

- Уходите! — сказала она еще раз (теперь в ее голосе слышалась мольба). — Солдаты уже едут. Идите с миром. Уходите. Все ваши жалобы будут удовлетворены.

- Пусть он уберет своих мерзких ирландцев! — крикнул кто-то из толпы.

- Никогда! — ответил Торнтон.

И мгновенно разразилась буря. Новые выкрики заполнили воздух, но Маргарет не слышала их. Она наблюдала за группой парней, которые заранее вооружились тяжелыми башмаками. Она увидела их движения и поняла, что это значит, поняла, что они хотят сделать. В следующее мгновение они могут обрушиться на мистера Торнтон, которого она заставила выйти на это опасное место. Маргарет думала только о том, как спасти его. Она обвила руками его шею и встала так, чтобы защитить его своим телом. Он попытался стряхнуть ее руки.

- Уходите, — сказал он низким голосом. — Это не место для вас.

- Нет! — ответила она. — Вы не видели того, что видела я!

Если она думала, что ее пол будет защитой, если, зажмурив глаза, она полагала, что отвернулась от ужасной злобы этих людей, надеясь, что прежде чем она снова на них посмотрит, они уже затихнут, задумаются, крадучись уйдут и исчезнут, она ошибалась. Их уже ничто не могло остановить, по крайней мере, некоторые из них зашли слишком далеко. Те, кто руководил бунтом, всегда были беспощадными, жестокими и безрассудными, они не задумывались, к чему может привести кровопролитие. Башмак просвистел в воздухе. Маргарет, словно загипнотизированная, проследила за его полетом — он не попал в цель. Маргарет побелела от страха, но не сдвинулась с места, только уткнулась лицом в плечо мистера Торнтон. Затем повернулась к толпе и снова заговорила:

- Ради Бога! Не причиняйте никому вреда. Вы не знаете, что вы делаете, — она пыталась говорить отчетливо.

Острый булыжник пролетел рядом с ней, оцарапав лоб и щеку. У Маргарет потемнело в глазах. Словно мертвая, она упала на руки мистера Торнтон.

- Ну что, теперь вы довольны?! — крикнул он. — Вы пришли причинить вред невинным людям. Вас сотни — а вы напали на одного человека! А когда женщина пришла к вам и просила ради вашего спасения быть благоразумными, вы трусливо напали на нее. Вы добились своего!

Они молчали, пока он говорил. Они смотрели, широко раскрыв глаза и разинув рты. Тонкая струйка темно-красной крови словно отрезвила их. Те, кто стоял близко у ворот, выскользнули, словно пристыженные дети. Толпа зашевелилась, отступая. Только кто-то один выкрикнул:

- Камень предназначался тебе, но ты спрятался за женщину!

Мистер Торнтон задрожал от ярости. Кровь привела Маргарет в чувство, хотя ее сознание так и не прояснилось. Он осторожно посадил ее на ступеньки, ее голова прислонилась к стене.

- Отдохнете здесь? — спросил он. Не дожидаясь ее ответа, он медленно спустился прямо в середину толпы. — Теперь убейте меня, если вы пришли сюда за этим. Здесь нет женщины, чтобы заслонить меня. Вы можете забить меня до смерти, но вы никогда не заставите меня отменить мое решение, только не вы! — он стоял среди них, скрестив руки, непоколебимо.

Но толпа уже начала отступать к воротам, так же бестолково, как только что выражала гнев. Может быть, мысль о приближении солдат заставила их отступить, или вид девичьего лица — бледного, спокойного и неподвижного, будто мраморного, по которому катились слезы из-под длинных, сомкнутых ресниц. А из раны стекала темная кровь тяжелыми и медленными каплями. Даже самые отчаянные, как Баучер, отступили назад — спотыкались, хмурились и, наконец, ушли, бормоча проклятия хозяину, который стоял, не изменив позы, и смотрел на их отступление. В тот момент, когда отступление превратилось в бегство, он бросился по ступенькам к Маргарет.

Она попыталась подняться без его помощи.

- Ничего, — сказала она, слабо улыбнувшись. — Кожа поцарапана, и меня оглушило на мгновение. О, я так рада, что они ушли! — и она заплакала, не сдерживаясь.

Он не мог почувствовать облегчения, как она. Его гнев не прошел: он еще больше разозлился, когда понял, что непосредственная угроза миновала. Солдаты опоздали на пять минут и не дали толпе почувствовать силу власти и закона. Он надеялся, что, увидев войска, они не смогут убежать. Пока он размышлял об этом, Маргарет, держась за дверную стойку, пыталась подняться, но пелена застила ей глаза, он подоспел как раз вовремя, чтобы подхватить ее на руки.

- Мама! Мама! — закричал он. — Спускайтесь, они уже ушли, и мисс Хейл ранена! — он внес ее в гостиную,

осторожно положил на диван и взгляделся в ее бледное безжизненное лицо. Осознание того, как больно будет ее потерять, так сильно поразило его, что он заговорил, давая выход своей боли:

- О, моя Маргарет... моя Маргарет! Никто не знает, что ты для меня значишь! Бледная, словно мертвая, ты лежишь здесь... ты... единственная женщина, которую я любил! О, Маргарет... Маргарет!

Мистер Торнтон застонал, но тут же вскочил, стыдясь самого себя, когда вошла его мать. Она ничего не увидела, кроме того, что ее сын был немного бледнее, немного мрачнее, чем обычно.

- Мисс Хейл ранена, мама. Камень оцарапал ей висок. Боюсь, она потеряла много крови.

- Она тяжело ранена, я бы подумала, что она мертва, — ответила миссис Торнтон, всерьез встревожась.

- Это только обморок. Она уже со мной разговаривала, — пока он говорил, казалось, что вся кровь из его тела прилила к сердцу, и он дрожал.

- Иди и позови Джейн, она принесет то, что мне необходимо. А сам иди к своим ирландцам, они кричат и плачут, будто напуганы до смерти.

Он ушел. Он ушел, чувствуя, что каждый шаг, который уводит его от нее, дается ему с трудом, будто его ноги налились свинцом. Он позвал Джейн. Он позвал свою сестру. Маргарет должна получить всю женскую заботу и внимание. Но с каждым ударом сердца он вспоминал, как она пришла и встала между ним и опасностью. Сделала ли она это ради его спасения? Тогда он отстранил ее и говорил с ней грубо. Но он ничего не видел, кроме опасности, которой она подвергала себя. Он пошел к ирландцам, трепеща при мысли о ней. Он не знал, что им сказать, чтобы утешить и успокоить их. Ирландцы заявили, что они не останутся, и потребовали отправить их назад.

И ему пришлось думать, говорить, убеждать.

Миссис Торнтон протерла виски Маргарет одеколоном. Когда спирт попал в рану, которой ни миссис Торнтон, ни Джейн не заметили, Маргарет открыла глаза. Но было очевидно, что она не понимает, ни где находится, ни кто они. Ее глаза потемнели, губы задрожали и сжались, и она снова потеряла сознание.

- Она получила сильный удар, — сказала миссис Торнтон. — Кто из вас пойдет за доктором?

- Не я, мэм, прошу вас, — сказала Джейн, отходя назад. — Этот сброд может быть везде. Я не думаю, что рана такая глубокая, как кажется.

- Я не буду рисковать. Она ранена в моем доме. Если ты трусиха, Джейн, то я — нет. Я пойду.

- Прошу вас, мэм, позвольте мне послать кого-нибудь из полиции. Их здесь так много, и солдат тоже.

- И все равно ты боишься идти? Я не собираюсь отнимать у них время нашими поручениями. Они будут заняты поимкой бунтовщиков. Ты же не побоишься остаться в этом доме, — спросила она презрительно, — и протирать одеколоном лоб мисс Хейл, не так ли? Меня не будет минут десять.

- Разве Ханна не может пойти, мэм?

- Почему Ханна? Почему любой, кроме тебя? Нет, Джейн, если ты не идешь, пойду я.

Сначала миссис Торнтон направилась в комнату, в которой она оставила Фанни, лежащую на кровати. Та вскочила, когда вошла ее мать.

- О, мама, как ты напугала меня! Я подумала, что это мужчина забрался в дом.

- Чепуха! Все уже ушли. Здесь всюду солдаты, но они опоздали. Мисс Хейл лежит в гостиной на диване, она тяжело ранена. Я еду за врачом.

- О, нет, мама! Они убьют тебя, — она схватила мать за платье. Миссис Торнтон грубо отбросила ее руку.

- Кто еще кроме меня пойдет? Эта девушка не должна истечь кровью.

- Кровью! О, как ужасно! Как ее ранили?

- Я не знаю, у меня не было времени спрашивать. Пойди к ней, Фанни, и попытайся быть полезной. С ней Джейн, и я полагаю, все намного хуже, чем кажется. Джейн отказалась выходить из дома, трусиха! А я больше не потерплю отказов от прислуги, поэтому пойду сама.

- О, Боже, Боже! — запричитала Фанни, плача. Она скорее была готова спуститься вниз, нежели остаться одной.

- О, Джейн, — сказала она, медленно входя в гостиную. — Что случилось? Какая она бледная! Как ее ранили? Они бросали камни в гостиную?

Маргарет и вправду выглядела бледной и изнуренной, хотя начала постепенно приходить в себя. Но она еще чувствовала слабость из-за обморока. Она осознавала какое-то движение возле себя, освежающее действие одеколона и страстное желание, чтобы оно не прекращалось. Но она не смогла открыть глаза и попросить еще раз обтереть ей лоб, подобно тому, как люди, впавшие в летаргический сон, не могут шевельнуться или подать голос, чтобы задержать ужасные приготовления к своим похоронам, несмотря на то, что они полностью

осознают все происходящее.

Джейн перестала обтирать ей лоб, потому что отвечала на вопрос мисс Торнтон.

- Она бы не пострадала, мисс, если бы оставалась в гостиной или поднялась к нам. Мы были на чердаке в безопасности и могли все видеть.

- И где она была? — спросила Фанни, подходя ближе медленным шагом, приучая себя к виду бледного лица Маргарет.

- Прямо перед входной дверью... с хозяином! — многозначительно ответила Джейн.

- С Джоном! С моим братом! Как она там оказалась?

- Нет, мисс, не мне это говорить, — ответила Джейн, покачав головой. — Сара...

- Что Сара? — спросила Фанни, теряя терпение от любопытства.

Джейн снова взялась за одеколон, как будто ей не хотелось говорить больше, чем она уже сказала.

- Сара, что? — резко спросила Фанни. — Не говори полупафосами, я не понимаю тебя.

- Ну, мисс, позднее вы поймете... Сара, понимаете, стояла у правого окна, ей было видно лучше всех. И она говорит... она сказала, что увидела, как мисс Хейл стояла, обняв хозяина за шею руками, обнимая его перед всем народом.

- Я не верю этому, — сказала Фанни. — Я знаю, ей нравится мой брат, любой это заметит. И осмелюсь сказать, она не сводит с него глаз, будто он женится на ней. Он никогда не женится, я могу сказать ей. Но я не верю, что она была такой смелой и бесцеремонной, чтобы обнять его руками за шею.

- Бедная молодая леди! Она дорого заплатила за свой поступок. Я думаю, что удар вызвал такой прилив крови к голове, от которого она никогда не оправится. Сейчас она похожа на труп.

- О, как бы я хотела, чтобы мама пришла! — сказала Фанни, сжимая руки. — Я никогда раньше не была в комнате с мертвецом.

- Пойдите, мисс! Она не мертвая, ее веки дрожат, а вот и слезы потекли по щекам. Поговорите с ней, мисс Фанни!

- Вам сейчас лучше? — спросила Фанни дрожащим голосом.

Маргарет не ответила, ничем не показала, что она слышала вопрос, лишь губы ее слегка порозовели, хотя цвет лица по-прежнему был пепельным.

Миссис Торнтон вошла торопливо вместе с доктором, которого ей удалось найти.

- Как она? Вам лучше, моя дорогая? — Маргарет открыла затуманенные глаза и взглянула на нее непонимающе. — Вот мистер Лоуи пришел осмотреть вас.

Миссис Торнтон говорила громко и отчетливо, словно разговаривала с глухой. Маргарет попыталась подняться и инстинктивно прикрыла рану волосами.

- Мне лучше, — сказала она очень тихим, слабым голосом. — Мне было нехорошо.

Она позволила доктору взять свою руку и послушать пульс. Румянец на мгновение вернулся на ее лицо, когда он попросил осмотреть рану на лбу. Она взглянула на Джейн и сжалась под ее взглядом больше, чем от взгляда доктора.

- Я думаю, рана небольшая. Мне уже лучше. Я должна идти домой.

- Нет, пока я не наложу несколько полосок пластыря, и вы немного не отдохнете.

Она поспешно села, не проронив ни слова, и позволила обработать рану.

- Теперь, если позволите, — сказала она, — я должна идти. Думаю, мама этого не заметит. Рана под волосами, не так ли?

- Да, она совершенно незаметна.

- Но вы не должны уходить, — нетерпеливо сказала миссис Торнтон. — Вы не в состоянии идти.

- Я должна, — решительно заявила Маргарет. — Подумайте о маме. Если они услышат... Кроме того, я должна идти, — сказала она настойчиво. — Я не могу оставаться здесь. Могу я попросить кэб?

- Вы очень взволнованы, — заметил мистер Лоуи.

- Это потому, что я здесь, когда мне так нужно идти. Воздух и прогулка приободрят меня лучше, чем все остальное, — умоляла она.

- Я согласен с тем, что она говорит, — ответил мистер Лоуи. — Если ее мать больна, как вы рассказали мне по пути сюда, она может всерьез разволноваться, если услышит об этом бунте, а ее дочь не вернется домой вовремя. Рана неглубокая. Я сам подгоню кэб, если ваши слуги боятся выходить.

- О, спасибо! — сказала Маргарет. — Мне станет намного лучше. Из-за атмосферы в этой комнате я чувствую себя несчастной.

Она откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Фанни вызвала мать из комнаты и что-то ей рассказала, из-за чего миссис Торнтон позаботилась ускорить отъезд Маргарет. Не то, чтобы она полностью поверила словам Фанни, но она поверила достаточно, чтобы сдержанно пожелать Маргарет всего хорошего.

Мистер Лоуи сел в кэб.

- Если вы позволите мне, я провожу вас домой, мисс Хейл. На улицах еще не вполне спокойно.

Маргарет достаточно пришла в себя, чтобы понять, что ей необходимо избавиться от мистера Лоуи и кэба прежде, чем она доберется до Крэмpton Кресент, иначе отец и мать будут волноваться. Далее она не заглядывала. Этот ужасный сон, в котором о ней говорили так дерзко, она никогда не забудет, но может какое-то время не думать о нем, пока не восстановит силы. Ее ум искал какое-то событие в настоящем, чтобы она могла сосредоточиться на нем и вновь не потерять сознания.

Глава XXIII

Ошибки

«Его мать, узнав об этом, душевный
Покой потеряла, не зная, что и думать»
Эдмунд Спенсер, «Королева Фей. Книга IV»

Мистер Торнтон вернулся минут через пять после отъезда Маргарет. Он был очень взволнован.

- Я не мог прийти быстрее. Офицер полиции... Где она? — он оглядел гостиную, а потом сурово взглянул на мать, которая спокойно расставляла сдвинутую с места мебель и не сразу ответила.

- Где мисс Хейл? — снова спросил он.

- Ушла домой, — ответила она кратко.

- Ушла домой?!

- Да. Ей стало намного лучше. Не думаю, что она была тяжело ранена. Бывает, что люди падают в обморок и при более легком ранении.

- Мне жаль, что она ушла так скоро, — сказал он, беспокойно расхаживая по комнате. — Она была еще очень слаба.

- Она сказала, что в состоянии поехать домой. И мистер Лоуи подтвердил ее слова. Я сама привела его.

- Спасибо, мама, — он остановился и протянул руку, чтобы пожатием выразить свою благодарность. Но она не заметила его жеста.

- Что ты сделал со своими ирландцами?

- Послал в «Дракон» за едой для этих бедняг. А потом, к счастью, я наткнулся на отца Грейди и попросил его поговорить с ними и убедить их не уезжать сразу. Как мисс Хейл отправилась домой? Уверен, она была не в состоянии идти.

- Она взяла кэб. Все было сделано должным образом, даже оплачено. Давай поговорим о чем-нибудь еще. Она причинила много беспокойства.

- Я не знаю, что было бы со мной, если бы не она.

- Ты стал таким беспомощным, что тебя защищала девушка? — презрительно спросила миссис Торнтон.

Он покраснел.

- Не многие девушки по доброй воле подставили бы себя под удары, которые предназначались мне.

- Влюбленная девушка способна на многое, — резко ответила миссис Торнтон.

- Мама! — он сделал шаг вперед и замер, не в силах скрыть забрезжившей надежды.

Миссис Торнтон была немного напугана, заметив, сколько усилий он прилагает, чтобы оставаться спокойным. Она не знала, чем вызвано это волнение. Но она видела что он вне себя. Была ли это злость? Его глаза сверкали, его грудь тяжело вздымалась, его дыхание участилось. На его лице отражалась смесь радости, злости, гордости, удивления, трепетного сомнения, но она не могла понять, чем вызваны эти чувства. И это встревожило ее. Она подошла к буфету, открыла ящик и достала щетку для пыли. Увидев каплю одеколона на полированной спинке дивана, миссис Торнтон бессознательно вытерла ее. Она постояла, повернувшись спиной

к сыну, намного дольше, чем требовалось, и когда заговорила, ее голос показался необычно сдержанным.

- Я полагаю, ты собираешься наказать бунтовщиков? Ты же не потерпишь снова насилия, не так ли? Где была полиция? Ее вечно нет под рукой, когда она так нужна!

- Напротив, я видел трех или четырех полицейских, когда ворота открылись. Они пробивались сквозь толпу и орудовали дубинками, а еще больше их прибежало, когда двор почти опустел. Я мог бы передать некоторых бунтовщиков в руки полиции, если бы сохранил самообладание. Но с этим не будет трудностей — многие смогут их опознать.

- Но они не вернуться сегодня ночью?

- Я позабочусь, чтобы дом охраняли. Через полчаса у меня назначена встреча с капитаном Хэнбери в полицейском участке.

- Тебе сначала нужно выпить чаю.

- Чаю? Пожалуй, да. Уже половина седьмого, а меня какое-то время не будет. Не дожидайся меня, мама.

- Ты полагаешь, я могу лечь спать, не убедившись, что ты в безопасности, так?

- Наверное, нет, — он замешкался на мгновение. — Но если у меня будет время, я пойду в Крэмpton после того, как договорюсь с полицией и повидаюсь с Хэмпером и Кларксоном.

Их взгляды встретились. Минуту они пристально смотрели друг на друга. Затем миссис Торнтон спросила:

- Зачем ты пойдешь в Крэмpton?

- Узнать о здоровье мисс Хейл.

- Я сама это сделаю. Уильямс должен отнести им водный матрас, который она просила. Он узнает, как она себя чувствует.

- Я должен пойти сам.

- Но не только для того, чтобы справиться о здоровье мисс Хейл?

- Не только для этого. Я должен поблагодарить ее за то, что она защитила меня от толпы.

- Что тебя заставило спуститься вниз? Ты сунул голову в пасть льва!

Он взглянул на мать, понял, что она не знает, что произошло между ним и Маргарет в гостиной, и ответил вопросом на вопрос:

- Ты не побоишься остаться без меня, пока я не позову кого-нибудь из полиции? Или нам лучше сейчас же послать за ними Уильямса, — тогда они придут как раз к тому времени, как мы выпьем чаю? Нельзя терять ни минуты. Мне нужно уйти через четверть часа.

Миссис Торнтон вышла из комнаты. Слуги были удивлены, что распоряжения хозяйки, обычно такие четкие и решительные, теперь были сбивчивыми и неясными. Мистер Торнтон остался в столовой, пытаясь думать о делах, о которых ему необходимо будет поговорить с полицейскими, а на самом деле думая о Маргарет. Все казалось ему неясным и неопределенным... все вокруг... но он до сих пор чувствовал, как его шею обвивают ее руки, такие нежные, что он покраснел, вспомнив об этом.

Чай пили бы в полном молчании, если бы не бесконечные причитания Фанни — как она была напугана, а затем думала, что толпа ушла, а потом чувствовала слабость, недомогание и дрожь во всем теле.

- Ну, достаточно, — оборвал ее брат, вставая из-за стола. — Сейчас я могу думать только о неотложных делах...

Он собрался уже выйти из комнаты, когда мать остановила его, коснувшись его руки.

- Зайди домой прежде, чем пойдешь к Хейлам, — попросила она тихим встревоженным голосом.

- Я знаю то, что знаю, — сказала сама себе Фанни.

- Почему? Думаешь, не стоит беспокоить их так поздно?

- Джон, вернись ко мне сегодня вечером. В самом деле, не нужно тревожить миссис Хейл. Но не только из-за этого. Ты пойдешь завтра... Вернись сегодня домой, Джон! — миссис Торнтон редко дважды просила сына — для этого она была слишком гордой — но она никогда не просила напрасно.

- Я вернусь домой сразу, как закончу свои дела. Ты, конечно, справишься о них?... о ней?

Миссис Торнтон не была в состоянии ни поддерживать беседу с Фанни, ни терпеливо выслушивать ее излияния, пока сын отсутствовал. Но с его возвращением ее зрение и слух настолько обострились, что она подмечала все мельчайшие детали, слушая его рассказ о том, как он провел вторую половину дня, какие шаги он предпринял, чтобы обеспечить себе безопасность, и кого из рабочих он решил нанять для того, чтобы нормализовать ситуацию. Он ясно понимал цель своих поступков. Те, кто принимал участие в бунте, должны быть наказаны. Это необходимо для того, чтобы защитить собственность и укрепить власть собственника.

- Мама! Ты знаешь, что я должен сказать мисс Хейл завтра?

Вопрос был задан неожиданно, когда миссис Торнтон уже перестала думать о Маргарет.

Она взглянула на сына.

- Да! Знаю. Ты не можешь поступить иначе.

- Поступить иначе?! Я не понимаю тебя.

- Я имею в виду, что после того, как она выставила свои чувства напоказ, ты посчитал делом чести...

- Дело чести, — насмешливо сказал он. — Боюсь, дело чести здесь ни при чем. «Выставила свои чувства напоказ!» Какие чувства ты имела в виду?

- Ну, Джон, не нужно злиться. Разве она не выбежала и не бросилась тебе на шею, чтобы защитить тебя от опасности?

- Да! — ответил мистер Торнтон. — Но, мама, — продолжил он. — Я даже не смею надеяться. Я никогда раньше не был трусом, но я не могу поверить, что такая девушка любит меня.

- Не будь глупцом, Джон. Такая девушка! Разве она дочь герцога? И какое доказательство ее чувств тебе еще нужно? Я думаю, что она боролась со своими аристократическими привычками, но мне понравилось, что она не стала таиться в последний момент. Для меня это немаловажно, — произнесла миссис Торнтон, едва улыбувшись, поскольку слезы стояли у нее в глазах, — потому что завтра я окажусь второй. Я бы хотела побыть с тобой, только с тобой, еще несколько часов, поэтому я просила тебя не ходить к ней сегодня.

- Дорогая мама! — (Все же любовь эгоистична, и в тот момент, когда он вернулся к своим собственным надеждам и страхам, в сердце миссис Торнтон вползла холодная тень) — Но я знаю, что ей нет дела до меня. Я брошусь к ее ногам... я должен. Даже если это будет один шанс из тысячи... или даже из миллиона... я должен это сделать.

- Не бойся! — сказала мать, подавляя разочарование и острую боль ревности. — Не бойся, — повторила она спокойно. — Если она тебя полюбила, она, может быть, достойна тебя. Ей было очень трудно преодолеть свою гордость. Не бойся, Джон, — сказала миссис Торнтон, целуя его, желая ему спокойной ночи.

Она медленно и величественно вышла из гостиной. Но, оказавшись в своей комнате, она заперла дверь и расплакалась, что редко себе позволяла.

Маргарет, все еще очень бледная, благополучно вернулась домой. Мистер и миссис Хейл все так же сидели в гостиной и тихо разговаривали. Она понадеялась, что голос не выдаст ее.

- Миссис Торнтон пришлет водный матрас, мама.

- Дорогая, как устало ты выглядишь! На улице очень жарко, Маргарет?

- Очень жарко, а из-за забастовки — довольно грязно.

Щеки Маргарет вспыхнули, и тут же кровь снова отлила от них.

- К тебе приходили от Бесси Хиггинс, она просила тебя зайти к ней, — сказала миссис Хейл. — Но я думаю, ты очень устала.

- Да! — согласилась Маргарет. — Я устала, я не смогу пойти к ней.

Она молчала, пытаясь унять дрожь, пока разливала чай. Она была рада, что отец занят матерью и не замечает, как выглядит его дочь. Даже после того, как миссис Хейл пошла спать, он не захотел оставить жену одну и решил почитать ей перед сном. Маргарет осталась наедине сама с собой.

- Теперь я подумаю об этом... теперь я вспомню все. Я не могла раньше... я не смела, — она неподвижно сидела в кресле, сложив руки на коленях, сжав губы, устремив взгляд в одну точку, будто на какое-то видение. Она глубоко вздохнула.

- Я — та, которая ненавидит сцены... Я — та, которая презирала людей, что не владеют своими чувствами... я всегда думала, что им не хватает самоконтроля... Я спустилась и, не мешкая, бросилась в схватку, как романтическая дурочка! Правильно ли я сделала? Полагаю, они ушли бы и без меня, — в какой-то момент еще раз все хорошо обдумав, она поняла, что это был бы чересчур разумный поступок для обезумевшей толпы. — Нет, они не ушли бы. Я поступила правильно. Но что заставило меня защищать этого человека, будто он был беспомощным ребенком?! А! — воскликнула она, сжав руки, — неудивительно, что эти люди подумали, будто я влюблена в него, когда так бездумно себя опозорила. Я влюблена... в него! — бледные щеки Маргарет внезапно вспыхнули, как от огня. Она закрыла лицо руками. Когда она отняла их от лица, ее ладони были мокрыми от жгучих слез.

- О, как низко я пала, что они станут говорить обо мне! Я не была бы такой храброй, не будь он мне абсолютно безразличен. В самом деле, он совершенно мне не нравится. Я забеспокоилась только потому, что обе стороны должны вести честную игру. И я понимала, какой должна быть честная игра. Но было бы

несправедливо, — сказала она страстно, — если бы он стоял, защищенный стенами, ожидая солдат, которые поймали бы этих бедных обезумевших людей в ловушку и стали бы их избивать, а он так и стоял бы в бездействии. Но с их стороны было нечестно нападать на него, угрожая ему. Я бы снова так поступила, и пусть обо мне говорят что угодно! Если я предотвратила один удар, если не дала свершиться злу, я выполнила свой женский долг. Пусть они оскорбляют мою девичью гордость, я чиста перед Богом!

Она приободрилась, величественный покой снизошел на нее, и ее лицо стало умиротворенным — «спокойным, словно выточенным из мрамора».

Вошла Диксон:

- Если позволите, мисс Маргарет, там принесли водный матрас от миссис Торнтон. Уже слишком поздно, я боюсь, миссис уже почти спит, но завтра он прекрасно ей послужит.

- Хорошо, — ответила Маргарет. — Передай нашу благодарность.

Диксон на мгновение вышла из комнаты и тут же вернулась.

- Если позволите мисс Маргарет, он говорит, его попросили узнать, как вы себя чувствуете. Я думаю, он имел в виду миссис. Но он говорит, его просили узнать, как мисс Хейл.

- Я?! — воскликнула Маргарет, вскочив. — Я в порядке. Передай ему: я в порядке, — но ее лицо было таким же мертвенно белым, как платок, и голова сильно болела.

Вошел мистер Хейл. Он оставил спящую жену и теперь хотел поговорить с дочерью, чтобы отвлечься от грустных мыслей. С ласковым терпением, без единого слова жалобы, она переносила боль и находила бесчисленные темы для разговора, ни разу не упомянув о бунте. При одной мысли о произошедшем ей становилось плохо.

- Доброй ночи, Маргарет. Я использую каждую возможность, чтобы отдохнуть, а ты выглядишь очень бледной. Я позову Диксон, если твоей маме что-то понадобится. Ложись спать и спи крепко. Я уверен, тебе просто необходим сон, бедное дитя!

- Доброй ночи, папа.

Ее лицо опять побледнело, вымученная улыбка погасла, глаза потускнели от тяжелой боли. Она позволила себе расслабиться. До самого утра она может чувствовать себя больной и измученной.

Маргарет лежала неподвижно. Чтобы пошевелить рукой или ногой, или даже пальцем, нужно было совершить невероятное усилие, для которого ей не достало бы силы воли. Она страшно устала, была потрясена до глубины души и думала, что вообще не сможет уснуть. Лихорадочные мысли кружились на грани между сном и явью, не покидая ее. Обессиленная и беспомощная, она все еще была не одна — множество лиц смотрели на нее, и она сгорала от стыда, оттого что стала объектом всеобщего внимания. Чувство стыда было таким острым, что казалось, ей не удастся скрыться от этого немигающего взгляда многих глаз, даже если она спрячется под землю.

Глава XXIV

Ошибки исправлены

«Пленившись поначалу твоею красотой,
Что сердце неустрашимое завоевала,
Томлюсь теперь, изнемогая, в муках,
Жестокий получив отказ...
И все ж, слугой твоим останусь верным,
Не позабыв жестокости и гордого молчанья».
Уильям Фоулер

Наутро Маргарет с трудом заставила себя подняться. Она была рада, что ночь наконец миновала, даровав ей немного отдыха, но не избавив от тягостных мыслей. Для других обитателей дома ночь прошла спокойно. Миссис Хейл просыпалась только один раз. Сегодня в знойном воздухе ощущалось легкое дуновение ветерка, и хотя рядом не было деревьев, и Маргарет не могла видеть, как он играет с листвою, ей нравилось воображать,

как где-то у обочины дороги, в молодом кустарнике или в густых зеленых зарослях раздаётся нежный шелест, похожий на топот маленьких ножек, при одной мысли о котором в сердце далеким эхом отзывается радость.

Маргарет сидела с рукоделием в гостиной миссис Хейл. Она хотела помочь матери переодеться к обеду и позже пойти навестить Бесси Хиггинс. Девушка старательно гнала прочь все воспоминания о семье Торнтонов. И все же мысли текли своим чередом, не повинаясь ее воле, и время от времени жаркий румянец окрашивал ее щеки, — внезапный, будто солнечный луч меж быстрых дождевых облаков, проплывающих над морем.

Диксон очень тихо открыла дверь и подошла на цыпочках к Маргарет, которая сидела у занавешенного окна.

- Пришел мистер Торнтон, мисс Маргарет. Он ждет внизу.

Маргарет уронила шитье на колени.

- Он спрашивал меня? Разве папа еще не пришел?

- Он спрашивал вас, мисс, а хозяина нет дома.

- Хорошо, я спущусь к нему, — тихо ответила Маргарет.

Но почему-то она немного задержалась в комнате прежде, чем выйти навстречу гостю.

Мистер Торнтон стоял у окна спиной к двери, как будто внимательно наблюдая за улицей. Но на самом деле он пытался преодолеть свой страх. Его сердце учащенно билось от одной мысли, что она должна вот-вот прийти. Он не мог забыть прикосновение ее рук, ощущая его так ясно, словно она так и не разжала их, словно они все еще были там, на крыльце. Но теперь воспоминание о том, как Маргарет защищала его, вызывало дрожь во всем теле, и вся его решимость, вся сила самообладания таяли, как воск от огня. Он боялся и в то же время больше всего на свете желал выйти ей навстречу, раскрыв руки, без слов прося ее подойти и укрыться в его объятиях, как она сделала это днем раньше, но теперь он ни за что не оттолкнул бы ее. Его сердце билось громко и часто. Сильный мужчина, он страшился того, что должен сказать, и того, как она примет его слова. Быть может, она скромно опустит голову, покраснеет, затрепещет и позволит обнять себя, позволит даровать ей покой и приют. В одно мгновение он сгорал от нетерпения при мысли, что она так и поступит, а в следующее мгновение — пугался жестокого отказа, боялся, что она одним словом перечеркнет его будущее, их будущее; сама мысль об этом причиняла такую боль, что он просто запретил себе думать. Он вздрогнул, почувствовав, что в комнате еще кто-то есть, и обернулся. Маргарет вошла так тихо, что он не услышал. Его невнимательный слух отчетливее различал шум улицы, чем ее медленные движения и шорох муслинового платья.

Она встала у стола, не предложив ему сесть. Ее веки были полуопущены, губы приоткрыты, обнажая белую тонкую линию зубов. Она не двигалась, лишь медленное и глубокое дыхание расширяло тонкие и красивые ноздри. Тонкая кожа, мягкая линия скул, яркий контур рта, ямочки на щеках — на всем сегодня был заметен отпечаток усталости. Густая тень темных волос, зачесанных на виски, чтобы скрыть последствия удара, усиливала бледность лица. Ее руки безвольно опустились, но голова, несмотря на поникший взор, была по-прежнему гордо откинута назад. Она выглядела как узница, ложно обвиненная в отвратительном преступлении, возмущенная обвинением настолько, что не могла найти слов для оправдания.

Мистер Торнтон поспешно шагнул ей навстречу, опомнился и, решительно подойдя к двери, которую она оставила открытой, закрыл ее. Затем, вернувшись, встал напротив Маргарет, запечатлевая ее прекрасный образ в памяти, прежде чем он осмелится потревожить и, возможно, рассердить ее.

- Мисс Хейл, вчера я был очень неблагодарным...

- Вам не за что меня благодарить, — ответила Маргарет, прямо и открыто глядя на него. — Я полагаю, вы считаете себя обязанным поблагодарить меня за то, что я сделала, — несмотря на гнев, на лице Маргарет выступил густой румянец, а в глубине глаз вспыхнул огонь, который не погас, даже когда она серьезно и пристально взглянула на мистера Торнтон. — Это был только природный инстинкт, любая женщина сделала бы то же самое. В минуту опасности мы всегда полагаемся на преимущество нашего пола — его неприкосновенность. Скорее я должна, — сказала она поспешно, — извиниться перед вами за свои безрассудные слова, из-за которых вы подверглись опасности.

- Меня заставили так поступить не ваши слова, а истина, которая в них заключалась, как бы вы ее ни выразили. Но сейчас я не отступлю, вам не избежать выражения моей глубокой благодарности, моей... — мистер Торнтон был уже на грани признания. Но он не стал говорить в пылу страсти, он взвешивал каждое слово. Справившись со своими чувствами, он остановился на полуслове.

- Я не пытаюсь ничего избежать, — ответила Маргарет. — Я просто говорю, что вы не обязаны меня благодарить. И могу добавить, что любое выражение благодарности неприятно мне, поскольку чувствую, что не заслуживаю его. Но, если это освободит вас от всякого выдуманного долга, говорите.

- Я не желаю быть освобожденным от этого долга, — сказал мистер Торнтон, задетый ее спокойствием. —

Выдуманный или невыдуманный, для меня неважно, я просто знаю, что обязан вам жизнью. Да! Улыбайтесь и считайте это преувеличением, если хотите. Я верю в это, потому что это добавляет ценности моей жизни, если я думаю... о, мисс Хейл! — продолжал он, понизив голос до нежного шепота, от которого она задрожала, — ...думаю, что всякий раз, в счастливые мгновения своей жизни, я буду говорить себе: «Всей радостью в жизни, всей гордостью за честный труд в этом мире, самым ощущением бытия я обязан ей!» И эта мысль удваивает мою радость, она заставляет меня светиться от гордости, она обостряет мои чувства до такой степени, что я уже не знаю, боль это или наслаждение. Мысль о том, что я обязан жизнью той... Нет! Вы должны услышать, и вы услышите! — сказал он, шагнув вперед с твердой решимостью, — ... той, которую я люблю, как ни один мужчина в мире не любил женщину.

Мистер Торнтон крепко сжал ее руку. Он тяжело дышал, слушая ее ответ. Услышав холодность в голосе Маргарет, он отпустил ее руку с негодованием. Ее тон был ледяным, а сами слова — невнятными, как будто она с трудом их подбирала.

- Меня потрясло то, как вы со мною говорили. Это возмутительно. Я ничего не могу поделать со своим чувством. Возможно, я бы не была так возмущена, если бы разделяла чувства, о которых вы говорили. Я не хочу обидеть вас. И, кроме того, мы должны говорить тише — мама спит. Но ваша манера оскорбительна для меня...

- Вот как! — воскликнул он. — Оскорбительна для вас?! Я достоин сожаления.

- Да! — с достоинством ответила она. — Я оскорблена и, полагаю, справедливо. Вы, кажется, вообразили, что мой поступок вчера, — на лице Маргарет снова появился густой румянец, но на этот раз ее глаза пылали негодованием больше, чем стыдом, — имел отношение лично к вам, и что вы можете прийти и поблагодарить меня, вместо того, чтобы понять, как понял бы настоящий джентльмен... да! джентльмен! — повторила она, вспомнив, как они говорили об этом слове всего несколько дней назад, — что любая женщина, достойная называться женщиной, воспользовалась бы привилегиями своего пола и вышла бы защитить человека, который находился в опасности.

- И спасенному джентльмену было бы запрещено благодарить женщину за свое спасение! — презрительно ответил он. — Но я — человек, я мужчина! Я имею право выразить свои чувства!

- И я уступила этому праву. Я просто говорю, что вы причинили мне боль, настаивая на благодарности, — с гордостью ответила Маргарет. — Но вы, кажется, вообразили, что я руководствовалась не просто женским инстинктом, а... — и тут долго сдерживаемые слезы выступили у нее на глазах, а дыхание перехватило, — а то, что меня побудили к этому какие-то особые чувства к вам... к вам! Любой человек из толпы, любой из тех бедняг, что пришли к вам на двор, вызывал у меня столько же сострадания, судьба любого из них волновала меня так же сильно, как и ваша.

- Вы можете не продолжать, мисс Хейл. Я знаю, что вы не питаете ко мне никаких симпатий. Теперь я знаю, что вы поступили так благородно всего лишь из-за вашего врожденного чувства справедливости. Да, хоть я и хозяин, я тоже могу страдать от несправедливости. Я знаю, вы презираете меня. Позвольте вам сказать, это потому, что вы не понимаете меня.

- Я и не желаю понимать, — ответила она, вцепившись руками в стол, чтобы не упасть.

Она считала его жестоким — он таким и был — а она была слабой от негодования.

- Да, я вижу. Вы пристрастны и несправедливы.

Маргарет сжала губы. Она не могла ответить на такие обвинения. А он, несмотря на все его жестокие речи, был готов броситься к ее ногам и целовать подол ее платья. Она молчала и не двигалась. Лишь по щекам бежали горячие слезы — слезы раненой гордости. Он немного подождал, ожидая ее ответа. Она молчала и не двигалась. Он ожидал возмущения, даже насмешки, — хоть слова, на которое он смог бы ответить. Но она все еще молчала. Он взял свою шляпу.

- Еще одно слово. Вы выглядите так, будто вам противно, что я люблю вас. Но вы не сможете избежать этого. Нет, даже если бы я захотел, я бы не смог избавиться от своей любви. И я бы никогда не захотел избавить вас от нее, даже если бы я мог. Я никогда не любил ни одну женщину, в моей жизни было слишком много иных занятий, я уделял внимание совсем другим вещам. Теперь я люблю и буду любить. Но не бойтесь сильного проявления моих чувств.

- Я не боюсь, — ответила она, выпрямляясь. — Еще никто не был дерзок со мной, и никто не будет. Но, мистер Торнтон, вы были очень добры к моему отцу, — сказала Маргарет, смягчившись. — Давайте больше не будем сердиться друг на друга. Прошу вас.

Он, не обратив внимания на ее слова, какое-то время разглаживал рукавом ворс на шляпе, а затем, проигнорировав ее протянутую руку и притворившись, что не заметил ее виноватого взгляда, резко повернулся

и вышел из комнаты. Маргарет мельком увидела его лицо.

Когда он ушел, ей показалось, что она видела, как в его глазах блеснули слезы, и ее гордая неприязнь сменилась каким-то другим чувством, более добрым, но причинявшим ей душевную боль, будто она упрекала себя за то, что так унизила другого человека.

- Но как иначе я могла поступить? — спросила она себя. — Я никогда не любила его. Я была вежливой и не пыталась скрывать свое безразличие. Честно говоря, я никогда не думала о себе и о нем, и своим поведением старалась показать это. Он ошибся в том, что произошло вчера. Но это его ошибка, не моя. Я бы снова так поступила, если бы было нужно, даже если бы знала, что заставлю его беспокоиться, а сама буду стыдиться.

Глава XXV

Фредерик

«...и за страдальцев мечь
Восстала. Мщенья требуют уставы;
Поруганы преданий флотских славы».
Дж. Г. Байрон «Остров» (пер. Вяч. Иванова)

Маргарет размышляла о том, все ли предложения руки и сердца так же неожиданны и неприятны, как те два, которые она получила. Она невольно сравнивала слова мистера Леннокса и мистера Торнтон. Маргарет очень сожалела, что Генри Леннокс принял дружбу за выражение иного, более сильного чувства. И это сожаление она ощущала всякий раз, когда вспоминала их последнюю встречу. Но сейчас, когда эхо слов мистера Торнтон еще звучало в комнате, она чувствовала себя ошеломленной и подавленной. Мистер Леннокс, который всегда вел себя как верный друг, вдруг признался ей в любви, а мгновение спустя уже сожалел о своих словах так же сильно, как и она, хотя и по другой причине. Маргарет и мистер Торнтон, напротив, никогда не были друзьями. Они скорее испытывали друг к другу взаимную неприязнь. Их мнения по одному и тому же вопросу никогда не совпадали, да и Маргарет никогда не приходило в голову, что ему интересны ее суждения. Высказывая свое мнение, она словно бросала вызов его негибкой, властной натуре, его силе чувств, и он, как ей казалось, отвергал ее суждения с презрением, пока она не понимала бесполезность своих возражений. А теперь он пришел и в таких странных пылких выражениях признался, что любит ее. Поначалу она предположила, что он сделал предложение из благодарности, испытывая сожаление, что она подвергла себя опасности, защищая его, — он, как и другие, неправильно понял ее поступок, и это возмутило ее. И все же, еще до того, как он ушел, Маргарет ясно поняла, словно на нее снизошло озарение, что он давно уже искренне любил ее, что он любит ее, что он будет любить ее. И тогда она невольно съежилась и задрожала, ощущая притягательность его огромной любви, и вся ее прошлая жизнь показалась ей незначительной. Она пыталась избежать, спрятаться от его чувства. Но это было бесполезно. Как сказано у Тассо Фейрфакса:[18]

«Его стойкий образ бродил в ее мыслях».

Мистер Торнтон вызвал у нее большее неприятие тем, что подчинил себе ее внутреннюю волю. Как он смел сказать, что все равно будет любить ее, — после того, как она с презрением отвергла его предложение! Если бы в ту минуту она могла решительнее возразить ему! Но сейчас в резких, категоричных словах, которые пришли ей на ум, не было никакого смысла. Их разговор произвел на нее такое же сильное впечатление, какое оставляет после себя кошмарный сон: мы все еще находимся под его влиянием, хотя уже проснулись, протерли глаза и заставили себя улыбнуться. Кошмар не исчез, — он здесь, в одном из углов комнаты, съевшийся, что-то невнятно бормочущий, он следит за нами застывшим жутким взглядом, прислушивается, осмелимся ли мы рассказать о нем кому-то еще. А мы не осмеливаемся, жалкие трусы!

И Маргарет задрожала, расценив как угрозу слова мистера Торнтон, что он не перестанет любить ее. Что он имел в виду? Разве не в ее власти было остановить его? Нет, его слова были, скорее, дерзостью, чем угрозой. Неужели он связывал их с ее вчерашним поступком? Если бы понадобилось, она бы снова сделала то же самое: с готовностью защитила бы даже хромого нищего — так же, как мистера Торнтон — пусть бы он вновь ошибся в своих выводах, а женщины вновь выразили бы свое презрение. Она поступила так, потому что считала

правильным и справедливым спасти человека, когда могла хотя бы попытаться его спасти. «Fais ce que dois, advienne que pourra».[19]

Маргарет стояла на том же месте, где ее оставил мистер Торнтон. Ничто не могло вывести ее из задумчивости. Она до сих пор слышала его последние слова, видела пристальный, неистовый взгляд его глаз, а бушевавший в них огонь лишал ее сил. Она подошла к окну и распахнула его, чтобы рассеять уныние, которое сгустилось в комнате. Затем она вышла, страстно желая избавиться от воспоминаний о событиях последнего часа в компании других людей или с помощью какого-то дела. Но дом был погружен в послеполуденную тишину — миссис Хейл пыталась восстановить силы в редкие минуты сна, которого была лишена ночью. Маргарет не желала оставаться одна. Что же ей делать? «Пойти и навестить Бесси Хиггинс», — подумала она, вспомнив о просьбе, которую ей передали прошлым вечером. Так она и сделала.

Бесси лежала на скамье, стоявшей близко у огня, хотя день был душный и знойный. Она откинулась навзничь, как будто отдыхала после приступа боли. Маргарет поняла, что Бесси нужно больше свежего воздуха, а для этого ей необходимо сесть. Не говоря ни слова, она приподняла девушку и так подложила ей под спину подушки, что Бесси почувствовала небольшое облегчение.

- Я думала, что больше не увижу вас, — сказала несчастная, тоскливо глядя на Маргарет.

- Боюсь, тебе стало намного хуже. Но я не могла прийти вчера, моя мама очень больна... и по другим причинам, — ответила Маргарет, краснея.

- Вы могли подумать, что я уже умерла, раз Мэри пришла к вам. Но эти споры и громкие голоса просто доконали меня, и я подумала (когда отец ушел), что, если бы я услышала ваш голос, читающий мне о покое и надежде, я бы успокоилась, ощущая поддержку Бога, как ребенок, которого мать укладывает спать, напевая ему колыбельную.

- Я прочитаю тебе главу?

- Да, пожалуйста! Может, сначала я и не пойму смысла. Он покажется недостижимым, но когда вы дойдете до слов, которые мне нравятся... до слов утешения... я их услышу, и они лягут мне в душу.

Маргарет начала читать. Но Бесси беспокойно металась. Если в одно мгновение она, прилагая усилие, слушала чтение Маргарет, то в следующее мгновение ее охватывало сильное беспокойство. Наконец она воскликнула:

- Не читайте дальше. Это бесполезно. Мыслями я далека от бога, я не могу не думать со злостью о том, что ничего уже нельзя изменить... Вы наверняка слышали о бунте на Мальборо? На фабрике Торнтон?

- Твоего отца там не было, верно? — спросила Маргарет, покраснев.

- Не было. Он бы отдал свою правую руку, чтобы этого не произошло. Это его доконало. Бесполезно говорить ему, что дураки всегда поступают безрассудно. Никто из них не подавлен так сильно, как он.

- Но почему? — спросила Маргарет. — Я не понимаю.

- Вы знаете, что он член комитета в этой злополучной забастовке. Союз назначил его потому, — я скажу, хотя мне и не следует этого говорить, — что его считают серьезным человеком и справедливым до мозга костей. Он и другие члены комитета составили свой план. Они собирались держаться вместе до конца. Что решило большинство, с тем должны были согласиться остальные, нравилось им это или нет. Это было последним средством. Народ поддержал бы их, если бы увидел, как они стараются молча переносить все страдания. Потому что стоит только появиться слухам о драке или потасовке — даже со штрейкбрехерами — и забастовке конец, как это случалось уже много раз. Они пытались уговорить людей держаться подальше от штрейкбрехеров. Что бы ни произошло, комитет приказал всем членам Союза лечь и умереть, если будет нужно, но не причинять насилия. Они были уверены, что народ пойдет за ними. И кроме того, комитет знал, что он прав, требуя от людей послушания, не желая смешивать справедливость и насилие, пока народ сам не может отделить одно от другого. Как и я уже больше не могу отделить вкус лекарства от вкуса желе, которое вы дали мне, чтобы я смешивала их. Каким бы вкусным ни было желе, а вкус лекарства я все равно ощущаю. Ну, я много уже вам рассказала и очень устала. Вы просто подумайте сами, каково теперь отцу, когда все сорвалось из-за такого дурака, как Баучер. Он нарушил приказы комитета и сорвал забастовку, он такой же предатель, как Иуда. Но отец поквитался с ним прошлой ночью. Он предупредил его, что пойдет в полицию и скажет, где можно найти зачинщика бунта. Он передаст его прямо в руки фабрикантов, чтобы те сделали с ним все, что угодно. Он покажет всем, что настоящие лидеры забастовки не такие, как Баучер, а уравновешенные, серьезные люди — хорошие рабочие и примерные граждане, которые дружат с законом и судом и поддерживают порядок. Они лишь хотят получить справедливое жалованье. Они не будут работать — даже если будут умирать с голода — пока не получат то, что им причитается, но не причинят вреда ни собственности, ни жизни. Потому что, —

Бесси понизила голос, — говорят, что Баучер бросил камень в сестру Торнтон и едва не убил ее.

- Это неправда, — сказала Маргарет, — это не Баучер бросил камень, — она сначала покраснела, а потом побледнела.

- Так вы там были? — спросила Бесси слабым голосом, она говорила с остановками, как будто речь давалась ей с трудом.

- Да. Не беспокойся. Продолжай. Только это не Баучер бросил камень. Но что он ответил твоему отцу?

- Он не мог сказать ни слова. Он так дрожал от истощения, что я не могла даже смотреть на него. Я слышала, как он тяжело дышит, и в какой-то момент даже подумала, что он рыдает. Но когда отец сказал, что сдаст его полиции, он закричал, ударил отца кулаком в лицо и вылетел, как молния. Отец сначала был оглушен, поскольку не ожидал, что Баучер — такой слабый в выражении чувств — может его ударить. Отец немного посидел, приложив руку к глазам, а потом направился к двери. Я не знаю, откуда у меня взялись силы, но я вскочила со скамьи и вцепилась в него. «Отец! Отец! — закричала я. — Ты никогда не донесешь на этого беднягу, обезумевшего от голода. Я не отпущу тебя, пока ты мне не скажешь, что не будешь этого делать». «Не будь дурочкой, — ответил он, — слова действуют на некоторых сильнее, чем поступки. Я и не думал доносить полиции на него, хотя, клянусь... он этого заслуживает. Я не собираюсь делать ничего подобного, если кто-то кроме меня уже не сделал эту грязную работу и не сдал его. Но сейчас он ударил меня, я мог бы ответить, чтобы научить других не ссориться со мной. Но если когда-нибудь он перестанет голодать и будет в силах, мы с ним сочтемся, и я посмотрю, как он справится». Отец отстранил меня, потому что я была очень слаба. Его лицо было землистого цвета, в нем не было ни кровинки; мне было больно смотреть на него. До того, как пришла Мэри, я не знала, спала ли я, бодрствовала или лежала без сознания; я попросила ее привести вас ко мне. А теперь не разговаривайте со мной, а просто прочтите главу. Я выговорилась, и мне стало легче. Но я хочу немного подумать о том мире, что так далек от всех этих неприятностей и тревог. Прочтите мне ... не проповедь, а главу из Откровения. В нем есть описания, которые я смогу представить, закрыв глаза. Прочтите о Новых Небесах и Новой Земле, и может быть, я забуду обо всем этом.

Маргарет читала мягким тихим голосом. Хотя глаза Бесси были закрыты, какое-то время она слушала — на ее ресницах блестели слезы. Наконец она заснула, вздрагивая и что-то невнятно бормоча. Маргарет укрыла ее и ушла, беспокоясь, что ее давно заждались дома, и все же ей казалось жестоким покидать умирающую девушку.

Вернувшись домой, Маргарет присоединилась к матери в гостиной. Впервые за последние дни миссис Хейл чувствовала себя бодрой и воздавала похвалы водному матрасу, сравнивая его с теми кроватями, на которых ей довелось спать у сэра Джона Бересфорда. Она не знала, как так произошло, но ей казалось, что люди утратили искусство создавать удобные кровати, какие делали во времена ее молодости. Если подумать, это было достаточно легко — нужно было просто использовать один и тот же тип перьев. И все же она не помнила, когда в последний раз спала так хорошо, как в прошлую ночь.

Мистер Хейл предположил, что нужно отдать должное не качеству перин прошлых дней, а энергии молодости, которая придавала отдыху особую прелесть. Но его жена отвергла эту идею.

- Нет, в самом деле, мистер Хейл, у сэра Джона были превосходные кровати. Ну, Маргарет, ты молода и проводишь весь день на ногах, как ты считаешь, современные кровати удобны? Я обращаюсь к тебе. Когда ты лежишь на них, они дают чувство совершенного покоя? Разве ты не мечтаешь беспокойно, тщетно пытаешься найти удобное положение, и не просыпаешься утром такая же усталая, как и ложились?

Маргарет засмеялась.

- Сказать по правде, мама, я никогда не думала о своей кровати. Я так устаю за день, что могу заснуть на любом месте. Поэтому я не считаю себя хорошо осведомленной в этом вопросе. Но потом, ты знаешь, у меня не было возможности испробовать кровати сэра Джона Бересфорда. Я никогда не была в Оксенхэме.

- Разве нет? О нет, конечно. Я брала с собой бедного Фредерика, я вспомнила. Я ездила в Оксенхэм только однажды, после замужества, на свадьбу твоей тети Шоу. А бедный маленький Фред был еще совсем маленьким. И я знаю, Диксон была недовольна, что стала няней, столько лет прислуживая леди. Я боялась, что если она вернется вместе со мной в родные места и окажется среди знакомых, она захочет уйти от меня. Но бедный малыш заболел в Оксенхэме — маялся зубками. И так как я была очень занята подготовкой к свадьбе Анны и не очень хорошо себя чувствовала, Диксон пришлось присматривать за ним. С тех пор он стал ее любимцем, и она так гордилась, когда он отворачивался от всех и тянул к ней ручки, что я успокоилась — она никогда и не думала уходить от меня, хотя ее жизнь так отличалась от той, к которой она привыкла. Бедный Фред! Все любили его. Он родился с даром завоевывать сердца. Поэтому я так плохо думаю о капитане Рейде, зная, что он

невзлюбил моего дорогого мальчика. Я думаю, это доказывает, что он очень плохой человек. Ах! Твой бедный отец, Маргарет. Он вышел из комнаты. Он не выносит, когда говорят о Фреде.

- Мне нравится слушать про Фреда, мама. Расскажи мне о нем все, что захочешь, ты никогда не рассказывала мне слишком много. Расскажи мне, каким он был, когда был маленьким.

- Маргарет, ты не должна обижаться, но он был более милым, чем ты. Помню, когда я впервые увидела тебя на руках у Диксон, я сказала: «Боже, какой некрасивый ребенок!» А она ответила: «Этот ребенок не похож на мастера Фреда, видит Бог!» Боже! Как хорошо я это помню. Я не упускала ни минуты, чтобы поддержать его на руках, а его детская кроватка стояла рядом с моей. И теперь, теперь... Маргарет... я не знаю, где мой мальчик, и иногда я думаю, что никогда больше не увижу его.

Маргарет села рядом с матерью на низенький стул и нежно взяла ее за руку, поглаживая и целуя, словно успокаивая. Миссис Хейл безудержно плакала. Наконец она выпрямилась и, повернувшись к дочери, произнесла с унылой, почти торжественной серьезностью:

- Маргарет, если мне станет лучше... если Бог даст мне шанс выздороветь, я должна увидеть еще раз моего сына Фредерика. Он пробудит к жизни все те жалкие остатки сил, которые еще есть во мне.

Миссис Хейл замолчала, пытаясь собраться с силами, чтобы сказать еще что-то. Когда она снова заговорила, ее голос был глухим и дрожал, будто она намеревалась сказать что-то, что пугало ее саму:

-...Маргарет, если я умру, если мне предназначено умереть в скором времени, я должна сначала увидеть своего дитя. Я не могу думать, как это устроить, но я заклинаю тебя, Маргарет, твоим собственным спокойствием в последние часы жизни, приведи его ко мне, чтобы я могла благословить его. Только на пять минут, Маргарет. Пять минут не подвергнут его опасности. О, Маргарет, позволь мне его увидеть прежде, чем я умру!

Маргарет не думала, что в словах матери не было и капли благоразумия — не стоит искать логику и благоразумие в страстных просьбах тех, кто смертельно болен. Мы чувствуем острую боль, вспоминая, сколько возможностей исполнить желания тех, кто скоро уйдет от нас, мы упустили. Попроси они у нас принести им счастье нашей жизни, мы бы не задумываясь, положили его к их ногам. Желание миссис Хейл было таким естественным, таким заслуженным, таким справедливым, что Маргарет поняла — ради Фредерика, так же, как и ради матери, она должна предусмотреть все возможности, чтобы избежать опасности, и сделать все, что в ее силах, для приезда брата. Миссис Хейл не сводила с дочери тоскливого, умоляющего взгляда широко раскрытых глаз, ее бледные губы дрожали, как у ребенка. Маргарет тихо поднялась и встала напротив матери, чтобы та, увидев невозмутимость и спокойствие на лице дочери, уверилась в том, что ее желание будет выполнено.

- Мама, я напишу сегодня вечером и расскажу Фредерику то, что ты сказала. Я уверена, он сразу придет к нам, — так же, как я уверена в своей жизни. Успокойся, мама, ты увидишь его.

- Ты напишешь сегодня вечером? О, Маргарет! Почту забирают в пять, ты напишешь к этому времени, правда? У меня осталось так мало времени. Я чувствую, дорогая, что не поправлюсь, хотя твой отец говорит, что я должна надеяться. Ты напишешь сразу, правда? Не упusti этой возможности, потому что с каждой следующей почтой я могу потерять шанс увидеть его.

- Но, мама, папы нет дома.

- Папы нет дома! И что из этого? Ты хочешь сказать, что он откажет мне в этом последнем желании, Маргарет? Разве я не больна, не умираю... Если бы он не увез меня из Хелстона в это нездоровое, дымное, мрачное место.

- О, мама! — сказала Маргарет.

- Да, это так. Он сам это знает. Он столько раз говорил это. Он сделает для меня все. Не говори, что он откажет мне в этом последнем желании... молись, если осмелишься. Маргарет, меня от Бога отделяет только желание увидеть Фредерика. Я не смогу молиться, пока не увижу его, поверь, не смогу. Не теряй времени, дорогая, любимая Маргарет. Отправь письмо с ближайшей почтой. Тогда он может быть здесь... через двадцать два дня! Я знаю, он придет. Никакие узы и цепи не удержат его. Через двадцать два дня я увижу моего мальчика! — она откинулась назад и какое-то время не замечала, что Маргарет сидит неподвижно, закрыв лицо руками.

- Ты не пишешь! — произнесла миссис Хейл наконец. — Принеси мне перья и бумагу. Я постараюсь написать сама! — она выпрямилась, дрожа от лихорадочного рвения. Маргарет опустила руки и печально взглянула на мать.

- Подожди, пока вернется папа. Давай спросим его, как лучше поступить.

- Ты обещала, Маргарет, четверть часа назад. Ты сказала, что мой мальчик придет.

- И он придет, мама. Не плачь, моя дорогая мамочка. Я напишу прямо сейчас, ты увидишь, как я пишу. И это письмо уйдет с ближайшей почтой. И если папа посчитает нужным, он сможет сам написать письмо, когда вернется, всего лишь с отсрочкой на день. О, мама, не плачь так жалобно, это разрывает мне сердце.

Миссис Хейл не могла остановить слезы, они текли непрерывно. И на самом деле, она не делала попыток успокоиться, вызывая в памяти картины счастливого прошлого, и ужасного будущего — как она будет лежать мертвая, а сын, которого она так желала видеть при жизни, будет плакать над ее телом, а она даже не будет сознавать его присутствие, — пока не довела себя до изнеможения, рыдая от жалости к себе, и Маргарет было больно это видеть. Но наконец миссис Хейл успокоилась и с жадностью стала наблюдать за дочерью, пока та писала письмо — срочную, неотложную мольбу — поспешно запечатала его, боясь, что мать попросит прочитать письмо. А потом по просьбе миссис Хейл сама отнесла его на почту. Маргарет возвращалась домой, когда мистер Хейл догнал ее.

- И куда ты ходила, моя красавица? — спросил он.

- На почту... относилась письмо, письмо Фредерику. О, папа, возможно, я неправильно поступила, но мама охвачена таким сильным желанием увидеть его. Она сказала, что снова может почувствовать себя лучше. А потом она сказала, что должна увидеть его перед смертью. Я не могу передать, как настойчиво она умоляла меня написать ему. Я неправильно поступила?

Сначала мистер Хейл ничего не ответил. Потом сказал:

- Тебе нужно было дождаться меня, Маргарет.

- Я пыталась убедить ее, — ответила она и замолчала.

- Я не знаю, — ответил мистер Хейл, помолчав. — Она должна увидеть его, если так этого хочет. Я полагаю, что его приезд пойдет ей на пользу больше, чем все лекарства доктора. И возможно, восстановит ее силы. Но опасность для Фредерика, я полагаю, очень велика.

- Даже если после мятежа прошло столько лет, папа?

- Да, правительству, конечно, необходимо принимать очень строгие меры для усмирения бунтов, особенно на флоте, где команда корабля должна ясно осознавать, что у властей достаточно полномочий, чтобы вернуть капитана домой, рассмотреть его дело и отомстить за любой вред, причиненный ему, если понадобится. И для них не имеет значения, как далеко капитан может зайти в своей тирании. Если даже их поступку можно найти какое-то оправдание, то такую возможность даже не принимают во внимание. Правительство не жалеет денег: оно посылает вдогонку корабли, оно прочесывает моря, чтобы схватить преступников. У этого преступления нет срока давности. Оно остается в Адмиралтейских книгах до тех пор, пока не искупится кровью.

- О, папа, что я наделала! И все же тогда мне казалось, что я правильно поступаю. Я уверена, что Фредерик будет осторожен.

- Несомненно! Нет, Маргарет, я рад, что письмо написано, хотя я не осмелился бы сделать это сам. Я рад, что все так произошло. Я бы колебался до тех пор, пока не стало бы уже слишком поздно. Дорогая Маргарет, ты поступила правильно, а остальное — уже не в нашей власти.

Но рассказ отца о жестоком наказании, которое ожидает мятежников, привел Маргарет в ужас. Она заманила брата домой, чтобы искупить его ошибку его же кровью! Она поняла, что отец обеспокоен сильнее, чем он показал, произнес последние ободряющие слова. Она взяла его под руку и пошла задумчиво и устало рядом с ним.

ТОМ ВТОРОЙ

Глава XXVI

Мать и сын

«Я понял, что святое место отдыха
Все еще неизменно».

Когда этим утром мистер Торнтон вышел из дома Хейлов, он был ослеплен и ошеломлен своей страстью. Он чувствовал себя так, будто Маргарет — такая хрупкая и деликатная — вдруг превратилась в грубую торговку рыбой и сильно его поколотила. Он физически ощущал боль — его голова гудела, а пульс был частым и прерывистым. Он не мог выносить шума, яркого света, бесконечного грохота и движения на улице. Он называл себя дураком за то, что так страдает, тем более, что сейчас он даже не мог припомнить причину своего страдания и понять, стоит ли она таких мучений. Ему стало бы легче, если бы он просто мог сесть на пороге и заплакать, как ребенок, который поранился. Он сказал себе, что ненавидит Маргарет, но иступленное, острое чувство любви подобно молнии поразило его в тот момент, когда он уже готов был выразить свою ненависть словами. Он находил величайшее утешение в своих муках и в том чувстве, о котором сказал ей, — даже если она будет презирать его, относиться к нему с гордым, надменным безразличием, — он ни на мгновение не перестанет любить ее. Она не заставит его измениться. Он любил ее и будет любить ее, и не будет замечать ни ее презрения, ни этой жалкой телесной боли.

Он остановился на мгновение, чтобы осознать твердость и ясность своего решения. Мимо проходил омнибус, направляясь за город. Кондуктор подумал, что джентльмен поджидает его, и остановил транспорт у тротуара. Мистер Торнтон был не в силах извиняться и объясняться, поэтому он просто сел в омнибус, и его повезли мимо длинного ряда домов, затем мимо особняков с аккуратно подстриженными садами, пока омнибус не добрался до деревень, а позднее — до маленького провинциального городка. Там все пассажиры вышли, то же сделал и мистер Торнтон и, поскольку все пошли пешком, он тоже пошел вместе со всеми. Он шел полями быстрым шагом, потому что быстрые движения облегчали душевные муки. Он смог вспомнить все, что произошло — ту, кого он должен выбросить из памяти, и собственный глупый, нелепый поступок. Будь он в здравом уме, он без труда предсказал бы самому себе, что этим все и кончится. Неужели его очаровали эти прекрасные глаза, эти мягкие полуоткрытые губы, которые он видел вчера так близко? Он не мог даже избавиться от воспоминаний, что она была там, что ее руки обнимали его, всего один раз... и больше — никогда. Он только мельком видел ее, не поняв ее совершенно. Она была то смелой, то робкой, то нежной, то — надменной и гордой. И позже, каждый раз размышляя над этим, он представлял ее снова и снова, чтобы окончательно забыть. Он представлял ее в любом наряде, в любом настроении и не знал, какой она ему нравится больше всего. Даже этим утром — как величественно она выглядела! Как сверкнули от возмущения ее глаза! Вчера она разделила с ним опасность, а сегодня она совершенно не заботилась о нем.

Если утром мистер Торнтон, по своему собственному признанию, вел себя как дурак, то и днем он не стал намного умнее. Все, что он приобрел за время своего шестипенсового путешествия на омнибусе, — твердое убеждение, что такой, как Маргарет, никогда не было и никогда не будет. Что она никогда не любила его и никогда не будет любить. Но что ни она и никто в целом мире не помешает ему любить ее. Поэтому он вернулся на маленький рынок и сел в омнибус, чтобы отправиться назад, в Милтон.

Время уже близилось к вечеру, когда он сошел с омнибуса возле своего склада. Знакомые места заставили его мысли войти в привычное русло. Он знал, как много ему нужно сделать на фабрике — больше обычного — из-за вчерашних беспорядков. Ему нужно встретиться со своими коллегами-магистратами. Он должен закончить приготовления, начатые утром, чтобы успокоить своих новых рабочих — ирландцев и обеспечить им безопасность. Он должен защитить их от всех случайных столкновений с недовольными рабочими Милтона. И наконец, он должен вернуться домой и встретиться с матерью.

Миссис Торнтон просидела в столовой весь день, в любую минуту ожидая услышать, что мисс Хейл приняла предложение ее сына. Она вздрагивала всякий раз, услышав в доме внезапный шум, подхватывала наполовину законченную работу и начинала усердно работать спицами, хотя ее глаза плохо видели сквозь затуманенные стекла очков, а руки дрожали. Дверь открывалась много раз, и каждый раз какие-то бездушные люди приходили по каким-то незначительным поручениям. И тогда мрачное, застывшее выражение на лице миссис Торнтон сменялось отчаянием, столь необычным для такой суровой женщины. Она заставила себя не думать обо всех печальных переменах, которые ожидают ее после женитьбы сына. Она стала размышлять о домашних делах. Молодоженам понадобится новый запас белья. И миссис Торнтон, принеся в комнату корзины, полные скатертей и салфеток, начала перебирать их. Белье, что принадлежало ей и было помечено буквами Дж. Х. Т. (Джордж и Ханна Торнтон), лежало вперемишку с тем, что принадлежало ее сыну — купленному на его деньги

и помеченному его инициалами. Некоторые вещи, с инициалами Дж. Х. Т., были из старинного голландского камчатного полотна — очень тонкого и изысканного — такого больше не ткали. Миссис Торнтон долго смотрела на эти вещи — когда она вышла замуж, они были ее гордостью. Затем, нахмутив брови и крепко сжав губы, она осторожно отпоролла буквы Дж. и Х. Она долго искала ярко-красную нить, чтобы вышить новые инициалы, но вся нить была уже использована, и миссис Торнтон не решилась послать за новой. Она пристально смотрела на пустоты, оставшиеся от букв. В памяти пронеслись видения из прошлого; ее сын был главным и единственным воспоминанием — ее сын, ее гордость, ее собственность. Он все еще не пришел. Бесспорно, он был с мисс Хейл. Новая любовь заняла ее место в его сердце. Ужасная боль — приступ ревности — пронзила миссис Торнтон, она не знала, телесная или душевная это была боль. Но ей пришлось сесть. Через мгновение она уже стояла, так же прямо, как и всегда. Впервые за весь день миссис Торнтон мрачно улыбнулась — она была готова радостно встретить победителя, который никогда не узнает, какое горькое сожаление испытывает его мать из-за его женитьбы. Но в этих размышлениях будущей невестке было уделено мало места. Она должна стать женой Джона. Место миссис Торнтон, которое займет мисс Хейл как хозяйка дома, было едва ли не самым ценным приобретением, достойным увенчать даже наивысшее счастье. Достаток и уют в доме, пышное и прекрасное белье, уважение, любовь, покорность, множество друзей — все будет таким же естественным, как драгоценности на мантии короля, и не нужно будет задумываться о ценности каждой вещи в отдельности. Выбор Джона сделал бы и кухарку королевой. С другой стороны, эта мисс Хейл была не так уж плоха. Если бы она была милтонской девушкой, миссис Торнтон определенно полюбила бы ее. Она была остра на язык, у нее был и вкус, и характер, и изюминка. Конечно, она была ужасно предвзята и невежественна, но что можно ожидать от южного воспитания? С болью в душе миссис Торнтон признала, насколько Фанни уступает Маргарет, и на этот раз она резко говорила со своей дочерью, раздраженно ругала ее, а потом, будто бы раскаявшись, взяла «Комментарии» Генри[20] и попыталась сосредоточиться на чтении вместо того, чтобы продолжать заниматься осмотром столового белья, что приносило ей удовлетворение.

Наконец раздался его шаг! Она слушала их, поспешно дочитывая предложение. Глазами пробегая текст и механически про себя повторяя слово за словом, она слушала, как он вошел в дом. Ее ожившие чувства улавливали каждое его движение: вот он уже возле вешалки для шляп... вот возле самой двери. Почему он медлит? Лучше ей узнать самое худшее.

И все же она не подняла голову от книги и не взглянула на него. Он подошел близко к столу и стоял там, ожидая, пока она закончит читать отрывок, который так увлек ее. С усилием она взглянула на него.

— Ну, Джон?

Он знал, что означает этот короткий вопрос. Но он окаменел. Ему хотелось ответить жестом — из-за горечи на сердце он едва мог говорить, но его мать заслуживала лучшего ответа. Он встал позади нее, чтобы она не могла видеть его лица, и, наклонившись к ее бледному, застывшему лицу, поцеловал, пробормотав:

— Никто не любит меня... никому я не нужен, кроме тебя, мама.

Мистер Торнтон отвернулся и стоял, склонив голову, чтобы скрыть выступившие слезы. Миссис Торнтон встала и неверной походкой подошла к нему. Впервые в жизни сильная женщина чувствовала себя слабой. Она положила руки ему на плечи — миссис Торнтон была высокой женщиной. Она посмотрела ему в лицо и заставила его посмотреть на нее.

— Любовь матери дана Богом, Джон. Она длится вечно. Девичья любовь, как облако дыма, меняется от дуновения ветра. Она не любит тебя, сынок, правда? — миссис Торнтон стиснула зубы и оскалила их, как собака, защищающая щенка.

Он потряс головой.

— Я не подхожу ей, мама. Я знал это.

Она выдавила слова сквозь сжатые зубы. Он не слышал, что она сказала, но по ее взгляду он понял, что это проклятие. И все же ее сердце часто забилося — он снова принадлежал ей.

— Мама! — сказал он поспешно. — Я не могу слышать грубых слов в ее адрес. Пощади меня... пощади меня! Я очень слаб из-за своих страданий. Я все еще люблю ее. Я люблю ее еще сильнее.

— А я ненавижу ее, — сказала миссис Торнтон тихим безжалостным голосом. — Я пыталась не питать к ней ненависти, когда она стояла между мной и тобой, потому что... сказала я себе... она сделает его счастливым. И я бы жизнь отдала за это. Но теперь я ненавижу ее за все твои страдания. Да, Джон, не нужно прятать свою боль от меня. Я — мать, которая поддержит тебя, твоя боль — моя мука, и если ты не можешь ненавидеть ее, то я буду.

— Тогда, мама, ты заставишь меня любить ее сильнее. Ты несправедливо относишься к ней, а я должен это

уравновесить. Но зачем мы говорим о любви и ненависти? Она не любит меня, и этого достаточно... с избытком. Давай больше не будем возвращаться к этому. Единственное, что ты можешь сделать для меня, не произносить больше ее имени.

— Мне это не трудно. Я только хочу, чтобы она и все ее родственники выметались туда, откуда приехали.

Он стоял, не двигаясь, уставясь на огонь, минуту или две. Когда она взглянула на сына, на ее потускневшие глаза навернулись жгучие слезы. Но когда он снова заговорил, она, как и прежде, выглядела мрачной и спокойной.

— Выписаны ордера на арест трех человек из-за заговора, мама. Вчерашний бунт помог закончить забастовку.

Миссис Торнтон и ее сын больше не упоминали имя Маргарет. Они вернулись к своей обычной манере разговора — говорили о фактах, не касаясь чувств. Их голоса и тон разговора были спокойными и равнодушными. Незнакомец, случайно услышавший их, подумал бы, что он никогда не видел такого холодного безразличия в обращении между матерью и сыном.

Глава XXVII

Натюрморт с фруктами

«Всегда уместно и приятно все,
Что нам поднесено чистосердечно».
У.Шекспир «Сон в летнюю ночь»
(пер. М.Лозинского)

На следующий день мистер Торнтон вернулся к своим обязанностям. Из-за забастовки возник спрос на готовые товары, и это позволило мистеру Торнтону заключить выгодную сделку. Он управился с делами к назначенному часу, не опоздал на встречу со своими коллегами-магистратами и, используя свой здравый смысл и умение оценивать обстановку с первого взгляда, сделал все для того, чтобы они пришли к быстрому решению. Опытные люди, давно жившие в Милтоне, люди большего достатка, покупавшие на полученную прибыль землю, в то время как мистер Торнтон вкладывал весь свой капитал в торговлю, обратились к нему за поддержкой и мудрым решением. Ему единственному доверили встретиться и договориться с полицией. Это невольное почтение заботило его не больше, чем слабый западный ветер, что едва отклоняет в сторону дым, идущий из огромных высоких труб. Мистер Торнтон даже не догадывался об их молчаливом уважении. А случись ему догадаться, он расценил бы его как помеху на пути к поставленной цели. Он лишь заботился о том, чтобы задуманное поскорее было выполнено. И только его мать жадно слушала жен магистратов и богатых торговцев, — ей нравилось узнавать, какого высокого мнения о мистере Торнтоне были тот или иной господин, нравилось слушать, что, если бы не вмешательство ее сына, ничего путного бы не вышло.

Итак, в тот день мистер Торнтон разобрался со всеми своими делами. Казалось, будто глубокое разочарование, испытанное им вчера, и долгая бесцельная прогулка прогнали весь любовный дурман из его головы. Он вновь почувствовал свою силу и наслаждался этим ощущением. Он мог почти не обращать внимания на свое сердце. Если бы он знал, он бы спел песню мельника, который жил у реки Ди:[21]

«Я никого не люблю...
Никто не любит меня».

Ему предъявили доказательства вины Баучера и других зачинщиков бунта. Обвинить трех других в тайном сговоре не удалось. Но он настоял, чтобы полиция оставалась наготове. Рука правосудия должна нанести быстрый удар, как только вина зачинщиков будет доказана. Покинув жаркое и душное помещение городского суда, он вышел на свежий воздух. На улице было по-прежнему знойно. И, окунувшись в это жаркое марево, мистер Торнтон сразу упал духом — он вдруг стал таким слабым, что не мог контролировать свои мысли. Они вновь вернулись к Маргарет — он вспомнил не события вчерашнего дня, когда получил отказ, а как она пришла в их дом в день бунта. Он шел по запруженным улицам, лавируя между людей, но не видя их, почти до боли

желая повторения того единственного мгновения, того короткого мига, когда она обнимала его, а их сердца бились рядом.

- Ну, мистер Торнтон, вы встречаете меня довольно прохладно, должен вам сказать. Как миссис Торнтон? Не пугаетесь такой погоды? Честно говоря, нам, докторам, такая погода не нравится!

- Простите, доктор Дональдсон. Я не заметил вас. Моя мать чувствует себя хорошо, спасибо. День прекрасный и, надеюсь, подходит для сбора урожая. Если пшеница уродилась, следующий год будет хорош для торговли, что бы вы, доктора, ни говорили.

- Да, да. Каждый сам за себя. У вас — плохая погода или плохие времена, у меня — хорошие. Когда торговля плохая, вы, жители Милтона, начинаете тревожиться о здоровье и чаще думать о смерти.

- Только не я, доктор. Я сделан из железа. Даже известие о том, что я не смогу выплатить долг, не изменит частоту моего пульса. Эта забастовка, которая затронула меня больше, чем любого другого в Милтоне, — больше, чем Хэмпера, — никогда не лишит меня аппетита. Ищите пациента где-нибудь еще, доктор.

- Между прочим, вы рекомендовали мне хорошую пациентку. Бедная леди! Я полагаю, что миссис Хейл — той леди из Крэмптона, вы знаете, — осталось недолго жить. У меня никогда не было надежды, что лечение поможет, я уже говорил вам. Но я навестил ее сегодня и думаю, что ей стало хуже.

Мистер Торнтон молчал. На мгновение пульс, которым он так недавно хвастался, подвел его.

- Я могу что-нибудь сделать, доктор? — спросил он изменившимся голосом. — Вы знаете... вы понимаете, что они не богаты. Ей требуются какие-нибудь удобства или деликатесы?

- Нет, — ответил доктор, покачав головой. — Правда, она все время просит фруктов. У нее не спадает жар. Груша-скороспелка отлично подойдет, — ее много на рынке.

- Вы, конечно, скажете мне, если я что-то смогу сделать, — ответил мистер Торнтон. — Я полагаюсь на вас.

- О! Не бойтесь! Я не буду беречь ваш кошелек. Я знаю, насколько он глубок. Если бы вы так же могли предоставить мне полную свободу в отношении всех моих пациентов и выполнении всех их желаний.

Обычно у мистера Торнтона не было склонности к щедрости или к филантропии. Немногие поверили бы в то, что он способен на сильные чувства. Но, едва расставшись с доктором, он зашел в первый же фруктовый магазин в Милтоне и выбрал гроздь фиолетового винограда с самыми крупными ягодами, самые спелые персики, самые свежие виноградные листья. Продавец уложил фрукты в корзину и спросил:

- Куда нам отправить их, сэр?

Ответа не последовало.

- На фабрику Мальборо, я полагаю, сэр?

- Нет! — ответил мистер Торнтон. — Дайте мне корзину. Я сам отнесу ее.

Ему пришлось пройти через самую оживленную часть города, где было много женских магазинов. Многие молодые леди, знакомые с ним, оборачивались ему вслед, удивляясь, что он сам несет свою ношу, как простой носильщик или посыльный.

Он думал: «Меня не испугает этот поступок, как пугали мысли о ней. Я просто хочу принести фрукты бедной матери — это мое право. Она никогда не будет презирать меня за поступки, которые мне приятны. Забавно, в самом деле, если я испугаюсь надменной красавицы и не смогу проявить доброту к человеку, который мне нравится. Я сделаю это ради мистера Хейла. Я сделаю это, не считаясь с ней».

Мистер Торнтон шел необычно быстро и скоро оказался в Крэмптоне. Он поднялся по лестнице через две ступеньки и прошел в гостиную прежде, чем Диксон успела доложить о его приходе. Его лицо раскраснелось, а взгляд выражал искреннюю озабоченность. Миссис Хейл лежала на диване, страдая от лихорадки. Мистер Хейл читал вслух. Маргарет шила на низеньком стульчике возле матери. При этой встрече ее сердце затрепетало, а его — нет. Он едва обратил на нее внимание, едва заметил мистера Хейла. Он подошел с корзиной прямо к миссис Хейл и сказал тем мягким и нежным голосом, который звучит так трогательно, когда им говорит сильный и здоровый человек, обращаясь к немощному больному:

- Я встретил доктора Дональдсона, мэм, и он сказал, что фрукты полезны вам. Я взял на себя смелость... большую смелость принести вам то, что показалось мне прекрасным.

Миссис Хейл была очень удивлена, очень довольна и вся дрожала от нетерпения. Мистер Хейл в нескольких словах выразил глубокую благодарность.

- Принеси тарелку, Маргарет, корзину... что-нибудь.

Маргарет встала у стола, боясь пошевелиться или промолвить хоть слово и тем самым дать понять мистеру Торнтону, что она тоже находится в комнате. Она подумала, что они оба будут чувствовать себя неловко, если вдруг столкнутся. И подумала, что раз она сначала сидела на низком стульчике, а теперь стоит за спиной отца,

он в спешке мог ее не заметить. Как будто все это время он не знал о ее присутствии, хотя ни разу не взглянул на нее!

- Я должен идти, — сказал он. — Я не могу остаться. Надеюсь, вы простите мне мою смелость... мои грубые манеры... боюсь, слишком грубые. Но в следующий раз я буду более воспитанным. Вы позволите мне снова принести вам фрукты, если увижу что-то замечательное? Всего хорошего, мистер Хейл. До свидания, мэм.

Он ушел. Ни одного слова он не сказал Маргарет, ни разу не посмотрел на нее. Она поверила в то, что он не заметил ее. Она вышла за тарелкой в молчании, а затем выложила фрукты, нежно касаясь их кончиками тонких пальцев. С его стороны было любезно принести их, несмотря на то, что произошло вчера.

- О, они просто восхитительные! — слабым голосом сказала миссис Хейл. — Как любезно с его стороны подумать обо мне! Маргарет, дорогая, попробуй этот виноград! Разве не мило с его стороны?

- Да! — тихо ответила Маргарет.

- Маргарет! — сказал мистер Хейл недовольно, — Тебе не нравится все, что делает мистер Торнтон. Я никогда не видел такого предубеждения.

Мистер Хейл очистил персик для жены и, разрезая его на маленькие кусочки, сказал:

- Если бы у меня были какие-то предубеждения, то такой щедрый подарок развеял бы их. Я не пробовал таких фруктов даже в Хэмпшире, с тех пор, как был мальчиком. А для мальчиков, я полагаю, все фрукты хороши. Я помню, с каким удовольствием я ел терновые ягоды и дикие яблоки. Ты помнишь матовые кусты смородины, Маргарет, на углу у западной стены в саду?

Разве она могла забыть? Разве она не помнит каждое пятно на старой каменной стене, серо-желтый лишайник, что разметил ее, как карту, маленькую герань, что выросла в расщелине? Она была потрясена событиями последних двух дней. Вся ее жизнь сейчас была испытанием силы духа, и почему-то эти небрежные слова отца, затронувшие воспоминания о солнечном прошлом, заставили ее вздрогнуть и уронить шитье на пол. Маргарет поспешно вышла из комнаты и ушла в свою маленькую комнатку. Она едва сдержала душившие ее рыдания, заметив Диксон, которая стояла возле комода и, очевидно, что-то там искала.

- Господи, мисс! Как вы меня напугали! Миссис не стало хуже, правда? Что-нибудь случилось?

- Нет, ничего. Только это я глупая, Диксон, и хочу стакан воды. Что ты ищешь? Я храню свои муслиновые платья в этом ящике.

Диксон ничего не ответила, а продолжала искать. Запах лаванды распространился по комнате.

Наконец Диксон нашла то, что хотела. Маргарет так и не увидела, что это было. Диксон повернулась к ней и сказала:

- Мне не хочется говорить вам то, что я хотела сказать, с вас и так достаточно переживаний, и я знаю, вы будете беспокоиться. Мне хотелось утаить это от вас до ночи, может быть, или до лучших времен.

- Что случилось? Прошу, расскажи мне, Диксон, немедленно.

- Та девушка, которую вы навещали... Хиггинс, я имею в виду.

- Ну?

- Ну! Она умерла этим утром, и ее сестра здесь... пришла со странной просьбой. Кажется, та девушка, что умерла, хотела быть похороненной в чем-то из ваших вещей. И ее сестра пришла попросить об этом. Я пришла поискать ночной чепчик, который было бы не жалко отдать.

- О, позволь мне поискать, — плача, ответила Маргарет. — Бедная Бесси! Я не думала, что больше не увижу ее.

- Ну, есть еще кое-что. Эта девушка внизу хотела, чтобы я спросила вас, не захотите ли вы повидать ее.

- Но она мертва! — бледнея, сказала Маргарет. — Я никогда не видела мертвых. Нет! Я не смогу.

- Я бы никогда вас не спросила, если бы вы не вошли. Я сказала ей, что вы не пойдете.

- Я спущусь и поговорю с ней, — сказала Маргарет, боясь, как бы грубые манеры Диксон не обидели бедную девушку.

Поэтому, взяв чепец в руку, она прошла на кухню. Лицо Мэри распухло от слез, и она снова заплакала, увидев Маргарет.

- О, мэм, она любила вас, она любила вас, в самом деле! — и продолжительное время Маргарет не могла добиться от нее ничего другого.

Наконец ее сочувствие и ворчание Диксон заставили Мэри все рассказать. Николас Хиггинс ушел из дома утром, оставив Бесси в том же состоянии, что и прежде. Но через час ей стало хуже. Какая-то соседка прибежала туда, где работала Мэри. Они не знали, где найти отца. Мэри пришла домой за несколько минут до ее смерти.

- День или два назад она настаивала, чтобы ее похоронили в чем-то вашем. Она никогда не уставала говорить с вами. Она обычно говорила, что вы — самое прекрасное создание, которое ей доводилось видеть. Она искренне вас любила, ее последние слова были: «Передай ей мой нежный поклон и не позволяй отцу пить». Вы пойдете и повидаете ее, мэм? Она бы посчитала это большой любезностью, я знаю.

Маргарет немного помедлила с ответом.

- Да, возможно, я могу. Да, я пойду. Я приду до чая. Но где твой отец, Мэри?

Мэри покачала головой и поднялась, чтобы уйти.

- Мисс Хейл, — сказала Диксон тихо, — стоит ли идти к этой бедной девушке? Я бы ни слова не сказала против, если бы это принесло пользу девочке. И я не возражала бы против того, чтобы пойти самой, если бы это обрадовало ее. Эти простолюдины считают, что покойным нужно оказать уважение. Послушай, — сказала она, резко повернувшись к Мэри, — я пойду и повидаю твою сестру. Мисс Хейл занята, она не может пойти, даже если хочет.

Девушка тоскливо посмотрела на Маргарет. Приход Диксон, может быть, и любезность, но это не одно и то же для бедной Мэри, которая еще при жизни Бесси ревновала к тем близким отношениям, которые связывали ее сестру и эту молодую леди.

- Нет, Диксон! — решительно сказала Маргарет. — Я пойду. Мэри, мы увидимся днем, — и, боясь, что может передумать, она вышла из кухни.

Глава XXVIII

Утешение в горе

«Через страдания к блаженству! И пусть душе твоей
Без счета испытания жестокие выпадают,
Радуйся! Радуйся! Ибо близок конец страданий,
И ты воссядешь одесную Христа».

Людвиг Козегартен

«Да, истина, что в счастье мы сильны, и нам не нужен Бог.
Но стоит появиться горю, и душа безмолвна, не взывает к Богу».
Миссис Браунинг

Маргарет тотчас же пошла к Хиггинсам. Мэри высматривала ее, почти не надеясь, что она придет. Маргарет улынулась ей, чтобы приободрить. Они быстро прошли наверх, в комнату, где лежала покойная. Маргарет была рада, что пришла. На лице Бесси, прежде искаженном болью, волнением и тревожными мыслями, сейчас была кроткая улыбка вечного покоя. Слезы выступили у Маргарет на глазах, но в душе и она ощущала полный покой. И это была смерть?! Она выглядела более умиротворяющей, чем жизнь. На память Маргарет пришли несколько прекрасных цитат из Библии. «Они успокоятся от трудов своих».[22] «Там отдыхают истощившиеся в силах».[23] «Как возлюбленному своему Он дает сон».[24]

Очень медленно Маргарет отвернулась от кровати. Мэри робко рыдала, стоя в дверях. Они молча спустились вниз.

В центре комнаты, опираясь рукой о стол, стоял Николас Хиггинс. Было видно, что он потрясен случившимся. Его глаза казались огромными, но взгляд был холодным и свирепым. Он старался осознать смерть дочери, пытался понять, что отныне ее место уже не здесь. Она была больна и умирала так долго, что он убедил себя, что она не умрет, что она «спасется».

Маргарет посчитала, что она не имеет права находиться здесь, бесцеремонно вторгаясь в обитель смерти, что она должна оставить отца Бесси наедине со своим горем. Она на мгновение замерла на ступеньке лестницы, увидев его отрешенный взгляд, и попыталась бесшумно проскользнуть мимо.

Мэри, войдя в комнату, села на первый же стул и, сняв передник через голову, зарыдала.

Этот звук, казалось, отрезвил Хиггинса. Внезапно он схватил Маргарет за руку и удерживал ее, пока не смог

вымолвить хоть слово. Его голос был невнятным, глухим и хриплым:

- Вы были с ней? Вы видели, как она умерла?

- Нет! — ответила Маргарет, стоя неподвижно с величайшим терпением.

Прошло какое-то время, прежде чем он снова заговорил, продолжая держать ее за руку.

- Все люди должны умереть, — произнес он наконец с необычной торжественностью, и Маргарет подумала, что он, должно быть, выпил, и его мысли путаются.

- Но она была моложе меня, — он не смотрел на Маргарет, но по-прежнему крепко сжимал ее руку. Внезапно он взглянул на нее, ища подтверждения своей нелепой догадке. — Вы точно уверены, что она умерла... а не в обмороке и не в забытьи? С ней так часто бывало раньше.

- Она умерла, — ответила Маргарет.

Она не боялась разговаривать с ним, хотя его пожатие причиняло ей боль, а во взгляде промелькнуло безумие.

- Она умерла! — повторила она.

Он по-прежнему смотрел на нее, словно пытался понять, о чем она говорит. Затем, резко отбросив руку Маргарет и бросившись к столу, с неистовыми рыданиями он перевернул его и всю мебель в комнате. Мэри, дрожа, подошла к нему.

- Уйди! Уйди! — неистово и невнятно закричал он на нее. — Какое мне дело до тебя?

Маргарет взяла руку Мэри и нежно держала в своей. Николас рвал на себе волосы, бился головой о дерево, а потом упал, изнуренный и оглушенный. Его дочь и Маргарет по-прежнему не двигались. Мэри дрожала с головы до ног.

Прошло, может быть, минут пятнадцать, может быть, час, — Николас наконец поднялся. Его глаза распухли и налились кровью, а сам он, казалось, забыл, что в комнате есть еще кто-то. Увидев, что за ним наблюдают, он нахмурился, встряхнулся, бросив на них еще один угрюмый взгляд и, не сказав ни слова, направился к двери.

- О, отец, отец! — воскликнула Мэри, удерживая его за руку. — Не сегодня! В другой раз, но не сегодня. О, помогите мне! Он снова собирается напиться! Отец, я не пушу тебя. Ты можешь ударить меня, но я не пушу тебя. Она мне сказала напоследок, чтобы я не позволяла тебе пить!

Маргарет стояла в дверном проходе, молчаливая, но непреклонная. Хиггинс посмотрел на нее с вызовом.

- Это мой дом. Уйди с моего пути, девушка, или я вышвырну тебя вон! — с силой отбросив Мэри, он готов был ударить Маргарет.

Но она даже не пошевелилась, не отвела от него серьезного, пристального взгляда. Он уставился на нее с угрюмой свирепостью. Если бы Маргарет сделала хоть одно движение, он бы оттолкнул ее даже сильнее, чем свою дочь, по лицу которой потекла кровь.

- Почему вы так на меня смотрите? — спросил он наконец, укрощенный, и испытывая благоговейный трепет перед ее суровым спокойствием. — Если вы думаете, что удержите меня, потому что она любила вас... в моем собственном доме, куда я вас не приглашал, вы ошибаетесь. Мужчине тяжело, когда он не может получить единственное утешение, какое ему осталось.

Маргарет поняла, что он признал ее власть. Но что ей делать дальше? Он сел на стул рядом с дверью, почти покоренный, но еще рассерженный, намереваясь выйти, как только она оставит свой пост, но не желая применять силу. Маргарет накрыла ладонью его руку.

- Пойдемте со мной, — сказала она. — Пойдемте и посмотрим на нее!

Ее голос был очень тихим и торжественным, в нем не было и тени страха или сомнения. Хиггинс молча поднялся и стоял, пошатываясь, с выражением упрямой нерешительности на лице. Маргарет спокойно и терпеливо ждала, когда он повинется. Он же испытывал странное удовольствие, заставляя ее ждать. Но наконец он двинулся к лестнице.

Маргарет и Николас стояли у постели Бесси.

- Она сказала Мэри: «Не позволяй отцу пить». Это были ее последние слова.

- Ей теперь не больно, — пробормотал он. — Теперь ничто не причиняет ей боль, — а затем, повысив голос до жалобного плача, продолжил:

- Мы можем ссориться и ругаться... мы можем мириться... мы можем голодать — но никакие наши несчастья теперь не тронут ее. Она уже получила свою долю страданий. Сначала тяжелая работа, потом болезнь — у нее была собачья жизнь. И умерла, не узнав ни малейшей радости за всю свою жизнь! Нет, девушка, что бы она ни говорила, она ничего не узнает об этом. А я должен выпить, просто чтобы справиться с горем.

- Нет, — ответила Маргарет мягко. — Вы не будете пить. Если ее жизнь была такой, как вы говорите, она, во

всяком случае, не боялась смерти, как некоторые. О, если бы вы слышали, как она говорила о будущей жизни, невидимой жизни с Богом, к которому она теперь ушла!

Он покачал головой, отведя взгляд в сторону от Маргарет. Его бледное, изможденное лицо глубоко поразило ее.

- Вы очень устали. Где вы были весь день? Не на работе?

- Разумеется, не на работе, — ответил он, коротко и мрачно усмехаясь. — Это не то, что вы называете работой. Я был в Комитете, пытался заставить глупцов прислушаться к голосу разума. Этим утром, до семи, я был у жены Баучера. Она прикована к постели, но больше всего на свете хочет узнать, где шляется эта глупая скотина, ее муж, как будто я прячу его... как будто я могу охранять его. Проклятый дурак, он смешал все наши планы! На больных ногах я ходил повидать людей, которых не увидишь, потому что закон теперь против нас. И моей душе было гораздо больнее, чем ногам. И если бы я не встретил друга, я бы не узнал, что она умерла. Бесс, девочка, ты бы поверила мне, ты бы поверила, правда? — он обратился к безмолвному телу с иступленной мольбой.

- Я уверена, — сказала Маргарет, — я уверена, что вы не знали. Это произошло неожиданно. Но сейчас, вы понимаете, все будет иначе. Вы знаете, вы видите, что она лежит здесь, вы слышали ее последние слова. Вы не пойдете?

Он не ответил. В сущности, где еще он должен был искать утешение?

- Пойдемте ко мне домой, — наконец произнесла она и сама испугалась собственных слов. — По крайней мере, вы как следует поедите, что, я уверена, вам необходимо.

- Ваш отец священник? — спросил Хиггинс неожиданно.

- Был, — коротко ответила Маргарет.

- Я пойду и выпью чаю с ним, раз уж вы пригласили меня. Мне всегда много чего хотелось сказать священнику, и мне все равно, проповедует он сейчас или нет.

Маргарет была озадачена. Он будет пить чай с ее отцом, который совершенно не готов принимать гостей — ее мать так больна — это было бесспорно. И все же, если она сейчас отступит, будет еще хуже, чем раньше — он пойдет в пивную. Она подумала, что если бы она могла привести его к себе домой, это было бы большим достижением; что так она будет уверена, что в будущем не случится ничего непредвиденного.

- Прощай, девочка! Мы расстались с тобой наконец. Но ты была благословением для своего отца с самого рождения. Благослови Бог твои бледные губы, девочка, на них сейчас улыбка. И я рад увидеть ее, хотя теперь я одинок и несчастен навеки.

Он наклонился и нежно поцеловал дочь, накрыл ее лицо и последовал за Маргарет. Она поспешно спустилась с лестницы, чтобы рассказать Мэри о своем приглашении. Она уговаривала Мэри пойти с ними, потому что ее сердце страдало при мысли, что придется оставить бедную любящую девочку одну. Но Мэри сказала, что у нее есть друзья среди соседей, которые придут и посидят с ней немного, все будет хорошо, но отец...

Ей хотелось сказать больше, но он уже стоял возле них. Он старался не показывать своих чувств, как будто устыдился, что поддался им, и даже пытался казаться веселым, что больше всего было похоже на «треск тернового хвороста под котлом».[25]

- Я иду пить чай с ее отцом, вот как!

Но, выйдя на улицу, он надвинул кепку низко на лоб и не глядел по сторонам, пока шел рядом с Маргарет. Он боялся расстроиться от слов, а еще больше от взглядов и сочувствия соседей. Поэтому он и Маргарет шли молча.

Когда они подошли к улице, на которой жила Маргарет, Хиггинс осмотрел свою одежду, руки и ботинки.

- Может, мне сначала почиститься?

Конечно, это было бы желательно, но Маргарет заверила его, что он сможет сначала пройти во двор, где ему будет предложено мыло и полотенце. Сейчас она не могла позволить ему ускользнуть от нее.

Следуя за прислугой по коридору и через кухню, он аккуратно наступал на каждую темную отметину в рисунке пола, чтобы скрыть свои грязные следы. Маргарет поднялась наверх. Она встретила Диксон на лестничной площадке.

- Как мама? Где папа?

Миссис Хейл устала и ушла в свою комнату. Она хотела лечь спать, но Диксон убедила ее прилечь на диване и принесла ей чай. Это лучше, чем долго лежать в кровати, мучаясь от беспокойства.

Пока все шло хорошо. Но где мистер Хейл? Он — в гостиной. Маргарет вошла, чуть запыхавшись, и постаралась как можно короче рассказать о случившемся. Конечно, она рассказала не все. Ее отец был

ошеломлен, когда она сообщила ему, что пригласила к чаю пьяного ткача, и он сейчас ждет в кабинете. Маргарет горячо просила за Хиггинса. Кроткий, добросердечный мистер Хейл был готов утешить его в горе, но, к несчастью, Маргарет упомянула и о том, что Хиггинс пьет, и она привела его к себе домой только потому, что это было последнее средство удержать его от выпивки. Одно вытекало из другого так естественно, что Маргарет едва осознала, что она сделала, пока не увидела легкое выражение отвращения на лице отца.

- О, папа! Он действительно тот человек, который тебе понравится... если ты не будешь с самого начала относиться к нему предвзято.

- Но, Маргарет, привести домой пьяного мужчину, когда твоя мать так больна!

Маргарет изменилась в лице.

- Мне очень жаль, папа. Он очень тихий. Он только довольно странный, но это, возможно, из-за шока от смерти Бесси.

На глазах Маргарет выступили слезы. Мистер Хейл обхватил ее грустное лицо ладонями и поцеловал в лоб.

- Все в порядке, дорогая. Я пойду и успокою его, как могу, а ты навести свою мать. Только, если можешь, приди и составь нам компанию. Я буду рад.

- О да, спасибо.

Но как только мистер Хейл вышел из комнаты, она выбежала за ним.

- Папа, ты не должен удивляться тому, что он говорит. Он... я имею в виду, он во многом не верит в то, во что мы верим.

- О, боже! Пьяный неверующий ткач! — в смятении произнес про себя мистер Хейл. Но Маргарет он сказал только:

- Если твоя мать ложится спать, спускайся немедленно.

Маргарет вошла в комнату матери. Миссис Хейл очнулась от дремоты.

- Когда ты написала Фредерику, Маргарет? Вчера или позавчера?

- Вчера, мама.

- Вчера? И письмо ушло?

- Да, я сама отправила его.

- О, Маргарет, я так боюсь, что он придет! А если его узнают?! Если его схватят?! А если его казнят спустя столько лет, что он скрывался и жил в безопасности?! Я засыпаю и вижу во сне, что его поймали и пытаются.

- О, мама, не бойся. Риск совсем небольшой. Мы сделаем все, чтобы Фредерик не пострадал. Если бы мы были в Хелстоне, было бы в двадцать... сто раз хуже. Там каждый помнит его, и если бы к нам в дом приехал незнакомец, то все были бы уверены, что это Фредерик. Здесь никто не знает и никто не интересуется тем, что мы делаем. Диксон будет охранять дверь как дракон, пока он будет здесь? Правда, Диксон?

- Им придется изловчиться, чтобы пройти мимо меня! — сказала Диксон, возмущенная даже самой мыслью о подобной попытке.

- И ему не нужно будет выходить, разве что в сумерки он выйдет подышать воздухом, бедняга!

- Бедняга! — повторила миссис Хейл. — Я почти жалею, что ты написала. Будет уже слишком поздно остановить его, если ты снова напишешь, Маргарет?

- Боюсь, что так, мама, — ответила Маргарет, вспоминая, с какой настойчивостью миссис Хейл умоляла его приехать, если он желает застать ее живой.

- Мне всегда не нравилось что-то делать в такой спешке, — сказала миссис Хейл.

Маргарет молчала.

- Успокойтесь, мэм, — сказала Диксон с напускной веселостью. — Вы знаете, что больше всего вам хочется увидеть мастера Фредерика. И я рада, что мисс Маргарет написала ему немедленно, без колебаний. Я даже хотела сделать это сама. И мы хорошо спрячем его, будьте уверены. В доме только Марта не сделала бы ничего, чтобы спасти его, и я думаю, что в это самое время можно отправить ее повидать мать. Она как-то говорила мне, раз или два, что ей бы хотелось уехать, потому что у ее матери был удар, когда она приехала сюда, — только ей не нравилось просить. Но я прослежу, чтобы она уехала, как только мы узнаем, когда он придет. Господь благослови его! Поэтому спокойно пейте чай, мэм, и положитесь на меня.

Миссис Хейл доверяла Диксон больше, чем Маргарет. Слова старой няни на время успокоили ее. Маргарет молча разлила чай, пытаясь придумать, что сказать. Но у нее возник ответ, похожий на ответ Даниеля О'Рурка,[26] когда человек с Луны попросил его убраться со своего серпа. «Чем больше вы просите нас, тем дальше мы не пошевелимся». Чем больше она старалась думать о чем-то еще, кроме опасности, которой подвергнется Фредерик, тем больше ее воображение цеплялось за эту мысль. Ее мать болтала с Диксон и,

казалось, совершенно позабыла о том, что Фредерика могут схватить и казнить, что из-за ее желания и из-за поступка Маргарет он подвергается опасности. Ее мать была из тех людей, которые отбрасывают дурные мысли прочь, как ракета выбрасывает искры. Но, воспламеняясь от горячего, искры долго тлеют и, в конце концов все вокруг сгорает в ужасающем пламени. Маргарет была рада, что, исполнив свои дочерние обязанности, может теперь спуститься в кабинет. Ей было интересно, как поладили друг с другом ее отец и Хиггинс.

С самого начала порядочный, добродушный и простодушный, старомодный джентльмен своими утонченными и любезными манерами бессознательно пробудил в собеседнике всю его скрытую учтивость.

Мистер Хейл одинаково относился ко всем своим ближним: ему не приходило в голову, что разница в сословиях должна как-то проявляться в разговоре. Он поставил стул для стоящего Николаса, который сел только по просьбе мистера Хейла. Он называл его неизменно «Мистер Хиггинс», вместо короткого «Николас» или «Хиггинс», к которым был привычен «пьяный, неверующий ткач». Но Николас не был ни обычным пьяницей, ни законченным атеистом. Он пил, чтобы запить заботы, как он сам выразился, и был неверующим до сих пор, потому что не нашел еще той формы веры, которую он мог бы принять всем сердцем и душой.

Маргарет была немного удивлена и очень довольна, когда обнаружила, что отец и Хиггинс заняты серьезным разговором, хоть они частенько не совпадали во мнениях. Каждый обращался к собеседнику с кроткой вежливостью. Николас в роли гостя — чистый, опрятный и тихий — был для нее новым человеком, ведь прежде она видела его только полновластным хозяином в его собственном доме. Он «пригладил» волосы свежей водой, перевязал шейный платок и позаимствовал огарок свечи, чтобы отполировать ботинки. И вот он сидел, убеждая в чем-то ее отца ровным и тихим голосом с сильным даркширским акцентом. Мистер Хейл с интересом прислушивался к тому, что говорит его собеседник. Он оглянулся, когда она вошла, улыбнулся и тихо предложил ей свой стул, а затем сел снова, по возможности быстро, низко поклонившись своему гостю, как бы извиняясь за заминку. Хиггинс кивнул ей в знак приветствия, а она бесшумно разложила свое рукоделие на столе и приготовилась слушать.

- Как я говорил, сэр, я полагаю, вы не слишком верите в себя, если живете здесь... если вы приехали сюда. Я прошу у вас прощения, если неверно выразился. Но для меня сейчас вера — это размышление над высказываниями, правилами и обещаниями, сделанными людьми, которых вы никогда не видели, о фактах и жизни, о которых ни вы и никто другой ничего достоверно не знаете. Вот вы говорите, что это и есть истины, истинные высказывания и истинная жизнь. Я просто спрашиваю: где доказательства? Повсюду есть более мудрые и более образованные, чем я, люди, у которых есть время думать над такими вещами, пока я трачу свое время на то, чтобы заработать на хлеб. Ну, я понимаю этих людей. Их жизни открыты для меня. Они — реальные люди. Они не верят в Библию... не они. Они могут говорить, что верят, ради формы. Но, Господи, сэр, вы думаете, что, проснувшись утром, они восклицают: «Что мне сделать, чтобы заслужить вечную жизнь?» или «Что мне сделать, чтобы наполнить кошелек в этот благословенный день? Куда мне пойти? Какие сделки мне заключить?» Кошелек, золото и банкноты — вот настоящие вещи, вещи, которые можно почувствовать и потрогать. Это — реальность, а вечная жизнь — это все разговоры, очень подходящие для... я прошу у вас прощения, сэр. Вы — священник без работы, я полагаю. Что ж! Я никогда не стану неуважительно отзывать о человеке, который находится в таком же затруднительном положении, что и я. Но я задам вам другой вопрос, сэр, и я не хочу, чтобы вы отвечали на него, только запомните это раз и навсегда. Прежде вы считали нас теми, кто только верит в то, что видит, как дураки и простаки. Если бы спасение, будущая жизнь и тому подобное были бы правдой... не в словах людей, а в самих сердцах людей... разве вы не думаете, что они бы так же надоели нам с этим, как они надоели со своей политической экономией? Им слишком хочется примирить нас с этой мудростью. Если бы это было правдой, они обратились бы к вере и обратили бы нас.

- Но хозяева не имеют никакого отношения к вашей религии. Все, что вас связывает — это торговля... так они думают... и это все, чем они обеспокоены.

- Я рад, сэр, — ответил Хиггинс с любопытством во взгляде, — что вы добавили, «так они думают». Боюсь, я бы подумал, что вы — лицемер, если бы вы этого не сказали, несмотря на то, что вы — священник, или даже потому что вы — священник. Знаете, если бы вы говорили о религии, как о чем-то, что, будь оно правдой, не касалось бы всех людей, не приковывало бы всеобщее внимание, я бы подумал, что вы плут, и я бы даже подумал, что вы больше дурак, чем плут. Надеюсь, без обид, сэр.

- Нисколько. Вы считаете, что я ошибаюсь, а я считаю, что вы еще более ошибаетесь. Я не жду, что смогу вас убедить за один день и за один разговор. Но давайте узнаем друг друга и свободно поговорим об этом, и правда восторжествует. Я бы не верил в Бога, если бы не поверил этому. Мистер Хиггинс, я верю, что в глубине души вы верите... (мистер Хейл понизил голос до благоговения)... вы верите в Него.

Николас Хиггинс вдруг встал прямой и непреклонный. Маргарет вскочила — увидев, как дергается его лицо, она подумала, что у него конвульсии. Мистер Хейл испуганно посмотрел на нее. Наконец Хиггинс нашел нужные слова:

- Послушайте! Ваши уговоры окончатся ничем. Ради чего вы пытаете меня своими сомнениями? Подумайте о ней — она лежит там из-за той жизни, что выпала на ее долю, и потом подумайте, как вы отказываете мне в том единственном утешении, что мне осталось... что Бог существует, и что Он уготовил ей такую жизнь. Я не верю, что она когда-нибудь снова будет жить, — сказал он, садясь, и его голос снова зазвучал безжизненно и равнодушно. — Я не верю ни в какую другую жизнь, кроме этой, в которой она так много страдала и претерпела столько тревог. И я не могу вынести мысли, что все это было случайно, что все могло измениться от дуновения ветра. Много раз, когда я думал об этом, я не верил в Бога, но я никогда не признавался в этом себе, как многие. Я мог посмеяться над теми, кто так делал, словно бросал вызов, но потом оглядывался, чтобы посмотреть, услышал ли Он меня, раз Он там был. Но сегодня, когда я остался одиноким, я не буду слушать ваши вопросы и ваши сомнения. В этом шатком мире есть одна неизменная и простая вещь — разумная или неразумная, я буду цепляться за нее. Это то самое благо для счастливых людей...

Маргарет мягко дотронулась до его руки. Она до сих пор ничего не сказала, и он не слышал, как она поднялась.

- Николас, мы не хотим вас переубеждать, вы не поняли моего отца. Мы не убеждаем, мы верим, как и вы. Это единственное утешение для души в горести.

Он обернулся и схватил ее за руку.

- Да, это, это... — он вытер слезы тыльной стороной ладони. — Но вы знаете, она лежит мертвая дома, а я совершенно потрясен горем, и временами едва осознаю то, что говорю. Как будто речи, которые произносили люди... умные и толковые вещи, как я временами думал... проросли и расцвели в моем сердце. Вдобавок забастовка провалилась, разве вы не знали, мисс? Я шел просить ее, как нищий, дать мне немного утешения в этой беде. И тут мне сказали, что она умерла... просто умерла. Вот и все. Но для меня этого было достаточно.

Мистер Хейл поднялся снять нагар со свечей, чтобы скрыть свои чувства.

- Он не атеист, Маргарет, как ты могла так сказать? — укоризненно пробормотал он. — Я хочу прочитать ему четырнадцатую главу из Книги Иова.

- Я думаю, пока не стоит, папа. Возможно, не всю. Давай спросим его о забастовке и выскажем сочувствие, в котором он нуждается, и которое надеялся получить от бедной Бесси.

Поэтому они спрашивали и слушали. Рассуждения рабочих, как и многих хозяев, основывались на ложных предпосылках. Комитет понадеялся на рабочих, как будто те, обладая выносливостью машин, способны были неизменно действовать твердо и спокойно, и не позволить человеческим чувствам взять верх, как в случае с Баучером и бунтовщиками. Они верили, что их протест против несправедливости возымеет на чужаков тот же самый эффект, как несправедливость (вымышленная или реальная) — на них самих. Соответственно, они были удивлены и негодовали, когда бедные ирландцы приехали и заняли их место. Это негодование сдерживалось в определенной степени презрением к «этим ирландцам» и удовольствием от мысли, что они неумело справляются со своей работой и смущают новых хозяев своим невежеством и глупостью. Но самым жестоким ударом оказалось то, что милтонские рабочие не подчинились приказам Союза сохранять мир, что бы ни случилось. Они вызвали разногласие в Союзе и посеяли панику.

- И поэтому забастовка закончилась, — сказала Маргарет.

- Да, мисс. Все кончено. Завтра двери фабрик широко распахнутся, чтобы впустить всех, кто попросит работу. Хотя бы только для того, чтобы показать, что они не имеют никакого отношения к забастовке. А если бы они были тверды, то смогли бы получать жалованье, какого никто не получал за последние десять лет.

- Вы ведь получите работу, правда? — спросила Маргарет. — Вас же хорошо знают, разве нет?

- Хэмпер позволит мне работать на своей фабрике, когда отрежет себе свою правую руку, не раньше и не позже, — тихо ответил Николас.

Маргарет печально умолкла.

- Кстати, о жалованьи, — сказал мистер Хейл. — Вы не обижайтесь, но я думаю, вы допустили несколько серьезных ошибок. Я бы хотел прочитать вам несколько высказываний из книги, которая у меня есть, — он поднялся и подошел к книжным полкам.

- Не беспокойтесь, сэр, — сказал Николас. — Вся эта книжная чепуха влетает в одно ухо, а вылетает в другое. На меня это не произведет впечатления. Прежде чем между мной и Хэмпером произошел раскол, надсмотрщик рассказал ему, что я подговаривал рабочих просить большее жалованье. И Хэмпер встретил меня

однажды во дворе. У него была тонкая книжка в руке, и он сказал: «Хиггинс, мне сказали, что ты один из тех проклятых дураков, что думают, что могут получать больше, если попросят. Да, вот ты и содержи их, когда повысишь им жалованье. Так, я даю тебе шанс и испытаю, есть ли у тебя разум. Вот книга, написанная моим другом, и если ты прочтешь ее, ты поймешь, от чего зависят размеры жалованья, и что ни хозяева, ни рабочие никак не могут на это повлиять, пусть даже они целыми днями надрывают свои глотки в забастовке как отъявленные дураки». Ну, сэр, я рассказал это вам — священнику, когда-то проповедовавшему и пытавшемуся убедить людей в том, что вам казалось правильным. Разве вы бы начали свою проповедь с того, что назвали их дураками или чем-то подобным, разве сначала бы вы не сказали им каких-то добрых слов, чтобы заставить их слушать и верить. И в вашей проповеди вы бы не останавливались каждый раз и не говорили бы им: «Вы — просто куча дураков, и я всерьез подозреваю, что мне бесполезно пытаться вложить в вас разум?» Я был сильно рассержен; я признаю, что взялся читать то, что написал друг Хэмпера... я был сильно возмущен этой манерой обращения ко мне, но я подумал: «Спокойно. Я пойму, что говорят эти парни, и проверю: они — простаки или я». Поэтому я взял книгу и с трудом прочел ее. Но, Господи помилуй, в ней говорилось о капитале и труде, труде и капитале, до тех пор, пока она не усыпила меня. Я не смог правильно уяснить себе, что есть что. О них говорилось, как будто они были добродетелью и злом. А все, что я хотел знать, есть ли права у людей, богатые они или бедные... были бы они только людьми.

- Мистер Хиггинс, — произнес мистер Хейл, — я допускаю, что вас возмутил оскорбительный, глупый и нехристианский тон, каким мистер Хэмпер говорил с вами, рекомендуя книгу своего друга. Но если в этой книге говорилось, что жалованье не зависит от воли хозяев или рабочих, и что большинство успешно закончившихся забастовок могут лишь на время повысить его, а после, из-за результатов самой забастовки оно стремительно падает, значит, — книга рассказала вам правду.

- Ну, сэр, — сказал Хиггинс упрямо, — может быть, а может, и нет. На эту точку зрения есть два мнения. Но пусть даже правда была вдвойне серьезней, но это не моя правда, если я не могу понять ее. Осмелюсь сказать, что в ваших латинских книгах на полках есть правда, но и это не моя правда, хоть я и понимаю значения слов. Если вы, сэр, или какой другой образованный, терпеливый человек придете ко мне и скажете, что научите меня понимать эти слова и не будете бранить меня, если я немного глуп и не понимаю, как одна вещь связана с другой, тогда через какое-то время я, может быть, и пойму эту правду, или не пойму. Я не буду клясться, что стану думать так же, как вы. Я не из тех, кто думает, что правду можно слепить из слов, такую чистую и аккуратную, как листы железа, что вырезают рабочие в литейном цеху. Не всякий проглотит одни и те же кости. Одна застрянет у человека в горле здесь, а другая — там. Уж не говоря о том, что для одного правда может оказаться сильной, а для другого — слишком слабой. Люди, которые намерены вылечить мир своей правдой, должны по-разному подходить к разным умам, и быть немного нежнее, когда преподносят им эту правду, — или бедные больные дураки выплунут им ее в лицо. Теперь Хэмпер первый обвиняет меня и говорит, что это не пойдет мне на пользу, что я такой дурак, вот так то.

- Мне бы хотелось, чтобы кто-то из самых добрых и мудрых хозяев встретился с вашими людьми и поговорил бы об этом. Это был бы наилучший путь, чтобы преодолеть ваши трудности. А они, я полагаю, происходят от вашего незнания... извините меня, мистер Хиггинс... вопросов, которые ради обоюдных интересов хозяев и рабочих должны были быть хорошо поняты обеими сторонами. Мне интересно, — мистер Хейл обратился и к своей дочери, — мистера Торнтон можно убедить сделать что-то подобное?

- Вспомни, папа, — ответила она очень тихо, — он сказал однажды об управлении, ты знаешь что, — ей не хотелось более ясно намекать на разговор, в котором мистер Торнтон ратовал за мудрый деспотизм со стороны хозяев, поскольку она заметила, что Хиггинс услышал имя Торнтон и насторожился.

- Торнтон! Он — тот парень, который сразу привез этих ирландцев, из-за этого и случился бунт, который погубил забастовку. Даже Хэмпер немного подождал бы, но Торнтон не стал ждать. А теперь, когда Союз поблагодарил бы его за преследование Баучера и тех парней, которые нарушили наши приказы, именно Торнтон выходит вперед и спокойно заявляет, что раз забастовке — конец, он, как пострадавшая сторона, не хочет настаивать на обвинении против бунтовщиков. Я думал, что у него больше смелости. Я думал, что он достиг своей цели и отомстил в открытую, но он говорит (один человек из суда передал мне его слова): «они прекрасно понимают, что будут наказаны за свой поступок, встретив трудности в поиске работы. Это будет достаточно суровое наказание». Я только хочу, чтобы они поймали Баучера и предали его суду, прежде чем это сделает Хэмпер. Я вижу тигра, и он начал охоту. Выпустит ли он его из своих когтей? Только не он!

- Мистер Торнтон был прав, — сказала Маргарет. — Вы злы на Баучера, Николас. Иначе вы бы первый поняли, что там, где естественное наказание будет достаточно суровым за нанесенную обиду, любое другое

наказание будет казаться мстью.

- Моя дочь — не большой друг мистера Торнтона, — сказал мистер Хейл, улынувшись Маргарет. А она, красная, как мак, поспешно склонилась над рукоделием. — Но я полагаю, что ее слова — правда. За это он мне нравится.

- Ну, сэр, эта забастовка была для меня слишком утомительной. Не спрашивайте, расстроился ли я, когда увидел, как она терпит неудачу. Просто я не могу забыть тех, что страдали молча и держались до конца, смелые и непреклонные.

- Простите, мистер Хиггинс, — сказала Маргарет. — Я мало знаю Баучера. Но единственный раз, когда я его видела, он говорил не о собственных страданиях, а о своей больной жене и своих маленьких детях.

- Верно! Но сам он не сделан из железа. Он оплакивал свои собственные горести. Он не из тех, кто способен терпеть.

- Как он пришел в Союз? — спросила Маргарет невинно. — Вы, кажется, не очень уважаете его, и мало бы выиграли от того, что он с вами.

Хиггинс нахмурил брови. Он молчал минуту или две. Затем ответил достаточно кратко:

- Не мне говорить о Союзе. Они делают то, что делают. Все наши должны держаться вместе. И если кто-то этого не понимает, у Союза имеются средства и способы, как их образумить.

Мистер Хейл видел, что Хиггинс рассержен тем поворотом, который принял разговор, и молчал. Но не Маргарет, хотя и она понимала, что Хиггинс говорит то, что чувствует. Инстинкт говорил ей, что этот вопрос слишком серьезен и требует полной ясности.

- И что за способы и средства у Союза?

Николаc взглянул на нее, будто упорно сопротивлялся ее желанию узнать правду. Но спокойное выражение ее лица, терпеливый и доверчивый взгляд, устремленный на него, заставили его ответить.

- Что ж! Если человек не принадлежит Союзу, то тем, кто работает на соседнем станке, дан приказ не разговаривать с ним. Даже если он жалок или болен — все равно. Он — посторонний. Он — никто для нас. Он ходит среди нас, он работает среди нас, но он — никто. Я даже могу оштрафовать тех, кто говорит с ним. Вы попробуйте, мисс, попробуйте прожить год или два среди тех, кто отворачивается от вас, когда вы смотрите на них. Попробуйте работать среди людей, которые точат на вас зуб, и вы знаете, что никто не обрадуется и не проронит в ответ ни слова, если вы скажете, что вы рады. Если у вас на сердце тяжело, вы ничего им не расскажете, потому что они никогда не обратят внимания на ваши вздохи или грустные взгляды (а мужчина, который громко стенает, чтобы народ спрашивал его, что случилось — не мужчина) — просто попробуйте, мисс... по десять часов в течение трехсот дней, и вы поймете, что такое Союз.

- Боже мой! — воскликнула Маргарет, — какая тирания! Нет, Хиггинс, мне совершенно безразлично, злитесь вы или нет. Я знаю, что вы не можете сердиться на меня, но даже если вы рассердились, я должна сказать вам правду: никогда прежде я не слышала о более жестокой пытке. И вы являетесь членом Союза! И вы еще говорите о тирании хозяев!

- Нет, — ответил Хиггинс, — вы можете говорить то, что хотите. Между вами и моей злостью — глухая стена. Вы думаете, я забыл, кто лежит там, и как она любила вас? И это хозяева заставили нас грешить, если Союз — это грех. Не это поколение хозяев, может быть, но их отцы. Их отцы втоптали наших отцов в прах, стерли нас в порошок! Священник! Я слышал, как моя мать читала текст: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина».[27] Так и с ними. В те дни мучительного угнетения и возник Союз. Это было необходимо. По мне, это необходимо и сейчас. Это противостояние несправедливости, — прошлой, настоящей или будущей. Оно может быть подобно войне; вместе с ним приходят преступления, но я думаю, большее преступление — оставить все так, как есть. Наш единственный шанс — связать людей вместе. И если некоторые — трусы, а некоторые — дураки, они могут идти с нами и присоединиться к великому маршу, чья сила только в количестве.

- О! — сказал мистер Хейл, вздыхая, — ваш Союз сам по себе был бы прекрасным, величественным... это было бы само христианство... Но он не радеет о пользе для всех... это просто один класс противостоит другому.

- Полагаю, мне пора идти, сэр, — сказал Хиггинс, когда часы пробили десять.

- Домой? — спросила Маргарет очень мягко. Он понял ее и пожал протянутую руку.

- Домой, мисс. Вы можете верить мне, хотя я — один из Союза.

- Я всецело доверяю вам, Николаc.

- Пойдите! — сказал мистер Хейл, поспешив к книжным полкам. — Мистер Хиггинс! Я уверен, вы присоединитесь к нашей семейной молитве?

Хиггинс с сомнением взглянул на Маргарет. Он встретил серьезный взгляд ее прекрасных глаз. В ее взгляде

не было принуждения, только глубокий интерес. Он не ответил, но остался на месте.

Маргарет — сторонница церкви, ее отец — раскольник, Хиггинс — атеист вместе преклонили колени. Это не причинило им вреда.

Глава XXIX

Луч солнца

«Пришедшие на ум желания лишь слабо утешили,
Одно или два печальных, скромных удовольствия
В бледном холодном свете надежды,
Посеребрившем их хрупкие крылья, тихо пролетели мимо...
Как мотыльки в лунном свете!»
Сэмюэль Тейлор Кольридж
«Юношеская военная песня»

На следующее утро Маргарет получила письмо от Эдит. Письмо было столь же пылким, восторженным и непоследовательным, как и сама писательница. Но Маргарет и сама обладала пылкой натурой, а потому чужая впечатлительность находила в ее душе отклик, — к тому же она привыкла с детства к характеру Эдит, а потому, читая письмо, совсем не замечала недостатков стиля.

Письмо гласило:

«О, Маргарет, тебе стоит уехать из Англии, чтобы увидеть моего мальчика! Он — очаровательный мальчуган, а в своих чепчиках он выглядит просто прелестно, особенно в том самом, что ему прислала ты — добрая, трудолюбивая маленькая леди с золотыми руками! Я уже заставила всех здешних матерей мне завидовать, а теперь я хочу показать его кому-то новому и услышать новые слова восхищения. Наверное, это все причины, а может быть, и нет. Нет, возможно, к этому примешивается любовь кузины. Но я так хочу, чтобы ты приехала сюда, Маргарет! Я уверена, это пойдет на пользу здоровью тети Хейл. Все здесь молоды и здоровы; у нас всегда голубое небо; у нас всегда светит солнце, и оркестр восхитительно играет с утра до ночи; и, возвращаясь к припеву моей песенки, — мой малыш всегда улыбается. Мне постоянно хочется, чтобы ты нарисовала его для меня, Маргарет. Не имеет значения, что он делает, — это самое милое, самое красивое, самое лучшее создание. Я думаю, я люблю его намного больше, чем своего мужа, который становится упрямым и раздражительным, он называет это «я обеспокоен». Но нет, он совсем не такой! Он только что принес новости о таком милом пикнике, который давали офицеры «Хазарда», стоящего на якоре в бухте. Но раз он принес такие замечательные новости, я беру свои слова назад. Разве никто не обжигался, сказав или сделав что-то сгоряча? Ну, я не могу обжечься, потому что поранюсь, и шрам будет уродливым. Но я забираю назад все свои слова как можно быстрее. Космо — просто прелестный ребенок, и совсем не упрямый, и не такой капризный, как муж. Только иногда он тоже бывает беспокойным. Я могу сказать, что без любви... обязанности жены... На чем я остановилась? Я знаю, что хотела сказать что-то особенное. А, вот... Дорогая Маргарет!.. Ты должна приехать и навестить меня. Тете Хейл это пойдет на пользу, как я уже сказала. Пусть доктор пропишет ей поездку. Скажи ему, что дым Милтона причиняет ей вред. Я не сомневаюсь, что так и есть. Три месяца (вы не должны приезжать на меньший срок) в этом прелестном солнечном климате, где виноград настолько привычен, как черника, совсем вылечат ее. Я не прошу дядю...» (Здесь письмо стало более лаконичным и последовательным: мистера Хейла следовало поставить в угол, как непослушного ребенка, за то, что оставил свой приход.)
«...потому что, смею сказать, он не одобряет войну, солдат и музыкантов. Во всяком случае, я знаю, что многие Диссентеры — члены Мирного Общества[28], и я боюсь, что он не захочет приехать. Но если он захочет, дорогая, прошу, скажи, что Космо и я сделаем все возможное, чтобы он почувствовал себя счастливым. И я спрячу красное пальтишко Космо и его меч и заставлю музыкантов играть только серьезные, торжественные пьесы. Или, если они будут играть что-нибудь мирское и суетное, им придется играть в два раза медленнее. Дорогая Маргарет, если он захочет сопровождать тебя и тетю Хейл, мы постараемся доставить ему удовольствие, хотя я боюсь всякого, кто делает что-то для успокоения совести. Надеюсь, ты никогда не боялась.

Скажи тете Хейл, чтобы не брала много теплой одежды, хотя боюсь, что когда вы вернетесь обратно, будет уже холодно. Но ты не представляешь, как здесь жарко! Я попыталась надеть свою роскошную индийскую шаль на пикник. Я долго поддерживала себя поговорками — «Гордость - моя опора» — и тому подобными мыслями, но это было бесполезно. Я выглядела, как мамина собачка Крошка в слоновьей попоне, полузадушенная своим пышным нарядом. Поэтому я расстелила ее, как ковер, чтобы мы могли на ней сидеть. Вот и мой мальчик, Маргарет... если ты не упакуешь свои вещи сразу, как только получишь письмо, чтобы немедленно приехать и посмотреть на него, я подумую, что ты — потомок царя Ирода!»

Маргарет хотелось хотя бы день пожить жизнью Эдит — без забот, в веселом доме, под солнечными небесами. Если бы желание могло перенести ее туда, — она бы уехала, просто на один день. Она страстно желала вернуть силу, которую могла дать перемена места... пусть всего на несколько часов оказаться в самой гуще той жизни, чтобы снова почувствовать себя молодой. Ей еще нет двадцати, а она вынуждена нести такое тяжелое бремя, что чувствует себя старухой. Это было первое, что она почувствовала. Затем Маргарет перечитала послание подруги и забыла о своих печалях - письмо с его милой непоследовательностью живо воскресило в ее памяти саму Эдит. Маргарет весело смеялась, когда миссис Хейл вошла в гостиную, опираясь на руку Диксон. Маргарет поспешила поправить подушки. Ее мать выглядела слабее, чем обычно.

- Над чем ты смеялась, Маргарет? — спросила она, когда оправилась от слабости, усевшись на диван.

- Над письмом, которое получила этим утром от Эдит. Я прочту его тебе, мама?

Она прочитала письмо вслух, и временами казалось, что миссис Хейл слушает с интересом. Она поинтересовалась, какое имя дала Эдит своему мальчику, перечислила все возможные имена и все возможные причины, по которым ребенка можно назвать тем или иным именем. В самом разгаре всех этих рассуждений вошел мистер Торнтон - он принес еще фруктов для миссис Хейл. Он не мог... да, по правде говоря, и не собирался отказывать себе в удовольствии увидеть Маргарет. Он полагал, что имеет право на небольшую награду. Это было твердое намерение человека, обычно благоразумного и сдержанного. Мистер Торнтон вошел в комнату, с первого взгляда заметив, что Маргарет здесь, но после холодного и сдержанного приветствия он, казалось, не позволял себе смотреть на нее. Он остался в гостиной только для того, чтобы преподнести персики миссис Хейл и сказать несколько добрых слов, а когда уходил, степенно прощаясь, его холодный и оскорбленный взгляд встретился с взглядом Маргарет. Она села бледная и молчаливая.

- Ты знаешь, Маргарет, мне действительно начинает нравиться мистер Торнтон.

Маргарет помолчала, а потом выдавила из себя равнодушное:

- Правда?

- Да! Я думаю, он в самом деле совершенствует свои манеры.

Вернув голосу прежнюю силу, Маргарет ответила:

- Он очень добрый и внимательный, без сомнения.

- Удивительно, почему никогда не приходит миссис Торнтон. Она, должно быть, знает, что я больна, раз прислала водяной матрас.

- Полагаю, она знает, как ты себя чувствуешь, от своего сына.

- Все же, мне бы хотелось повидаться с ней. У тебя здесь так мало друзей, Маргарет.

Маргарет понимала, чем обеспокоена миссис Хейл — она желала заручиться добротой женщины по отношению к дочери, которая скоро лишится матери. Но Маргарет не смогла ответить ей.

- Как ты думаешь, — сказала миссис Хейл, помолчав, — ты могла бы пойти и попросить миссис Торнтон навестить меня? Всего один раз, я не хочу причинять беспокойства.

- Я сделаю все, что захочешь, мама... но если... но когда Фредерик приедет...

- Ах, конечно! Мы должны держать двери закрытыми, мы не должны никого впускать. Я даже не знаю, смею ли я желать, чтобы он приехал или нет. Иногда я думаю, что не хочу этого. Иногда я вижу такие ужасные сны о нем.

- О, мама! Мы позаботимся о нем. Я скорее сама буду дежурить у двери, чем допущу, чтобы ему причинили малейший вред. Доверь мне заботу о нем, мама. Я буду оберегать его, как львица оберегает своего львенка.

- Когда от него придет письмо?

- Не раньше, чем через неделю, может и дольше.

- Мы должны отослать Марту заблаговременно. Не нужно, чтобы она была здесь, когда он приедет, чтобы затем пришлось спешно отсылать ее.

- Диксон, конечно, напомним нам об этом. Я подумала, что если нам понадобится помощь по дому, пока он

здесь, мы можем попросить Мэри Хиггинс. Она не сильна в работе, но она — хорошая девочка и приложит все усилия, чтобы хорошо выполнить работу, я уверена. И она бы ночевала у себя дома, и ей не нужно было бы подниматься вверх и знать, кто еще есть в доме.

- Как хочешь. Как захочет Диксон. Но, Маргарет, не употребляй эти ужасные милтонские слова. «Не сильна в работе» — от этого так и веет провинциальностью. Что бы сказала твоя тетя Шоу, если бы услышала, как ты говоришь?

- О, мама! Не пытайся запугать меня тетей Шоу, — ответила Маргарет, смеясь. — Эдит набралась всякого рода армейских словечек от капитана Леннокса, и тетя Шоу никогда не обращала на это внимания.

- Но твои слова — фабричный жаргон.

- Если я живу в промышленном городе, я должна говорить на фабричном языке, когда хочу. Мама, я могу удивить тебя многими словами, которые ты никогда в жизни не слышала. Я даже не уверена, знаешь ли ты, что такое «штрейкбрехер».

- Нет, дитя. Я только знаю, что звучит оно очень вульгарно, и мне не хочется, чтобы ты его употребляла.

- Хорошо, мамочка, не буду. Только тогда вместо него мне придется каждый раз употреблять его толкование.

- Мне не нравится этот Милтон, — ответила миссис Хейл. — Эдит права - я так больна из-за этого дыма.

Маргарет вздрогнула, услышав слова матери. Ее отец только что вошел в комнату, и она забеспокоилась, чтобы гнетущее впечатление, которое произвели на него последние слова миссис Хейл, не усилилось, не получило никакого подтверждения. Она не знала, слышал ли он, что сказала миссис Хейл или нет. Маргарет поспешно переменяла тему разговора, не зная, что за отцом идет мистер Торнтон.

- Мама обвинила меня в том, что я набралась вульгарности после того, как мы приехали в Милтон.

«Вульгарность», о которой говорила Маргарет, относилась только к употреблению местных слов, а само выражение появилось из разговора, который они вели. Но мистер Торнтон нахмурил брови, и Маргарет вдруг поняла, как неверно он может истолковать ее слова. Поэтому, следуя естественному желанию не причинять ненужной боли, она заставила себя выйти вперед и поприветствовать его, продолжая говорить на прежнюю тему, но явно обращаясь к нему.

- Скажите, мистер Торнтон, хотя слово «штрейкбрехер» звучит не очень красиво, разве оно не выразительно? Можно ли обойтись без него, говоря о том, что оно означает? Если употребление местных слов — вульгарно, то в приходе я была очень вульгарна, разве нет, мама?

Маргарет не привыкла навязывать свою тему разговора другим. Но сейчас ей так хотелось, чтобы мистер Торнтон не почувствовал раздражения, случайно услышав ее слова, что еще не договорив, она покраснела от осознания сделанного, тем более, что мистер Торнтон, казалось, едва уловил суть или смысл того, о чем она говорила, и прошел мимо нее сдержанным, чопорным шагом, чтобы поговорить с миссис Хейл.

Увидев мистера Торнтона, Маргарет вспомнила, что миссис Хейл хотела видеть его мать и доверить Маргарет ее заботе. Маргарет, сидя в нестерпимом молчании, сердилась и укоряла себя за то, что ей так тяжело сохранить сердце спокойным, когда мистер Торнтон находится рядом, и мать тихо просит, чтобы миссис Торнтон пришла и навестила ее. Лучше всего будет, если она придет поскорее, — завтра, если это будет возможно. Мистер Торнтон обещал, что его мать на днях посетит миссис Хейл, поговорил немного, а затем собрался уходить. И движения Маргарет, и ее голос, казалось, сразу же освободились от невидимых оков. Он не взглянул на нее, и все же каким-то образом он знал, где она находится, и если случайно его взгляд останавливался на Маргарет, он ненадолго задерживался на ней. Если она говорила, он не уделял внимания ее словам, но его следующая реплика, обращенная к кому-то еще, была предопределена тем, что она сказала. Иногда это был ответ на ее замечание, обращенный к другому собеседнику, как будто не имеющий к ней отношения. Его манеры не были плохими от невежества; это были намеренно плохие манеры, — таким образом он давал понять, что все еще обижен. Позже он сам пожалел об этом. Что же касается Маргарет, то она думала о нем больше, чем раньше, но не с любовью, а с сожалением. Она жалела, что ранила его так глубоко, и хотела бы вернуться к прежней противоречивой дружбе. Она понимала, что в те времена он испытывал к ней уважение, так же как и к остальным членам ее семьи. И сейчас она как будто молча извинялась за свои чересчур жестокие слова, которые были следствием поступков в день бунта.

Но мистер Торнтон сильно обиделся на эти слова. Они звенели в его ушах, и он гордился, что поступил справедливо, проявив доброту к ее родителям. Он ликовал, показывая собственную силу, когда заставлял себя встречаться с ней лицом к лицу, всякий раз придумывая, что могло бы доставить удовольствие ее матери и отцу. Он думал, что ему тяжело будет видеть ту, которая так сильно оскорбила его, но он ошибался. Находиться с ней в одной комнате, ощущать ее присутствие было сладостной мукой. Но, как я уже говорила, он был недостаточно

проницателен и беспристрастен, анализируя мотивы своих поступков.

Глава XXX
Наконец дома

«Молчащих птиц начнется перезвон»
Роберт Саутвелл. «Черета времен»
(пер. А. Лукьянова)

«Никогда не прячь свою потаенную боль,
Не позволяй облакам воспоминаний застилать горизонт,
Не склоняй свою голову! Ты вернулся домой!»
Миссис Химанс

Миссис Торнтон пришла в дом Хейлов на следующее утро. Несчастной миссис Хейл стало намного хуже. Неожиданная перемена — этот очевидный шаг к смерти — случилась ночью, и вся семья испугалась, увидев, как побледнело и осунулось ее лицо за двенадцать часов страданий. Миссис Торнтон, которая не видела ее несколько недель, сразу смягчилась. Она пришла только потому, что сын попросил ее об одолжении, но вооружилась горьким чувством оскорбленного достоинства по отношению к семье, воспитавшей Маргарет. Она сомневалась, что миссис Хейл серьезно больна. Она сомневалась, что так уж необходимо немедленно удовлетворять каприз этой леди, жертвуя собственными планами на день. Миссис Торнтон заявила сыну, что желала бы, чтобы Хейлы никогда не приезжали в Милтон, чтобы он никогда не знакомился с ними, чтобы бесполезные языки, вроде латыни и греческого, никогда не были придуманы. Он молча выслушал ее слова, но когда она закончила свою обличительную речь против мертвых языков, он спокойно, коротко и решительно повторил свою просьбу: он хотел бы, чтобы его мать пошла и навестила миссис Хейл в назначенное время — наиболее удобное для больной. Миссис Торнтон неохотно подчинилась желанию своего сына, любя его сильнее за подобное проявление чувств, но в душе по-прежнему считая, что он чрезмерно великодушен, не разрывая отношения с Хейлами.

По мнению миссис Торнтон, великодушные ее сына были сродни слабости. Но презрение к мистеру и миссис Хейл и неприязнь к Маргарет занимали ее мысли лишь до тех пор, пока она не почувствовала всю их ничтожность перед темной тенью крыльев ангела смерти. На кровати лежала миссис Хейл — мать, как и она, но намного моложе ее — и не было надежды, что она когда-нибудь сможет подняться. В этой затемненной комнате свет не отличался от тени, не было никакого движения, даже самого незаметного, — лишь чередование шепота и тишины. Когда миссис Торнтон, сильная и полная жизни, вошла, миссис Хейл лежала неподвижно, хотя по выражению ее лица было понятно, что она понимает, кто перед ней. Но в первую минуту она даже не приоткрыла глаза, — только крупные слезы выступили на ее ресницах. Потом, слабой рукой нащупав на одеяле сильные пальцы миссис Торнтон, миссис Хейл сказала, едва дыша, (миссис Торнтон пришлось наклониться, чтобы услышать):

- Маргарет... у вас есть дочь... моя сестра в Италии. Мое дитя останется без матери... В незнакомом месте... если я умру... вы будете...

И туманный, блуждающий взгляд миссис Хейл, полный глубокой тоски, остановился на лице миссис Торнтон. Какое-то время выражение ее лица не менялось, оно по-прежнему было мрачным и застывшим. Но глаза больной затуманились медленно выступившими слезами, и она, возможно, увидела, как на застывшие черты лица ее гостя набежала тень. Не мысль о сыне или о живой дочери Фанни взволновала в конце концов сердце миссис Торнтон. А внезапное воспоминание о маленькой дочери, умершей в младенчестве много лет назад, навеянное атмосферой комнаты, словно внезапный солнечный луч расплавил ледяную корку, за которой пряталась нежная и чуткая женщина.

- Вы хотите, чтобы я была другом мисс Хейл, — сказала миссис Торнтон своим размеренным тоном, который не смягчился, как ее сердце, но стал ясным и отчетливым.

Миссис Хейл, не отрывая взгляда от лица миссис Торнтон, сжала руку, лежащую под ее рукой на покрывале. Она не могла говорить. Миссис Торнтон вздохнула:

- Я буду настоящим другом, если обстоятельства потребуют этого. Но не любящим другом. Такой я не смогу быть... — «для нее», хотела она добавить, но смолчала, взглянув на бледное, встревоженное лицо миссис Хейл. — Не в моем характере показывать чувства, даже когда я испытываю их, я не люблю давать советов. Все же, по вашей просьбе, если это вас успокоит, я обещаю вам.

Затем последовала пауза. Миссис Торнтон была слишком порядочной, чтобы обещать то, что не имела намерения выполнить. А выполнить обет из-за великодушия к Маргарет, которую она в этот момент не любила даже больше, чем прежде, было трудно, почти невозможно.

- Я обещаю, — сказала она с важной серьезностью, которая все же наполнила умирающую женщину верой во что-то более неизменное, чем сама жизнь — трепетная, мелькающая, изменчивая жизнь! — Я обещаю, что в любом затруднении, в котором мисс Хейл...

- Зовите ее Маргарет! — задыхаясь, произнесла миссис Хейл.

...в котором она обратится ко мне за помощью, я сделаю все возможное, чтобы помочь ей, как будто она — моя собственная дочь. Я также обещаю, что если увижу, что она поступает, по моему мнению, неправильно...

- Но Маргарет никогда не поступает неправильно... умышленно неправильно, — взмолилась миссис Хейл.

Миссис Торнтон продолжила, как и прежде, будто не слышала:

- Если я когда-нибудь увижу, что она поступает, как я полагаю, неправильно — в том случае, когда ее поступок не затрагивает меня или мою семью, иначе, возможно, я была бы лично заинтересована — я скажу ей об этом честно и прямо, как бы я поступила с собственной дочерью.

Последовала долгая пауза. Миссис Хейл почувствовала, что это обещание не было полным, и все же для нее этого было достаточно. Оно имело оговорку, которую она не поняла. Но она чувствовала слабость, головокружение и усталость. Миссис Торнтон продумывала все возможные случаи, в которых она обещала действовать. Она испытывала жестокое удовольствие при мысли, что расскажет Маргарет нелестную правду под предлогом выполнения своего долга. Миссис Хейл начала говорить:

- Я благодарю вас. Я молю Господа благословить вас. Я никогда больше не увижу вас в этом мире. Но в своих последних словах я благодарю вас за ваше обещание проявить доброту к моей девочке.

- Не доброту! — резко сказала миссис Торнтон.

Но, произнеся эти слова, она облегчила свою совесть и не сожалела, что они не были услышаны. Она пожала мягкую вялую руку миссис Хейл, поднялась и вышла из дома, не повидав Маргарет.

В то время как миссис Торнтон разговаривала с миссис Хейл, Маргарет и Диксон совещались, как им сохранить приезд Фредерика в полной тайне от всех посторонних. Письмо от него ожидалось со дня на день, и он, несомненно, отправится за ним следом. Марту необходимо отослать отдохнуть. Диксон должна охранять входную дверь, впуская только нескольких посетителей, что всегда приходили в кабинет мистера Хейла — болезнь миссис Хейл была для этого уважительной причиной. Если в помощь Диксон на кухне потребуется Мэри Хиггинс, она будет как можно реже слышать и видеть Фредерика. В крайнем случае, для нее он будет зваться мистер Дикинсон. К счастью, Мэри нелюбопытна и недогадлива.

Они решили, что Марте следует сегодня же поехать навестить мать. Маргарет считала, что не стоит делать этого накануне, иначе показалось бы странным, что они отпустили служанку, когда больной хозяйке требуется так много заботы.

Бедная Маргарет! Весь день ей пришлось исполнять роль преданной дочери и делиться силами с отцом, чтобы он не впал в отчаяние. Когда после каждого приступа боли у миссис Хейл наступало кратковременное облегчение, он убеждал себя, что это - начало окончательного выздоровления. И поэтому, когда начинался новый приступ — с каждым разом все тяжелее — мистер Хейл страдал, переживая глубокое разочарование. Днем он сидел в гостиной, не в состоянии выносить одиночество в кабинете или занять себя чем-то. Он положил голову на руки, скрещенные на столе, и Маргарет было больно видеть его таким, и, так как он не разговаривал, ей не хотелось утешать его. Марту отослали. Диксон сидела с миссис Хейл, пока та не заснула. В доме было тихо; опустилась темнота; никто не позаботился зажечь свечи. Маргарет сидела у окна, выходящего на улицу, где горели фонари, но не видела ничего, только слышала тяжелые вздохи отца. Ей не хотелось спускаться за свечой, чтобы не нарушить безмолвную сдержанность своего присутствия - не думая о ней, отец мог бы дать волю более сильным чувствам. И все же она собиралась пойти и присмотреть за огнем в кухне, когда услышала приглушенный звонок в дверь. Настойчивая трель, казалось, заполнила весь дом, хотя сам звук был не слишком громким. Она вскочила, прошла мимо отца, который даже не пошевелился от приглушенного,

надоедливого звука, вернулась и нежно поцеловала его. И, тем не менее, он не шелохнулся, не обратил внимания на ее нежное объятие. Она медленно спустилась вниз, подошла в темноте к двери. Диксон накинула бы цепочку на дверь, прежде чем открыть, но Маргарет забыла об осторожности, занятая своими мыслями. Высокий мужчина стоял перед ней - она видела лишь темный силуэт на фоне освещенной улицы. Мужчина повернулся, чтобы уйти, но при звуке открывающейся защелки быстро обернулся.

- Здесь живет мистер Хейл? — спросил он чистым, сильным голосом.

Маргарет вздрогнула всем телом. Сначала она не ответила. Через мгновение она выдохнула:

- Фредерик! — и протянула руки, чтобы схватить его за руку и втянуть в дом.

- О, Маргарет! — сказал он, удерживая ее за плечи, после того, как они расцеловались, как будто даже в темноте он мог видеть ее лицо и прочитать по нему ответ на свой вопрос быстрее, чем могли его дать слова.

- Мама! Она жива?

- Да, она жива, дорогой, дорогой брат! Она очень больна, но жива! Она жива!

- Слава Богу! — сказал он.

- Папа совершенно подавлен этим горем.

- Вы ждали меня, правда?

- Нет, мы не получали письма.

- Значит, я опередил его. Но мама знает, что я еду?

- О! Мы все знали, что ты приедешь. Но подожди немного! Иди сюда. Дай мне твою руку. Что это? О, это твой саквож. Диксон закрыла ставни. Вот это — папин кабинет, я могу принести тебе стул, чтобы ты мог немного отдохнуть, пока я пойду и скажу ему.

Маргарет на ощупь нашла свечку и спички. Внезапно, когда слабый свет осветил их, она ощутила робость. Она заметила, что цвет лица ее брата был необычно темным, и поймала внимательный взгляд пары удивительно красивых голубых глаз, что внезапно заблестели, когда Фредерик понял, что сестра тоже украдкой изучает его. Но хотя брат и сестра взглядами выразили взаимную симпатию друг к другу, они не обменялись ни словом. Маргарет была уверена, что полюбит брата, как товарища, так же сильно, как уже любит его как близкого родственника. На сердце у нее было замечательно легко, когда она поднялась наверх. Печаль стала меньше, и она была не такой тяжелой из-за присутствия рядом того, кто точно также переживал горе, как и она сама. Даже подавленность отца не могла ослабить ее радость. Он по-прежнему сидел, беспомощно облокотившись на стол. Но у нее было заклинание, которое поднимет его. И она воспользовалась им, возможно, слишком настойчиво, так как тоже нуждалась в утешении.

- Папа, — сказала она, нежно обнимая его за шею. Подняв его усталую голову с легким принуждением и обняв ее руками, она смогла взглянуть ему в глаза, наполняя его собственной силой и уверенностью. — Папа! Угадай, кто здесь!

Он посмотрел на нее, и она увидела в их туманной печали легкий проблеск догадки, которую он отклонил как нелепую выдумку.

Он отвернулся и опять спрятал лицо в руках, лежавших на столе, как и раньше. Она услышала его шепот и наклонилась, чтобы послушать.

- Я не знаю. Не говори мне, что это Фредерик... не Фредерик. Я не вынесу этого — я слишком слаб. А его мать умирает!

Он начал плакать и причитать, как ребенок. Его слова так отличались от того, на что надеялась Маргарет и что ожидала услышать, что она отвернулась разочарованная и помолчала минуту. Затем она снова заговорила — совсем другим тоном — не так ликующе, но более ласково и деликатно.

- Папа, это Фредерик! Подумай о маме, как она обрадуется! И как мы должны радоваться ради нее! И ради него тоже, ради нашего бедного мальчика!

Мистер Хейл не изменил позы, но казалось, что он пытается осознать случившееся.

- Где он? — спросил он наконец, по-прежнему пряча лицо.

- В твоём кабинете, совершенно один. Я зажгла свечу и поднялась сказать тебе. Он совершенно один и недоумевает, почему...

- Я пойду к нему, — прервал ее отец.

Он поднялся и оперся на ее руку, как слепой на поводыря.

Маргарет подвела его к двери кабинета, но она была так взволнована, что почувствовала, что не сможет вынести их встречи. Она повернулась и побежала наверх, горько плача. Впервые за несколько дней она позволила себе подобное облегчение. Теперь она почувствовала, каким огромным было напряжение. Но

Фредерик приехал! Он — любимый брат — был здесь, в безопасности, снова с ними! Она едва могла поверить в это. Маргарет перестала плакать и открыла дверь своей спальни. Она не слышала звука голосов и испугалась, что это ей приснилось. Она спустилась вниз и прислушалась у двери кабинета. Да, они действительно были там, этого было достаточно. Она пошла на кухню и помешала угли в камине, зажгла свечи и приготовила еду, чтобы скиталец подкрепил свои силы. Как удачно, что мама спит! Она поняла, что это так, по свету свечи, который пробивался через замочную скважину двери ее спальни. Путешественнику необходимо отдохнуть и прийти в себя, и первое волнение от встречи с отцом должно улечься, прежде чем матери станет известно о необычном событии.

Когда все было готово, Маргарет открыла дверь кабинета и вошла как служанка с полным подносом, держа его на вытянутых руках. Она гордилась тем, что прислуживает Фредерику. Но он, когда увидел ее, неожиданно встал и забрал у нее ее ношу. Брат и сестра вместе накрывали на стол, мало говоря, но соприкасаясь руками. Их взгляды разговаривали на привычном языке родства и симпатии. Огонь в камине погас, и Маргарет сама решила разжечь его — вечерами становилось прохладно — стараясь не шуметь, чтобы не разбудить миссис Хейл.

- Диксон говорит, что умение разжигать огонь — это талант, мастерство не купить.

- «Poeta nascitur, non fit»,[29] — пробормотал мистер Хейл. И Маргарет была рада услышать цитату еще раз, как бы тихо она ни прозвучала.

- Старая, добрая Диксон! Как мы расцелуемся с ней! — сказал Фредерик. — Она обычно целовала меня, а потом смотрела мне в лицо, чтобы увериться, тот ли я человек, а затем снова начинала целовать! Но, Маргарет, ты как сапожник! Я никогда не видел такой неловкой, бесполезной пары рук. Беги и вымой их, чтобы приготовить для меня хлеб с маслом, и оставь камин. Я справлюсь. Разжигание камина — одна из моих врожденных способностей.

Маргарет вышла и вернулась, не в силах усидеть на месте. Чем больше требовалось Фредерику, тем приятнее ей было выполнять его желания, и он интуитивно понимал это. Это была радость, овладевшая домом скорби, и от этого она ощущалась намного острее, потому что в глубине своих сердец они знали, какое непоправимое горе ожидает их.

Посреди разговора они услышали шаги Диксон на лестнице. Мистер Хейл вскочил со своего большого кресла, в котором он сидел, расслабившись, мечтательно глядя на своих детей, как будто они разыгрывали какую-то счастливую пьесу, которую было приятно смотреть, но которая была далека от реальности, и в которой у него не было роли. Он встал и устоял на дверь, выказывая такое странное, внезапное желание спрятать Фредерика от глаз постороннего человека, даже если это была преданная Диксон, что сердце Маргарет затрепетало — она вспомнила о новых страхах, появившихся в их жизни. Она схватила Фредерика за руку и крепко сжала ее, нахмурившись от мрачной мысли и стиснув зубы. И все же они знали, что это была всего лишь размеренная поступь Диксон. Они услышали ее шаги в коридоре, ведущем на кухню. Маргарет встала.

- Я пойду и скажу ей. И посмотрю, как там мама.

Миссис Хейл проснулась. Сначала она бредила, но, выпив чаю, она почувствовала себя лучше, хотя и не была расположена говорить. Было бы лучше не говорить ей на ночь, что приехал ее сын. Ожидаемый визит доктора Дональдсона добавит еще немало волнения в этот вечер. И он, возможно, скажет им, как подготовить ее к встрече с Фредериком. Он — здесь, в доме, и его могли позвать в любой момент.

Маргарет не могла сидеть спокойно. Для нее было облегчением помогать Диксон во всех хлопотах для «мастера Фредерика». Казалось, что она больше никогда не устанет. Каждый мимолетный взгляд в комнату, где он сидел с отцом, беседуя, — она не знала о чем и не интересовалась — придавал ей силы. У нее еще будет время поговорить с ним и послушать его; она была уверена в этом и не спешила тратить драгоценные мгновения. Ей нравилось смотреть на брата. У него были утонченные черты лица, утратившие изнеженность из-за смуглого цвета кожи и напряженного выражения. Его взгляд был, как правило, веселым, но временами глаза и очертания рта так внезапно менялись, что у Маргарет появлялась мысль о каком-то подавляемом чувстве, что почти пугало ее. Но этот взгляд появился только на мгновение, и в нем не было ни упрямства, ни мстительности. Это было скорее то мгновенное выражение свирепости, свойственное лицам всех выходцев из нецивилизованных и южных стран — свирепости, которая усиливает очарование сменяющей ее детской мягкости. Маргарет, возможно, боялась жестокости и импульсивного характера брата, но ничто не могло ее заставить не доверять или, по крайней мере, испытывать отвращение к нему. Напротив, их взаимоотношения имели для нее особое очарование с самого начала. Она узнала позже, как дорого ей придется заплатить за чувство абсолютного доверия, которое она испытывала в присутствии Фредерика. Он понимал своего отца и мать — их характеры и слабости — и вел себя с беспечной легкостью, которая была самой нежной заботой, не

причиняющей боли и не ранившей их чувств. Он, казалось, интуитивно знает, когда естественная живость в его поведении и разговоре не будет раздражать отца или может облегчить боль матери. Всякий раз это делалось невзначай, его терпеливая преданность и бдительность превратились в игру и сделали из него восхитительную сиделку. Маргарет была тронута почти до слез упоминаниями о том, какие проделки он совершал в детстве в приходе Нью Форрест. Он никогда не забывал ни ее, ни Хелстон за все время скитаний в дальних странах среди чужих людей. Она могла говорить с ним о прошлом, не боясь утомить его. Она боялась Фредерика до его приезда, хотя с нетерпением ожидала его. Маргарет понимала, что семь или восемь лет, которые прошли с их последней встречи, сильно изменили ее саму, и, забывая, как много осталось в ней от бывшей Маргарет, она убедила себя, что если ее вкусы и чувства так переменялись, несмотря на домашнюю жизнь, то его трудная профессия, с которой она была недостаточно знакома, должна была превратить высокого подростка в форме гардемарина, которого она помнила и на которого смотрела с таким благоговейным трепетом, в другого Фредерика. Но в разлуке они стали ближе друг другу по возрасту, так же, как и во многом другом. Именно это облегчало ношу Маргарет в то печальное время. Другого света кроме присутствия Фредерика для нее не было. За несколько часов миссис Хейл оправилась достаточно, чтобы увидеть сына. Она сидела, держа его за руки. Она не расставалась с ним даже когда спала. И Маргарет пришлось кормить его, как младенца, чтобы он не разбудил мать, убрав хоть один палец. Миссис Хейл проснулась и застала их за этим занятием. Она медленно повернула голову на подушке и улыбнулась своим детям, как будто поняла, что они делают и почему.

- Я очень эгоистична, — сказала она, — но это не продлится долго.

Фредерик наклонился и поцеловал слабую руку, завладевшую его рукой.

Доктор Дональдсон предупредил Маргарет, что это состояние безмятежности не продлится долго. После ухода доброго доктора она прокралась к Фредерику, которого во время визита врача умоляли сидеть тихо в дальней гостиной — обычно это была комната Диксон.

Маргарет рассказала брату о том, что сказал доктор Дональдсон.

- Я в это не верю, — воскликнул он. — Она очень больна, она может быть опасно больна и находится в непосредственной опасности. Но я не могу представить, что все так ужасно, словно она находится на пороге смерти. Маргарет! Ее должен посмотреть другой доктор... какой-нибудь лондонский врач. Ты никогда не думала об этом?

- Да, — ответила Маргарет, — не раз. Но я не верю, что это принесет какую-то пользу. И ты знаешь, у нас нет денег, чтобы привезти сюда какого-нибудь известного лондонского хирурга, и я считаю, что доктор Дональдсон не уступает в своем искусстве самому лучшему из докторов.

Фредерик начал нетерпеливо шагать по комнате.

- У меня есть кредит в Кадисе, — сказал он, — но не здесь, из-за того, что мне пришлось изменить имя. Почему отец оставил Хелстон? Это было ошибкой.

- Это не было ошибкой, — мрачно ответила Маргарет. — И, прежде всего, постарайся, чтобы папа не услышал того, что ты сейчас сказал. Я вижу, как он мучается от мысли, что мама не заболела бы, если бы мы остались в Хелстоне, и тебе неизвестно, насколько папа измучил себя упреками.

Фредерик прогуливался, как будто находился на юте корабля. Наконец он остановился напротив Маргарет и некоторое время смотрел на ее поникшую и унылую позу.

- Моя маленькая Маргарет! — сказал он, погладив ее. — Давай надеяться, как можно дольше. Бедная маленькая женщина! Что! Все лицо мокро от слез? Я буду надеяться. Я буду надеяться, несмотря на то, что скажет тысяча докторов. Держись, Маргарет, и будь достаточно храброй, чтобы надеяться!

Маргарет задохнулась, попытавшись заговорить, а когда она заговорила, то голос прозвучал приглушенно.

- Я должна постараться быть достаточно смиренной, чтобы верить. О, Фредерик! Мама стала так меня любить! И я стала понимать ее. А теперь смерть отдаляет нас друг от друга!

- Успокойся, успокойся, успокойся! Давай поднимемся наверх и сделаем что-нибудь — это лучше, чем терять драгоценное время. Много раз от размышлений мне становилось грустно, дорогая, но я никогда не грустил, если был занят делом. Знаешь, есть такое изречение: «Получай деньги, сын мой, честно, если можешь, но получай деньги». Мой принцип — «Делай что-нибудь, сестра моя, делай добро, если можешь. Но, во всяком случае, делай что-нибудь».

- Не исключая вреда, — сказала Маргарет, слабо улыбаясь сквозь слезы.

- Ни в коем случае. Не надо сожалеть о сделанном. Исправь побыстрее свои ошибки, если ты сознателен, хорошим поступком. Так, как мы в школе исправляли задачку на грифельной доске, наполовину стирая неправильное решение. Это лучше, чем смачивать губку слезами — и меньше потеря времени, и больше толка.

Если поначалу теория Фредерика показалась Маргарет довольно грубой, она увидела, как на деле эта теория постоянно приносит много пользы. После бессонной ночи, проведенной с матерью, — Фредерик настоял на том, чтобы сидеть у ее постели, — утром, перед завтраком он занимался тем, что придумывал подставку для ног Диксон, которая сильно уставала после дежурства у постели миссис Хейл. Во время завтрака он увлек мистера Хейла рассказами о своей бурной жизни в Мексике, Южной Америке и где-то еще. Маргарет в отчаянии оставила все попытки вывести мистера Хейла из подавленного настроения. Его депрессия передавалась и ей, — она находилась в таком состоянии, что совсем не могла говорить. Но Фред, верный своей теории, что-то непрерывно делал, и разговор за завтраком развеял общую подавленность.

Но в тот же день еще до наступления ночи подтвердились опасения доктора Дональдсона. У миссис Хейл начались конвульсии, и когда они прекратились, она была без сознания. Ее муж мог только лежать рядом с ней, сотрясая кровать своими рыданиями. Сильные руки сына нежно приподняли ее тело, придав ему более удобное положение. Руки дочери умыли ей лицо, но она не узнала своих детей. Она больше никогда не узнает их, пока они снова не встретятся на Небесах.

Прежде чем наступило утро, все было кончено.

Позднее Маргарет пришла в себя от дрожи и отчаяния и стала стойким ангелом утешения для своего брата и отца. Фредерик потерял самообладание — все его теории были теперь бесполезны. Он плакал так сильно, закрывшись один в своей маленькой комнате на ночь, что Маргарет и Диксон спустились вниз в ужасе предупредить его, чтобы он вел себя потише. В доме были тонкие перегородки, и соседи рядом могли услышать его сильные, отчаянные рыдания, так отличающиеся от медленной трепетной муки людей, привычных к скорби, которые не осмеливаются восстать против безжалостной судьбы, зная, кто определяет ее.

Маргарет вместе с отцом сидела в комнате покойной. Если бы мистер Хейл плакал, она была бы рада. Но он сидел у кровати очень тихо, и только время от времени открывал лицо жены и нежно его гладил, издавая какие-то невнятные звуки, похожие на те, что издает самка животного, лаская своего детеныша. Он не замечал присутствия Маргарет. Один или два раза она подходила поцеловать его, и он принимал ее поцелуи, а потом легко отталкивал ее, как будто ее нежность нарушала его единение с покойной женой. Он вздрогнул, когда услышал плач Фредерика, и потряс головой:

- Бедный мальчик! Бедный мальчик! — сказал он, больше не обращая на него внимания.

Сердце Маргарет разрывалось от горя. Думая об отце, она не могла думать о своей собственной потере. Ночь подходила к концу, уже начинался новый день, когда неожиданно тишину в комнате нарушил голос Маргарет, такой чистый, что она сама вздрогнула от этого звука:

- Да не смущается сердце ваше,[30] — было сказано.

И она тихо, но внятно прочитала всю главу, полную невыразимого утешения.

Глава XXXI

Должно ли быть забыто старое знакомство?

«Покажи не эту манеру и не эти черты,

А падение грешника и хитрость змеи»

Джордж Крэбб «Жизнь Блэнли»

Наступило холодное, промозглое октябрьское утро. Не деревенское утро с мягкой серебристой дымкой, исчезающей прежде, чем солнечные лучи подчеркнут всю величественную красоту природы, а октябрьское утро в Милтоне, где вместо серебристой дымки царил тяжелый туман, где солнце едва освещало длинные и темные улицы, лишь временами проглядывая сквозь густые облака. Маргарет вяло бродила по дому, помогая Диксон по хозяйству. Слезы застилали ей глаза, но у нее не было времени дать волю слезам. Отец и брат зависели от нее; пока они предавались отчаянию, она должна работать, планировать, думать. Все приготовления к похоронам легли на ее плечи.

Когда огонь в камине разгорелся и весело затрещал, когда все было готово к завтраку, и чайник завел свою песню, Маргарет еще раз окинула взглядом комнату, прежде чем позвать мистера Хейла и Фредерика. Ей

хотелось, чтобы все выглядело по возможности приветливо и уютно. И все же контраст между привычно накрытым столом, весело пляшущим в камине огнем и ее собственными тоскливыми мыслями был таким разительным, что она разрыдалась. Маргарет стояла на коленях возле дивана, пряча лицо в подушках, чтобы никто не мог услышать ее плач, когда Диксон тронула ее за плечо.

- Успокойтесь, мисс Хейл, успокойтесь, дорогая! Вы не должны сдаваться, иначе что с нами будет? В доме нет другого человека, способного распоряжаться, а так много всего нужно сделать. Кто устроит похороны, кто придет на них, где они будут — все должно быть улажено. Мастер Фредерик вне себя от горя, а хозяин никогда ничего не мог уладить. Бедный джентльмен, он сейчас ходит, будто потерянный. Это очень плохо, моя дорогая, я знаю. Но смерть приходит к нам всем, и до сих пор вам не приходилось терять никого из друзей.

Возможно, так. Но эта утрата казалась просто огромной. Ее нельзя было сравнить ни с чем другим на свете. Маргарет не получила утешения от слов Диксон, но необычная нежность суровой старой служанки тронула ее сердце. И, больше желая показать свою признательность за эти слова, нежели по другой причине, Маргарет поднялась, улыбнулась в ответ на тревожный взгляд Диксон и пошла сказать отцу и брату, что завтрак уже готов.

Мистер Хейл вошел, будто во сне, бессознательно двигаясь, словно лунатик, чей взгляд и ум воспринимают вещи, далекие от настоящего. Фредерик вошел оживленно, с напускной веселостью, схватил руку сестры, взглянул ей в глаза и расплакался. Она старалась болтать о пустяках, поддерживая разговор за завтраком, чтобы помешать мыслям ее собеседников возвращаться к последней совместной трапезе, когда они в напряжении прислушивались к каждому звуку или шороху, доносящемуся из комнаты больной.

После завтрака Маргарет решила поговорить с отцом о похоронах. Он кивал головой, соглашаясь со всем, что она предлагала, хотя многие из ее предложений противоречили друг другу. Маргарет не добилась от него определенного решения и медленно выходила из комнаты, чтобы посоветоваться с Диксон, когда мистер Хейл произнес ей вслед.

- Попроси мистера Белла, — сказал он глухим голосом.

- Мистера Белла?! — удивилась она. — Мистера Белла из Оксфорда?

- Мистера Белла, — повторил он. — Да. Он был моим шафером.

Маргарет поняла, чем объяснялось подобное решение отца.

- Я напишу ему сегодня же, — ответила она. Он опять погрузился в молчание.

Все утро Маргарет тяжело трудилась, желая отдохнуть от постоянной суеты скорбных дел. Ближе к вечеру Диксон сказала ей:

- Я сделала это, мисс. Я очень боялась за хозяина, что он помешался от горя. Он весь день просидел с бедной миссис, и когда я подслушала у двери, я услышала, что он без конца с ней разговаривает, будто она живая. Когда я вошла, он сидел довольно спокойный, но потупился. Поэтому я подумала про себя, что, должно быть, напугала его. И если сначала это потрясет его, то потом пойдет ему на пользу. Я сказала ему, что думаю, что для мастера Фредерика небезопасно находиться здесь. И я так считаю. Во вторник на улице я встретила человека из Саутгемптона, впервые с тех пор, как мы приехали в Милтон. Думаю, немногие из них сюда приезжают. Вот, это был молодой Леонардс — сын старого торговца тканями Леонардса — самый большой бездельник на свете. Он довел отца почти до смерти, а сам сбежал за море. Я никогда не выносила его. Он был на «Орионе» в то же самое время, что и мастер Фредерик, я знаю. Хотя я не помню, был ли он там во время мятежа.

- Он узнал тебя? — спросила Маргарет пылко.

- И это самое худшее. Не думаю, что он узнал бы меня, если бы я, как последняя дура, не назвала его по имени. Понимаете, он из Саутгемптона и оказался в незнакомом месте, иначе я никогда бы не назвала земляком такого отвратительного, никчемного парня. Он сказал: «Мисс Диксон! Кто бы мог подумать, что я встречу вас здесь? Но возможно, я ошибаюсь, и вы больше не мисс Диксон?» Я сказала, что он может обращаться ко мне как к незамужней леди, хотя если бы я не была такой разборчивой, я бы уже вышла замуж. Он был достаточно вежлив со мной и говорил, что «он-де не мог поверить, что встретил меня». Но такой парень не обведет меня вокруг пальца, так я ему и сказала. И в отместку я спросила о его отце, будто они были лучшими друзьями, — я-то знала, что он выгнал его из дома. Потом, чтобы досадить мне — видите, мы стали грубить, хоть и оставались вежливыми друг с другом, — он начал спрашивать о мастере Фредерике и рассказал, в какую неприятность тот попал, и как его повесят за участие в мятеже, если поймают, и как обещали награду в сто фунтов за его поимку, и какое бесчестье он принес своей семье — и все это, чтобы досадить мне, понимаете, моя дорогая, потому что когда-то я помогла старому мистеру Леонардсу задать Джорджу хорошую трепку, еще в Саутгемптоне. Как будто неприятности мастера Фредерика когда-нибудь отмоют Джорджа Леонардса добела

или он перестанет быть отвратительным, грязным мерзавцем! Поэтому я ответила ему, что другие семьи были бы рады, если бы считали, что честно зарабатывают на жизнь, поскольку я знала тех, у которых были причины краснеть за своих сыновей и выгнать их из дома. Но этот нахал мне ответил, что он находится в секретном положении, и если я знаю какого-нибудь молодого человека, который к своему несчастью поступил дурно, а потом захотел исправиться, он не возражал бы взять его под свое покровительство. Да кто он такой! Взял и разбередил рану. Я давно так плохо себя не чувствовала, как в тот день, пока стояла и разговаривала с ним. Я могла расплакаться от досады, что мне не удалось больше досадить ему. А он продолжал улыбаться мне в лицо, как будто принял все мои любезности за чистую монету. И я не могла понять, что он думает о том, что я сказала, потому что была уж слишком зла от его речей.

- Но ты ничего не сказала ему о нас... о Фредерике?

- Нет, — ответила Диксон. — У него не хватило ума спросить, где я остановилась. Да и я бы не сказала ему, даже если бы он спросил. Так же как и я не спросила его, какое-такое у него было важное положение. Он ждал омнибус. И когда тот подъехал, он остановил его. Но чтобы довести меня вконец, этот наглец обернулся, прежде чем встать на подножку, и сказал: «Если вы поможете мне заманить в ловушку лейтенанта Хейла, мисс Диксон, мы с вами разделим награду. Я знаю, вы бы хотели быть моим партнером, не так ли? Не робейте, скажите «да»». И он впрыгнул в омнибус, а я увидела его уродливое лицо — он смотрел на меня со злобной усмешкой и думал, что его последние слова добились меня.

Маргарет почувствовала себя очень неудобно после рассказа Диксон.

- Ты рассказала Фредерику? — спросила она.

- Нет, — ответила Диксон. — Я была очень обеспокоена тем, что Леонардс в городе. Но было еще столько всего, о чем нужно было подумать, что я не стала задумываться об этом. Но когда я увидела хозяина, сидящего в оцепенении, с таким остекленевшим и печальным взглядом, то подумала, что это встряхнет его и заставит хоть немного подумать о безопасности мастера Фредерика. Поэтому я все ему рассказала, хотя краснела, рассказывая, как молодой человек говорил со мной. Это пошло хозяину на пользу. Если нам и дальше нужно прятать мастера Фредерика, то ему, бедняге, лучше уехать, прежде чем приедет мистер Белл.

- О, я не боюсь мистера Белла. Но я боюсь этого Леонардса. Я должна рассказать Фредерику. Как выглядел Леонардс?

- Отвратительный парень, могу вас уверить, мисс. Борода такая, что я бы постыдилась ее носить — такая рыжая. И ко всему он говорил, что он на тайном положении, и был одет во фланель, как рабочий.

Было очевидно, что Фредерик должен уехать. Уехать немедленно, хотя его поддержка была нужна отцу и сестре, хотя забота о живой матери и скорбь по умершей, вновь связали его с семьей нерушимыми узами. Мистеру Хейлу будет трудно привыкнуть к этой мысли. Маргарет думала об этом, сидя у камина в гостиной, когда Фредерик быстро вошел в комнату — он выглядел по-прежнему мрачным и подавленным, но уже овладел собой и справился с приступом отчаяния. Он подошел к Маргарет и поцеловал ее в лоб.

- Какая ты бледная, Маргарет! — сказал он тихо. — Ты подумала обо всех, кроме себя. Приляг на диване, тебе нечего делать.

- Это самое худшее, — тихо сказала Маргарет. Но она все же легла, ее брат укрыл ей ноги шалью, а затем сел на пол рядом с ней.

Маргарет рассказала ему о разговоре Диксон с Леонардсом. Губы Фредерика сжались в узкую полоску.

- Хотелось бы мне разобраться с этим парнем. На борту корабля не было худшего моряка и худшего человека. Вот так... Маргарет, ты знаешь обстоятельства дела?

- Да, мама рассказывала мне.

- Вот, когда все достойные моряки были возмущены поведением капитана, этот парень был готов на все, лишь бы подлизаться... тьфу! И подумать только, он здесь! О, если бы он узнал, что я нахожусь в двадцати милях от него, он бы разыскал меня, чтобы отомстить за свои старые обиды. Я бы предпочел, чтобы кто-то другой, а не этот мошенник, получил эту сотню фунтов, в которую меня оценили. Как жаль, что бедную старую Диксон нельзя убедить выдать меня и получить обеспечение на старость.

- О, Фредерик, замолчи! Не говори так!

Мистер Хейл подошел к ним, дрожа от напряжения. Он подслушал, о чем они разговаривали. Мистер Хейл взял Фредерика за руку:

- Мой мальчик, ты должен ехать. Это очень плохо, но я понимаю, ты должен. Ты сделал все, что мог — ты успокоил ее.

- О, папа, разве он должен уехать? — спросила Маргарет, хоть и была сама убеждена, что это необходимо.

- Я заявляю, что твердо намерен взглянуть в лицо испытанию и выдержать его. Если бы я мог только найти доказательства! Я не могу вынести мысли, что нахожусь во власти такого мерзавца, как Леонардс. Я бы почти обрадовался... при других обстоятельствах... этот визит украдкой — в нем было свое очарование, то, которое француженка приписывала запретным удовольствиям.

- Одно из самых ранних моих воспоминаний, Фред, — сказала Маргарет, — то, как ты попался на краже яблок. У нас было много своих яблок — деревья ломались от них. Но кто-то сказал тебе, что украденные фрукты вкуснее, ты воспринял эти слова *au pied de la lettre*[31] и отправился красть. С тех пор ты не изменился.

- Да, ты должен ехать, — повторил мистер Хейл, отвечая на вопрос Маргарет. Его мысли были сосредоточены только на этом, и ему было трудно уследить за ходом разговора детей — он и не пытался.

Маргарет и Фредерик посмотрели друг на друга. Это мгновенное понимание между ними исчезнет, если он уедет. В глазах было столько понимания, что слова были не нужны. Оба думали об одном и том же, пока уныние не овладело ими. Фредерик первый стряхнул его:

- Ты знаешь, Маргарет, сегодня днем я напугался сам и напугал Диксон. Я был у себя в комнате, когда услышал звонок в дверь, но подумал, что звонивший завершил свое дело и давно ушел. Поэтому я уже собирался выйти в коридор и открыл дверь комнаты, когда увидел Диксон, спускавшуюся вниз; она нахмурилась и втокнула меня обратно в комнату. Я оставил дверь открытой и услышал, как она передала сообщение какому-то человеку, который находился в кабинете моего отца, и который потом ушел. Кто это мог быть? Кто-то из продавцов?

- Очень похоже, — равнодушно ответила Маргарет. — Это был маленький тихий человек, — он пришел за заказами около двух часов.

- Но это был не маленький человек, а большой, сильный мужчина, и он приходил после четырех.

- Это был мистер Торнтон, — сказал мистер Хейл.

Брат и сестра были рады, что им удалось вовлечь отца в разговор.

- Мистер Торнтон?! — удивилась Маргарет. — Я думала...

- Ну, маленькая, что ты думала? — спросил Фредерик, поскольку она не закончила предложение.

- О, только, — ответила она, покраснев и посмотрев на брата. — Я подумала, что ты имел в виду кого-то из другого класса, не джентльмена. Что кто-то пришел по поручению.

- Он выглядел как один из их класса, — небрежно ответил Фредерик. — Я принял его за продавца, а он, оказывается, промышленник.

Маргарет молчала. Она вспомнила, как вначале, прежде чем узнала характер мистера Торнтона, она говорила и думала о нем так же, как Фредерик. Не было ничего странного в том, что он произвел такое впечатление на ее брата, но все же она была немного обеспокоена этим. Ей хотелось дать понять Фредерику, что за человек мистер Торнтон, но она лишилась дара речи.

Мистер Хейл продолжил:

- Думаю, он приходил предложить любую помощь, что в его силах. Но я не смог встретиться с ним. Я попросил Диксон спросить его, не захочет ли он увидиться с тобой... Мне кажется, я попросил ее найти тебя, чтобы ты вышла к нему. Я не знаю, что я говорил.

- Он очень приятный знакомый, не так ли? — спросил Фредерик, бросая свой вопрос словно мяч, тому кто поймает.

- Он очень хороший друг, — ответила Маргарет, раз мистер Хейл молчал.

Фредерик помолчал какое-то время. Наконец он произнес:

- Маргарет, мне больно думать, что я никогда не смогу отблагодарить тех, кто был добр к вам. Ваши и мои знакомые не знают друг друга. Если мне удастся избежать военно-полевого суда, или если ты и папа приедете ко мне в Испанию, — он высказал свое последнее предположение наудачу, а потом вдруг решительно заговорил. — Вы не представляете, как бы мне хотелось, чтобы вы приехали. Там у меня хорошее положение... и я надеюсь, что оно будет еще лучше, — продолжил он, краснея как девушка. — Та Долорес Барбур, о которой я тебе рассказывал, Маргарет... мне бы хотелось, чтобы ты лучше узнала ее. Я уверен, она бы тебе понравилась, нет, ты бы полюбила ее — это правильное слово, понравилась — слишком бедное... ты бы полюбил ее, отец, если бы узнал ее. Ей нет восемнадцати. Но если она не передумает через год, то станет моей женой. Мистер Барбур не разрешает нам назвать это помолвкой. Но если бы вы приехали, то везде нашли бы друзей. Подумай об этом, папа. Маргарет, поддержи меня.

- Нет, с меня достаточно переездов, — сказал мистер Хейл. — Один переезд стоил мне жизни жены. В этой жизни больше не будет переездов. Она будет здесь, и здесь останусь и я до назначенного мне срока.

- О, Фредерик, — сказала Маргарет, — расскажи нам о ней еще. Я никогда не думала об этом, но я так рада. С тобой рядом будет тот, кто будет тебя любить и заботиться о тебе там. Расскажи нам о ней.

- Первым делом, она — католичка. Это единственное возражение, которое я предвижу. Но изменившееся мнение моего отца... нет, Маргарет, не вздыхай.

У Маргарет появилась другая причина вздыхать прежде, чем закончился разговор. Возможно, Фредерик сам был католиком, хотя еще и не сменил вероисповедания. Это была та самая причина, почему его сочувствие ее чрезмерному горю из-за того, что отец оставил церковь, было едва выражено в письмах. Она думала, что это была опрометчивость моряка, но правда состояла в том, что он сам удалился от той религии, в которой был крещен, — только его убеждения шли вразрез с убеждениями отца. О причинах, которые заставили его решиться на эту перемену, даже сам Фредерик не мог рассказать. Маргарет не решилась разговаривать на эту тему и снова заговорила о помолвке и приготовлениях к ней:

- Но ради нее, Фред, ты непременно попытаешься очистить себя от непомерных обвинений, выдвинутых против тебя, даже если обвинение в мятеже было справедливым. Если бы был военно-полевой суд, и ты бы смог найти свидетелей, ты мог бы, во всяком случае, рассказать, что твое неподчинение власти было вызвано несправедливым применением этой власти.

Мистер Хейл поднялся, чтобы послушать ответ сына.

- Во-первых, Маргарет, кто разыщет моих свидетелей? Все они — моряки, призванные на другие корабли, кроме тех, чьему свидетельству никто бы не поверил, поскольку они сами или принимали участие или сочувствовали мятежу. Во-вторых, позволь мне рассказать тебе, ты не знаешь, что такое военно-полевой суд и считаешь, что это собрание, где руководит справедливость, а на самом деле это суд, где авторитет значит в десять раз больше, чем показания свидетелей. В таких случаях сам свидетель вряд ли избежит давления.

- Значит, не стоит и пытаться выяснить, сколько свидетельств можно найти и выставить от твоего лица? Сейчас все те, кто знал тебя в прошлом, верят в твою вину без тени сомнения. Ты никогда не пытался оправдаться, и мы никогда не знали, где искать доказательства твоего оправдания. Теперь, ради мисс Барбур, очисти себя в глазах света. Ее может не волновать это — я уверена, что она верит в тебя так же, как и все мы. Но ты не должен позволить ей породниться с тем, кто находится под таким серьезным обвинением, не доказав всем, как обстоит дело. Ты не подчинился власти, это очень плохо. Но стоять рядом, безмолвствуя и бездействуя, когда властью так жестоко пользуются, было бы намного хуже. Люди знают, как ты поступил, но не знают мотивов, не знают, что ты отважно защищал слабых. Ради Долорес они должны знать.

- Но как я могу заставить их узнать? Я не уверен в непорочности и справедливости тех, кто будет моими судьями. Я не могу разослать повсюду глашатаев, чтобы они выкрикивали мое имя на улицах и превозносили мой героизм. Никто не прочтает брошюру, посвященную самооправданию, спустя столько лет после поступка, даже если я ее выпущу.

- Ты посоветуешься с юристом о своих шансах на оправдание? — спросила Маргарет, взглянув на брата и сильно покраснев.

- Сначала мне нужно найти моего адвоката и взглянуть на него, и узнать, понравился ли я ему, прежде чем делать его своим наперсником. Многие не имеющие практики адвокаты могут обмануть свою совесть, решив, что легко заработают сотню фунтов, сделав доброе дело — сдав меня, преступника, в руки правосудия.

- Глупости, Фредерик! Потому что я знаю юриста, на чью честность можно положиться, чей талант в юриспруденции люди очень высоко оценивают. И который, я думаю, очень постарался бы для любого из... из родственников тети Шоу. Это мистер Генри Леннокс, папа.

- Я думаю, это хорошая мысль, — сказал мистер Хейл. — Но не предлагай ничего, что задержит Фредерика в Англии. Ради твоей матери.

- Ты можешь поехать в Лондон завтра ночным поездом, — продолжила Маргарет, вдохновленная своим планом. — Боюсь, он должен ехать завтра, папа, — сказала она нежно, — мы решили так из-за мистера Белла и неприятного знакомого Диксон.

- Да, я должен ехать завтра, — решительно произнес Фредерик.

Мистер Хейл застонал.

- Я не вынесу расставания с тобой, и все же я не нахожу места от беспокойства, что ты здесь долго задержался.

- Ну, тогда, — сказала Маргарет, — послушайте мой план. Он приедет в Лондон в пятницу утром. Я... ты бы мог... нет! Лучше я напишу записку для мистера Леннокса. Ты найдешь его в конторе в Темпле.

- Я составлю список всех моряков с борта «Ориона», которых вспомню. Я мог бы оставить список у него,

чтобы он разыскал их. Он брат мужа Эдит, верно? Я помню, что ты упоминала о нем в своих письмах. У меня есть деньги у Барбура. Я могу оплатить довольно большой счет, если есть хоть какой-то шанс на успех. Деньги, дорогой отец, которые я предназначил для разных целей. Поэтому я только одолжу их у тебя и Маргарет.

- Не делай этого, — сказала Маргарет. — Ты не будешь рисковать своими деньгами. Эта поездка опасна, но попытаться стоит. Ты можешь отплыть из Лондона так же, как и из Ливерпуля?

- Конечно, гусенок. Когда я слышу, как вода шумит под обшивкой корабля, тогда я чувствую себя дома. Я применю кое-какую хитрость, чтобы уехать. Ничего не бойся! Я пробуду в Лондоне меньше суток, вдали от тебя с одной стороны, и от кого-то еще — с другой.

Маргарет чувствовала себя спокойней, когда Фредерик заглядывал ей через плечо, пока она писала мистеру Ленноксу. Если бы ей не пришлось писать кратко и быстро, она бы сомневалась в каждом слове и задумывалась над выбором выражений, испытывала бы неловкость оттого, что она первая возобновила общение, которое их последняя встреча сделала таким неприятным для обеих сторон. Как бы то ни было, записку у нее забрали прежде, чем она успела просмотреть ее, и спрятали в записную книжку. Из книжки выпал длинный локон черных волос, и глаза Фредерика засветились от радости.

- Тебе бы хотелось посмотреть его, правда? — спросил он. — Нет! Ты должна подождать пока сама не увидишь ее. Она слишком красивая, чтобы ее узнавали по частям. Нельзя по одному кирпичу судить о красоте моего дворца.

Глава XXXII

Неудача

«Что ж! Оставайся

Обвиненным, скованным цепями».

Вернер

Весь следующий день они провели втроем. Мистер Хейл едва мог говорить, но, задавая ему вопросы, дети возвращали его к действительности. Фредерик ничем не выказывал своей печали. Первый приступ отчаяния прошел, и теперь юноша стыдился, что поддался эмоциям. И хотя его скорбь о потере матери была очень сильной — ее бы хватило на всю его жизнь — он больше не говорил об этом. Маргарет наконец смогла дать волю своему горю. Она много плакала, и в ее голосе, даже когда она говорила о пустяках, слышалась печаль, которая усиливалась, когда Маргарет думала о скором отъезде Фредерика. Девушка понимала, что так будет лучше для всех, и прежде всего для отца. Мистеру Хейлу не давала покоя мысль о том, что будет, если Фредерика обнаружат и схватят. После смерти миссис Хейл его нервозность усилилась — он непрестанно пребывал в страхе. Он вздрагивал при каждом необычном звуке и чувствовал себя неуютно за исключением тех моментов, когда Фредерик скрывался в своей комнате. Ближе к вечеру мистер Хейл сказал:

- Ты пойдешь на станцию с Фредериком, Маргарет? Я бы хотел знать, что он благополучно уехал. Во всяком случае, ты принесешь мне весть, что он уехал из Милтона?

- Конечно, — ответила Маргарет. — Я бы хотела проводить его, если тебе не будет без меня одиноко, папа.

- Нет, нет! Мне будет казаться, что кто-то узнал его, и что его схватили, пока ты не скажешь мне, что он уехал. Идите на станцию Аутвуд. Это близко, и там не так много людей. Возьмите кэб. Так меньше риска, что вас увидят. Когда твой поезд, Фред?

- В десять минут седьмого, будет почти темно. Как ты вернешься домой, Маргарет?

- О, я справлюсь. Я становлюсь очень храброй и выносливой. Дорога до дома хорошо освещена. На прошлой неделе я выходила намного позже.

Мистер Хейл вместе с сыном вошел в комнату, где лежало тело миссис Хейл. Маргарет была рада, когда прощание закончилось — прощание с мертвой матерью и живым отцом. Она поторапливала Фредерика, чтобы не мучить отца. Отчасти из-за этого, отчасти из-за ошибок в «Железнодорожном путеводителе», Маргарет и Фредерик, прибыв на станцию Аутвуд, выяснили, что у них есть еще почти двадцать минут в запасе. Касса была закрыта — поэтому они не могли взять билет. Брат с сестрой спустились по лестнице, ведущей к площадке,

расположенной ниже железнодорожных путей. Неподалеку от проселочной дороги простиралось поле, которое пересекала широкая гравийная дорожка. Они прогуливались по ней взад и вперед.

Рука Маргарет покоилась на руке Фредерика. Он нежно ее пожал.

- Маргарет! Я посоветуюсь с мистером Ленноксом, есть ли у меня шанс оправдаться, чтобы я мог вернуться в Англию, когда захочу. Я сделаю это ради тебя. В первую очередь ради тебя. Мне невыносимо думать, что ты окажешься одна, если что-то случится с отцом. Он очень изменился — он ужасно потрясен. Мне бы хотелось, чтобы ты заставила его подумать о поездке в Кадис. Что ты будешь делать, если он умрет? У тебя здесь нет друзей. У нас на удивление мало родственников.

Маргарет едва сдерживалась, чтобы не заплакать от его нежного заботливого тона. Фредерик говорил ей о событии, которое она сама не считала таким уж невероятным, — так сильно испытания последних месяцев повлияли на мистера Хейла. Но она постаралась овладеть собой и ответила брату:

- За последние два года в моей жизни произошло так много странных и неожиданных перемен, что я давно уже не пытаюсь загадывать наперед. Я стараюсь думать только о настоящем.

Она замолчала. Они остановились на краю поля у перелаза, ведущего на дорогу. Садившееся солнце светило им в лицо. Фредерик держал сестру за руку и вглядывался с тоскливым беспокойством в ее глаза, читая в них больше забот и тревоги, чем она выражала словами.

Маргарет продолжила:

- Мы будем часто писать друг другу; я обещаю писать тебе обо всех своих тревогах, я знаю, тебе так будет спокойнее. Папа... — она чуть заметно запнулась, но Фредерик почувствовал внезапную дрожь ее руки и повернулся лицом к дороге, по которой медленно ехал всадник. Когда он проезжал мимо перелаза, Маргарет поклонилась, — на ее поклон сухо ответили.

- Кто это? — спросил Фредерик, хотя всадник все еще мог его слышать. Маргарет выглядела подавленной; отвечая брату, она покраснела:

- Мистер Торнтон. Ты уже видел его раньше.

- Только со спины. Он — неприятный мужчина. Какой у него сердитый взгляд!

- Что-то, должно быть, рассердило его, — ответила Маргарет сконфуженно. — Ты бы никогда не посчитал его неприятным, если бы увидел, как он разговаривал с мамой.

- Я думаю, что пора идти и купить билет. Если бы я знал, что будет так темно, мы бы не отослали кэб, Маргарет.

- О, не беспокойся об этом. Если я захочу, я смогу взять кэб здесь или вернусь к железнодорожным путям, — на всем пути до дома от станции будут магазины, люди и фонари. Не думай обо мне, береги себя. Мне плохо от мысли, что Леонардс может оказаться в том же самом поезде. Посмотри хорошо в вагоне, прежде чем садиться.

Они вернулись на станцию. Маргарет сама вошла внутрь, где ярко горел газовый фонарь, и купила билет. Несколько человек празднично прогуливались в зале. Один из них уставился на Маргарет с откровенным восхищением и без тени стеснения. Она ответила ему надменным взглядом и поспешила к брату, который ждал ее снаружи.

- Ты взял свой саквояж? Давай погуляем по платформе, — сказала она, немного волнуясь от мысли, что скоро останется одна.

Ее храбрость испарялась быстрее, чем она признавалась в этом себе. Она слышала шаги за спиной. Шаги затихали, когда Маргарет с Фредериком останавливались, смотрели на пути и прислушивались к свисту приближающегося поезда. Брат и сестра не разговаривали — их сердца были переполнены. Через мгновение поезд уже будет здесь. Еще минута — и Фредерик уедет. Маргарет почти сожалела о той настойчивости, с которой она упрашивала его уехать в Лондон. Это увеличивало опасность — его могли обнаружить. Если бы он отплыл в Испанию из Ливерпуля, он мог бы быть за границей уже через два или три часа.

Фредерик повернулся лицом к фонарю, в котором яркое пламя металось от ветра. Неопрятный человек в одежде носильщика бросился к ним. Он, казалось, был зверски пьян.

- С вашего позволения, мисс! — сказал он, грубо отталкивая Маргарет в сторону и хватая Фредерика за воротник.

- Ваше имя Хейл, я полагаю?

Через секунду — Маргарет не видела как, поскольку все плыло перед глазами — каким-то ловким приемом Фредерик оттолкнул своего противника, и тот упал с платформы, возвышающейся над землей на три-четыре фута, в сторону путей. Там он и остался лежать.

- Беги, беги! — задыхаясь, произнесла Маргарет. — Поезд уже здесь. Это был Леонардс, да? Беги же! Я

понесу твой саквояж, — она рукой толкнула его изо всех сил.

Дверь вагона была открыта, — Фредерик запрыгнул туда. А потом наклонился и сказал:

- Да благословит тебя бог, Маргарет!

Поезд тронулся, а она осталась стоять в одиночестве. Она была настолько подавлена и слаба, что ей едва хватило сил зайти в дамскую комнату и немного посидеть там. Все произошло так быстро, и сейчас она была в ужасном смятении. Если бы поезд не подошел вовремя, тот человек снова бы запрыгнул на платформу, позвал на помощь, и Фредерика наверняка арестовали бы. Ей хотелось знать, поднялся ли тот человек. Она попыталась вспомнить, видела ли она, как он пошевелился. Она раздумывала, мог ли он быть серьезно ранен.

Наконец Маргарет отважилась выйти. Платформа была еще освещена, но уже почти пустынна. Она подошла к краю и глянула вниз почти со страхом. Там никого не было, и она обрадовалась, что заставила себя пойти и проверить, иначе ужасные мысли преследовали бы ее во сне. И все равно она была напугана и взволнована, и поняла, что не может идти домой вдоль дороги, которая выглядела сейчас такой темной и пустынной. Она подождет, пока подойдет поезд из Лондона и сядет на него. Но что, если Леонардс запомнил ее как спутницу Фредерика?! Маргарет огляделась, прежде чем рискнуть пойти в кассу и взять билет. Там стояли несколько служащих и громко разговаривали между собой.

- Леонардс снова напился! — сказал один, похоже главный. — Ему понадобится все его хваленое влияние, чтобы сохранить за собой это место на этот раз.

- Где он? — спросил другой, пока Маргарет спиной к ним пересчитывала сдачу дрожащими пальцами, не смея повернуться, пока не услышит ответ.

- Не знаю. Он пришел не более пяти минут назад, долго рассказывал о своем падении, ужасно ругался. Он хотел одолжить немного денег у меня, чтобы поехать в Лондон на следующем поезде. Он надавал кучу обещаний, но я не слушал его. Я велел ему идти и заниматься своим делом, и он вышел через переднюю дверь.

- Он в ближайшем кабаке, клянусь! — произнес первый говоривший. — Твои деньги тоже окажутся там, если ты был таким дураком и одолжил ему.

- Ни за что! Я знаю, что означает его Лондон. Он никогда не вернет мне эти пять шиллингов...

Теперь Маргарет с нетерпением ожидала прибытия поезда. Она снова спряталась в дамской комнате, ей казалось, что каждый шорох — это шаги Леонардса, что каждый громкий и возбужденный голос — его. Но никто не подходил к ней, пока не пришел поезд. Носильщик проводил ее к вагону, а она не осмеливалась посмотреть ему в лицо, пока они шли, и лишь потом увидела, что это был не Леонардс.

Глава XXXIII

Покой

«Пусть не тревожась, спит она,
Хотя постель и холодна!
Прощай и жди минуты той,
Когда приду я за тобой».
Генри Кинг «Траурная элегия»
Пер. В.В. Лунина

Дома было непривычно тихо. Мистер Хейл позаботился, чтобы по возвращении Маргарет смогла подкрепить свои силы, а потом, сев в свое любимое кресло, погрузился в печальные, тревожные мысли. Диксон бранила и наставляла Мэри Хиггинс на кухне. Ее брань не стала менее выразительной из-за того, что Диксон пришлось перейти на сердитый шепот. Если бы она говорила громко, то проявила бы неуважение к покойной. Маргарет решила не рассказывать отцу о последнем ужасном событии. Было бесполезно говорить об этом, раз все закончилось хорошо. Единственное, чего она опасалась, что Леонардс сможет одолжить достаточно денег и последовать за Фредериком в Лондон. Но вероятность этого была ничтожно мала, и Маргарет решила не мучить себя, думая о том, что не в ее силах было предотвратить. Фредерик будет очень осторожен, как она и советовала ему. А через день или два, самое большее, он окажется в безопасности за пределами Англии. А сейчас она

должна поддержать отца.

- Полагаю, завтра мы получим письмо от мистера Белла, — сказала Маргарет.

- Да, - согласился мистер Хейл, - я тоже так думаю.

- Если он сможет приехать, то будет здесь уже завтра вечером.

- А если он не сможет приехать, я попрошу мистера Торнтон пойти со мной на похороны. Я не могу идти один. Я полностью разбит.

- Не проси мистера Торнтон, папа. Позволь мне пойти с тобой, - сказала Маргарет.

- Ты?! Моя дорогая, женщины обычно не ходят на похороны.

- Нет, потому что они не могут сохранять самообладание. Женщины нашего класса не ходят, потому что они не имеют власти над своими чувствами, и еще они стыдятся показывать их. Бедные женщины ходят на похороны, и их не заботит то, что все видят, как они потрясены горем. Но я обещаю тебе, папа, что если ты позволишь мне пойти, со мной не будет хлопот. Не приглашай чужого человека и не пренебрегай мною. Дорогой папа! Если мистер Белл не сможет приехать, я пойду с тобой. Я не буду настаивать на своем желании против твоей воли, если он приедет.

Мистер Белл не смог приехать. У него была подагра. Но он прислал очень трогательное письмо и выразил огромное и искреннее сожаление, что не сможет быть на похоронах. Он надеялся вскоре навестить своих друзей, если они смогут принять его. За его собственностью в Милтоне требуется присмотр, — его агент написал ему, что его присутствие здесь необходимо. Мистер Белл очень долго уклонялся от приезда в Милтон, но надежда на встречу со старым другом примиряет его с необходимостью этого визита.

Маргарет с большим трудом уговорила отца не приглашать мистера Торнтон. Она смутно противилась этому. В ночь перед похоронами пришла сдержанная, но вежливая записка для мисс Хейл, в которой миссис Торнтон сообщала, что по просьбе ее сына они пришлют свой экипаж на похороны, если мистер и мисс Хейл не будут возражать. Маргарет показала записку отцу.

- О, давай не будем соблюдать все эти формальности, - сказала она. - Давай пойдем одни - только ты и я, папа. Они не любят нас, иначе он сам пришел бы на похороны, а не обещал прислать пустой экипаж.

- Мне кажется, Маргарет, тебе совсем не хочется, чтобы мистер Торнтон приходил, - удивленно заметил мистер Хейл.

- Так и есть. Я совсем не хочу, чтобы он приходил. И особенно мне не нравится, что мы просим его. Его поступок кажется мне насмешкой над горем, такого я не ожидала от него, - Маргарет расплакалась так безутешно, что напугала отца. Она была такой сдержанной в своем горе, так много думала о других, была такой нежной и терпеливой во всем, но сегодня вечером он не мог понять ее раздражения. Все попытки мистера Хейла утешить дочь лишь заставляли ее плакать еще горше.

Маргарет провела бессонную ночь, а утром ей добавило тревог письмо Фредерика. Мистера Леннокса не было в городе, — его клерк сказал, что он вернется не раньше следующего понедельника или вторника. Поэтому Фредерик решил задержаться в Лондоне еще на день или два. Он подумывал снова вернуться в Милтон - искушение было очень сильным — но мысль о присутствии мистера Белла в доме отца и неприятный случай в Аутвуде заставили его остаться в Лондоне. Маргарет может быть уверена, что он примет все меры предосторожности, чтобы Леонардс не обнаружил его. Маргарет была рада, что получила это письмо, когда отец находился в комнате матери. Если бы он узнал эту новость, он захотел бы, чтобы она прочла ему письмо, а это встревожило бы его еще больше, а Маргарет не знала, как его успокоить. Фредерик не просто сообщал, что задержится в Лондоне, но и вспоминал о происшествии на железнодорожной станции, отчего кровь застыла у Маргарет в жилах. Как такие новости повлияли бы на отца? Много раз Маргарет раскаивалась в том, что предложила Фредерику встретиться с мистером Ленноксом. В тот момент ей казалось, что Фредерику придется задержаться в Англии совсем ненадолго. Теперь она понимала, насколько это безрассудно. Маргарет горько сожалела о сказанном и упрекала себя. Однако сейчас она ничем не могла помочь брату, зато могла позаботиться о том, чтобы отец ничего не узнал. Он был слишком подавлен и телесно, и духовно, чтобы справиться с новым переживанием. И Маргарет собралась с силами, чтобы поддержать отца. Мистер Хейл, казалось, забыл, что этим утром они ожидают письмо от Фредерика. Он был поглощен только одной мыслью, — что скоро навсегда расстанется с дорогой его сердцу покойницей. Когда гробовщик повязывал ему траурную повязку, мистер Хейл дрожал всем телом и с тоской смотрел на дочь, а потом подошел к ней, шатаясь и бормоча:

- Молись за меня, Маргарет. У меня больше нет сил. Я не могу молиться. Я оставляю ее, потому что должен. Я пытаюсь выдержать это, я в самом деле пытаюсь. Я знаю, что это воля Бога. Но я не могу понять, почему она

умерла. Молись за меня, Маргарет, тогда и у меня будет вера, чтобы молиться. Это большое горе, дитя мое.

Маргарет села рядом с ним в экипаж, поддерживая его руками и повторяя все величественные слова святого утешения и строки Писания, выражающие стойкое смирение. Она приложила все усилия, чтобы ее голос ни разу не дрогнул. Губы отца двигались в такт ее губам, повторяли хорошо знакомые слова. Было ужасно видеть, как мистер Хейл терпеливо старается обрести смирение, которое он не мог принять сердцем.

Стойкость почти покинула Маргарет, когда Диксон легким движением руки обратила ее внимание на Николаса Хиггинса и его дочь, стоящих немного в стороне, но внимательно следящих за церемонией. Николай был одет в свою обычную рабочую одежду, но вокруг его шляпы был повязан кусочек черной материи - знак траура, который он никогда не надевал в память о своей дочери Бесси. Но мистер Хейл не видел ничего. Он продолжал механически повторять про себя похоронную церемонию, как будто сам читал ее как действующий священник. Он вздохнул два или три раза, когда все закончилось, а потом тяжело оперся на руку Маргарет, как будто он был слепым, а она - его верным проводником.

Диксон громко рыдала. Она закрыла лицо платком и была так поглощена своим горем, что не заметила, как толпа, привлеченная таким событием, рассеялась. Вдруг с безутешной служанкой заговорил кто-то стоящий рядом. Это был мистер Торнтон. Он присутствовал на церемонии - стоял, наклонив голову, позади толпы людей, поэтому никто не узнал его.

- Прошу прощения, но не скажите ли вы мне, как мистер Хейл? И мисс Хейл тоже? Я бы хотел узнать, как они оба?

- Конечно, сэр. Они в порядке, насколько можно ожидать от них. Хозяин ужасно разбит. Мисс Хейл все переносит лучше, чем можно ожидать.

Мистер Торнтон был бы рад услышать, что она страдает от горя. Он находил удовольствие, думая, что его огромная любовь могла бы успокоить и утешить ее. Это чувство было больше похоже на то странное пылкое удовольствие, от которого щемит сердце матери, когда ее упавшее духом дитя прижимается к ней и во всем полагается на нее. Но это прекрасное, желанное, хоть и несбыточное видение было осквернено воспоминаниями о том, что он увидел возле станции Аутвуд. «Осквернено» - недостаточно сильно сказано. Мистера Торнтона преследовали воспоминания о красивом, молодом мужчине, который стоял рядом с Маргарет и нежно держал ее за руку. Эти мысли были сущей мукой, и мистер Торнтон крепко сжал кулаки, чтобы подавить свою боль. В такой поздний час, и так далеко от дома! Огромным усилием воли он смог вновь обрести веру - до сих пор незыблемую - в чистоту и непорочность Маргарет. Но как только усилие ослабло, его вера вновь стала мертвой и бессильной, и мрачные фантазии снова стали преследовать его. И теперь его опасения подтвердились! «Она все переносила лучше, чем можно было ожидать». У нее была надежда получить утешение, надежда, которая облегчила горе любящей дочери, недавно оставшейся без матери. Да! Он знал, как она могла любить. Он бы не полюбил Маргарет, если бы интуитивно не знал, как искренне и глубоко она будет любить. Ее душа наполнилась бы ярким солнечным светом, если бы мужчина был достоин силой своей любви завоевать ее ответную любовь. Даже в своей скорби она бы нашла покой, уверенная в его сочувствии. Его сочувствие! Чье? Того, другого мужчины. И воспоминания о том, другом, было достаточно, чтобы бледное и печальное лицо мистера Торнтона сильнее омрачилось, когда он услышал ответ Диксон.

- Полагаю, я могу прийти, - сказал он холодно. - К мистеру Хейлу, я имею в виду. Он, возможно, примет меня послезавтра.

Он произнес это так, будто ответ был безразличен ему. Но это было не так. Вопреки всему он желал видеть ту, которая причинила ему эту боль. Хотя временами он ненавидел Маргарет, вспоминая, как нежно и доверительно она опиралась на руку того мужчины, и поздний вечер и удаленность места, у него появлялось беспокойное желание вновь увидеть ее, он желал дышать с ней одним воздухом. Он оказался в водовороте чувства и вынужден был вращаться в нем, приближаясь к роковому центру.

- Осмелюсь сказать, сэр, хозяин примет вас. Он очень сожалел, что ему пришлось отложить ваш визит на другой день, но обстоятельства оказались неблагоприятными.

По тем или иным причинам Диксон никогда не рассказывала Маргарет, что видела мистера Торнтона на похоронах. Возможно, это была просто случайность, но именно из-за нее Маргарет никогда не узнала, что он был на похоронах ее бедной матери.

Ложь и правда

«Правда не подведет тебя никогда,
Хоть твой корабль бурей гонимый,
И мачты его в щепки разбиты,
Правда будет опорой всегда».
Неизвестный автор

Чтобы «переносить все лучше, чем можно было ожидать», Маргарет приложила невероятные усилия. Временами, когда во время оживленных разговоров с отцом внезапная мысль о том, что у нее больше нет матери, пронзала ее острой болью, и ей хотелось сдаться и оплакать свое горе. К тому же ее мучили мысли о Фредерике. С воскресной почтой пришли только письма из Лондона. Во вторник Маргарет была удивлена и подавлена, поскольку до сих пор не получила писем от брата. Она ничего не знала о его планах, а отец мучился от неопределенности. Из-за беспокойства мистер Хейл изменил своей недавней привычке проводить полдня с дочерью, сидя в удобном кресле. Он беспрестанно ходил взад вперед по комнате, потом выходил, и Маргарет слышала, как на лестничной площадке он бесцельно то открывает, то закрывает двери спальни. Она пыталась отвлечь его, читая ему вслух, но вскоре поняла, что он не в состоянии долго слушать. Она была рада, что сохранила в тайне еще одну причину для беспокойства — их случайную встречу с Леонардсом.

Когда Маргарет услышала, что пришел мистер Торнтон, она почувствовала себя значительно лучше. Его визит отвлечет отца от ужасных мыслей.

Джон Торнтон подошел прямо к мистеру Хейлу и, взяв его за руки, молча пожал, задержав их в своих на минуту или две, в течение которых его лицо, его глаза, его взгляд выразили больше сочувствия, чем могли бы выразить слова. Потом он повернулся к Маргарет. Нет, она не выглядела «лучше, чем ожидалось». Ее величественная красота потускнела от долгого бодрствования и слез. На ее лице было выражение кроткой, терпеливой печали, но никаких явных признаков страдания. Мистер Торнтон намеревался приветствовать ее с напускной холодностью. Но все же он не смог не подойти к ней и не сказать несколько слов сочувствия таким нежным тоном, что ее глаза наполнились слезами, и она отвернулась, чтобы скрыть их. Маргарет взяла рукоделие и села, очень тихая и молчаливая. Сердце мистера Торнтона билось сильно и часто, и на время он совершенно забыл о том, что произошло возле Аутвуда. Он попытался разговаривать с мистером Хейлом. Маргарет знала, что присутствие мистера Торнтон доставляло удовольствие отцу, что его сила и решимость всегда вызывали у мистера Хейла симпатию.

Через некоторое время Диксон подошла к двери и сказала:

- Мисс Хейл, вас спрашивают.

Диксон была так взволнована, что Маргарет почувствовала недоброе. Что-то случилось с Фредом. Она не сомневалась в этом. Хорошо, что отец и мистер Торнтон были увлечены разговором.

- Что случилось, Диксон? — спросила Маргарет, прикрыв за собой дверь гостиной.

- Идите сюда, мисс, — ответила Диксон, открывая дверь комнаты, которая раньше была спальней миссис Хейл, а теперь стала комнатой Маргарет, потому что мистер Хейл отказался спать там после смерти жены.

- Ничего, мисс, — сказала Диксон, немного задохнувшись. — Пришел инспектор полиции. Он хочет повидать вас, мисс. Но смею сказать, это ни о чем не говорит.

- Он сказал...? — спросила Маргарет почти неслышно.

- Нет, мисс. Он ничего не сказал. Он только спросил, здесь ли вы живете, и может ли он поговорить с вами. Марта открыла дверь и впустила его. Она провела его в кабинет хозяина. Я сама пошла к нему, попыталась спросить, что он хочет. Но нет, мисс, он хочет поговорить с вами.

Маргарет ничего не ответила, только когда ее рука оказалась на затворе двери кабинета, она обернулась и сказала:

- Проследи, чтобы папа не спустился. С ним сейчас мистер Торнтон.

Когда Маргарет вошла, инспектор был почти покорен надменностью ее манер. На ее лице было написано негодование, но такое сдерживаемое и контролируемое, что это придавало величественности ее презрению. Не было ни удивления, ни любопытства. Она стояла и ждала, когда он объяснит причину своего визита. Но не задала ему ни одного вопроса.

- Прошу прощения, мэм, но мой долг обязывает меня задать вам несколько простых вопросов. В лазарете умер мужчина, упавший на пути на станции Аутвуд между пятью и шестью часами вечера в четверг, двадцать шестого числа этого месяца. Это падение не причинило ему серьезных повреждений, но оказалось смертельным, как говорят доктора, из-за наличия каких-то внутренних заболеваний и пристрастия этого человека к выпивке.

Ее большие, темные глаза, неотрывно смотрящие на инспектора, немного расширились. Никаких других видимых изменений он не заметил. Ее губы искривились больше обычного из-за вынужденного напряжения мускулов, но он не видел ее прежде и не мог распознать, что сейчас ее лицо против ее воли приняло выражение упрямого неповиновения. Она не побледнела и не задрожала. Она сосредоточила на нем свой взгляд. Теперь — поскольку он замолчал, чтобы продолжить, она произнесла:

- Продолжайте! — будто предложила ему рассказывать его историю.

- Предполагается, что будет произведено расследование. Есть свидетельство, подтверждающее, что удар, толчок или драка, приведшие к падению, были спровоцированы грубостью этого подвыпившего парня по отношению к молодой леди, которая прогуливалась с мужчиной, каковой и толкнул покойного с края платформы. Это заметил некто, находящийся на платформе, однако он не придавал большого значения происшествию, так как удар был не смертельным. Есть некоторые основания полагать, что этой леди были вы, и в этом случае...

- Меня там не было, — сказала Маргарет, не отводя ничего не выражающего взгляда от его лица, она смотрела на него бессознательно, словно сомнамбула.

Инспектор кивнул, но не ответил. Леди стояла перед ним, не выказывая ни единой эмоции — ни трепетного страха, ни беспокойства, ни желания прервать разговор. Сведения, которые он получил, были очень неясными. Один из носильщиков, поспешив к прибывшему поезду, видел драку в другом конце платформы между Леонардсом и джентльменом, сопровождавшим леди. Чуть позже носильщика сбил с ног бегущий, сломя голову, взбешенный и полупьяный Леонардс, который ужасно ругался и сквернословил. Носильщик больше не вспоминал об этом, пока его не разыскал инспектор, который, проводя на станции расследование происшествия, услышал от начальника станции, что молодая леди и джентльмен были там в то самое время. Леди была удивительно красива, заметил начальник станции, а помощник бакалейщика, присутствовавший там в то же самое время, пояснил, что это мисс Хейл, которая живет в Крэмптоне, ее семья покупает у них продукты. Не было уверенности, что это та же самая леди и джентльмен, но была большая вероятность. Сам Леонардс, почти обезумевший от ярости и боли, сбежал в ближайшую пивную за утешением. На его пьяные слова официанты не обратили внимания. Они, тем не менее, вспомнили, как он ругал и проклинал себя за то, что не вспомнил вовремя про электрический телеграф. Они полагали, что он отправился туда. В пути, истощенный болью или выпивкой, он лег на дорогу, где полиция нашла его и отправила в лазарет. Там он так и не пришел в сознание, хотя однажды или дважды у него случались минуты просветления, и доктор послал за ближайшим мировым судьей в надежде, что тот возьмет у умирающего показания. Но когда мировой судья пришел, Леонардс уже что-то невнятно бормотал про море, перепутав имена всех капитанов и лейтенантов с именами своих приятелей носильщиков с железнодорожной станции. И его последние слова были проклятием «корнуэльскому приему», из-за которого он стал беднее на сто фунтов. Инспектор прокрутил все это в памяти — неопределенное свидетельство, что Маргарет была на станции, и ее решительное, твердое «нет». Она стояла, ожидая его следующих слов с величайшим хладнокровием.

- Что ж, мэм, вы отрицаете, что вы — именно та леди, которая сопровождала джентльмена, ударившего или толкнувшего того беднягу, что и послужило причиной его смерти.

Быстрая острая боль пронзила Маргарет. «О, Господи! Если бы я знала, что Фредерик в безопасности!» Более внимательный знаток человеческих лиц, возможно, и заметил бы, как в ее больших темных глазах промелькнуло страдание, как у человека, загнанного в угол. Но инспектор, хотя и был проницателен, оказался не слишком наблюдательным.

- Меня там не было, — произнесла она, медленно и настойчиво. И за все это время она не закрыла глаз и не отвела своего остекленевшего, призрачного взгляда. Его поразил ответ, прозвучавший, как механическое повторение — не измененный и не соответствующий его последнему вопросу. Его подозрения вновь пробудились. Все выглядело так, будто она заставила себя сказать неправду, и была слишком ошеломлена, чтобы изменить ее.

Он неторопливо убрал свой блокнот. Потом снова взглянул на нее. Она больше не двинулась, как будто превратилась в какую-то египетскую статую.

- Надеюсь, вы не посчитаете меня дерзким, если я скажу, что, возможно, мне придется снова навестить вас.

Возможно, мне придется вызвать вас на дознание, чтобы доказать ваше алиби, если мои свидетели (на самом деле был только один свидетель, узнавший ее) будут продолжать упорствовать в своих показаниях о вашем присутствии при этом несчастном случае.

Он быстро взглянул на нее. Она оставалась совершенно спокойной — не бледности, ни тени вины на ее гордом лице. Он было подумал, что она вздрогнула, но он не знал Маргарет Хейл. Он был немного смущен ее величественным хладнокровием. Должно быть, произошла ошибка. Он продолжил:

- Очень маловероятно, мэм, что мне придется сделать что-то подобное. Я надеюсь, вы извините меня, я только исполняю свой долг, хотя это может показаться дерзостью.

Маргарет поклонилась, когда он подошел к двери. Ее плотно сжатые губы были сухими. Она не смогла произнести даже общепринятые слова прощания. Но внезапно она шагнула вперед, открыла дверь кабинета и проводила инспектора до входной двери, которую широко перед ним распахнула. Она продолжала смотреть на него тем же безжизненным, неподвижным взглядом, пока он не ушел далеко от дома. Она закрыла дверь, и направилась к кабинету, но на полпути повернула, как будто ею двигал какой-то неистовый импульс, и заперла дверь изнутри.

Потом она вернулась в кабинет, остановилась — шатаясь, прошла вперед — снова остановилась — покачнулась на мгновение и упала на пол в глубоком обмороке.

Глава XXXV

Искупление

«Коль в тонкой пряже есть дефект,
То выйдет вскоре он на свет».

Мистер Торнтон не спешил уходить. Он чувствовал, что его присутствие доставляет удовольствие мистеру Хейлу, и был тронут едва высказанной, но искренней просьбой «Останьтесь еще», которую его бедный друг время от времени вставлял в разговор. Мистер Торнтон гадал, почему Маргарет не возвращается, но задерживался не только из-за нее. В этот час и в присутствии того, кто в полной мере ощущал незначительность бытия, он был благоразумен и владел собой. Его волновало все, что говорил мистер Хейл:

«О смерти и о мрачном успокоении,
И о бессилии разума»

Мистер Хейл доверил мистеру Торнтону свои тайные мысли, которые он скрывал даже от Маргарет - оттого ли, что ее сочувствие было слишком острым и явным, так что он боялся собственной реакции, или оттого, что ему больно было видеть, как она сдерживает слезы, чтобы не огорчить его еще больше. Так или иначе, но с мистером Торнтоном он был полностью откровенен и рассказывал ему о своих сомнениях и страхах, не боясь смутить его. Мистер Торнтон говорил очень мало, но каждое его слово добавляло надежды мистеру Хейлу. Иногда мистер Хейл замолкал, подбирая слова, и тогда мистер Торнтон заканчивал предложение, показывая, как близко к сердцу он принял страдания друга. Сомнения, страхи, неуверенность, слезы - ничто не пугало мистера Торнтона, он разделял любое чувство мистера Хейла и помогал ему найти тот истинный луч света, который мог рассеять тьму. Он был человеком действия, воином вселенской битвы. Глубокая вера в сердце, о которой мистер Хейл не мог даже мечтать, соединяла мистера Торнтона с Богом, несмотря на его сильное упрямство и все его ошибки. Они больше никогда не говорили об этом, но этот разговор сделал их по-настоящему близкими людьми.

И все это время Маргарет лежала неподвижная и белая как смерть на полу кабинета. Она рухнула без сил под своим бременем. Слишком тяжелым оно оказалось, и слишком долго она его несла. Маргарет была кроткой и терпеливой, но однажды вера покинула ее, и она тщетно искала помощи. Теперь же, потеряв сознание, она перестала страдать. Губы — недавно упрямо сжатые - были сейчас расслаблены и мертвенно-бледны.

«E par che de la sua labbia si mova
Uno spirto soave e pien d'amore,
Chi va dicendo a l'anima: sospira!»[32]

Первым признаком возвращения к жизни было слабое подрагивание губ — безмолвная попытка что-то сказать. Потом, опершись на слабые руки, Маргарет собрала все силы и поднялась. Гребень выпал из ее волос, она начала искать его, чтобы привести себя в порядок. Но силы скоро вновь оставили ее, и она опустилась на стул, поникнув головой и уронив руки на колени. Она пыталась вспомнить детали разговора, которые так сильно напугали ее, но не могла. Она ясно сознавала только два факта: Фредерик был в опасности, его могли обнаружить в Лондоне и отдать под суд не только по обвинению в непредумышленном убийстве, но и за участие в мятеже. И она солгала, чтобы спасти его. Ее утешало только одно - ложь спасла его, помогла выиграть немного времени. Если завтра она получит письмо и узнает, что ее брат в безопасности, она будет готова к разговору с инспектором, будет готова раскаться прилюдно в своей лжи и выдержит заслуженный позор. Она — гордая и надменная Маргарет - признается перед судом, что поступила непорядочно. Но если инспектор придет прежде, чем она получит письмо от Фредерика, если он вернется, как уже предупреждал, через несколько часов, что ж! Ей придется снова солгать. Ей придется сделать еще одно усилие и не выдать угрызений совести, которые сейчас терзали ее. И все же она солжет еще раз, чтобы выиграть еще немного времени для Фредерика.

Маргарет поднялась, когда в комнату вошла Диксон, только что проводившая мистера Торнтон.

Он едва успел пройти десяток шагов по улице, как рядом с ним остановился омнибус, из которого вышел мужчина. Приподняв шляпу, он поприветствовал мистера Торнтон. Это был инспектор полиции.

Мистер Торнтон некогда устроил его на должность в полиции и время от времени слышал рассказы об успехах своего протеже, но встречались они не часто, и поначалу мистер Торнтон даже не узнал его.

- Меня зовут Уотсон - Джордж Уотсон, сэр, тот, которого вы...

- А, да! Я вспомнил. Я слышал, вы отлично работаете.

- Да, сэр. Я должен поблагодарить вас, сэр. Но я осмелился заговорить с вами только по одному небольшому делу. Я полагаю, вы - тот самый мировой судья, который записывал показания того бедняги, что скончался в лазарете прошлой ночью.

- Да, - ответил мистер Торнтон. - Я приходил, но услышал только какие-то бессвязные слова. Боюсь, он был пьяницей, хотя нет сомнения, что умер он в результате насилия. Одна из служанок моей матери была помолвлена с ним, и думаю, сейчас она сильно страдает. Что с ним?

- Что ж, сэр, его смерть странно связана с кем-то в том доме, из которого, я видел, вы только что вышли. Это дом мистера Хейла, я полагаю?

- Да! - ответил мистер Торнтон, резко обернувшись и посмотрев на инспектора с внезапным интересом. - И что?

- Видите ли, сэр, мне кажется, что у меня сложилась довольно четкая цепочка доказательств против джентльмена, который прогуливался с мисс Хейл той ночью на станции Аутвуд. Похоже, это он ударил или толкнул Леонарда с платформы, что и привело последнего к смерти. Но молодая леди отрицает, что она была там в то время.

- Мисс Хейл отрицает, что она была там?! - повторил мистер Торнтон изменившимся голосом. - Скажите мне, в какой вечер это было? В какое время?

- Около шести часов, вечером в четверг, двадцать шестого.

Они молча шли рядом минуту или две. Инспектор заговорил первым.

- Понимаете, сэр, похоже, нужно провести коронерское расследование. У меня есть свидетельство молодого человека, довольно надежное... по крайней мере, было сначала. Но с тех пор, как он узнал, что молодая леди отрицает свое присутствие там, он говорит, что не стал бы клясться. Но он все еще настаивает, что видел мисс Хейл на станции, прогуливающейся с джентльменом за пять минут до того, как один из носильщиков увидел драку, произошедшую из-за дерзости Леонарда. Ту, которая привела к падению, а оно, в свою очередь, - к смерти. И увидев, как вы выходите из этого самого дома, сэр, я подумал, что могу осмелиться спросить вас... Понимаете, всегда затруднительно решать дело об установлении личности, и никому не хочется сомневаться в словах такой уважаемой молодой леди, если бы не одно сильное доказательство против нее.

- И она отрицает, что была на станции тем вечером?! - повторил мистер Торнтон тихим, задумчивым голосом.

- Да, сэр, она сделала это дважды, и очень настаивала на этом. Я сказал ей, что зайду снова, но, возвращаясь от того парня, который утверждает, что это была она, и увидев вас, я подумал, что спрошу вашего совета, как мирового судьи, который видел Леонарда перед смертью, и как джентльмена, который устроил меня на эту должность.

- Вы правы, - сказал мистер Торнтон. - Не предпринимайте ничего, пока не посоветуетесь со мной.
- Молодая леди будет ждать моего визита.
- Я только хочу, чтобы вы отложили его на час. Сейчас три. Приходите ко мне на склад в четыре.
- Хорошо, сэр!

И они расстались. Мистер Торнтон поспешил к себе на склад и, строго запретив своим клеркам беспокоить его, прошел в кабинет и запер дверь. Он тщательно обдумал каждую деталь происшедшего, это было мучительно, но он не собирался отступить. Как он мог быть таким доверчивым два часа назад?! Как он мог растрогаться при виде ее печального лица?! Как он мог, поддавшись слабости, жалеть и сочувствовать ей, забыв жестокую, беспощадную ревность, которая едва не сожгла его сердце, когда он увидел ее и неизвестного мужчину в поздний час и в уединенном месте?! Как можно было так обмануться, поверив ее благопристойным и благородным манерам? Но было ли ее поведение порядочным, было ли?! Он ненавидел себя за мысль, что завладела им на мгновение - не больше - и за то, что несмотря на эту постыдную мысль, его с прежней силой тянуло к Маргарет. А потом этот обман - как, должно быть, ужасно испытывать стыд от разоблачения! Этот человек, Леонардс, возбужденный выпитым, мог разболтать любому все обстоятельства встречи с Маргарет и ее спутником! Как страх мог склонить правдивую Маргарет ко лжи?! Он почти жалел ее. Чем все закончится? Она не знает, во что ввязалась. Что, если будет следствие и этот молодой человек выступит против нее? Внезапно он вздрогнул. Следствия не должно быть. Он спасет Маргарет. Он возьмет на себя ответственность за отмену коронерского расследования, результат которого из-за неопределенности медицинского освидетельствования, (о котором он смутно слышал от дежурного хирурга вчера ночью) мог быть сомнительным. Доктора обнаружили внутреннее заболевание, довольно запущенное и, несомненно, бывшее причиной смерти. Они утверждали, что смерть могла быть ускорена падением или последующей выпивкой или воздействием холода. Если бы он только знал, что Маргарет была вовлечена в этот инцидент, если бы он предвидел, что она запянет себя ложью, он мог бы спасти ее одним словом, поскольку вопрос, быть расследованию или нет, прошлой ночью был еще не решен. Мисс Хейл могла испытывать к нему безразличие и презрение, могла любить другого - но он все же окажет ей услугу, о которой она никогда не узнает. Он мог презирать ее, но женщина, которую он полюбил, должна быть спасена от позора. Она не будет лжесвидетельствовать на суде, какие бы причины ни побудили ее предпочесть тьму лжи свету правды.

Мистер Торнтон выглядел таким мрачным и суровым, что его клерки изумились, увидев его. Он отсутствовал не более получаса и, вернувшись, был не менее мрачен, хотя его приказ был выполнен.

Он написал две строчки на полоске бумаги, вложил ее в конверт и запечатал его. Конверт он отдал одному из клерков, сказав:

- Я жду Уотсона - он был упаковщиком на складе, а потом ушел в полицию - он придет в четыре. Мне нужно встретиться с джентльменом из Ливерпуля, который желает повидаться со мной перед тем, как уедет из города. Будьте добры передать эту записку Уотсону, когда он придет.

Записка была следующего содержания:

«Расследования не будет. Данные медицинского освидетельствования противоречивы. Ничего не предпринимайте. Я не вижу затруднений, но в любом случае беру всю ответственность на себя».

- Что ж, - подумал Уотсон, - это освобождает меня от неприятной работы. Никто из свидетелей не в состоянии сказать ничего определенного, кроме молодой женщины. Она говорила уверенно и настаивала на своем. Носильщик на железной дороге видел драку, а когда понял, что его прочтут в свидетели, стал говорить, что, возможно, это была не драка, а только небольшая шалость, и Леонардс мог сам спрыгнуть с платформы - он ни в чем теперь не уверен. И Дженнингс - помощник бакалейщика - он был не таким уж плохим свидетелем, но сомневаюсь, что я смог бы привести его к присяге, после того как он услышал, что мисс Хейл категорически все отрицает. Это были бы напрасные хлопоты. А теперь я должен идти и сообщить им, что их свидетельство больше не потребуется.

Инспектор снова навестил Хейлов тем же вечером. Мистер Хейл и Диксон убеждали Маргарет лечь спать, но она отказывалась - тихо и упрямо. Диксон знала часть правды, но только часть. Маргарет не сказала ни одному человеку, что она солгала, и не рассказала, чем закончилось для Леонардса падение с платформы. Маргарет очень устала, но старалась не разговаривать, кроме тех случаев, когда ее спрашивали. Она пыталась улыбаться в ответ на беспокойные взгляды отца и его заботливые вопросы. Но постоянная тревога и угрызения совести мешали ей улыбаться искренне. Заметив, как сильно мистер Хейл был встревожен ее состоянием, Маргарет, наконец, согласилась пойти в свою комнату и подготовиться ко сну. Она надеялась, что инспектор уже не придет к ним этим вечером - время перевалило за девять.

Она стояла рядом с отцом, держась за спинку его стула.

- Ты скоро пойдешь спать, папа, правда? Не сиди в одиночестве.

Что он ответил, она не слышала, его слова потерялись в далеком звуке, усилившем ее страхи и заполнившем все ее мысли. Это было тихое треньканье дверного звонка.

Маргарет поцеловала отца и спустилась вниз так быстро, как могла. Она отослала Диксон.

- Не подходи. Я открою дверь. Я знаю, это он... я могу... я должна справиться со всем сама.

- Как пожелаете, мисс, - ответила Диксон раздражительно, но секунду спустя добавила: - но вы не годитесь для этого. Вы скорее мертвая, чем живая.

- Я? - спросила Маргарет, оборачиваясь, ее глаза горели каким-то странным огнем, щеки полыхали, хотя губы были запекшимися и мертвенно-бледными.

Она открыла инспектору дверь и провела его в кабинет. Она поставила свечу на стол и аккуратно сняла с нее нагар, прежде чем повернуться к нему лицом.

- Вы припозднились! - сказала Маргарет. - И так? - она задержала дыхание, боясь услышать его ответ.

- Я прошу прощения, что причинил излишнее беспокойство, мэм. Принято решение прекратить расследование. Я был занят другими делами и навестил других людей прежде, чем прийти сюда.

- В таком случае, все закончено, - сказала Маргарет. - Дальнейшего расследования не будет.

- Полагаю, у меня есть указания мистера Торнтон, - ответил инспектор, что-то ища в своей записной книжке.

- Мистера Торнтон?! - воскликнула Маргарет.

- Да! Он - мировой судья... а, вот она.

Она не видела, что читает, хотя стояла рядом со свечой. Слова расплывались перед глазами. Но она держала записку в руке и смотрела на нее так, будто внимательно изучает ее.

- Поверьте, мэм, у меня груз упал с плеч. Все показания были такие неопределенные, понимаете, — что тот человек получил удар. Если возникает вопрос установления личности, это очень осложняет дело, как я сказал мистеру Торнтону.

- Мистеру Торнтону! - снова повторила Маргарет.

- Я встретил его сегодня утром — он как раз вышел из этого дома, и так как он мой давний друг и, кроме того, мировой судья, который приходил к Леонардсу прошлой ночью, я осмелился рассказать ему о своих затруднениях.

Маргарет глубоко вздохнула. Ей больше не хотелось ничего слышать. Она одинаково боялась того, что услышала, и того, что могла услышать. Ей хотелось, чтобы этот человек ушел. Она заставила себя заговорить.

- Спасибо, что вы зашли. Уже очень поздно. Осмелюсь сказать, уже половина одиннадцатого. О! вот записка! - продолжила она, внезапно поняв, почему он вытянул руку. Инспектор уже убирал записку, когда Маргарет сказала: - Мне кажется, это очень неразборчивый почерк. Я не могу прочитать его, вы не прочтете мне?

Он прочел для нее записку.

- Спасибо. Вы сказали мистеру Торнтону, что меня там не было?

- Конечно, мэм. Мне жаль, что я действовал согласно сведениям, которые, в конце концов, оказались ошибочными. Сначала молодой человек был так уверен, а теперь он во всем сомневается и надеется, что его ошибка не причинила вам беспокойства, и вы не перестанете бывать в их магазине. Доброй ночи, мэм.

- Доброй ночи, - Маргарет позвонила в колокольчик и попросила Диксон проводить инспектора.

Когда Диксон вернулась, Маргарет быстро прошла по коридору мимо нее.

- Все в порядке! - сказала она, не глядя на Диксон, и чтобы служанка не задала ей дальнейших вопросов, быстро поднялась наверх, вошла в свою комнату и заперла дверь.

Маргарет бросилась на кровать, не раздеваясь. Она была слишком взволнована, чтобы думать. Прошло более получаса прежде, чем неудобная поза и холод пробудили ее от оцепенения. Она начала вспоминать, сопоставлять, размышлять. Теперь ужасная тревога за Фредерика рассеялась, и напряжение ушло. Она стала вспоминать каждое слово инспектора, относящееся к мистеру Торнтону. Когда они встретились? Что сказал инспектор? Что сделал мистер Торнтон? Какие точно слова были в записке? И до тех пор, пока она не вспомнила, пусть вставляя или пропуская слова, те самые выражения, которые он использовал в записке, ее мозг отказывался думать дальше. Но следующая ее мысль была достаточно ясной, - мистер Торнтон видел ее у Аутвуда в тот злополучный вечер четверга и знал, что она отрицает, что была там. В его глазах она стала лгуньей. Она и сама считала себя лгуньей. Но у нее не было и мысли о раскаянии перед Богом. Она не видела перед собой ничего, кроме хаоса и ночи. Она не думала о себе, не думала об оправданиях. Она была на станции,

потому что провожала на поезд своего брата, и в этом не было ничего дурного, но мистеру Торнтону, вероятно, все представлялось в ином свете, и он имел право судить ее.

- О, Фредерик! Фредерик! - вскрикнула она, - я бы всем пожертвовала ради тебя!

Даже во сне ее мысли опять крутились вокруг того, что причиняло ей безмерную боль.

Когда она проснулась, новая мысль пришла к ней вместе с утренним светом. Мистер Торнтон знал о ее лжи перед тем, как пошел к коронеру. Это навело ее на мысль, что он, возможно, вынужден был так поступить, чтобы избавить ее от повторения лжи. Но она отбросила эту мысль в сторону, как раздосадованный ребенок. Если бы все было именно так, она бы не испытывала к нему благодарности, это бы только показало ей, что он считает ее опозоренной и не хочет делать ее позор публичным. Она бы прошла через все испытания - она бы дала ложные показания, чтобы спасти Фредерика, охотнее - намного охотнее - лишь бы мистер Торнтон не узнал о случившемся, не вмешался и не спас ее. Какой злой рок заставил его встретиться с инспектором? Почему он оказался тем самым мировым судьей, которого послали взять показания у Леонардса? Что сказал Леонардс? Она понятия не имела, как много было известно мистеру Торнтону. Что если он знал историю Фредерика от их общего друга мистера Белла? Если так, он, возможно, попытался спасти сына, который пошел против закона, чтобы проститься с матерью на смертном одре. Тогда она могла испытывать к нему благодарность, но пока - нет. Ей невыносимо было думать, что его вмешательство было вызвано презрением к ней. О! Разве у него не было иных причин презирать ее? Разве не с ним она была прежде так высокомерна и надменна? Она поставила себя на его место, вздрогнула от пришедших ей на ум выводов и призналась себе, насколько ценила его уважение и хорошее мнение. Всякий раз, когда эта мысль приходила к ней, Маргарет поспешно изгоняла ее, не желая ей верить.

Она не представляла, что было уже так поздно, поскольку в волнении прошлой ночи забыла завести свои часы. А мистер Хейл дал особые указания, чтобы ее не беспокоили, пока она сама не проснется. Время от времени дверь осторожно открывалась, и Диксон заглядывала в комнату. Увидев, что Маргарет уже проснулась, она вошла и протянула девушке письмо.

- Вот, что развеселит вас, мисс. Весточка от мастера Фредерика.

- Спасибо, Диксон. Уже так поздно!

Она говорила очень вяло и, когда Диксон положила письмо на одеяло перед ней, Маргарет даже не протянула руку, чтобы взять его.

- Вы хотите позавтракать, я уверена. Я принесу вам завтрак через минуту. Хозяин уже приготовил поднос, я знаю.

- Маргарет не ответила, она позволила Диксон уйти, потому что чувствовала, что должна остаться одна, прежде чем откроет это письмо. Наконец Маргарет вскрыла письмо. Первое, что бросилось ей в глаза, была дата - письмо было написано двумя днями раньше. Он написал его, как и обещал, и можно было больше не тревожиться. Но она прочтет письмо и убедится в этом. Оно было написано в спешке, но вполне разборчиво. Фредерик встретился с Генри Ленноксом, который, как оказалось, был знаком с этим делом. Леннокс покачал головой и сказал ему, что тот совершил смелый поступок, вернувшись в Англию, когда против него выдвигают обвинения такие влиятельные люди. Но позже, когда они поговорили, мистер Леннокс признал, что, возможно, есть небольшой шанс добиться оправдательного приговора, если ему удастся найти надежных свидетелей. Только в этом случае есть смысл предстать перед судом, иначе это будет огромный риск, мистер Леннокс обещал, что расследует это дело и приложит все усилия. «Меня поразило, - писал Фредерик, - что твоя рекомендация, моя маленькая сестренка, обладает такой волшебной силой. Это так? Он задал много вопросов, уверяю тебя. Он показался проницательным, умным парнем, довольно опытным, судя по делам и количеству клерков возле него. Но это могут быть только адвокатские штучки. Я только что нанял судно... я уплыву через пять минут. Мне снова придется вернуться в Англию по этому делу, поэтому сохрани мой приезд в тайне. Я пришлю отцу немного редкого старого шерри, которого он не сможет купить в Англии, (точно такое сейчас в бутылке передо мной). Ему нужно что-то подобное... моя любовь к нему... Да благословит его Бог. Я уверен... вот мой кэб. P.S. Что это был за побег! Позаботься, чтобы никто не знал о моем приезде, даже Шоу».

Маргарет перевернула конверт. Он был помечен «Слишком поздно». Скорей всего, письмо было доверено какому-то нерадивому посыльному, который забыл отправить его. О! От каких мелочей зависит порой наше душевное благополучие! Фредерик был спасен и уже находился за пределами Англии двадцать, нет, тридцать часов назад. И прошло только семнадцать часов с того момента, как она сказала неправду, чтобы сбить со следа погоню, которая и тогда была бесполезна. Какой слабой духом она была! Где сейчас был девиз ее гордости - «Делай то, что должен, и будь что будет»? Если бы она осмелилась сказать правду, если бы открыто отказалась

отвечать на их вопросы - как легко бы она сейчас себя чувствовала! Не унижаясь перед Богом, не обманув Его доверие, не униженная и не попранная в глазах мистера Торнтон. Она поймала себя на этой мысли, нервно содрогаясь. Сейчас она сравнила его мнение о ней с неудовольствием Бога. Как случилось, что мистер Торнтон так прочно завладел ее воображением? Как это могло произойти? Почему ее волновало, что он думает? Она верила, что могла вынести чувство неудовольствия Всевышнего, потому что Он все знал, он мог видеть ее раскаяние и услышать ее крики о помощи. Но мистер Торнтон... почему она так дрожала и прятала свое лицо в подушку? Какое сильное чувство завладело ею, наконец?

Она опустила на колени и молилась долго и страстно. Это успокоило и утешило ее, открыв душу. Но как только она вновь мысленно вернулась к своему положению, она обнаружила, что острая боль все еще не отпустила ее. Она еще недостаточно пришла в себя, не чувствовала себя чистой и честной, чтобы стоически вынести презрение. Она оделась и взяла письмо, чтобы показать отцу. Хотя в письме вскользь упоминалось о происшествии на железнодорожной станции, мистер Хейл не обратил на это никакого внимания. Он лишь с облегчением убедился, что Фредерик благополучно отплыл из Англии. Однако мистер Хейл был очень обеспокоен бледным видом Маргарет. Она, казалось, была готова вот-вот расплакаться.

- Ты так переутомилась, Маргарет. Неудивительно. Но позволь мне поухаживать за тобой.

Он заставил ее лечь на диван и пошел за шалью, чтобы укрыть ее. От его нежности она горько расплакалась.

- Бедное дитя! Бедное дитя! - сказал он, глядя на нее с нежностью, в то время как она лежала лицом к стене, вздрагивая от рыданий.

Перестав плакать, она стала размышлять, может ли она позволить себе облегчить душу, рассказав отцу о своей беде. Но доводов «против» было больше, чем «за». Единственный довод «за» - самой почувствовать облегчение, а «против» была мысль, что если Фредерику будет необходимо снова приехать в Англию, отец будет ужасно беспокоиться, вспоминая несчастное происшествие в Аутвуде. Он будет беспрестанно думать, что его сын виновен в смерти человека, пусть даже без злого умысла. А что до ее большой ошибки - он будет расстроен сверх меры узнав, что ей не хватило смелости и веры, и будет постоянно молиться о том, чтобы Бог простил ее. Прежняя Маргарет пришла бы к нему как к священнику, чтобы рассказать о своем искушении и грехе. Но последнее время они почти не разговаривали о таких вещах. Теперь его убеждения изменились. И она не знала, каким бы был его ответ, если бы глубина ее души воззвала к его душе. Нет, она сохранит все в секрете и понесет ношу одна. Она одна предстанет перед Богом и попросит Его об отпущении грехов. Она одна вытерпит презрение мистера Торнтон. Ее невыразимо тронули заботливые попытки отца развлечь ее разговором и увести ее мысли от последних событий. Давно уже он не был таким оживленным, как в этот день. Он не позволил Маргарет сесть и обидел Диксон, настояв на том, что сам поухаживает за дочерью.

Наконец, Маргарет улыбнулась жалкой и слабой улыбкой, чем доставила отцу истинное удовольствие.

- Как странно, что та, которая даст нам надежду на будущее, будет зваться Долорес,[33] - сказала Маргарет.

Это замечание по характеру подходило больше ее отцу, чем ей самой. Но сегодня казалось, что они поменялись характерами.

- Ее мать - испанка, полагаю, это объясняет ее вероисповедание. Ее отец был непреклонный пресвитерианин,[34] когда я знал его. Но это очень мягкое и красивое имя.

- Как она молода! - на четырнадцать месяцев моложе меня. В этом возрасте Эдит была помолвлена с капитаном Ленноксом. Папа, мы поедem и навестим их в Испании.

Он покачал головой, но ответил:

- Если хочешь, Маргарет. Только давай потом снова вернемся сюда. Это было бы нечестно... нехорошо по отношению к твоей матери, которая, боюсь, всегда сильно недолюбливала Милтон, — если мы уедем сейчас, когда она лежит здесь и не может поехать с нами. Нет, дорогая, ты поедешь и наведишь их и привезешь мне новости о моей испанской дочери.

- Нет, папа, я не поеду без тебя. Кто позаботится о тебе, когда меня не будет?

- Хотелось бы мне знать, кто из нас заботится о другом. Но если бы ты уехала, я бы убедил мистера Торнтон заниматься в два раза чаще, чем сейчас. Мы превосходно изучим классиков. Это было бы бесконечно увлекательно. Ты можешь поехать и навестить Эдит на Корфу, если хочешь.

Маргарет не ответила сразу. Потом сказала довольно серьезно:

- Спасибо, папа. Но я не хочу ехать. Мы будем надеяться, что мистер Леннокс хорошо справится с этим делом, и Фредерик сможет привезти и показать нам Долорес, когда они поженятся. А что касается Эдит, — полк не будет долго оставаться на Корфу. Возможно, мы увидим их обоих здесь еще до конца следующего года.

Веселые темы для разговора у мистера Хейла закончились. Какие-то болезненные воспоминания опять

всплыли в его памяти, и он опять погрузился в молчание. Маргарет сказала:

- Папа... ты видел Николаса Хиггинса на похоронах? Он был там, и Мэри тоже. Бедняга! Он только так смог показать сочувствие. У него доброе и горячее сердце, и он прячет его за грубоватыми и резкими манерами.

- Я уверен в этом, - ответил мистер Хейл. - Я все время это видел, даже когда ты пыталась убедить меня, что в нем столько недостатков. Мы пойдем и навестим его завтра, если у тебя достаточно сил, чтобы выдержать такую долгую прогулку.

- О, да. Я хочу навестить его. Мы не заплатили Мэри. Точнее, она отказалась брать деньги, так говорит Диксон. Мы пойдем так, чтобы застать его дома после обеда, перед тем как он уйдет на работу.

Ближе к вечеру мистер Хейл сказал:

- Я почти ожидал, что мистер Торнтон придет. Он вчера говорил о книге, которая у него есть, и которую я хотел посмотреть. Он сказал, что постарается принести ее сегодня.

Маргарет вздохнула. Она знала, что он не придет. Он постарается не встречаться с ней, пока ее позор слишком свеж в его памяти. Само упоминание его имени воскресило в памяти все тревоги, и она вновь почувствовала себя усталой и слабой. Внезапно ее поразила мысль, что таким странным способом она поощряет отца бдительно заботиться о ней весь день. Она села и предложила почитать ему вслух. Его зрение уже ослабло, и он с радостью принял ее предложение. Она хорошо читала - с должным выражением. Но если бы кто-нибудь спросил Маргарет, о чем она читала, она бы не смогла ответить. Ее поразила собственная неблагодарность к мистеру Торнтону, так как утром она отказалась признать доброту, которую он оказал ей. О! Она не должна была так думать! Она была труслива, она много ошибалась. Но она не была неблагодарной. В ее сердце рождалась теплота при одной мысли о том, как она благодарна человеку, который имеет причину презирать ее. Его основание для презрения было таким справедливым, что она стала бы меньше уважать его, если бы узнала, что он легко простил ее и забыл о случившемся. Но теперь она в полной мере испытывала уважение к нему, и это доставляло ей удовольствие. Он не мог запретить ей этого; это было единственное утешение среди всех несчастий.

Поздно вечером принесли ожидаемую книгу «с добрыми пожеланиями от мистера Торнтона и желанием узнать, как здоровье мистера Хейла».

- Скажи, что мне намного лучше, Диксон, но что мисс Хейл...

- Нет, папа, - возразила Маргарет пылко, - не говори ничего обо мне. Он не спрашивает.

- Мое дорогое дитя, как ты дрожишь! - сказал мистер Хейл несколько минут спустя. - Тебе нужно немедленно лечь. Ты очень побледнела.

Маргарет не отказалась лечь, хотя ей совсем не хотелось оставлять отца одного. Ей нужно было отдохнуть в одиночестве после дня, занятого размышлениями и покаянием.

Но на следующий день она выглядела, как обычно. Лишь изредка печаль и уныние овладевали ею. Но чем лучше она себя чувствовала, тем глубже ее отец погружался в размышления о жене, которую он потерял.

Глава XXXVI

Союз - не всегда сила

«За гробом вослед провожатые шли,
И плакальщиц стоны звучали вдали».

Перси Биши Шелли «Мимоза»,

пер. К. Бальмонта

Как и было решено накануне, мистер Хейл и Маргарет отправились навестить Николаса Хиггинса и его дочь. В своем траурном одеянии, напоминавшем им о недавней потере, они чувствовали странную робость, но на самом деле их скованность объяснялась тем, что впервые за много недель они вышли на люди вместе. Отец с дочерью молча шли рядом друг с другом вновь ощущая, как тесно горе соединило их.

Николас сидел у огня на своем обычном месте, но при нем не было его привычной трубки. Он не встал,

чтобы поприветствовать их, хотя по его взгляду Маргарет поняла, что он рад их приходу,

- Садитесь, садитесь. Огонь хорошо разгорелся, - сказал он, помешивая угли резкими движениями, словно отвлекая внимание от своей персоны.

Он выглядел довольно неопрятно: черная борода, небритая уже несколько дней, придавала ему бледный, изнуренный вид, а куртке требовалась починка.

- Мы подумали, что сможем застать вас дома после обеда, - сказала Маргарет.

- У нас тоже траур, с тех пор как мы последний раз виделись, - заметил мистер Хейл.

- Да, да. Печали сейчас больше, чем еды на столе. У меня теперь большой обеденный перерыв - очень большой, длиною в целый день. Вы застанете меня в любое время.

- Вы по-прежнему без работы? - спросила Маргарет.

- Да, - кратко ответил Хиггинс. Потом, немного помолчав, добавил, впервые взглянув на них: - Я не нуждаюсь в деньгах. Даже не думайте об этом. Бесс, бедняжка, скопила немного денег под подушкой, чтобы одолжить мне на черный день, да и Мэри ходит резать фланель. Но я по-прежнему без работы.

- Мы должны Мэри немного денег, - сказал мистер Хейл, прежде чем Маргарет смогла остановить его, внезапно пожав ему руку.

- Если она возьмет их, я выставлю ее за дверь. Я буду жить в этих четырех стенах, а она - снаружи. Вот так.

- Но мы должны поблагодарить ее за оказанные услуги, - снова начал мистер Хейл.

- Я никогда не благодарил вашу дочь за все добро, что она сделала моей бедной девочке. Я никогда не найду слов для этого. Но я постараюсь их найти, если вы начнете поднимать шум из-за того, сколько малышка Мэри заработала у вас.

- Вы без работы из-за забастовки? - спросила Маргарет осторожно.

- Забастовка закончилась. На этот раз - все. Я сижу без работы, потому что никогда не просил ее. И я никогда не просил ее, потому как добрых слов - мало, а плохих слов - много.

Он находился в таком настроении, когда ему доставляло удовольствие отвечать на вопросы загадками. Но Маргарет поняла, что ему хочется, чтобы у него попросили разъяснения.

- А добрые слова - это...?

- Просить работу. Полагаю, что это почти самые лучшие слова, что могут сказать люди. «Дайте мне работу» означает «Я сделаю ее, как человек». Это хорошие слова.

- А плохие слова - отказ дать вам работу, когда вы ее просите.

- Да. Плохие слова - это «Ага, приятель! Ты все сделал по-своему, а теперь я все сделаю по-моему. Ты сделал все, что мог для них, когда им требовалась помощь. Это твой способ быть преданным своим друзьям, а я буду предан моим. Ты - несчастный дурак, ты не знал, как плохо быть преданным дураком. Поэтому убирайся и будь проклят. Для тебя здесь нет работы». Это плохие слова. Я - не дурак. А если бы был, то народ по-своему должен был научить меня, как поумнеть. Я мог бы выучиться, если бы кто-нибудь попытался научить меня.

- Разве не стоило, - сказал мистер Хейл, - попросить своего бывшего хозяина взять вас обратно? Шанс не велик, но все-таки это шанс.

Николас снова взглянул проницательным взглядом на вопрошавшего, а потом горько усмехнулся.

- Мистер, если вы не обидитесь, я задам вам в свою очередь один или два вопроса.

- Пожалуйста, - ответил мистер Хейл.

- Я полагаю, вы как-то зарабатываете себе на жизнь. В Милтоне люди редко живут в свое удовольствие, как и везде.

- Вы совершенно правы. У меня есть небольшой независимый доход, но, поселившись в Милтоне, я стал частным учителем.

- Учить людей! Хорошо! Я полагаю, они платят вам за то, что вы учите их, разве нет?

- Да, - ответил мистер Хейл, улыбаясь. - Я учу, чтобы получать за это деньги.

- А те, что платят вам, разве они не говорят вам, что делать, а что не делать с деньгами, которые вы заработали?

- Нет, конечно, нет!

- Они не говорят: «У вас может быть брат или друг, такой же близкий, как брат, которому нужны деньги, как вы считаете, для добрых намерений. Но ты не должен давать ему денег. А если мы узнаем, что ты все-таки сделал это, мы просто перестанем платить тебе». Они ведь не говорят так?

- Нет, конечно, нет!

- А вы бы стерпели, если бы они так сказали?

- Это было бы очень жестокое требование, и я бы задумался, стоит ли ему подчиняться.

- На всем белом свете ничто не заставило бы меня подчиниться, - сказал Николас Хиггинс. - Теперь вы поняли это. Вы попали в самое яблочко. Хэмпер - у которого я работал - заставляет своих людей поклясться, что они не потратят ни пенни на то, чтобы помочь Союзу рабочих или поддержать голодающих забастовщиков. Их можно заставить поклясться, - продолжил он презрительно. - Но из них не получится ничего, кроме лжецов и лицемеров. Но это меньший грех, по-моему, чем так ожесточать человеческие сердца, запрещать делать добро людям, когда они в нем нуждаются, или помогать в правом и справедливом деле. Но я никогда не нарушу своей клятвы ради работы, хоть бы сам король предложил ее мне. Я - член Союза рабочих и считаю, что это единственное, что приносит рабочим пользу. Я был забастовщиком и знаю, что такое умирать от голода. Поэтому, если я получу шиллинг, шесть пенсов пойдут им, если они потребуют их от меня. Важно то, что я не знаю даже, где получить этот шиллинг.

- Это правило против поддержки Союза действует на всех фабриках? - спросила Маргарет.

- Не могу сказать. Это их новая выдумка против нас. Думаю, скоро хозяева поймут, что не смогут придерживаться его, что их тирания только плодит лжецов. Но сейчас оно действует.

Он замолчал. Молчала и Маргарет раздумывая, стоит ли говорить то, что у нее на уме. Ей не хотелось лишний раз раздражать Хиггинса. Наконец Маргарет решилась. Но свой вопрос она задала кротко, словно ее вынудили его задать, тем самым показывая, что не желает говорить ничего неприятного. Хиггинс, казалось, не был раздражен, а только смущен.

- Вы помните, бедняга Баучер как-то сказал, что Союз рабочих - это тиран? Мне кажется, он даже сказал, что это самый худший из тиранов. И я помню, в тот раз вы согласились с ним.

Прошло много времени, прежде чем Николас ответил. Он положил голову на руки и смотрел на огонь, поэтому ей не удалось увидеть выражение его лица.

- Я не стану отрицать, что Союзу необходимо заставлять человека ради его же собственной пользы. Я скажу правду. Человек, который не состоит в Союзе, ведет жизнь, полную страданий. Но когда он - член Союза, о его интересах заботятся лучше, чем он сам смог бы позаботиться о себе, по правде говоря. Это единственный способ для рабочего человека отстаивать свои права. Чем больше человек в Союзе, тем больше шансов для каждого, что к нему будут справедливо относиться. Правительство заботится только о дураках и сумасшедших. И если человек склонен причинить себе или своему соседу вред, Союз немного сдержит его, нравится ему это или нет. Вот все, что мы делаем в Союзе рабочих. Мы не можем упечь людей в тюрьму, но мы можем сделать жизнь человека такой невыносимой, что он будет вынужден вступить в Союз. Баучер был дураком, и никогда не было дурака хуже его.

- Он причинил вам вред? - спросила Маргарет.

- Вот именно. На нашей стороне было общественное мнение, пока он и ему подобные не начали бунтовать и нарушать законы. Из-за них забастовка закончилась.

- Тогда не лучше ли было оставить его в покое, а не заставлять вступать в Союз? Он не принес вам пользы, а вы свели его с ума.

- Маргарет, - произнес ее отец тихо и предупредительно, заметив, как нахмурился Хиггинс.

- Она мне нравится, - внезапно ответил Хиггинс. - Она говорит то, что думает. Но при всем при том она не понимает, что такое Союз. Это - великая сила, это — наша единственная сила. Я прочел в одном стихотворении, как плуг срезает маргаритку, и слезы навернулись мне на глаза. Но пахарь никогда не остановит плуг, я ручаюсь, — как бы ему ни было жалко эту маргаритку. Для этого у него хватит здравого смысла. Союз рабочих - это плуг, что готовит землю к посеву. Баучер, понятно, никакая не маргаритка, он просто сорняк, его надо вырвать с корнем и выбросить с поля долой. Я очень сердит на него сейчас, поэтому не могу судить о нем справедливо. Я бы сам прошелся по нему своим плугом с большим удовольствием.

- Почему? Он снова сделал что-то плохое?

- Да, конечно. От него одни беды. Сначала поднял этот бунт. Потом ему пришлось прятаться, и он до сих пор бы прятался, если бы Торнтон преследовал его, как я надеялся. Но Торнтону оказалось выгодно не наказывать бунтовщиков. Поэтому Баучер снова прокрался к себе домой. Он не показывал оттуда носа день или два. Была у него такая передышка. А потом, куда вы думаете, он направился? К Хэмперу! К черту его! Он пошел просить работу с таким лицемерным выражением на лице, что меня затошнило от одного его вида, хотя хорошо знал о новом правиле - не иметь ничего общего с Союзом рабочих, не помогать голодающим забастовщикам! Почему он должен умирать от голода, если Союз не помогает ему в его нужде?! Вот он и пошел - рассказать все, что он знает о наших делах, ни на что негодный Иуда! Но Хэмпер - и я благодарю его за это в свой смертный час -

выкинул Баучера и не выслушал его - ни слова, хотя народ, стоящий поблизости, говорит, что предатель плакал, как ребенок.

- О! Как ужасно! Как печально! - воскликнула Маргарет. - Хиггинс, я не знала вас таким. Разве вы не видите, что вы довели Баучера до такого унижения, заставив его вступить в Союз против его воли. Это вы сделали его таким!

- Сделали его таким! А кем он был?

Тут за дверью дома на узкой улочке послышались приглушенные звуки, привлечшие всеобщее внимание. Голоса замолкали и затихали; шаги замедлялись или останавливались, словно топтались на одном месте. Это была мерная, тяжелая поступь людей, несущих тяжелую ношу. Маргарет, мистер Хейл и Николас Хиггинс - все бросились к входной двери. Их влекло не простое любопытство, а какой-то священный порыв.

Шестеро мужчин шли посередине дороги, трое из них были полицейскими. Они несли снятую с петель дверь, на которой лежало тело мертвого мужчины. С его одежды на землю падали капли воды. Все жители улицы высыпали посмотреть и присоединиться к процессии. Каждый задавал вопросы носильщикам, те отвечали неохотно, так как уже не в первый раз повторяли одну и ту же историю.

- Мы нашли его в ручье в поле, вон там.

- В ручье! Но там же недостаточно воды, чтобы утонуть!

- Он был решительный парень. Он лежал лицом вниз. Он устал жить, видимо, для этого у него была причина. Хиггинс спросил у Маргарет дрожащим голосом:

- Это ведь не Джон Баучер? У него бы не хватило мужества. Конечно! Это не Джон Баучер! Почему они все смотрят сюда? Послушайте! У меня звон в голове, я ничего не слышу.

Носильщики осторожно положили дверь на камни, и все увидели утопленника - его остекленевшие глаза, один из которых был полуоткрыт, уставившись прямо в небо. Его лицо распухло, кожа приобрела странный цвет из-за воды в ручье, куда стекали воды из красильных цехов. Надо лбом у него были залысины, но на затылке волосы росли тонкими и длинными, и с каждой пряди стекала вода. Маргарет узнала Джона Баучера. Ей казалось, что кощунственно вглядываться в это перекошенное, измученное страданиями лицо, и она неосознанно вышла вперед и бережно накрыла лицо умершего своим платком. Взгляды всех присутствующих были прикованы к ней, и когда она отвернулась от Баучера, исполнив свой почтительный долг, они провожали ее до того места, где будто прикованный стоял Николас Хиггинс. Мужчины-носильщики переговорили между собой, один из них подошел к Хиггинсу, который охотно бы скрылся в доме.

- Хиггинс, ты знал его! Ты должен сообщить его жене. Сделай это осторожно, парень, но побыстрее, мы не можем оставить его здесь надолго.

- Я не могу, - сказал Хиггинс. - Не просите меня. Я не могу встретиться с ней.

- Ты знаешь ее лучше всех, - сказал мужчина. - Мы уже принесли его сюда - теперь твоя очередь.

- Я не могу это сделать, - сказал Хиггинс. - Меня подкосила его смерть. Мы не были друзьями, а теперь он мертв.

- Ну, если не можешь, значит, не можешь. Но кто-то должен. Это тяжелая обязанность. Это просто удача, что его жена не узнает об этом от грубого человека, который не сможет ей сообщить эту новость бережно.

- Папа, иди ты, - сказала Маргарет тихо.

- Если бы я мог ...если бы у меня было время подумать, что лучше сказать. Но так сразу... - Маргарет поняла, что ее отец не в состоянии это сделать. Он дрожал с головы до ног.

- Я пойду, - сказала она.

- Благослови вас, мисс, это добрый поступок. Я слышал, у нее очень слабое здоровье, и мало кто из соседей хорошо с ней знаком.

Маргарет постучалась в закрытую дверь, но в доме стоял такой шум из-за беспорядочных детских голосов, что она не услышала ответа. Она сомневалась, слышали ли ее, но с каждым мгновением ожидания ее решимость таяла. Наконец Маргарет открыла дверь, вошла, закрыла дверь за собой и заперла ее на засов. Хозяйка дома даже не заметила ее.

Миссис Баучер сидела в кресле-качалке у еле горевшего камина. Кругом царил беспорядок, — казалось, будто в доме никто не убирался уже несколько дней.

Маргарет что-то сказала, не понимая, что говорит, в горле и во рту все пересохло, а шум детских голосов мешал слышать ее слова. Она повторила попытку.

- Как вы, миссис Баучер? Боюсь, вы очень больны.

- Разве я могу чувствовать себя хорошо? - ворчливо ответила она. - Я осталась одна управляться с этими

детьми, а мне нечего им дать, чтобы они успокоились. Джон не должен был оставлять меня такой больной.

- Давно он ушел?

- Уже четыре дня. Здесь он не получит работы, и ему пришлось идти пешком до Гринфилда. Но он мог бы уже вернуться или прислать мне весточку, получил ли он работу. Он мог бы...

- О, не вините его, - сказала Маргарет. - Он тяжело переживал, я уверена...

- Ну-ка, успокойся, и дай мне поговорить с леди! - обратилась она не слишком ласково к маленькому мальчику в возрасте около года. Потом, оправдываясь, заговорила с Маргарет: - Он всегда ласкается ко мне и просит «папочку» и «хлеба с маслом». А у меня нет масла для него, а папочка ушел и забыл о нас, я думаю. Он - папин любимчик, - сказала миссис Баучер, внезапно переменив тон и посадив ребенка к себе на колени, она стала нежно его целовать.

Маргарет положила ладонь на руку женщины, чтобы привлечь к себе внимание. Их взгляды встретились.

- Маленький бедняжка, - медленно произнесла Маргарет, - он был папиным любимчиком.

- Он и сейчас папин любимчик, - ответила женщина, поспешно поднявшись и встав лицом к лицу с Маргарет.

Обе женщины молчали минуту или две. Потом миссис Баучер заговорила тихим, недовольным голосом, который становился все более раздражительным с каждой новой репликой:

- Он - папин любимчик, я говорю. Бедные также любят своих детей, как и богатые. Почему вы не отвечаете?

Почему вы смотрите на меня с такой жалостью? Где Джон?

Несмотря на свою слабость, она схватила Маргарет за плечи и затрясла, заставляя ее ответить.

- О, Господи! - сказала она мгновенье спустя, осознав значение печального взгляда гостьи, и как подкошенная упала в кресло.

Маргарет взяла ребенка на руки.

- Он любил его, - сказала она.

- Да, - ответила женщина, - он любил нас всех. У нас был тот, кто любил нас. Это было давно, — когда он был еще жив и жил с нами, он сильно любил нас. Он любил этого малыша, может быть, сильнее, чем всех нас. Но он любил меня, и я любила его, хотя ругала его пять минут назад. Вы точно знаете, что он умер? - спросила она, пытаясь встать. - Если он только болен и хочет умереть, они могут принести его сюда. Я сама очень сильно больна - я болела очень долго.

- Но он мертв, он утопился!

- Людей приносят сюда после того, как они утопились. О чем я думаю, сидя спокойно, когда должна волноваться? Эй, тише вы, дети... тише вы! Возьмите это, возьмите что-нибудь поиграть, но не кричите, пока мое сердце разбито! Куда ушла моя сила? О, Джон... муж!

Маргарет не дала ей упасть, подхватив ее под руки. Она усадила миссис Баучер в кресло-качалку и обняла ее, встав на колени рядом с креслом - голова женщины покоилась на плече Маргарет. Другие дети сжались в кучку от страха, они, кажется, начали понимать таинство происходящего. Но осознание приходило к ним медленно. Наконец дети как будто обо всем догадались и принялись так отчаянно плакать, что Маргарет не знала, как это вынести. Джонни плакал громче всех, хотя и не понимал, почему он плачет, бедняжка.

Их мать дрожала в объятиях Маргарет. Маргарет услышала шум у дверей.

- Открой дверь. Открой быстро, - попросила она старшего ребенка. - Она заперта. Не шуми - сделай все тихо. О, папа, пусть они поднимутся вверх очень тихо и осторожно, возможно, она не услышит их. Она потеряла сознание - вот и все.

- Так для нее даже лучше, бедняжки, - сказала женщина, следовавшая по пятам за мужчинами, несшими мертвого Баучера. - Но вам неудобно держать ее. Пойдите, я принесу ей подушку, и мы положим ее прямо на пол.

Услужливая соседка оказала большую помощь Маргарет. Девушка была явно чужой в этом доме, посторонней в этом районе, но соседка была такой доброй и внимательной, что Маргарет почувствовала, что она сама здесь больше не нужна, и что, возможно, будет лучше показать пример и покинуть дом, чтобы увести за собой праздных и сочувствующих зрителей.

Она огляделась в поисках Николаса Хиггинса. Его нигде не было видно. Поэтому она заговорила с женщиной, которая предложила положить миссис Баучер на пол.

- Вы можете намекнуть всем этим людям, что семью лучше оставить в покое? Когда миссис Баучер придет в себя, она должна увидеть только одного - двух, хорошо ей знакомых. Папа, ты поговоришь с людьми и выпроводишь их? Она не может дышать, бедняжка, когда вокруг столько людей.

Маргарет опустила на колени возле миссис Баучер и протерла ей виски уксусом. Но через несколько минут

она удивилась, почувствовав приток свежего воздуха. Маргарет огляделась и увидела улыбки, которыми обменялись ее отец и та женщина.

- Как это удалось? - спросила Маргарет.

- Наша добрая подруга, - ответил мистер Хейл, - воспользовалась главной уловкой, чтобы освободить помещение.

- Я попросила их уйти и забрать с собой детей, напомнив, что теперь они - сироты, а их мать - вдова. Это самое большое, что можно было сделать, а дети, несомненно, сыты по горло сегодняшним горем — и добротой тоже. Она знает, как он умер?

- Нет, - ответила Маргарет. - Я не смогла рассказать ей все сразу.

- Ей нужно рассказать из-за расследования. Смотрите! Она приходит в себя. Вы это сделаете или я? Или, может быть, это лучше сделать вашему отцу?

- Нет, вы, вы, - ответила Маргарет.

Они молча ждали, пока миссис Баучер окончательно придет в себя. Потом соседская женщина села на пол и положила голову миссис Баучер себе на колени.

- Соседка, - сказала она, - твой муж умер. Знаешь, как он умер?

- Он утонул, - вяло ответила миссис Баучер, впервые заплакав, осознавая свое горе.

- Его нашли утонувшим. Он возвращался домой, потеряв всякую надежду на этой земле. Он думал, что Бог не будет таким жестоким, как люди. Может быть, он не так жесток. Может быть, он будет таким же нежным, как мать. Может быть, нежнее. Я не говорю, что твой муж поступил правильно, и я не говорю, что он поступил неправильно. Все, что я говорю, это что, возможно, ни я, ни мои родные никогда не будем так страдать, как он, и, возможно, мы так не поступим.

- Он оставил меня одну с этими детьми! - стонала вдова, менее потрясенная, нежели ожидала Маргарет, тем, как окончил жизнь ее муж.

- Не одну, - серьезно ответил мистер Хейл. - Кто остался с вами? Кто вас защитит?

Вдова широко открыла глаза и посмотрела на говорившего, чье присутствие до сих пор она не замечала.

- Кто обещал быть отцом для оставшихся без отца? - продолжил он.

- Но у меня шесть детей, сэр, а старшему нет еще и восьми. Я не сомневаюсь в Его силе, сэр... только нужно немного веры, - и она снова заплакала.

- С ней лучше поговорить завтра, сэр, - сказала соседка. - Лучше всего ее успокоит присутствие ребенка рядом с ней. Жаль, что они забрали малыша.

- Я схожу за ним, - вызвалась Маргарет.

Через несколько минут она вернулась, неся на руках Джонни. Его лицо было перепачкано едой, а в кулачках зажаты сокровища в виде кожуры, кусочков хрустала и головы от гипсовой фигурки. Она отдала его в руки матери.

- Вот! - сказала женщина, - теперь идите. Они поплачут вместе и успокоятся вместе, — никто кроме ребенка не сделает этого лучше. Я останусь с ней, пока буду нужна, и если вы придете завтра, то сможете с ней толково поговорить, — она сейчас не в состоянии.

Маргарет с отцом медленно шли по улице, и она остановилась у закрытой двери дома Хиггинса.

- Войдем? - спросил ее отец. - Я тоже думал о нем.

Они постучали. Ответа не последовало, — они толкнули дверь. Она была заперта, но им показалось, что они услышали движение внутри.

- Николас! - снова позвала Маргарет. - Это только мы. Вы нас не впустите?

- Нет, - ответил он. - Я уже выразился, как можно яснее, что жалею о сказанном, когда запер дверь. Оставьте меня сегодня.

Мистер Хейл настоял бы на своем желании войти, но Маргарет приложила палец к его губам.

- Я не удивляюсь этому, - сказала она. - Я сама хотела бы остаться одна. Кажется, это единственное, что пойдет нам на пользу после такого дня.

«Лопата! Грабли и мотыга!
Кирка, топор, секач!
И серп, чтоб жать, коса — косить,
И цеп, чтоб зерна молотить.
И вот батрак готов
Работать долго и упорно,
Умеет все, пройдя урок
В тяжелой школе жизни».
Томас Худ «Песня работника»

Дверь у Хиггинсов была закрыта и на следующий день, когда Маргарет с отцом пришли навестить вдову Баучера. От одного из соседей они узнали, что Николаса сейчас нет дома. Он, тем не менее, зашел проведать миссис Баучер прежде, чем заняться своими делами.

У Маргарет и у мистера Хейла на душе остался неприятный осадок после посещения миссис Баучер. Она считала, что муж плохо с ней обошелся, покончив с собой. В ее словах была доля правды, оттого было трудно их опровергнуть. Все же, было неприятно видеть, что все мысли миссис Баучер заняты только собой и собственным положением, — даже несчастных детей она считала обузой и испытывала к ним какую-то животную неприязнь. Маргарет пыталась поговорить со старшими детьми, пока ее отец увещевал вдову, советуя ей обратиться с молитвой к богу, а не просто жаловаться на тяжкую судьбу. Маргарет заметила, что дети искреннее и сильнее оплакивали отца, нежели их мать. Заикаясь от нетерпения, они рассказывали, что папочка был добрым, что он был нежен с ними, что часто исполнял их прихоти.

- А тот, кто лежит наверху, правда папочка? Он не похож на него. Я боюсь его, а я никогда не боялся папы.

У Маргарет защемило сердце, когда она услышала, что мать, требуя к себе сочувствия, водила детей наверх посмотреть на их обезображенного отца. Теперь к глубокой печали в детских сердцах примешался страх перед покойником. Маргарет пыталась занять мысли детей тем, что они смогли бы сделать для матери, а вернее тем, что сам отец попросил бы их сделать. Она больше преуспела в своих попытках, чем ее отец. Дети начали понемногу убирать грязную комнату. Но мистер Хейл рассказывал слабой больной о слишком высоких и малопонятных для нее материях. Находясь в оцепенении, она не могла думать о том, как страдал ее муж перед тем, как решился на этот последний ужасный шаг. Она думала только о том, как гибель мужа повлияла на нее. Она не могла проникнуться мыслью о бесконечном милосердии Бога, который не вмешался, чтобы предотвратить гибель ее исстрадавшегося мужа. И хотя втайне миссис Баучер винила мужа за то, что он поддался отчаянию, и не признавала, что у него была причина совершить самоубийство, вслух она безжалостно ругала всех тех, кто мог тем или иным образом довести его до такого отчаяния: хозяев - в частности, мистера Торнтонна, на фабрике которого вспыхнул бунт, и который после того, как вышел приказ о задержании бунтовщиков, забрал свое заявление назад, союз рабочих, представителем которого для бедной женщины был Хиггинс, детей - их было так много, они были вечно голодны и страшно шумели, - все объединились в огромную армию ее личных врагов, по вине которых она стала теперь беспомощной вдовой.

От этих бесконечных неразумных обвинений Маргарет пришла в уныние. И когда они вышли от Баучеров, она поняла, что ей не удастся развеселить отца.

- Это городская жизнь, - сказала она. - Их нервы расшатаны постоянной спешкой и борьбой за существование. Да к тому же эти дома-темницы сами по себе вызывают уныние и беспокойство в душе. В деревне люди больше времени проводят вне дома, — даже дети, и даже зимой.

- Но люди должны жить в городах. А в деревне некоторые приобретают такой закоснелый склад ума, что становятся почти фаталистами.

- Да, я знаю об этом. Я полагаю, и городской, и деревенский образ жизни готовят людям свои испытания и свои соблазны. Жителю города трудно быть терпеливым и спокойным, а деревенский житель редко бывает активным и готовым к необычным и непредвиденным случаям. И тем и другим трудно думать о будущем: горожанам - потому что настоящее полно беспокойства и суеты, селянам - потому что все располагает их к простому существованию, где нет места мечтам и чаяниям.

- Таким образом, и беспрестанная суета, и глупое довольство настоящим приведут к одному и тому же неутешительному итогу. Но эта бедная миссис Баучер! Как мало мы можем для нее сделать.

- И все же мы не смеем оставить ее и не попытаемся что-то сделать, хотя наши попытки кажутся такими бесполезными. О, папа! В этом мире так тяжело жить!

- Так и есть, дитя мое. Во всяком случае, мы теперь ощущаем это в полной мере. Но мы были очень счастливы, даже в горе. Каким счастьем стал для нас визит Фредерика!

- Да, так и было, - радостно ответила Маргарет. - Все было так таинственно и запретно, и полно очарования.

Но внезапно она замолчала. Ее воспоминания о приезде Фредерика были отравлены мыслью о собственной трусости. Она всегда презирала в других отсутствие смелости, слабость духа, которая вела к обману. И вот теперь она сама могла назвать себя слабовольной и трусливой! Потом Маргарет вспомнила о том, что мистеру Торнтону известно о ее обмане. Она задумалась, беспокоило бы ее так же сильно мнение о ней кого-то еще. Она пыталась представить, как признается в обмане тете Шоу и Эдит, отцу, капитану и мистеру Ленноксу, или Фредерику. Мысль о том, что брат узнает, что она сделала даже ради его пользы, была самой болезненной, потому что брат и сестра только что обрели взаимную любовь и уважение. Но даже невысокое мнение Фредерика о ней не заставило бы ее страдать так, как страдала она сейчас. Все было незначительным по сравнению со стыдом, давящим стыдом, который она ощущала, думая о встрече с мистером Торнтоном. И все же ей хотелось увидеть его, пройти через этот стыд, чтобы понять, что он о ней думает. Ее щеки пылали, когда она вспомнила, как с пренебрежением отзывалась о торговцах в первые дни их знакомства. Она говорила, что торговле изначально присущ обман: сбывая товары низкого качества, торговцы выдавали их за первосортные или получали кредит под обеспечение, которого на самом деле не имели. Она вспомнила взгляд мистера Торнтона, полный спокойного презрения, когда в нескольких словах он дал ей понять, что в огромной системе торговли все бесчестные сделки, в конце концов, неизбежно приводят к большим убыткам, и что проводить подобные сделки просто ради ничтожного успеха глупо и неблагоразумно, — как в торговле, так и в жизни. Маргарет вспомнила, как она, твердая в своих убеждениях, спросила его, не думает ли он, что, покупая дешево, а продавая дорого, рынок приводит к росту несправедливости. А ведь справедливость, уверяла она, так тесно связана с идеей правды: она использовала слово «благородной», а отец, поправив ее, сказал, что более точным словом будет «христианской». И как, обвинив в этом мистера Торнтона, она торжествовала в душе.

Но отныне она не в праве презирать никого! Отныне она не в праве проповедовать благородство! Впредь она должна чувствовать себя униженной и опозоренной в его глазах. Но когда она сможет его увидеть? Ее сердце начинало тревожно биться от каждого звонка в дверь. И все же, когда звонок замолкал, она чувствовала странное сожаление и боль разочарования. Было очевидно, что и ее отец ждал мистера Торнтона и удивлялся, почему тот не приходит. Мистер Хейл еще не возобновил свои уроки с учениками, которые отменил, как только здоровье миссис Хейл сильно ухудшилось, поэтому сейчас был занят меньше, чем обычно. Но самоубийство Баучера и необходимость позаботиться о его вдове и детях вернули его к жизни быстрее, чем все размышления. Мистер Хейл не находил себе места весь вечер. Он, не переставая, говорил: «Я ожидал увидеть мистера Торнтона. Думаю, что посыльный, который принес книгу прошлым вечером, должен был передать записку, но забыл. Может сегодня приносили какое-нибудь письмо?»

- Я пойду и спрошу, папа, - сказала Маргарет наконец.

- Постой, вот звонок!

Она тут же села и склонила голову над шитьем, сосредоточившись на работе. На лестнице раздались шаги, но шел только один человек, и Маргарет узнала Диксон. Она подняла голову, вздохнула и поверила, что рада.

- Там пришел этот Хиггинс, сэр. Он хочет повидать вас и еще мисс Хейл. Или, может быть, сначала мисс Хейл, а потом вас, сэр. Он очень странный.

- Пусть он поднимется, Диксон. Тогда он сможет повидать нас обоих и выбрать, с кем он хочет поговорить.

- О! Очень хорошо, сэр. У меня нет желания слушать то, что он говорит. Только если бы вы увидели его башмаки, вы бы сказали, что лучше беседовать в кухне.

- Полагаю, он может вытереть их, - сказал мистер Хейл.

Диксон быстро вышла из комнаты и предложила гостю подняться. Она немного успокоилась, только когда он нерешительно посмотрел себе под ноги, а потом, сев на низкий стул, снял башмаки, вызвавшие недовольство Диксон, и без слов поднялся наверх.

- Служанка, сэр! - сказал он, приглаживая волосы, когда входил в комнату. - Надеюсь, она извинит меня, - он взглянул на Маргарет, - за то, что я в чулках. Мне много пришлось сегодня ходить, а на улицах грязно.

Маргарет подумала, что усталость могла быть причиной того, что Николас непривычно спокоен и покорен. Ему явно было трудно сказать, из-за чего он пришел.

- Мы собирались пить чай, и вы выпьете вместе с нами, мистер Хиггинс, - сказал мистер Хейл с неизменным

сочувствием и мягкостью в голосе. - Уверен, вы устали, проведя столько времени вне дома в этот сырой холодный день. Маргарет, моя дорогая, ты не поторопишься с чаем?

Маргарет сама приготовила чай, чем обидела Диксон, которая после смерти своей хозяйки стала очень ревнивой и раздражительной. Но Марта, как и все, кто общался с Маргарет, даже сама Диксон рады были исполнить любое желание молодой хозяйки. И готовность Марты и добрая снисходительность Маргарет вскоре заставили Диксон устыдиться своей обиды.

- Я никак в толк не возьму, почему хозяин и вы должны всегда просить простолюдинов подниматься наверх с тех пор, как мы приехали в Милтон. Бедняки в Хелстоне никогда не поднимались выше кухни, и, доложу вам, они почитали для себя честью находиться там.

Хиггинс не мог решиться заговорить, пока в комнате была Маргарет. Когда она спустилась на кухню, Николас подошел к двери и убедился, что она закрыта. Затем он, собравшись с духом, обратился к мистеру Хейлу:

- Хозяин, - сказал он, - вы не догадаетесь, куда я сегодня ходил весь день. Особенно, если вы помните мой вчерашний разговор. Я искал работу. Я сказал себе, что буду вежливым, и позволю им говорить то, что они хотят. Я придержу свой язык и смолчу, и ничего не стану отвечать. Ради того человека... вы понимаете, - он ткнул пальцем куда-то в сторону.

- Нет, не понимаю, - ответил мистер Хейл, видя, что Хиггинс ждет какого-то одобрения, но он не понимал, о каком «том человеке» идет речь.

- Тот парень, что лежит там, - сказал Николас, опять сделав резкое движение рукой. - Он пошел и утопился, бедняга! Я не думал, что у него хватит смелости лежать спокойно и позволить воде заливать его, пока он не умрет. Баучер, вы знаете.

- Да, теперь знаю, - ответил мистер Хейл. - Вернитесь к тому, о чем вы рассказывали: вы не стали ничего отвечать хозяевам...

- Ради него. И все же не ради него. Где бы он ни был, каким бы он не был, он никогда больше не будет страдать от голода и холода. Но ради его жены и детей.

- Бог благословит вас! - сказал мистер Хейл, вздрогнув, а потом, успокоившись, произнес, затаив дыхание, - Что вы имеете в виду? Расскажите мне.

- Я рассказал вам, - ответил Хиггинс, немного удивленный волнением мистера Хейла. - Я бы не стал просить работу для себя. Но их оставили на мое попечение. Полагаю, я бы направил Баучера на лучший путь. Но это я довел его до смерти, мне и отвечать за него.

Мистер Хейл взял Хиггинса за руку и сердечно пожал ее, молча. Хиггинсу стало неловко и стыдно.

- Ну, полно, полно, хозяин! Среди нас нет человека, который не сделал бы то же самое, да и лучше тоже. Поверьте мне, я никогда не получу даже самой ничтожной работы. Из-за всего того, что я сказал Хэмперу, не говоря уже о его обещании, под которым я бы не подписался - нет, я бы не смог, даже ради них, - он никогда не возьмет к себе на фабрику такого рабочего, как я... не я один остался без работы... многие другие тоже. Я - бедная, бесполезная, паршивая овца. Дети будут страдать от голода, потому что я ничего не могу сделать, если вы, священник, не поможете мне.

- Помочь вам? Но как? Я бы сделал все, но что я могу?

- Вот мисс, - Маргарет вошла в комнату и молча слушала, - часто рассказывала восхитительные истории о юге, про то, как там живут. Я не знаю, как далеко это отсюда, но я подумал, что мог бы поехать туда, где еда дешевая, а заработки неплохие, и все люди - богатые и бедные, хозяева и рабочие - дружелюбны. Вы могли бы помочь мне получить там работу. Мне нет еще сорока пяти, я еще полон силы, хозяин.

- Но какую работу вы могли бы выполнять, друг мой?

- Ну, полагаю, я бы справился с лопатой...

- И за это, - сказала Маргарет, выйдя вперед, - за любую работу, которую вы бы выполняли, Хиггинс, в самом лучшем случае вы бы получали девять шиллингов в неделю. Может быть, десять, от силы. Еда там такая же, как и здесь, разве что у вас мог бы быть небольшой огород...

- Дети могли бы работать там, - ответил Николас. - Я устал от Милтона, так же, как и Милтон устал от меня.

- Тем не менее, - сказала Маргарет, - вы не должны ехать на Юг. Вы не сможете там жить. Вам придется работать при любой погоде. Вас убьет ревматизм. Тяжелая физическая работа в вашем возрасте быстро сведет вас в могилу. Питание там отличается от того, к которому вы здесь привыкли.

- Я не очень привередлив в еде, - сказал Хиггинс, как будто обидевшись.

- Но вы надеетесь получать от мясника мясо каждый день, если работаете, платить за него из этих десяти

шиллинг, содержать на них этих бедных детей, если сможете. Я обязана вам сказать об этом, потому что из-за моих рассказов вы загорелись этой идеей. Вы должны ясно представлять себе, что вас ждет. Вы быстро затоскуете от такой жизни. Вы не знаете, какая она. Она проест вас, как ржавчина. Те, кто жили там всю свою жизнь, словно плавают в стоячей воде. Они трудятся день ото дня на огромных пашнях, не разговаривая друг с другом и не поднимая своих бедных, склоненных голов. Тяжелая работа отбивает у них желание мыслить. Монотонность труда притупляет их воображение. Они не любят встречаться после работы, чтобы поделиться мыслями или просто поболтать о пустяках. Они приходят домой зверски уставшие, бедняги! Их ничто не интересует, кроме еды и отдыха. Вы не заведете себе друзей, которых у вас так много в городе. Хорошо это или плохо, я не знаю. Но я точно знаю, что вы не из тех людей, кто сможет выдержать такую жизнь. То, что для них будет покоем, для вас будет вечной каторгой. Не думайте больше об этом, Николас, я прошу вас. Кроме того, вы никогда не сможете оплатить переезд матери и детей туда.

- Я размышлял об этом. Одного дома будет достаточно для нас всех, а мебель из другого служила бы нам. А людям там приходится содержать свои семьи - может быть, шесть или семь детей. Бог помогает им! - сказал он, более убежденный собственным рассказом, чем словами Маргарет. - Да поможет им Бог! И на Севере и на Юге людям нелегко живется. Если работа там надежная и постоянная, а рабочим платят нищенское жалованье, то здесь мы браним деньги, что получаем в один квартал, а в следующем не получим ни фартинга. Конечно, мир находится в таком беспорядке, что мне и любому другому человеку трудно понять, как быть. Он нуждается в исправлении, а кто его должен исправлять, если, как говорит народ, нет ничего кроме того, что мы видим?

Мистер Хейл нарезал хлеб и масло. Маргарет была рада, что отец занят, поскольку понимала, что лучше оставить Хиггинса в покое. Если ее отец начнет обсуждать намерения Хиггинса, тот станет спорить и останется при своем собственном мнении. Поэтому Маргарет разговаривала с отцом на малозначащие темы, пока Хиггинс, незаметно для самого себя не поел основательно. Потом он отодвинул стул от стола и стал прислушиваться к их разговору, но не услышал ничего важного для себя и опять погрузился в задумчивое уныние. Вдруг Маргарет произнесла то, о чем думала некоторое время, но о чем не решалась заговорить:

- Хиггинс, вы искали работу на фабрике Мальборо?

- У Торнтон? - спросил он. - Да, я был у Торнтон.

- И что он сказал?

- Такому парню, как я, невозможно встретиться с хозяином. Надсмотрщик приказал мне убираться ко всем чертям.

- Если бы вы встретились с мистером Торнтоном, - сказал мистер Хейл, - он, возможно, не дал бы вам работу, но он не стал бы разговаривать с вами на таком языке.

- Что касается языка, со мной все так говорят. Для меня это не имеет значения. Я не пугаюсь, когда меня выгоняют. Правда в том, что меня не желают видеть ни там, ни где-то еще, как я понял.

- Но если бы вы встретились с мистером Торнтоном, - повторила Маргарет. - Вы не сходите еще раз... слишком трудно просить, я знаю... Но, может, вы пойдете завтра и попросите его? Я была бы рада, если бы вы пошли.

- Боюсь, что это будет бесполезно, - сказал тихо мистер Хейл. - Будет лучше, если я сам поговорю с ним.

Маргарет все еще смотрела на Хиггинса, ожидая ответа. Ему было трудно сопротивляться ее печальному, нежному взгляду. Он тяжело вздохнул.

- Мне придется прищемить хвост своей гордости. Если бы это было нужно мне, я бы продолжал голодать. Я бы скорее ударил его, чем попросил об одолжении. Я бы скорее себя избил. Но вы - необычная девушка, прошу прощения, и не держите свои мысли при себе. Я сделаю постное лицо и так пойду завтра. Не думаете же вы, что он даст мне работу. Этот человек скорее сунет руку в огонь, чем уступит. Я делаю это только ради вас, мисс Хейл, и впервые в своей жизни я уступаю женщине. Ни моя жена, ни Бесс не осмеливались так со мной говорить.

- Все, что я могу сделать, это поблагодарить вас, - сказала Маргарет, улыбаясь. - Хотя я не верю вам: я полагаю, что вы уступали жене и дочери так же часто, как и большинство мужчин.

- А что касается мистера Торнтон, - сказал мистер Хейл, - я передам с вами записку для него, которая, я осмелюсь сказать, гарантирует, что вас выслушают.

- Я сердечно благодарен вам, сэр, но я буду ходить своими ногами. Я не выношу, когда мне покровительствует тот, кто стоит в стороне от дела. Вмешиваться в ссору между хозяином и рабочим все равно, что вмешиваться в ссору между мужем и женой, что бы там ни было. Нужно быть очень мудрым, чтобы сделать человеку добро. Я встану на караул у двери сторожки. И буду стоять там с шести утра пока не смогу поговорить

с ним. Но я бы охотнее подметал улицы, если бы нищие не хватались за такую работу. Не надейтесь, мисс. Скорей из камня потечет молоко. Я желаю вам доброй ночи и благодарю вас.

- Вы найдете ваши ботинки у огня в кухне. Я поставила их сушиться, - сказала Маргарет.

Он повернулся и пристально посмотрел на нее, а потом, утерев глаза худой рукой, вышел.

- Какой гордец этот человек! - сказал мистер Хейл, которого немного встревожило то, как Хиггинс отклонил его ходатайство к мистеру Торнтону.

- Да, - согласилась Маргарет, - но гордость и делает его человеком, которого нельзя не уважать.

- Забавно видеть, как он уважает мистера Торнтон за то, что у того похожий характер.

- Во всех северянах есть твердость, папа, разве нет?

- Боюсь, бедному Баучеру ее не доставало, как недостает и его жене.

- Судя по их манере говорить, я могу предположить, что в них есть ирландская кровь. Мне интересно, что у Николаса получится завтра. Если он и мистер Торнтон переговорят, как мужчина с женщиной... если Хиггинс забудет, что мистер Торнтон - хозяин, и поговорит с ним так же, как с нами... И если мистер Торнтон будет достаточно терпелив, чтобы выслушать его по-человечески, а не как хозяин...

- Наконец ты отдаешь должное мистеру Торнтону, - сказал мистер Хейл, ущипнув ее за ухо.

У Маргарет странно защемило сердце, и она ничего не смогла ответить.

«О! - подумала она, - если бы я была женщиной, если бы я могла завтра пойти к нему, выслушать его упрёки и честно сказать ему, что знаю, что заслужила их. Как тяжело терять его, как друга, именно тогда, когда я начинаю ценить его! Как нежно он относился к моей дорогой маме! Если бы она еще была жива, я бы так хотела, чтобы он пришел, и тогда я наконец узнала бы, как низко пала в его глазах».

Глава XXXVIII

Обещания исполнены

«Потом гордо, гордо она поднялась,
Хотя слезы стояли в глазах,
«Говорите, что угодно, думайте, что хотите,
Вы ни слова от меня не добьетесь»».
Шотландская баллада

Мистера Торнтон более всего мучило не то, что Маргарет солгала - хотя она сама считала, что он изменил свое мнение о ней именно по этой причине - но то, что эта ложь была связана с другим возлюбленным. Он не мог забыть, каким взглядом обменялись она и тот другой человек - любящим и искренним, полным доверия и нежности. Это воспоминание постоянно жалило его, а видение возникало перед глазами, куда бы он ни шел и что бы ни делал. Он скрипел зубами при одной мысли о том, что Маргарет встречалась с возлюбленным в сумерках и в месте, удаленном от дома и довольно редко посещаемом. Поначалу врожденное благородство заставляло его предположить, что все произошедшее могло быть случайным, невинным и заслуживающим оправдания, пока однажды он не признал ее право любить и быть любимой. Разве у него были причины отрицать ее право любить? Разве ее слова не были так жестоко убедительны, когда она отвергла его любовь? Она, без сомнения, могла приятно проводить время, прогуливаясь с кем-то в поздний час. Но эта ложь! Она неизбежно указывала на что-то неправильное, — на нечто, что должно быть скрыто, и это было так непохоже на Маргарет. Мистер Торнтон отдавал должное ее правдивости, хотя для него было бы облегчением поверить в то, что мисс Хейл недостойна его уважения. Но именно это и делало его несчастным - он очень сильно любил ее и, несмотря на все ее ошибки, она представлялась ему совершенной и желанной, как ни одна другая женщина. Однако он полагал, что Маргарет так привязана к тому другому мужчине, так увлечена своим чувством к нему, что переступила через свои принципы. Сама ложь, что запятнала ее, была подтверждением того, как безоглядно она любила другого - этого темноволосого, стройного, элегантного и красивого мужчину, так не похожего на него - грубого, угрюмого верзилу. Мистер Торнтон изводил себя муками жестокой ревности. Он вспоминал тот взгляд, то чувство! Он бы положил свою жизнь к ее ногам за один такой взгляд, за мгновение нежности! Он так

дорожил воспоминанием о минуте, когда она бросилась защищать его от ярости толпы. Но теперь он мог только смеяться над собой. Теперь он увидел, какой нежной и очаровательной она могла быть рядом с мужчиной, которого на самом деле любила. А ему она сказала: «Во всей этой толпе не было мужчины, ради которого я не сделала бы то же самое, но более охотно, чем для вас». Она не желала выделять его из толпы. Но этот мужчина, этот тайный возлюбленный мог не делить ее ни с кем. Взгляды, слова, пожатие рук, ложь, тщательно скрываемая тайна - все принадлежало ему одному.

Никогда еще мистер Торнтон не был так раздражен, как сейчас. Он был резок и немногословен, а порою груб со всеми, кто обращался к нему. И это понимание ранило его, ведь он всегда так гордился своим самообладанием. Поэтому он изо всех сил стался подавить свое раздражение, думать о чем-то другом, но мысли его были даже более гнетущими и мрачными, чем обычно. Дома он был более молчаливым, а вечерами обычно ходил взад-вперед по комнате, что весьма рассердило бы его мать, если бы так вел себя кто-то другой. Но Ханна Торнтон не была склонна проявлять снисхождение даже к своему любимому сыну.

- Ты можешь остановиться...можешь присесть на минуту? Мне кое-что нужно сказать тебе, если ты перестанешь без конца ходить, ходить и ходить.

Он тут же сел на стул возле стены.

- Я хочу поговорить с тобой о Бетси. Она говорит, что должна уйти от нас, потому что смерть любимого так потрясла ее, что она не может работать прилежно, как раньше.

- Очень хорошо. Я полагаю, другие кухарки справятся.

- Это так похоже на мужчину. Я переживаю не просто из-за того, что она хорошо готовит, а из-за того, что она давно в нашем доме и прекрасно знает весь уклад. Кроме того, она рассказала мне кое-что о твоём друге мисс Хейл.

- Мисс Хейл - мне не друг. Мой друг - мистер Хейл.

- Я рада слышать, что ты так говоришь, потому что если бы она была твоим другом, то, что сказала Бетси, встревожило бы тебя.

- Расскажи мне, - сказал он спокойно и безразлично - так он разговаривал в последние дни.

- Бетси говорит, что той ночью, когда ее любимый... я забыла его имя - она всегда называла его «он»...

- Леонардс.

- Той ночью, когда Леонардса последний раз видели на станции, когда он в последний раз был на смене, мисс Хейл была там, прогуливалась с молодым человеком, который, как полагает Бетси, убил Леонардса, ударив его или толкнув.

- Леонардс умер не от удара или толчка.

- Откуда ты знаешь?

- Потому что я спрашивал хирурга в лазарете. Он рассказал мне, что у Леонардса были давние внутренние расстройства, вызванные чрезмерным пристрастием к выпивке. Хирург не мог сказать с определенностью, был ли последний приступ вызван излишней выпивкой или падением.

- Падением! Каким падением?

- Которое последовало от удара или толчка, о котором говорила Бетси.

- Его ударили или толкнули?

- Полагаю, что так.

- И кто это сделал?

- Следствия не было, поэтому я не могу сказать.

- Но мисс Хейл была там?

Он не ответил.

- С молодым мужчиной?

Мистер Торнтон опять промолчал. Наконец он сказал:

- Я сказал тебе, мама, - расследования не было... не было следствия. Я имею в виду, судебного расследования.

- Бетси говорит, что Вулмер - она его знает, он работает в бакалейной лавке в Крэмптоне - может поклясться, что мисс Хейл была на станции в тот час, прогуливалась туда-сюда с молодым мужчиной.

- Я не понимаю, почему нас это должно волновать. Мисс Хейл вольна поступать так, как пожелает.

- Я рада, что ты так говоришь, - пылко ответила миссис Торнтон. - Для нас, конечно, это не имеет большого значения, а для тебя - особенно, после всего случившегося. Но я... я обещала миссис Хейл, что не позволю ее дочери поступать неправильно, и не оставлю ее без совета и предостережения. Я, несомненно, выскажу ей свое

мнение о ее поведении.

- Я не вижу особого вреда в том, что она сделала в тот вечер, - сказал мистер Торнтон, вставая и подходя к матери.

Он остановился у камина, повернувшись лицом к стене.

- Тебе бы не понравилось, если бы Фанни видели поздно вечером в уединенном месте с молодым мужчиной. Я уж не говорю о том, что ее мать тогда еще не похоронили. Тебе бы понравилось, если бы твою сестру увидел в такой компании помощник бакалейщика?

- Прежде всего, прошло не очень много времени с тех пор, как я сам был помощником в лавке, а то обстоятельство, что помощник бакалейщика заметил какой-то поступок, не изменит для меня самого поступка. А во-вторых, между мисс Хейл и Фанни существует большая разница. Я могу предположить, что у первой могут быть веские причины, из-за которых она вынуждена была так поступить. Я не думаю, что у Фанни есть веские причины для поступков. Другие люди должны опекать ее. А мисс Хейл, я полагаю, сама о себе заботится.

- Действительно, у твоей сестры совсем другой характер! В самом деле, Джон, можно подумать, что мисс Хейл сделала достаточно для того, чтобы ты стал проницательным. Она вынудила тебя сделать ей предложение, бесстыдно выказав свое поддельное расположение к тебе, и в то же время поощряла того молодого мужчину, я не сомневаюсь. Теперь мне все понятно. Я полагаю, ты считаешь, что он - ее возлюбленный... ты согласен с этим.

Он повернулся к матери, его лицо было очень бледным и мрачным.

- Да, мама. Я верю, что он - ее возлюбленный.

Произнеся эти слова, он снова отвернулся. Эта мысль терзала его, как терзает телесная боль. Он склонил голову на руку. И прежде, чем снова заговорить, резко обернулся:

- Мама, он - ее возлюбленный, кем бы он ни был. Но ей нужна помощь и совет женщины. Она может испытывать трудности или подвергаться соблазнам, о которых мне неизвестно. Но боюсь, что они есть. Я не хочу ничего знать о них. Но ты всегда была доброй... Да! Доброй и нежной матерью. Пойди к ней, завоюй ее доверие и скажи ей, как лучше поступить. Я знаю, что что-то не так, — должно быть, она испытывает ужасный страх.

- Ради Бога, Джон! - сказала миссис Торнтон, совершенно потрясенная. - Что ты имеешь в виду? О чем ты говоришь? Что ты знаешь?

Он не ответил ей.

- Джон! Я не знаю, что думать, пока ты не скажешь. Ты не имеешь права говорить, что ты чем-то навредил ей.

- Не ей, мама! Я не смог бы навредить ей.

- Что ж! Ты не обязан говорить, если не считаешь нужным. Но такие недоговоренности часто губят женщин.

- Губят! Мама, ты не смеешь... - он повернулся и пристально посмотрел на нее, его глаза сверкали. Затем, вернув себе самообладание, он произнес:

- Я не скажу больше того, что уже сказал, и это - ни больше, ни меньше, чем правда, и я знаю, ты веришь мне. У меня есть причина полагать, что мисс Хейл находится в затрудненном положении из-за своей преданности, которая, - зная характер мисс Хейл, я уверен - совершенно невинна. Эту причину я не стану тебе называть. Но никогда не говори мне, что кто-то порочит ее и обвиняет в чем-то недостойном. Ей необходим совет доброй и чуткой женщины. Ты обещала миссис Хейл!

- Нет! - ответила миссис Торнтон. - Я рада сказать, что не обещала проявлять доброту и чуткость, поскольку понимала, что это может оказаться выше моих сил. Я обещала дать совет и наставление, которые бы дала своей собственной дочери. Я скажу ей то, что сказала бы Фанни, если бы она бродила с молодым человеком в сумерках. Я буду говорить, ссылаясь на обстоятельства, которые мне известны, а не под влиянием тех или иных «серьезных причин», которые ты мне не доверяешь. Итак, я выполню свое обещание и свой долг.

- Она не выдержит этого, - сказал мистер Торнтон пылко.

- Ей придется это выдержать, если я буду говорить с ней от имени ее умершей матери.

- Что ж, - сказал он с усилием, - больше не говори со мной об этом. Я не выношу даже мысли... В любом случае, будет лучше поговорить с ней, чем просто промолчать...

«О! Этот взгляд, полный любви! - произнес он сквозь зубы, запершись в своей комнате. - И эта отвратительная ложь! У нее есть тайны, которые она должна прятать во мраке, а я думал, что вся ее жизнь - свет. О, Маргарет, Маргарет! Мама, как ты измучила меня! О, Маргарет, разве ты не могла полюбить

меня? Я - грубый и суровый, но я бы никогда не заставил тебя лгать ради меня».

Чем больше миссис Торнтон думала над тем, что сказал ее сын, тем тверже она собиралась говорить с мисс Хейл. Она испытывала жестокое удовольствие от того, что «выскажет ей свое мнение» и «исполнит свой долг». Она с наслаждением представляла, как даст понять этой гордячке, что ее не тронуло «обаяние», которым Маргарет покоряла сердца других. Ни густые черные волосы Маргарет, ни ее светлая гладкая кожа, ни ясный взгляд не смягчат справедливых и суровых упреков, которые миссис Торнтон готовила почти полночи.

- Мисс Хейл дома? - спросила миссис Торнтон, зная, что Маргарет дома, потому что видела ее, стоящей у окна. Она шагнула в маленький коридорчик прежде, чем Марта ответила на ее вопрос.

Маргарет писала письмо Эдит, рассказывая ей о последних днях матери. Это облегчало боль, и ей пришлось смахнуть непрошеные слезы, когда сообщили о приходе миссис Торнтон.

Маргарет, встречая гостью, казалась такой кроткой и женственной, что миссис Торнтон была немного обескуражена. Ей стало трудно произнести все те резкие слова, что она заготовила, когда рядом не было той, которой они предназначались. Тихий, бархатный голос Маргарет был более мягким, чем обычно. Ее манеры - более любезными, потому что она чувствовала искреннюю признательность миссис Торнтон за любезность, оказанную им этим визитом. Маргарет попыталась найти интересные темы для разговора, похвалила Марту - служанку, которую миссис Торнтон нашла для них. Сообщила, что попросила Эдит прислать ноты, о которых она рассказывала мисс Торнтон. Миссис Торнтон оказалась в замешательстве. Ее острый дамасский клинок оказался не к месту среди розовых лепестков. Наконец подозрение, которое закралось ей в голову, заставило ее приступить к выполнению своего намерения. Миссис Торнтон подумала, что вся эта приятная беседа была задумана для того, чтобы умиловить мистера Торнтон. Что так или иначе отношения Маргарет с прежним возлюбленным прекратились, и мисс Хейл решила вернуть своего отвергнутого поклонника. Бедная Маргарет! Возможно, подобное подозрение и было по большей части истинным - миссис Торнтон была матерью того, чье уважение Маргарет ценила и боялась потерять. И поэтому девушка неосознанно старалась угодить нежданной гостье. Миссис Торнтон встала, чтобы уйти, но все же казалось, что она хочет еще что-то сказать. Она откашлялась и произнесла:

- Мисс Хейл, у меня есть долг, который я должна выполнить. Я обещала вашей бедной матери заботиться о вас насколько позволит мне мое скромное разумие. Обещала, что я не позволю вам поступать неправильно или, - она немного смягчила свой тон, - неосторожно, без предостережения. Поэтому я должна дать вам совет, примите вы его или нет.

Маргарет встала перед ней, покраснев как обвиняемая, ее глаза расширились, когда она посмотрела на миссис Торнтон. Она подумала, что та пришла поговорить с ней о ее лжесвидетельстве, что мистер Торнтон попросил мать объяснить опасность, которой Маргарет подвергла себя, если ложь опровергнут в суде. И хотя ее сердце защемило от мысли, что он не захотел сам прийти и, приняв ее раскаяние, снова восстановить свое доброе мнение о ней, все же она была слишком смиренна и могла вытерпеть любой упрек во лжи с терпением и кротостью.

Миссис Торнтон продолжила:

- Сначала, когда я услышала от одной своей служанки, что вас видели прогуливающейся с джентльменом так далеко от дома - у станции Аутвуд - очень поздно вечером, я едва поверила ей. Но мой сын — мне жаль это говорить — подтвердил эти слухи. Это было неблагоразумно, по меньшей мере. Многие молодые девушки потеряли свою репутацию и до сих пор...

Глаза Маргарет вспыхнули огнем. Это новое обвинение было слишком оскорбительным. Если бы миссис Торнтон заговорила о том, что Маргарет солгала, — что ж, она бы сама призналась в этом и согласилась, что она достойна презрения. Но говорить о ее репутации! Миссис Торнтон - совершенно чужой человек - это было слишком дерзко! Она ничего не ответит ей, ни слова. Миссис Торнтон увидела воинственный блеск в глазах Маргарет, что вызвало в ответ ее враждебность.

- Ради вашей матери я подумала, что имею право предостеречь вас от совершения опрометчивых поступков. Они компрометируют вас, даже если на самом деле они не причинят вам никакого вреда.

- Ради моей матери, - ответила Маргарет, готовая расплакаться, - я много вынесу. Но я не могу стерпеть все. Я уверена, она никогда не предполагала, что меня подвергнут такому оскорблению.

- Оскорблению, мисс Хейл?!

- Да, сударыня, - ответила Маргарет спокойнее, - это оскорбление. Что вы знаете обо мне такого, что

заставило вас меня подозревать?...О! - сказала она, потеряв самообладание и закрыв лицо руками, - я поняла, мистер Торнтон рассказал вам...

- Нет, мисс Хейл, - ответила миссис Торнтон, порядочность заставила ее удержать Маргарет от признания, хотя любопытство было задето. - Пойдите. Мистер Торнтон ничего мне не рассказал. Вы не знаете моего сына. Вы не достойны узнать его. Он сказал следующее. Послушайте, молодая леди, чтобы вы могли понять, если сможете, какого человека вы отвергли. Этот милтонский промышленник, чье огромное, любящее сердце вы отвергли, попросил меня только вчера вечером: «Пойди к ней. У меня есть причины предполагать, что она находится в затруднительном положении, возникшем из-за какой-то преданности. Ей нужен совет женщины». Полагаю, это были его точные слова. Помимо этого - кроме признания того факта, что вы были на станции Аутвуд с джентльменом вечером двадцать шестого, - он ничего не сказал - ни слова против вас. Если он знает что-то, что заставляет вас так рыдать, он никому об этом не расскажет.

Маргарет все еще прятала лицо в ладонях, ее пальцы были мокрыми от слез. Миссис Торнтон немного смягчилась.

- Успокойтесь, мисс Хейл. Я допускаю, что если вы объясните все обстоятельства, ваше поведение не будет казаться непристойным.

Ответа не последовало. Маргарет раздумывала, что ей ответить. Ей хотелось остаться с миссис Торнтон в хороших отношениях. И все же она не могла, не смела дать объяснение. Миссис Торнтон не выдержала.

- Мне жаль прерывать наше знакомство, но ради Фанни... как я сказала сыну, если бы Фанни совершила какой-нибудь бесстыдный поступок... или Фанни могла бы увлечься...

- Я не могу дать вам объяснений, - тихо сказала Маргарет. - Я не сделала ничего постыдного, ничего из того, о чем вы думаете или знаете. Я думаю, мистер Торнтон судит меня более милосердно, чем вы, - она с трудом сдерживала всхлипы, - но я верю, сударыня, у вас были добрые намерения.

- Благодарю, - сказала миссис Торнтон, выпрямляясь. - Я не знала, что в моих намерениях сомневаются. Это последний раз, когда я вмешиваюсь. Я вовсе не хотела соглашаться на просьбу вашей матери. Я не одобрила привязанность моего сына к вам, когда только ее заподозрила. Я не считаю, что вы достойны его. Но когда вы скомпрометировали себя во время бунта, сделав себя предметом обсуждения служанок и рабочих, я поняла, что не имею права противиться желанию сына сделать вам предложение, — желанию, которое он, между прочим, не высказывал до того дня, - Маргарет вздрогнула и глубоко вздохнула, на что, тем не менее, миссис Торнтон не обратила внимание. - Он пришел к вам. Вы, очевидно, изменили свое намерение. Я вчера сказала сыну, что подумала, возможно, за столь короткое время вы могли получить письмо или узнать что-то об этом другом возлюбленном...

- Почему вы должны так думать обо мне, сударыня? - спросила Маргарет, с гордым презрением откинув голову назад, как лебедь изгибает свою шею. - Вы больше ничего не можете мне сказать, миссис Торнтон. Я отклоняю любую вашу попытку судить меня за что-то. Вы должны позволить мне уйти.

И она вышла из комнаты с бесшумной грацией обиженной принцессы. Миссис Торнтон обладала достаточной долей природного юмора, чтобы почувствовать нелепость положения, в котором она сейчас оказалась. Ей ничего не оставалось, как уйти. Поведение Маргарет не особенно расстроило ее. Маргарет приняла все возражения миссис Торнтон близко к сердцу, как она и ожидала. Слезы девушки успокоили гостью намного больше, нежели это сделали бы молчание и сдержанность. Возмущение мисс Хейл показало, какой эффект произвели на нее слова миссис Торнтон. «Моя молодая леди», - подумала миссис Торнтон про себя, - «у вас в самом деле крутой характер. Если бы вы с Джоном поладили, ему бы пришлось держать вас твердой рукой, чтобы вы знали свое место. Но не думаю, что вы снова охотно пойдете гулять со своим кавалером в такой поздний час. У вас достаточно гордости и ума для этого. Мне нравятся девушки, вспыхивающие при одном упоминании, что о них говорят. Это показывает, что они не легкомысленны по натуре. А что до этой девушки, она может быть сдержанной, но никогда не будет легкомысленной. Я отдам ей должное. Фанни может быть легкомысленной, но не смелой. В ней, бедняжке, совсем нет смелости».

Утро мистера Торнтона выдалось не таким удачным, как у его матери. Она, во всяком случае, выполнила поставленную перед собой цель. Он же пытался понять, в каком он теперь положении: какой ущерб принесла ему забастовка. Большая часть его капитала была вложена в новые и дорогие станки. Он также закупил много хлопка, чтобы выполнить крупные заказы. Но из-за забастовки он ужасно запаздывал с их выполнением. Даже с теми рабочими, которые давно у него трудились и были достаточно опытны, он не был уверен, что справится в срок. Неопытность ирландцев, которым еще приходилось учиться, когда нужно было работать, беспокоила

мистера Торнтон.

Хиггинс пришел со своей просьбой в неподходящее время. Но он обещал Маргарет сделать это во что бы то ни стало. Поэтому он стоял, прислонившись к стене, час за часом, переминаясь с ноги на ногу, хотя его гордость была ущемлена, недовольство росло с каждой минутой, а сам он становился все более угрюмым. Наконец засов резко поднялся, и из ворот вышел мистер Торнтон.

- Я бы хотел переговорить с вами, сэр.

- Я сейчас не могу, приятель. Я и так опаздываю.

- Тогда, сэр, полагаю, я дождусь, когда вы вернетесь.

Мистер Торнтон уже был далеко. Хиггинс вздохнул. По крайней мере, не зря. Перехватить его на улице - это единственный шанс увидеть «хозяина». Если бы Хиггинс позвонил в звонок сторожки или даже поднялся в дом и спросил мистера Торнтон, его могли бы попросту направить к надсмотрщику. Поэтому он по-прежнему стоял у ворот, не удаивая никого ответом и лишь коротко кивая нескольким рабочим, которые узнали его и заговорили с ним, когда толпа хлынула с фабричного двора во время обеденного перерыва, и бросая сердитый взгляд на ирландских «штрейкбрехеров». Наконец вернулся мистер Торнтон.

- Как! Вы все еще здесь?!

- Да, сэр. Мне нужно поговорить с вами.

- Тогда пойдемте. Пойдите, мы пройдем через двор. Рабочие еще не вернулись, поэтому мы сможем спокойно поговорить. Эти умельцы, как я понял, еще на обеде, - сказал он, закрывая дверь сторожки.

Он остановился поговорить с надсмотрщиком. Последний тихо заметил:

- Я полагаю, вы знаете, сэр, что этот человек - Хиггинс, один из лидеров Союза рабочих. Он произнес ту речь в Херстфилде.

- Нет, я не знал, - ответил мистер Торнтон, быстро оглянувшись на своего спутника.

Он знал Хиггинса только по имени, но слышал, что он большой смутьян.

- Пройдемте, - сказал он, его тон стал грубее, чем раньше. «Такие люди, как он, - подумал Торнтон, - мешают торговле и вредят тому городу, где живут. Они просто демагоги, любители власти любой ценой».

- Ну, сэр! Что вы хотите от меня? - спросил мистер Торнтон, повернувшись к Хиггинсу, как только они оказались в конторе фабрики.

- Меня зовут Хиггинс...

- Я знаю это, - прервал его мистер Торнтон. - Что вы хотите, мистер Хиггинс? Вот вопрос.

- Я хочу работать.

- Работать! Значит, ты - славный парень, и пришел ко мне просить работу? И ты не страдаешь от избытка наглости, это очевидно.

- У меня есть враги и клеветники. Но я никогда не слышал, чтобы кто-либо из них называл меня чересчур скромным, - ответил Хиггинс. Его больше разозлил тон мистера Торнтон, чем его слова.

Мистер Торнтон увидел на столе письмо, адресованное ему. Он взял его и прочел. Закончив читать, он взглянул на Хиггинса и спросил:

- Чего ты ждешь?

- Ответа на вопрос, который я задал.

- Я уже ответил. Не трать мое время.

- Вы намекнули, сэр, на мою наглость; но меня учили, что следует отвечать или «да» или «нет», когда меня вежливо спрашивают. Я был бы вам благодарен, если бы вы дали мне работу. Хэмпер скажет, что я хорошо работаю.

- Я бы не советовал ссылаться на Хэмпера, приятель. Я уже слышал больше, чем тебе бы хотелось.

- И все же я бы рискнул. Самое худшее, что скажут, что я сделал то, что считал лучшим, даже во вред себе.

- Тогда тебе лучше пойти к Хэмперу, чтобы он дал тебе работу. Мне пришлось уволить сотню моих лучших рабочих только потому, что они пошли за тобой и тебе подобными. И ты думаешь, я возьму тебя? С тем же успехом я могу кинуть горящую головню в хлопок.

Хиггинс повернулся, чтобы уйти. Потом, вспомнив о Баучере, он опять повернулся к мистеру Торнтону, решившись на самую величайшую уступку, на которую был способен.

- Я обещаю вам, хозяин, что не скажу ни слова против вас, если вы будете справедливы к нам. И я обещаю больше - я обещаю, что когда увижу, что вы говорите неверно и поступаете несправедливо, я сначала поговорю с вами лично, и это будет честное предупреждение. И если вы и я не сойдемся во мнениях о вашем поступке, вы можете уволить меня в течение часа.

- Честное слово! Ты высокого мнения о себе! Хэмпер лишился такого человека! Как же он позволил такому мудрецу уйти?

- Ну, мы разошлись с обоюдным недовольством. Я не дал обещания, которые требовались, а они не захотели меня взять. Поэтому я могу принять любое другое предложение. И как я уже сказал, хотя мне не следовало этого говорить, я хороший рабочий и спокойный человек... особенно когда могу удержаться от выпивки. И я это сделаю теперь, если никогда не делал этого раньше.

- Чтобы отложить больше денег на другую забастовку, я полагаю?

- Нет! Я был бы рад, если бы меня избавили от этого. Я сохранил бы эти деньги для вдовы и детей человека, который сошел с ума из-за ваших штрейкбрехеров и потерял свое место из-за Пэдди,[35] что не мог отличить утка от основы.

- Ну, если у тебя такие добрые намерения, тебе лучше приняться за какое-нибудь другое дело. Я бы не советовал тебе оставаться в Милтоне. Тебя здесь слишком хорошо знают.

- Будь сейчас лето, - ответил Хиггинс, - я бы подался в Ирландию в землекопы или на сенокос, или куда-нибудь еще, и никогда бы не вернулся в Милтон. Но сейчас зима, а дети будут страдать от голода.

- Хороший землекоп из тебя бы получился! Ты бы не смог сделать и половины дневной нормы против ирландца.

- Я бы потребовал полдня вместо двенадцати часов, лишь бы сделать половину дневной нормы вовремя. Вы не знаете другого места, где они могли бы испытать меня, — подальше от фабрик, если я, как вы говорите, «горящая головня»? Я бы согласился работать за любое жалованье, которое бы мне предложили, ради этих детей.

- Разве ты не понимаешь, кем будешь? Ты будешь штрейкбрехером. Ты будешь получать меньшее, чем другие рабочие - и все ради детей другого человека. Вспомни, как жестоко вы обошлись с беднягой, который тоже хотел заработать деньги ради собственных детей. Вы и ваш Союз довели его до такого состояния. Нет! Нет! Если только вспомнить, как вы обошлись с бедными ирландцами, я отвечаю — нет! Я не дам тебе работы. Я не буду говорить, что не верю тебе. Мне ничего об этом неизвестно. Может, это и правда, может — нет. Во всяком случае, это очень маловероятно. И не будем больше говорить. Я не дам работы. Вот и весь ответ.

- Я слышал, сэр. Я бы никогда не побеспокоил вас, но меня попросила прийти та, которая думала, что вы способны к состраданию. Она ошибалась, и я заблуждался. Но я не первый мужчина, которого ввела в заблуждение женщина.

- В следующий раз скажи ей, чтобы она не лезла не в свое дело вместо того, чтобы тратить твое и мое время. Я убежден, что женщины являются причиной всех бедствий в этом мире. Убирайся прочь!

- Я признателен вам за вашу доброту, хозяин, и больше всего за ваше вежливое «прощайте».

Мистер Торнтон не удостоил его ответом. Но, выглянув в окно минуту спустя, он был поражен худой, сгорбленной фигурой, выходившей со двора фабрики. Она разительно отличалась от прямой и твердой осанки человека, говорившего с ним. Мистер Торнтон прошел в сторожку привратника.

- Долго этот человек, Хиггинс, ждал меня, чтобы поговорить?

- Он стоял за воротами, когда еще не было восьми, сэр. Я думаю, он находился там с того самого времени.

- А сейчас...?

- Как раз час, сэр.

«Пять часов, - подумал мистер Торнтон, - это слишком долго для человека, вынужденного ждать в надежде и страхе».

Глава XXXIX

Зарождение дружбы

«Грядет разлука. Пусть прощальным станет

Наш поцелуй! — О нет, я не твоя

Отныне. Горькой правды не тая,

Скажу, я рада — несвобода канет.

Майкл Дрейтон. «Расставание».

Покинув миссис Торнтон, Маргарет закрылась в своей спальне. Находясь в сильном волнении, она по привычке стала расхаживать по комнате. Но, вспомнив, что в этом доме тонкие стены, и каждый ее шаг слышен в соседней комнате, она села и не встала пока не услышала, что миссис Торнтон ушла. Маргарет повторила про себя весь разговор, что произошел между ними, каждое слово, а потом сказала с тяжелым вздохом:

- По крайней мере, ее слова не ранили меня. Они не причинили мне боли, потому что я невиновна, у меня вовсе не было тех побуждений, что она приписала мне. Но все же горько думать, что любой человек ... любая женщина ... может так легко поверить в это. Как это тяжело и грустно! Она не обвиняла меня в том, что я солгала — она не знает об этом. Он никогда не расскажет ей: я могла бы догадаться, что он не скажет!

Маргарет вскинула голову, как будто гордилась деликатным участием, с которым обращался с ней мистер Торнтон. Но тут же новая мысль пришла ей на ум и заставила в волнении крепко сжать руки.

«Он тоже, должно быть, принял бедного Фредерика за моего возлюбленного, — Маргарет покраснела, когда это слово промелькнуло в ее мыслях. — Теперь я поняла это. Он не просто знает о нашей тайне, он верит, что кто-то еще любит меня. И что я... О, Боже!.. О, Боже! Что мне делать? О чем я думаю? Почему меня так волнует, что он думает, когда я уже потеряла его уважение из-за того, что сказала неправду? Я не могу сказать. Но я очень несчастна! О, какой несчастный этот год! Я будто шагнула из детства в старость. У меня не было юности... не будет зрелости. У меня больше нет надежды стать женщиной — я никогда не выйду замуж. Меня ожидают заботы и печали, как будто я — старуха с ужасным характером. Я устала постоянно делиться своей силой. Я могу вынести все для папы, потому что иначе быть не может. Это моя святая обязанность. И думаю, я смогу это вынести вопреки всему — во всяком случае, я смогла найти силы возразить на несправедливые, нелепые подозрения миссис Торнтон. Но так тяжело сознавать, что он совершенно не понял меня. Что произошло, отчего я чувствую себя сегодня такой несчастной? Я не знаю. Я только знаю, что ничего не могу изменить. Иногда я вынуждена уступить. Нет, я не буду, хотя... — сказала она, вставая. — Я не буду... я не буду думать о себе и своем положении. Я не буду думать о своих чувствах. Сейчас это бесполезно. Когда-нибудь, если доживу до старости, я буду сидеть у огня и, глядя на угли, мечтать о жизни, которая у меня могла бы быть».

Все это время Маргарет поспешно одевалась, останавливаясь время от времени, чтобы нетерпеливым жестом вытереть слезы - они переполняли ее глаза, несмотря на всю ее отвагу.

«Смею сказать, многие женщины допускают такие печальные ошибки, как я, и обнаруживают их слишком поздно. И как гордо и дерзко я говорила с ним в тот день! Но тогда я не знала. Это чувство пришло ко мне постепенно, и я не знаю, когда все началось. Теперь я не сдамся. Пусть мне будет трудно вести себя с ним по-прежнему. Но я буду очень спокойной и сдержанной, и буду говорить очень мало. Конечно, может, я не увижу его — он явно будет избегать нас. Это было бы хуже всего. Все же неудивительно, что он избегает меня, веря в то, что увидел».

Маргарет вышла из дома и быстро зашагала к окраине города, пытаясь отогнать воспоминания.

Когда она вернулась домой, отец сказал ей:

- Умница! Ты была у миссис Баучер. Я бы навестил ее, если бы до обеда у меня было свободное время.

- Нет, папа, я не была у нее, — ответила Маргарет, краснея. — Я даже не думала о ней. Но я пойду сразу после обеда. Я схожу, пока ты будешь отдыхать.

И Маргарет сдержала обещание. Миссис Баучер была очень больна — серьезно больна, а не просто хандрела. Добрая и рассудительная соседка, которая приходила на днях, взяла все дела по дому в свои руки. Детей отправили к соседям. Мэри Хиггинс забрала троих самых младших к себе, а Николас сразу пошел за врачом. Он все еще не вернулся. Миссис Баучер становилось все хуже, и ожидание становилось все более тягостным. Маргарет подумала, что ей стоит пойти и навестить Хиггинсов. Тогда она, возможно, узнает, удалось ли Николасу обратиться с просьбой к мистеру Торнтону.

Николас был занят тем, что вертел монетку на буфете, развлекаая трех маленьких детей, которые обступили его со всех сторон. Он, так же как и они, улыбался, если монетке удавалось вертеться очень долго. Маргарет подумала, что довольное выражение его лица и увлеченность своим занятием были хорошим знаком. Когда монетка упала, «крошка Джонни» заплакал.

- Иди ко мне, — сказала Маргарет, снимая малыша с буфета. Она приложила свои часы к его ушку и спросила Николаса, виделся ли он с мистером Торнтоном.

Выражение его лица тут же изменилось.

- Да! — ответил он. — Я виделся с ним и много услышал от него.

- Он отказал вам? — с грустью спросила Маргарет.

- Конечно. Я знал, что так и будет. Не стоит ждать милости из рук хозяев. Вы здесь чужая и посторонняя и, похоже, не знаете их обычаев, но я-то знал.

- Мне жаль, что я спросила вас. Он разозлился? Он не говорил с вами так же грубо, как Хэмпер, не правда ли?

- Он был не слишком вежлив! — ответил Хиггинс, снова вращая монетку больше для собственного развлечения, чем для забавы детей. — Не беспокойтесь, я остался при своем. Завтра я пойду искать работу. Я был с ним вежлив, насколько мог. Я сказал ему, что пришел к нему второй раз не потому, что я хорошего мнения о нем, а потому, что вы посоветовали мне прийти, и я благодарен вам.

- Вы сказали ему, что это я послала вас?

- Я не называл вашего имени. Думаю, что не называл. Я сказал: женщина, которая думала о вас лучше, посоветовала мне прийти и посмотреть, правда ли что ваше сердце не из камня.

- И он..? — спросила Маргарет.

- Сказал, чтобы я передал вам не совать нос в чужие дела... только посмотрите, как она крутится, ребятки!.. И прибавил несколько весьма любезных слов. Но не беспокойтесь. Мы остались при своем. Я лучше буду разбивать камни на дороге, чем позволю этим крошкам умереть от голода.

Маргарет посадила вырывающегося из ее рук Джонни обратно на буфет.

- Мне жаль, что я попросила вас пойти к мистеру Торнтону. Я разочарована в нем.

Позади них послышался легкий шум. Она и Николас обернулись одновременно — на пороге стоял мистер Торнтон с выражением недовольства и удивления на лице. В смятении Маргарет быстро прошла мимо него, не сказав ни слова, только низко поклонившись, чтобы скрыть внезапную бледность лица. Он так же низко поклонился в ответ, а затем закрыл за ней дверь. Торопясь к миссис Баучер, она услышала звук закрывающейся двери, и ей показалось, что он стал последней каплей, переполнившей чашу ее унижения. Мистер Торнтон был слишком рассержен, встретив Маргарет в доме Хиггинса. У него было доброе сердце — «не из камня» — как выразился Николас. Но гордость не позволяла ему открыто проявлять доброту. Он не хотел прослыть мягкосердечным, но желал, чтобы все считали его справедливым. Он понял, что был несправедлив, презрительно разговаривая с тем, кто с покорным терпением прождал пять часов у ворот фабрики. Этот человек дерзко отвечал ему, но и он сам ответил на дерзость грубостью. За это «смутьян» даже понравился ему — мистер Торнтон осознал собственную раздражительность и понял, что они с Хиггинсом, возможно, стоят друг друга. И, кроме того, мистер Торнтон не мог забыть те пять часов ожидания, что Хиггинс провел у ворот. У него самого не было свободных пяти часов, и все же он отвлекся на час или два от своих обычных размышлений - тяжелых, словно физический труд, - и собрал более точные сведения о своем визитере. Он вскоре убедился, что все, что сказал Хиггинс — правда. И эта правда, словно волшебное заклинание, пробилла его душевную броню и проникла до самого сердца. Терпение этого человека, благородство его побуждений заставили мистера Торнтона забыть привычные рассуждения о справедливости и послушаться своей пронизательности. Он пришел к Хиггинсу сказать, что может предложить ему работу. Его больше рассердило присутствие там Маргарет, нежели ее последние слова, поскольку он понял, что она была той самой женщиной, которая заставила Хиггинса прийти к нему. Он боялся позволить себе думать о ней, считая, что поступает так просто потому, что ему это кажется правильным.

- Значит, эта леди была той самой женщиной, о которой вы говорили? — с негодованием спросил мистер Торнтон у Хиггинса. — Могли бы сказать, что это была она.

- И тогда, быть может, вы бы стали разговаривать более вежливо. Что бы сказала ваша мать, если бы услышала, как вы говорите, что все бедствия из-за женщин? Может быть, она велела бы вам прикусить язык?

- И конечно, вы сказали это мисс Хейл?

- Конечно, сказал. По крайней мере, я полагаю, что сказал. Я сказал ей, что вы просили ее не вмешиваться в то, что касается вас.

- Чьи это дети, ваши? — из тех сведений, что он получил, мистер Торнтон ясно представлял, чьи это были дети. Но он чувствовал себя неловко и решил сменить тему разговора.

- И не мои, и мои.

- О них вы говорили мне сегодня утром?

- А вы сказали, что моя история — может, правда, а, может и нет, но уж слишком невероятная? - ответил Хиггинс резко. - Хозяин, я не забыл.

Мистер Торнтон помолчал минуту, а потом сказал:

- Я тоже помню, что сказал. Я не имел права так говорить. Я не поверил вам. Я бы не смог заботиться о детях другого человека, если бы он поступил со мной так, как, я слышал, поступил с вами Баучер. Но я знаю теперь, что вы сказали правду. Я прошу прощения.

Хиггинс не повернулся и не сразу ответил. Но когда он заговорил, его тон смягчился, хотя сами слова были все еще грубыми.

- Вы не имеете права вмешиваться в то, что произошло между мной и Баучером. Он мертв, и мне жаль. Вот и все.

- Да, это так. Вы согласитесь работать у меня? Я пришел за этим.

Хиггинс поколебался, и упрямство едва не взяло верх над здравым смыслом. Он знал, что если не ответит, мистер Торнтон не повторит свой вопрос. Хиггинс посмотрел на детей:

- Вы называли меня наглецом, лжецом и смутьяном, и с долей правды вы могли бы сказать, что время от времени я склонен выпить. А я называл вас тираном и упрямым бульдогом, и бессердечным и жестоким хозяином. Вот так. Но ради детей... Хозяин, вы думаете, мы можем поладить?

- Ну, — ответил мистер Торнтон, улыбаясь, — я предлагаю вам не дружбу. Но есть одно утешение. Никто из нас не сможет высказаться друг о друге хуже, чем мы это сделали сейчас.

- Это правда, — задумчиво ответил Хиггинс, — я думал, с тех пор как увидел вас, что вы не проявите ко мне сострадания, поскольку меньше всего я ожидал его от вас. Но, возможно, я поспешно судил. Такая работа по мне. Поэтому, хозяин, я приду. И более того, я благодарен вам, для меня это много значит, — сказав это с внезапной искренностью, он поднял голову и впервые за все это время посмотрел на мистера Торнтона.

- И для меня — тоже много, — сказал мистер Торнтон, пожимая Хиггинсу руку. — Только помните, вы не должны опаздывать, — продолжил он, опять превращаясь в хозяина. — Я не потерплю лентяев на фабрике. Мы строго наказываем их штрафами. И если я хоть раз узнаю, что вы опять затеваете смуту — уволю. Теперь вы знаете, на что вы согласились.

- Сегодня утром вы говорили о моей мудрости. Полагаю, ее я могу брать с собой, или вы бы предпочли, чтобы я оставил свой ум дома?

- Поразмыслите, как следует: если вы будете вмешиваться в мои дела, можете убираться вместе со своим умом.

- Мне нужно не много ума, чтобы определить, где заканчиваются мои дела и начинаются ваши.

- Ваши дела еще не начались, а мои все еще остаются при мне. До свидания.

Прежде чем мистер Торнтон миновал дом миссис Баучер, Маргарет вышла из дверей. Она не заметила его, а он шел за ней следом несколько ярдов, восхищаясь ее легкой и элегантно походкой, ее стройной и грациозной фигурой. Но внезапно это простое чувство удовольствия было погублено, отравлено ревностью. Ему хотелось догнать ее, поговорить с ней, посмотреть, как она ответит ему — теперь она должна знать, что и он знает о другой ее привязанности. Ему также хотелось — но именно этого желания он и стыдился — чтобы она узнала, что он оценил ее мудрость, когда она направила к нему Хиггинса просить работу, и что он раскаивается в своем утреннем решении. Мистер Торнтон подошел к ней. Она вздрогнула.

- Позвольте мне сказать, мисс Хейл, что вы довольно преждевременно выразили свое разочарование. Я взял Хиггинса на работу.

- Я рада, — холодно ответила она.

- Он рассказал мне, что повторил вам мои слова, которые я произнес утром о... — мистер Торнтон замешкался.

Маргарет продолжила:

-...о том, чтобы женщина не вмешивалась. Вы с полным правом можете выражать свое мнение, совершенно справедливое, я не сомневаюсь. Но, — продолжила она чуть более настойчиво, — Хиггинс не сказал вам всей правды.

Слово «правда» напомнило ей о собственной неправде, и она внезапно замолчала, чувствуя себя неловко.

Мистера Торнтона поначалу озадачило ее молчание, но потом он вспомнил ложь, которую она произнесла, и все, что ей предшествовало.

- Всей правды! — повторил он. — Всю правду говорят редко. Я уже перестал надеяться на это. Мисс Хейл, вы не хотите мне объяснить? Вы должны понимать, что я думаю.

Маргарет молчала. Она раздумывала, не нарушит ли любое объяснение ее преданности Фредерику.

- Нет, — сказал он. — Я больше не буду спрашивать. Возможно, я поддаюсь искушению. Я сохранию ваш

секрет. Но, позвольте мне сказать, вы подвергаете себя большому риску, поступая так неосмотрительно. Я говорю только как друг вашего отца. Если у меня и были другие намерения или надежда, то, конечно, все прошло. Меня это больше не интересует.

- Я знаю об этом, — сказала Маргарет, заставляя себя говорить безразличным, беззаботным тоном. — Я знаю, что вы обо мне думаете, но это секрет другого человека, и я не могу его открыть вам, не причинив ему вреда.

- Я не имею ни малейшего желания выведывать секреты другого джентльмена, — сказал он, начиная сердиться. — Мой собственный интерес... просто дружеский. Вы можете мне не верить, мисс Хейл, но несмотря на преследование, которым, боюсь, я угрожал вам когда-то... Все закончилось. Все прошло. Вы верите мне, мисс Хейл?

- Да, — ответила Маргарет тихо и печально.

- Тогда, в самом деле, я не вижу никакой причины для нас идти дальше вместе. Я думал, возможно, вы сможете мне все объяснить, но я вижу, нам нечего сказать друг другу. Если вы вполне убеждены, что мое глупое чувство к вам совершенно прошло, я попрощаюсь с вами, — и он ушел очень поспешно.

«Что он имеет в виду? — думала Маргарет. — Что он имел в виду, когда говорил так, будто я всегда думала, что он любит меня, хотя я знаю, что это не так. Его мать расскажет ему все эти ужасные вещи обо мне. Но я не буду любить его. Я хозяйка своему сердцу и смогу контролировать это нелепое, странное, несчастное чувство, которое искушало меня предать моего дорогого Фредерика, чтобы я могла восстановить себя в его добром мнении — добром мнении человека, который причинил мне столько боли, сказав мне, что я ничего для него не значу. Успокойся, бедное сердечко! Будь веселым и храбрым. Мы сумеем позаботиться друг о друге, если нас бросили и оставили в одиночестве».

Этим вечером Маргарет почти напугала мистера Хейла своей веселостью. Она непрерывно шутила, словно ее природное чувство юмора вдруг обострилось до чрезвычайности. И хотя в том, что она говорила, был оттенок горечи, и хотя ее воспоминания об обществе на Харли-стрит были приправлены сарказмом, отец не стал поправлять и упрекать ее, потому что был рад видеть дочь такой беззаботной. В разгаре вечера ее позвали вниз переговорить с Мэри Хиггинс, и когда она вернулась, мистеру Хейлу показалось, что он заметил следы слез на ее щеках. Но, возможно, ему показалось, потому что она принесла хорошие новости — Хиггинс получил работу на фабрике Торнтон. Как бы там ни было, Маргарет чувствовала себя подавленной и поняла, что не сможет продолжать разговор так же оживленно, как это она делала до сих пор. В последующие несколько дней ее настроение часто менялось, и мистер Хейл уже начал беспокоиться за нее, когда они получили новости, предвещавшие некоторые перемены и разнообразие. Мистер Белл прислал еще одно письмо, в котором подтвердил свое намерение навестить их. Мистер Хейл надеялся, что ожидание его старого оксфордского друга придаст мыслям Маргарет новый приятный поворот, так же, как и ему самому. Маргарет пыталась проявлять интерес к тому, что радовало отца, но она была слишком слаба, чтобы заботиться о каком-то мистере Белле, будь он хоть двадцать раз крестным Фредерика. Ее больше воодушевило письмо от Эдит, полное соболезнований, изобилующее подробностями о ней самой, ее муже и сыне. И в конце письма говорилось, что хотя мягкий климат Корфу как нельзя лучше подходит для ребенка, миссис Шоу постоянно твердит о возвращении в Англию. Эдит считала, что, возможно, капитан Леннокс вскоре сменит место службы, и они будут жить, как прежде, в старом доме на Харли-стрит, который покажется им пустым и унылым без Маргарет. Маргарет тосковала по этому старому дому и безмятежному спокойствию той старой, упорядоченной, монотонной жизни. В те времена такая жизнь казалась ей утомительной. Но с тех пор, как судьба уготовила ей столько ударов, она почувствовала себя измученной, борясь с самой собой. Теперь Маргарет надеялась, что однообразная жизнь даст ей возможность отдохнуть и восстановить силы. Поэтому она начала задумываться о длительном визите к Ленноксам по их возвращении в Англию. В настоящее время ей казалось, будто вся ее жизнь так или иначе связана с мистером Торнтоном — она не могла забыть его, несмотря на все свои попытки. Если она ходила к Хиггинсам, то и там она слышала о нем. Мистер Хейл снова возобновил их совместные чтения и бесконечно цитировал его суждения. Даже визит мистера Белла заставил ее вспомнить о том, что мистер Торнтон был его подрядчиком. Мистер Белл писал, что ему, должно быть, придется провести много времени с мистером Торнтоном, согласовывая новые условия аренды.

Не в лад

«Я не ошибся в том, что отступил;
Ведь то, что не имел, нельзя забрать.
Отныне. Горькой правды не тая,
Своим несчастьем я вознагражден.
А тот, другой, должно быть, рад,
В награду получив любовь, которой я лишен.»

Томас Уайетт

Маргарет не ждала, что визит мистера Белла доставит ей удовольствие. Она лишь надеялась, что он обрадует ее отца, но когда приехал мистер Белл, они с Маргарет сразу же стали добрыми друзьями. Он признался ей, что в том, что она пришлась ему по сердцу, не было ее заслуги. Она обладала наследственным даром, благодаря которому и завоевала его уважение. Маргарет в ответ сказала, что ему нельзя отказать в бодрости и молодости, несмотря на то, что он носил профессорскую шапочку и мантию.

- У вас молодое сердце - вот что я имею в виду. Боюсь, однако, я должна признать, что считаю ваши суждения самыми банальными и старомодными из всех, что я слышала за последнее время.

- Слушая вашу дочь, Хейл, можно сказать, что жизнь в Милтоне совсем ее испортила. Она — демократка, красная республиканка, член Мирного общества, социалистка...

- Папа, это из-за того, что я поддерживаю прогресс в торговле. Мистер Белл предпочел бы обменивать шкуры животных на желуди.

- Нет, нет. Я бы копался в земле и выращивал картофель. И я бы стриг шерсть животных и ткал бы из нее полотно. Не преувеличивайте, юная леди. Но я устал от этой суеты. Все стремятся опередить друг друга в погоне за богатством.

- Но не каждый может сидеть в уютных комнатах колледжа, позволяя своему богатству расти, и не прикладывать никаких усилий. Без сомнения, многие здесь были бы рады, если бы их богатство росло, как ваше, а они бы не беспокоились о нем, — сказал мистер Хейл.

- Я не думаю, что они были бы рады. Им нравится эта суета и борьба. А что до того, чтобы сидеть спокойно и учиться у прошлого или создавать будущее, добросовестно придумывая пророчества... Что ж! Уф! Я не верю, что в Милтоне найдется хоть один человек, который умеет сидеть спокойно. А это — великое искусство.

- А жители Милтона, я полагаю, думают, что оксфордцы не умеют двигаться. Было бы неплохо, если бы они немного пообщались.

- Это пошло бы на пользу жителям Милтона. Им идет на пользу многое из того, что не доставляет удовольствия другим.

- А разве вы не считаете себя жителем Милтона? — спросила Маргарет. — Я думала, вы гордитесь своим городом.

- Признаюсь, что не вижу, чем можно гордиться. Если вы приедете в Оксфорд, Маргарет, я покажу вам места, которыми можно гордиться.

- Вот! — сказал мистер Хейл. — Мистер Торнтон придет к нам сегодня на чай, а уж он гордится Милтоном так же, как вы — Оксфордом. Вы оба должны постараться отнестись друг к другу более терпимо.

- Я не хочу быть более терпимым, благодарю вас, — ответил мистер Белл.

- Мистер Торнтон придет к нам на чай, папа? — тихо спросила Маргарет.

- Либо к чаю, либо чуть позже. Он не уточнил. Он попросил нас не ждать его.

Мистер Торнтон решил, что не будет спрашивать у матери, удалось ли ей поговорить с Маргарет. Он был бы вполне удовлетворен, просто зная, что этот разговор состоялся. Рассказ матери о том, как все прошло, только рассердил и огорчил бы его, хотя он все время осознавал, как выглядит случившееся с точки зрения миссис Торнтон. Он старался не упоминать имя Маргарет. Обвиняя, ревнуя, отрекаясь от нее, мистер Торнтон мучительно любил ее против своей воли. Он видел ее во сне. Ему снилось, как она, танцуя, подошла к нему с распростертыми объятиями и с той легкостью и веселостью, из-за которых он возненавидел ее, несмотря на то, что был очарован ею. Но образ Маргарет, утративший самую суть - ее самобытный характер, как будто какой-то

злой дух вселился в ее обличье, так глубоко поразил его воображение, что когда он проснулся, он едва ли мог отличить Уну от Дуэссы,[36] и антипатия, которую он испытывал к последней, казалось, скрыла и обезобразила первую. И все же мистер Торнтон был слишком горд, чтобы признаться в своей слабости, избегая встреч с Маргарет. Он не станет намеренно искать возможности оказаться в ее обществе и не будет уклоняться от встреч с нею. Чтобы убедить себя в силе своего самообладания, в этот день он затягивал все дела. Он заставлял себя совершать каждый шаг медленно и обдуманно. И когда он пришел к Хейлам, время перевалило за восемь. В кабинете он обсудил несколько деловых вопросов с мистером Беллом. Мистер Белл, сидя у огня, продолжал разглагольствовать, хотя все дела были решены, и они уже давно могли бы подняться наверх. Но мистер Торнтон ни словом не обмолвился о том, что им пора перейти в другую комнату. Он сердился и считал мистера Белла самым скучным собеседником. Мистер Белл, в свою очередь, втайне вернул ему комплимент, решив, что не встречал более грубого и неучтливового человека, чем мистер Торнтон, утратившего и разум, и манеры. Услышав легкий шум в комнате наверху, они наконец поднялись туда. Войдя, они увидели, что Маргарет, держа перед собой раскрытое письмо, страстно пересказывает его содержание отцу. Когда вошли джентльмены, она немедленно отложила листок в сторону. Но обостренный слух мистера Торнтона уловил несколько слов, которые мистер Хейл сказал мистеру Беллу.

- Письмо от Генри Леннокса. Оно очень обнадежило Маргарет.

Мистер Белл кивнул. Маргарет покраснела, когда мистер Торнтон взглянул на нее. В этот момент его самым большим желанием было подняться, выйти из комнаты и больше никогда не переступить порог этого дома.

- Мы думали, — сказал мистер Хейл, — что вы и мистер Торнтон приняли совет Маргарет и попытались изменить друг друга, раз вы так задержались в кабинете.

- И вы думали, что от нас ничего не останется, кроме убеждений, как остались хвосты от котов из Килкенни.[37] Прошу, скажите, чье убеждение будет самым жизнестойким?

Мистер Торнтон не имел понятия, о чем они говорят, и посчитал ниже своего достоинства поинтересоваться. Мистер Хейл вежливо просветил его.

- Мистер Торнтон, этим утром мы обвинили мистера Белла в оксфордской средневековой нетерпимости к своему родному городу. И мы... Маргарет предположила, что ему пойдет на пользу общение с милтонскими промышленниками.

- Прошу прощения. Маргарет считала, что это милтонским промышленникам пойдет на пользу немного пообщаться с жителями Оксфорда. Разве не так, Маргарет?

- Я думала, что вам обоим пойдет на пользу общение друг с другом. Я не уверена, моя ли это была идея или папина.

- Поэтому понимаете, мистер Торнтон, нам пришлось совершенствоваться друг друга, сидя в кабинете, вместо того, чтобы обсуждать исчезнувшие семьи Смитов и Харрисонов. Тем не менее, я хочу внести свою лепту. Меня интересует, когда вы, жители Милтона, намерены жить. Кажется, что всю свою жизнь вы собираете средства для существования.

- Под жизнью, я полагаю, вы подразумеваете наслаждение.

- Да, наслаждение... Я не определяю точно, какое именно, потому что полагаю, нам следует рассмотреть обычное удовольствие как самое простое наслаждение.

- Мне бы хотелось определить природу наслаждения.

- Ну! Наслаждение досугом... наслаждение властью и влиянием, которое дают деньги. Вы все время боретесь за деньги. Для чего они вам?

Мистер Торнтон помолчал. Потом сказал:

- На самом деле я не знаю. Но деньги — это не то, за что я борюсь.

- А тогда за что?

- Это вопрос по существу. Мне придется открыться такому вопрошателю, и я боюсь, что не готов к этому.

- Нет! — сказал мистер Хейл. — Давайте не будем затрагивать личность в наших вопросах. Никто из вас не образец. Каждый - индивидуальность.

- Я не уверен, следует ли рассматривать ваши слова как комплимент или нет. Мне бы хотелось быть типичным представителем Оксфорда с его красотой, ученостью и величавой старинной историей. Что вы скажете, Маргарет, должен ли я быть польщен?

- Я не знаю Оксфорда. Но существует разница между представителем города и представителем его горожан.

- Совершенно верно, Маргарет. Теперь я вспоминаю, вы были против меня сегодня утром и предпочли мне жителей Милтона и промышленников.

Маргарет заметила, как в мимолетном взгляде мистера Торнтон промелькнуло удивление. Ее беспокоило, какое толкование он может придать словам мистера Белла. Мистер Белл продолжил:

- Ах! Я бы хотел показать вам нашу Хай-стрит... нашу площадь Рэдклиффа. Я уже не упоминаю про наши колледжи, позволяя мистеру Торнтону не упоминать о фабрике, рассуждая об очаровании Милтона. У меня есть право ругать свой родной город. Не забывайте, что я родом из Милтона.

Мистера Торнтон рассердили слова мистера Белла больше, чем он ожидал. Он был не в настроении шутить. В другое время он получил бы удовольствие от брюзгливого неодобрения мистера Белла, порицавшего город, где вся жизнь противоречила тому, к чему он привык. Но сейчас мистер Торнтон был достаточно уязвлен и попытался защитить то, что никогда не подвергалось такой серьезной критике.

- Я не считаю Милтон образцовым городом.

- Даже его архитектуру? — лукаво спросил мистер Белл.

- Да! Мы слишком заняты, чтобы рассматривать обычную внешнюю красоту.

- Не говорите «обычную внешнюю красоту», — кротко произнес мистер Хейл. — Она впечатляет нас всех, с детства... каждый день нашей жизни.

- Подождите немного, — сказал мистер Торнтон. — Вспомните, мы не из породы греков, для которых красота была всем, и с которыми мистер Белл мог бы поговорить о свободной жизни и безмятежном наслаждении. Я не презираю их, но и не пытаюсь подражать. Во мне течет тевтонская кровь. В этой части Англии в ней почти нет примеси другой крови. Мы сохранили многое из их языка и характера. Мы смотрим на жизнь не как на время для наслаждения, а как на время для действий и стремлений. Наша слава и наша красота происходят из нашей внутренней силы, которая помогает нам победить материальные затруднения и еще большие трудности. Здесь, в Даркшире, мы — тевтонцы, так или иначе. Мы ненавидим законы, придуманные для нас кем-то и где-то. Мы хотим, чтобы нам позволили самим отстаивать свои права, вместо того, чтобы постоянно вмешиваться со своим несовершенным законодательством. Мы настаиваем на самоуправлении и возражаем против централизации.

- Короче говоря, вы бы хотели, чтобы снова вернулась Гептархия.[38] Ну, во всяком случае, я беру назад свои слова, которые произнес этим утром — что вы, жители Милтона, не уважаете прошлое. Вы — обычные поклонники Тора.[39]

- Если мы не уважаем прошлое так, как это делаете вы в Оксфорде, так это потому, что нам необходимо то, что сразу можно применить в настоящем. Замечательно, когда изучение прошлого ведет к предсказанию будущего. Но для нас, ищущих свой путь в новых обстоятельствах, было бы лучше, если бы опыт указывал нам, как действовать в ситуациях, непосредственно нас затрагивающих. Мы хотим найти способ преодолеть наши трудности, а не просто временно устранить их. От этого зависит наше будущее. Не мудрость прошлого помогает нам в настоящем. Нет! Людям намного легче рассуждать об Утопии, чем об обязанностях завтрашнего дня. И все же, когда эту обязанность выполняют другие, они часто слышат: «Как вам не стыдно!»

- На этот раз я не понимаю, о чем вы говорите. Не снизойдете ли вы, жители Милтона, до того, чтобы поведать Оксфорду о ваших сегодняшних трудностях? Вы еще не испытали нас.

Мистер Торнтон рассмеялся.

- Я говорил о том, что беспокоило нас в последнее время. О забастовках, которые мы преодолели, понеся немалые потери. И все же последняя забастовка, из-за которой я страдаю, заслуживает уважения.

- Заслуживающая уважения забастовка! — произнес мистер Белл. — Звучит так, будто вы зашли слишком далеко в своем поклонении Тору.

Маргарет скорее почувствовала, чем увидела, что мистер Торнтон недоволен тем, что его серьезные слова снова обратили в шутку. Она попыталась увести разговор от темы, которой один собеседник мало интересовался, тогда как другой был лично в ней заинтересован. Она заставила себя произнести несколько слов.

- Эдит пишет, что на Корфу она нашла набивной ситец лучше и дешевле, чем в Лондоне.

- Неужели? — спросил ее отец. — Я думаю, что Эдит, должно быть, преувеличивает. Ты уверена в этом, Маргарет?

- Я уверена, она так и написала, папа.

- Тогда и я в это верю, — сказал мистер Белл. — Маргарет, я настолько верю в вашу правдивость, что ее с лихвой хватит и на вашу кухню. Я не думаю, что ваша кухня могла преувеличить.

- Мисс Хейл отличается правдивостью? — с горечью спросил мистер Торнтон. Но уже в следующий момент он был готов прикусить свой язык. Кто он такой? И почему он должен стыдить ее? Каким злым он был сегодня вечером: сначала ворчал, потому что его так долго удерживали от нее, потом его рассердило упоминание имени,

которое, как он думал, принадлежало более удачливому возлюбленному. Потом он огрызнулся из-за того, что его задевали недостаточно серьезные, по его мнению, фразы доброго старого друга всех собеседников, чьи манеры были хорошо известны мистеру Торнтону, знакомому с ним уже несколько лет. А затем заговорил с Маргарет так грубо! Она не встала и не покинула комнату, как делала это раньше, когда его грубость или манеры сердили ее. Она сидела безмолвно, бросив на него мимолетный взгляд, полный огорченного удивления, из-за чего ее глаза стали похожи на глаза ребенка, который получил неожиданный отказ. Печаль заполнила ее взгляд, а затем Маргарет опустила глаза и склонилась над шитьем, не произнеся ни слова. Но мистер Торнтон не мог не смотреть на нее, он увидел, как, вздохнув, она затрепетала. Он почувствовал то, что почувствовала бы мать, что «журит дитя, качая колыбель», если бы ей пришлось уйти до того, как улыбка уверила ребенка в возвращении ее любви. Он отвечал резко и коротко. Он был беспокойным и злым, не в состоянии отличить шутку от серьезности, желая только взгляда Маргарет, ее слова, чтобы пасть перед ней на колени в раскаянии и смирении. Но она не смотрела на него и не говорила. Ее тонкие пальцы порхали над шитьем так монотонно и быстро, как будто она занималась этим всю жизнь. Он ей безразличен, подумал мистер Торнтон, иначе неистовая страсть его желания заставила бы ее поднять глаза, хотя бы только на мгновение, чтобы прочитать запоздалое раскаяние в его взгляде. Он мог бы поразить ее прежде, чем уйти, произнеся какую-нибудь явную резкость, чтобы заслужить право рассказать ей о раскаянии, что терзало его сердце. Хорошо, что долгая прогулка на свежем воздухе выветрила эти мысли из его головы. К нему вернулась мрачная решимость: впредь он будет видеть Маргарет как можно меньше — ее лицо и фигура, звуки ее голоса, словно нежные переливы совершенной мелодии, имели над ним такую власть, что выводили его из равновесия. Что ж! Он узнал, что любовь — острая боль, жестокое пламя. Но, пройдя через этот огонь, он достигнет спокойной зрелости, станет опытнее и человечнее, познав это великое чувство.

Когда мистер Торнтон вышел из комнаты, Маргарет поднялась со своего места и стала медленно сворачивать шитье. Оно казалось необычно тяжелым для ее слабых рук. Во всем ее облике сквозила усталость. Когда все трое стали прощаться перед сном, мистер Белл высказал осуждение мистеру Торнтону.

- Я никогда не видел человека, так избалованного успехом. Он не выносит никаких шуток. Кажется, все болезненно затрагивает его достоинство. В прошлом он был простым и славным, как ясный день. Его нельзя было обидеть, потому что в нем не было тщеславия.

- Он и сейчас не тщеславен, — сказала Маргарет, отворачиваясь от стола и говоря тихо, но отчетливо. — Сегодня он был не в себе. Что-то, должно быть, рассердило его перед тем, как он пришел сюда.

Мистер Белл внимательно посмотрел на нее поверх очков. Маргарет встретила его взгляд совершенно спокойно, но как только она вышла из комнаты, он сказал:

- Хейл! Вас не удивило, что Торнтон и ваша дочь испытывают, как говорят французы «tendresse»[40] друг к другу?

- Не может быть! — сказал мистер Хейл, сначала пораженный, а потом взволнованный новой идеей. — Нет, я уверен, вы ошибаетесь. Я почти уверен, что вы ошибаетесь. Если что-то и есть, то только со стороны Торнтона. Бедняга! Я надеюсь, что он не думает о ней, поскольку уверен, что она не полюбит его.

- Ну! Я — холостяк и избежал всех романов в своей жизни, поэтому моему мнению не стоит верить. И еще я бы сказал, что у Маргарет были заметны явные признаки!

- Нет, я уверен, вы ошибаетесь, — ответил мистер Хейл. — Она, может, и нравится ему, хотя на самом деле все время была почти груба с ним. Только не она!..Маргарет никогда не думала о нем, я уверен! Ей такое даже в голову не приходило.

- А вот в сердце вошло. Но я мог и ошибиться. Впрочем, прав или не прав, а я очень хочу спать. Итак, нарушив ваш безмятежный сон своими неуместными фантазиями, я удалюсь к себе со спокойной душой.

Мистер Хейл решил, что не будет волноваться из-за подобной бессмысленной идеи, поэтому он лежал без сна, заставляя себя не думать об этом.

На следующий день мистер Белл, прощаясь, предложил Маргарет рассчитывать на его помощь и защиту во всех затруднениях, какими бы они ни были. А мистеру Хейлу он сказал:

- Ваша Маргарет завладела моим сердцем. Позаботьтесь о ней, она слишком хороша для Милтона и подходит только для Оксфорда. Пока что я не могу выдать ее замуж. Когда смогу, я приведу своего молодого человека и поставлю его рядом с вашей молодой леди, так же, как джин из Арабских сказок принес принцу Каралмазану в невесты сказочную принцессу Бадурю.

- Я прошу вас не делать ничего подобного. Вспомните о произошедших несчастьях. И, кроме того, я не могу обойтись без Маргарет.

- Нет. Она будет заботиться о нас еще лет десять, когда мы превратимся в двух раздражительных, больных стариков. Серьезно, Хейл! Мне бы хотелось, чтобы вы уехали из Милтона. Это самое неподходящее для вас место, хотя именно я рекомендовал вам его. Если бы вы уехали, я бы отринул все сомнения и согласился бы жить при колледже. А вы и Маргарет могли бы приехать и жить в приходе: вы бы стали мирским священником и избавили бы меня от бедняков. А она была бы нашей домохозяйкой — деревенской леди Баунтифул,[41] и читала бы нам перед сном по вечерам. Я был бы счастлив жить такой жизнью. Что вы об этом думаете?

- Никогда! — решительно ответил мистер Хейл. — Я уже заплатил страданиями за самую большую перемену в своей жизни. Здесь я буду доживать свои дни, и здесь я буду похоронен и позабыт.

- Все же я не отказываюсь от своих намерений. Только больше я не стану вас ими искушать. Где Жемчужина? Подойдите, Маргарет, поцелуйте меня на прощание. И не забывайте, моя дорогая, где вы можете найти настоящего друга и помощь, которую он будет в силах оказать вам. Вы — мое дитя, Маргарет. Помните это, и «Благослови вас Бог!»

Мистер Хейл и Маргарет снова вернулись к тихой, монотонной жизни, которую вели прежде. Не было больной и связанных с нею надежд и страхов. Даже Хиггинсы, так долго искавшие их участия, перестали вспоминать о них при любой нужде. Лишь дети Баучера нуждались в заботе Маргарет. И она довольно часто навещала Мэри Хиггинс, которая присматривала за детьми. Две семьи жили вместе в одном доме — старшие дети посещали школу, а за младшими — пока Мэри была на работе — присматривала добрая соседка, чей здравый смысл поразил Маргарет в день смерти Баучера. Конечно, ей платили за ее хлопоты. И в действительности, заботясь и пристраивая этих сирот, Николас показал, что способен трезво рассуждать и рассчитывать свои силы, что противоречило его прежним странным и необдуманным поступкам. Он был так поглощен своей работой, что за эти зимние месяцы Маргарет редко видела его. Но, встретившись с ним, заметила, что он вздрагивает при любом упоминании имени отца этих детей, которых он так сердечно и тепло принял под свою опеку. И еще ему нелегко было говорить о мистере Торнтоне.

- По правде говоря, — сказал Николас, — он все время сбивает меня с толку. В нем как будто уживаются два человека. Одного я знавал в прошлом, как хозяина. Другой как будто не имеет ничего общего с первым. Как эти два человека уживаются в нем одном — для меня загадка. Но меня не одолеешь. В то же время он часто приходит сюда. Вот откуда я знаю, что в нем, помимо хозяина, есть и другой человек. И я думаю, что он так же ошеломлен мною, как и я им. Он сидит, слушает и внимательно смотрит, как будто я какой-то неизвестный зверь, которого недавно поймали в дальних краях. Но я не из пугливых. Ему придется потрудиться, чтобы испугать меня в моем собственном доме, и он это понимает. И я рассказываю ему некоторые свои мысли, которые, я полагаю, ему было бы лучше услышать, когда он был моложе.

- А разве он не отвечает вам? — спросил мистер Хейл.

- Ну! Я не скажу, что все преимущества на его стороне, поскольку верю, что в нем есть, что улучшить. Иногда он довольно груб, и его слова неприятны поначалу, но в них чувствуется странный привкус правды, когда вы разжуете их. Он придет сегодня вечером, — я полагаю, из-за детей. Его не устраивает, как их учат, и он хочет проэкзаменовать их.

- Что они... — начал мистер Хейл, но Маргарет, тронув его за руку, показала ему свои часы.

- Уже почти семь, — сказала она. — Сейчас вечера стали длиннее. Пойдем, папа.

Маргарет не могла свободно дышать, пока они не удалились на значительное расстояние от дома Хиггинсов. Потом, успокоившись, она пожалела, что так поторопилась. Так или иначе, они видели мистера Торнтон очень редко. И он мог прийти навестить Хиггинса, и ради старой дружбы ей хотелось бы увидеться с ним сегодня вечером.

Да! Он приходил очень редко, и только ради уроков. Впрочем, и к урокам он сейчас относился довольно небрежно. Мистер Хейл был разочарован, почувствовав, что его ученик совершенно охладил к греческой литературе, к которой совсем недавно испытывал огромный интерес. И теперь часто случалось так, что мистер Торнтон в последний момент присылал записку - он сообщал, что очень занят и не может прийти и почитать сегодня вечером с мистером Хейлом. И хотя с другими учениками мистер Хейл проводил больше времени, ни один из них не был так любим им, как его первый ученик. Мистер Хейл был подавлен и опечален - ему недоставало прежних душевных бесед. И он стал задумываться над причиной, которая повлекла такое изменение.

Однажды вечером мистер Хейл испугал Маргарет, занимавшуюся шитьем, неожиданным вопросом:

- Маргарет! У тебя есть основание думать, что мистер Торнтон неравнодушен к тебе?

Он почти покраснел, задавая ей этот вопрос. Но семена подозрений, посеянные мистером Беллом, дали всходы, и слова вылетели из уст мистера Хейла прежде, чем он понял, что говорит.

Маргарет не сразу ответила, но по ее низко склоненной голове он догадался, каким бы мог быть ответ.

- Да. Я думаю... о, папа, мне, наверно, нужно было рассказать тебе, — она отложила шитье и спрятала лицо в ладонях.

- Нет, дорогая. Не думай, что я чересчур любопытен. Я уверен, ты бы рассказала мне, если бы знала, что можешь ответить ему взаимностью. Он сделал тебе предложение?

Сначала ответа не было. Но потом она тихо и неохотно произнесла:

- Да.

- И ты ему отказала?

Долгий вздох, и другое, слабое и беспомощное:

- Да.

Но прежде, чем заговорил мистер Хейл, Маргарет подняла голову — ее лицо раскраснелось от стыда — и, посмотрев на отца, сказала:

- Вот, папа, я рассказала тебе об этом, но большего я не могу тебе сказать. Все это слишком болезненно для меня. Каждое слово и поступок, связанные с этим предложением, так невыразимо горьки, что мне невыносимо думать об этом. О, папа, мне так жаль, что ты потерял своего друга, но я ничего не могу поделать... но... Мне очень жаль, — она опустила на пол и положила голову ему на колени.

- Мне тоже очень жаль, моя дорогая. Мистер Белл напугал меня, рассказав о своем подозрении, что...

- Мистер Белл! О, мистер Белл догадался об этом?

- Вовсе нет. Но он вообразил, что ты... как бы мне выразиться?... что ты также расположена к мистеру Торнтону. Я знал, что такого не могло быть. Я надеялся, что это всего лишь воображение. Я слишком хорошо знаю твои истинные чувства, чтобы предположить, что мистер Торнтон мог тебе понравиться. Но мне очень жаль.

Несколько минут они сидели молча и не двигаясь. Но, нежно проведя по ее щеке, мистер Хейл был напуган, обнаружив, что лицо Маргарет мокро от слез. Как только он коснулся ее, она вскочила и, через силу улыбаясь, начала говорить о Ленноксах, так страстно желая сменить тему разговора, что мягкосердечный мистер Хейл не смог заставить ее вернуться к прежней теме.

- Завтра... да, завтра они вернутся на Харли-стрит. О, как удивительно это будет! Интересно, какую комнату они превратят в детскую? Тетя Шоу будет счастлива, что в доме есть малыш. Представь себе, Эдит — мама! А капитан Леннокс... Интересно, что он сам будет делать после того, как сменит место службы?

- Я скажу тебе — что, — ответил отец, вовсю стараясь поддерживать ее интерес к этой новой теме. — Я думаю, я смог бы обойтись без тебя недели две, а ты бы съездила в Лондон и повидалась с путешественниками. Ты больше узнаешь из получасового разговора с мистером Генри Ленноксом о шансах Фредерика, чем из дюжины этих его писем. И на деле ты совместишь приятное с полезным.

- Нет, папа, ты не можешь обойтись без меня, и более того, я не буду здесь лишней. — Затем, помолчав, она добавила: — Я теряю надежду увидеть Фредерика. Мистер Леннокс щадит нас, но я вижу, что он сам потерял надежду найти свидетеля по прошествии стольких лет. Нет, — сказала она, — эта надежда была очень радужна и дорога нашим сердцам, но она лопнула, как лопаются все мыльные пузыри. И нам остается только успокаивать себя, радоваться, что Фредерик так счастлив, и дорожить друг другом. Поэтому не обижай меня, говоря, что можешь обойтись без меня, папа, потому что уверяю тебя, ты не сможешь.

Но сама идея сменить обстановку глубоко запала в сердце Маргарет, хоть и не в том виде, в котором предложил ее мистер Хейл. Она стала думать, как было бы прекрасно сделать что-то приятное отцу, чье здоровье — хотя он никогда не жаловался — было всерьез подорвано болезнью жены и ее смертью. Мистер Хейл регулярно встречался со своими учениками, но то, что он отдавал, не получая взамен, не могло сравниться с дружеским общением. Маргарет видела, как отец страдает, не осознавая этого. Ему недоставало общения с мужчинами. В Хелстоне всегда были поводы для обмена визитами с соседскими священниками, а поселяне, трудившиеся на полях, либо неторопливо бредущие домой по вечерам, либо присматривавшие за скотиной в лесу, охотно вступали в беседу. Но в Милтоне все было слишком заняты для неспешных бесед и обмена мыслями. Все, о чем они говорили — это дела, насущные и повседневные. И когда с дневными делами, требующими от них напряжения ума, было покончено, они погружались в ленивое безделье до следующего утра. После того, как заканчивался трудовой день, рабочие уходили то на лекцию, то в клуб, то в пивную — все зависело от уровня развития. Мистер Хейл подумывал о том, чтобы прочитать курс лекций в некоторых

обществах, но скорее по обязанности, чем ради удовольствия. И Маргарет не сомневалась, что эта работа не принесет отцу удовлетворения, если он не посмотрит на нее с некоторой долей оптимизма.

Глава ХLI

Конец путешествия

«Я вижу путь свой, словно птицы свой непроторенный путь —
Приду! Когда, какой дорогой окружной пойду —
Неважно! Если Бог не ниспошлет свой град,
Иль огненный свой дождь, иль гололед, иль снег,
В час смерти, Им назначенный — приду;
Ведет меня он, словно птицу. В этот смерти час!»
Роберт Браунинг «Парацельс»

Зима приближалась к концу, дни стали удлиняться, не принося с собой ни проблеска надежды, которая обычно появляется вместе с лучами февральского солнца. Миссис Торнтон больше не переступила порога их дома. Мистер Торнтон приходил изредка, но навещал он только мистера Хейла, ограничиваясь беседой в кабинете. Мистер Хейл по-прежнему был радушен с ним — редкость встреч, казалось, делала их особенно ценными. Со слов мистера Торнтона, которые ей довелось услышать, Маргарет поняла, что причинами его редких визитов не являлись ни обида, ни недовольство. Его дела осложнились во время забастовки, и сейчас ему пришлось уделять им больше внимания, чем прошлой зимой. Более того, Маргарет смогла даже узнать, что время от времени он говорит о ней, и всегда в той же спокойной, дружелюбной манере, никогда не избегая разговора на эту тему и никогда намеренно не упоминая ее имени.

Она была слишком подавлена, чтобы приободрить отца. Безрадостному спокойствию настоящего предшествовал слишком долгий период беспокойства и забот, горестных волнений, и душа ее лишилась прежней живости. Она попыталась заняться обучением двух младших детей Баучера и трудилась усердно и добродетельно. Усердно — я говорю истинную правду — чтобы сердце от усилий омертвело. И хотя Маргарет выполняла свои обязанности старательно, отдавая им все силы, ей по-прежнему не хватало радости. Жизнь казалась ей мрачной и унылой. Единственное, что она делала охотно, неосознанно испытывая жалость — безмолвно успокаивала и утешала своего отца. В каком бы настроении не пребывал мистер Хейл, он всегда находил в Маргарет сочувствующего слушателя. Какое бы желание он не высказал, она старалась предвидеть его и исполнить. Несомненно, это были скромные желания, которые всегда сопровождались колебаниями и извинениями. Маргарет кротко и беспрекословно подчинилась своей судьбе. Март принес им вести о женитьбе Фредерика. Он и Долорес написали им: она — на испанском английском, что было естественно, а он — употребляя обороты и переставляя слова, что доказывало, насколько привычным стал для него родной язык его невесты.

Получив известие от Генри Леннокса, о том, что не стоит питать надежды на пересмотр его дела на военно-полевом суде, Фредерик послал Маргарет довольно пылкое письмо, отрекаясь от Англии. Он писал, что ему хотелось бы стать чужим для Англии, и заявлял, что не стал бы ни приносить извинений, если бы ему предложили это сделать, ни жить в Англии, если бы ему было позволено. Маргарет долго плакала, получив письмо, но позже, по размышлении она поняла, что горячность брата была вызвана жестоким разочарованием. И она утвердилась в мысли, что им ничего не остается, кроме терпения. В следующем письме Фредерик так радостно рассказывал о будущем, словно позабыл о прошлом. Милые, робкие письма Долорес начинали приобретать очарование и для Маргарет, и для ее отца. Молодая испанка так явно старалась произвести благоприятное впечатление на английских родственников своего мужа, что ее женская тщательность проглядывала из каждой исправленной или стертой строчки. И к письмам, сообщившим им о браке, была приложена замечательная черная кружевная мантилья, выбранная Долорес специально для своей незнакомой золовки, которую Фредерик представил как образец красоты, мудрости и добродетели. После женитьбы положение Фредерика в обществе оказалось намного выше, чем они ожидали. «Барбур и К^о» был одним из

самых крупных испанских торговых домов, в котором Фредерик стал младшим партнером. Маргарет улыбнулась, а затем вздохнула, снова вспомнив свои прежние тирады против торговли. Вот и ее *preux chevalier*[42] брат превратился в коммерсанта, торговца! Хотя, конечно, испанский коммерсант и милтонский фабрикант — это совсем разные, не похожие друг на друга люди! Что ж, торговец он или нет, но Фредерик был очень счастлив. Долорес, должно быть, очаровательна, а ее мантилья так изысканна! И Маргарет снова вернулась к настоящему.

Этой весной мистер Хейл время от времени жаловался на одышку, что весьма его встревожило. Маргарет была менее встревожена, поскольку здоровье отца восстановилось через какое-то время. Но она по-прежнему желала избавить его от неприятностей и настойчиво уговаривала принять предложение мистера Белла и навестить его в Оксфорде в апреле. Приглашение мистера Белла относилось и к Маргарет. Более того, он написал особое письмо, в котором потребовал, чтобы она приехала. Но Маргарет полагала, что для нее большим облегчением будет, если она останется дома одна, полностью освободив себя от любой ответственности, чтобы отдохнуть сердцем и душой так, как ей хотелось сделать последние два года.

Когда ее отец отправился на железнодорожную станцию, Маргарет почувствовала, каким безмерным и долгим было время, выпавшее на ее долю. Чувство свободы было удивительным и почти ошеломительным. Никто не ожидает от нее ободряющей заботы, не надеется, что она совершит чудо. Не было больной, за которую приходилось решать и думать. Маргарет могла быть ленивой, молчаливой и забывчивой, и самой ценной привилегией казалось то, что она могла быть несчастной, если хотела. В прошедшие месяцы все ее личные тревоги и волнения пришлось закрыть в темный чулан. Но теперь у нее было свободное время, чтобы достать их оттуда, горевать над ними, размышлять над их сущностью и пытаться найти верный способ смириться с ними, чтобы обрести спокойствие. Все эти недели она смутно осознавала их присутствие, хотя они и были глубоко запрятаны. Теперь она обдумывает их и найдет им надлежащее место в своей жизни. Она часами сидела без движения в гостиной, перебирая горькие воспоминания твердо и без колебаний. Только однажды она заплакала навзрыд — ее буквально обожгла мысль о недоверии, порожденном той низкой ложью.

Теперь она с горечью вспоминала об искушении, которому поддалась. Ее планы по спасению Фредерика провалились, и искушение обернулось насмешкой — как могла она быть так глупа, как могла надеяться, что ложь им поможет! В свете последующих событий ложь казалась такой презренно глупой, а вера в силу правды — такой бесконечно великой мудростью!

В нервном возбуждении Маргарет неосознанно открыла книгу своего отца, лежавшую на столе, и слова, попавшие ей на глаза, казалось, наиболее соответствовали ее нынешнему состоянию острого самоунижения:

- «Мне бы не хотелось, чтобы мое сердце снова стало таким: безжизненным, бесчестным, слепым, циничным, вероломным и не признающим твоего Бога, но мне хотелось бы исправиться, измениться, встав на путь сострадания. Сейчас же, бедное мое сердце, мы сами оказались в той западне, которой так стремились избежать. Ах! Поднимемся же и выберемся из нее навсегда, и снова уповая на милосердие Господне, будем надеяться на то, что отныне оно поможет нам стать сильнее; вернемся вновь на путь смирения. Смелее же, и будем уповать на наших хранителей, и Бог нам в помощь!»

- Путь смирения. Да, — подумала Маргарет, — вот то, что я упустила! Но мужайся, сердечко. Мы вернемся и с Божьей помощью найдем потерянный путь.

Она встала и решила сразу же заняться какой-нибудь работой, чтобы отвлечься. Сначала Маргарет позвала Марту, чтобы потолковать с ней по душам. Ей давно хотелось понять, что таится за той серьезной, почтительной, услужливой манерой, которая скрывала истинный характер девушки. Она поняла, что Марту трудно вызвать на личный разговор, но наконец затронула верную струну, упомянув имя миссис Торнтон. Лицо Марты осветилось и, получив одобрение, она рассказала долгую историю, как ее отец в молодости был связан с мужем миссис Торнтон... нет, он даже оказал ему какую-то любезность. Об этом Марта мало знала, потому что это случилось, когда она была маленькой девочкой. Но обстоятельства разлучили две семьи, и когда Марта стала уже совсем взрослой, ее отец «покатился под гору», а мать умерла, а она и ее сестра — используя ее собственное выражение — «пропали бы», если бы не миссис Торнтон. Она нашла их, вспомнила о них и ухаживала за ними.

- У меня была лихорадка, я была очень слаба. И миссис Торнтон и мистер Торнтон тоже — они не отдыхали, пока ухаживали за мной в их собственном доме, возили меня к морю и прочее. Доктора говорили, что можно заразиться, но это их не волновало... только мисс Фанни, она гостила у тех людей, в чью семью собирается войти. Хотя она боялась, все закончилось хорошо.

- Мисс Фанни собирается замуж! — воскликнула Маргарет.

- Да, за богатого джентльмена. Только он намного старше ее. Его зовут Уотсон. У него молочная ферма где-то за пределами Хейли. Это очень выгодный брак, несмотря на то, что он совсем седой.

После этих слов Маргарет достаточно долго молчала — за это время к Марте снова вернулась ее серьезность, а вместе с ней — привычная краткость ответов. Она почистила камин и спросила, в котором часу ей следует приготовить чай, и покинула комнату с тем же непроницаемым выражением лица, с каким и вошла. Маргарет пришлось отказать себе в дурной привычке, которая появилась у нее в последнее время — попытаться представить, как каждое событие, о котором она слышала касательно мистера Торнтон, повлияет на него: понравится оно ему или нет.

На следующий день она занималась с маленькими детьми Баучера, совершила долгую прогулку, заглянув под конец в гости к Мэри Хиггинс. К большому удивлению Маргарет, Хиггинс уже вернулся с работы. Увеличившийся световой день ввел ее в заблуждение — был уже поздний вечер. Судя по его поведению, он тоже познал силу смирения, стал спокойнее и уступчивее.

- Значит, пожилой джентльмен отправился путешествовать, не так ли? — спросил он. — Малыши мне так сказали. Да, они все замечают, эти дети. Я подозреваю, что они будут пошустрее и посообразительнее моих девочек, хотя, может быть, так не стоит говорить, одна из них уже в могиле. Лето, как я полагаю, самое время для путешествий. Мой хозяин там, в цеху, витает в каком-то своем мире.

- Поэтому вы так скоро вернулись сегодня домой? — спросила Маргарет простодушно.

- Вы ничего об этом не знаете, вот и все, — сказал он. — Я не из тех, у которых два лица — одно для хозяина, а другое — для разговоров за его спиной. Раньше я считал каждый час, чтобы уйти с работы. Нет! Ваш Торнтон достаточно хорош, чтобы с ним тягаться, но так же слишком хорош, чтобы жульничать. Это именно вы нашли мне это место, и я благодарю вас за это. У Торнтон неплохая фабрика, идет в ногу со временем. Вставай, парень, и расскажи свой прелестный гимн мисс Маргарет. Правильно. Встань устойчиво и вытяни правую руку, как демонстратор.

«Раз — остановись,
Два — подожди,
Три — будь готов,
А четыре — уходи!»

Маленький мальчик повторил непонятный для него методистский[43] гимн, уловив из него лишь его мерный ритм, и который он повторил, постепенно понижая голос, как это делают члены Парламента. Когда Маргарет зааплодировала, Николас потребовал спеть еще и еще, и к своему большому удивлению, она заметила, что он неосознанно испытывает интерес к таким святым вещам, которые раньше отвергал.

Время чаепития уже прошло, когда Маргарет вернулась домой. Но, вспомнив, что ее никто не ждет, она успокоилась. Она могла остаться наедине со своими мыслями во время отдыха вместо того, чтобы беспокойно наблюдать за другими и решать, быть ли ей серьезной или веселой. После чая она решила просмотреть большую связку писем и выбрать те, которые нужно было выбросить.

Среди них она нашла четыре или пять писем от мистера Генри Леннокса, касающихся дела Фредерика. Она снова внимательно их прочитала, с единственным намерением точно выяснить, насколько высоки были шансы оправдать ее брата. Но когда она дочитала последнее письмо и взвесила все за и против, ее внимание привлекла необычная особенность их изложения. Из скупых, вежливых выражений было видно, что мистер Леннокс никогда не менял свое отношение к ней. Это были умные письма. Маргарет увидела это в мгновение ока, не заметив их сердечного и доброжелательного тона. Эти письма нужно было сохранить, поэтому она бережно отложила их в сторону. Покончив с этим небольшим делом, она погрузилась в размышления. Мысль об отсутствующем отце вдруг пришла Маргарет в голову. Она почти обвинила себя за то, что воспринимала отсутствие отца как облегчение, но эти два дня снова вернули ей силу и надежду. Планы, которые раньше виделись ей непосильными, теперь казались удовольствием. Отвратительная пелена спала с ее глаз, и она увидела свое положение и свой труд в истинном свете. Если б только мистер Торнтон возродил их прежнюю дружбу... нет, если б только он приходил время от времени порадовать ее отца, как это было прежде... Даже если бы она никогда не увидела его, она бы чувствовала, как вся ее будущая жизнь, хотя и не блестящая в перспективе, предстает перед ней ясной и определенной. Вздыхнув, она поднялась, чтобы лечь спать. Несмотря на то, что Маргарет прочитала «Одного шага для меня достаточно», несмотря на молитву об отце, на ее сердце тяжестью лежали беспокойство и невыразимая печаль.

В тот самый апрельский вечер мистера Хейла тоже постоянно посещали странные мысли о Маргарет. Поездка к старым друзьям и прежним знакомым местам изнурила его. Он преувеличивал, полагая, что из-за его

переменившихся убеждений друзья откажутся принимать его. И хотя некоторые из них, возможно, были потрясены, огорчены или возмущены его падением, но стоило им увидеть лицо человека, когда-то любимого ими, они забывали о его убеждениях или вспоминали о них только для того, чтобы вести себя с ним особенно деликатно и предупредительно. Мистер Хейл был знаком не со всеми — он принадлежал к одному из меньших колледжей и всегда был робким и замкнутым. Но те, кто в молодости смог понять утонченность его мыслей и чувств, скрытых за его молчаливостью и нерешительностью, полюбили его всем сердцем, какой-то бережной любовью, которую они испытывали бы к женщине. И возрождение этой любви спустя столько лет и после больших перемен, ошеломило его больше, чем проявление грубости или выражение неодобрения.

- Боюсь, мы поступили очень глупо, — сказал мистер Белл. — Сейчас вы страдаете оттого, что слишком долго жили в этом милтонском климате.

- Я устал, — ответил мистер Хейл. — Но не из-за милтонского климата. Мне уже пятьдесят пять, и этот маленький факт является причиной потери сил.

- Чепуха! Мне почти шестьдесят, а я не чувствую потери сил ни физических, ни душевных. Не говорите так. Пятьдесят пять! Вы еще достаточно молоды.

Мистер Хейл покачал головой:

- Эти последние несколько лет! — сказал он. Но, минуту помолчав, он приподнялся в роскошном кресле мистера Белла и произнес с трепетной серьезностью: — Белл! Вы не должны думать, что если бы я смог предвидеть все, что последует из-за моих переменившихся убеждений и моего отказа от должности... нет! Даже если бы я знал, как она будет страдать... я бы не отказался от этого... поступка, я все равно открыто признал бы, что я больше не поддерживаю ту же веру, что и церковь, в которой я был священником. Если бы я даже смог предвидеть эту жесточайшую муку, зная что обрекаю на страдания ту, которую я любил, я бы сделал то же самое, открыто оставил церковь. Я мог бы поступить иначе, действовать более мудро, заботясь о своей семье. Но я не думаю, что Бог наделил меня сверх меры силой или мудростью, — добавил он, опять опускаясь в кресло.

Мистер Белл нарочито высморкался, прежде чем ответить. Затем он сказал:

- Он дал вам силу поступить так, как подсказала ваша совесть. И я не считаю, что нам нужна более высшая и священная сила, чем эта, и мудрость в придачу. Я знаю, что во мне мало мудрости, и все же люди считают меня в своих глупых книжках мудрым человеком, независимой личностью и тому подобное. Сущий дурак, который повинуется своему собственному простому закону, даже если это всего лишь вытирание ботинок о коврик перед дверью, мудрее и сильнее, чем я. Но какие простаки все-таки люди!

Повисло молчание. Мистер Хейл заговорил первым, продолжая свою мысль:

- Да, и о Маргарет.

- Так! И о Маргарет. Так что же?

- Если я умру...

- Чепуха!

- Что с ней будет... я часто думаю? Я полагаю, Ленноксы пригласят ее жить с ними. Я стараюсь думать, что да. Ее тетя Шоу любит ее по-своему. Но она забывает любить тех, кого нет рядом.

- Очень распространенный недостаток. Что за люди Ленноксы?

- Он — красивый, речистый и приятный человек. Эдит — очаровательная, немного избалованная красавица. Маргарет любит ее всем сердцем, а Эдит — ее, насколько она способна любить.

- Так вот, Хейл. Вы знаете, что ваша девочка покорила мое сердце. Я вам уже говорил. Конечно, ваша дочь, моя крестница заинтересовала меня задолго до нашей последней встречи. Но когда я навестил вас в Милтоне, я стал ее рабом. Я следовал, добровольная старая жертва, за колесницей победителя. Действительно, она выглядит так величественно и невозмутимо, как тот, кто боролся, или, может быть, борется, но все же безоговорочно побеждает. Да, несмотря на все что ей пришлось пережить, таким был ее взгляд. И поэтому все, что у меня есть, к ее услугам, если ей понадобится, и будет ее, захочет она или нет, когда я умру. Более того, я сам буду ее *greux chevalier*, несмотря на мои шестьдесят лет и подагру. Говоря серьезно, мой старый друг, твоя дочь станет главной заботой в моей жизни, и я помогу ей всем, чем могу, сделаю все, что подскажет мне моя мудрость. Но вы намного переживете меня. Вы — худой, а худые всегда искушают и всегда надувают смерть! Это такие, как я — полные и румяные — уходят первыми.

Если бы мистер Белл мог предсказывать будущее, он бы увидел, что факел уже потушен, и ангел с серьезным и невозмутимым лицом стоит очень близко и манит его друга. Этой ночью мистер Хейл положил голову на подушку и больше не поднялся. Слуга, который утром вошел к нему в комнату, не получил от него ответа. Он

подошел к кровати и увидел спокойное, прекрасное лицо, ставшее белым и холодным под нестираемой маской смерти. Поза умершего была совершенно естественной; не было ни боли... ни борьбы. Сердце, должно быть, перестало биться, пока он спал.

Мистер Белл был потрясен и пришел в себя только тогда, когда рассердился на слугу, сделавшего неуместное предположение.

- Провести следствие? Уф. Не думаешь ли ты, что я отравил его! Доктор Форбс говорит, что это естественная смерть при сердечных заболеваниях. Бедный Хейл! Ты раньше времени изнашивал свое нежное сердце. Бедный друг! Как он рассказывал о своем... Уоллис, собери для меня саквояж через пять минут. Я принял решение. Собери, я сказал. Я должен отправиться в Милтон следующим поездом.

Саквояж был собран, кэб заказан, и мистер Белл прибыл на железнодорожную станцию через двадцать минут. Лондонский поезд подошел с шумом и грохотом, отъехал назад на несколько ярдов, и нетерпеливый проводник поторопил мистера Белла занять место. Он откинулся на сидении и попытался, закрыв глаза, понять, как живой человек, с которым он говорил еще вчера, может быть мертвым сегодня. И вскоре слезы появились на его седеющих ресницах, почувствовав их, он открыл глаза с твердой решимостью казаться невозмутимым. Он не собирался плакать перед толпой незнакомцев. Только не он!

В вагоне не было толпы незнакомцев, только один человек сидел вдалеке. Мистер Белл внимательно рассматривал его, чтобы узнать, кто мог стать случайным свидетелем его слабости. И за огромным листом раскрытой «Таймз» он узнал мистера Торнтон.

- Торнтон! Это вы? — спросил он, поспешно пересев к нему поближе. Он с чувством пожимал руку мистеру Торнтону, пока внезапно не ослабил пожатие, потому что рука ему понадобилась, чтобы утереть слезы. Последний раз мистер Белл видел мистера Торнтон в компании своего друга Хейла.

- Я собираюсь в Милтон, связанный грустным поручением. Я собираюсь сообщить дочери Хейла новость о его внезапной смерти!

- Смерти! Мистер Хейл умер?!

- Да. Я постоянно повторяю это себе: «Хейл умер!», но от этого эта новость не становится более реальной. Хейл умер, тем не менее. По всей видимости, прошлой ночью он лег спать вполне здоровым, а сегодня утром, когда мой слуга пришел разбудить его, он был уже мертв.

- Где? Я не понимаю!

- В Оксфорде. Он приехал погостить у меня. Он не был в Оксфорде семнадцать лет... и вот, наконец, приехал.

Почти четверть часа никто из них не произносил ни слова. Потом мистер Торнтон сказал:

- А она?! — и внезапно замолчал.

- Маргарет, вы имеете в виду? Да. Я собираюсь рассказать ей. Бедняжка! Он постоянно думал о ней в свой последний вечер. Боже мой! Только прошлым вечером! И как безмерно далек он сейчас! Но ради него я позабочусь о Маргарет, как о собственной дочери. Я обещал ему прошлым вечером, что буду заботиться о ней ради нее самой. Значит, я позабочусь о ней ради них обоих.

Мистер Торнтон один или два раза тщетно попытался заговорить, прежде чем смог произнести:

- Что будет с ней?

- Я думаю, что два человека могут взять ее к себе. Я — первый. Я бы взял к себе живого дракона, если бы заполучив такую компаньонку и устроив личную жизнь, я бы смог счастливо прожить остаток лет рядом с Маргарет, как с дочерью. Но есть еще и Ленноксы.

- Кто они? — спросил мистер Торнтон с трепетным интересом.

- О, достойные люди из Лондона, которые, похоже, посчитают, что имеют на нее большее право. Капитан Леннокс женат на ее кузине — девушке, с которой она вместе росла. Смею сказать, они — очень хорошие люди. Есть еще ее тетя, миссис Шоу. Здесь, возможно, дорога открыта, если бы я предложил этой достойной даме выйти замуж. Но это было бы a pis aller.[44] И есть еще этот брат!

- Какой брат? Брат ее тети?

- Нет, нет. Талантливый Леннокс — капитан глуповат, вы должно быть, понимаете — молодой адвокат, который не прочь жениться на Маргарет. Я знаю, он влюблен в нее уже лет пять или больше: один из его приятелей мне так сказал. И его удерживает от этого шага только то, что она недостаточно богата. Но теперь это будет улажено.

- Как? — слишком настойчиво спросил мистер Торнтон, сознавая неуместность своего вопроса.

- Ну, она получит мои деньги после моей смерти. И если этот Генри Леннокс хоть наполовину хорош для нее,

и он ей нравится... Что ж! Я, может быть, найду другой способ обрести дом через брак. Я ужасно боюсь быть соблазненным тетушкой, если утрачу осторожность.

Ни мистер Белл, ни мистер Торнтон не были в настроении смеяться, поэтому странная речь первого была не замечена вторым. Мистер Белл присвистнул, издав звук, похожий на долгий шипящий вздох, пересел, не находя удобства и покоя, пока мистер Торнтон сидел совершенно неподвижно, устремив взгляд в одну точку на газете, которую он поднял, чтобы дать себе время подумать.

- Где вы были? — наконец спросил мистер Белл.

- В Гавре. Пытался выяснить причины большого скачка цен на хлопок.

- А-а-а! Хлопок и спекуляции, и дым, и немые, необразованные рабочие. Бедный старый Хейл! Бедный старый Хейл! Если бы вы только знали о тех переменах, что произошли с ним в Хелстоне. Вы вообще слышали про Нью Форест?

- Да, — бросил мистер Торнтон.

- Тогда вы можете представить разницу между Хелстоном и Милтоном. В какой части вы были? Вы когда-нибудь бывали в Хелстоне — маленькой живописной деревушке, похожей на те, что находятся в Оденвалде?[45] Вы знакомы с Хелстоном?

- Я понял. Для него было большой переменной покинуть Хелстон и приехать в Милтон.

Мистер Торнтон взял свою газету очень решительно, словно намеревался избежать дальнейшего разговора. И мистер Белл был вынужден вернуться к своим прежним занятиям — постараться придумать, как сообщить эту новость Маргарет.

Она стояла наверху у окна. Она увидела его выходящим из экипажа, и интуитивно поняла правду. Она стояла посреди гостиной, словно ее что-то удержало от неосознанного порыва сбежать вниз, словно мысль превратила ее в камень — такой бледной и неподвижной она была.

- О, не говорите мне! Я поняла это по вашему лицу. Вы бы послали... вы бы не оставили его, если бы он был жив! О, папа, папа!

Глава XLII

Одна! Одна!

«Когда любимый голос, что для тебя был
Звонким и отрадным, внезапно исчезает,
И тишина, в которой ты не смеешь плакать,
Как приступ сильной боли оглушает...
Какая надежда? Какая помощь? Какая музыка ворвется
В тишину и ты очнешься?»
Миссис Браунинг «Замена»

Потрясение оказалось сильным. Маргарет впала в состояние прострации, которое не находило облегчения ни в слезах, ни в словах. Она лежала на диване, закрыв глаза и не разговаривая, а когда ее спрашивали, отвечала шепотом. Мистер Белл был растерян. Он не отважился покинуть ее, не осмелился попросить ее сопровождать его в Оксфорд, куда он запланировал вернуться еще по пути в Милтон. Физическое истощение Маргарет было слишком сильным, и о том, что она сможет выдержать глубокое душевное потрясение, столкнувшись с ужасным зрелищем, не могло быть и речи. Мистер Белл сидел у камина, размышляя, как ему лучше поступить. Маргарет лежала неподвижно и почти не дыша. Он не покинул ее, и даже обед, который Диксон, горько рыдая, приготовила для него внизу, не соблазнил его. Ему принесли полную тарелку какой-то еды. В целом, он был довольно привередлив и разборчив в еде и хорошо различал любые оттенки вкуса, но сейчас обильно сдобренный специями цыпленок имел для него привкус древесных опилок. Мистер Белл нарезал немного мяса для Маргарет, обильно поперчил и посолил. Но когда Диксон, следуя его указаниям, попыталась накормить ее, Маргарет вяло покачала головой, подтвердив, что в таком состоянии еда, скорее, навредит ей, чем пойдет на пользу.

Мистер Белл тяжело вздохнул, поднялся и вышел вслед за Диксон из комнаты.

- Я не могу оставить ее одну. Я должен написать в Оксфорд, дабы убедиться, что необходимые приготовления сделаны — с этим могут справиться до моего приезда. Разве миссис Леннокс не может приехать к ней? Я напишу ей и попрошу ее приехать. Рядом с девочкой должна быть подруга, хотя бы только для того, чтобы уговорить ее поплакать.

Диксон плакала за двоих. Но, утерев глаза и справившись с волнением, она сумела рассказать мистеру Беллу, что миссис Леннокс из-за приближающихся родов не в состоянии предпринять сейчас такое путешествие.

- Что ж, тогда нам придется попросить миссис Шоу. Она ведь уже вернулась в Англию, верно?

- Да, сэр, она вернулась. Но я не думаю, что ей захочется оставить миссис Леннокс в столь «интересном» положении, — возразила Диксон, которая не одобряла вмешательство в домашние дела незнакомца, разделившего с ней право позаботиться о Маргарет.

- В таком «интересном» положении... — мистер Белл прокашлял конец предложения. — Она смогла наслаждаться Венецией, Неаполем или какими-то папистскими местами, когда в прошлый раз ее дочь находилась в «интересном» положении на Корфу, как я полагаю. И что значит это недолгое благоприятное «интересное» положение в сравнении с положением Маргарет — без помощи, без семьи, без друзей. Она словно каменное изваяние на могиле. Уверяю вас, миссис Шоу приедет. Позаботьтесь, чтобы комната, которая ей понравится, была готова для нее к завтрашней ночи. Я позабочусь, чтобы она приехала.

И мистер Белл написал письмо, которое миссис Шоу оросила слезами, как и те письма, что она получала от своего дорогого генерала, когда у него случался приступ подагры, и которые она всегда ценила и берегла. Если бы мистер Белл предоставил ей выбор, прося или убеждая ее, возможно, она бы отказалась и не приехала, хотя от всего сердца сочувствовала Маргарет. Ему пришлось резко, не совсем учтиво настоять на приезде, чтобы заставить ее преодолеть свою *vis inertiae*[46] и позволить горничной унести багаж после того, как та закончила укладывать сундуки. Эдит в чепце, с шалью и слезами вышла на верхнюю площадку лестницы, а капитан Леннокс пошел провожать миссис Шоу до экипажа.

- Не забудь, мама. Маргарет должна приехать и жить с нами. Шолто поедет в Оксфорд в среду, и ты должна известить его через мистера Белла, когда нам тебя ожидать. И если тебе понадобится Шолто, он сможет приехать из Оксфорда в Милтон. Не забудь, мама, ты должна привезти Маргарет.

Эдит вернулась в гостиную. Мистер Генри Леннокс сидел там, разрезая страницы нового «Ревью». Не поднимая головы, он сказал:

- Если вы не хотите надолго лишаться Шолто, Эдит, я надеюсь, вы позволите мне поехать в Милтон и оказать там посильную помощь.

- О, благодарю вас, — ответила Эдит. — Думаю, что мистер Белл сделает все, что в его силах, и больше помощи не потребуется. Однако не ждите, что профессор колледжа проявит находчивость. Дорогая, любимая Маргарет! Разве не замечательно, если она снова будет здесь жить? Вы неплохо ладили в прошлом.

- Мы? — равнодушно спросил он, сделав вид, что его заинтересовала заметка в «Ревью».

- Ну, возможно, и нет... Я забыла. Меня интересовал только Шолто. Но разве не удачно сложилось, что если моему дяде суждено было умереть, это произошло именно сейчас, когда мы вернулись домой, поселились в старом доме, и вполне готовы принять Маргарет? Бедняжка! Здесь все ей покажется другим! Я куплю новый ситец в ее спальню, и комната будет выглядеть новой и светлой, что немного развеселит ее.

С теми же добрыми намерениями миссис Шоу ехала в Милтон, порой испытывая страх перед первой встречей и размышляя о том, как ее выдержать. Но чаще всего она раздумывала о том, как бы поскорее увезти Маргарет из «этого ужасного места» и вернуться в уютную обстановку Харли-стрит.

- О, боже! — сказала она своей служанке. — Посмотри на эти каминьки! Моя бедная сестра Хейл! Не думаю, что я смогла бы отдыхать в Неаполе, зная, как она живет! Я должна была приехать и забрать ее и Маргарет отсюда.

А себе она призналась, что всегда считала своего зятя очень слабым человеком, но самую большую слабость он проявил, променяв свой любимый Хелстон на это ужасное место.

Маргарет все так же неподвижно, безмолвно и без слез лежала на диване. Ей сказали, что приедет тетя Шоу, но она не выразила ни удивления, ни радости, ни недовольства. Мистер Белл, к которому вернулся аппетит, оценил старания Диксон и даже наслаждался ее стряпней, но тщетно пытался заставить Маргарет попробовать «сладкое мясо»,[47] тушеное с нежным птичьим мясом. Она покачала головой с тем же молчаливым упрямством, как и в предыдущий день. И ему пришлось утешиться, съев все самому. Но Маргарет первая услышала, как остановился кэб, доставивший тетю со станции. Ее веки дрогнули, губы покраснели и задрожали.

Мистер Белл спустился вниз встретить миссис Шоу. Когда они поднялись, Маргарет стояла, пытаясь унять головокружение. Увидев тетю, она пошла к ней навстречу, в раскрытые объятия, и впервые нашла облегчение в слезах на плече тети. Мысли о тихой, привычной любви, о многолетней нежности, о родстве с умершими; это необъяснимое семейное сходство взглядов, голосов, жестов в тот момент так сильно напомнили Маргарет ее мать, что смягчили и растопили ее онемевшее сердце потоком горячих слез.

Мистер Белл незаметно вышел из комнаты и спустился в кабинет, где приказал разжечь камин и попытался отвлечься, снимая с полок книги и просматривая их. Каждый томик навевал воспоминания о его умершем друге. Возможно, это занятие и отвлекло его от двухдневного наблюдения за Маргарет, но оно не избавило от мыслей о ее отце. Он был рад услышать голос мистера Торнтон, который попросил разрешения войти в дом. Диксон довольно надменно ответила ему. С приездом служанки миссис Шоу она вновь стала грезить о былом великолепии рода Бересфордов, «положении» — как Диксон нравилось его называть, — которого ее юная хозяйка была лишена, и которое, благодаря Богу, теперь ей возвращали. Эти грезы, о которых она с упоением рассказывала служанке миссис Шоу, тем временем ловко выведывая все подробности роскошной обстановки и уклада дома на Харли-стрит для назидания Марты, сделали Диксон довольно высокомерной в общении с жителями Милтона. Всегда испытывая благоговейный страх перед мистером Торнтоном, она осмелилась довольно резко заявить ему, что сегодня вечером он не сможет увидеть никого из обитателей дома. Ей стало очень неловко, когда ее утверждение опроверг мистер Белл, открыв дверь кабинета и пригласив гостя войти:

- Торнтон! Это вы? Зайдите на пару минут. Я хочу поговорить с вами.

Мистер Торнтон прошел в кабинет, а Диксон пришлось вернуться на кухню и восстанавливать собственное самоуважение необыкновенной историей об экипаже сэра Джона Бересфорда и его шестерке лошадей, когда он был шерифом графства.

- Я не знаю, что хотел вам сказать. Только грустно сидеть в комнате, где все напоминает тебе о твоём умершем друге. И к тому же Маргарет и ее тетя должны побыть в гостиной наедине.

- Миссис... ее тетя приехала? — спросил мистер Торнтон.

- Приехала? А, да! Со служанкой и прочим. Кто бы мог подумать, что она сама придет в такое время! И теперь мне придется собраться и вернуться обратно в «Кларендон».

- Вам не нужно возвращаться в «Кларендон». У нас в доме пустуют пять или шесть комнат.

- Хорошо проветренных?

- Я думаю, в этом вы можете положиться на мою мать.

- Тогда я только поднимусь наверх и пожелаю этой измученной девочке спокойной ночи, поклонюсь ее тете и сразу же уйду с вами.

Мистер Белл провел какое-то время наверху. Мистеру Торнтону его отсутствие показалось слишком долгим — у него было много дел, и он едва смог улучшить минуту, чтобы зайти в Крэмpton и справиться о здоровье мисс Хейл.

Когда они вышли из дома, мистер Белл сказал:

- Меня задержали в гостиной женщины. Миссис Шоу торопится вернуться домой — как она говорит, из-за своей дочери, — и хочет, чтобы Маргарет немедленно уехала с ней. Сейчас она годится для путешествия не больше, чем я — для полета. Кроме того, Маргарет говорит и очень правильно, что у нее есть друзья, которых она должна повидать... что она должна попрощаться с некоторыми людьми. А потом тетя взволновала ее своими давними жалобами, что она забывает о своих старых друзьях. А Маргарет ответила, громко рыдая, что она будет рада уехать из этого места, где так много страдала. Завтра я должен вернуться в Оксфорд, и теперь не знаю, на какую чашу весов бросить свой голос.

Мистер Белл замолчал, словно задал вопрос, но не получил ответа от своего спутника, в мыслях которого эхом отдавались слова...

«Где она так много страдала». Увы! Именно такими запомнятся ей эти восемнадцать месяцев в Милтоне — для него невыразимо драгоценные даже в своей горечи, которая стоила радости всей остальной жизни. Ни потеря отца, ни потеря матери, столь же дорогих ей, как и она сама для мистера Торнтон, не могли отравить воспоминания о тех неделях, днях, часах, когда прогулка в две мили была наслаждением, потому что каждый шаг приближал его к ней. Каждый шаг этого пути был бесценным — уводя его все дальше от нее, он заставлял вспоминать подлинную грацию ее манер или приятную остроту ее характера. Да! Что бы ни происходило с ним, не относящееся к его чувствам, он никогда бы не назвал то время, когда он мог видеть ее каждый день... когда она была так близко... временем страданий. Для него это время было царской роскошью, несмотря на боль и унижение, теперь же серая действительность заполнила собой все вокруг, лишив его жизнь надежд и страхов.

Миссис Торнтон и Фанни сидели в гостиной. Последняя трепетала от восторга, когда служанка разворачивала один блестящий материал за другим, чтобы ее хозяйки могли оценить, как ткань для свадебного платья «играет» при свете свечей. Миссис Торнтон пыталась сочувствовать дочери, но тщетно. Она не могла думать ни о фасоне, ни о платье, и искренне желала, чтобы Фанни приняла предложение брата и заказала свадебное платье у самой лучшей лондонской портнихи без бесконечных мучительных обсуждений, нерешительных колебаний, которые возникали из желания Фанни выбирать и руководить всем самой. Мистер Торнтон был только рад оказать любезность любому здравомыслящему мужчине, которого могли бы очаровать посредственные, напыщенные манеры Фанни, выделив ей достаточно средств на покупку роскошного платья, в ее глазах не менее, а может быть и более ценного, чем сам возлюбленный. Когда вошли ее брат и мистер Белл, Фанни покраснела, притворно заулыбалась и захлопотала над тканями, но ее манеры только напомнили мистеру Беллу о бледной, скорбящей Маргарет, которая сидела неподвижно, склонив голову, скрестив руки, в комнате, где тишина была такой звенящей, что казалось, будто этот звон вызван духами мертвых, которые все еще витают возле своих любимых. Когда мистер Белл впервые поднялся наверх, миссис Шоу спала на диване, и ни один звук не нарушил тишины.

Миссис Торнтон оказала мистеру Беллу радушный прием. Особенно любезной она бывала, когда принимала друзей сына. И чем более неожиданным был приход гостей, тем больше она старалась предоставить гостю всевозможные удобства.

- Как мисс Хейл? — спросила она.

- Сломлена этим последним ударом.

- Хорошо, что у нее есть такой друг, как вы.

- Жаль, что я всего лишь ее друг, сударыня. Кажется, это звучит очень жестоко, но ее прекрасная тетья отстранила меня, вынудив уйти с поста утешителя и советчика. Кроме того, есть еще и кузены, которые требуют, чтобы Маргарет приехала в Лондон, как будто она — комнатная собачка, принадлежащая им. А она слишком слаба и несчастна, чтобы поступать по собственной воле.

- Она, должно быть, и в самом деле, слаба, — сказала миссис Торнтон, подразумевая совсем иное, но сын прекрасно ее понял. — Но где, — продолжила миссис Торнтон, — были эти родственники в то время, когда мисс Хейл оказалась почти без друзей и ей пришлось вынести много страданий? — но ответ на вопрос мало интересовал ее. Не дождавшись его, она вышла из комнаты, чтобы заняться домашними обязанностями.

- Они жили за границей. У них есть права на нее. Я отдам им должное. Тетья воспитала ее, а Маргарет со своей кухней были как сестры. Единственное, чем я недоволен — то, что не могу принять ее как собственное дитя. И я ревную к этим людям, которые, кажется, не ценят привилегии своего права. Все было бы по-другому, если бы Фредерик потребовал, чтобы она приехала к нему.

- Фредерик?! — воскликнул мистер Торнтон. — Кто он? Какое право...? — он прервал свои неистовые вопросы.

- Фредерик, — ответил мистер Белл удивленно. — Разве вы не знаете? Он — ее брат. Разве вы не слышали...

- Я никогда не слышал его имени прежде. Где он? Кто он?

- Несомненно, я рассказывал вам о нем, когда их семья впервые приехала в Милтон... сын, который был замешан в том мятеже.

- Я впервые услышал о нем только сейчас. Где он живет?

- В Испании. Его арестуют сразу же, как только он ступит на английскую землю. Бедняга! Он будет сожалеть, что не сможет присутствовать на похоронах отца. Нам придется довольствоваться капитаном Ленноксом, поскольку я не знаю других родственников, которых можно было бы позвать.

- Я надеюсь, мне позволено поехать?

- Конечно, благодарю вас. Вы все-таки хороший человек, Торнтон. Хейл любил вас. На днях в Оксфорде он говорил мне о вас. Он очень жалел, что в последнее время редко виделся с вами. Я признателен вам за то, что вы хотите оказать ему уважение.

- Но о Фредерике. Он когда-нибудь приезжал в Англию?

- Никогда.

- И он не был здесь, когда умерла миссис Хейл?

- Нет. В то время я был там. Я не виделся с Хейлом много лет, если вы помните, я приехал... Нет, я приехал уже спустя какое-то время после похорон. Но бедного Фредерика Хейла здесь не было. Почему вы думаете, что он был?

- Однажды я видел молодого человека, прогуливающегося с мисс Хейл, — ответил Торнтон. — И я полагаю, это было в то самое время.

- О, должно быть, это был молодой Леннокс, брат капитана. Он — адвокат, они поддерживали с ним постоянную переписку. И я помню, мистер Хейл сказал мне, что думает, что он приедет. Вы знаете, — сказал мистер Белл, поворачиваясь и прищуривая один глаз, чтобы пристальнее наблюдать за лицом мистера Торнтон, — я однажды вообразил, что вы равнодушны к Маргарет.

Ответа не последовало. Выражение лица не изменилось.

- И так же подумал бедный Хейл. Он и не подозревал об этом, пока я не сказал ему.

- Я восхищался мисс Хейл. И каждый должен так поступать. Она — прекрасный человек, — ответил мистер Торнтон, загнанный в угол упрямыми расспросами мистера Белла.

- И это все?! Вы говорите о ней так сдержанно, как о «прекрасном человеке», который только привлекает взгляд. А я надеялся, что в вас достаточно благородства, чтобы оказать ей внимание. Хотя я верю... на самом деле, я знаю, она отказала бы вам, и все же безответная любовь к ней, вознесла бы вас выше всех тех, кто никогда не любил ее. «Прекрасный человек», в самом деле! Вы говорите о ней так, словно оцениваете лошадь или собаку!

В глазах мистера Торнтон вспыхнул огонь.

- Мистер Белл, — сказал он, — прежде чем говорить так, вам следовало бы вспомнить, что не все люди так свободно выражают свои чувства, как вы. Давайте поговорим о чем-нибудь еще.

И хотя сердце мистера Торнтон сильно билось, как при звуке трубы, от каждого слова мистера Белла, и хотя он знал, что впредь его мысли о пожилом оксфордском профессоре будут тесно связаны с тем, что наиболее дорого его сердцу, все же его не заставили обнаружить то, что он чувствует к Маргарет. Он не рассыпался в похвалах, стараясь превзойти другого, восхваляющего то, что он чтит и страстно любил. Он перевел разговор на обсуждение скучных дел, которые были у него с мистером Беллом, как у хозяина и подрядчика.

- Что это за груда кирпичей и известкового раствора, мимо которых мы шли по двору? Требуется какой-то ремонт?

- Нет, никакого, спасибо.

- Вы что-то строите за свой счет? Если да, я очень вам обязан.

- Я строю столовую... для людей, я имею в виду... рабочих.

- Я подумал, что это вам трудно угодить, если эта комната не достаточно хороша для вас, холостяка.

- Я познакомился с необычным парнем и отправил одного или двух детей, о которых он заботится, в школу.

Так случилось, что однажды я проходил мимо их дома — я просто оказался там по поводу пустяковой оплаты. И когда я увидел, какое скудное, отвратительное жаркое они едят на обед — жирное, подгоревшее мясо — это навело меня на мысль. Но это произошло до того, как продукты подорожали этой зимой, и я стал подумывать, что если закупать продукты оптом и готовить сразу большое количество еды, можно сэкономить много денег и получить больше выгоды. Поэтому я поговорил со своим другом... или своим врагом — человеком, о котором я вам говорил — и он обнаружил ошибки в каждом пункте моего плана. В результате я отказался от этой идеи из-за ее непрактичности, а также потому, что если бы я привел свой план в действие, мне бы пришлось вмешаться в независимость своих рабочих. И тут вдруг Хиггинс пришел ко мне и любезно выразил свое одобрение плана — почти такого же, как мой, который я мог бы утвердить, — и более того, одобрение еще нескольких рабочих, с которыми он говорил. Полагаю, меня немного возмутило его поведение и я думал избавиться от всего этого — и будь, что будет. Но мне показалось ребячеством отказываться от плана, который я когда-то считал мудрым и хорошо продуманным просто потому, что он не принес мне славы, как автору. Поэтому я спокойно сыграл роль, предназначенную для меня, словно я какой-то стюард из клуба. Я закупая провизию оптом и нахожу подходящую экономку или кухарку.

- Я надеюсь, вы удовлетворены вашей новой должностью. Вы хорошо разбираетесь в картофеле и луке? Но я полагаю, миссис Торнтон помогает вам закупать продукты.

- Нисколько, — ответил мистер Торнтон. — Она не одобряет весь этот план, и мы никогда не говорим об этом с ней. Но я справляюсь вполне хорошо, получаю большой запас продуктов из Ливерпуля и мясо от мясника нашей собственной семьи. Я могу заверить вас, никто не пренебрегает горячими обедами, что готовит экономка.

- В силу своей должности вы пробуете каждое блюдо, когда его приготовят? Я надеюсь, у вас есть белая палочка?

- В первое время я добросовестно занимался закупками и даже скорее подчинялся заказам рабочих, которые они передавали через экономку, чем следовал своим собственным суждениям. Один раз говядина была слишком

низкого сорта, в другой — баранина была недостаточно жирной. Я думаю, они поняли, как я старательно соблюдаю их независимость и не навязываю им свои идеи. Поэтому однажды два или три человека — и мой друг Хиггинс среди них — спросили меня, не хочу ли я зайти и перекусить. Это был очень напряженный день, но я понял, что люди обидятся, если после их попытки сблизиться, я не сделаю шаг им навстречу, поэтому я вошел, и никогда в своей жизни я не ел ничего вкуснее. Я сказал им... я имею в виду, моим соседям, поскольку я не мастер говорить... насколько мне понравилась эта еда. И каждый раз, когда в их рационе есть это особенное блюдо, меня непременно встречают эти люди со словами: «Хозяин, сегодня рагу на обед, не хотите зайти?». И если бы они не пригласили меня, я бы навязался им не больше, чем, если бы сел в барак за общий стол без приглашения.

- Я бы подумал, что ваше присутствие, как хозяина, больше сдерживает их разговоры. Они не могут ругать хозяев, пока вы там. Я подозреваю, что они ведут такие разговоры в те дни, когда в их меню нет рагу.

- Ну! До сих пор мы успешно справлялись со всеми затруднительными вопросами. Но если какие-то из прежних споров возникают снова, я, конечно, высказываю свое мнение на следующий день после «дня рагу». Но вы едва ли знакомы с нашими даркширскими парнями, несмотря на то, что сами из Даркшира. У них такое чувство юмора и такая особенная манера выражаться! Сейчас я хорошо знаком со многими из них, и они уже свободно разговаривают при мне.

- Совместная трапеза лучше всего уравнивает людей. Смерть — ничто по сравнению с этим. Философ умирает нравоучительно, лицемер — нарочито, простодушный — скромно, бедный идиот — слепо, как воробей падает на землю. Философ и идиот, мытарь и лицемер — все едят одинаково — у всех хорошее пищеварение. Вот теория для вашей теории.

- На самом деле, у меня нет теории. Я ненавижу теории.

- Прошу прощения. Чтобы показать, как я раскаиваюсь, не примите ли вы десять фунтов на продукты, чтобы закатить пир для ваших рабочих?

- Спасибо, но нет. Они платят мне ренту за плиту и кухню на заднем дворе фабрики. И им придется платить еще больше за новую столовую. Я не хочу ударяться в благотворительность. Я не хочу пожертвований.

Однажды, позволив подобное из принципа, я допущу разговоры людей, что разрушит всю простоту замысла.

- Люди будут говорить о любом нововведении. Вы ничего не сможете поделать.

- Мои враги, если они у меня есть, могут создать ажиотаж вокруг этой идеи с обедом. Но вы — друг, и я надеюсь, что вы оцените мой эксперимент молчанием. В настоящий момент это новая метла, и метет она достаточно чисто. Но, без сомнения, со временем на нашем пути возникнет множество препятствий.

Глава XLIII

Отъезд Маргарет

«Любой пустяк в прощанья час

Становится для нас бесценным».

Эбенезер Эллиотт «Деревенский патриарх»

Миссис Шоу испытывала настолько сильную неприязнь к Милтону, насколько позволяла ей ее кроткая натура. Город был шумным и дымным, бедняки, которых она видела на улице, — грязными, а богатые леди одевались слишком нарядно. И ни одному человеку, простому или знатному, одежда не была впору. Она была убеждена, что Маргарет не сможет восстановить силы, оставаясь в Милтоне. Да и она сама опасалась, что ее прежние нервные приступы возобновятся. Маргарет должна вернуться с ней в Лондон и как можно быстрее. Если не убедительно, то, во всяком случае, настойчиво она убеждала Маргарет уехать, пока та слабая, уставшая, упавшая духом, не сдалась, неохотно пообещав, что после среды она будет готова сопровождать тетю в Лондон, оставив Диксон разбираться со всеми делами — оплачивать счета, продавать мебель и закрывать дом. И до того, как наступила среда — эта мрачная среда, когда должны были хоронить мистера Хейла вдали от тех мест, которые ему были знакомы при жизни, и вдали от жены, одиноко похороненной среди чужаков, что сильнее всего мучило Маргарет, поскольку она считала, что если бы не поддавалась тому ошеломляющему горю в первые

дни, она смогла бы все устроить по-другому — Маргарет получила письмо от мистера Белла.

«Моя дорогая Маргарет.

Я действительно был намерен вернуться в Милтон в четверг, но, к несчастью произошел один из тех редких случаев, когда нас, профессоров Плимута, созывают выполнить свои обязанности, и я не могу уклониться от этого. Капитан Леннокс и мистер Торнтон здесь. Первый кажется толковым человеком и исполнен благих намерений. Он предложил поехать в Милтон и помочь вам в поисках завещания. Конечно, никакого завещания нет, и вы поймете это к тому времени, если выполните мои указания. Потом капитан Леннокс заявляет, что должен сопроводить вас и свою тещу домой. И при нынешнем положении его жены я не думаю, что он останется дольше пятницы. Тем не менее, ваша Диксон очень надежна и может поддержать себя и вас, пока я приеду. Я передам дела своему милтонскому поверенному, если завещания нет, поскольку сомневаюсь, что этот толковый капитан хорошо смыслит в делах. Тем не менее, у него замечательные усы. Вам придется все продать, поэтому отберите вещи, которые вы хотите сохранить. Или вы можете выслать список позднее. Теперь еще два дела, и я закончу. Знаете вы или не знаете, но ваш бедный отец знал, что вы получите все мои деньги и имущество после моей смерти. Это не значит, что я уже собираюсь умереть. Но я упоминаю об этом, чтобы объяснить, что произойдет. Сейчас эти Ленноксы, кажется, очень любят вас и, возможно, будут любить, а, может, и нет. Поэтому лучше всего начать с официального соглашения. А именно, вы будете выплачивать им двести пятьдесят фунтов в год, пока будете получать удовольствие от совместного проживания. В эту сумму, конечно, включены и расходы на Диксон. Смотрите, чтобы вас не уговорили платить за нее. Так вы не будете брошены на произвол судьбы, и если однажды капитан пожелает жить собственным домом, то вы сможете уехать со своими деньгами куда-нибудь еще. Если на самом деле, я не потребую, чтобы вы приехали и похозяйничали сначала у меня. Потом, что касается одежды, Диксон, личных расходов и расходов на кондитерские — все молодые леди едят сладости, пока не станут благоразумнее с возрастом — я посоветуюсь со своей знакомой и узнаю, сколько вы будете получать от своего отца, прежде чем все уладится. Вот, Маргарет, вы бы упорхнули, прежде чем прочитать это письмо и удивиться, какое право имеет этот старик так бесцеремонно улаживать ваши дела? Не сомневаюсь, упорхнули бы. И все же у этого старика есть право. Он любил вашего отца тридцать пять лет, он стоял рядом с ним в день его свадьбы. Он закрыл ему глаза в день смерти. Более того, он — ваш крестный. И так как он не может вернуть вам душевное спокойствие, втайне признавая ваше превосходство в таких делах, он будет рад оказать вам скромную помощь, обеспечив вас материально. И у этого старика нет на земле родственников. «Кто будет скорбеть по Адаму Беллу?» Он уже все решил и желает только одного, но Маргарет Хейл — не та девушка, что ответит ему «нет». Напишите мне ответ, хотя бы пару строк, чтобы сообщить свое решение. И не благодарите».

Маргарет взяла перо и дрожащей рукой написала: «Маргарет Хейл — не та девушка, что ответит ему «нет». Из-за своей слабости она не смогла придумать другого ответа, и все же ей не понравилось, что она ответила его же словами. Но даже это небольшое усилие так сильно утомило ее, что придумай она другой ответ, она не смогла бы написать ни слова. Маргарет пришлось снова лечь и постараться не думать об этом.

- Мое дорогое дитя! Это письмо расстроило или встревожило тебя?

- Нет! — слабым голосом ответила Маргарет. — Мне станет лучше, когда завтрашний день закончится.

- Без сомнения, дорогая, тебе не станет лучше, пока я не увезу тебя из этой ужасной обстановки. Как ты смогла выдержать эти два года, я не представляю.

- А куда бы я поехала? Я не могла оставить папу и маму.

- Ну, не изводи себя, моя дорогая. Осмелюсь сказать, что все к лучшему, только я не имела понятия, как вы жили. Жена нашего дворецкого живет в лучшем доме, чем этот.

- Иногда здесь очень мило... летом. Не стоит судить по тому, как все выглядит сейчас. Я была здесь очень счастлива, — и Маргарет закрыла глаза, чтобы прекратить разговор.

Сейчас в доме стало намного уютнее, чем было прежде. Вечера были прохладные, и по указанию миссис Шоу во всех спальнях разожгли камин. Она баловала Маргарет при каждом случае, покупала любые лакомства или мягкие предметы роскоши, в которые она сама бы уткнулась, чтобы отдохнуть. Но Маргарет была равнодушна к таким безделушкам. И если она обращала на них внимание, то лишь только для того, чтобы выразить благодарность тете, которая во многом отказывала себе, думая о ней. Несмотря на слабость, Маргарет ощущала беспокойство. Весь день она заставляла себя не думать о церемонии, которую проводили в Оксфорде, слоняясь из комнаты в комнату и вяло откладывая в сторону те вещи, которые хотела оставить. Диксон,

выполняя распоряжение миссис Шоу, ходила за ней по пятам якобы для того, чтобы получить распоряжения, но с тайным указанием утешать Маргарет, как только потребуется.

- Эти книги, Диксон, я оставлю. А остальные ты отошлешь мистеру Беллу? Он будет дорожить ими, поскольку они принадлежали папе. Эту... мне бы хотелось, чтобы ты отправила эту книгу мистеру Торнтону после того, как я уеду. Постой, я напишу ему записку, — она поспешно села, словно боялась передумать и написала:

«Уважаемый сэр! Несомненно, вы будете дорожить этой книгой в память о моем отце, которому она принадлежала. С уважением, Маргарет Хейл.»

Она вновь стала бродить по комнатам, разглядывая предметы, которые были знакомы ей с детства, не желая оставлять их — старомодные, потертые и потрепанные вещи. Но больше она не заговорила. И Диксон доложила миссис Шоу, что «сомневается, слышала ли мисс Хейл хоть слово из того, что я ей говорила, хотя я говорила без умолку, чтобы отвлечь ее внимание». Проведя весь день на ногах, к вечеру Маргарет была физически истощена и поэтому этой ночью спала лучше, чем в предыдущие ночи после того, как ей сообщили о смерти мистера Хейла.

На следующий день за завтраком она выразила желание пойти и попрощаться с друзьями. Миссис Шоу возразила:

- Я уверена, моя дорогая, что у тебя здесь нет достаточно близких друзей, чтобы навещать их так скоро, ведь ты еще не побывала в церкви.

- Но у меня остался только один сегодняшний день. Если капитан Леннокс приедет сегодня днем, и если мы должны... если я, действительно, должна уехать завтра...

- О, да. Мы уедем завтра. Я все больше и больше убеждаюсь, что этот воздух слишком вреден для тебя, из-за него ты так бледна и больна. Кроме того, Эдит ждет нас, и она, может быть, ждет меня. А тебе, моя дорогая, в твоём возрасте нельзя оставаться одной. Нет, если ты должна совершить эти визиты, я пойду с тобой. Я полагаю, Диксон сможет найти нам экипаж?

Миссис Шоу отправилась опекать Маргарет, взяв с собой свою служанку, чтобы та позаботилась о шалих и надувных подушках. Маргарет была слишком грустной, чтобы улыбаться, видя все эти приготовления к двум визитам, которые она сама часто совершала в любое время дня. Она почти боялась признаться, что собирается посетить дом Николаса Хиггинса. Все, что ей оставалось — это надеяться, что тетя не сможет выйти из экипажа и прогуляться по двору из-за того, что ветер развеивал влажное белье, вывешенное сушиться на веревках, протянутых между домами.

Миссис Шоу разрывалась между страстью к удобствам и желанием держаться в рамках пристойности, свойственной почтенной женщине. Но первое чувство возобладало, и, надавав Маргарет указаний быть осторожной, чтобы не подхватить лихорадку, которая всегда таится в таких местах, тетя разрешила ей пойти туда, где она так часто бывала раньше, без всяких предосторожностей и не спрашивая разрешения.

Николаса не было дома, только Мэри и двое детей Баучера. Маргарет расстроилась, что не очень удачно выбрала время для визита. Мэри была недалекой, но доброй и сердечной девушкой. Как только она поняла, что мисс Хейл пришла попрощаться с ними, она начала кричать и рыдать, почти не сдерживаясь, и Маргарет поняла, что бесполезно говорить с ней о тех мелочах, о которых она вспомнила, пока ехала в экипаже. Ей удалось лишь немного успокоить Мэри, пообещав, что когда-нибудь, они снова встретятся, после чего Маргарет попросила передать Николасу, что ей очень хочется, чтобы он пришел навестить ее сегодня вечером, когда закончит работу.

Уходя от них, она остановилась и огляделась, затем немного замешкалась, прежде чем сказать:

- Мне бы хотелось взять что-нибудь на память о Бесси.

В Мэри тотчас проснулось великодушие. Что они могут дать? Когда Маргарет выбрала маленькую простую чашку, которая, как она помнила, всегда стояла рядом с Бесси, чтобы та утоляла жажду во время лихорадки, Мэри сказала:

- Ох, возьмите что получше, эта стоит всего четыре пенса!

- Эта подойдет, спасибо, — ответила Маргарет и быстро вышла, пока Мэри светилась от радости, что сумела угодить гостье.

«Теперь к миссис Торнтон, — подумала она про себя. — Я должна это сделать», — но, думая об этом, она выглядела очень суровой и бледной, ей было трудно найти подходящие слова, чтобы объяснить своей тете, кто

такая миссис Торнтон, и почему она должна попроситься с ней.

Их обеих — миссис Шоу тоже решила пойти — проводили в гостиную, в которой только что разожгли камин. Миссис Шоу поплотнее закуталась в шаль и вздрогнула.

- Какая холодная комната! — сказала она.

Им пришлось подождать какое-то время, пока спустится хозяйка. Миссис Торнтон стала снисходительнее к Маргарет теперь, когда та собралась уезжать. Она помнила ее характер, который проявлялся в разное время и в разных ситуациях даже лучше, чем терпение, с которым она выносила долгие и тяжелые заботы. Когда она приветствовала Маргарет, ее лицо смягчилось, в ее манерах даже появился оттенок доброты, когда она заметила бледное, распухшее от слез лицо и дрожь в голосе, которую Маргарет старательно пыталась унять.

- Позвольте мне представить мою тетю, миссис Шоу. Завтра я уезжаю из Милтона. Я не знаю, знаете ли вы об этом. Но мне хотелось еще раз увидеть вас, миссис Торнтон, чтобы... извиниться за свое поведение в нашу последнюю встречу. И сказать, я убеждена, что у вас были добрые намерения... тем не менее, мы не поняли друг друга.

Миссис Шоу очень озадачили слова Маргарет. Благодарить за доброту! И извиняться за отсутствие хороших манер! Но миссис Торнтон ответила:

- Мисс Хейл, я рада, что вы оценили меня должным образом. Выражая несогласие с вами, я лишь следовала своему долгу. Я всегда хотела быть для вас другом. Я рада, что вы оценили мой поступок.

- Но, - сказала Маргарет, при этом сильно покраснев, — вы оцените меня справедливо и поверите, что, хотя я не могу... я не решаюсь... дать вам объяснения моего поведения, я не сделала ничего плохого, что бы вы не думали?

Голос Маргарет был таким мягким, а взгляд таким умоляющим, что миссис Торнтон еще раз попала под влияние этих чар, до сих пор считая себя нечувствительной.

- Да, я верю вам. Давайте не будем больше говорить об этом. Где вы собираетесь жить, мисс Хейл? Я поняла из слов мистера Белла, что вы собираетесь покинуть Милтон. Вам он никогда не нравился, — сказала миссис Торнтон, мрачно улыбнувшись, — но, тем не менее, не ждите, что я поздравлю вас с тем, что вы уезжаете. Где вы будете жить?

- У своей тети, — ответила Маргарет, поворачиваясь к миссис Шоу.

- Моя племянница будет жить со мной на Харли-стрит. Она для меня почти как дочь, — ответила миссис Шоу, с любовью глядя на Маргарет. — И я рада признать, что обязана вам за всю ту доброту, что вы ей оказали. Если вы или ваш муж приедете в Лондон, мой зять и моя дочь, капитан и миссис Леннокс, я уверена, будут рады оказать вам внимание, которое только в наших силах.

Миссис Торнтон подумала про себя, что Маргарет не позаботилась просветить свою тетю относительно родства мистера и миссис Торнтон, на которых эта аристократка распространяла свое покровительственное отношение. Поэтому она ответила кратко.

- Мой муж умер. Мистер Торнтон — мой сын. Я никогда не поеду в Лондон, поэтому маловероятно, что я воспользуюсь вашим любезным предложением.

В этот момент мистер Торнтон вошел в комнату. Он только что вернулся из Оксфорда. Его траурный сюртук выдавал причину, по которой он там находился.

- Джон, — сказала его мать, — эта леди — миссис Шоу, тетя мисс Хейл. Мне жаль говорить, что мисс Хейл зашла попроситься с нами.

- Итак, вы уезжаете! — сказал он тихо.

- Да, — ответила Маргарет. — Мы уезжаем завтра.

- Мой зять приедет сегодня вечером, чтобы сопроводить нас, — ответила миссис Шоу.

Мистер Торнтон отвернулся. Он не сел и, казалось, что он рассматривает что-то на столе, словно обнаружил нераспечатанное письмо, которое заставило его забыть о гостях. Казалось, что он даже не заметил, когда они поднялись, чтобы уйти. Тем не менее, он пошел проводить миссис Шоу до экипажа. Пока экипаж подъезжал, он и Маргарет стояли рядом на ступеньках, и возможно, у обоих в памяти возникло воспоминание о дне бунта. У него оно было связано с разговором следующего дня, ее пылким заявлением, что во всей этой жестокой и отчаявшейся толпе не было человека, о котором она бы не позаботилась так же, как о нем. И при воспоминании, он нахмурился, хотя сердце билось часто, сгорая от любви.

- «Нет! — сказал он себе, — однажды я уже попытался и потерял все. Пусть она уезжает со своим каменным сердцем, со своей красотой! Какой непреклонной и изможденной она сейчас выглядит, насколько красивой! Она боится, что я заговорю, из-за чего ей придется стойко сдерживаться. Пусть уезжает. Она может быть красавицей

и наследницей, но она поймет, что трудно найти сердце более преданное, чем мое. Пусть уезжает!»

В голосе, которым он попросился с ней, не было ни тени сожаления, никакой другой эмоции. И протянутая рука была пожата с твердой невозмутимостью и отпущена так небрежно, словно это был увядший цветок. Но никто из домочадцев не видел мистера Торнтон в тот день. Он был занят делами, по крайней мере, он так сказал.

Маргарет потратила на эти визиты почти все свои силы, ей пришлось подчиниться присмотру, ласкам и вздохам тети «я тебе говорила». Диксон заметила, что в первый день, как узнала о смерти отца, она была так же плоха. Миссис Шоу советовалась с ней, насколько необходимо отложить завтрашний отъезд. Но когда тетя неохотно предложила Маргарет отложить их отъезд на несколько дней, последняя скорчилась, как от острой боли, и сказала:

- О, нет, давайте уедем. Здесь у меня не хватит терпения. Мне здесь не станет лучше. Я хочу забыть.

Поэтому приготовления к отъезду продолжались. Приехал капитан Леннокс, привез новости об Эдит и маленьком мальчике. И Маргарет обнаружила, что равнодушный, безразличный разговор с тем, кто не старался беспрестанно выражать сочувствие, хотя и был добр с ней, пошел ей на пользу. Она поднялась и к тому времени, когда должен был прийти Хиггинс, Маргарет уже смогла тихо покинуть комнату и ждать у себя в спальне, когда Диксон позовет ее.

- Как? — сказал он, когда она вошла, — подумать только, старый джентльмен умер во сне! Я был просто огорошен, когда мне рассказали. «Мистер Хейл?» — переспросил я. — «Тот, который был священником?» — «Да!» — ответили мне. «Тогда», — сказал я, — «умер самый хороший человек, живший на этой земле, попробовал бы кто-нибудь быть таким!» Я приходил повидать вас, сказать вам, как я сожалею, но те женщины в кухне не передали вам, что я был здесь. Они сказали, что вы больны... И горько мне, но вы не похожи на себя. Вы станете в Лондоне знатной дамой, верно?

- Нет, не знатной дамой, — ответила Маргарет, слабо улыбаясь.

- Ясно! Торнтон сказал... спросил день или два назад: «Хиггинс, ты видел мисс Хейл? — «Нет», — ответил я. — «Там много женщин, которые не пустят меня к ней. Но я могу и подождать, если она больна. Она и я знаем друг друга очень хорошо. И она не станет сомневаться, что мне очень жаль старого джентльмена, просто потому что я не могу пойти к ней и сказать об этом». А он говорит: «Тебе не придется долго ждать, чтобы увидеть ее, приятель. Она не останется с нами надолго, ничего не поделаешь. У нее много важных родственников, которые заберут ее, мы больше не увидим ее». — «Хозяин», — сказал я, — «если я не увижу ее перед отъездом, я постараюсь поехать в Лондон после Троицына дня. Я не откажусь попрощаться с ней, какие бы ни были у нее родственники». Но благослови вас Бог, я знал, что вы придете к нам. Я только пытался развеселить хозяина я притворился, что подумал, будто вы можете уехать из Милтона, не повидав меня.

- Вы совершенно правы, — ответила Маргарет. — Вы хорошо меня знаете. И вы не забудете меня, я уверена. И если больше никто в Милтоне не будет меня помнить, я совершенно уверена, что вы будете вспоминать. И папу тоже. Вы знаете, каким добрым и заботливым он был. Посмотрите, Хиггинс! Вот его Библия. Я сохранила ее для вас. Мне трудно с ней расставаться, но я знаю, ему бы понравилось, что она у вас. Я уверена, что вы будете беречь ее и изучать то, что в ней написано, ради него.

- Вы можете говорить так. Даже если бы это были каракули самого дьявола, и вы попросили меня прочесть их ради вас и старого джентльмена, я бы прочел. Что это такое, красавица? Я не собираюсь брать от вас деньги, даже и не думайте. Мы были хорошими друзьями, меж нами не должно быть звона денег.

- Это для детей... для детей Баучера, — поспешно сказала Маргарет. — Они понадобятся им. Вы не имеете права отказываться. Я бы не предложила вам и пенни, — сказала она, улыбаясь, — не думайте, что эти деньги для вас.

- Что ж, красавица! Мне ничего не остается, как сказать: «Благослови вас Бог! Благослови вас Бог!.. И аминь».

«Рутину дней сменяет день за днем
Лицо одно и то же вечно в нем».
Уильям Коупер «Надежда»

«Он видит каждого, каким тот должен быть,
Но радость не полна, пока цели не достичь».
Фридрих Рюккерт

Тишина, царившая в доме на Харли-стрит, пока Эдит восстанавливала силы после родов, даровала Маргарет отдых, в котором она так нуждалась. Он дал ей время осознать внезапные перемены, которые произошли в ее жизни за последние два месяца. В одно мгновение она оказалась обительницей роскошного дома, куда, казалось, едва проникали слабые тени тревог и забот. Шестеренки повседневной жизни были хорошо смазаны и вращались плавно и легко. Миссис Шоу и Эдит едва ли могли много требовать от Маргарет после ее возвращения к ним, на котором они так настаивали. А она чувствовала, что с ее стороны неблагодарно втайне считать, что хелстонский домик, нет, даже бедный маленький дом в Милтоне с беспокойным отцом и больной матерью, со всеми незначительными домашними заботами, более соответствуют ее представлению о доме. Эдит не терпелось поскорее поправиться, чтобы заполнить спальню Маргарет всяческими удобствами, милыми безделушками, которыми изобиловала ее собственная комната. Миссис Шоу со своей горничной всю старалась разнообразить гардероб Маргарет и придать ему элегантность. Капитан Леннокс был спокоен, добр и воспитан. Каждый день он проводил с женой час или два в ее гардеробной, в течение следующего часа играл со своим маленьким сыном и бездельничал все остальное время в клубе, если не был приглашен на ужин. И до того, как Маргарет перестала нуждаться в отдыхе и покое, до того, как она начала понимать, что жизнь ее бесполезна и скучна, Эдит спустилась вниз и принялась участвовать в домашних делах. А Маргарет по старой привычке наблюдала, восхищалась и помогала своей кухне. Она с радостью взяла на себя обязанности секретаря Эдит — отвечала на записки, напоминала ей о встречах, заботилась о ней, когда от отсутствия развлечений кухня была склонна изображать из себя больную. Все члены семьи принимали участие в лондонском светском сезоне, и Маргарет часто оставалась дома одна. Тогда мысленно она переносилась в Милтон, и странное чувство отличия той, прежней, жизни от нынешней охватывало ее. Она быстро пресытилась бедной на события беззаботностью, когда не нужно было бороться или прилагать усилия. Она боялась, что станет вялой, бесчувственной, забудет о том, что находится за пределами этой роскошной жизни, которая окружала ее. Вероятно, в Лондоне тоже были рабочие, но она никогда их не видела. Слуги жили в своем мире, и она не знала ни их страхов, ни их надежд. Казалось, они появлялись лишь по желанию или капризу своих хозяев. В сердце и в жизни Маргарет образовалась странная пустота, и когда она смутно намекнула об этом Эдит, последняя, утомленная танцами предыдущего вечера, вяло погладила по щеке подругу, сидевшую на своем прежнем месте — низеньком стуле возле дивана, на котором лежала Эдит.

- Бедное дитя! — сказала Эдит. — Немного грустно, что тебе приходится оставаться каждый вечер одной, когда все вокруг веселятся. Но скоро мы начнем устраивать званые обеды... как только Генри вернется из поездки, и тогда ты немного отвлечешься. Неудивительно, что ты хандрить, дорогая!

Маргарет не считала, что званые обеды окажутся панацеей. Но Эдит гордилась своими зваными обедами, «такими непохожими», как она говорила, «на прежние вдовьи обеды под маминой властью». И миссис Шоу сама, казалось, получала немалое удовольствие от разного рода приготовлений и круга знакомых, которые пришлось по вкусу капитану и миссис Леннокс, ведь она сама обычно устраивала более формальные и скучные приемы. Капитан Леннокс был всегда очень добр и по-братски относился к Маргарет. Она с нежностью относилась к нему, кроме тех случаев, когда он слишком заботился о том, чтобы наряды и внешний облик Эдит произвели надлежащее впечатление в свете. В этот момент в Маргарет пробуждалась скрытая Вашти,[48] и она едва сдерживала свои чувства.

Каждый день Маргарет проводила спокойный час или два перед подававшимся позднее обычного завтраком, который лениво съедали уставшие и наполовину проснувшиеся люди. Но все же на этом неспешном завтраке ожидали ее присутствия. Сразу после него обсуждались планы, не имевшие к ней отношения, но от нее ждали сочувствия, если она не могла помочь советом. Маргарет писала бесчисленное множество записок, которые Эдит неизменно поручала ей, рассыпаясь в комплиментах выразительности ее стиля. Потом она немного играла с Шолто, когда тот возвращался с утренней прогулки, а помимо этого присматривала за детьми, когда слуги

обедали, затем прогуливалась в экипаже или принимала гостей. Когда тетю или кузенов приглашали на обед или на завтрак, Маргарет оставалась незанятой, правда, это бездействие утомляло ее сильнее, приводя в уныние и ослабляя здоровье.

Она с нетерпением ожидала, хотя и не говорила об этом, возвращения Диксон из Милтона, где до сих пор старая служанка завершала все дела семьи Хейлов. Ей хотелось получить известия о людях, среди которых она так долго жила. Правда, Диксон в своих деловых письмах время от времени цитировала мнение мистера Торнтонна о том, как ей лучше поступить с мебелью, или как лучше вести себя с владельцем дома на Крэмpton Террас. Но это имя, как и любое другое имя жителя Милтона, упоминалось лишь изредка. И однажды вечером, сидя в одиночестве в гостиной Ленноксов, Маргарет держала в руке письма Диксон, но не читала их, а размышляла, вспоминала былые дни и представляла ту деятельную жизнь, которая навсегда была для нее потеряна. Она удивлялась, как все исчезло в этом водовороте, словно ее самой или ее отца никогда не было, спрашивала себя, скучает ли по ней кто-нибудь из тех людей, но мысли ее были не о Хиггинсе, когда неожиданно ей доложили о приходе мистера Белла. Маргарет поспешно сунула письма в свою рабочую корзинку и вздрогнула, краснея, как будто совершила что-то предосудительное.

- О, мистер Белл! Я не ожидала вас увидеть!

- Я надеюсь, вы не просто удивлены, но и рады меня видеть?

- Вы ужинали? Как вы доехали? Позвольте мне заказать для вас ужин.

- Если только вы сами поужинаете. Иначе, вы знаете, нет никого, кого бы так мало волновала еда, как меня.

Но где все остальные? Приглашены в гости? Оставили вас одну?

- О, да! И это такой отдых. Я просто думала... Но, может быть, вы хотите перекусить? Я не знаю, есть ли что-нибудь в доме.

- Ну, говоря по правде, я поел в клубе. Только там уже не готовят так хорошо, как раньше, поэтому я подумал, что если вы собираетесь ужинать, я мог бы к вам присоединиться. Но не беспокойтесь, не беспокойтесь! В Англии не наберется и десяти поваров, которым можно доверить приготовление пищи. Может быть, им удалось сохранить навыки и увлеченность, но зато им изменяет чувство меры. Приготовьте мне чаю, Маргарет. Ну, и о чем вы думали? Расскажите мне. Чьи письма, крестница, вы спрятали так поспешно?

- Всего лишь письма Диксон, — ответила Маргарет, сильно краснея.

- Вот так так! И это все? Кто бы вы думали, приехал со мной одним поездом?

- Я не знаю, — сказала Маргарет, решив не строить догадок.

- Ваш, как вы его называете? Как правильно называют брата мужа кузины?

- Мистер Генри Леннокс? — спросила Маргарет.

- Да, — ответил мистер Белл. — Вы ведь прежде были с ним знакомы, не так ли? Что он за человек, Маргарет?

- Когда-то давно он мне нравился, — ответила Маргарет, на мгновение опустив глаза. Затем она посмотрела на мистера Белла и продолжила в своей обычной манере. — Вы знаете, с тех пор мы только переписывались о деле Фредерика. Но я не видела его почти три года, он, возможно, изменился. Какое мнение о нем сложилось у вас?

- Я не знаю. Сначала он так усердно пытался выяснить, кто я, а потом, чем я занимаюсь, что ни за что бы не позволил узнать, каков он сам. Разве только, в самом деле, это скрытое любопытство в его разговоре показало его не с лучшей стороны и выявило его характер. Вы находите его привлекательным, Маргарет?

- Нет! Конечно, нет. А вы?

- И я — нет. Но я думал, возможно, вы могли бы. Он часто здесь бывает?

- Думаю, да, когда он — в городе. Его не было в Лондоне, когда я приехала. Но... мистер Белл... вы приехали из Оксфорда или из Милтона?

- Из Милтона. Разве вы не видите, какой я закопченный?

- Конечно. Но я подумала, что так, возможно, повлияли на вас оксфордские древности.

- Ну, право же, будьте разумной женщиной! В Оксфорде я смог бы справиться со всеми домовладельцами в городе и добился бы своего с меньшими хлопотами, чем те, которые доставил мне ваш милтонский домовладелец. Он не хотел расторгать договор на аренду дома до следующего июня. К счастью, мистер Торнтон нашел для него нового арендатора. Почему вы не спрашиваете о мистере Торнтоне, Маргарет? Он доказал, что он - настоящий друг, взяв на себя больше половины всех хлопот.

- И как он? Как миссис Торнтон? — спросила Маргарет поспешно и вполголоса, хотя пыталась говорить громко.

- Я полагаю, они — в порядке. Я оставался в их доме, пока меня не прогнала постоянная болтовня о замужестве этой девочки Торнтон. Это чересчур утомило даже самого Торнтона, хотя она — его сестра. Он, бывало, уходил и часами сидел в своей комнате. Он уже перешагнул тот возраст, когда заботят такие вещи, будь они важные или несущественные. Меня удивило, что пожилая леди заразилась от дочери страстью к флердоранжу и кружевам. Я думал, что миссис Торнтон более сурова.

- Она наденет любую маску, чтобы скрыть слабости своей дочери, — тихо ответила Маргарет.

- Возможно и так. Вы изучили ее, верно? Кажется, она не слишком вас любит, Маргарет.

- Я знаю, — ответила Маргарет. — О, вот наконец и чай! — воскликнула она с облегчением.

К чаю пришел мистер Генри Леннокс, который прогуливался по Харли-стрит после позднего ужина и явно ожидал застать своего брата и невестку дома. Маргарет подозревала, что он, как и она, рад присутствию третьего лица — это была их первая встреча с того памятного дня в Хелстоне, когда он сделал ей предложение, а она ему отказала. Она едва смогла произнести слова приветствия и была рада, что приготовление чая позволяет ей молчать, а ему дает возможность прийти в себя. По правде говоря, этим вечером он заставил себя повернуть на Харли-стрит, чтобы выдержать неприятную встречу, неприятную даже в присутствии капитана Леннокса и Эдит, и вдвойне неприятную теперь, когда Маргарет оказалась здесь единственной дамой и той, к которой ему, конечно, волей-неволей придется обращаться во время разговора. Маргарет первая пришла в себя. Преодолев робость, она начала говорить о том, что сразу же пришло ей на ум.

- Мистер Леннокс, я вам так обязана за все то, что вы сделали для Фредерика.

- Мне только жаль, что все мои попытки оказались безуспешными, — ответил он, бросив взгляд на мистера Белла, словно спрашивая, насколько откровенным он может быть в его присутствии.

Маргарет будто прочитала его мысли и обратилась к мистеру Беллу, вовлекая его в разговор и давая понять, что тому вполне известно об участии мистера Леннокса в деле Фредерика.

- Этого Хоррокса — самого последнего свидетеля — оказалось так же трудно найти, как и всех остальных. Мистер Леннокс узнал, что он уплыл в Австралию в августе прошлого года. А за два месяца до этого, когда Фредерик был в Англии и назвал ему имена тех, кто...

- Фредерик был в Англии! Вы никогда не говорили мне об этом! — удивленно воскликнул мистер Белл.

- Я думала, вы знаете. Я никогда не сомневалась, что вам рассказали. Конечно, это держалось в большом секрете и, возможно, мне не следовало упоминать об этом, — сказала Маргарет немного испуганно.

- Я никогда не говорил об этом ни своему брату, ни вашей кузине, — сказал мистер Леннокс сухим адвокатским тоном, в котором послышался упрек.

- Не беспокойтесь, Маргарет. Я не общаюсь с болтунами, а также с теми, кто пытается вытянуть из меня сведения. Вам не нужно так пугаться из-за того, что вы выдали тайну такому преданному старому отшельнику, как я. Я никогда не упомяну, что он был в Англии. Я не поддамся искушению, поскольку меня никто не спросит. Пойдите! — мистер Белл замолчал довольно неожиданно. — Он был на похоронах вашей матери?

- Он был с мамой, когда она умерла, — тихо ответила Маргарет.

- Конечно! Конечно! Вот почему кто-то меня спрашивал, был ли он там тогда, и я смело это отрицал... несколько недель назад... кто же это был? О! Я вспомнил!

Но он не назвал имени. И хотя Маргарет многое бы отдала, чтобы узнать, права ли она была в своих подозрениях относительно мистера Торнтона, она не могла спросить мистера Белла, как бы сильно ей этого не хотелось.

Минуту или две все молчали. Затем мистер Леннокс сказал, обращаясь к Маргарет:

- Я полагаю, раз мистеру Беллу известны все обстоятельства, связанные с затруднительным положением вашего брата, мне лучше подробно рассказать ему, как идут поиски свидетелей, которых мы надеялись вызвать в его защиту. Поэтому, если он окажет мне честь завтра позавтракать со мной, мы обсудим все тонкости этого дела.

- Мне бы хотелось услышать все подробности, если позволите. Вы не могли бы прийти сюда? Я не смею просить вас позавтракать здесь, хотя я уверена, вам будут рады. Но позвольте мне узнать все, что можно, о Фредерике, даже если в настоящее время нет никакой надежды.

- На одиннадцать тридцать у меня назначена встреча. Но я непременно приду, если угодно, — ответил мистер Леннокс, немного помедлив прежде, чем выразить свою готовность, отчего Маргарет замкнулась в себе и почти пожалела, что обратилась с просьбой.

Мистер Белл встал и огляделся в поисках своей шляпы, которую унесли из комнаты, когда накрывали стол для чая.

- Что ж! — сказал он. — Я не знаю, как намерен поступить мистер Леннокс, но я склонен вернуться домой. Я сегодня весь день путешествовал, а все эти поездки в мои шестьдесят с лишним начинают на мне сказываться.

- Полагаю, я останусь повидаться с братом и сестрой, — ответил мистер Леннокс, не собираясь уходить.

Маргарет охватила неловкость и страх при мысли, что ей придется остаться с ним наедине. Сцена на маленькой террасе в саду хелстонского дома была так свежа в ее памяти, что она почти не сомневалась, что и он помнит об этом.

- Пожалуйста, мистер Белл, не уезжайте, — сказала она поспешно. — Мне бы хотелось, чтобы вы повидались с Эдит. Пожалуйста! — добавила Маргарет, легко, но решительно взяв его за руку.

Мистер Белл посмотрел на нее и заметил на ее лице смятение. Он снова сел, словно ее легкое касание обладало неодолимой силой.

- Видите, как она берет надо мной верх, мистер Леннокс, — сказал он. — Надеюсь, вы заметили, какие выражения она выбрала — она хочет, чтобы я «повидался» с ее кузиной Эдит, которая, как мне сказали, большая красавица. Но как честный человек, она поправится, когда та подойдет ко мне... миссис Леннокс должна «познакомиться» со мной. Я полагаю, не столько «повидаться», да, Маргарет?

Он шутил, чтобы дать ей время справиться с волнением, которое завладело ею, когда он сказал, что уезжает. Она подхватила его шуточный тон и ответила шуткой. Мистер Леннокс удивлялся, как мог его брат, капитан, сказать ему, что она далеко не красавица. Конечно, в своей простой черной одежде, она представляла разительный контраст с Эдит, вошедшей в гостиную в белом платье с траурной повязкой и с распущенными золотистыми волосами. Эдит была — сама нежность и великолепие. Она к месту улыбалась и краснела, когда ей представляли мистера Белла, беспокоясь о том, чтобы сохранить репутацию красавицы, которая не устояла бы, откажись Мордехай[49] «кланяться и падать ниц», даже будь он старым профессором колледжа, о котором никто никогда не слышал. Миссис Шоу и капитан Леннокс, каждый по-своему, оказали мистеру Беллу любезный и сердечный прием, располагая его к себе вопреки его воле, особенно, когда он увидел, как естественно Маргарет заняла место сестры и дочери в этом доме.

- Ужасно досадно, что нас не было дома, когда вы пришли, — сказала Эдит. — И вас, Генри, тоже! Хотя я не думаю, что мы бы остались дома из-за вас. А только ради мистера Белла! Ради мистера Белла нашей Маргарет...

- Я знаю, на какие жертвы вы бы не пошли, — ответил ее деверь. — На отмену званого обеда! И еще вы бы ни за что не отказались от удовольствия надеть это прекрасное платье.

Эдит не знала, хмуриться или улыбаться. Но мистеру Ленноксу не хотелось, чтобы она выбирала первое, поэтому он продолжил:

- Вы покажете свою готовность пойти на жертву завтра утром, если, во-первых, пригласите меня на завтрак, чтобы встретиться с мистером Беллом, а во-вторых, закажете завтрак на девять тридцать вместо десяти часов. У меня есть несколько писем и бумаг, которые мне хотелось бы показать мисс Хейл и мистеру Беллу.

- Я надеюсь, мистер Белл воспользуется нашим гостеприимством, пока гостит в Лондоне, — сказал капитан Леннокс. — Мне только жаль, что мы не можем предложить ему комнату.

- Спасибо. Я очень вам обязан. Вы бы посчитали меня грубияном, если бы я согласился, но, полагаю, я должен отклонить ваше предложение, несмотря на все искушение оказаться в такой приятной компании, — ответил мистер Белл, поклонившись и втайне поздравив себя с искусным оборотом, который, если передать его простым языком, имел бы следующий смысл: «Я бы не смог вытерпеть сдержанность таких приличных и вежливых людей, как они: это было бы сродни мясу без соли. Я рад, что у них нет спальни. И как удачно я закончил предложение! Я превосходно разыграл хорошие манеры».

Мистер Белл оставался довольным собой, пока не вышел на улицу и не пошел рядом с мистером Ленноксом. Тут он внезапно вспомнил умоляющий взгляд Маргарет, когда она упростила его остаться немного дольше, а также вспомнил, как давно ему не раз намекали на то, что мистер Леннокс восхищается Маргарет. Это придавало новое направление его мыслям:

- Я полагаю, вы давно знакомы с мисс Хейл. Как вы ее находите? Она поразила меня своей бледностью и нездоровым видом.

- Я считал, что она выглядит необыкновенно хорошо. Возможно, нет, когда я приехал впервые... теперь я припоминаю. Но конечно, когда она становилась более оживленной, она выглядела так же хорошо, как и прежде.

- Она через многое прошла, — заметил мистер Белл.

- Да! Мне было жаль узнать обо всем, что ей пришлось вынести. Не только о простом и всеобщем горе, вызванном смертью, но обо всем том беспокойстве, которое причинил ей поступок отца, и потом...

- Поступок отца! — удивленно воскликнул мистер Белл. — Вас, должно быть, неверно информировали. Он вел себя как самый порядочный человек. В нем оказалось больше решимости, чем я предполагал.

- Возможно, меня неверно информировали. Но мне рассказывал его преемник в приходе — умный, здравомыслящий человек, очень деятельный священник — что у мистера Хейла не было необходимости поступать таким образом — оставлять приход и отдавать свою семью на милость частных уроков в промышленном городе. Епископ предложил ему другой приход, это правда, но если он начал питать определенные сомнения, он мог бы остаться при них, поэтому не было причины подавать в отставку. Но правда в том, что эти сельские священники живут так обособленно... обособленно, я имею в виду, не общаются с людьми равного ума, на которых они могли бы равняться и знать, где они слишком спешат, а где слишком медлят... поэтому они весьма склонны волноваться из-за выдуманных сомнений в отношении символов веры и из-за собственных сомнительных иллюзий упускают настоящие возможности делать добро.

- Я не согласен с вами. Я не думаю, что они склонны поступать, как мой бедный друг Хейл, — мистер Белл был сильно рассержен.

- Возможно, я использовал слишком общие выражения, говоря «весьма склонны». Но, несомненно, их образ жизни очень часто порождает либо чрезмерную независимость, либо болезненное состояние сознания, — ответил мистер Леннокс совершенно невозмутимо.

- Например, вы не встретитесь с независимостью у юристов? — спросил мистер Белл. — И редко, как я полагаю, встретите болезненное сознание, — он все больше и больше раздражался, забыв о своем недавно разыгранном трюке с хорошими манерами.

Мистер Леннокс заметил, что рассердил своего собеседника. И так как он говорил преимущественно только для того, чтобы говорить что-то во время их совместной прогулки, то ему было безразлично, насколько точно он понял вопрос, поэтому он спокойно согласился, сказав:

- Несомненно, есть что-то прекрасное в человеке возраста мистера Хейла, оставившего свой дом спустя двадцать лет, оставившего привычный уклад жизни ради идеи, которая, возможно, ошибочна — но это не имеет значения — и непостижима. Им нельзя не восхищаться, но в этом восхищении есть примесь жалости, что-то подобное можно испытывать к Дон Кихоту. Он был таким джентльменом! Я никогда не забуду изящное и простое гостеприимство, которое он оказал мне в тот последний день в Хелстоне.

Немного успокоенный, но по-прежнему взволнованный мистер Белл, чтобы убаюкать угрызения совести, проворчал:

- Да! А вы не знаете Милтона. Он совсем не похож на Хелстон! Я не был в Хелстоне уже много лет, но ручаюсь, он все еще стоит там... каждая палка и каждый камень на том же месте, что и в прошлом веке, не то, что Милтон! Я езжу туда каждые четыре-пять лет... я родился там... и все же я уверяю вас, я часто теряюсь... среди множества складов, что построены на месте фруктового сада моего отца. Расстанемся здесь? Что ж, доброй ночи, сэр. Я полагаю, завтра утром мы увидимся на Харли-стрит.

Глава XLV

Не только сон

«Где те звуки, что нас бодрили,
Когда мы были молодыми?
Последний отзвук уж исчез,
И тех, кто слушал, больше нет.
Позвольте мне закрыть глаза и помечтать».
Уолтер Сэвидж Лэндор
«Последний фрукт со старого дерева»

Мысль посетить Хелстон возникла у мистера Белла после разговора с мистером Ленноксом и всю ночь она не давала ему покоя даже во сне. Он снова стал преподавателем в колледже, в котором сейчас был профессором. У него снова были длинные каникулы, и он проводил их со своим недавно женившимся другом — гордым мужем

и счастливым викарием Хелстона. Они совершали невероятные прыжки через журчащие ручьи, отчего казалось, что целыми днями они парили в воздухе. Времени и пространства не существовало, хотя все вокруг казалось реальным. Каждое событие измерялось движением души. Деревья были великолепны в своем осеннем одеянии ... теплый аромат цветов и трав сладко одурманивал... молодая жена занималась домом, досадуя на свой небольшой достаток и гордясь своим красивым и любящим мужем. Сон был так похож на явь, что когда мистер Белл проснулся, его настоящая жизнь показалась ему сном. Где он находится? В тесной, прекрасно обставленной комнате лондонского отеля! Где были те, кто говорил с ним, двигались рядом с ним, дотрагивались до него всего мгновение назад? Мертвы! Похоронены! Потеряны навеки, навсегда, пока земля будет существовать. Он уже старик, который совсем недавно еще был полон сил. Невыносимо думать о том, что в этой жизни он остался совершенно одинок. Мистер Белл поспешно поднялся, стараясь забыть о том, что уже никогда не повторится, и поторопился одеться к завтраку на Харли-стрит.

Он не мог уследить за всеми юридическими тонкостями, от которых глаза Маргарет расширялись, а губы бледнели по мере того, как по воле судьбы самые незначительные факты, которые помогли бы оправдать Фредерика, один за другим превращались в ничто. Даже хорошо поставленный, профессиональный голос мистера Леннокса смягчился, когда он сообщил своей клиентке, что последняя надежда угасла. Нельзя сказать, что Маргарет совершенно об этом не догадывалась. Но история, полная все новых и новых разочарований, преподносилась с такой безжалостной точностью, лишая всех надежд, что несчастная девушка просто не выдержала и расплакалась. Мистер Леннокс перестал читать.

- Мне лучше не продолжать, — сказал он встревоженно. — С моей стороны было глупо это предлагать. Лейтенант Хейл, — но даже это упоминание воинского звания, которого его так жестоко лишили, было для Маргарет утешением. — Лейтенант Хейл сейчас счастлив, более уверен в своем счастливом будущем, чем когда он служил на флоте. И без сомнения, принял родину жены, как свою собственную.

- Так и есть, — ответила Маргарет. — С моей стороны слишком эгоистично сожалеть об этом, — она попыталась улыбнуться, — и все же он потерян для меня, и я так одинока.

Мистер Леннокс вернулся к своим бумагам. Мистер Белл прочистил нос, но тоже хранил молчание. И Маргарет через минуту или две, по всей видимости, пришла в себя. Она очень вежливо поблагодарила мистера Леннокса за его труды, поскольку поняла, что из-за ее расстройства он мог вообразить, что причинил ей лишнюю боль. И все же это была боль, без которой она себя не представляла.

Мистер Белл подошел к ней попрощаться.

- Маргарет! — сказал он, теребя в руках перчатки. — Я завтра собираюсь поехать в Хелстон, взглянуть на старые места. Вы бы не хотели поехать со мной? Или это причинит вам много боли? Скажите, не бойтесь.

- О, мистер Белл, — произнесла Маргарет, не в силах продолжить.

Она взяла его старую, подагрическую руку и поцеловала ее.

- Ну, хватит, хватит. Достаточно, — сказал он, краснея от неловкости. — Я полагаю, ваша тетя Шоу доверяет мне. Мы отправимся завтра утром и, полагаю, будем там около двух часов. Мы перекусим и закажем обед в маленькой гостинице ... Леннард Армз, как обычно бывало ... а сами пойдем нагуляем аппетит в лесу. Вы это выдержите, Маргарет? Я знаю, это будет испытание для нас обоих, но, по крайней мере, для меня это будет удовольствие. И там мы пообедаем... это будет всего лишь оленина, если мы сможем ее достать ... затем я немного вздремну, а вы тем временем сходите и проведаете старых друзей. Я доставлю вас в целости и сохранности, но чтобы исключить железнодорожные случайности, я застрахую вашу жизнь на тысячу фунтов перед поездкой, тем самым успокою ваших родственников. Но, так или иначе, я верну вас миссис Шоу к ланчу в пятницу. Итак, если вы скажете «да», я поднимусь вверх и сообщу ей об этом.

- Я даже не могу выразить, насколько мне понравится эта поездка, — ответила Маргарет сквозь слезы.

- Ну, тогда, докажите вашу благодарность и приберегите ваши слезы на следующие два дня. Иначе я буду чувствовать себя неважно из-за потоков слез, а я этого не люблю.

- Я не пролью ни слезинки, — ответила Маргарет, моргая, чтобы стряхнуть слезы с ресниц, и попыталась улыбнуться.

- Вот и умница. Тогда мы поднимемся вверх и все уладим.

Маргарет дрожала от нетерпения, пока мистер Белл обсуждал свой план с тетей Шоу, которая поначалу была удивлена, потом нерешительна и озадачена, и, в конце концов, уступила больше грубой настойчивости мистера Белла, чем своему собственному убеждению. Она не могла решить для себя, правильно это или нет, прилично или неприлично, пока не получила заверений в безопасном возвращении Маргарет и благоприятном исходе задуманного, но, придя к решению, сказала, что «была уверена в добрых намерениях мистера Белла, и что она

сама желает, чтобы Маргарет сменила обстановку после всего, что ей пришлось пережить».

Глава XLVI

Прошлое и настоящее

«В те далекие, счастливые дни
Я вновь осмелюсь заглянуть,
Друзей ушедших не вернуть,
Как далеко теперь они.

Навеки дружбой с ними связан,
Я счастье нахожу лишь в том,
Что проведу остаток дней,
Душою крепко к ним привязан».
Йохан Людвиг Уланд. «Переправа»

Маргарет собралась задолго до назначенного времени, и у нее было достаточно времени, чтобы тихо, незаметно от всех поплакать, и радостно улыбаться, когда на нее смотрели. Она тревожилась, как бы они не опоздали на поезд. Но нет! Они прибыли вовремя, и она, наконец, вздохнула свободно и счастливо, сидя в вагоне напротив мистера Белла и увлеченно рассматривая пробегающие мимо знакомые станции. Старые провинциальные южные городки и деревушки спали в лучах теплого солнца, которое окрасило в ярко-красный цвет их черепичные крыши, так отличавшиеся от холодных шиферных крыш севера. Стаи голубей парили над этими заостренными, причудливыми фронтонами, медленно садились то там, то здесь, ерошили свои мягкие, блестящие перья, подставляя каждое перышко приятному теплу. На станциях было мало людей, и казалось, что они слишком ленивы, чтобы путешествовать. Не было ни суеты, ни суматохи, к которым Маргарет привыкла во время своих двух путешествий на Лондонской и Северо-Западной ветках. Позднее, в этом же году эту железнодорожную линию наводнят богатые искатели удовольствий, но торговцев, постоянно едущих по своим делам, будет значительно меньше, чем на северных ветках. Здесь почти на каждой станции стояли, засунув руки в карманы, один или два праздных наблюдателя, настолько увлеченные своим занятием, что путешественники гадали, что они будут делать, когда поезд уйдет. Разве что разглядывать опустевшие рельсы, несколько сараев, одно-два дальних поля. Горячий воздух танцевал над золотым спокойствием полей, фермы одна за другой оставались позади, напоминая Маргарет немецкие идиллии из «Германа и Доротеи»[50] и «Эванджелины».[51] Но и от этой иллюзии она очнулась. Пришло время выйти из поезда и добираться до Хелстона. И теперь острые чувства сжимали ее сердце, боль это была или удовольствие — она едва ли могла сказать. Каждая миля вызывала у нее воспоминания, от которых она не отказалась бы ни за что на свете, но каждое воспоминание заставляло ее оплакивать «те дни, что больше не повторятся» с невыразимой тоской. Последний раз она проезжала по этой дороге, когда уезжала с отцом и матерью: и день, и время года навевали тоску, в ней самой не осталось надежды, но родители были рядом с ней. Теперь она одна, сирота, а они покинули ее, исчезли с лица земли. Ей было больно видеть Хелстонскую дорогу, залитую солнечным светом: каждый поворот, каждое знакомое дерево сохранили летнюю красоту прежних лет. Природа не изменилась — она осталась вечно молодой.

Мистер Белл знал, о чем думает Маргарет, и благомысленно молчал. Они доехали до Леннард Армз. Наполовину ферма, наполовину гостиница стояла немного в стороне от дороги, как бы говоря, что хозяин не так уж зависим от путешественников, чтобы навязывать им свои услуги. Они сами должны найти его. Дом стоял напротив деревенской лужайки, и прямо перед ним возвышалась вековая липа, обнесенная скамейкой, в густой листве дерева был сокрыт мрачный герб Леннардов. Дверь гостиницы была широко распахнута, но никто не торопился встретить путешественников. Когда появилась хозяйка — они уже многое успели рассмотреть — она оказала им сердечный прием, как будто они были долгожданными гостями, извинилась, что задержалась, объяснив, что сейчас время сенокоса, и мужчинам в поле нужно было отослать провизию. Она была слишком

занята — укладывала еду в корзины — и не услышала шума экипажа, который, съехав с основной дороги, катил по мягкому дерну.

- Боже мой! — воскликнула она, когда солнечный луч осветил лицо Маргарет. — Это мисс Хейл, Дженни, — воскликнула она, подбегая к двери, и позвала свою дочь. — Иди сюда, иди сюда быстрее, это мисс Хейл!

А затем она подошла к Маргарет и пожала ей руки с материнской нежностью.

- Как вы все? Как викарий и мисс Диксон? Особенно викарий! Господь благослови его! Мы никогда не перестанем жалеть, что он уехал.

Маргарет сделала попытку заговорить, чтобы рассказать ей о смерти отца — миссис Пуркис, видимо, знала о смерти миссис Хейл, поскольку не упомянула ее имени — но у нее перехватило горло от нахлынувших эмоций и она, указав на свой глубокий траур, смогла произнести только одно слово: «Папа».

- Конечно же, сэр, этого не может быть! — сказала миссис Пуркис, поворачиваясь к мистеру Беллу, чтобы тот подтвердил ее горькое сомнение. — Весной сюда приезжал джентльмен... возможно, не далее, как прошлой зимой... он рассказывал нам о мистере Хейле и мисс Маргарет. И он сказал, что миссис Хейл умерла, бедняжка. Но он ни словом не обмолвился, что викарий болен!

- Как бы то ни было, это так, — ответил мистер Белл. — Он умер совершенно неожиданно, когда приехал ко мне в Оксфорд. Он был хорошим человеком, миссис Пуркис, многие из нас были бы рады уйти так же тихо, как он. Успокойтесь, Маргарет, дорогая! Ее отец был моим старинным другом, она — моя крестница, поэтому я решил, что мы поедем и посетим старые места. Я помню по прежним временам, что вы можете предоставить нам удобные комнаты и накормить превосходным обедом. Я вижу, вы не помните, меня зовут Белл, и однажды или дважды, когда приход был полон, я спал здесь и пробовал ваш прекрасный эль.

- Конечно. Прошу прощения. Но вы понимаете, я разговаривала с мисс Хейл. Позвольте мне проводить вас в комнату, мисс Маргарет, где вы сможете снять шляпку и умыться. Только сегодня утром я опустила несколько бутонов свежесрезанных роз в кувшин с водой, может, кто-нибудь придет, подумала я, и нет ничего прекраснее, чем весенняя вода с запахом мускусной розы. Подумать только, викарий умер! Что ж, конечно, мы все умрем. Только тот джентльмен сказал, что мистер Хейл немного оправился после смерти жены.

- Спуститесь ко мне, миссис Пуркис, после того, как проводите мисс Хейл. Я хочу посоветоваться с вами насчет обеда.

Маленькое створчатое окно в комнате Маргарет было почти целиком оплетено розами и лозой, но, отодвинув их в сторону и немного распахнув створки, она увидела верхушки печных труб прихода над деревьями и различила хорошо знакомые силуэты сквозь листву.

- Да! — сказала миссис Пуркис, разглаживая постель и отправляя Дженни за охапкой полотенец, надушенных лавандой, — времена изменились, мисс. У нашего нового викария семеро детей, и он еще пристраивает детскую для будущих детей как раз там, где в прежние времена были беседка и кладовка для инструментов. Он поставил новые каминные и вставил зеркальное стекло в гостиной. Он и его жена — деятельные люди и сделали много хорошего, по крайней мере, они говорят, что это — хорошо. А я бы сказала, что они перевернули все вверх дном ради пустяка. Новый викарий — трезвенник, мисс, и магистрат, а у его жены много рецептов экономной кулинарии и выпекания хлеба без дрожжей. И они оба так много говорят и оба одновременно, что противоречат друг другу. До тех пор пока они не приехали, все здесь жили мирно, и каждый считал, что есть вещи, о которых можно иметь собственное мнение. А теперь он ищет фляжки у косарей и заглядывает в них. А потом беспокоится из-за того, что это не имбирное пиво, но я тут ни при чем. Моя мама и моя бабушка до меня посылали косарям отличный солодовый ликер и принимали слабительное и сенну, когда заболели. И мне следует поступать так же, как они, хотя миссис Хепворт хочет дать мне засахаренных фруктов вместо лекарства, которые, как она говорит, намного приятнее, только я им не доверяю. Но я должна идти, мисс, хотя мне многое хочется услышать. Я скоро вернусь к вам.

Мистер Белл приготовил клубнику со сливками, черный хлеб и кувшин молока для Маргарет, чтобы она подкрепилась, когда спустится вниз, а так же стилтонский сыр и бутылку портвейна для подкрепления собственных сил. И после этого простого завтрака они отправились на прогулку, не зная, толком куда пойти, так много старых, знакомых мест им хотелось посмотреть.

- Мы пройдем мимо прихода? — спросил мистер Белл.

- Нет, пока нет. Мы пойдем этой дорогой и сделаем круг, чтобы выйти к нему, — ответила Маргарет.

Местами старые деревья срубили еще до осени. Грубо сколоченные дома поселенцев и старый, развалившийся коттедж снесли. Маргарет скучала по ним и оплакивала их, как старых друзей. Они прошли мимо того места, где она рисовала с мистером Ленноксом. Белого векового бука, со шрамами, оставленными

молнией на стволе, у корней которого они сидели, больше не было. Старик, который жил в том разваливающемся коттедже, умер. Коттедж снесли, а на его месте построили новый — аккуратный и прочный. На том месте, где рос бук, был разбит маленький сад.

- Я не думала, что была здесь так давно, — сказала Маргарет, помолчав и вздохнув, отвернувшись.

- Да! — ответил мистер Белл. — Первые изменения в привычных вещах удивляют молодых, но с возрастом мы теряем способность удивляться. Я принимаю как должное перемены во всем, что вижу. Непостоянство всех человеческих созданий знакомо мне, для вас это ново и тягостно.

- Давайте навестим маленькую Сьюзан, — предложила Маргарет, ведя своего спутника по травянистой дороге и направляясь под тень лесной просеки.

- С удовольствием, хотя совсем не представляю, кто такая маленькая Сьюзан. Но я люблю всех Сьюзан, просто ради Сьюзан.

- Моя маленькая Сьюзан была разочарована, когда я уехала, не попрощавшись с ней. С тех пор я чувствую себя виноватой, что причинила ей боль, которой можно было избежать, сделай я хоть малое усилие со своей стороны. Но туда далеко идти. Вы уверены, что не устанете?

- Вполне. То есть, если вы не будете идти так быстро. Видите ли, здесь не на что смотреть, что могло бы извинить меня за то, что я остановился перевести дыхание. Вы бы подумали, что романтично прогуливаться с человеком «тучным и одышливым», [52] если бы я был Гамлетом, принцем Датским. Пожалейте мою дряхлость ради него.

- Я пойду медленнее исключительно ради вас. Вы мне нравитесь в двадцать раз больше, чем Гамлет.

- Из принципа, что живой осел лучше мертвого льва?

- Возможно и так. Я не разбираюсь в своих чувствах.

- Я доволен, что пришелся вам по душе даже без подробного изучения того материала, из которого я сделан. Только нам не нужно идти улиточным шагом.

- Хорошо. Идите своим шагом, а я пойду за вами. Или останавливайтесь и медитируйте, как Гамлет, с которым вы себя сравнили, если я иду слишком быстро.

- Спасибо. Но так как моя мать не убивала моего отца и после этого не вышла замуж за моего дядю, я не знаю, о чем думать, как не о том, насколько велики наши шансы хорошо пообедать. Что вы думаете об этом?

- Я надеюсь на это. Миссис Пуркис — хорошая кухарка, если верить мнению Хелстона.

- Но как вы считаете, ей может помешать весь этот сенокос?

Маргарет понимала, что мистер Белл любезно пытается вести беззаботный разговор, стараясь отвлечь ее от размышлений о прошлом. Но она скорее бы прошла этими дорогами ее сердцу тропинками в молчании, если бы оказалась неблагодарной, пожелав остаться одной.

Они дошли до коттеджа, где жила вдова — мать Сьюзан. Сьюзан не было дома. Ее отправили в приходскую школу. Маргарет расстроилась, и бедная женщина, заметив это, начала извиняться.

- О, все в порядке, — ответила Маргарет. — Я очень рада это слышать. Я могла бы догадаться. Только она обычно оставалась с вами дома.

- Да, так и было. Я очень скучаю по ней. По вечерам я обычно учила ее тому, что знаю сама. Конечно, этого было мало. Но она стала такой умелой девочкой, что мне очень ее не хватает. Зато теперь она знает больше меня, — вздохнула мать.

- Может, я ошибаюсь, — проворчал мистер Белл. — Не обращайтесь внимания на мои слова. Я уже долго живу на этом свете. Но я должен сказать, что ребенок становится лучше, проще и образованнее, оставаясь дома, помогая своей матери, изучая вместе с ней по вечерам главу из Нового Завета, чем занимаясь у какого-нибудь светила учености.

Маргарет не хотелось поощрять его на разговор, отвечая ему и таким образом поддерживая его спор с матерью. Поэтому она повернулась к ней и спросила:

- Как поживает старая Бетти Барнс?

- Я не знаю, — ответила женщина довольно резко. — Мы не друзья.

- Почему? — спросила Маргарет, которая в прежние времена выступала в деревне в роли миротворца.

- Она украла моего кота.

- Она знала, что он ваш?

- Я не знаю. Полагаю, что нет.

- И что? Она не отдала его вам, когда вы сказали, что он ваш?

- Нет! Потому что она сожгла его.

- Сожгла?! — в один голос воскликнули Маргарет и мистер Белл.

- Поджарила его! — объяснила женщина.

Но это ничего не объяснило. Расспросив ее, Маргарет добилась от нее ужасной правды: цыганка-предсказательница убедила Бетти Барнс одолжить ей воскресную одежду мужа, пообещав, что честно вернет ее в субботу вечером, прежде чем Гудмэн Барнс обнаружит пропажу. Встревоженная исчезновением цыганки с одеждой и испугавшись гнева мужа, Бетти обратилась к колдовству. По одному жесткому деревенскому суеверию мученические крики kota, сваренного или зажаренного живьем, заставят, так сказать, силы тьмы исполнить желания палача. Бедная вдова, очевидно, верила в действенность колдовства. Единственное, что ее возмущало, это то, что ее kota выбрали из всех других для жертвоприношения. Маргарет в ужасе выслушала ее и тщетно попыталась образумить эту женщину. Постепенно она заставила женщину принять очевидные факты, логическая связь и выводы из которых были очевидны Маргарет. Но в результате смущенная женщина просто повторила свое первое утверждение, а именно, «конечно, это было очень жестоко, и ей бы не хотелось так поступать, но нет ничего другого, что может дать человеку то, что он желает. Она знала об этом всю свою жизнь, но все равно это было жестоко». Маргарет в отчаянии оставила свои попытки переубедить ее и ушла с тяжелым сердцем.

- Вы порядочная девушка, чтобы не торжествовать надо мной победу, — сказал мистер Белл.

- Почему? Что вы имеете в виду?

- Меня самого. Я ошибался насчет обучения. Любое обучение лучше, чем воспитывать ребенка в настоящем язычестве.

- О, я помню. Бедная маленькая Сьюзан! Я должна навестить ее. Вы не против, если мы зайдем в школу?

- Ничуть. Мне любопытно посмотреть, чему ее учат в школе.

Они не слишком много разговаривали, но продолжили свой путь через лощину, поросшую лесом; даже под его мягкой, зеленой сенью Маргарет не могла избавиться от шока и боли, вызванных рассказом о такой жестокости. Даже сама манера изложения выдала полное отсутствие воображения и сострадания к бедному животному.

Гул голосов, напоминающий жужжание роя пчел, стал громче, как только они вышли из леса на открытую зеленую лужайку, на которой находилась школа. Дверь была широко распахнута, и они вошли. Проворная леди в черном, заметив гостей, приветливо их встретила, ведя себя как хозяйка. Так же по-хозяйски, как Маргарет помнила, ее мать обыкновенно встречала гостей, когда кто-то из редких посетителей, заблудившись, заходил посмотреть школу, только манеры матери были более кроткими и мягкими. Маргарет сразу же догадалась, что это была жена нынешнего vicar — преемница ее матери, будь это возможно, она бы избежала разговора. Но через минуту она подавила это чувство и скромно вышла вперед, почувствовав на себе знакомые взгляды и услышав приглушенный шепот: «Это мисс Хейл». Жена vicar услышала имя, и ее поведение стало более дружелюбным. Маргарет хотелось, чтобы и чувства ее также стали более снисходительными. Женщина протянула руку мистеру Беллу и сказала:

- Я полагаю, это ваш отец, мисс Хейл. Я заметила сходство. Я очень рада вас видеть, сэр, и vicarий тоже будет рад.

Маргарет объяснила, что это не ее отец, и, запинаясь, рассказала о его смерти, размышляя, как бы мистер Хейл перенес поездку в Хелстон, если бы таковая произошла, как полагала жена vicar. Она не слышала, что говорила миссис Хепворт, предоставив мистеру Беллу отвечать на вопросы, а сама тем временем искала старых знакомых.

- А! Я вижу, вам хотелось бы провести занятие, мисс Хейл. Я знаю это по себе. Первый класс, встаньте для урока по грамматике с мисс Хейл.

Бедная Маргарет, чей визит был воспоминанием и ни в коей мере не проверкой, чувствовала себя так, будто ее принудили. Но так как ее заставили встретиться с маленькими, нетерпеливыми созданиями, когда-то хорошо с ней знакомыми, которые торжественно принимали крещение от ее отца, она села, почти растерянно рассматривая изменившиеся черты лиц девочек, незаметно от всех подержала Сьюзан за руку минуту или две, пока первый класс искал свои книги, а жена vicar подошла так близко к мистеру Беллу, насколько леди может себе это позволить, и, держа его за пуговицу, объясняла ему фонетическую систему, а потом пересказывала разговор, который у нее состоялся с инспектором.

Маргарет склонилась над книгой и ничего не видела, только слышала гул детских голосов, «как в прежние времена», подумала она, и на ее глаза навернулись слезы, как вдруг повисла пауза — одна из девочек запнулась не зная, как назвать слово «а».

- «А» — неопределенный артикль, — сказала тихо Маргарет.

- Прошу прощения, — сказала жена vicария, вся внимание, — но мы преподаем по Милсому, который называет «а»... кто помнит?

- Абсолютное прилагательное, — ответило полдюжины голосов одновременно. И Маргарет села сконфуженная. Дети знали больше, чем она. Мистер Белл отвернулся и улыбнулся.

За весь урок Маргарет больше не произнесла ни слова. Но как только он закончился, она тихо подошла к своим любимцам и немного поговорила с ними. Из девочек они превратились в девушек, ее память была лишена воспоминаний об их быстром взрослении, так же как они успели забыть ее за три года отсутствия. Все же Маргарет была рада снова увидеть их всех, хотя к удовольствию примешивалась печаль. Когда занятия в школе закончились, был еще ранний летний вечер. И миссис Хепворт предложила Маргарет и мистеру Беллу проводить ее до прихода и посмотреть на... слово «улучшения» почти слетело у нее с языка, но она заменила его более осторожным словом «новшества», которые сделал нынешний vicарий. Маргарет отнеслась совершенно безразлично к этим новшествам, которые вмешались в ее теплые воспоминания о том прежнем доме. Но ей еще раз хотелось увидеть старый дом, несмотря на боль, которую она испытает.

Приход так изменился и внутри, и снаружи, что испытываемая боль оказалась слабее, чем она ожидала. Это место уже не было прежним. Сад, газон, бывало, так изящно подстриженный, что даже опавший розовый лепесток казался пятнышком, нарушающим порядок и гармонию, были усеяны детскими вещами. Сумка мраморных шариков — здесь, обруч — там, соломенная шляпа висела на розовом кусте, как на вешалке, сломав длинные, красивые ветки, увешанные цветами, за которыми в прежние времена так любовно ухаживали. Маленький коридор, застеленный половиками, был заполнен вещами из веселого, здорового, бурного детства.

- Ах! — сказала миссис Хепворт, — вы должны простить нас за беспорядок, мисс Хейл. Когда детскую закончат, я буду настаивать на порядке. Я полагаю, мы переделываем под детскую вашу комнату. Как вы обходились без детской, мисс Хейл?

- Нас было только двое, — ответила Маргарет. — Я предполагаю, у вас много детей?

- Семь! Посмотрите! С этой стороны мы вставили окно на дорогу. Мистер Хепворт тратит невероятное количество денег на этот дом. Но на самом деле он был едва пригоден для жилья, когда мы приехали... я имею в виду для такой большой семьи, как наша, конечно.

Каждая комната в доме была изменена, кроме той, о которой говорила миссис Хепворт, — бывшего кабинета мистера Хейла. Зеленый полумрак и восхитительная тишина этого места приучали, как он говорил, к размышлению, но, возможно, в некоторой степени формировали характер, более подходящий для размышлений, чем для поступков. Новое окно выходило на дорогу и имело много преимуществ, на которые указала миссис Хепворт. Из него можно было видеть «заблудших овец» ее мужа, которые незаметно, как они, вероятно, надеялись, брели к притягательной пивной, но на самом деле за ними наблюдали. Деятельный vicарий следил за дорогой даже во время написания традиционных проповедей и всегда держал под рукой шляпу и трость, чтобы преследовать своих прихожан, которым приходилось бежать со всех ног, чтобы скрыться в «Веселом Форестере» прежде, чем трезвенник vicарий остановит их. Все члены семьи были энергичны, проворны, громкоголосы, добродушны и не слишком беспокоились о деликатности своих манер. Маргарет боялась, что миссис Хепворт поймет, что мистер Белл притворяется, выражая восхищение всем тем, что особенно раздражало его вкус. Но нет! Она восприняла все буквально и без малейшего сомнения, на что Маргарет не могла не указать ему, когда они медленным шагом возвращались из дома священника в гостиницу.

- Не ругайте меня, Маргарет. Это все из-за вас. Если бы она не показала вам все новшества с таким явным ликованием, не указала, какие улучшения будут тут или там, я мог бы вести себя хорошо. Но если вам хочется продолжить читать мне наставления, оставьте их на послеобеденное время, когда они навеют на меня сон и поспособствуют моему пищеварению.

Они оба устали, а Маргарет устала настолько, что не захотела выходить, как прежде собиралась, чтобы совершить еще одну пешую прогулку среди лесов и полей, расположенных рядом с домом ее детства. И почему-то этот визит в Хелстон оказался не совсем... совсем не таким, как она ожидала. Везде были перемены — незначительные, но все было пронизано ими. Семьи изменились — кто-то уехал, умер или женился — а дни, месяцы и годы произвели те естественные перемены, которые незаметно переносят нас от детства к юности, а оттуда через зрелость к тому возрасту, откуда мы падаем, как спелые фрукты, в тихую матушку-землю. Места изменились — срубленное дерево или спиленная ветка пропускали длинные солнечные лучи там, куда раньше свет не проникал. Дорогу подстригли и сузили, а тропинку, бегущую в густой траве рядом с дорогой, отгородили и привели в порядок. И это называлось улучшениями. Но Маргарет тосковала по прежней

живописности, прежнему полумраку и травяной обочине прежних дней. Она сидела у окна на маленькой скамеечке, печально вглядываясь в сгущающиеся тени ночи, которые так гармонировали с ее грустными мыслями. Мистер Белл крепко спал после непривычной для его возраста дневной прогулки. Наконец его разбудила румяная деревенская девушка, которая принесла поднос с чаем. Помогая в этот день на сенокосе, она внесла некоторое разнообразие в обычную жизнь прислуги.

- Эй! Кто здесь! Где мы? Кто это... Маргарет? О, теперь я все вспомнил. Я не мог понять, что это за женщина сидит в такой скорбной позе, сложив руки на коленях, и так пристально смотрит перед собой. На что вы смотрели? — спросил мистер Белл, подходя к окну и становясь позади Маргарет.

- Ни на что, — ответила она, быстро поднявшись и стараясь говорить по возможности радостно.

- В самом деле, не на что! Унылые деревья на заднем фоне, какое-то белое полотно, висящее на розовой изгороди, и огромные клубы влажного воздуха. Закройте окно, подойдите и приготовьте чай.

Какое-то время Маргарет молчала. Она играла чайной ложечкой, почти не слыша того, о чем говорил мистер Белл. Он возразил ей, и она ответила ему той же улыбкой, как если бы он согласился с ней. Потом она вздохнула и, отложив ложечку, начала ни с того ни с сего говорить взволнованно, что явно указывало на то, что некоторое время она размышляла о том, о чем ей хотелось бы поговорить:

- Мистер Белл, вы помните, что мы говорили о Фредерике прошлым вечером, не так ли?

- Прошлым вечером. О чем это я? О, я вспомнил. Кажется, это произошло неделю назад. Да, конечно, я вспомнил, мы говорили о нем, бедняге.

- Да... а вы не помните, что мистер Леннокс сказал о его пребывании в Англии, когда умерла наша дорогая мама? — спросила Маргарет тише обычного.

- Я помню. Я не слышал об этом прежде.

- А я думала... я всегда думала, что папа рассказал вам об этом.

- Нет! Он никогда не рассказывал. Но к чему это, Маргарет?

- Я хочу вам кое-что рассказать, как я неправильно поступила в то время, — сказала Маргарет, вдруг подняв на него ясные, честные глаза. — Я солгала, — она густо покраснела.

- По правде говоря, я признаю, что сам поступал дурно — чего я только не говорил за долгие годы своей жизни, не все так открыто, как вы, я полагаю, но поступал бесчестно, скрытно, убеждая людей не верить правде и поверить в ложь. Вы знаете, кто отец лжи, Маргарет? Вот! Очень много людей, считающих себя очень хорошими, странным образом связаны с ложью, неравными браками и троюродными племянниками. Зараженная ложью кровь бежит во всех нас. Мне следовало догадаться, что вы так же далеки от этого, как большинство людей. Что! Вы плачете, дитя? Нет, мы не будем говорить об этом, если такой разговор доводит вас до слез. Осмелюсь сказать, вы сожалели об этом и больше так не поступите, и это было давно. Короче говоря, я хочу, чтобы этим вечером вы были веселой, а не печальной.

Маргарет вытерла глаза и попыталась говорить о другом, но неожиданно снова расплакалась.

- Пожалуйста, мистер Белл, позвольте мне поговорить с вами об этом... вы могли бы мне немного помочь. Нет, не помочь мне, но если бы вы знали правду, возможно, вы могли бы поправить меня... что это не то, — сказала она, от отчаяния не в состоянии выразиться более точно, как ей хотелось.

Мистер Белл стал серьезным:

- Расскажите мне об этом, дитя, — сказал он.

- Это длинная история. Когда Фред приехал, мама была очень больна, а я была вне себя от беспокойства и боялась, что, возможно, подвергла его опасности. Мы были встревожены после ее смерти... Диксон встретила кое-кого в Милтоне — человека по имени Леонардс, который знал Фреда и который, кажется, имел на него зуб, или, во всяком случае, его привлекала награда, обещанная за поимку Фредерика. И из-за этой новой опасности я подумала, что Фреду лучше поспешить в Лондон, где, как вы поняли из вчерашнего разговора, он должен был посоветоваться с мистером Ленноксом о том, насколько велики его шансы оправдаться, если он предстанет перед судом. Поэтому мы, то есть я и он, пошли на железнодорожную станцию. Был вечер, уже стало темнеть, но было еще достаточно светло. Мы пришли слишком рано и пошли прогуляться в поле рядом со станцией. Я была напугана из-за этого Леонардса, который, я знала, был где-то поблизости. А потом, когда мы были в поле, красное заходящее солнце светило мне в лицо, и кто-то на лошади проехал по дороге недалеко от перелазы, возле которого мы стояли. Я увидела, что всадник смотрит на меня, но сначала я не узнала его — солнце светило мне в глаза — но через мгновение ослепление прошло, и я увидела, что это был мистер Торнтон, и мы поклонились...

- И он, конечно, видел Фредерика, — сказал мистер Белл, помогая ей, как он считал, закончить рассказ.

- Да, а потом на станции к нам подошел человек — он выпил и не твердо стоял на ногах. Он попытался схватить Фреда за ворот и, когда Фред вырвался, тот человек потерял равновесие и упал с края платформы. Не далеко и не глубоко — не более трех футов. Но, мистер Белл! Так или иначе, это падение убило его!

- Как неловко. Это был тот самый Леонардс, я полагаю. И как Фред спасся?

- О, он уехал сразу же после падения, которое, мы думали, не причинит этому несчастному никакого вреда, кроме легких ушибов.

- Но он не сразу умер?

- Нет! Через два-три дня. А потом... о, мистер Белл! Теперь самое худшее, — сказала она, нервно сплетя пальцы вместе. — Пришел полицейский инспектор и обвинил меня в том, что меня видели в компании молодого человека, который, ударив или толкнув Леонардса, послужил причиной его смерти. Это было ложное обвинение, вы знаете, но мы не знали, что Фред уже уплыл, он мог все еще оставаться в Лондоне, и его могли арестовать по этому ложному обвинению, а то, что Фред и есть лейтенант Хейл, которого обвиняли в участии в том мятеже, тотчас бы обнаружили, и его могли казнить. Все эти мысли пронеслись у меня в голове, и я ответила, что это была не я. Я не была на железнодорожной станции той ночью. Я ничего не знаю об этом. Я не думала ни о чем другом, кроме того, как спасти Фредерика.

- Я скажу, что это было правильно. Я бы поступил так же. Вы забыли о себе, думая о другом. Я надеюсь, что поступил бы так же.

- Нет, вы бы так не сделали. Это было неправильно, неверно. В то самое время Фред был уже в безопасности за пределами Англии, а я в своем безрассудстве забыла, что есть другой свидетель, который может подтвердить, что я была там.

- Кто?

- Мистер Торнтон. Вы знаете, он видел меня рядом со станцией. Мы кивнули друг другу.

- Что ж! Ему ничего не было известно о той стычке и смерти того пьяного парня. Я полагаю, расследование ни к чему бы не привело.

- Нет! Расследование, о котором они начали говорить, было приостановлено. Мистер Торнтон все знал об этом деле. Он был магистратом и выяснил, что не падение стало причиной смерти. Но раньше он узнал, что я сказала. О, мистер Белл! — Маргарет внезапно закрыла лицо руками, словно желая спрятаться от воспоминаний.

- Вы все ему объяснили? Вы рассказали ему, что вы поступили непреднамеренно?

- Что мне не достало веры, и я хваталась за грех, чтобы удержаться от падения, — горько произнесла она. — Нет! Как я могла это сделать? Он ничего не знал о Фредерике. Чтобы восстановить свое доброе имя в его мнении, должна ли я была рассказать ему секрет нашей семьи, и тем самым уменьшить шансы Фредерика на полное оправдание? Напоследок Фред велел мне хранить его визит в тайне от всех. Видите, папа никому не сказал, даже вам. Нет! Я смогла вынести стыд... по крайней мере, я думала, что смогу. И я вынесла его. Мистер Торнтон больше никогда не будет меня уважать.

- Он уважает вас, я уверен, — ответил мистер Белл. — Конечно, это немного объясняет то, что... Но он всегда говорил о вас с уважением и почтением, хотя теперь я понимаю некоторые оговорки в его словах.

Маргарет не ответила, не следила за тем, что говорил мистер Белл, потеряла нить разговора. Вскоре она сказала:

- Вы расскажете мне, что вы имели в виду под «оговорками» в его словах, когда он говорил обо мне?

- О! Просто он рассердил меня, когда отказался присоединиться к моим восхвалениям в ваш адрес. Старый дурак, я считал, что все думают так же, как я. А он явно не мог согласиться со мной. Это меня озадачило. Но он, должно быть, был в полном недоумении, если произошедшее нисколько ему не объяснили. Это была ваша первая прогулка с молодым человеком в тайне от всех...

- Но он мой брат! — удивленно воскликнула Маргарет.

- Верно. Но как мистер Торнтон должен был узнать об этом?

- Я не знаю. Я никогда не думала ни о чем подобном, — покраснев, ответила Маргарет, задетая и обиженная.

- И, возможно, никогда не узнает из-за лжи, которая в данных обстоятельствах, тут я согласен с вами, была необходима.

- Она была не нужна. Теперь я знаю это. Я горько раскаиваюсь, что солгала.

Повисло долгое молчание. Маргарет заговорила первая.

- Похоже, я больше никогда не увижу мистера Торнтона... — ее голос прервался.

- Я бы сказал, что есть много более невероятных вещей, — ответил мистер Белл.

- Но я уверена, что больше не увижу его. Все же, так или иначе, никому не понравится так низко пасть в... во мнении друга, как упала я, — ее глаза наполнились слезами, но голос оставался твердым, и мистер Белл не смотрел на нее. — А теперь, когда Фредерик потерял всякую надежду и почти потерял желание оправдать себя и вернуться в Англию, было бы справедливо все объяснить. Будьте любезны, если сможете, если будет возможность, не навязывайте ему объяснение, но если сможете, расскажите ему все обстоятельства, а так же скажите, что это я вам разрешила сделать, потому что считаю, что ради папы мне бы не хотелось терять его уважение, хотя, вероятно, мы никогда больше не встретимся?

- Конечно. Я полагаю, он должен знать. Мне бы не хотелось, чтобы на вас упала даже тень подозрения. Он не знал, что и думать, когда увидел вас наедине с молодым человеком.

- Что касается этого, — сказала Маргарет довольно надменно. — Я полагаю это «*Honi soit qui mal y pense*».[53] Все же я бы предпочла, чтобы вы все объяснили, если для этого представится удобный случай. Я хочу не очистить себя от подозрения в непристойном поведении... если бы я считала, что он подозревал меня, мне было бы безразлично его доброе мнение... нет! Чтобы он мог узнать, какое искушение я испытывала и как попала в ловушку, почему я тогда сказала неправду, одним словом.

- За которую я не виню вас. Это не моя предвзятость, я уверяю вас.

- Мнение других людей о правильном или неправильном поступке не сравнится с моим собственным глубоким знанием, моим природным убеждением, что это было неправильно. Но мы больше не будем говорить об этом, с вашего разрешения. Все уже сделано — мой грех совершен. Теперь мне придется нести этот груз и всегда быть по возможности честной.

- Очень хорошо. Если вам нравится чувствовать себя неловко и отвратительно, да будет так. Моя совесть всегда крепко заперта, как пружина в коробке, потому что, когда она выскакивает, то поражает меня своим размером. Поэтому я снова уговариваю ее уменьшиться, как рыбак уговаривал джина. «Замечательно, — говорю я, — думать, что вы спрятаны надолго в таком маленьком сосуде, чтобы забыть о вашем существовании. Прошу вас, сэр, вместо того, чтобы с каждым разом расти все больше и больше и ставить меня в тупик своим неясными очертаниями, не могли бы вы еще раз сжать себя до прежних размеров?» И когда я снова ее закрыл, разве я не ставлю печать на вазу и не забочусь о том, как бы снова ее не открыть и не пойти против Соломона, мудрейшего из людей, запершего ее там.

Но у Маргарет не улыбнулась ему в ответ. Она едва ли слушала, что говорил мистер Белл. Она думала только об одном - что она лишилась доброго мнения мистера Торнтона, — он разочаровался в ней. Она не думала, что объяснение может вернуть ей его любовь, нет, но его уважение и доброе мнение, которое, она надеялась, заставит его пожелать, в духе прекрасных строк Джералда Гриффина:

«Повернуться и оглянуться мне во след,
Услышав мое имя».

При мысли об этом у нее перехватывало дыхание, и она нервно сглатывала. Она старалась успокоить себя мыслью, что как бы плохо он о ней не думал, это не изменит ее. Но это была банальность, иллюзия, которая растаяла под гнетом ее сожаления. Двадцать вопросов мистеру Беллу готовы были сорваться с ее языка, но не один из них она не произнесла. Мистер Белл подумал, что она устала, и рано отправил ее в комнату, где, прежде чем пойти спать, она долгое время просидела у открытого окна, вглядываясь в багровый купол неба, где зажигались звезды, мерцали и исчезали за огромными тенистыми деревьями. Всю ночь на земле горел маленький огонек — свеча в ее бывшей комнате, которая сейчас служила детской для нынешних обитателей дома священника, пока не построят новую. Чувства перемены, личной незначительности, недоумения и разочарования переполняли Маргарет. Ничего прежнего больше не было. И это непостоянство причиняло Маргарет больше боли, чем если бы все, что было ей знакомо изменилось до не узнавания.

- Теперь я начинаю понимать, какими блаженными... великолепными и гармоничными должны быть слова — «То же самое вчера, сегодня и всегда». Бесконечный! «Спокон веков и навсегда, ты — Бог». Это небо надо мной выглядит так, как будто не менялось, но все же, оно не такое. Я так устала, так устала, что меня уносит водоворотом жизни, в которой ничто не остается прежним — ни человек, ни место. Это похоже на круг, в котором постоянно вращаются жертвы страсти. Принадлежи я к другой религии, я бы подстриглась в монахини. Я ищу неземной стойкости в земном постоянстве. Если бы я была католичкой и могла бы унять свое сердце, оглушив его сильным ударом, я бы стала монахиней. Но я буду тосковать по своей сущности. Нет, не по своей сущности, поскольку любовь никогда не наполнит мое сердце кроме любви к ближнему. Может, так и должно быть, может, нет. Сегодня вечером я не могу этого решить.

Усталая она легла спать, усталая проснулась через четыре-пять часов. Но утро принесло надежду и более

радостный взгляд на вещи.

- В конце концов это правильно, — сказала она себе, прислушиваясь к голосам игравших детей, пока одевалась. — Если бы мир оставался неизменным, он бы деградировал и стал порочным. Несмотря на мое болезненное отношение к переменам, прогресс кажется мне правильным и необходимым. Я не должна думать так много о том, как обстоятельства подействовали на меня саму. Лучше думать о том, как они действуют на других, если мне хочется сохранить справедливость в суждениях и надежду в сердце, — и с улыбкой она вышла в гостиную и поприветствовала мистера Белла.

- А, юная мисс! Вы поздно легли прошлой ночью, поэтому поздно встали утром. У меня есть для вас новость. Что вы думаете о приглашении на обед? Утренний визит, буквально по росе. Здесь уже побывал викарий - он зашел по пути в школу. Полагаю, чтобы прочитать нашей хозяйке лекцию о трезвости на благо косарей. Словом, он был здесь еще до девяти, когда я спустился вниз. И нас пригласили отобедать у них сегодня.

- Но Эдит ждет моего возвращения, я не могу пойти, — ответила Маргарет, радуясь, что у нее есть хороший предлог отказаться.

- Да, я знаю. Я так и сказал ему. Я подумал, вы не захотите пойти. Но если вы захотите, приглашение остается в силе.

- О, нет! — сказала Маргарет. — Давайте придерживаться нашего плана. Давайте отправимся в двенадцать. С их стороны очень любезно, но я, в самом деле, не могу пойти.

- Очень хорошо. Не мучайте себя. Я все организую.

До того, как они уехали, Маргарет незаметно прошла на задворки сада викария и сорвала маленький колючий отросток жимолости. Она бы не сорвала цветок вчера из страха, что ее заметят, и ей придется объяснять свои мотивы и чувства. Но вернулась она через пустырь — место, где царила прежняя очаровательная атмосфера. Обычные звуки жизни казались более музыкальными, чем где-нибудь еще в целом свете, свет — более золотистым, жизнь — более спокойной и полной мечтательного удовольствия. Вспоминая свои вчерашние чувства, Маргарет сказала себе:

- И я тоже постепенно меняюсь — в этом и в том, а теперь я разочарована и раздражена, потому что все не так, как я себе рисовала, и реальность не настолько прекрасна, как я представляла. О, Хелстон! Я никогда не полюблю никакое другое место так, как полюбила тебя.

Несколько дней спустя она пришла в себя и решила, что очень рада, что снова увидела Хелстон. Для нее он останется самым красивым местом в мире, но там было столько воспоминаний, связанных с прошлым и, особенно с ее отцом и матерью, что вряд ли она когда-нибудь сможет снова вернуться туда.

Глава XLVII

Настоятельная потребность

«Опыт, как бессильный музыкант, держит

Терпенья струны в своих руках.

И звуки, что понять не в силах,

Бога. И волею Своей он их ослабит

В унылом и запутанном миноре».

Миссис Браунинг «Запутанная музыка»

Примерно в то же самое время Диксон вернулась из Милтона и вновь стала служанкой Маргарет. Она привезла бесчисленные милтонские истории: как Марта переехала в дом к мисс Торнтон, когда та вышла замуж; подробный рассказ о подружках невесты, платьях и завтраках; и о том, что люди в Милтоне считают, что мистер Торнтон устроил слишком пышную свадьбу, учитывая, что он много потерял из-за последней забастовки и ему пришлось платить за нарушение контрактов; и о том, как мало денег выручили с продажи мебели, за которой Диксон так заботливо ухаживала, досадно, если вспомнить, сколько богатых людей живет в Милтоне; как миссис Торнтон пришла однажды и дешево купила две или три вещи, а на следующий день пришел мистер Торнтон и, желая приобрести несколько вещей, предложил вопреки ожиданиям и к удовольствию очевидцев

большую цену, чем, как заметила Диксон, восстановил справедливость. Если миссис Торнтон заплатила мало, мистер Торнтон заплатил слишком много. Мистер Белл прислал всевозможные указания относительно книг, но их было трудно понять — он был таким привередливым. Если бы он приехал сам, все было бы сделано правильно, но письма всегда были и всегда будут только запутывать дело. Диксон мало рассказывала о Хиггинсах. Ее память обладала склонностью к аристократизму и была ненадежна всякий раз, когда дело касалось простолюдинов. Она полагала, что с Николасом было все в порядке. Он несколько раз приходил и спрашивал, нет ли весточки от мисс Маргарет... единственный человек, который справлялся о ней, кроме мистера Торнтон. А Мэри? О, конечно, она в порядке — рослая, здоровая и неряшливая девица. Она слышала или, возможно, это ей только привиделось, хотя было бы странно, если бы ей являлись видения, связанные с такими людьми, как Хиггинсы, что Мэри пошла работать на фабрику мистера Торнтон, потому что ее отец хотел, чтобы она научилась готовить. Но что эта бессмыслица могла означать, она не знала. Маргарет согласилась с ней, что история слишком непонятна, чтобы быть видением. Все же ей было приятно, что теперь рядом с ней есть та, с которой она могла поговорить о Милтоне и о людях, живущих там. Диксон не очень любила разговоры на эту тему, желая оставить ту часть своей жизни в тени. Ей больше нравилось вспоминать слова мистера Белла, в которых он намекнул ей, что хочет сделать Маргарет своей наследницей. Но молодая хозяйка не одобряла и не потакала ее лукавым расспросам, в какую бы форму — подозрения или утверждения — они ни были облечены.

Все это время Маргарет испытывала странное, необъяснимое желание услышать, что мистер Белл уехал по своим делам в Милтон. Из разговора, состоявшегося между ними в Хелстоне, они оба хорошо понимали, что объяснение, о котором она просила, должно быть дано мистеру Торнтону только на словах, но никоим образом не должно быть ему навязано. Мистер Белл был не любитель вести переписку, но время от времени, пребывая в хорошем настроении, писал длинные или короткие письма, и хотя Маргарет, получая от него весточки, не питала никакой определенной надежды, она всегда откладывала их с легким сожалением. Он не собирался в Милтон — во всяком случае, он ничего об этом не писал. Что ж, ей придется быть терпеливой. Рано или поздно туман должен рассеяться. Письма мистера Белла были совсем на него не похожи. Это были короткие жалобы, каждый раз с легкой ноткой горечи, что так не вязалось с его натурой. Он не надеялся на будущее, а, скорее, сожалел о прошлом и тяготился настоящим. Маргарет подумала, что он, должно быть, неважно себя чувствует, но в ответ на свой вопрос о его здоровье она получила короткую записку, в которой говорилось, что эта старомодная жалоба называется хандрой. Он страдает от этого, и пусть она сама решит, душевная это тоска или физическая, но ему хотелось бы побаловать себя ворчанием и не докладывать каждый раз о своем здоровье.

Следуя просьбе мистера Белла, Маргарет больше не спрашивала его о здоровье. Как-то Эдит случайно проболталась о своем разговоре с мистером Беллом во время его последнего визита в Лондон, из которого Маргарет заключила, что он намерен взять ее с собой осенью в Кадис, чтобы она навестила брата и невестку. Она спрашивала и переспрашивала Эдит до тех пор, пока кузина не устала и не заявила, что больше ничего не помнит. «Он сказал лишь только, что подумывает поехать и лично услышать рассказ Фредерика о мятеже. И что это была бы неплохая возможность для Маргарет познакомиться со своей невесткой. Что он всегда куда-нибудь ездил во время летних каникул, и не понимает, почему он не должен ехать в Испанию. Это все». Эдит надеялась, что Маргарет не хочет покидать их, она так беспокоилась из-за этого. А потом, не зная, что еще особенного сделать, она расплакалась и сказала, что заботилась о Маргарет больше, чем Маргарет о ней. Маргарет успокаивала кузину, как могла, но едва ли могла объяснить ей, как эта мысль о поездке в Испанию — всего лишь *Chateau en Espagne*[54] — привлекала и радовала ее. Эдит была склонна считать удовольствие, получаемое без ее участия, невысказанным оскорблением или, в лучшем случае, доказательством безразличия. Поэтому Маргарет пришлось утаивать свою радость, но она находила отдушину, расспрашивая Диксон, когда та одевала ее к обеду, не хотелось бы той увидеть мастера Фредерика и его жену?

- Она — католичка, мисс, верно?

- Полагаю, что... да, конечно! — ответила Маргарет, на мгновение обескураженная этим вопросом.

- И они живут в католической стране?

- Да.

- Тогда, боюсь, я должна сказать, что мне моя душа дороже, чем мастеру Фредерику — его собственная. Я бы находилась в постоянном страхе, мисс, как бы меня не обратили в их веру.

- Ну, — ответила Маргарет, — я еще не знаю, поеду ли я, но если я поеду, думаю, что я не настолько утонченна, чтобы не обойтись без тебя в путешествии. Нет, добрая старая Диксон, у тебя будет длинный отпуск, если мы поедem. Но я боюсь, придется долго ждать этого «если».

Диксон не понравились эти слова. Во-первых, ей не нравилось, когда Маргарет в шутку назвала ее «доброй старой Диксон» всякий раз, когда была сильно взволнована. Она знала, что мисс Хейл была склонна ласково называть всех людей, что пришлось ей по душе, «старыми», но Диксон всегда содрогалась, когда это слово применяли к ней. Ей было немногим больше пятидесяти, и как она считала, это была самая лучшая пора жизни. Во-вторых, ей не понравилось, что ее слова так легко приняли на веру. Несмотря на весь ужас, втайне она испытывала интерес к Испании, Инквизиции и католическим таинствам. Поэтому, откашлявшись, словно показывая свою готовность покончить с трудностями, она спросила мисс Хейл, не думает ли та, что если постараться не встречаться со священником и не входить в их церкви, будет не так опасно, что ее обратят в другую веру? Мастер Фредерик, без сомнения, принял странное решение.

- Я полагаю, что именно любовь склонила его к тому, чтобы переменить веру, — ответила Маргарет, вздыхая.

- И правда, мисс! — сказала Диксон. — Что ж! Можно держаться подальше от священников и церквей, но любовь подкрадывается неожиданно! Думаю, я бы не поехала.

Маргарет боялась позволить себе часто думать об этой поездке в Испанию. Но эти мысли отвлекали от охватившего ее настойчивого желания все объяснить мистеру Торнтону. Мистер Белл, кажется, сейчас безвыездно живет в Оксфорде и не собирается в ближайшее время поехать в Милтон, и что-то необъяснимое, казалось, удерживало Маргарет от вопросов или намеков на вероятность такой поездки. Как и не позволила она себе упомянуть о том, что Эдит рассказала ей о его намерении — возможно, всего лишь о минутном порыве — поехать в Испанию. В тот солнечный, беззаботный день в Хелстоне он ни разу не обмолвился об этом. Возможно, это был всего лишь каприз, но если бы он оказался правдой, какой бы это был замечательный способ уйти от монотонности настоящего, которое начало угнетать ее.

Одним из самых больших удовольствий в жизни Маргарет в это время был ребенок Эдит. Он был гордостью и игрушкой для обоих родителей пока вел себя хорошо. Но он был очень упрям, и как только начинал громко капризничать, Эдит сдавалась от отчаяния и усталости и вздыхала:

- О, боже, что мне с ним делать? Маргарет, пожалуйста, позвони в колокольчик, чтобы пришла Хэнли.

Но Маргарет больше любила малыша, когда он проявлял свой характер, чем когда был пайнкой. Она уносила его в комнату, где они вдвоем справлялись с этим. Проявляя непреклонность, иногда действуя обаянием или хитростью, Маргарет умирала его, целовала и гладила до тех пор, пока он, потершись своим покрасневшимся и заплаканным личиком о ее щеки, не засыпал у нее на руках или на плече. Это были самые приятные моменты для Маргарет. Ей довелось испытать то чувство, которого, она полагала, будет навсегда лишена.

Частые визиты мистера Генри Леннокса добавляли приятной новизны в привычный уклад дома. Маргарет находила его более равнодушным, если не более блестящим, чем прежде. Но его развитый интеллектуальный вкус, богатые и разнообразные знания придавали иной оттенок довольно скучным беседам. Маргарет заметила, что он с легким презрением относится к своему брату и невестке, к их образу жизни, который он, казалось, считал легкомысленным и бесцельным. Один или два раза в присутствии Маргарет он спросил своего брата довольно резким тоном, всерьез ли тот намерен оставить службу. И на ответ капитана Леннокса, что у него достаточно средств к существованию, губы мистера Леннокса искривились и он спросил:

- Это все, для чего ты живешь?

Но братья были сильно привязаны друг к другу, как два человека, один из которых всегда ведет другого, а этот последний терпеливо довольствуется тем, что его ведут. Мистер Леннокс преуспел в своей деятельности, с точным расчетом укрепляя все те связи, что могли со временем сослужить ему службу. Он был человек проницательный, дальновидный, здравомыслящий, саркастичный и гордый. С того долгого разговора о деле Фредерика, который состоялся в первый вечер в присутствии мистера Белла, Маргарет мало с ним общалась, и только лишь потому, что они состояли в родственных отношениях с одной и той же семьей. Но для нее этого было достаточно, чтобы отбросить робость, а для него — смирить обиженную гордость и тщеславие. Они, конечно, постоянно встречались, но ей казалось, что он избегает оставаться с ней наедине. Маргарет предполагала, что он так же, как и она, чувствует, что они странным образом во многом разошлись в своих прежних мнениях и вкусах.

И все же, когда он говорил необычайно хорошо или шутил в своей замечательной остроумной манере, ей на мгновение казалось, что его взгляд в первую очередь останавливается на ее лице. И что в семейных беседах, в которых им постоянно приходилось вместе участвовать, ее мнение было единственным, к которому он прислушивался с уважением, более внимательно, потому что оно высказывалось неохотно и далеко не всегда.

«Мой друг и друг моего отца!
Я не могу с тобой расстаться!
Я не показывал, а ты не знал,
Как дорог ты был мне».
Неизвестный автор

На званых обедах, которые устраивала миссис Леннокс, каждый вносил свою лепту: ее подруги — красоту, капитан Леннокс — несерьезные новости о событиях дня. А мистер Генри Леннокс и несколько преуспевающих мужчин, которых принимали как его друзей, привносили остроумие, талантливость, глубокие и обширные знания, которыми они обладали в достаточной степени, чтобы не казаться педантами и не обременять легкого течения беседы.

Эти обеды были восхитительны. Но даже их великолепие не могло затмить недовольство Маргарет. Любой талант, любое чувство, любое достижение, нет, даже всякое стремление к добродетели разжигали в ней недовольство. Потаенный, священный огонь пожирал самое себя с треском и россыпью искр. Беседуя об искусстве, гости выражали лишь свои эмоции, подробно останавливаясь на внешних впечатлениях, вместо того, чтобы учиться у искусства. Они с энтузиазмом набрасывались на высокие материи, находясь в компании, и не задумывались о них, оставаясь в одиночестве. Они расточали свои комплименты в подходящих по случаю словах. Однажды, когда джентльмены вернулись в гостиную, мистер Леннокс подошел к Маргарет и впервые с тех пор, как она вернулась на Харли-стрит, намеренно обратился к ней.

- Вам не понравилось то, что Ширли говорил за обедом.
- Разве? Мое лицо, должно быть, очень выразительно, — ответила Маргарет.
- Как и всегда. Оно не утратило своей выразительности.
- Мне не понравилось, — сказала Маргарет, — как он защищал то, что было неверно — вопиюще неверно — даже в шутку.
- Но это было очень умно. Как уместно было каждое слово! Вы помните удачные эпитеты?
- Да.
- Вам бы хотелось добавить, что вы считаете их оскорбительными. Пожалуйста, не стесняйтесь в выражениях, хотя он и мой друг.
- Вот! Вы говорите тем же тоном, что и... — она неожиданно замолчала.

Какое-то время он ждал, как Маргарет закончит свое предложение, но она только покраснела и отвернулась. Но, тем не менее, успела услышать, как мистер Леннокс тихо и отчетливо произнес:

- Если мой тон или образ мыслей вам не нравятся, вы скажите об этом, чтобы дать мне возможность научиться тому, что вас порадует.

За все эти недели не было никаких известий о поездке мистера Белла в Милтон. В Хелстоне он говорил, что мог бы отправиться туда в самое ближайшее время. Но он, должно быть, до сих пор ведет дела по переписке, думала Маргарет. Она знала, что он желал бы избежать поездки в город, который ему не нравился, а помимо этого мало понимал какую необъяснимую важность она приписывала объяснению, которое должно быть передано только на словах. Она знала, что он поймет, что это необходимо и что это должно быть сделано. Но когда — летом, осенью или зимой — не имело значения. Стоял август, но о путешествии в Испанию, о котором он намекнул Эдит, не было и речи. И Маргарет пыталась примириться с тем, что эта иллюзия тает.

Но однажды утром она получила письмо, в котором мистер Белл сообщал, что на следующей неделе намерен приехать в столицу. Он хотел поделиться с ней планом, который придумал. И, кроме того, он собирался немного подлечиться, поскольку согласился с ней, что приятнее думать, будто это его здоровье больше него виновато в том, что он порою бывал таким раздражительным и сердитым. Письмо было написано с напусковой веселостью,

как позднее заметила Маргарет, но в то время ее внимание отвлекло восклицание Эдит.

- Приедет в Лондон! О боже! А меня так измучила эта жара, что во мне не осталось сил еще на один обед. Кроме того, все разъехались, кроме нас глупых, которые не могут определиться, куда поехать. Ему некого будет представить.

- Я уверена, что он предпочел бы приехать и пообедать с нашей семьей, а не с самыми приятными незнакомцами, которых ты пригласишь. Кроме того, если он нездоров, ему будет не до приглашений. Я рада, что он, наконец, признался. Я поняла, что он болен по тону его писем, и все же, он не ответил мне, когда я спросила его об этом, а больше мне не у кого было спросить.

- Не думаю, что он очень болен, иначе он не стал бы думать об Испании.

- Он никогда не упоминал об Испании.

- Нет! Но его план, которым он собирается поделиться, наверняка, об этом. Но ты бы, в самом деле, поехала в такую погоду?

- С каждым днем становится прохладнее. Да! Подумай об этом! Я только боюсь, что думала и желала этого слишком сильно... так сознательно увлеклась этой идеей, что за этим, несомненно, последует разочарование... или же удовлетворение, судя по письму, хотя на самом деле оно не доставляет мне удовольствия.

- Но это суеверие, я уверена, Маргарет.

- Нет, я так не думаю. Только оно должно послужить мне предупреждением и удержать меня от таких необузданных желаний. Это что-то вроде «Дай мне детей, а если не так, я умираю». Боюсь, что я бы закричала: «Позволь мне поехать в Кадис, а если не так, я умираю».[56]

- Моя дорогая Маргарет! Тебя уговорят остаться здесь. И потом, что я буду делать? О! Как бы мне хотелось найти мужчину, за которого ты могла бы здесь выйти замуж, чтобы я была уверена, что ты не уедешь!

- Я никогда не выйду замуж!

- Чепуха и еще раз чепуха! Как говорит Шолто, ты так притягиваешь людей к этому дому, что мужчины будут рады побывать у нас в следующем году ради тебя.

Маргарет выпрямилась и высокомерно произнесла:

- Знаешь, Эдит, мне иногда кажется, что твоя жизнь на Корфу научила тебя...

- Чему?

- Только грубости!

Эдит начала горько рыдать и с пылкостью заявила, будто бы кузина разлюбила ее и больше не считает своей подругой, но Маргарет подумала, что выразилась так грубо для того, чтобы облегчить свою раненую гордость, и покончила с рабством у Эдит на остаток дня. А тем временем эта юная леди, переполненная горестными чувствами, словно жертва, лежала на диване, порой тяжело вздыхая, пока наконец не заснула.

Мистер Белл не приехал даже в тот день, на который во второй раз перенес свой визит. На следующее утро пришло письмо от Уоллиса, его слуги, сообщавшего, что хозяин уже некоторое время неважно себя чувствует и лишь поэтому откладывает свою поездку. И что в то самое время, когда ему нужно было выезжать в Лондон, с ним случился удар. На самом деле, добавил Уоллис, доктора считают, что он не сможет пережить ночь, и что, возможно, к тому времени, как мисс Хейл получит это письмо, его бедного хозяина уже не станет.

Маргарет получила это письмо за завтраком и сильно побледнела, прочитав его, затем молча протянула листок Эдит и вышла из комнаты.

Эдит была ужасно потрясена, прочитав письмо, и зарыдала, как маленький испуганный ребенок, на беду своего мужа. Миссис Шоу завтракала в своей комнате и поручила зятю примирить жену с мыслью, что впервые в жизни ей придется столкнуться со смертью. Человек, который собирался обедать с ними сегодня, умирает или уже лежит мертвый! Прошло какое-то время, прежде чем Эдит смогла вспомнить о Маргарет. Она вскочила и поспешила наверх в комнату кухни. Диксон упаковывала туалетные принадлежности, а Маргарет поспешно надевала шляпку, без конца утирая слезы дрожащими руками, отчего с трудом завязала ленты.

- О, дорогая Маргарет! Как ужасно! Что ты делаешь? Ты уезжаешь? Шолто протелеграфирует и сделает все, что ты пожелаешь.

- Я еду в Оксфорд. Через полчаса будет поезд. Диксон предложила поехать со мной, но я могу поехать сама. Я должна еще раз с ним увидеться. Кроме того, возможно, ему стало лучше, и за ним требуется уход. Он был для меня как отец. Не останавливай меня, Эдит.

- Но я должна. Маме это совсем не понравится. Пойди и скажи ей об этом, Маргарет. Ты не знаешь, куда ты едешь. Я бы не возражала, если бы у него был собственный дом, но если он живет в колледже! Пойдем к маме и

спросим ее, прежде чем ты уедешь. Это не займет и минуты.

Маргарет уступила и опоздала на поезд. Из-за внезапности отъезда, миссис Шоу пришла в замешательство и занервничала, и драгоценное время было упущено. Но через пару часов был другой поезд, и после различных споров о приличии и неприличии было решено, что капитан Леннокс будет сопровождать Маргарет, раз уж она настаивала на своем решении уехать — одна или с сопровождением — следующим поездом, чтобы ни говорилось о приличии или неприличии ее поступка. Друг ее отца, ее собственный друг находился при смерти — мысль об этом предстала перед ней с такой ясностью, что Маргарет поразила настойчивости, с которой отстаивала свое право на независимый поступок. И за пять минут до отправления поезда она уже сидела в вагоне напротив капитана Леннокса.

Мысль о том, что она поехала, всегда служила ей утешением, хотя она приехала только для того, чтобы услышать, что мистер Белл умер ночью. Маргарет увидела комнаты, которые он занимал, и вспоминала о них потом с большей любовью в память о своем отце и его дорогим и преданном друге.

Перед отъездом они обещали Эдит вернуться к обеду, если их опасения оправдаются. Поэтому неторопливый осмотр комнаты, в которой умер ее отец, и тихое прощание с добрым стариком, что так часто находил приятные слова, веселые остроты и причуды, пришлось прервать.

Капитан Леннокс заснул по пути домой, и Маргарет могла вволю поплакать, вспоминая этот роковой год и все горести, что выпали на ее долю. Не успела она оправиться от одной потери, как следовала другая, не замечая одно горе другим, а заново вскрывая едва затянувшиеся раны и чувства. Но, вернувшись и услышав нежные голоса тети и Эдит, веселое ликование маленького Шолто, увидев хорошо освещенные комнаты и их хозяйку, прелестную в своей бледности и проявлявшую сочувствие, Маргарет очнулась от тяжелого состояния почти суеверной безнадежности и начала ощущать вокруг себя радость и счастье. Она заняла место Эдит на диване, Шолто подучили очень осторожно поднести тете Маргарет чашку чая. И к тому времени, когда она поднялась к себе переодеться, она смогла возблагодарить Бога, что Он избавил ее доброго друга от продолжительной или мучительной болезни.

Когда наступила ночь — священная ночь — и весь дом затих, Маргарет наслаждалась красотой Лондона в столь поздний час. Земные огни отражались бледным розовым цветом в мягких облаках, что тихо выплывали в белом лунном свете из теплого сумрака, неподвижно простиравшегося над горизонтом. Эту комнату Маргарет занимала во времена своего детства, которое переросло в девичество, когда чувства и сознание впервые пробудились в полную силу. Она вспомнила, что в одну из подобных ночей она пообещала себе жить такой же смелой и благородной жизнью, какой живут героини из романов, о которых она читала или слышала, жизнью *sans peur et sans reproche*.^[57] Тогда ей казалось, что стоит только пожелать, и такая жизнь будет достигнута. А теперь она узнала, что стоит не только желать, но еще и молиться — это было необходимое условие для настоящей героической жизни. Доверяя себе, она ошиблась. Как последствия ее греха все оправдания, все искушения навсегда останутся неизвестны человеку, в чьих глазах она так низко пала. В конце концов она осталась лицом к лицу со своим грехом. Она знала, почему она согрешила. Добрая софистика мистера Белла, что почти все люди виновны в том, что совершают сомнительные поступки, и что мотив облагораживает порок, никогда не имела для нее большого значения. Ее первая мысль о том, как бы бесстрашно она рассказала всю правду, если бы все знала, казалась слабой и бедной. Нет, даже ее стремление рассказать правду, как обещал сделать мистер Белл, что немного оправдало бы ее в глазах мистера Торнтона, было лишь малым и незначительным утешением теперь, когда смерть снова научила ее, какой должна быть жизнь. Если бы весь мир говорил, действовал или хранил молчание с намерением обмануть, если бы самые дорогие интересы находились под угрозой, а самые дорогие жизни — в опасности, если бы никто не узнал о ее правде и лжи, чтобы платить ей уважением или презрением, оставив ее наедине с Богом, она бы молилась, чтобы у нее были силы говорить и поступать всегда правильно.

Глава XLIX

Веяние покоя

«По солнечному пляжу она медленно брела,
От нерешимости порою замирая.

Печаль ее была спокойна и светла».

Томас Худ «Геро и Леандр»

— Разве Маргарет не наследница? — прошептала Эдит мужу, оставшись с ним наедине вечером после печального путешествия в Оксфорд. Она притянула к себе его голову и, встав на цыпочки, попросила не возмущаться, прежде чем осмелилась задать ему этот вопрос. Капитан Леннокс, тем не менее, оказался в неведении. Если он что-то и слышал, то забыл. В любом случае профессор из маленького колледжа не мог много зарабатывать, с другой стороны капитан всегда был против того, чтобы Маргарет платила за проживание, и двести пятьдесят фунтов в год казались какой-то смехотворной суммой, учитывая, что Маргарет к тому же не пила вина. Расстроенная Эдит опустила на землю — ее домысел лопнул, как мыльный пузырь.

Неделю спустя она, танцуя, подошла к своему мужу и присела перед ним в реверансе:

- Я права, а вы — неправы, благороднейший капитан. Маргарет получила письмо от юриста, она — наследница имущества. И наследство — около двух тысяч фунтов, а остальное — около сорока тысяч — собственность в Милтоне по текущей стоимости.

- В самом деле! И как она воспринимает свою удачу?

- Кажется, она с самого начала знала, что будет наследницей, только не представляла, что наследство такое большое. Она очень бледна и говорит, что боится. Но это, знаешь ли, чепуха, и скоро пройдет. Я оставила маму рассыпаться в комплиментах и ускользнула, чтобы рассказать тебе.

По общему согласию впредь полагалось считать мистера Леннокса юридическим советником Маргарет. Она была настолько несведуща во всех делах, что почти с каждым вопросом ей приходилось обращаться к нему за помощью. Он стал ее поверенным, он приходил к ней с бумагами на подпись. Он никогда не был так счастлив, как в это время, обучая ее премудростям закона.

- Генри, — произнесла однажды Эдит лукаво, — вы знаете, как я надеялась и ждала, чем закончатся все эти беседы с Маргарет?

- Нет, не знаю, — ответил он, краснея. — И я прошу вас не рассказывать мне.

- Что ж, очень хорошо. Тогда мне не нужно будет просить Шолто, не приглашать к нам так часто мистера Монтегю.

- Как хотите, — ответил он с напускной холодностью. — То, о чем вы думаете, может произойти, а может и нет. Но на этот раз прежде чем довериться, я подожду, когда у моих надежд появится прочное основание. Спросите, у кого хотите. Может быть, я веду себя не по-рыцарски, Эдит, но если вы вмешаетесь, вы все испортите. Долгое время Маргарет избегала меня, и только-только ее сердце Зенобии[58] стало оттаивать. В ней есть задатки Клеопатры, если бы только она была большей язычницей.

- Что касается меня, — жестко ответила Эдит, — я очень рада, что она — христианка. Я знаю очень немного.

Этой осенью Маргарет не поехала в Испанию. Хотя до последнего она надеялась, что какой-нибудь счастливый случай вызовет Фредерика в Париж, куда она с легкостью могла найти для себя сопровождающего. Вместо Кадиса ей пришлось довольствоваться Кромером.[59] К этому месту были привязаны тетя Шоу и Ленноксы. Им всем хотелось, чтобы она поехала с ними, и поэтому, в силу своих характеров, они не предприняли даже малейших попыток удовлетворить ее собственное желание. Возможно, Кромер был в некотором смысле наилучшим выходом для Маргарет. Ей нужно было отдохнуть и восстановить силы.

Среди других надежд, которые она потеряла, была надежда, что мистер Белл расскажет мистеру Торнтону о тех событиях в ее семье, что предшествовали несчастному случаю, из-за которого умер Леонардс. Каким бы ни было его мнение, как бы оно ни изменилось с тех пор, Маргарет хотелось, чтобы он правильно понял мотивы ее поступка. Это доставило бы ей удовольствие, это даровало бы ей покой, которого она будет лишена до тех пор, пока не решится не думать об этом. С тех пор прошло так много времени, и она не видела иного пути объясниться кроме того, который был потерян со смертью мистера Белла. Она должна просто признать, как многие другие, что ее неправильно поняли. Но даже когда ей удалось убедить себя в том, что ее случай не такой уж редкий, ее сердце не стало меньше болеть, желая, чтобы однажды — спустя многие годы — до того, как он умрет, он узнал бы, какое сильное искушение она испытала. Но это желание было напрасным, как и многие другие. И когда Маргарет приучила себя к этой мысли, она всем сердцем и всеми силами обратилась к той жизни, что лежала перед ней, и решила постараться прожить ее наилучшим образом.

Она обычно просиживала долгие часы на пляже, пристально рассматривая волны, монотонно набегавшие на покрытый галькой берег. Или всматривалась в далекие валы, сияние небес и слушала, сама того не осознавая,

вечный, неумолчный псалом. И постепенно она успокоилась, не зная, как и почему. Маргарет безучастно сидела на земле, обхватив руками колени, пока тетя Шоу делала покупки, а Эдит и капитан Леннокс катались верхом по берегу и вдали от моря. Сиделки, прогуливающиеся со своими подопечными, несколько раз проходили мимо нее и удивленно перешептывались, обсуждая, что эта леди так долго рассматривает день за днем. И когда семья собралась за обедом, Маргарет была такой молчаливой и отрешенной, что Эдит предположила, будто кузина хандрит, и с большой радостью приветствовала предложение мужа пригласить мистера Генри Леннокса приехать в Кромер на неделю по возвращении из Шотландии в октябре.

Но это время для размышлений дало Маргарет возможность расставить события прошлого и будущего по своим местам, по мере их возникновения и по важности. Часы, проведенные у моря, не прошли для нее даром — это понял бы любой, обладающий проницательностью и желанием, прочитав выражение, которое порой появлялось на лице Маргарет. Эта перемена чрезмерно поразила мистера Генри Леннокса.

- Я полагаю, море пошло на пользу мисс Хейл, — сказал он, когда Маргарет вышла из комнаты, оставив его в семейном кругу. — Она выглядит на десять лет моложе, чем в то время, когда жила на Харли-стрит.

- Это из-за шляпки, которую я ей подарила, — ликуя, произнесла Эдит. — Я знала, что шляпка пойдет ей с той самой минуты, как увидела ее.

- Прошу прощения, — сказал мистер Леннокс с пренебрежением и снисхождением, как всегда говорил с Эдит. — Но я думаю, что знаю разницу между прелестным платьем и прелестной женщиной. Никакая шляпка не сделает глаза мисс Хейл такими блестящими и все же такими мягкими, а ее губы — такими яркими и алыми... и не наполнит ее лицо светом и умиротворением. Она все больше становится похожей, — он понизил голос, — на ту самую Маргарет Хейл из Хелстона.

С этого времени умный и честолюбивый мужчина приложил все усилия, чтобы завоевать Маргарет. Ему нравилась ее очаровательная внешность. Он увидел скрытый размах ее ума, который, как он считал, мог с легкостью охватить все то, к чему он стремился всем сердцем. Он считал богатство Маргарет частью ее совершенного и великолепного характера и положения; и все же вполне осознавал то влияние, которое обеспечит ему, бедному адвокату, ее богатство. Со временем он добьется такого успеха и такого уважения, которые позволят ему возместить ей сторицей тот первый шаг к богатству, за который он будет ей обязан. По возвращении из Шотландии он побывал в Милтоне по делам, связанным с ее собственностью. И с проницательностью опытного юриста, готового всегда принимать и взвешивать случайности, он понял, что наибольшую ценность имел ежегодный доход с земли и имущества, которыми она владела в этом процветающем и растущем городе. Он обрадовался, заметив, что нынешние отношения между ним и Маргарет — юридическим советником и клиентом — постепенно вытесняют воспоминания о том несчастливом и неудачном дне в Хелстоне. У него появилась исключительная возможность близко общаться с ней помимо родственных встреч между семьями.

Маргарет желала только одного — слушать как можно дольше его рассказы о Милтоне, хотя он не видел никого из тех людей, которых она знала очень хорошо. Когда о Милтоне говорили ее тетя и кузина, Маргарет слышала в их тоне неприятие и презрение — именно те чувства, которые она сама испытывала, впервые приехав туда жить, и о которых она стыдилась вспоминать. Но мистер Леннокс, казалось, превзошел Маргарет в своем восхищении Милтоном и его жителями. Их энергия, их сила, их упорное мужество в борьбе за выживание, их кипучая жизнь привлекли и покорили его. Мистер Леннокс без устали говорил о жителях Милтона и не понимал, насколько эгоистичными и материальными были те цели, что они ставили перед собой, как следствие их могущественных, неутомимых стремлений, до тех пор, пока Маргарет, несмотря на испытываемое удовольствие, откровенно не указала, что все, чем можно восхищаться в Милтоне, запятнано грехом. Но все же Генри Леннокс заметил, что обсуждение некоторых особенностей даркширских характеров неизменно возвращает свет ее глазам и окрашивает щеки румянцем.

Вернувшись в город, Маргарет выполнила одно из принятых на побережье решений и взяла свою жизнь в собственные руки. До поездки в Кромер она была так же послушна распоряжениям тети, как та маленькая испуганная девочка, которая, засыпая, плакала в первую ночь в детской на Харли-стрит. Но в эти серьезные часы раздумий она поняла, что должна сама отвечать за свою жизнь и за свои поступки. Она попыталась решить самую трудную проблему для женщин — насколько нужно быть покорной власти и насколько можно отдалиться ради обретения свободы в труде. Миссис Шоу была добродушной, и Эдит унаследовала это прелестное семейное качество. Сама Маргарет, возможно, имела самый худший характер из них троих: ее проницательность и чересчур живое воображение сделали ее вспыльчивой, а стремление к уединению, чтобы избежать сочувствия, гордой. Но искреннее добродушие в прежние времена придавало ее манерам

неотразимость даже в редкие минуты упрямства. А теперь, смирившись с тем, что все называли ее удачей, она заставила неуступчивую тетю подчиниться своей воле. Так Маргарет добилась признания своего права, чтобы следовать своим собственным представлениям о долге.

- Только не будь чересчур решительной, — умоляла Эдит. — Мама хочет, чтобы у тебя был собственный лакей. Без сомнения, ты не очень рада, поскольку от них одно расстройство. Только постарайся ради меня, дорогая, не становись слишком решительной. Это единственное, о чем я прошу. С лакеем или без, не будь решительной.

- Не бойся, Эдит. Я упаду в обморок тебе на руки, когда слуги будут обедать, при первой же возможности. И потом, когда Шолто станет играть с огнем, а малыш плакать, ты вдруг захочешь, чтобы рядом оказалась решительная женщина, готовая к любой неожиданности.

- А ты не станешь слишком благонаправной, чтобы шутить и веселиться?

- Нет. Я буду веселее, чем была, теперь я иду своей дорогой.

- И ты не станешь посмешищем, но позволь мне покупать для тебя платья?

- На самом деле, я собиралась покупать их сама. Ты пойдешь со мной, если захочешь. Но никто не доставит мне удовольствия, кроме меня самой.

- О! Я боялась, ты оденешься в коричневые и серые цвета, чтобы не было видно грязь, которую ты соберешь в тех местах. Я рада, что ты собираешься купить одну или две дамские сумочки, вместо того старья.

- Я останусь прежней, Эдит, как бы тебе и тете этого не хотелось. Только у меня нет ни мужа, ни ребенка, чтобы исполнять свои природные обязанности, я должна кем-то стать, а не только заказывать платья.

На семейном совете, состоявшем из Эдит, ее матери и мужа, было решено, что, возможно, все эти желания только больше привяжут Маргарет к Генри Ленноксу. Они удерживали ее подальше от тех друзей, у которых могли оказаться подходящие для женитьбы сыновья или братья. И было так же решено, что ни в каком другом обществе она не находит такого удовольствия, какое испытывает в обществе Генри, принадлежавшего их собственной семье. Других поклонников, привлеченных ее красотой или молвой о богатстве, отталкивала ее невольная улыбка пренебрежения, и они обращали свои взгляды на других красавиц, менее привередливых, или наследниц с большим состоянием. Между Генри и Маргарет постепенно установились более близкие отношения, но ни он, ни она не допускали ни малейшего намека на развитие этих отношений.

Глава L

Перемены в Милтоне

«Так идем мы вверх, вверх, вверх.

А так идем мы вниз, вниз, вниз!»

Детская песенка

Тем временем в Милтоне дымили трубы, а непрерывный гул, мощный стук и головокружительное вращение машин постоянно соперничали друг с другом. Бесчувственными и бесцельными оставались только дерево, железо и пар, занятые бесконечным трудом. Но выносливость их монотонной работы соперничала с неутомимой стойкостью сильных людей, которые осознанно и целенаправленно были заняты бесконечными поисками... Чего? На улицах было мало празднично шатающихся, никто не гулял просто ради удовольствия. На лицах людей были написаны усердие и беспокойство. Новостей искали с пылкой жадностью. Люди отталкивали друг друга на рынке и на бирже, как они это делали в жизни, охваченные эгоизмом соперничества. Над городом нависло уныние. Покупателей приезжало мало, а на тех, кто приезжал, продавцы смотрели с подозрением. Кредит был ненадежен, и даже у самых стойких состояния могли пострадать из-за банкротства транспортных компаний в близлежащем порту. До сих пор в Милтоне не было случаев банкротства, но из-за безмерных спекуляций, которые, как выяснилось, закончились неудачей в Америке и даже в Англии, стало известно, что некоторые торговые дома в Милтоне должны понести большие убытки, поэтому каждый день на лицах людей читался вопрос: «Что нового? Кто разорен? Как это коснется меня?» И если двое или трое собирались вместе, они скорее обсуждали имена тех, кто оставался на плаву, чем осмеливались намекнуть на тех, кто, по их

мнению, был разорен. Поскольку даже ленивый вздох мог в такие времена послужить причиной падения тех, кто в других обстоятельствах мог бы пережить бурю — один утопающий тянет за собой других. «Торнтон вне опасности, — говорят они. — У него большое дело, расширяется с каждым годом. С его-то умом, он такой предусмотрительный и отчаянный!» Потом один отводит другого в сторону и, наклонив голову к уху своего собеседника, говорит: «У Торнтонна большое дело, но он тратит всю свою прибыль на его расширение. У него нет отложенного капитала. За эти два года он обновил станки, они обошлись ему... не представляешь, во что!.. ты человек умный!» Но этот мистер Харрисон был брюзгой, он наследовал богатство отца, полученное от торговли, и боялся его потерять, изменив свои деловые методы на другие, более масштабные. И все же, он завидовал каждому пенни, что зарабатывали другие, более смелые и дальновидные.

Но правда состояла в том, что мистер Торнтон испытывал большие затруднения. Он остро чувствовал, что ранена его гордость, ведь он так рассчитывал на свою коммерческую хватку. Хозяин своей собственной судьбы, он приписывал заслуги не особым достоинствам или собственным качествам, а силе, которую, как он верил, коммерция дает каждому смелому, честному и настойчивому человеку, чтобы тот смог подняться с колен, увидеть и понять великий замысел земных свершений, и честно и благоразумно пользоваться большей властью и влиянием, чем позволяет любой другой образ жизни. Далеко, на Востоке и на Западе, где никто его не знал, его имя было уважаемо, его просьбы исполнялись, а его слово ценилось, как золото. Именно эту цель поставил перед собой мистер Торнтон, начиная жизнь торговца. «Купцы ее были князья»[60] — прочитала его мать вслух, словно это был звук трубы, призывающий ее мальчика на борьбу. Он, в отличие от многих других — мужчин, женщин и детей — был полон жизни для чужаков и мертв — для своих. Он добился, чтобы его имя имело вес в чужих странах за далекими морями, стал главой фирмы, о которой будет знать не одно поколение. Долгие безмолвные годы ушли у него на то, чтобы достичь хотя бы проблеска нынешнего положения здесь, в его родном городе, на его фабрике, среди его рабочих. И он, и они жили параллельными жизнями — очень близкими, но никогда не пересекающимися — пока случай, или так казалось, не свел мистера Торнтонна с Хиггинсом. Однажды столкнувшись лицом к лицу, как мужчина с мужчиной, как личность с личностью, они оба признали, что «в каждом из нас есть душа», [61] что было совсем не в характере хозяина и рабочего. Это было первым шагом. И только теперь, когда опасение утратить отношения, сложившиеся в последнее время между ним и двумя-тремя рабочими, из-за планов — дорогих его сердцу экспериментов, которые так грубо отвергли, даже не испытав, добавляло новых мучений тому едва уловимому страху, что время от времени охватывал его. Только теперь мистер Торнтон понял, сколь значительную пользу принесло ему его положение промышленника, которого он достиг в последнее время, просто потому, что он сблизился с рабочими и обрел такую сильную власть среди породы людей странных, рассудительных и невежественных, но помимо всего, обладающих характером и сильными человеческими чувствами.

Мистер Торнтон размышлял над своим положением милтонского промышленника. Забастовка, произошедшая полтора года назад или больше (сейчас стояла поздняя весна с непривычно холодной погодой), та забастовка, случившаяся, когда он был молод, (а теперь он стар), помешала ему выполнить несколько крупных заказов. Он вложил большую часть капитала в новые и дорогие станки, он так же закупил много хлопка для выполнения заказов по контракту. Мистер Торнтон не смог их выполнить из-за полного отсутствия практического опыта у тех ирландских рабочих, которых он привез. Большая часть их работы была испорчена и непригодна для отправки торговому дому, который гордился тем, что выпускал только превосходные товары. Долгие месяцы затруднений, вызванных забастовкой, были препятствием на пути мистера Торнтонна. И часто, когда его взгляд останавливался на Хиггинсе, он мог гневно заговорить с ним без всякой видимой причины, просто осознавая всю серьезность ущерба, причиненного забастовкой, в которой участвовал Хиггинс. Но когда мистер Торнтон стал замечать свою вспыльчивость, он решил сдерживать гнев. Он бы не почувствовал себя удовлетворенным, если бы стал избегать Хиггинса. Он должен был убедить себя, что он хозяин своему собственному гневу, позволив Хиггинсу приходить к нему всякий раз, когда это дозволялось жесткими условиями труда или у мистера Торнтонна появлялась свободная минута. И со временем он с удивлением заметил, что его негодование ушло. Как получилось, что два таких разных человека, как он и Хиггинс, зарабатывающие себе на жизнь торговлей, стремящиеся каждый по-своему к одной цели, смотрели на положение и обязанности друг друга совершенно по-разному. И с тех пор зародились их взаимоотношения, которые хотя и не смогут предотвратить будущих разногласий во взглядах и поступках, если таковые возникнут, но, во всяком случае, дадут возможность обоим — и хозяину, и рабочему — смотреть друг на друга с большим состраданием и симпатией и относиться друг к другу с большей добротой и терпением. Кроме того, улучшение отношений между мистером Торнтонном и его рабочими выявило их незнание реального положения

дел каждой из сторон.

Но сейчас наступил один из тех периодов спада торговли, когда падение цен на рынке обесценило все большие капиталы. У мистера Торнтонна он уменьшился почти до половины. Заказы больше не поступали, и он потерял доход с капитала, вложенного в станки. Более того, получить оплату за выполненные заказы было трудно. Постоянно увеличивались расходы на работу фабрики. Затем нужно было оплатить счета за хлопок, который он закупил. Денег было недостаточно, он мог взять в долг только под непомерный процент и к тому же не мог ничего продать из своей собственности. Но мистер Торнтон не отчаивался, день и ночь он прилагал все силы, чтобы предугадать и предусмотреть все неожиданности. Он по-прежнему оставался спокоен и мягок с домочадцами. С рабочими фабрики он был немногословен, но к тому времени они уже хорошо его узнали. И эти краткие и точные ответы они слушали скорее с сочувствием к довлевшим над ним заботам, чем с прежней подавляемой враждебностью, которая тлела, готовая разгореться при случае грубыми словами и осуждениями. «Хозяину за многим надо присматривать», — сказал как-то Хиггинс, услышав краткий, резкий вопрос мистера Торнтонна, почему не выполнили его приказание, и услышал подавленный вздох, что вырвался у хозяина, когда тот проходил по цеху, где работало несколько человек. Хиггинс и еще один рабочий остались свехурочно в этот вечер, не сказав никому, чтобы доделать оставшуюся работу. И мистер Торнтон никогда бы об этом не узнал, если бы не надсмотрщик, которому он отдавал приказание в первую очередь, сам не рассказал об этом.

«Думаю, я знаю, кто огорчился бы, увидев нашего хозяина в таком мрачном настроении. Доброе сердце старого священника не выдержало бы, если бы он увидел тот угрюмый взгляд на лице нашего хозяина, что видел я», — думал Хиггинс, в один из дней догоняя мистера Торнтонна на Мальборо-стрит.

- Хозяин, — сказал он, останавливая своего нанимателя, шедшего быстрым, решительным шагом, отчего джентльмен от неожиданности вздрогнул и недовольно посмотрел на Хиггинса, словно мыслями он был далеко.

- Вы что-нибудь слышали о мисс Маргрит в последнее время?

- О ком? — переспросил Торнтон.

- О мисс Маргрит... мисс Хейл, дочери старого священника, вы хорошо знаете, кого я имею в виду, если только немного подумаете... — в тоне, которым были произнесены эти слова, не было и тени неуважения.

- Ах, да! — и вдруг холодная, скованная морозом маска тревоги исчезла с лица мистера Торнтонна, словно мягкий, летний ветерок развеял все его тревоги. И хотя его губы были по-прежнему сжаты, глаза по-доброму улыбнулись собеседнику.

- Ты знаешь, Хиггинс, она теперь моя хозяйка. Время от времени я получаю известия о ней от ее агента. У нее все хорошо, она — среди друзей... спасибо, Хиггинс.

Это «спасибо», которым мистер Торнтон нерешительно закончил свои слова, все же прозвучало с такой теплотой, которая натолкнула на догадку проницательного Хиггинса. Возможно, это была всего лишь призрачная надежда, но он подумал, что последует за ней, чтобы выяснить, куда она его выведет.

- И она не вышла замуж, хозяин?

- Нет еще, — на лицо мистера Торнтонна снова набежала тень. — Об этом поговаривают, как я понимаю, для объединения семьи.

- И она больше не вернется в Милтон, я полагаю?

- Нет!

- Постойте, хозяин! — и, подойдя совсем близко, Хиггинс спросил: — А молодого джентльмена оправдали? — намекая на свою осведомленность, он подмигнул мистеру Торнтону, что добавило еще больше таинственности. — Молодого джентльмена, я имею в виду мастера Фредерика, как они называли его... ее брата, он был здесь, вы знаете.

- Был здесь...

- Да, конечно, когда умерла миссис. Вы не бойтесь, я никому не скажу. Мэри и я, мы давно об этом знали, только мы молчали, потому что узнали об этом, когда Мэри работала в их доме.

- И он был здесь. Это был ее брат?!

- Ну, конечно, я думал, вы знаете об этом, иначе я бы и словом не обмолвился. Вы знали, что у нее есть брат?

- Да, я знал о нем. И он был здесь, когда умирала миссис Хейл?

- Ну, нет! Я не собираюсь больше рассказывать. Может быть, я уже навлек на них беду, потому что они держали это в секрете. Я только хотел знать, оправдали ли его?

- Об этом мне неизвестно. Я ничего не знаю. Я узнал, что мисс Хейл теперь моя хозяйка от ее юриста.

Он расстался с Хиггинсом, оставив его в замешательстве, и отправился по делам, как и намеревался до того, как с ним заговорили.

- Это был ее брат, — произнес про себя мистер Торнтон. — Я рад. Может, я больше никогда не увижу ее, но это утешение... облегчение... знать так много. Я знал, что она не может вести себя нескромно, и все же я жаждал убедиться. Теперь я рад!

Эта тонкая золотая нить протянулась через темную паутину его настоящего, что с каждым днем становилось все мрачнее и безрадостнее. Посредник мистера Торнтон слишком доверял Американскому торговому дому, который рухнул вместе с другими, как карточный домик — падение одной карты влечет за собой падение других. Как обстояли дела у мистера Торнтон? Смог ли он выстоять?

Ночь за ночью он брал книги и документы в свою комнату и просиживал за ними очень долго, когда вся семья уже спала. Он думал, что никто не знает о его занятиях в ночные часы. Однажды утром, когда дневной свет проник сквозь трещины ставней, а он еще не ложился и с безнадежным равнодушием подумывал, можно ли обойтись без пары часов отдыха, которые у него оставались до того, как снова начнется суэта дневных забот, дверь комнаты отворилась — на пороге стояла его мать, одетая так же, как и в предыдущий день. Она спала не больше, чем он. Их взгляды встретились. Их лица были холодны, суровы и бледны из-за долгого бодрствования.

- Мама, почему ты не спишь?

- Джон, сын, — сказала она, — ты думаешь, я могу спокойно спать, пока ты бодрствуешь, весь в заботах? Ты не рассказывал мне о том, что тебя тревожит. Но эти последние дни тебя что-то мучает.

- Торговля плохо идет.

- И ты боишься...

- Я ничего не боюсь, — ответил он, и, подняв голову, больше не опустил ее. — Теперь я знаю, что больше никто из-за меня не пострадает. Это меня беспокоило.

- Но как ты выстоишь? Ты будешь... это будет банкротство? — ее спокойный голос непривычно дрожал.

- Нет, не банкротство. Я должен оставить дела, но я заплачу всем рабочим. Я мог бы рассчитаться... я испытываю жестокое искушение...

- Как? О, Джон! Сохрани свое имя, рискни всем ради этого. Как ты сможешь это сделать?

- Мне предложили участвовать в очень рискованной спекуляции. Но если все удастся, я смогу поправить свои дела, так что никто не узнает, в каком затруднении я нахожусь. Тем не менее, если она закончится неудачей...

- А если она закончится неудачей, — повторила миссис Торнтон, и, подойдя к сыну, накрыла его ладонь своей рукой, ее взгляд был полон огня. Она затаила дыхание, чтобы дослушать его слова.

- Честных людей разоряют жулики, — мрачно продолжил он. — В моем нынешнем положении деньги моих кредиторов в сохранности до последнего фартинга. Но я не знаю, где мне найти деньги... возможно, они все потрачены, и я сейчас без гроша. Поэтому, я должен рисковать деньгами моих кредиторов.

- Но если все удастся, они ничего не узнают. Спекуляция — это так рискованно? Конечно, нет, или ты просто никогда не задумывался об этом. Если бы она удалась...

- Я был бы богатым человеком, но совесть моя не была бы спокойна.

- Что ж! Ты никому не причинишь вреда.

- Нет, но мне придется рискнуть разорением многих людей ради собственного ничтожного обогащения. Мама, я принял решение! Ты не будешь сильно сожалеть, покидая этот дом, правда, дорогая мама?

- Нет! Но если ты изменишься, это разобьет мне сердце. Что тут можно поделать?

- Оставаться тем же Джоном Торнтоном в любых обстоятельствах. Пытаться поступать правильно и совершать грубые ошибки, а затем стараться быть храбрым, чтобы все заново исправить. Но это трудно, мама. Я так много работал и планировал. Я слишком поздно нашел новые возможности в моей ситуации, а теперь все кончено. Я слишком стар, чтобы начать все заново, как прежде. Это тяжело, мама.

Он отвернулся от нее и закрыл лицо руками.

- Я не могу думать, — сказала она с мрачной безучастностью в голосе, — о том, что произойдет. Вот мой мальчик — хороший сын, справедливый человек с нежным сердцем — и он терпит неудачу во всем, к чему стремится: он полюбил женщину, а ее мало заботит его чувство, словно он самый обычный человек; он трудится, а его труд не приносит успеха. Другие процветают и обогащаются, и их жалкие имена не задевают тень стыда.

- Стыд никогда не касался меня, — тихо ответил он, но она продолжила:

- Порой я удивлялась, куда девалась справедливость, а теперь я даже не верю, что она есть в этом мире, теперь и ты это узнал. Ты, мой родной Джон Торнтон, хотя мы с тобой можем стать нищими... мой дорогой сын!

Она обняла его и поцеловала сквозь слезы.

- Мама! — сказал он, нежно обнимая ее, — кто определил мою судьбу?

Она покачала головой. С этих пор она не станет обращаться к религии.

- Мама, — продолжил он, поняв, что она не ответит, — я тоже был непокорным, но я стараюсь больше таким не быть. Помогите мне, как вы помогали, когда я был ребенком. Тогда вы говорили много хороших слов... когда мой отец умер, и мы жили без удобств, которых теперь мы будем лишены навсегда. Тогда вы произносили смелые, благородные, искренние слова, мама, которые я никогда не забывал, хотя, возможно, они были обманом. Поговори опять со мной, как прежде, мама. Не позволяй нам думать, что мир слишком ожесточил наши сердца. Если бы вы снова повторили те хорошие слова, я бы с детской наивностью вновь доверился Богу. Я бы произнес их сам для себя, но из твоих уст они звучат иначе, если вспомнить все заботы и испытания, которые тебе пришлось вынести.

- Я вынесла много испытаний, — ответила миссис Торнтон, рыдая, — но ни одно из них не было таким жестоким. Видеть, как тебя лишили места, которое принадлежит тебе по праву! Я могла бы сказать эти слова себе, но не тебе, Джон. Не тебе! Бог посчитал нужным быть очень жестоким к тебе, очень жестоким.

Миссис Торнтон сотрясалась от судорожных рыданий. В конце концов, воцарившаяся тишина поразила ее, и она затихла, прислушиваясь. Ни звука. Она огляделась. Ее сын сидел за столом, сложив руки на столе и низко склонив голову.

- О, Джон! — воскликнула миссис Торнтон и приподняла его голову. На его лице застыло такое холодное, бледное уныние, что на мгновение ей показалось, что это выражение — предвестник смерти. Но как только жесткие черты его лица разгладились, лицо приобрело естественный цвет и она увидела, что он снова пришел в себя, все мирские огорчения превратились в ничто перед осознанием великого благословения, что он просто находится рядом с ней. Она возблагодарила Бога за это и только за это с таким рвением, которое рассеяло все мятежные чувства из ее души.

Ему не хотелось говорить. Но он подошел к окну и распахнул ставни, впусив красноватый свет заката в комнату. Но ветер дул с востока. Погода вот уже несколько недель стояла пронизывающе холодная. В этом году не будет спроса на легкие летние товары. Не стоит надеяться на возрождение торговли.

Разговор с матерью послужил для мистера Торнтон большим утешением, он убедился, что как бы впредь они ни умалчивали обо всех тревогах, все же они понимают чувства друг друга и живут, если не в гармонии, то по крайней мере не в разногласии друг с другом. Муж Фанни рассердился на Торнтон из-за его отказа поучаствовать в спекуляции и, хотя был в состоянии, отказался помочь ему наличными, которые в действительности были нужны спекулянту для своих собственных рискованных предприятий.

В конце концов мистеру Торнтону оставалось сделать только то, чего он опасался уже много недель. Ему пришлось оставить дело, которым он так долго занимался, добившись большого уважения и успеха, и подыскивать должность подчиненного. Фабрика Мальборо и смежный с нею дом были в долгосрочной аренде. Их, должно быть, снова сдадут в аренду. Мистеру Торнтону незамедлительно предложили выбрать должность. Мистер Хэмпер был бы только рад заполучить его, надежного и опытного, в партнеры к своему сыну, для которого он открывал дело с большим капиталом в соседнем городе. Но молодой человек был недостаточно сведущ в коммерции и совершенно безграмотен в том, что касалось любых других обязанностей, кроме получения денег, и был жесток и в удовольствиях, и в страданиях. Мистер Торнтон отказался разделить партнерство, которое нарушило бы некоторые его планы, пережившие утрату состояния. Он бы скорее согласился стать только управляющим, обладающим определенной властью и не имеющим отношения к деньгам, чем связался бы с тираническими наклонностями богатого партнера, с которым он бы поссорился через несколько месяцев.

Поэтому он ждал и выдержал с полным смирением новости с биржи об огромном богатстве, которое его зять получил от смелой спекуляции. В течение нескольких дней об этом только и говорили. Успех принес с собой непомерное восхищение. Никто не был таким мудрым и дальновидным, как мистер Уотсон.

«Держись, храбрец! Сильны мы будем и спокойны,
Владея взглядами и языком достойно,
Не дай предательскому чувству овладеть тобой,
Она всегда была, и есть, и будет дорогой».
Игра в рифмы

Стоял жаркий летний вечер. Эдит дважды заходила в спальню Маргарет: сначала в домашнем платье, а потом уже одетая к обеду. В первый раз в комнате никого не оказалось. Во второй раз Эдит застала там Диксон, которая раскладывала платье Маргарет на кровати, но самой Маргарет не было. Эдит пребывала в нетерпении:

- О, Диксон! Только не эти ужасные голубые цветы к этому матово-золотистому платью. Что за вкус!

Подожди минуту, я принесу тебе несколько цветков граната.

- Это не матово-золотистый цвет, мэм. Это соломенный цвет. И голубой всегда подходит к соломенному цвету.

Но Эдит принесла яркие, алые цветы прежде, чем Диксон успела ей что-то возразить.

- Где мисс Хейл? — спросила Эдит, примерив украшение. — Не представляю, — продолжила она раздраженно, — как моя тетя разрешала ей бродить по Милтону! Я всегда боюсь услышать, что в этих ужасных местах, которые Маргарет выискивает, она столкнулась с чем-то ужасным. Я бы никогда не осмелилась гулять по этим улицам без слуги. Они не годятся для леди.

Диксон все еще была обижена на то, что пренебрегли ее вкусом, поэтому ответила довольно резко:

- По-моему, неудивительно, когда я слышу, как много дамы говорят о настоящих леди... когда они сами такие робкие, хрупкие и утонченные... я говорю, по-моему, неудивительно, что больше на земле нет святых...

- О, Маргарет, вот и ты! Я так тебя ждала. Но как твои щеки покраснелись от жары, бедное дитя! Только представь, что сделал этот скучный Генри. Он преступил все границы. Как раз когда мой вечер был так прекрасно подготовлен — именно для мистера Колтхерста — пришел Генри с извинениями, это правда, и, воспользовавшись твоим именем для отговорки, спросил меня, может ли он привести того мистера Торнтон из Милтона — твоего подрядчика, ты знаешь — который сейчас находится в Лондоне по каким-то юридическим вопросам. Это нарушит количество гостей.

- Я откажусь от обеда. Я не хочу обедать, — сказала Маргарет тихо. — Диксон может принести мне чашку чая сюда, и я приду в гостиную к тому времени, как ты подойдешь. Я, в самом деле, буду рада прилечь.

- Нет, нет! Так не пойдет. Ты, и, правда, выглядишь ужасно бледной, но это просто из-за жары, и мы не можем обойтись без тебя. (Те цветы немного ниже, Диксон. Они ярко пламенеют в твоих черных волосах, Маргарет.) Ты знаешь, мы рассчитывали, что ты побеседуешь о Милтоне с мистером Колтхерстом. О! Конечно! И этот человек приехал из Милтона. Думаю, в конце концов, это будет превосходно. Мистер Колтхерст сможет расспросить его по всем интересующим вопросам, и будет забавно услышать твои впечатления и познания этого мистера Торнтон в следующей речи мистера Колтхерста в Палате. Я, в самом деле, считаю, что это удачная идея Генри. Я спросила его, будет ли стыдно за этого человека. И он ответил: «Нет, если у тебя есть здравый смысл, дорогая сестра». Поэтому, полагаю, он может говорить со своим акцентом, который является не совсем обычным даркширским талантом, да, Маргарет?

- Мистер Леннокс не сказал, почему мистер Торнтон приехал в Лондон? Его юридические вопросы связаны с собственностью? — голос Маргарет звучал неестественно.

- О! Он обанкротился или что-то в этом роде, Генри рассказывал тебе в тот день, когда у тебя болела голова... что же это было? (Вот, это превосходно, Диксон. Мисс Хейл оказывает нам честь, разве нет?) Мне бы хотелось быть такой же величественной, как королева, и такой же смуглой, как цыганка, Маргарет.

- Но что мистер Торнтон?

- О, я плохо разбираюсь в юридических вопросах. Генри ничего так не желает, как самому рассказать тебе об этом. У меня создалось впечатление, что мистер Торнтон разорен, но он заслуживает уважения, и я должна быть вежлива с ним. И так как я не знаю, как себя вести, я пришла к тебе за помощью. А теперь спускайся со мной и отдохни на диване четверть часа.

Пользуясь своей привилегией родственника, мистер Леннокс пришел рано, и Маргарет, краснея, начала расспрашивать его о том, что ей хотелось узнать о мистере Торнтоне.

- Я думаю, он приехал по вопросу о передаче в аренду собственности — фабрики Мальборо, дома и прилегающих построек. Он не в состоянии продлить аренду. Нужно просмотреть документы об аренде и

составить соглашения. Я надеюсь, Эдит примет его должным образом. Но, как я понял, ее сильно огорчила бесцеремонность, с которой я осмелился попросить приглашение для него. Но я подумал, что вам бы хотелось оказать ему внимание: любой порядочный человек оказал бы уважение человеку, который выносит неудачу с редким терпением, — мистер Леннокс понизил голос. Но, закончив, он поднялся и представил мистера Торнтон, вошедшего в этот момент в комнату, Эдит и капитану Ленноксу.

Маргарет с тревогой смотрела на мистера Торнтон, пока он был занят. Прошло уже больше года с тех пор, как она видела его в последний раз, и произошедшие события сильно изменили его за это время. Он по-прежнему выделялся своей прекрасной фигурой и безупречным внешним видом среди других мужчин, двигался непринужденно и естественно. Но время и заботы не прошли для него бесследно. Благородное спокойствие, написанное на его лице, чувство врожденного достоинства и мужественная сила впечатляли всех, кто узнавал о его затруднительном положении. Войдя в комнату, мистер Торнтон с первого взгляда понял, что Маргарет там. Он заметил, как внимательно она слушала мистера Генри Леннокса. И подошел к ней, держась со спокойствием старого друга. С первых его слов ее щеки загорелись румянцем, который не сходил с них весь вечер. Казалось, ей нечего сказать ему. Она разочаровала мистера Торнтон тем спокойствием, с которым расспрашивала его о старых знакомых из Милтона, задавая вопросы, которых требовали приличия. Но вошли остальные — более близкие друзья дома, чем он, — и он отступил на задний план, время от времени разговаривая с мистером Ленноксом.

- Вам не кажется, что мисс Хейл выглядит хорошо, — спросил мистер Леннокс, — разве нет? Думаю, Милтон не пошел ей на пользу. Когда она впервые приехала в Лондон, я подумал, что никогда не видел, чтобы кто-то так изменился. Сегодня она выглядит блестяще. Но она стала намного сильнее. Прошлой осенью она уставала от прогулки в пару миль. А в пятницу вечером мы прогулялись в Хэмпстэд и обратно. И в субботу она выглядела так же хорошо, как сейчас.

«Мы!?» Кто? Они вдвоем?»

Мистер Колтхерст был очень умным человеком и влиятельным членом Парламента. Он хорошо разбирался в характерах людей и был поражен суждением, которое мистер Торнтон произнес за обедом. Он спросил у Эдит, кто был этот джентльмен, и к своему удивлению по тону его восклицания «В самом деле!» она поняла, что имя мистера Торнтон из Милтона было не так уж незнакомо ему, как она предполагала. Ее обед проходил гладко. Генри был в хорошем настроении, замечательно проявляя свое бесстрастное, язвительное остроумие. Мистер Торнтон и мистер Колтхерст нашли одну или две обоюдно интересные темы, которые лишь затронули, оставив их для более личного послеобеденного разговора. Маргарет прекрасно выглядела в украшении из цветков граната. И если она сидела, откинувшись на спинку стула, и мало разговаривала, Эдит не беспокоилась — разговор тек плавно и без ее вмешательства. Маргарет наблюдала за лицом мистера Торнтон. Он не смотрел в ее сторону, поэтому она могла незаметно наблюдать за ним, отмечая изменения, которые произошли в нем даже за это короткое время. Только при самой неожиданной остроте мистера Леннокса на его лице вспыхивало прежнее выражение истинного удовольствия: в глазах появлялся веселый блеск, губы расплывались в великолепной улыбке, и на мгновение его взгляд неосознанно обращался к ней, как будто он ждал от нее понимания. Но когда их взгляды встречались, выражение его лица менялось. Оно снова становилось серьезным и озабоченным, и мистер Торнтон решительно избегал даже смотреть в ее сторону за обедом.

Кроме членов семьи за обедом присутствовали еще две леди, и когда они, вместе с ее тетей и Эдит, поднялись в гостиную, Маргарет с неохотой взялась за рукоделие. Спустя некоторое время вошли джентльмены, мистер Колтхерст и мистер Торнтон были заняты разговором. Мистер Леннокс подошел к Маргарет и тихо произнес:

- Я действительно думаю, что Эдит обязана поблагодарить меня за мой вклад в ее вечер. Вы не представляете, какой приятный, рассудительный человек ваш подрядчик. Он оказался именно тем человеком, который предоставил Колтхерсту все сведения, которые тот хотел получить. Я не представляю, как он умудрился не справиться со своими делами.

- С его силами и возможностями вы бы преуспели, — ответила Маргарет. Мистеру Ленноксу совсем не понравился тон, которым она ответила, хотя сами слова пришлись ему по душе. Так как он молчал, до них долетел отголосок разговора, который вели у камина мистер Колтхерст и мистер Торнтон.

- Уверяю вас, я слышал, об этом говорили с большим интересом... я бы даже сказал? с любопытством. Я слышал, как ваше имя часто упоминалось во время моего короткого пребывания по соседству...

Следующие несколько слов слушатели пропустили, а потом услышали, как мистер Торнтон ответил:

- Во мне нет ничего особенного... Если обо мне говорят подобным образом, то они ошибаются. Я не спеша

принимаюсь за новые проекты и считаю, неловко позволять себе быть известным даже среди тех людей, которых я желаю знать, и с которыми я бы не скрытничал. Тем не менее, несмотря на все эти препятствия, я понимал, что я на правильном пути, и что, начав дружить с одним, я знакомлюсь со многими другими. Преимущества были взаимными: мы и осознанно, и неосознанно учили друг друга.

- Вы сказали «учили». Я надеюсь, вы намерены продолжать тот же курс?

- Я должен остановить Колтхерста, — поспешно сказал мистер Леннокс. И неожиданным, но все же уместным вопросом он повернул русло разговора, не дав мистеру Торнтону испытать унижение из-за неудач и последовавшего за ними разорения. Но как только вновь возникшая тема разговора исчерпала себя, мистер Торнтон возобновил разговор с того места, с которого его прервали, и ответил мистеру Колтхерсту на его вопрос.

- Я был неудачлив в делах, и мне пришлось оставить свою должность хозяина. В Милтоне я ищу такое место, где мог бы работать под руководством человека, который позволил бы мне самому решать подобные вопросы. Не имея теорий, которые я бы поспешно воплотил в практику, я могу рассчитывать только на себя. Мое единственное желание — иметь возможность наладить общение с рабочими, не касаясь «денежных отношений». Но, возможно, эту самую точку искал Архимед, чтобы сдвинуть землю, и это та самая точка, чтобы судить о важности, которую придают таким отношениям некоторые наши промышленники, качая головой и мрачняя, как только я упоминаю один или два эксперимента, которые бы мне хотелось попробовать.

- Я заметил, вы называете их «экспериментами», — сказал мистер Колтхерст, искусно добавляя уважения в голосе.

- Потому что полагаю, так и есть. Я не уверен в последствиях, к которым они приведут. Но я уверен, что их нужно опробовать. Я пришел к убеждению, что никакие общественные институты, какими бы мудрыми они ни были, и сколько бы внимания не требовалось для их организации и устройства, не могут соединить класс с классом, как должно. Помочь может только личный контакт отдельных представителей разных классов. Такое общение — истинное дыхание жизни. Рабочий человек едва ли создан для того, чтобы понимать и знать, сколько его наниматель трудится в своем кабинете над планами получения выгоды от своих рабочих. Грамотный план появляется как деталь механизма, которая подойдет при любой неожиданности. Но рабочие принимают его так же, как машины, не понимая глубокой работы ума и предусмотрительности, что доводит его до совершенства. Но я бы воспользовался идеей, которая повлекла бы за собой необходимое личное общение. Поначалу не все пошло бы хорошо, но с каждым рывком все больше людей проявляли бы интерес, и, наконец, все стали бы желать успеха в работе, и все бы приняли участие в составлении плана. И даже тогда, я уверен, эта идея потеряет свою жизнеспособность, перестав существовать, как только ее перестанет поддерживать тот всеобщий интерес, который неизменно заставляет людей находить средства и пути к пониманию друг друга, знакомиться с характерами и личностями друг друга, и даже с особенностями нрава и особенностями речи. Мы бы понимали друг друга лучше, и я осмелюсь сказать, мы бы больше понравились друг другу.

- И вы думаете, они могут предотвратить повторение забастовок?

- Вовсе нет. Только я в своих надеждах захожу слишком далеко... что они могут ответить забастовкой не из-за горькой, ядовитой ненависти, как это было до сих пор. Более оптимистичный человек мог бы вообразить, что более близкое и более доброжелательное общение между классами могло бы положить конец забастовкам. Но я не оптимист.

Внезапно, как будто новая мысль поразила его, он прошел туда, где сидела Маргарет и начал говорить без предисловия, словно знал, что она слушала все то, что он говорил:

- Мисс Хейл, у меня есть документ с подписями моих рабочих... я подозреваю, написанный Хиггинсом... которые подтверждают свое желание работать на меня, если я только снова окажусь в праве нанимать рабочих от своего имени. Это хорошо, не правда ли?

- Да, просто замечательно. Я рада этому, — ответила Маргарет, посмотрев на него выразительным взглядом, а затем потупила взор под его красноречивым взглядом. Он мгновение смотрел на нее, как будто точно не знал, что ответить. Потом вздохнул и, сказав:

- Я знал, что вам понравится, — повернулся и больше не заговаривал с ней до тех пор, пока не пришло время для официального прощания.

Когда мистер Леннокс уже собрался уйти, Маргарет сказала с волнением, которое она не смогла подавить, и с какой-то нерешительностью:

- Могу я поговорить с вами завтра? Мне нужна ваша помощь... в одном вопросе.

- Конечно. Я приду в любое, удобное для вас время. Вы не доставите мне большего удовольствия, если

воспользуетесь моей помощью. В одиннадцать? Очень хорошо.

Его глаза светились ликованием. Как она училась полагаться на него! Казалось, что теперь любой день может придать ему уверенности, без которой он бы не решился снова сделать ей предложение.

Глава LI

«Тучи рассеялись»[62]

«Ради радости иль горя, ради страха иль надежды,
Ради дня грядущего или настоящего,
В мире иль в борьбе, в бурю или в солнце».
Неизвестный автор

На следующее утро Эдит ходила на цыпочках и сдерживала громкие восклицания Шолто, словно любой неосторожный шум мог помешать беседе в гостиной. Уже пробило два часа, а двери были все еще закрыты. Вскоре на лестнице послышались мужские шаги, и Эдит выглянула из комнаты.

- Ну что, Генри? — спросила она, в недоумении глядя на него.

- Хорошо! — довольно коротко ответил он.

- Приходите обедать!

- Нет, спасибо, я не могу. Я уже потерял слишком много времени.

- Значит, еще не все решено, — уныло произнесла Эдит.

- Нет! Все нет. Это никогда не будет решено, если «это» то, что, вы имеете в виду. Этого никогда не будет, Эдит, поэтому перестаньте об этом думать.

- Но для нас всех это было бы прекрасно, — умоляла Эдит. — Я всегда была бы спокойна за детей, если бы Маргарет поселилась рядом со мной. К тому же, я боюсь, что она уедет в Кадис.

- Я постараюсь, когда буду жениться, подыскать девушку, которая бы знала, как управляться с детьми. Это все, что я могу сделать. Мисс Хейл никогда не полюбит меня. И я не стану ее просить.

- Ну, тогда о чем вы разговаривали?

- О тысяче вещей, которых вы не поймете: инвестициях, аренде, ценности земли.

- О, уходите, раз так. Вы с ней станете невыносимо глупыми, если будете все время разговаривать о таких утомительных вещах.

- Очень хорошо. Я снова приду завтра и приведу с собой мистера Торнтон, чтобы еще раз поговорить с мисс Хейл.

- Мистера Торнтон?! А какое отношение он имеет к этому?

- Он — подрядчик мисс Хейл, — ответил мистер Леннокс, отворачиваясь. — И он желает прервать аренду.

- Что ж! Очень хорошо. Я не понимаю подробностей, поэтому не объясняйте мне.

- Я хочу, чтобы вы поняли одну вещь — позвольте нам занять дальнюю гостиную, чтобы нам никто не мешал, как это было сегодня. Дети и слуги постоянно входят и выходят, и я не могу спокойно разьяснять дела. А вопросы, которые мы наметили на завтра, очень важны.

Никто не знал, почему мистер Леннокс не пришел на условленную встречу на следующий день. Мистер Торнтон пришел точно вовремя и, заставив его прождать почти час, Маргарет вошла в комнату, бледная и взволнованная.

Она поспешно заговорила:

- Мне очень жаль, что здесь нет мистера Леннокса... он мог бы объяснить все лучше, чем я. Он — мой советник в этом...

- Простите, что пришел, если это доставляет вам беспокойство. Мне пойти в контору мистера Леннокса и найти его?

- Нет, благодарю. Я хотела сказать вам, как мне было больно потерять вас, как подрядчика. Но мистер Леннокс говорит, что все наладится...

- Мистеру Ленноксу мало об этом известно, — тихо ответил мистер Торнтон. — Счастливого и удачливого

во всем человека это мало заботит, он не понимает, каково это осознавать, что ты больше не молод... но оказался на той самой отправной точке, которая требует надежд и энергии молодости... чувствовать, что прошла половина жизни, и ничего не сделано... ничего не осталось, кроме горьких воспоминаний о том, что было. Мисс Хейл, мне бы лучше не слышать мнение мистера Леннокса о моих делах. Те, кто счастлив и удачлив, небрежно относятся к неудачам других.

- Вы несправедливы, — мягко возразила Маргарет. — Мистер Леннокс говорил только о возможности все вернуть... вернуть больше, чем вы потеряли... не говорите, пока я не закончу... пожалуйста, не перебивайте! — и снова взяв себя в руки, она дрожащими пальцами перебирала какие-то юридические документы и выписки счетов. — О! Вот оно! И... он составил мне предложение... мне бы хотелось, чтобы он сам объяснил... если вы возьмете мои деньги, восемнадцать тысяч пятьдесят семь фунтов, которые лежат сейчас в банке и приносят мне только два с половиной процента... вы смогли бы принести мне больший процент и могли бы снова запустить фабрику Мальборо.

Ее голос стал отчетливым и уверенным. Мистер Торнтон молчал, а она продолжала просматривать документы. Ей хотелось, чтобы ее слова прозвучали как обычное деловое предложение, от которого она сама получала бы основную выгоду. Пока она просматривала этот документ, ее сердце замерло от тона, которым заговорил мистер Торнтон. Его голос был хриплым, и дрожал от нежности, когда он произнес:

- Маргарет!

Мгновение она смотрела на него, а потом спрятала глаза, закрыв лицо руками. Подойдя ближе, он снова трепетно и настойчиво позвал по имени:

- Маргарет!

Она еще ниже наклонила голову, надежно спрятав лицо в ладонях, почти опираясь о стол. Мистер Торнтон подошел к ней поближе. Он опустился возле нее на колени, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с ее ухом, и на одном дыхании прошептал:

- Берегись... Если ты не ответишь, я предъявлю на тебя свои права самым дерзким образом... Отошли меня сразу, если я должен уйти... Маргарет!..

На третий раз она повернулась к нему, все еще пряча лицо в маленьких белых ладонях, и положила голову ему на плечо, прячась даже там. Для него было так восхитительно ощущать ее нежную щеку своей щекой, он жаждал увидеть ее глубокий румянец и любящие глаза. Он крепко прижал ее к себе. Но они оба молчали. Наконец, она прерывисто пробормотала:

- О, мистер Торнтон, я недостойна!

- Недостойна! Не смейся, это я тебя не достоин.

Спустя минуту или две он нежно отвел ее руки от лица и положил их себе на плечи так, как когда-то сделала она, защищая его от бунтовщиков.

- Ты помнишь, любимая? — пробормотал он. — Как я дерзостью отплатил тебе на следующий день?

- Я помню лишь, как я несправедливо говорила с тобой...

- Посмотри! Подними голову. Я что-то тебе покажу!

Она медленно посмотрела на него, пылая от прекрасного смущения.

- Ты узнаешь эти розы? — спросил он, доставая свою записную книжку, в которой хранил несколько увядших цветков.

- Нет! — ответила она с наивным любопытством. — Я их тебе подарила?

- Нет! Ты не дарила. Но возможно, ты срывала сестер этих роз.

Маргарет смотрела на них минуту, размышляя, затем, чуть улыбнувшись, сказала:

- Они из Хелстона, верно? Я узнаю глубокие выемки на их лепестках. О! Ты там был?! Когда ты там был?

- Я хотел увидеть место, где выросла Маргарет, став такой, как сейчас, даже в самые худшие времена, когда у меня не было надежды когда-нибудь назвать ее своей. Я поехал туда, вернувшись из Гавра.

- Ты должен мне их отдать, — сказала она, пытаясь забрать их из его руки с мягкой настойчивостью.

- Хорошо. Только ты должна заплатить мне за них!..

- Как я расскажу тете Шоу? — прошептала она спустя несколько мгновений восхитительной тишины.

- Позволь мне поговорить с ней.

- О, нет! Я должна сама сказать ей... но что она скажет?

- Могу предположить. Ее первым восклицанием будет: «Этот мужчина!»

- Тише! — сказала Маргарет. — Или я покажу тебе, как возмутится твоя мать и скажет: «Эта женщина!»

(1855 г.)

КРЭНФОРД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советские читатели знают Элизабет Гаскелл главным образом как автора «Мэри Бартон» (1848), ее первого романа, в котором отразились трагические испытания английского трудового народа в «голодные сороковые годы», его отчаянная, но обреченная на поражение борьба за политическую «хартию» и первые попытки объединения для защиты своих социальных прав. Эта книга, рассказывающая о безмерных страданиях и великом гневе, проникнута мрачным пафосом. Сама Гаскелл считала, что только гений Данте мог бы воздать должное избранной ею теме. Ее «манчестерская история», по словам писательницы, была задумана как «трагическая поэма». Престарелая романистка Мария Эджворт, друг и предшественница Вальтера Скотта, прочитав «Мэри Бартон», писала, что Ситуация этого романа годилась бы «для высочайшей греческой трагедии».

«Мэри Бартон» вызвала бурю полемики и доставила писательнице много врагов и друзей (среди тех, кто приветствовал этот роман, были Карлейль, Лэндор, Диккенс) и положила начало английскому социальному роману на «рабочую» тему. Гаскелл на целый год опередила «Шерли» (1849) Шарлотты Бронте и на два года «Олтона Локка» (1850) Кингсли; есть основания думать, что ее роман мог натолкнуть Диккенса на мысль о создании «Тяжелых времен» (1854). Русских читателей впервые познакомил с этим романом Ф. М. Достоевский, поместивший перевод «Мэри Бартон» в негласно руководимом им журнале «Время». Выбор этот примечателен: в социально-этической проблематике романа занимает значительное место тема «преступления» и «наказания» — (убийство Карсона, совершенное Джоном Бартоном и позднее «покаяние» и «просветление» убийцы), столь важная для творчества Достоевского.

«Крэнфорд» (1853) был написан в совершенно другой тональности, хотя, как и «Мэри Бартон», был основан на лично пережитых впечатлениях Гаскелл. В своих письмах она не раз ссылалась на «подлинность» многих забавных происшествий, описанных в этой повести. «Там все правда, ведь я сама видела корову, одетую в серую фланелевую кофту, — и я знаю кошку, которая проглотила кружево...» — писала она Рескину. Эти столь несхожие, хотя и внутренне родственные друг другу книги обозначают два противоположных полюса, между которыми, по ее собственному выражению, «вибрировала» всю свою жизнь Элизабет Гаскелл.

«Я выросла в маленьком городке, а теперь мне выпало на долю жить на окраине большого фабричного города; но с наступлением первых весенних дней, когда распускающаяся листва и сладостные запахи земли говорят мне, что «близится лето», во мне пробуждается инстинктивное беспокойство, меня тянет туда, где раскинулись безлюдные просторы, поросшие сочной травой. Так птица, разбуженная сменой времен года, устремляет свой полет к хорошо знакомой, хотя, казалось, позабытой стороне. Но я не птица, а женщина, меня привязывают к дому семейные обязанности, а так как к тому же я не обладаю крыльями голубки, а должна путешествовать в дилижансе и расплачиваться с кучером, то мне приходится оставаться дома», — писала Гаскелл друзьям.

В «Крэнфорде» отразилась эта ностальгия по далекой и близкой стране ее детства и юности, никогда не покидавшая Гаскелл на протяжении тридцати трех лет, прожитых ею в «раскаленном, страшном, дымном, гнусном Вавилоне Великом», каким казался ей промышленный Манчестер. «Всякий раз, когда мне неможется или я больна, я перечитываю «Крэнфорд» и — я хотела было сказать, наслаждаюсь им (но мне это говорить неловко), — и снова смеюсь над ним!» — писала Гаскелл Джону Рескину в феврале 1865 года, за полгода до смерти. В своем роде это была книга, написанная «в поисках утраченного времени».

Элизабет Гаскелл (1810–1865) родилась в Лондоне, где ее отец служил в казначействе. Рано лишившись матери, она годовалой девочкой была передана на попечение тетки и выросла в ее доме в маленьком захолустном городке Натсфорд, в графстве Чешир, славившемся своими лугами, молочным хозяйством (и, в

частности, знаменитым чеширским сыром). Гаскелл не скрывала того, что именно Натсфорд послужил прототипом ее Крэнфорда — такого же старосветского городка, затерянного среди лугов и полей сельской «зеленой Англии». Все здесь в те времена дышало стариной. Правда, воинственные смысловые ассоциации, скрытые в названии Натсфорда (Knutsford буквально означает: «Канутов брод» или «Канутова переправа»), позволяющие относить его возникновение ко временам вторжения датчан, были давно приглушены временем. Но городок гордился своим рынком, возникшим, по преданию, еще в XIII веке, своими старинными домами с островерхими крышами и тяжелыми дубовыми балками, выступающими в кладке стен, и более поздними, но также уже старомодными красными кирпичными домами начала XVIII века, в стиле «королевы Анны» (в таком доме росла будущая писательница), чинно распланированными садами и прапрадедовской добротной и прочной домашней утварью.

Дочь Теккерея, писательница Анна Теккерей-Ритчи, посетившая Натсфорд уже после смерти Гаскелл, воспроизвела в своем предисловии к «Крэнфорду» патриархальную атмосферу этого городка, где сохранились и гостиница «Георг», описанная в «Крэнфорде», и узенькие средневековые улочки и тупики, и куагнца в зеленой ложине на окраине города, более двухсот лет переходившая из рода в род, от отца к сыну, а рядом с нею — старая мельница под сенью высоких деревьев.

Гаскелл с любовью вспоминала старые поэтические чеширские народные обычаи и поверья, с которыми она сроднилась с детства. В день свадьбы земля или мостовая перед домом жениха и невесты посыпалась красным песком, поверх которого белым песком через воронку выводились затейливые узоры, цветочный орнамент, иногда даже поздравительные стихи (так было, вспоминала Гаскелл, в день ее собственной свадьбы, когда были разукрашены почти все дома города). На рождество детвора обходила дома, распевая под окнами старинные святочные песни. Утром первого мая, на рассвете, у каждой двери вывешивалась ветка дерева или пучок зелени. «Это был своего рода «язык деревьев», так как эти ветви характеризовали нрав главной обитательницы дома, — поясняет Гаскелл. — Ветка березы означала хорошенькую девушку; ветка ольхи — сварливую бабу; ветка дуба — почтенную женщину». Но пучок крапивы или дрока, вывешенный насмешниками у дверей девушки, мог навсегда ее обесславить. Чеширские служанки, сверстницы будущей писательницы, верили в приворотное зелье — «драконову кровь»; они знали, что, увидев в первый раз молодой месяц, надо сделать ему книксен и перевернуть в кармане деньги — тогда их станет вдвое больше до того, как луна пойдет на ущерб.

Гаскелл признавалась, что и сама продолжает верить в некоторые приметы. «Увидеть падучую звезду — к несчастью... У меня всегда замирает сердце, когда я ее вижу». Она знает также, как коварен шиповник: никогда не следует строить планы или делиться своими замыслами, сидя под сенью цветущего шиповника: ничто из задуманного не сбудется! Она уверяет свою корреспондентку, что лично знакома с человеком, который собственными глазами видел фей. «А если бы мы с вами добывали на холме Олдерли-Эдж, на границе между Чеширом и Дербиширом, я могла бы точно указать вам вход в пещеру, где спит в золотой броне король Артур со своими рыцарями, пока не придет день, когда Англия будет в опасности и они встанут ей на помощь».

В быте и нравах обывателей Натсфорда — отставных чиновников, вдов и старых дев, доживающих свой век на скромную ренту, — было весьма мало героического. Но при всей мизерности их интересов и мелочности наивного этикета, старательно соблюдаемого этими представителями захолустной провинциальной «элиты», их невинные претензии и маленькие чудачества были не лишены своей привлекательности: забавное простодушие их старомодного жизненного уклада, столь непохожего на деловой практицизм самоуверенных манчестерских буржуа, с его критериями пользы и чистогана, могло вызвать у пристального наблюдателя не только усмешку, но и сочувственное раздумье.

Став женой Уильяма Гаскелла, священника унитарийской церкви в Манчестере, Элизабет, казалось, навсегда распростилась со старосветской патриархальной «зеленой Англией» своего детства и юности. Всего шестнадцать миль расстояния да река Мерси — естественная граница между сельскохозяйственным Чеширом и промышленным Ланкаширом — отделяли ее от родного Натсфорда. Но дистанция измерялась не милями, а ходом истории. Манчестер, центр английской текстильной промышленности, был одним из аванпостов британского капитализма, оплотом буржуазного либерализма, по-своему ничуть не менее твердолобого, чем торийский консерватизм, колыбелью ханжеской «манчестерской школы» буржуазной политической экономии, ратовавшей за ничем не ограниченную свободу эксплуатации труда.[63] Буржуазное религиозное и моральное ханжество царило здесь, самодовольно «объясняя» страдания массы неимущих тружеников и безработных «волей господней» или «порочными склонностями» бедняков. Состоятельные прихожане мистера Гаскелла, унитарии-диссиденты гордились своим свободомыслием в толковании некоторых богословских догматов (они, в частности, отрицали существование святой троицы и не считали богом Иисуса Христа); но их социальные

воззрения отличались таким же ханжеством. Пылкий интерес молодой жены их священнослужителя к самым наболевшим и «неприятным» общественным проблемам того времени казался им достойным сурового демонстративного осуждения. Как при жизни, так и посмертно Элизабет Гаскелл громогласно обвиняли в том, что она «упорно и предвзято хочет оправдать несправедливое»: под «несправедливым», с точки зрения буржуазной морали, подразумевалось и народное возмущение классовым неравенством, и стремление женщин к равноправию, и обличение власти чистогана.

После выхода ее второго романа, «Руфь» (1853), драматической истории девушки-работницы, оболыщенной светским фатом, но сохраняющей, наперекор «общественному мнению», благородство и силу духа, Гаскелл пришлось, как она писала золовке, «распроститься со всеми своими уважаемыми друзьями»; она стала предметом стольких нападок, что сравнивала себя со «святым Себастьяном, привязанным к дереву как мишень для стрел». Даже в ее собственном доме эта книга была под запретом для ее взрослых дочерей; двое из прихожан ее мужа сожгли ее роман; третий запретил жене читать его. «Мы сидим с ними рядом в церкви, и вы не можете себе представить, какой «неприличной» я чувствую себя под их взглядами», — писала Гаскелл.

Ее глубокой, чуткой, богато одаренной натуре было тесно в стенах, пасторского дома и среди манчестерских коммерсантов и дельцов, составлявших наиболее влиятельную часть прихожан ее мужа. Гаскелл приходилось встречаться и с людьми иной породы и закалки — с манчестерскими рабочими; в «Мэри Бартон» и в позднейшем романе «Север и Юг» (1855) она отдала должное их независимому уму и твердому характеру. Но ее попытки вмешаться в их «тяжкую жизнь» не могли быть плодотворны: скромная частная филантропия, как бы самоотверженно (что видно по ее письмам) ни занималась ею Гаскелл, не могла существенно изменить положения рабочих и перебросить мост между «двумя нациями», на которые была расколота Англия.

Гаскелл добросовестно исполняла свои обязанности, даже когда они входили в противоречие с ее творческими интересами. Сообщения о ходе работы над новой книгой переплетаются в ее письмах с досадливыми упоминаниями о хозяйственных хлопотах: о коровнике и птичьем дворе (Гаскеллы и в Манчестере держали корову, свиней и домашнюю птицу), о кройке белья для четырех дочек, о расчетах с прислугой, о ремонте канализации. Иной» раз она с явным раздражением пишет об этих «каждодневных лилипутских стрелах мелочных забот», от которых пытается уйти в «тайный мир искусства». В других случаях ее письма проникнуты чувством глубочайшей усталости. Характерно одно из писем к издателю, написанное за полгода до смерти, когда она работала над своим последним романом — «Жены и дочери» (1865), который ей не суждено было окончить: «Дорогой мистер Смит, написано, кажется, около 870 стр., ...но трудно определить. Роман мог бы быть и длиннее, мне есть еще что сказать; но, ах! Я так устала, вытягивая пряжу из моего мозга, а чувствую себя совсем не хорошо. Впрочем, что мой мозг по сравнению с вашим!.. Я ненавижу интеллект, и литературу, и изящные искусства, и математику! Я начинаю думать, что на том свете святой Петр запретит все книги и газеты; а все развлечения будут состоять только в том, чтобы кататься в коляске в Харроу и вечно лакомиться земляничкой со сливками».

В последние годы жизни она лелеяла план вырваться из Манчестера, обзавестись загородным домиком где-нибудь на приволье, в одном из еще не тронутых уголков старой «зеленой Англии». После многих хлопот и волнений, — план этот был задуман втайне от мистера Гаскелла и мог быть осуществлен только ценой строжайшей экономии и в счет будущих, еще не заработанных гонораров, — желанный приют под уютным названием «Лужайка», по соседству с «прелестной патриархальной деревушкой» в Хемпшире (таком же сельскохозяйственном графстве, как и ее родной Чешир), был облюбован, куплен и обставлен. Гаскелл уже писала друзьям о сенокосах, которыми славятся окружающие ее домок луга, о том, сколько яблок уродилось в ее саду... 12 ноября 1865 года она приехала туда вместе с двумя дочерьми и зятем — и скоропостижно скончалась в кругу семьи за чадным столом во время первого чаепития на новоселье. Писательницу похоронили в ее любимом Натсфорде: только так смог в действительности осуществиться задуманный ею побег в милый сердцу Крэнфорд ее мечты.

Но «Крэнфорд», написанный ею двенадцатью годами ранее, надолго пережил свою создательницу и прочно вошел в английскую литературу как один из ее классических памятников. Призвание нескольких сменившихся поколений читателей доказало жизненность светлого юмора и сердечной теплоты, пронизывающих эту книгу, среди первых ценителей которой были Диккенс и Теккерей, Рескин и Шарлотта Бронте.

«Крэнфорд» продолжает и сейчас оставаться в странах английского языка одной из самых популярных книг Гаскелл. А недавно обнародованное эпистолярное наследие писательницы (полное собрание ее писем было впервые издано в 1967 г.) показало, как глубоко и органично связана эта книга с личной биографией Гаскелл, со всем ее творчеством и с ее взглядами на искусство и жизнь.

«Крэнфорд» был впервые напечатан отдельными выпусками в журнале Диккенса «Домашнее чтение» («Household Words»), с декабря 1851 по май 1853 года. С этим связана своеобразная композиция книги, состоящей из полутора десятков сравнительно самостоятельных, обособленных глав. Первоначально писательница предполагала ограничиться одним-двумя юмористическими очерками крэнфордских нравов. Диккенсу удалось убедить ее продолжить свою работу и развить свои наброски в целую повесть. Впоследствии Гаскелл жалела о том, что, не предусмотрев этого расширения «Крэнфорда», слишком рано рассталась с одним из дорогих ей героев, капитаном Брауном: погибнув под колесами поезда во второй главе, он уже не мог быть воскрешен к жизни в дальнейшем.

Повесть «Крэнфорд» была, пожалуй, самой «диккенсовской» из всех книг Гаскелл. С мягким, дружелюбным юмором писательница изображает маленький старосветский провинциальный мирок крэнфордских «амазонок». Это определение сразу же, с первых строк «Крэнфорда», вызывает улыбку читателя: так безобидна воинственность почтенных «героинь» Гаскелл даже тогда, когда они ратуют со всем пылом добродетели, уверенной в непогрешимости своего вкуса и неколебимости нравственного авторитета, за то, что считают непререкаемой истиной (именно так, например, отстаивает мисс Дебора Дженкинс преимущества сочинений несравненного доктора Сэмюэла Джонсона перед легкомысленными писаниями некоего «Боза» (Диккенса), летописца «Пиквикского клуба»).

С произведениями Диккенса роднят «Крэнфорд» и сказочные мотивы, озаряющие вспышками бенгальского огня будни повседневного существования. Майор Гордон, как сказочный принц, вовремя возвращается к своей суженой, осиротевшей Золушке, Джесси Браун. К возвращению на родину другого скитальца, Питера Дженкинса, примешивается прямое «колдовство», — ведь только благодаря появлению в Крэнфорде загадочного чужеземного мага и волшебника «синьора Брунони» (английского сержанта Сэма Брауна, научившегося своим трюкам у индийских фокусников) Мэри Смит удалось узнать заморский адрес «аги Дженкинса» и вызвать его на родину. А сам «ага Дженкинс», чьи фантастические рассказы о его похождениях на Востоке могли бы посрамить даже барона Мюнхгаузена, — разве не кажется он с его загадочным прошлым и экзотическими привычками сказочным персонажем, сошедшим со страниц «Тысяча и одной ночи»? В этом кружке простодушных энтузиастов ему прощают все нарушения этикета и верят всем его небылицам — даже кощунственному рассказу о том, как, охотясь на Гималаях, он невзначай подстрелил херувима! (Прошло полвека, и Герберт Дж. Уэллс сделал эту фантастическую ситуацию — с той разницей, что в его романе ангел подстрелен не сыном священника, а самим священником, — исходным пунктом своей сатирической аллегории «Удивительное посещение», 1895 г.) И уж совсем по-диккенсовски выглядит эпизод закрытия скромного торгового заведения мисс Мэтти Дженкинс, озаменованный сказочными щедротами ее брата: стоя у окна ее маленькой гостиной, он осыпает толпу крэнфордских ребятишек целым дождем конфет и леденцов.

Само время течет здесь по особым законам, так медленно, что можно заподозрить, не приостанавливается ли оно иногда на длительный срок. Недолгое царствование короля Вильгельма IV (1830–1837) и его супруги королевы Аделаиды здесь, в Крэнфорде, кажется продолжается бесконечно. Во второй главе повести злополучный капитан Браун перед смертью читает свежий выпуск «Записей Пиквикского клуба» (1836), что позволяет наметить исходный хронологический пункт действия. Но проходят годы. Младшая дочь капитана, мисс Джесси Браун, успевает выйти замуж и вырастить детей; ее дочка Флора гостит у старой мисс Дженкинс и украдкой читает «Рождественскую песнь в прозе» (1843) Диккенса вместо очерков доктора Джонсона; наконец умирает и мисс Дженкинс, проходят еще годы, а королева Аделаида продолжает оставаться законодательницей мод крэнфордских дам, и самым элегантным рукоделием в их кругу по-прежнему считаются «верноподданнические» вышивки шерстью по канве, воспроизводящие ее портрет, — как будто бы никто не слышал о восшествии на престол в 1837 году юной королевы Виктории! Да, в этом мире время замедляет свой бег, и простодушная мисс Мэтти навсегда остается для ее седовласого брата «малюткой Мэтти», сколько бы зим и лет ни пронеслось над ее головой.

По сравнению с Диккенсом юмор Гаскелл в «Крэнфорде», однако, мягче и сдержаннее. В ее изобразительной манере преобладают спокойные полутона, а не резкие штрихи, смелые гиперболы и диссонансы, характерные для диккенсовского гротеска. Святочное веселье Дингли-Делла, в котором Диккенс воплотил свой идеал патриархальной старосветской Англии, показалось бы слишком шумным и буйным чопорным и робким обитательницам Крэнфорда. Диккенсовская мисс Бетси Тротвуд (из «Давида Копперфилда») смутила бы своею воинственностью и эксцентричностью смиренных «амазонок» Гаскелл.

Это не значит, однако, что «Крэнфорд» посвящен всецело «кружевам и лаванде», — и Артур Поллард, один из лучших современных английских знатоков наследия Гаскелл, справедливо оспаривает эту точку зрения,

которая возможна лишь при очень поверхностном восприятии повести. Забавные и трогательные мелочи «старосветского» быта в «Крэнфорде» подчинены общей идее, выраженной писательницей не назойливо, но достаточно ясно для вдумчивого читателя.

Анна Теккерей-Ритчи, автор предисловия к «Крэнфорду», была права, уловив в этой повести глубоко скрытые отголоски «Мэри Бартон». Как ни замкнут в своем захолустном уединении маленький мирок добродушных крэнфордских «амазонок», он составляет часть большого мира индустриальной и коммерческой Англии и должен по-своему реагировать на его проблемы. Город Драмбл (звукоподражательное вымышленное название которого передает одновременно и грохот, и стук, и толчею огромного промышленного и торгового центра, в котором угадывается Манчестер) недаром многократно упоминается в повести уже начиная с первой страницы. В Драмбл уже протянулась проходящая через тихий Крэнфорд дорога — та самая «мерзкая железная дорога», где служил и погиб бедный капитан Браун.

Отсюда, из Драмбла, приезжает в Крэнфорд в качестве частой и желанной гостьи, но в то же время и сторонней наблюдательницы рассказчица, от лица которой идет повествование — «чопорная малютка Мэри» Смит, в которой нетрудно угадать двойника самой Элизабет Гаскелл. Ее роль в сюжетном движении повести кажется довольно скромной. Но ее особый, личный угол зрения придает изложению эмоциональную выразительность, усиливая то сентиментально-лирические, то комические оттенки в изображении происходящего. Присутствие этого незаметного, но зоркого соглядатая позволяет читателям увидеть крэнфордский мирок таким, каков он есть на самом деле, но каким он сам себя не видит, — со всеми абсурдными, смешными, а вместе с тем и трогательными подробностями его существования.

Именно благодаря присутствию Мэри Смит в повесть органически включается столь важное для общего замысла Гаскелл критическое сопоставление двух различных систем социально-этических критериев и ценностей жизни — системы делового, коммерческого Драмбла и старомодного захолустного Крэнфорда. Это сопоставление, незаметно подготовляемое всем ходом повести, достигает наибольшей драматической остроты в главе XIII, рассказывающей о катастрофе, постигшей бедную беспомощную мисс Мэтти Дженкинс в связи с крахом Городского и сельского банка в Драмбле, куда было вложено все ее скромное состояние.

Мисс Мэтти разорена. Но ее больше всего мучит не мысль о собственной одинокой нищей старости, а горестное убеждение в том, что, как одна из акционерок и пайщиц банка, она ответственна за все те несчастья, какие принесло прекращение платежей ее соседям — горожанам и фермерам. Едва услышав в лавке о крахе банка, она — обычно столь нерешительная и несмелая — стремительно следует своему первому побуждению и отдает пять полновесных золотых соверенов из своего кошелька фермеру, у которого приказчик отказывается принять банкноту лопнувшего предприятия.

С точки зрения здоровой манчестерской политической экономии это, конечно, поступок столь же безграмотный, сколь и бесполезный, и Гаскелл это знает. Но по другому, человеческому счету мисс Мэтти права, последовав своему безотчетному сердечному порыву. И Мэри Смит готова откусить себе язык, едва у нее сорвался естественный для жительницы Драмбла саркастический вопрос: уж не собирается ли мисс Мэтти обменивать на соверены все обесцененные банкноты Городского и сельского банка?

Мисс Мэтти, конечно, и не могла бы этого сделать. Но, следуя гуманной утопической традиции, столь сильной в английском реалистическом социальном романе ее времени, Гаскелл показывает, как круговая порука бедноты согревает одинокую старость этой разоренной, беспомощной женщины. Ее приятельницы делятся последними крохами, чтобы в складчину тайком обеспечить ей кусок хлеба. А служанка Марта берется бесплатно заботиться о ней даже после того, как выйдет замуж и обзаведется своей семьей... Мораль книги в этих главах настолько ясна, что упоминание Мэри Смит о значительных денежных потерях, понесенных в Драмбле ее отцом — опытным коммерсантом, несмотря на все его предосторожности, кажется излишним.

Мотив «донкихотства» естественно возникает на страницах «Крэнфорда» — как возникает он и у Диккенса и у Теккерея, если говорить только о современниках Гаскелл. Мэри Смит сравнивает с Дон-Кихотом старого оригинала, фермера Холбруна, былого суженого мисс Мэтти, которого она против воли отвергла, подчинившись настояниям тщеславной родни. Оставшись до конца дней старым холостяком, он тратит неизрасходованные запасы нежности на любовь к родной природе и поэзии, о которой судит, как самоучка, но с пониманием и вкусом. Альфред Теннисон — его последнее предсмертное увлечение...

У мисс Мэтти нет этих ресурсов: фамильная Библия и «Словарь» доктора Джексона, которым она дорожит в память старшей сестры, составляют всю ее библиотеку. Но ее подавленное материнское чувство прорывается в застенчивой нежности, с какой она относится ко всем ребятишкам, нуждающимся в ее заботе. Как старательно обматывает она пестрой шерстью мячик, предназначенный в подарок маленькой Фебе, больной дочке

злополучного странствующего факира, «синьора Брунони»! Как безрассудно нерасчетлива она со своими маленькими покупателями, которым неизменно отпускает, себе в убыток, лишнюю конфету «для довеска»: «Эти крошки так их любят!» И как бережно нянчит она уже слишком тяжелую для ее слабых старческих рук дочурку своей преданной служанки Марты, другую маленькую Мэтти, названную так в честь своей крестной матери.

Теккерей, вероятно, язвительно осмеял и осудил бы снобизм старого священника Дженкинса и его педантичной старшей дочери Деборы, отнявших у бедной мисс Мэтти то личное счастье, для которого она была создана самой природой. Гаскелл предоставляет судить об этом своим читателям. Мотив несбывшихся возможностей, столь характерный для литературы критического реализма, звучит и в «Крэнфорде». Но элегичность этой повести (отмечаемая, например, Артуром Лоллардом) умеряется ее юмором. Трудно согласиться с мнением Полларда, который, высоко ценя «Крэнфорд», находит, что это — «книга стариков», книга «без будущего».

Кругозор Элизабет Гаскелл был слишком широк, ее общественные интересы и симпатии слишком многообразны, чтобы она могли замкнуться в сентиментальном созерцании уходящего в прошлое, мира милых, старомодных чудачков и чудачек, запечатленного в «Крэнфорде». «Младая жизнь» тянется к солнцу и здесь. В том по видимости безличном повествовательном «мы», каким так часто пользуется Мэри Смит, развертывая свою хронику крэнфордских нравов, обычаев и происшествий, сквозит между строк и легкая ирония: юная рассказчица не забывает о том, что принадлежит все-таки к совсем другому поколению и смотрит на жизнь иначе, чем мисс Мэтти и ее почтенные приятельницы.

«Живая, выразительная, энергичная, мудрая», — а вместе с тем «добрая и снисходительная» книга — так оценила «Крэнфорд» Шарлотта Бронте в своем письме к Гаскелл. Этот отзыв, принадлежащий талантливой писательнице-реалистке, прошедшей суровую жизненную школу и несклонной к сентиментальности, сохраняет свое значение и поныне.

А. Елистратова

ГЛАВА I НАШЕ ОБЩЕСТВО

Начнем с того, что Крэнфордом владеют амазонки: если плата за дом превышает определенную цифру, в нем непременно проживает дама или девица. Когда в городе поселяется супружеская пара, глава дома так или иначе исчезает; либо он до смерти пугается, обнаружив, что он — единственный мужчина на всех званых крэнфордских вечерах, либо его полк расквартирован где-то далеко, а корабль ушел в плаванье, или же он всю неделю проводит, занимаясь делами, в большом торговом городе Драмбле, до которого от Крэнфорда всего двадцать миль по железной дороге. Короче говоря, какова бы ни была судьба мужей, в Крэнфорде их не видно. Да и что бы они там делали? Врач совершает свой тридцатимильный объезд больных и ночует в Крэнфорде, но каждый мужчина ведь не может быть врачом. А для того чтобы содержать аккуратные садики в образцовом порядке и выращивать на клумбах чудесные цветы без единого сорняка, чтобы отпугивать мальчуганов, которые жадно взирают на вышеупомянутые цветы сквозь садовую решетку, чтобы прогонять гусей, иной раз забирающихся в сад, если калитка останется открытой, чтобы разрешать все спорные вопросы литературы и политики, не затрудняя себя доказательствами и логикой, чтобы получать верные и обстоятельные сведения о делах всех и каждого в приходе, чтобы муштровать своих чистеньких служанок, чтобы благодетельствовать (довольно-таки деспотично) бедняков и с искренней добротой помогать друг другу в беде — для всего этого крэнфордским дамам помощники не нужны, они отлично справляются сами. «Мужчина в доме, — как-то сказала одна из них, — очень мешает!» Хотя каждая крэнфордская дама знает о делах своих приятельниц все, мнение этих приятельниц ее совершенно не трогает. Более того: поскольку каждой из них свойственно значительное своеобразие, характера, чтобы не сказать — чудачество, то словесное воздаяние никого из них не затруднило бы, но почему-то они по большей части живут в самой благожелательной согласии.

Лишь иногда между крэнфордскими дамами вспыхивают небольшие ссоры, которые разрешаются несколькими колкостями и сердитым вздергиванием подбородка — как раз достаточно, чтобы их тихая жизнь не стала совсем уж пресной. Платья их ничуть не зависят от моды. «Что за важность, — говорят они, — как мы одеты в Крэнфорде, где нас все знают?» А если они уезжают куда-нибудь еще, этот довод остается столь же веским: «Что за важность, как мы одеты здесь, где нас никто не знает?» Платья их обычно сшиты из добротной,

хотя и простой ткани, и никто не мог бы выглядеть опрятней этих дам, однако ручаюсь, что последние в Англии рукава с широким буфом, последнюю узкую и простую юбку можно было видеть именно в Крэнфорде, и там они ни у кого не вызвали улыбки.

Я не раз собственными глазами видела великолепный семейный зонтик из красного шелка, под которым кроткая старая дева, последняя из многочисленных братьев и сестер, семенила в церковь, если день был дождливым. А у вас в Лондоне есть красные шелковые зонтики? Первый зонтик, появившийся в Крэнфорде, стал местной легендой; мальчишки толпами бегали за ним и называли его «фижмы на палочке». Быть может, он и был тем красным шелковым зонтиком, о котором я упомянула, но тогда его держал над своим малолетним потомством молодой сильный отец. Бедная старушка, единственная оставшаяся в живых из всей семьи, поднимала его с большим трудом.

Визиты наносились и отдавались согласно со строгими правилами и установлениями, и молодым девицам, гостившим в городке, эти правила возвещались с той же торжественностью, с какой древние законы острова Мэн[64] раз в год читались вслух на горе Тинуолд.

— Наши друзья прислали узнать, как вы себя чувствуете после дороги, милочка (пятнадцать миль в железнодорожном вагоне). Они дадут вам отдохнуть завтра, но послезавтра, конечно, заедут к нам, так что после двенадцати будьте, пожалуйста, свободны — с двенадцати до трех мы дома и принимаем.

И далее, когда визит уже нанесен:

— Сегодня третий день. Ваша маменька, наверное, говорила вам, милочка, что визиты полагается отдавать не позже чем через три дня и что оставаться дольше пятнадцати минут не следует.

— Но разве можно в гостях смотреть на свои часы? А как иначе я узнаю, что пятнадцать минут уже прошли?

— Вы должны все время думать о времени, милочка, не забывая про него, как бы вас ни занимал разговор.

Так как, нанося и отдавая визиты, все твердо помнили это правило, то ни о чем интересном, разумеется, никто никогда не разговаривал. Мы обменивались короткими фразами на общепринятые темы и вставали, чтобы проститься, ровно через пятнадцать минут.

Полагаю, что некоторые из благородных обитательниц Крэнфорда были бедны и лишь с трудом сводили концы с концами, но, подобно спартамцам, они прятали свои страдания за улыбками. Мы никогда не говорили о деньгах, так как эта тема имела привкус торговли и ремесла, а мы, включая самых бедных, все были аристократичны. В крэнфордском обществе царил благодетельный *esprit de corps*,[65] и если чьи-либо усилия скрыть свою бедность не увенчивались полным успехом, никто не замечал их тщетности. Когда, например, миссис Форрестер дала званый чай в своем кукольном домике и девочка-служанка попросила сидящих на диване дам привстать, чтобы она могла вытащить из-под него чайный поднос, все приняли подобное новшество как нечто совершенно естественное и продолжали беседовать о домашнем этикете и церемониях так, словно мы все верили, будто в доме нашей хозяйки есть половина для слуг, где за столом председательствуют экономка и дворецкий, и она не обходится одной девочкой из приюта, чьи маленькие красные ручонки не донесли бы поднос наверх без помощи самой миссис Форрестер, которая сейчас восседала в парадном туалете, делая вид, что не имеет ни малейшего представления о том, каким печеньем собирается угостить нас повар, хотя она знала, и мы знали, и она знала, что мы знаем, и мы знали, что она знает, что мы знаем, что она все утро пекла чайные хлебцы и пирожки из пресного теста.

У этой всеобщей, хотя и непризнанной бедности и всеми весьма признаваемой аристократичности были два-три отнюдь не лишние следствия, которые могли бы принести пользу любым кругам общества. Например, обитатели Крэнфорда рано ложились спать и в девять часов уже семенили домой в своих деревянных калошках под охраной служанки с фонарем, а к половине одиннадцатого весь город тихо отходил ко сну. Кроме того, подавать на вечерних приемах какие-либо дорогие напитки или кушанья считалось «вульгарным» (слово, которое в Крэнфорде обладало невероятной силой). Тончайшие ломтики хлеба, чуть-чуть смазанные маслом, и маленькие бисквиты — вот все, что предлагала своим гостям высокородная миссис Джеймисон, а она, хотя и практиковала столь «элегантную экономность», была невесткой покойного графа Гленмайра.

«Элегантная экономность»! Как легко и естественно впадаешь во фразеологию Крэнфорда! Там экономия всегда была «элегантной», а денежные траты — «вульгарной чванливостью», и эта убежденность в том, что виноград-то зелен, несла нам всем душевный покой и умиротворенность. Никогда не забуду, какой ужас и смущение вызвал некий капитан Браун, который, поселившись в Крэнфорде, во всеуслышанье заявил, что он беден, — и не шепотом ближайшему другу, предварительно заперев все окна и двери, а посреди улицы! Громким военным голосом, ссылаясь на свою бедность, как на причину, почему он не снял вот этот дом! Крэнфордские дамы и так уже скорбели из-за того, что в их владения вторгся мужчина и джентльмен. Он был

капитаном в отставке и получил место на железной дороге, против строительства которой городок слал негодующие петиции; и если вдобавок к своему мужскому роду и к связи с омерзительной железной дорогой он еще имел бесстыдство рассказывать о своей бедности, обществу оставалось только одно — повернуться к нему спиной и подвергнуть его бойкоту. Смерть столь же реальна и обычна, как бедность, и все же люди никогда не кричат о ней на улицах. Это слово не должно оскорблять благородный слух. Мы безмолвно согласились не замечать, что кто-то из тех, с кем мы обмениваемся визитами, поступает так, а не иначе, из-за бедности, а не по собственному выбору. Если кто-то приходил на званый вечер пешком и возвращался домой тем же способом, причина заключалась в том, что вечер был так пленителен или свежий воздух был так приятен, а вовсе не в том, что портшез обошелся бы слишком дорого. Если летом мы ходили в ситце, а не в легких шелках, то потому лишь, что предпочитали материи, которые легко стираются. И так далее и тому подобное, пока мы совершенно не перестали замечать тот вульгарный факт, что мы — все мы — располагаем лишь весьма скромными средствами. Вот почему мы не были способны понять, как мужчина может говорить о бедности так, словно в ней нет ничего позорного. И тем не менее капитан Браун каким-то образом заставил себя уважать, и вопреки твердо принятому решению Крэнфорд начал делать ему визиты. Когда примерно через год после его переезда в Крэнфорд я гостила там, я с удивлением услышала, что его мнения цитируются и на него ссылаются как на непререкаемый авторитет. Всего двенадцать месяцев назад мои собственные друзья решительно высказались против каких бы то ни было визитов к капитану и его дочерям, а теперь его как-то приняли даже в запретные утренние часы до полудня. Правда, он должен был разобраться, почему дымит труба, а для этого ему нужно было, осмотреть ее раньше, чем затопят камин, но, как бы то ни было, капитан Браун бестрепетно поднялся наверх, говорил голосом, слишком могучим для маленькой гостиной, и шутил, как шутят ручные, домашние мужчины. С самого начала он не замечал легких знаков пренебрежения и некоторых упущений в обычном церемониале, с какими его встречали. Он держался дружески, хотя крэнфордские дамы были с ним холодны, принимал за чистую монету их саркастические комплименты и бравым прямодушием развеивал брезгливое недоумение, которое вызывал, как человек, не стыдящийся быть бедным. И в конце концов его превосходный мужской здравый смысл и способность изыскивать средства для разрешения всяческих домашних трудностей завоевали ему среди крэнфордских дам положение непререкаемого авторитета. И он продолжал жить по-прежнему, так же не замечая своей новой популярности, как не замечал былой антипатии, и я не сомневаюсь, что он был ошеломлен, когда однажды ему пришлось убедиться, насколько высоко ценится его мнение: совет, который он дал в шутку, был воспринят вполне серьезно и свято выполнен.

Дело было так. Одна из старых дам имела олдернейскую корову, которую любила, как родную дочь. Даже во время кратких пятнадцатиминутных визитов вы успевали выслушать какую-нибудь историю об изумительном молоке или изумительной разумности этого животного. Весь городок был знаком с коровой мисс Бетси Баркер и питал к ней самую теплую симпатию, а потому велико было всеобщее огорчение и сочувствие, когда бедняжка по неосторожности свалилась в яму с негашеной известью! Она мычала так громко, что ее почти сразу же услышали и спасли, но тем не менее она успела лишиться чуть ли не всей своей шерсти, и когда ее извлекли из ямы, она уже совсем облезла и дрожала от холода. Все жалели несчастную корову, хотя кое-кто и не мог сдерживать улыбки — таким нелепым был ее голый вид. Мисс Бетси Баркер плакала от горя и отчаяния, и говорили, что она уже хотела было устроить корове масляную ванну. Наверное, такое средство рекомендовал ей кто-нибудь из тех, к кому она обращалась за советом, но этому плану, если что-либо подобное и предполагалось, положил конец капитан Браун, заявив решительно:

— Если вы хотите, чтобы она не сдохла, сударыня, то обрядите ее во фланелевую кофту и панталоны. Но я бы вам посоветовал сразу зарезать бедную скотину, чтобы она не мучилась.

Мисс Бетси Баркер осушила слезы и от души поблагодарила капитана; она взялась за работу, и вскоре весь городок высыпал на улицы посмотреть, как олдернейская корова кротко шествует на пастбище в одеянии из темно-серой фланели. Я сама много раз любовалась ею в этом наряде.

А вы в Лондоне когда-нибудь видели коров, одетых в серую фланель?

Капитан Браун снял небольшой домик на окраине городка, где и поселился с двумя своими дочерьми. Когда я впервые побывала в Крэнфорде после того, как перестала там жить постоянно, ему было за шестьдесят. Но он выглядел гораздо моложе, так как благодаря каждодневным упражнениям сохранил крепость и гибкость фигуры, голову держал высоко, на военный манер, а походка у него была бодрой и упругой. Старшая дочь казалась почти его ровесницей, и это выдавало, что на самом деле он много старше, чем кажется. Мисс Браун было, наверное, лет сорок. Лицо ее хранило болезненное, обиженное, измученное выражение, и его юная веселость давным-давно исчезла без следа. Впрочем, и в молодости она, вероятно, была некрасива и ее черты

отличались резкостью. Мисс Джесси Браун была на десять лет моложе сестры и в двадцать раз милее. На ее округлом лице играли ямочки. Мисс Дженкинс, гневаясь на капитана Брауна (о причине этого гнева я вскоре вам расскажу), как-то объявила, что, по ее мнению, «мисс Джесси уже пора бы отказаться от ямочек и не притворяться ребенком». Действительно, в ее лице было что-то детское, и я убеждена, что таким оно и останется, доживи она хоть до ста лет. У нее были большие голубые удивленные глаза, которые всегда смотрели прямо на вас, нос чуть курносый, а губы алые и свежие. Ее манера завивать волосы в мелкие локоны еще усиливала это общее впечатление. Не могу сказать, была ли она хорошенькой или нет, но мне нравилось ее лицо, как оно нравилось всем, и, по-моему, над своими ямочками она была не властна. Ее походку и манеры отличала та же бодрость, какой дышала внешность ее отца, и женский глаз без труда подметил бы легкое различие в одежде сестер — а именно, что туалеты мисс Джесси обходились на два фунта в год дороже, чем туалеты мисс Браун. Два же фунта были значительной суммой в годовом бюджете капитана Брауна.

Вот какое впечатление произвели на меня Брауны, когда я впервые увидела их всех вместе в крэнфордской церкви. С капитаном я уже успела познакомиться — благодаря дымящему камину, который он без труда исцелил, поправив что-то в трубе. В церкви во время утреннего гимна он держал у глаз лорнет, а затем высоко поднял голову и запел громко и радостно. Он отвечал священнику громче, чем причетник, дряхлый старичок с пискливым голосом; причетнику, мне кажется, очень досаждал звучный бас капитана, а потому он сам отвечал на все более и более высоких и дребезжащих нотах.

Выходя из церкви, энергичный капитан весьма галантно опекал своих дочерей. Он кивал и улыбался всем знакомым, но не пожал ничьей руки до тех пор, пока не помог мисс Браун раскрыть зонтик, не взял у нее молитвенник и не подождал терпеливо, чтобы она дрожащими нервными пальцами подобрала юбки, готовясь идти по сырому тротуару.

Мне было очень любопытно, что делают крэнфордские дамы с капитаном Брауном на своих приемах. В былые дни мы часто радовались вслух, что на карточных вечерах можно не заботиться о том, чем занять джентльменов и не подыскивать темы для беседы с ними. Мы поздравляли друг друга с тем, что все так уютно и мило, а наша любовь к элегантности и неприязнь к мужской половине рода человеческого почти убедила нас в том, что быть мужчиной — «вульгарно». А потому, когда я узнала, что мой добрый друг мисс Дженкинс, у которой я гостила, намерена дать в мою честь званый вечер и пригласила на него капитана и обеих мисс Браун, я долго терялась в догадках, стараясь представить себе, как все это будет происходить. Как обычно, карточные столики с зеленым суконным верхом были приготовлены еще при дневном свете — шла третья неделя ноября, а потому смеркаться начинало уже в четыре часа. На столики были поставлены свечи и положены чистенькие колоды карт. Камин был затоплен, аккуратно одетой служанке были даны последние наставления, и мы, в парадных платьях, стояли с бумажными жгутиками в руках, готовые кинуться к свечам, чтобы зажечь их, едва раздастся первый стук в дверь. Званые вечера в Крэнфорде всегда были весьма торжественными, и дамы, сидя друг возле друга в парадных туалетах, испытывали умиротворенную радость. Едва явились три первые гости, их усадили за преферанс, и мне волей-неволей пришлось сесть четвертой. Следующие четыре гости тотчас были посажены за другой столик, и вскоре на середине всех карточных столиков были установлены чайные подносы, которые я утром заметила в кладовой, когда проходила мимо. Чашечки были из тончайшего фарфора, старинное начищенное серебро ослепительно блестело, но угощение было очень и очень легким. Капитан Браун и его дочери вошли, когда подносы еще не были убраны. Я без труда заметила, что капитан пользуется большим расположением всех присутствующих дам. С его появлением наморщенные лбы разгладились, резкие голоса зазвучали тише. Мисс Браун выглядела больной и унылой, далее мрачной. Мисс Джесси улыбалась, как обычно, и, по-видимому, была всеобщей любимицей, почти как ее отец. Он же тотчас спокойно взял на себя роль всеобщего кавалера: следил, не нужно ли кому-нибудь чего-нибудь, и облегчал труд хорошенькой служанки, принимая пустые чашки и передавая хлеб с маслом тем дамам, которые его еще не отведали. Все это он проделывал с непринужденным достоинством, словно выполняя долг сильного, опекающего слабых, — как и положено истинному мужчине. Он играл по маленькой с таким сосредоточенным интересом, словно речь шла не о пенсах, а о фунтах, и тем не менее, как ни был он внимателен с посторонними, он все время следил за своей больной дочерью — я убеждена, что она действительно испытывала физические страдания, хотя многие сочли бы это беспричинной раздражительностью. Мисс Джесси не играла в карты, но она развлекала беседой тех, кто пропускал партию и до ее появления был склонен дуться. Кроме того, она пела, аккомпанируя себе на стареньком разбитом фортепьяно, которое, по-моему, в дни своей юности было спинетом. Мисс Джесси спела «Джок из Хейзелдина», [66] немного фальшивя, но никто из нас не отличался особой музыкальностью, хотя мисс Дженкинс, чтобы доказать тонкость своего слуха, и отбивала такт не в такт.

Со стороны мисс Дженкинс было очень любезно отбивать такт, ибо я заметила, что незадолго перед этим ее весьма оскорбило неосторожное упоминание мисс Джесси Браун (а пропоро[67] о шотландской шерсти) о том, что ее дядя, брат ее матери, держит в Эдинбурге лавку. Мисс Дженкинс попыталась заглушить это признание страшнейшим кашлем, ибо высокогородная миссис Джеймисон сидела за карточным столиком, ближайшим к мисс Джесси, — что она сказала бы или подумала бы, обнаружив, что в одной комнате с ней находится племянница лавочника! Однако мисс Джесси Браун (совсем лишенная тактичности, как мы все согласились на следующее утро) все-таки довела этот факт до сведения всего общества, громогласно пообещав мисс Пул шерсть требуемого оттенка, которую она достанет без всяких хлопот: «Ведь у моего дяди наилучший выбор шотландских товаров во всем Эдинбурге». И мисс Дженкинс попросила ее спеть только для того, чтобы эти ужасные слова перестали звучать в наших ушах, а потому, повторяю, со стороны мисс Дженкинс было весьма любезно отбивать такт.

Когда точно без четверти девять подносы вновь появились с сухариками и вином, началась беседа: сравнивались сдачи, обсуждались взятки, но затем капитан Браун заговорил на литературную тему.

— Кто-нибудь из вас читал выпуски «Пиквикских записок»? — спросил он (как раз в то время «Записки Пиквикского клуба»[68] выходили отдельными выпусками). — Превосходная вещь!

Мисс Дженкинс, следует сказать, была дочерью покойного крэнфордского священника, и, как наследница многочисленных рукописных проповедей, а также очень недурной богословской библиотеки, считала себя причастной литературе, и в любом упоминании о книгах видела брошенный ей вызов. А потому она ответила, что она их видела и, можно даже сказать, читала.

— И как они вам понравились? — воскликнул капитан Браун. — Не правда ли, отлично написано?

После такого вопроса мисс Дженкинс не могла не высказать своего мнения:

— Должна признаться, на мой взгляд, они никак не могут идти в сравнение с тем, что писал доктор Джонсон.[69] Но, с другой стороны, автор, возможно, еще молод. Если он будет усерден и если он возьмет себе за образец великого доктора, кто знает, чего он сможет достичь?

По-видимому, капитан Браун был не в силах снести это молча, и я заметила, что он лишь с трудом удержался, чтобы не перебить мисс Дженкинс.

— Но ведь это же вещь совсем иного рода, сударыня... — начал он.

— Я прекрасно это понимаю, — прервала она, — и сужу без особой строгости, капитан Браун.

— Разрешите, я прочту вам сцену из последнего выпуска, — умоляюще сказал он. — Я получил его только сегодня утром и полагаю, общество еще не успело его прочесть.

— Как вам угодно, — ответила она с видом покорности судьбе, и капитан прочел описание «суарея», который Сэм Уэллер устроил в Бате. Кое-кто из дам весело смеялся, однако я не посмела последовать их примеру, так как гостила у мисс Дженкинс. Мисс Дженкинс сидела в терпеливом безмолвии. Когда капитан кончил, она повернулась ко мне и сказала с кротким достоинством:

— Милочка, принесите мне из библиотеки «Расселаса».

Когда я подала ей требуемую книгу, она повернулась к капитану Брауну:

— А теперь разрешите мне прочесть одну сцену вам, и тогда общество сможет сделать выбор между вашим любимцем, мистером Бозом, и доктором Джонсоном.

Величавым визгливым голосом она прочла один из разговоров между Расселасом и Имлаком, а кончив, сказала:

— Мне кажется, я достаточно оправдала предпочтение, которое я оказываю доктору Джонсону как беллетристу.

Капитан сложил губы в трубочку, забарабанил пальцами по столику, но ничего не ответил. Она решила нанести еще один-два завершающих удара.

— Я считаю, что публиковаться выпусками — это вульгарно и унижает достоинство литературы.

— А как выходил «Рассеянный», сударыня? — осведомился капитан Браун, но так тихо, что, мне кажется, мисс Дженкинс не могла расслышать этих слов.

— Стиль доктора Джонсона — образец для начинающих авторов. Мой отец рекомендовал его мне, когда я начала писать письма, и на нем я сформировала мой собственный стиль; рекомендую его и вашему любимцу.

— Мне было бы очень жаль, если бы он сменил свой стиль на подобную напыщенность, — сказал капитан Браун.

Мисс Дженкинс сочла это личным оскорблением, хотя капитану такая идея и в голову не могла прийти. Она и ее друзья считали, что в эпистолярном жанре она блистает. Сколько, раз видела я, как черновик ее письма

переписывался и исправлялся, прежде чем она «улучала минутку перед самой отправкой почты, чтобы заверить» своих друзей в том-то и том-то. Теперь она с достоинством выпрямилась и на последние слова капитана Брауна сказала только, отчеканивая каждый слог:

— Я предпочитаю доктора Джонсона мистеру Бозу. Утверждают, — за верность этого я не ручаюсь, — будто слышали, как капитан Браун сказал *sotto voce*: [70] «Черт бы побрал доктора Джонсона». Если это и правда, то он тут же почувствовал себя виноватым, что и доказал, подойдя к креслу мисс Дженкинс и попытавшись завязать с ней разговор на более приятную тему. Но она осталась неумолимой. На следующий день она произнесла упомянутую мною фразу о ямочках мисс Джесси.

ГЛАВА II КАПИТАН

Невозможно прогостить месяц в Крэнфорде и не получить подробных сведений о том, как живет каждый из его обитателей, и задолго до того, как мой визит окончился, я уже узнала о семействе Браунов очень многое. Не о их бедности — о ней они с самого начала говорили откровенно и просто и не скрывали, что им приходится жить очень экономно. Городку оставалось только обнаружить, насколько неисчерпаема сердечная доброта капитана и насколько разнообразны ее проявления, которых сам он вовсе не замечал. Кое-какие из них довольно долго давали пищу для пересудов. Читали мы мало, почти все дамы были довольны своей прислугой, и тем для разговоров не хватало. А потому мы во всех подробностях обсудили случай, когда капитан в одно очень скользкое воскресное утро забрал из рук бедной старухи ее обед. Выходя из церкви, он увидел, как она бредет из пекарни, заметил, что ноги ее почти не слушаются, и с тем же достоинством, с каким он делал решительно все, освободил ее от ноши и шел по улице рядом с ней, пока благополучно не донес тушеную баранину с картофелем до самого ее дома. Это было сочтено весьма эксцентричным поступком, и мы ждали, что утром в понедельник капитан отправится делать визиты, дабы оправдаться и удовлетворить крэнфордские понятия о приличиях, но он ничего подобного не сделал, после чего было решено, что ему стыдно и он прячется от людских глаз. От души сжалившись над ним, мы начали повторять: «В конце концов воскресное происшествие доказывает, что у него очень доброе сердце». И было решено утешить его, как только он появится среди нас, но — увы! — он явился ничуть не пристыженный, разговаривал обычным густым басом, как всегда откинув голову в неизменном щегольски завитом парике, и мы были вынуждены заключить, что он попросту забыл про воскресное событие.

Между мисс Пул и мисс Джесси Браун благодаря шетландской шерсти и новым вязальным спицам завязалось нечто вроде дружбы, а потому, когда я гостила у мисс Пул, то виделась с Браунами гораздо чаще, чем когда жила у мисс Дженкинс, которая так и не простила капитану Брауну его, как она выразилась, оскорбительных замечаний по адресу изящной и приятной беллетристики доктора Джонсона. Я узнала, что мисс Браун терзает какой-то медленный и неизлечимый недуг и что страдания придают ее лицу ту угрюмость, которую я прежде сочла свидетельством плохого характера. Порой она действительно сердилась по пустякам — когда нервное раздражение, вызывавшееся ее недугом, оказывалось свыше ее сил. Мисс Джесси сносила эти припадки раздражительности даже еще более терпеливо, чем горькие самообвинения, которыми они неизменно завершались. Мисс Браун упрекала себя не только за вспыльчивость и нетерпеливость, но и за то, что из-за нее отец и сестра вынуждены во всем себе отказывать, лишь бы покупать дорогие лекарства и лакомства, которые в ее состоянии были ей необходимы. Она с такой охотой сама приносила бы жертвы ради них и облегчала бы их заботы, что в результате природная щедрость ее души оборачивалась лишней причиной для раздражения. Мисс Джесси и капитан сносили все это не только безропотно, но с нежной любовью. Когда я побывала у них дома, я простила мисс Джесси фальшивое пение и платья, не совсем идущие к ее возрасту. Я поняла, что (увы, сильно потертые) сюртуки капитана с ватной грудью и его каштановый парик «а-ля Брут» — это остатки его щегольской военной молодости, которые он теперь без смущения донашивал. Он был мастером на все руки, чему немало способствовал опыт, приобретенный в казармах. По его собственному признанию, своими сапогами он бывал доволен, только когда чистил их сам, но, впрочем, он охотно облегчал труд их маленькой служанки и всякими другими способами — возможно, сознавая, что из-за болезни его дочери ее место никак нельзя назвать завидным.

Вскоре после описанного мною достопамятного диспута он попытался примириться с мисс Дженкинс,

преподнеся ей деревянный совок для угля (его собственного изготовления), так как она постоянно жаловалась на то, что ей очень досаждают скрежет железного совка. Мисс Дженкинс приняла его дар холодно и поблагодарила его с церемонной вежливостью. Когда капитан ушел, она попросила меня унести совок в чулан, чувствуя, возможно, что как ни неприятен железный совок для угля, он все-таки предпочтительнее, чем подарок человека, который ставит мистера Боза выше доктора Джонсона.

Таково было положение вещей, когда я покинула Крэнфорд и уехала в Драмбл. Однако у меня было несколько усердных корреспонденток, которые держали меня au fait[71] относительно всего, что происходило в миллом городке: мисс Пул, например, которая теперь вязала крючком с таким же упоением, как прежде на спицах, а потому все ее письма, в сущности, сводились к рефрену старинной песни «И белой шерсти мне купи у Флинта» — каждую новость заключало то или иное поручение, имевшее непосредственное отношение к вязанию крючком. Мисс Матильда Дженкинс (не имевшая ничего против того, чтобы ее называли мисс Мэтти, когда мисс Дженкинс не было рядом) писала милые ласковые путаные письма, время от времени осмеливаясь высказать собственное мнение; однако она тут же спохватывалась и либо просила меня не обращать внимания на ее слова, ибо Дебора так не думает, а кому же судить, как не ей, либо добавляла постскриптум примерно в таком духе: написав вышеуказанное, она успела поговорить с Деборой, и теперь убеждена... и т. д. (чаще всего тут следовало полное отречение от мнения, которое она высказала в злополучном письме). Далее мне писала мисс Дженкинс — Дебора, ревниво оберегавшая свое библейское имя, которое дал ей ее покойный отец, от фамильярных сокращений. Я даже думаю, что она взяла свою библейскую тезку себе за образец, и, право, в ней было сходство с этой суровой пророчицей — разумеется, со скидкой на разницу в воспитании и различие в одежде. Мисс Дженкинс носила мягкий, завязанный бантом галстук, шляпку, похожую на жокейское кепи, и вообще у нее был вид женщины с сильной волей, хотя она с презрением отнеслась бы к нынешним утверждениям, будто женщины равны мужчинам. Равны! Она прекрасно знала, что они гораздо их выше. Но вернемся к ее письмам. Все в них было достойным и величавым, как она сама. Я недавно перечитывала их (милая мисс Дженкинс, как я благоговела перед ней!) и приведу здесь один отрывок, тем более что он касается нашего друга капитана Брауна:

«Высокородная миссис Джеймисон только что покинула меня; пока мы беседовали, она сообщила мне о том, что вчера ей нанес визит былой друг ее незабвенного супруга лорд Молверер. Вряд ли вы сумеете отгадать, что привело милорда в пределы нашего небольшого городка. Это было желание повидать капитана Брауна, с кем, как оказывается, милорд встречался среди «войн в пернатых шлемах»[72] и кому выпала честь оградить милорда от гибели, когда ему угрожала ужасная опасность неподалеку от мыса, незаслуженно носящего название мыса Доброй Надежды.[73] Вам известно, что нашему другу миссис Джеймисон несколько не хватает духа невинного любопытства; а потому вы не будете особенно удивлены, узнав, что она не смогла сообщить мне, какова была природа вышеуказанной опасности. Мне, признаюсь, хотелось узнать, каким образом капитан Браун, чей дом поставлен отнюдь не на широкую ногу, мог принять столь именитого гостя, и оказалось, что милорд удалился опочить сном, и будем надеяться, сладким, в гостиницу «Ангел», однако два дня, в течение которых он озарял Крэнфорд своим августейшим присутствием, милорд делил браунианский стол. По словам миссис Джонсон, жены нашего городского мясника, мисс Джесси купила ножку ягненка, но об иных приготовлениях к приему, достойному столь именитого гостя, я ничего не слышала. Быть может, они угощали его «яствами духа, напитком беседы ученой».[74] и нам, тем, кому известно прискорбное пренебрежение капитана Брауна «к прозрачным родникам родного языка, ничем не замутненным».[75] возможно, следует порадоваться тому, что он имел случай улучшить свой вкус, беседуя с элегантным и утонченным членом британской аристократии. Но кто свободен от тех или иных человеческих слабостей и недостатков?»

С той же почтой я получила по письму от мисс Пул и мисс Мэтти. Крэнфордские любительницы переписки не могли упустить такую новость, как приезд лорда Молверера, и извлекли из нее все, что было возможно. Мисс Мэгги смиренно извинилась, что пишет одновременно с сестрой, которая настолько лучше ее могла рассказать, какая честь выпала Крэнфорду. Однако, несмотря на небезупречную орфографию, именно письмо мисс Мэтти дало мне наиболее полное представление о том, в какое волнение был ввергнут городок из-за визита лорда. Ведь за исключением прислуги в «Ангеле», Браунов, миссис Джеймисон и маленького мальчика, которого милорд выругал, когда тот задел грязным обручем его аристократическую ногу, он, насколько я знаю, никого не удостоил там беседой.

В следующий раз я приехала в Крэнфорд летом. За время моего отсутствия там никто не родился, никто не умер и никто не сочетался браком. Все жили в прежних своих жилищах, и почти все носили те же отлично сохранные старомодные платья. Наиболее замечательным событием был ковер, который барышни Дженкинс

купили для гостиной. Ах, сколько хлопот доставляли нам с мисс Мэтти солнечные лучи, которые во вторую половину дня все время норовили упасть на этот ковер сквозь незанавешенное окно! Мы клали на эти места газеты, а затем возвращались к нашим книгам или рукоделию, но четверть часа спустя, увы и ах, солнце перемещалось и озаряло ковер уже в стороне от газет, и нам вновь приходилось падать на колени и передвигать развернутые листы. Кроме того, мы были очень заняты все утро перед званым вечером мисс Дженкинс: следуя ее указаниям, мы отрезали полосы от газет, сшивали их и укладывали узенькие дорожки к каждому стулу так, чтобы обувь гостей не загрязнила и не осквернила чистоты ковра. А вы в Лондоне изготавливаете для каждого гостя особую бумажную дорожку?

Капитан Браун и мисс Дженкинс держались друге другом довольно натянуто. Литературный спор, завязавшийся на моих глазах, остался открытой раной, легчайшее прикосновение к которой причиняло им страдания. Иных расхождений во мнениях между ними никогда не было, но этого одного оказалось достаточно. Мисс Дженкинс не могла удержаться и, не обращаясь прямо к капитану, говорила вещи, адресованные, несомненно, ему. А он, правда, ничего не отвечал, но барабанил пальцами по столу, и этот его демарш весьма ее уязвлял, как поношение доктора Джонсона. Он слишком выставлял напоказ предпочтение, которое отдавал сочинениям мистера Боза, и однажды, идучи по улице, настолько углубился в них, что чуть было не толкнул мисс Дженкинс; и хотя его извинения были горячими и искренними, и хотя, собственно говоря, ничего не произошло — он только испугал ее и перепугался сам, — она призналась мне, что предпочла бы, чтобы капитан сбил ее с ног, лишь бы он при этом читал более возвышенную литературу. Бедный мужественный капитан! Он выглядел постаревшим, еще более измученным, а сукно его сюртука совсем вытерлось. Однако весел и бодр он был, как прежде, — если только его не спрашивали о здоровье его старшей дочери.

— Она очень страдает и будет страдать еще больше; мы делаем, что можем, чтобы как-то облегчить ее боль. На все воля божья!

При последних словах он снял шляпу. От мисс Мэтти я узнала, что для нее действительно делалось все. К ней был приглашен самый известный в этих краях врач, и все его советы исполнялись, каких бы расходов они ни требовали. Мисс Мэтти не сомневалась, что они отказывают себе в очень многом, лишь бы больная ни в чем не нуждалась, но сами они об этом никогда не упоминали, а мисс Джесси...

— Право, она настоящий ангел! — сказала бедная мисс Мэтти, давал волю своим чувствам. — Она сносит раздражение мисс Браун, словно совсем его не замечает, и после бессонной ночи, когда ее чуть ли не до зари терзали попреками, она весело улыбается. Как это прекрасно! И встречает капитана за завтраком такая свежая и бодрая, словно сладко спала до утра в кровати королевы! Милочка, вы бы не стали больше смеяться над ее локончиками и розовыми бантами, если бы видели все это, как видела я.

Я могла только почувствовать себя очень виноватой, и когда мы снова встретились с мисс Джесси, поздоровалась с ней очень почтительно. Она выглядела увядшей и похудевшей, а когда заговорила о сестре, ее губы задрожали, точно от слабости. Однако она удержала слезы, уже блеснувшие в ее красивых глазах, и, посветлев, сказала:

— Но какой Крэнфорд добрый город! Право же, если у кого-нибудь обед особенно удался, так лучшее кушанье обязательно будет прислано моей сестре в закрытом блюде. Бедняки оставляют для нее ранние овощи у нас на крыльце. Они отвечают коротко и ворчливо, словно чего-то стыдятся, но как бесконечно трогает меня их заботливость!

И на этот раз слезы хлынули из ее глаз, однако через минуту-другую она выбрала себя за них и в конце концов рассталась со мной такая же веселая и бодрая, как всегда.

— Но почему же этот лорд Молверер ничего не сделал для человека, который спас ему жизнь? — спросила я.

— Да видите ли, капитан Браун упоминает про свою бедность, только если на то есть веские причины, а в обществе милорда он все время выглядел счастливым и беззаботным, точно принц; ну, и они не извинялись за скудость обеда — так как же ее было заметить? А мисс Браун в тот день чувствовала себя лучше, и казалось, будто все у них обстоит отлично, так что лорд Молверер, наверное, даже не заподозрил, как трудно им живется на самом деле. Зимой он, правда, часто присылал им дичи, но теперь он путешествует за границей.

Я часто замечала, как умеют в Крэнфорде использовать всякие мелочи, чтобы делать приятное другим. Розовые лепестки ошипывались прежде, чем они успевали осыпаться, и из них приготавливалась душистая смесь для кого-нибудь, у кого нет сада, пучочки лаванды посылались обитателю большого города, чтобы рассыпать их в ящиках комода или сжигать в спальне больного, страдающего хроническим недугом. Крэнфорд ревностно делал подарки, на которые многие взглянули бы с пренебрежением, и оказывал услуги, казалось бы, не стоящие затраченного на них труда. Мисс Дженкинс начинила яблоко гвоздикой, чтобы оно распространяло приятное

благоухание в комнате мисс Браун, когда его нагреют, и каждую вкладываемую в него гвоздичку сопровождала джонсонианской фразой. Стоило ей теперь подумать о Браунах, как она начинала говорить на манер доктора Джонсона, а поскольку в это лето они постоянно занимали ее мысли, то я все время выслушивала звучные трехэтажные предложения.

Как-то капитан Браун явился с визитом, чтобы поблагодарить мисс Дженкинс за множество мелких любезностей, о которых я до тех пор ничего не знала. Он внезапно превратился в старика, его глубокий бас звучал надтреснуто, глаза потускнели, лицо избороздили морщины. О состоянии своей дочери он уже был не в силах говорить бодро, но то немногое, что он сказал, было сказано с мужественной благочестивой покорностью судьбе. Дважды он повторил: «Только богу известно, чем была для нас Джесси» — и после второго раза поспешно встал, молча пожал нам всем руки и вышел.

К вечеру мы заметили на улице кучки людей, которые с ужасом на лицах выслушивали какую-то весть. Некоторое время мисс Дженкинс недоумевала, что могло случиться, а затем все-таки решила пренебречь требованиями хорошего тона и послала Дженни узнать, в чем дело.

Дженни вернулась белая как полотно.

— Ох, сударыня! Ох, мисс Дженкинс, сударыня! Эта мерзкая железная дорога убила капитана Брауна! — И она разразилась рыданиями, потому что, как и многие другие, она любила капитана за его доброту.

— Как?.. Где?.. Где? Дженни, перестаньте плакать и расскажите толком!

Мисс Мэтти выбежала на улицу и приказала возчику, который принес страшную новость:

— Идите... тотчас же идите к моей сестре, мисс Дженкинс, к дочери крэнфордского священника. Ну, скажите, скажите, что это неправда! — восклицала она, вводя в гостиную растерявшегося возчика, который усердно приглаживал вихры и топтал мокрыми сапогами новый ковер — но никто не обратил на это внимания.

— Уж извините, сударыня, а так оно и есть. Я своими глазами видел! — И он вздрогнул при этом воспоминании. — Капитан ждал лондонского поезда, а сам читал какую-то новую книжку. А маленькая такая девочка захотела к маменьке, убежала от сестры и ковыляет себе по рельсам. А он, как услышал поезд, посмотрел, увидел ее и прыгнул на рельсы. Схватил ее, но у него нога подвернулась, а поезд тут его и переехал. О, господи, господи! Это правда, сударыня, они уже пошли сказать его дочкам. А девочка-то цела и невредима. Ей только плечо ушибло, когда он бросил ее на руки матери. Бедный капитан был бы этому рад, верно ведь, сударыня? Благослови его бог!

Суровое лицо дюжего возчика сморщилось, и он отвернулся, чтобы скрыть слезы. Я взглянула на мисс Дженкинс. Ей, по-видимому, стало дурно, и она вделала мне знак открыть окно.

— Матильда, принеси мою шляпку. Я должна пойти к бедным девушкам. Да простит мне бог, что я иногда говорила с капитаном пренебрежительно!

Мисс Дженкинс оделась, готовясь выйти из дому, и велела мисс Матильде налить возчику рюмочку вина. До ее возвращения мы с мисс Мэтти сидели съжившись у камина и тихо, испуганно переговаривались. И я знаю, мы обе все время, тихонько плакали.

Мисс Дженкинс вернулась в молчаливом настроении, и мы не посмели ее расспрашивать. Она сказала нам, что мисс Джесси упала в обморок и они с мисс Пул лишь с трудом привели ее в чувство, но что мисс Джесси, едва очнувшись, попросила, чтобы одна из них пошла посидеть с ее сестрой.

— Мистер Хоггинс говорит, что ей остается жить совсем недолго и ее нужно оберечь от этого удара, — сказала мисс Джесси тихо, не смея дать волю своему горю.

— Но как вы сумеете это сделать, милочка? — спросила мисс Дженкинс. — У вас не хватит сил, она заметит ваши слезы.

— Господь мне поможет... я сдержусь... Она спала, когда пришли сказать... Может быть, она еще не проснулась. Ей будет так тяжело — и не только из-за смерти папы, но и от мысли о том, что теперь будет со мной. Ведь она всегда так обо мне заботится!

Они встретили взгляд ее кротких любящих глаз, и мисс Пул говорила потом, что чуть было не расплакалась, зная, как мисс Браун обходится с сестрой.

Однако все устроилось по желанию мисс Джесси. Мисс Браун объяснили, что ее отцу пришлось спешно уехать по делам железной дороги. Как-то им удалось ее убедить — как именно, мисс Дженкинс не знала. Мисс Пул обещала пока остаться у мисс Джесси. Миссис Джеймисон прислала справиться о них. Больше ничего в этот вечер мы не узнали, и он был очень-очень грустный. На следующий день газета графства, которую выписывала мисс Дженкинс, поместила подробное описание рокового происшествия. Мисс Дженкинс сказала, что стала что-то слаба глазами, и попросила меня прочесть газету вслух. Когда я дошла до фразы: «Доблестный

джентльмен был поглощен чтением очередного выпуска «Пиквика», который только что получил», мисс Дженкинс долго и печально качала головой, а затем произнесла со вздохом:

— Бедный, милый, ослепленный человек!

Тело со станции должны были перенести в приходскую церковь, чтобы затем там же предать земле. Мисс Джесси во что бы то ни стало хотела проводить отца в последний путь и не слушала никаких убеждений. Необходимость сдерживаться сделала ее почти упрямой, и она осталась глуха к просьбам мисс Пул и советам мисс Дженкинс. В конце концов мисс Дженкинс уступила и после молчания, которое, как я боялась, означало, что мисс Джесси вызвала ее глубокое неудовольствие, обещала сопровождать ее на похоронах.

— Вы не можете быть там одна. Если я допущу подобное, это будет попранием и приличий и человечности.

Судя по лицу мисс Джесси, это предложение ее отнюдь не обрадовало, но все упрямство, если оно у нее было она израсходовала, отстаивая свое намерение присутствовать при погребении. Бедняжке, конечно, хотелось в одиночестве выплакаться на могиле любимого отца, для которого она была всем, и на краткие полчаса свободно отдаться горю вдали от дружеских и сочувственных глаз. Но это ей не было дано. В тот же день мисс Дженкинс послала в лавку за ярдом черного крепа и немедленно обшила им черную шелковую шляпку, о которой я упоминала. Кончив работу, она надела шляпку и оглянулась на нас, ожидая нашего одобрения — восторги и восхищение она презирала. У меня было очень тяжело на душе, но даже в минуты самого искреннего горя нас порой непрошено навещают забавные мысли, и шляпка на голове мисс Дженкинс представилась мне внушительным шлемом. Вот в этом-то головном уборе, наполовину жокейском кепи, наполовину шлеме, мисс Дженкинс и присутствовала на похоронах капитана Брауна и, насколько мне известно, поддерживала мисс Джесси с нежной снисходительной твердостью, позволив ей вдоволь поплакать, прежде чем они покинули кладбище.

Тем временем мисс Пул, мисс Мэтти и я ухаживали за мисс Браун, но, как мы ни старались, ее ворчливые бесконечные жалобы не иссякали. И если мы совсем пали духом и измучились, то как же должна была чувствовать себя мисс Джесси! Однако она вернулась домой почти спокойной, точно обрела новые, силы. Сняв траур, она вошла к больной, немного бледная, кроткая, как всегда, и поблагодарила нас нежным и долгим пожатием руки. Она даже сумела улыбнуться — слабой, ласковой, невеселой улыбкой, словно стараясь заверить нас в том, что несчастье ее не сломило. И все же наши глаза внезапно наполнились слезами, которые нам было бы легче сдерживать, если бы она расплакалась. Мы уговорились, что мисс Пул останется с ней на всю долгую ночь бдения у постели больной, а мисс Мэтти и я вернемся утром, чтобы сменить их и дать мисс Джесси возможность немного поспать. Однако, когда настало утро, мисс Дженкинс вышла к завтраку в шлемоподобной шляпке и велела мисс Мэтти остаться дома — она сама пойдет ухаживать за больной. По-видимому, ее снедала великая лихорадка дружеского сочувствия, заставлявшая ее завтракать стоя и выговаривать всем домашним.

Но никакие заботы и никакая энергичная, обладающая непреклонной волей женщина уже не могли помочь мисс Браун. Когда мы вошли в комнату, там властвовало нечто более сильное, чем все мы, грозное нечто, перед которым мы были беспомощны. Мисс Браун умирала. Мы едва узнали ее голос — от раздраженности, без которой мы его себе не представляли, не осталось и следа. Потом мисс Джесси говорила мне, что в это утро голос и лицо ее сестры стали вновь такими, какими они были прежде, до того, как смерть матери сделала ее юной, робкой главой семьи, из которой теперь осталась только мисс Джесси. Умиравшая сознавала присутствие сестры, хотя нас, мне кажется, не замечала. Мы стояли чуть в стороне, за занавеской; мисс Джесси, опустившись на колени у изголовья сестры и наклонившись к ее лицу, ловила последний, еле слышный страшный шепот:

— Ах, Джесси, Джесси! Какой я была эгоисткой! Да простит мне бог, что я позволила тебе пожертвовать для меня всем! Я так тебя любила и все-таки думала только о себе. Да простит мне бог!

— Милая, ну что ты, что ты... — сказала мисс Джесси сквозь рыдания.

— А папа! Милый любимый папа! Я не буду жаловаться, если господь даст мне силу терпеть. Но, Джесси, расскажи папе, как мне хотелось увидеть его в последние минуты и попросить у него прощения. Теперь он уже никогда не узнает, как я его любила... ах, если бы я могла сказать ему это, прежде чем умру! Какой горестной была его жизнь, а я так мало делала, чтобы облегчить ее!

Лицо мисс Джесси словно озарилось светом.

— Родная, может быть, тебя утешит мысль, что он это знает? Милая, ведь его заботы, его горести... — Ее голос задрожал, но она принудила себя говорить твердо. — Мэри! Он раньше тебя ушел туда, где усталые обретают покой. Он знает теперь, как ты его любила.

На лице мисс Браун появилось странное выражение, но в нем не было печали. Несколько мгновений она

молчала, а затем мы не столько услышали, сколько прочли по ее губам слова:

— Папа, мама, Гарри, Арчи... — И тут новая мысль омрачила ее тускнеющее сознание: — Но ты же остаешься, совсем одна, Джесси!

Мисс Джесси, наверное, думала об этом все время, пока молчала, потому что теперь из ее глаз дождем хлынули слезы и у нее не сразу достало сил ответить. Затем, сложив ладони, она воздела руки и сказала — не нам:

— «Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться!»[76]

Несколько минут спустя мисс Браун застыла в последнем покое, чтобы больше уже никогда не страдать и не роптать.

После вторых похорон мисс Дженкинс настояла на том, чтобы мисс Джесси погостила у нее, а не возвращалась в опустевший дом, тем более что у нее не было средств жить в нем дальше, как она сама нам сказала. У нее оставалось что-то около двадцати фунтов годового дохода, не считая процентов с суммы, которую удастся выручить за мебель — прожить на это было невозможно, и мы начали обсуждать, каким способом она могла бы зарабатывать деньги.

— Я умею шить, — сказала мисс Джесси, — и мне нравится ходить за больными. Кроме того, мне кажется, я сумела бы вести хозяйство, если бы кто-нибудь взял меня в экономки, или же я могла бы служить продавщицей, если бы меня научили моим обязанностям.

Мисс Дженкинс разгневанно объявила, что ничего подобного она делать не будет, и почти час спустя все еще разговаривала сама с собой о том, что «некоторые люди не понимают, что, будучи дочерьми капитана, они должны считаться со своим положением», — когда принесла мисс Джесси глубокую тарелку тщательно приготовленного саго и стояла над ней, словно часовой, пока последняя ложка не была съедена, и только затем покинула комнату. Мисс Джесси, начав объяснять мне, чем еще она могла бы заняться, незаметно заговорила с давно ушедших днях, и я настолько заинтересовалась, что перестала замечать время. Мы обе вздрогнули, когда мисс Дженкинс внезапно вернулась и застала нас обеих в слезах. Я боялась, что она рассердится — ведь она часто повторяла, что слезы мешают пищеварению, а я знала, как она хочет, чтобы мисс Джесси поскорее окрепла. Но мисс Дженкинс не рассердилась, вид у нее был загадочный и взволнованный, и она несколько раз прошла мимо нас, прежде чем заговорила:

— Я была так поражена... то есть ничуть не поражена... извините, милая мисс Джесси... Я была очень удивлена... то есть пришел один джентльмен, с которым вы когда-то были знакомы, дорогая мисс Джесси...

Мисс Джесси побелела, затем залилась алой, краской и нетерпеливо посмотрела на мисс Дженкинс.

— Джентльмен, милочка, который спрашивает, можете ли вы его принять.

— Это... неужели это... — пробормотала мисс Джесси и умолкла.

— Вот его карточка, — сказала мисс Дженкинс, вручая ее мисс Джесси, и над ее склоненной головой начала подмигивать мне, делать странные гримасы и беззвучно произнесла длинную фразу, из которой я, разумеется, не поняла ни слова.

— Можно ему войти? — спросила наконец мисс Дженкинс.

— О да, конечно, — ответила мисс Джесси тоном, который говорил: «Это ваш дом, и вы можете приглашать в него, кого вам угодно». Она взяла вязанье мисс Мэтти и принялась усердно считать петли, хотя я видела, что она вся дрожит.

Мисс Дженкинс позвонила в колокольчик и отдала распоряжение служанке проводить майора Гордона в гостиную. Через минуту в комнату вошел красивый человек лет сорока с открытым мужественным лицом. Он пожал руку мисс Джесси, но она упорно смотрела в пол, и он не мог увидеть ее глаз. Мисс Дженкинс спросила, не помогу ли я ей обвязать банки с вареньем в кладовой, и, хотя мисс Джесси дернула меня за платье даже бросила на меня молящий взгляд, я не посмела не пойти туда, куда меня позвала мисс Дженкинс. Однако мы не пошли перевязывать банки с вареньем в кладовой, а остались в столовой, где мисс Дженкинс пересказала мне все, что ей поведал майор Гордон: как он служил в одном полку с капитаном Брауном и познакомился с мисс Джесси, тогда цветущей восемнадцатилетней девушкой, как он полюбил ее, хотя несколько лет таил свою любовь про себя, как, унаследовав от дяди поместье в Шотландии, он сделал ей предложение и получил отказ, но при этом она была так взволнована и видимо огорчена, что он уверился в ее взаимности, и как он узнал, что препятствием был роковой недуг, уже тогда угрожавший ее сестре. Она проговорилась, что, по словам врачей, боли будут страшными и постоянными, а ухаживать за бедной милой Мэри, ободрять и утешать их отца, кроме нее, некому. Они не раз долго разговаривали о будущем, но когда она наотрез отказалась дать ему слово, что станет его женой, когда все будет кончено, он вспылал, тут же полностью порвал с ней и уехал за границу,

уверяя себя, что она бессердечна и ему следует поскорее ее забыть. Он путешествовал по Востоку и, возвращаясь на родину, прочел в Риме рассказ о гибели капитана Брауна, напечатанный в «Галиньяни».

Тут мисс Мэтти, которая отсутствовала все утро и только сейчас вернулась домой, вбежала в столовую с чрезвычайно расстроенным и смущенным видом.

— Только подумать! — воскликнула она. — Дебора, в гостиной сидит какой-то джентльмен, и его рука лежит на талии мисс Джесси!

Глаза мисс Мэтти округлились от ужаса.

Мисс Дженкинс тотчас вывела ее из заблуждения:

— Это самое подходящее место для его руки! Уйди, Матильда, и не вмешивайся в чужие дела.

Такая отповедь из уст сестры, которая до тех пор была столпом приличий, совсем ошеломила бедную мисс Мэтти, и она вышла из столовой в полной растерянности.

Последний раз я видела бедную мисс Дженкинс много лет спустя после этого события. Миссис Гордон поддерживала самые теплые и дружеские отношения со всем Крэнфордом. Мисс Дженкинс, мисс Мэтти и мисс Пул не раз гостили у нее и, вернувшись, восторженно рассказывали о том, какой у нее дом, какой муж, как она одевается и как выглядит. Вместе со счастьем к ней отчасти вернулась красота ее юности, и к тому же она была года на два моложе, чем мы думали. Глаза у нее всегда были прелестны, а когда она стала миссис Гордон, то и против ямочек уже ничего нельзя было возразить. В то время, о котором я начала говорить, — когда я в последний раз видела мисс Дженкинс, — та совсем одряхла и несколько утратила былую непреклонность воли. У них гостила тогда маленькая Флора Гордон, и когда я вошла, девочка читала вслух мисс Дженкинс, которая лежала на кушетке, очень слабая и изменившаяся. При виде меня Флора отложила «Рассеянного».

— А! — сказала мисс Дженкинс. — Я уже не та, что, раньше, милочка. Глаза что-то стали плоховаты. Если бы, Флора не читала мне, не знаю, как бы я коротала дни. — А вы когда-нибудь читали «Рассеянного»? Удивительная, книга, удивительная! И очень полезная для Флоры. (С этим последним я, наверное, согласилась бы, если бы девочка могла хотя бы половину слов читать не по слогам, и понимала бы смысл трети из них.) Гораздо лучше той нелепой старинной книги со странным названием... еще бедный капитан Браун был убит за то, что читал ее... книги мистера Боза, ну, знаете, «Старый Поз». Когда я была молоденькой девушкой... очень давно это было... я играла Люси в «Старом Позе»...

И она болтала еще долго, так что Флора успела прочесть изрядный кусок «Рождественской песни», [77] которую мисс Мэтти забыла на столе.

ГЛАВА III

ДАВНЯЯ ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ

Я полагала, что после смерти мисс Дженкинс мои сношения с Крэнфордом кончатся или, во всяком случае, ограничатся перепиской, которая способна заменить живое общение не больше, чем альбомы с засушенными цветами (по-моему, они называются гербариями) могут заменить живые душистые цветы лугов и полей. А потому я была приятно удивлена, получив письмо от мисс Пул (у которой по завершении моего ежегодного визита к мисс Дженкинс я всегда проводила еще неделю) с приглашением погостить у нее, а затем, дня через два после того, как я его приняла, пришло письмецо от мисс Мэтти — она со множеством обиняков робко объясняла мне, какое удовольствие я ей доставлю, если погощу неделю-другую у нее либо до моего визита к мисс Пул, либо после него. «Ведь я хорошо понимаю, — писала она, — что после кончины моей дорогой сестры не могу предложить ничего заманчивого и обществом моих друзей обязана только их добротой».

Разумеется, я обещала погостить у милой мисс Мэтти после мисс Пул и на другой день после приезда в Крэнфорд отправилась к ней, стараясь представить себе, каким стал дом без мисс Дженкинс, и думая о возможных переменах с некоторой тревогой. Едва я вошла, мисс Мэтти начала плакать. По-видимому, ожидая меня, она совсем разнервничалась. Я утешала ее, как могла, и вскоре убедилась, что лучшим утешением были мои искренние похвалы покойной. Мисс Мэтти медленно наклоняла голову в такт перечислению добродетелей своей сестры, и в конце концов не сумела сдержаться, и закрыв носовым платком лицо, по которому уже давно катились тихие слезы, громко зарыдала.

— Милая мисс Мэтти, — пробормотала я, беря ее за руку, потому что у меня не было слов, чтобы выразить ей, как мне жаль ее теперь, когда она осталась на свете совсем одна.

Она отняла платок от лица и сказала:

— Милочка, пожалуйста, не называйте меня Мэтти. Ей ведь это не нравилось. Боюсь, я часто делала то, что ей не нравилось, а теперь ее больше нет. Называйте меня Матильдой, душенька, хорошо?

Я обещала, и в тот же день мы с мисс Пул начали упражняться, чтобы приучить себя к новому имени. Постепенно о желании мисс Матильды узнал весь Крэнфорд, и все мы старались отвыкнуть от ее уменьшительного имени. Однако наши усилия оказались тщетными, и со временем мы оставили эту попытку.

Мой визит к мисс Пул не был ознаменован никакими событиями. Мисс Дженкинс так долго правила светской жизнью Крэнфорда, что теперь, после ее кончины, ни у кого не хватало, духа дать званый вечер. Высокородная миссис Джеймисон, которой сама мисс Дженкинс всегда щепетильно уступала первенство, была толста, апатична и всецело зависела от своих старых слуг. Если они решали, что она должна дать званый вечер, они напоминали ей об этом, а если нет, то сама она ничего не предпринимала. А потому у меня было сколько угодно времени, чтобы выслушивать рассказы мисс Пул о давно прошедших днях, пока она вязала, а я шила рубашки отцу. Я всегда захватывала в Крэнфорд какое-нибудь простое шитье, так как читали мы мало, гуляли тоже мало, и я скоро обнаружила, что легко справляюсь там с работой, которую никак не успеваю кончить дома. Один из рассказов мисс Пул был посвящен призрачной любовной истории, о которой давным-давно как будто ходили неясные слухи.

Вскоре настал день, когда я должна была покинуть кров мисс Пул и отправиться к мисс Матильде. Она встретила меня с некоторой тревогой, опасаясь, что устроила меня недостаточно удобно. Пока я распаковывала свои вещи, она то и дело входила ко мне, чтобы помешать огонь в камине, который в конце концов от этого чуть не погас.

— Вам будет довольно ящиков, милочка? Я точно не знаю, как их распределяла моя сестра. У нее была превосходная система. И конечно, она за одну неделю обучила бы служанку топить камин как следует, а ведь Фанни служит у меня уже четыре месяца.

Впрочем, прислуга была постоянной причиной тревог и жалоб, да и не удивительно; ведь если в «благородном обществе» Крэнфорда джентльмены были почти неслыханной редкостью, то низшие классы изобиловали ими, а вернее, их соответствиями — красивыми молодыми людьми. Хорошенькие опрятные служанки имели большой выбор очень приличных «дружков», и их хозяйки, даже если они не испытывали, подобно мисс Матильде, своего рода мистического ужаса перед мужчинами и узами брака, все же имели полное право опасаться, как бы миловидной служанке не вскружил голову столяр, мясник, садовник или еще кто-нибудь из тех, кому их ремесло открывало доступ в дом, и кто, к несчастью, обычно бывал красив и холост. Поклонники Фанни, если они у нее были (а мисс Матильда подозревала такое их невероятное количество, что, не будь девушка и правда очень хорошенькой, я усомнилась бы, есть ли у нее хотя бы один вздыхатель), причиняли ее хозяйке бесконечные беспокойства. Условия, на которых она была нанята, возбранили ей обзаводиться «дружками», и хотя она, теребя край передника, простодушно сказала: «С вашего позволения, сударыня, у меня никогда их больше одного зараз не бывает», — мисс Мэтти наложила запрет и на этого единственного. Тем не менее над кухней тяготел призрак мужчины. Фанни заверила меня, что это было одно воображение, а не то я поклялась бы, что однажды вечером, заглянув в кладовую с каким-то поручением, своими глазами видела, как за дверью чулана молниеносно исчезли фалды сюртука; а в другой раз, когда наши часы остановились и я спустилась вниз узнать время, между высокими часами и открытой кухонной дверью я заметила нечто, удивительно похожее на молодого человека, втиснутого в это узкое пространство. Фанни же с какой-то странной поспешностью схватила свечу со стола, так что циферблат погрузился в тень, и с неколебимой уверенностью сообщила мне, который час, — причем на полчаса вперед, как мы обнаружили потом, услышав бой церковных курантов.

Но, как бы то ни было, Фанни пришлось оставить свое место, и мисс Матильда умоляла меня погостить у нее подольше, чтобы помочь ей «приладиться» к новой служанке, — и я согласилась после того, как отец написал, что пока еще не ждет меня домой. Новая служанка была неотесанной деревенской девушкой, которая прежде батрачила на ферме, но, когда она пришла наниматься, мне понравилось ее честное простодушное лицо, и я обещала мисс Матильде, что обучу ее порядкам, а порядки эти определялись тем, что, по мнению мисс Матильды, было бы одобрено ее сестрой. Пока мисс Дженкинс была жива, многие домашние законы и правила служили предметом жалоб мне на ухо, но теперь, после ее кончины, даже я, несмотря на мое привилегированное положение любимицы, не осмеливалась предложить никаких изменений. Например, за обедом мы точно соблюдали ритуал, установленный «в доме моего отца, крэнфордского священника», а потому вино и десерт были обязательными. Однако графины наполнялись, только когда приглашались гости, а к тому,

что в них оставалось, мы — хотя у наших приборов неизменно ставились две рюмки — притрагивались редко, и перед следующим званым вечером состояние вина исследовалось и обсуждалось на семейном совете. Чаще всего остатки шли беднякам, но порой, если вина после предыдущего праздничного события (со времени которого могло пройти и пять месяцев) оставалось еще много, графин доливали вином из свежей бутылки. По-моему, капитан Браун не особенно любил вино: я заметила, что он никогда не доканчивал даже первой рюмки, хотя военные обычно выпивают их несколько. На десерт мисс Дженкинс имела обыкновение собственноручно собирать смородину и крыжовник, хотя мне казалось, что они были бы куда вкуснее, если бы их можно было рвать прямо с куста. Однако, как заметила мисс Дженкинс, в этом случае летом на десерт нечего было бы подать. А так мы чувствовали себя весьма элегантно: две рюмки для каждой из нас, блюдо с крыжовником посередине, блюда со смородиной и сухариками по его сторонам и два графина позади них. Появление апельсинов сопровождалось любопытной церемонией. Мисс Дженкинс не нравилось, когда их резали, так как сок, по ее словам, брызгал неизвестно куда; и вкушать апельсин полагалось лишь одним способом — высасывая его (только она, мне кажется, употребляла более благозвучное слово). Однако эта процедура вызвала неприятные ассоциации с грудными младенцами, а потому в апельсиновый сезон мисс Дженкинс и мисс Мэтти после десерта вставали, в молчании брали по апельсину и удалялись в уединение своих спален, дабы там предаться высасыванию этих плодов.

Иногда я пыталась уговорить мисс Мэтти не уходить, и при жизни ее сестры мне это раза два удавалось. Я ставила экран и не смотрела в ее сторону, а она, по ее выражению, старалась не досаждать мне чмоканием, но теперь моя просьба остаться со мной в теплой столовой и съесть апельсин, как ей будет угодно, привела ее в ужас. И так было, во всем. Порядки мисс Дженкинс соблюдались с неслыханной прежде строгостью, ибо та, что установила их, удалась в мир иной, и некому было их смягчить. Во всем же остальном мисс Матильду отличали даже чрезмерные уступчивость и нерешительность. На моих глазах Фанни раз двадцать в течение утра заставляла ее менять распоряжения относительно обеда, и мне порой казалось, что ловкая девчонка пользовалась слабостью мисс Матильды нарочно, чтобы совсем ее запутать и укрепить свою власть над ней. А потому я решила не уезжать, пока хорошенько не узнаю Марту, и тогда, если она окажется преданной душой, предупредить ее, чтобы она не беспокоила свою хозяйку всякими мелочами.

Марта была грубовата и имела неприятную привычку прямо говорить все, что ей приходило в голову; кроме того, она была энергична, благожелательна и очень невежественна. Примерно через неделю после того, как она появилась в доме, мисс Матильда получила с утренней почтой письмо, весьма нас с ней удивившее, — от ее родственника, который прослужил в Индии лет двадцать — тридцать и недавно (о чем мы узнали из «Армейских списков»[78]) возвратился на родину с больной женой, никогда не видевшей своих английских родственников. Майор Дженкинс писал, что они намерены переночевать в Крэнфорде по пути в Шотландию — если мисс Матильде неудобно принять их у себя, они останутся в гостинице, но надеются провести с ней как можно больше времени в течение дня. Разумеется, это не может быть ей неудобно, — объявила она: ведь весь Крэнфорд знает, что спальня ее сестры свободна. Однако я убеждена, что она предпочла бы, чтобы майор навсегда остался в Индии и забыл о существовании своих английских родственников.

— Ах, но как же я их устрою? — растерянно спрашивала она. — Будь Дебора жива, она бы знала, как принять приезжающего погостить джентльмена. Надо ли положить бритвы в его туалетную? И ведь у меня их нет! А у Деборы они нашлись бы! А ночные туфли, а щетки, чтобы чистить мундир?

Я высказала предположение, что, вероятно, все это он привезет с собой.

— А как я узнаю, когда после обеда мне следует встать и оставить его в столовой допивать вино? Дебора сделала бы это вовремя, она была бы совершенно в своей стихии. Как вы думаете, нужно будет варить для него кофе?

Я обещала заняться кофе, сказала, что приобщу Марту к искусству прислуживать за столом (надо признаться, оно было ей совершенно неведомо), и добавила, что майор и миссис Дженкинс, несомненно, понимают, каким простым и тихим должен быть образ жизни одинокой дамы в провинциальном городке. Тем не менее она никак не могла успокоиться. Я уговорила ее вылить содержимое графинов и достать из погреба две запечатанные бутылки. К сожалению, я не могла отослать ее, когда давала наставления Марте, и она то и дело перебивала меня все новыми и новыми указаниями, так что совсем запутала бедную девушку, которая стояла с открытым ртом и смотрела то на меня, то на нее.

— Обнесите обедающих овощами, — сказала я (что, как я вижу теперь, было глупо, поскольку отнюдь не соответствовало тишине и простоте, к которым мы стремились) и, заметив растерянный взгляд Марты, пояснила: — Обойдите с блюдом тех, кто обедает, чтобы они сами накладывали себе овощи.

— И обязательно начинайте с дам, — вставила мисс Матильда. — Обязательно подходите сначала к дамам, а потом уже к джентльменам, когда прислуживаете за столом.

— Хорошо, сударыня, я так и сделаю, — ответила Марта. — Только мне парни больше нравятся.

Это заявление Марты нас смутило и шокировало, но она, конечно, не имела в виду ничего дурного, и, в общем, она старательно выполнила наши указания, хотя и подтолкнула майора локтем, когда он не сразу принялся накладывать себе картофель с блюда, которое она ему подставила.

Майор и его супруга оказались скромными, непритязательными людьми, несколько вялыми — но, если не ошибаюсь, такая вялость свойственна всем, кто долго жил в Индии. Мы пришли в ужас, когда выяснилось, что с ними приехало двое слуг: индус-камердинер майора и пожилая горничная его жены. Но они спали в гостинице и оказали нам немалую помощь, следя, чтобы их господа ни в чем не нуждались. Марта, разумеется, все время тарасила глаза на белый тюрбан и коричневое лицо индуса, и я заметила, что мисс Матильда немного ежилась, когда он прислуживал за столом. После их отъезда она даже спросила меня, не нахожу ли я в нем сходства с Синей Бородой. В целом визит прошел весьма удачно и до сих пор служит мисс Матильде неисчерпаемой темой для разговоров. Крэнфорд он привел в большое волнение и даже побудил апатичную и высокородную миссис Джеймисон задать мне несколько вопросов, когда я пришла поблагодарить ее за любезность, с которой она снабдила мисс Матильду сведениями о том, как следует обставить туалетную джентльмена, — впрочем, надо признать, давала она эти сведения с утомленной манерой скандинавской пророчицы!

Мой покой не нарушайте[79]

И, вот теперь я наконец перехожу к любовной истории.

Оказалось, что у мисс Пул был не то троюродный, не то четвероюродный брат, который давным-давно сделал предложение мисс Мэтти. Этот кузен, мисс Пул жил на своей земле в четырех-пяти милях от Крэнфорда, однако владения, его были столь незначительны, что давали ему право считаться только йоменом,[80] а вернее, со смирением, которое паче, гордости, он просто, не пожелал, вопреки примеру многих и многих фермеров, повысить себя в ранг помещика. Он не позволял, чтобы его называли Томасом Холбруком, эсквайром, и даже возвращал письма, надписанные таким образом, — объясняя на почте в Крэнфорде, что он не эсквайр, а мистер Томас Холбрук, йомен. Он не желал ничего менять в порядках, своего дома. Парадная дверь там стояла распахнутой все лето напролет, а зимой плотно закрывалась и не была снабжена ни звонком, ни молотком. Хозяин, если дверь оказывалась запертой, давал знать слугам о своем приходе, стуча в нее кулаком или набалдашником трости. Он презирал все требования утонченности и хороших манер, если только источником их не были истинная доброта и благородство. Когда вокруг не было больных, он не считал нужным понижать голос. Он в совершенстве знал местный диалект и постоянно им пользовался. Впрочем, мисс Пул (которая сообщила мне все эти подробности) тут же поспешила добавить, что так прекрасно и с таким чувством читать вслух, как он, не умел никто, кроме покойного крэнфордского священника.

— Но почему же мисс Матильда не вышла за него? — спросила я.

— Право, не знаю. Она, по-моему, с радостью согласилась бы, но, понимаете, кузен Томас не был джентльменом, на взгляд ее отца и мисс Дженкинс.

— Но не они же за него выходили! — сказала я с досадой.

— Да, конечно, но им не нравилось, что он неровня мисс Мэтти. Ведь она же была дочерью священника, и к тому же они состоят в каком-то родстве с сэром Питером Арли; мисс Дженкинс придавала этому большое значение.

— Бедная мисс Мэтти! — сказала я.

— Ну, я ведь знаю только, что он сделал предложение и получил отказ. Может быть, он вовсе и не нравился мисс Мэтти, а мисс Дженкинс ни слова против не сказала. Это же только мои догадки.

— И с тех пор она его больше не видела?

— По-моему, нет. Видите ли, Вудли, дом кузена Томаса, находится как раз на полдороге между Крэнфордом и Милстоном, и вскоре после того, как ему отказали, кузен Томас начал ездить на рынок в Милстон и почти не заглядывал в Крэнфорд. Однажды, правда, мы с мисс Мэтти шли по Хай-стрит, как вдруг она, ничего мне не говоря, свернула в переулок. А минуты через две-три, смотрю, мне навстречу идет кузен Томас.

— А сколько ему теперь лет? — спросила я, после того как несколько минут в молчании воздвигала воздушный замок.

— Да лет семьдесят, милочка, — ответила мисс Пул, и мой замок разлетелся вдребезги, словно она подвела

под него пороховую мину.

Вскоре после этой беседы — во всяком случае, в тот же самый раз, когда я загостилась у мисс Матильды, — мне представился случай увидеть мистера Холбрука, а кроме того, и стать свидетельницей первой встречи между ним и его бывшей возлюбленной после тридцати, если не сорока, лет разлуки. Я помогала решить, подойдет ли какой-нибудь из только что полученных лавочником цветных шелков к серо-черному муслиновому платью, которое требовалось надставить, когда в лавку вошел высокий, похожий на Дон-Кихота старик и спросил шерстяные перчатки. Я никогда прежде его не видела (внешность у него была запоминающаяся) и потому продолжала на него посматривать, пока мисс Мэтти говорила с приказчиком. На незнакомце был синий сюртук с медными пуговицами, серые панталоны и гетры, и он нетерпеливо барабанил пальцами по прилавку. Когда он ответил на вопрос молодого приказчика: «Что прикажете показать вам, сударь?» — мисс Матильда, вздрогнув, опустилась на стул, и я сразу догадалась, кто он такой. Она что-то спросила у приказчика, и он крикнул своему товарищу:

— Мисс Дженкинс требуется подкладочный шелк по два шиллинга два пенса за ярд.

Услышав эту фамилию, мистер Холбрук во мгновение ока очутился рядом с нами.

— Мэтти... мисс Матильда... мисс Дженкинс! Боже ты мой! Вот уж не узнал бы вас! Как поживаете? Как поживаете? — Он тряс ее руку с жаром, говорившим об искренней радости, но все повторял, словно про себя: «Вот уж, не узнал бы вас!» И я поняла, что счастливому концу сентиментального романа, который, быть может, рисовался моему воображению, сбыться не суждено.

Однако он продолжал разговаривать с нами все время, пока мы оставались в лавке, а затем, отмахнувшись от приказчика, державшего так и не купленные перчатки («В другой раз, любезный, в другой раз!»), проводил нас до дома. С удовольствием могу сказать, что моя подопечная, мисс Матильда, покинула лавку в не менее растерянном состоянии, так и не купив ни зеленого, ни красного шелка. Мистер Холбрук от души и словоохотливо радовался, встрече со своей былой возлюбленной; он говорил о происшедших переменах, он даже упомянул мисс Дженкинс: «Ваша бедная сестра! Ну-ну, у нас всех есть свои недостатки» — и распрощался с нами, несколько раз выразив надежду, что скоро вновь увидится с мисс Мэтти. Она же прямо поднялась к себе в спальню и вышла только к чаю, который мы, правда, пили рано. Поглядев на ее лицо, я решила, что она, должно быть, плакала.

ГЛАВА IV

ВИЗИТ К СТАРОМУ ХОЛОСТЯКУ

Несколько дней спустя от мистера Холбрука пришло письмо, в котором он в старомодных церемонных выражениях приглашал нас — нас обеих, не делая никакого различия, — провести у него день, долгий июньский день (был уже июнь). Он сообщал, что, кроме нас, пригласил свою кузину мисс Пул, так что мы могли бы вместе нанять извозчика, который и довезет нас до его дома.

Я полагала, что мисс Мэтти с восторгом примет это приглашение, однако мне и мисс Пул лишь с величайшим трудом удалось убедить ее поехать. Она опасалась, что это не совсем ловко, и даже почти рассердилась, когда мы не пожелали усмотреть ничего неловкого в том, что она в обществе двух других дам навестит своего бывшего поклонника. Затем она выдвинула более серьезное возражение: по ее мнению, это не понравилось бы Деборе. Мы уговаривали и убеждали ее добрую половину дня, и едва она как будто начала сдаваться, я тотчас же воспользовалась ее колебаниями и, чтобы покончить с этим раз и навсегда, немедленно отправила согласие от ее имени, указав день и час.

На следующее утро она попросила меня сходить с ней в лавку, и там после долгих раздумий мы отобрали три чепца и попросили прислать их к нам домой, чтобы там примерить их на свободе и отобрать для четверга тот, который окажется больше к лицу.

Всю дорогу до Вудли мисс Мэтти пребывала в безмолвном волнении. Она никогда еще там не бывала, насколько я поняла, — ей и в голову не приходило, что мне известна история ее юности, — и нетрудно было заметить, с каким трепетом ожидала она той минуты, когда увидит место, которое могло бы стать ее домом и вокруг которого, наверно, сплетались ее девичьи невинные мечты. Мы долго ехали туда по проселочным дорогам. И все это время мисс Матильда сидела выпрямившись и грустно смотрела в окошко кареты на мирный сельский пейзаж. Вудли был окружен полями. Дом стоял среди старомодного сада, где розы росли вперемежку

со смородиной, а перистые листья спаржи служили прелестным фоном для гвоздик и левкоев. Подъездной аллеи не было, и, выйдя у калитки, мы пошли к крыльцу по прямой, обсаженной кустами дорожке.

— Право же, мой кузен мог бы устроить подъездную аллею! — заметила мисс Пул. Она всегда боялась простудить уши; а сейчас ее голову защищал только легкий чепец.

— По-моему, это прелестная дорожка, — чуть жалобно сказала мисс Мэтти, понизив голос почти до шепота, потому что на крыльцо как раз вышел мистер Холбрук, потирая руки с самым гостеприимным видом. Он показался мне похожим на Дон-Кихота даже еще больше, чем прежде, но это сходство было лишь внешним. Его почтенная экономка со скромной приветливостью встретила нас в дверях. Она проводила моих спутниц наверх в спальню, а я попросила разрешения осмотреть сад. Моя просьба, по-видимому, была приятна старику, и он повел меня по всей усадьбе, не преминув показать двадцать жесть своих коров, — кличками которым служили буквы алфавита. Он то и дело удивлял меня, цитируя весьма к месту прекрасные строки самых разных поэтов, начиная от Шекспира и Джорджа Герберта[81] и кончая нашими современниками. Он делал это совершенно естественно, так, словно думал вслух, а их верные и возвышенные слова лучше всего подходили для выражения его мыслей и чувств. Правда, Байрона он называл «милорд Байрон», а фамилию Гете произнес в строгом соответствии с ее немецким, написанием «Готехе» («как говорит Готехе, «вечно зеленые дворцы...» и т. д.). Короче говоря, мне ни до, ни после не доводилось встречать человека, который, — прожив всю долгую жизнь в однообразии сельского уединения, сохранил бы столь неиссякаемую способность восхищенно любоваться красотой природы в ее вечных изменениях ото дня ко дню, от одного времени года к другому.

Когда мы с ним вернулись в дом, обед уже ожидал нас на кухне — не знаю, как иначе назвать эту комнату, где справа и слева от камина вдоль стен стояли дубовые шкафы и лари, а пол был каменным, хотя середину его и закрывал небольшой турецкий ковер. Это помещение было бы нетрудно превратить в красивую, обшитую темным дубом столовую — стоило лишь убрать плиту и другие кухонные приспособления, которыми к тому же давно уже не пользовались, так как настоящая кухня находилась в пристройке. Предполагалось, что после обеда мы удалимся в безобразную залу, обставленную тяжелой неудобной мебелью, но удалились мы в комнату, которую мистер Холбрук называл своей конторой, — тут он еженедельно выдавал жалованье своим батракам, сидя за большим письменным столом у двери. Эту очаровательную гостиную (окна ее выходили в фруктовый сад и везде — на стенах, и на полу — танцевали тени веток) заполняли книги. Они лежали на полу, ряды их тянулись по стенам, стол был ими завален. Мистер Холбрук, несомненно, гордился таким их изобилием и немного его стеснялся. Тут можно было найти все жанры, хотя преобладали стихи и страшные романы. Судя по всему, он выбирал книги в согласии с собственным вкусом, а не потому, что они слыли шедеврами или принадлежали перу признанных классиков.

— Нам, фермерам, — сказал он, — вроде бы не пристало тратить время на чтение, но без этого как-то нельзя обойтись.

— Какая прелестная комната, — сказала мисс Мэтти *sotto voce*.

— Как тут приятно! — сказала я вслух почти одновременно с ней.

— Ну, если вам тут нравится... — сказал он. — Только удобно ли вам будет сидеть на этих треугольных кожаных стульях? Мне-то она нравится больше парадной комнаты, но я думал, что для дам та больше подходит.

Та комната, бесспорно, заслуживала названия парадной, но подобно всему, что парадно, она не была ни приятной, ни удобной, ни уютной. А потому, пока мы обедали, служанка как следует протерла черные кожаные стулья в конторе, и там мы провели остальную часть дня.

Пудинг нам подали перед жарким, и я было решила, что мистер Холбрук собирается принести извинения за свою старомодность, так как он сказал:

— Не знаю, может быть, вам нравятся модные обычаи...

— О, вовсе нет! — ответила мисс Мэттк.

— Мне вот они тоже не нравятся, — продолжал он. — Но моя экономка все переворачивает по-нынешнему, хоть я и говорю ей, что смолоду привык следовать правилу моего отца: «Не съешь суп — не получишь клецок, не съешь клецки — не получишь говядины». У нас в семье всегда начинали обед с супа. Потом мы ели пудинг с салом, сваренный на мясном бульоне, а уж только потом мясо. Если мы не съедали за ужином суп, то не получали клецок, которые нам нравились куда больше. А жаркое давалось на заедку, и только тем, кто как следует разделается с супом и клецками. Нынче же пошла мода начинать со сладкого, и обед точно наизнанку вывертывают.

Когда подали утку с зеленым горошком, мы в отчаянии переглянулись — у наших приборов лежали только двузубые вилки с темными роговыми ручками. Правда, их сталь сверкала, как серебро, но что нам было делать?

Мисс Мэтти ела горошинки по одной, насаживая их на зубцы — точно Амина[82] зернышки риса, после пира с вурдалаком. Мисс Пул со вздохом отодвинула нежный молодой горошек к краю тарелки, почти его не попробовав — он упорно проваливался между зубьев, как она ни старалась. Я поглядела на нашего хозяина — горошек стремительно исчезал в его обширном рту, подхватываемый закругленным концом широкого ножа. Я увидела, я последовала кощунственному примеру, я осталась жива и здорова! У моих друзей, несмотря на созданный мной прецедент, все-таки не хватило духа настолько преступить правила хорошего тона, и если бы мистер Холбрук не был столь голоден, он, возможно, заметил бы, что его отличный горошек остался почти нетронутым.

После обеда ему принесли глиняную трубку и пепельницу, а он, попросив нас, если нам неприятен табачный дым, удалиться в соседнюю комнату, где он вскоре к нам присоединится, протянул трубку мисс Мэтти, чтобы она ее набила. В дни его юности такая просьба считалась честью для дамы, к которой она была обращена, однако адресовать подобную любезность мисс Мэтти было, пожалуй, не слишком уместно, так как старшая сестра приучила ее относиться к курению с величайшей брезгливостью и отвращением. Впрочем, если ее благовоспитанность и была возмущена, ей тем не менее польстило такое предпочтение, а потому она изящно набила трубку крепким табаком, после чего мы удалились в контору.

— Как приятно обедать у холостяка! — вполголоса сказала мисс Мэтти, когда мы расположились там. — Надеюсь только, что в этом нет ничего неприличного. Ведь все, что приятно, почти всегда неприлично!

— Сколько у него книг! — воскликнула мисс Пул, оглядывая комнату. — И до чего же они пыльные!

— Мне кажется, в таких же комнатах обитал великий доктор Джонсон, — сказала мисс Мэтти. — Какой, наверное, образованный человек ваш кузен!

— Да, — согласилась мисс Пул. — Читает он много, но, боюсь, живя в одиночестве, он очень огрубел.

— Ах, «огрубел» — слишком суровое слово. Я бы назвала его эксцентричным; очень умные люди всегда эксцентричны, — возразила мисс Мэтти.

Когда мистер Холбрук опять присоединился к нам, он предложил прогуляться по лугам, но мисс Мэтти и мисс Пул обе опасались сырости и грязи, да и старомодные капюшоны на обручах, которыми им пришлось бы прикрыть чепцы, не отличались изяществом, а потому они отказались, и я вновь оказалась его единственной спутницей, так как ему, объяснил он, нужно было посмотреть, чем заняты его работники. Он шел широким шагом и молчал, не то совершенно забыв о моем присутствии, не то умиротворенный своей трубкой. И все-таки это не было молчанием в собственном смысле слова. Он шел немного впереди меня, сутулясь, заложив руки за спину, и когда его внимание привлекало какое-нибудь дерево, облако или встающая вдали зеленая гряда холмов, начинал звучным голосом декламировать стихи с той выразительностью, какую рождает лишь истинное чувство прекрасного. Мы приблизились к старому кедру, осенявшему угол дома.

— «Кедр распростер покровы темно-зеленой тени». Великолепно выражено — «покровы»! Удивительный поэт!

Я не знала, обращается ли он ко мне или нет, однако согласилась — «удивительный!»), хотя даже не знала, о ком идет речь: мне надоело, что меня не замечают и из-за этого я принуждена молчать.

Он быстро обернулся ко мне.

— Это вы правильно сказали — удивительный. Да, когда я прочел в «Блэквудс»[83] статью о его стихах, и часу не прошло, как я отправился за семь миль пешком в Милстон (лошадей свободных не было) и сразу же заказал эту книгу. Вот скажите, какого цвета бывают в марте почки вяза?

«Наверное, он сошел с ума! — подумала я. — До чего же он похож на Дон-Кихота!»

— Так какого же они цвета? — повторил он с жаром.

— Право, не знаю, сэр, — ответила я, смиренно признаваясь в своем невежестве.

— Конечно, не знаете. И я не знал, — старый дурак! — пока не явился этот молодой человек и не сказал мне: «Черны, как почки вяза в марте». А я ведь всю жизнь прожил в деревне — тем более должно мне быть стыдно. Черные! Они черны как смоль, сударыня.

И он снова зашагал вперед в такт музыке каких-то стихов, которые пришли ему на память.

Когда мы вернулись, он во что бы то ни стало захотел прочесть нам все стихи, о которых говорил мне. Мисс Пул поддержала его в этом намерении, — наверное, потому, решила я, что ей хочется, чтобы я услышала прекрасное чтение, которое она так расхваливала; однако позже она объяснила, что добралась в своем вязании до трудного места и хотела считать петли, а не разговаривать. Мисс Мэтти одобрила бы любое его намерение, что, впрочем, не помешало ей крепко уснуть через пять минут после того, как он начал читать поэму, озаглавленную «Замок Локсли», [84] и сладко дремала, пока он не кончил. Когда же он умолк и внезапная

тишина ее разбудила, она, почувствовав, что следует что-то сказать, и заметив, что мисс Пул считает петли, воскликнула:

— Какие миленькие стихи!

— Миленькие, сударыня? Они великолепны! Подумать только — миленькие!

— О да! Я и хотела сказать — великолепные, — поправились она, испугавшись неодобрения, которое вызвало у него это слово. — Они так похожи на великолепную поэму доктора Джонсона, которую часто читала моя сестра... я забыла ее название. Как же она называлась, милочка? — обратилась она ко мне.

— Про какую вы говорите, сударыня? О чем она?

— Я не помню, о чем она, и забыла ее название, но ее написал доктор Джонсон, и она очень красива и очень похожа на ту, которую нам сейчас прочел мистер Холбрук.

— Я что-то ее не вспоминаю, — задумчиво сказал он. — Правда, я плохо знаю стихи доктора Джонсона. Надо будет почитать их.

Когда мы сели в карету, я услышала, как мистер Холбрук обещал, что скоро навестит своих гостей, чтобы узнать, хорошо ли они доехали, и это, по-видимому, обрадовало и взволновало мисс Мэтти. Но когда старый дом скрылся за деревьями, чувства, которые внушал ей его хозяин, были заслонены тягостными опасениями — вдруг Марта нарушила слово и, воспользовавшись отсутствием хозяйки, пригласила к себе «дружка». Когда Марта вышла встретить нас, вид у нее был достаточно добродетельный, надежный и спокойный, но она всегда тревожилась за мисс Мэтти и в этот вечер приветствовала ее следующей малоуместной речью:

— Господи, сударыня, как же это вы вечером, да в такой тонкой шали! Она ведь греет не больше муслина. В вашем возрасте, сударыня, надобно беречься.

— В моем возрасте! — повторила мисс Мэтти тоном, который для нее был почти сердитым, так как она всегда говорила очень мягко. — В моем возрасте! Да сколько, по-вашему, мне лет, если вы упоминаете про мой возраст?

— Да что же, сударыня, я бы сказала, что вам под шестьдесят, только ведь люди иной раз выглядят старше, чем есть, а я же ничего дурного не думала.

— Марта, мне еще не исполнилось и пятидесяти двух, — торжественно произнесла мисс Мэтти. Возможно, последний день живо напомнил ей юность, и мысль о том, что это золотое время уже так далеко в прошлом, показалась ей особенно горькой.

Но она ни разу не упомянула о давнем и более близком своем знакомстве с мистером Холбруком. Наверное, ее любовь встретила когда-то так мало сочувствия, что она замкнула ее в тайниках души, и, только невольно наблюдая за ней с тех пор, как мисс Пул открыла мне ее тайну, я могла подметить, что ее бедное сердце в печали и безмолвии хранило незыблемую верность.

Каждый день она убедительно объясняла мне, почему ей следует надеть парадный чепец, и, забывая про ревматизм, садилась неподалеку от окна, чтобы видеть улицу, оставаясь невидимой.

И он приехал. Он уперся ладонями в широко расставленные колени и, когда мы ответили на его расспросы о том, как мы доехали, опустил голову, негромко насвистывая.

Внезапно он вскочил.

— Нет ли у вас, сударыня, каких-нибудь поручений в Париж? Я ведь туда отправляюсь через неделю-другую.

— В Париж! — воскликнули мы хором.

— Да, сударыня. Я там никогда не бывал, хотя всегда хотел туда съездить, ну, и подумал, что если сейчас не соберусь, так уж никогда там и не побываю. Вот уберем сено, я и отправлюсь, чтобы успеть вернуться до начала жатвы.

Мы были так поражены, что не могли придумать никакого поручения.

Уже выходя из комнаты, он вдруг обернулся с излюбленным своим восклицанием:

— Боже ты мой, сударыня! Ведь совсем было позабыл! Вот стихи, которые вам так понравились в тот вечер у меня. — Он вытащил из кармана пакет. — До свиданья, мисс, — сказал он мне, — до свиданья, Мэтти! Берегите себя! — И он ушел. Но он привез ей книгу, и он назвал ее Мэтти, как называл тридцать лет назад.

— Лучше бы он не ездил в Париж, — сказала мисс Матильда с тревогой. — Боюсь, как бы лягушки ему не повредили, он ведь всегда был очень разборчив в еде — это даже казалось странным в таком здоровом молодом человеке.

Вскоре после этого я уехала, много раз повторив Марте, чтобы она берегла свою хозяйку и тут же известила меня, если мисс Матильде будет нездоровиться: тогда я попрошу разрешения навестить ее, не упоминая,

разумеется, о сведениях, полученных от Марты.

Выполняя мою просьбу, Марта время от времени посылала мне одну-две строчки, и примерло в ноябре я получила письмецо, в котором говорилось, что ее хозяйка «совсем извелась и ничего не кушает». Это так меня встревожило, что я тут же собралась и поехала в Крэнфорд, хотя Марта меня об этом не просила.

Меня приняли очень сердечно, несмотря на волнения и хлопоты, которые вызвал мой неожиданный визит (я ведь могла предупредить о своем приезде лишь за день). Вид у мисс Матильды был совсем больной, и я приготовилась всячески за ней ухаживать.

Но сначала я спустилась в кухню, чтобы поговорить с Мартой наедине.

— Давно ваша хозяйка недомогает? — спросила я, остановившись у плиты.

— Да, пожалуй, — больше двух недель будет. Это я хорошо помню. Во вторник приходила к ней мисс Пул, а как она ушла, так хозяйка и загрустила. Я думала, она устала и за ночь все пройдет. Только нет, с тех пор она чахнет и чахнет — вот я и решила, что мне следует написать вам, сударыня.

— Вы поступили, как следовало, Марта. Для меня большое утешение, что возле нее есть такой верный человек. Надеюсь, вам это место нравится.

— Что же, сударыня, хозяйка-то очень добрая, и есть и пить можно вволю, да и работа легкая, вот только... — Марта нерешительно умолкла.

— О чем вы, Марта?

— Да вот хозяйка и слышать не хочет, чтобы я завела себе дружка. А тут полно молодых парней, и многие не прочь водить со мной компанию. Да и придется ли мне еще когда жить в городе... ну, просто жалость, что такой случай зря пропадает. Другие-то не посмотрели бы на хозяйку, да и устроили бы все так, что она ничего и не знала бы, только я дала слово и уж его не нарушу. И ведь дом-то такой, что води кого хочешь, а хозяйке бы и невдомек — кухня большая, темных закоулков полно, хоть кого спрятать можно. Я прикинула в прошлое воскресенье... чего уж тут: я весь вечер проплакала, потому что пришлось мне захлопнуть дверь перед носом у Джема Хирна, а ведь он не вертопрах какой-нибудь, с ним любой девушке водиться не зазорно, да только я дала хозяйке слово...

Марта снова чуть не расплакалась, а я ничем не могла ее утешить, так как по прошлому опыту знала, какой ужас обе мисс Дженкинс питали к «дружкам», и нынешнее нервное состояние мисс Матильды не оставляло надежды на то, что ужас этот может уменьшиться.

На следующий день я отправилась к мисс Пул и очень удивила ее своим появлением, так как она не заглядывала к мисс Матильде уже два дня.

— А теперь я пойду проводить вас, милочка, потому что обещала извещать ее, как себя чувствует Томас Холбрук, а сегодня — это так грустно! — его экономка прислала мне записку, что жить ему остается недолго. Бедный Томас! Эта поездка в Париж оказалась ему не по силам. Его экономка говорит, что он после возвращения и на полях почти не бывал — сидит в конторе, упершись руками в колени, и не читает ничего, а только повторяет: какой Париж чудесный город! Парижу придется за многое ответить, если он убил кузена Томаса, — ведь лучше его на свете человека нет.

— А мисс Матильда знает про его болезнь? — спросила я, начиная догадываться о причине ее недомогания.

— Да конечно же! Разве она вам ничего не говорила? Я ей сразу сообщила, недели две тому назад, как только сама узнала. Странно, что она вам ничего не сказала!

Вовсе нет, подумала я, но промолчала. Мне было стыдно, что любопытство толкнуло меня заглянуть в это нежное сердце, и я не собиралась разглашать его тайны, которые, как полагала мисс Мэтти, были скрыты от всего мира. Я проводила мисс Пул до маленькой гостиной мисс Матильды и оставила их одних. И я не удивилась, когда ко мне в спальню постучала Марта и предупредила, что я буду обедать одна — у хозяйки опять разболелась голова. Мисс Мэтти спустилась в гостиную к чаю, но, видимо, это стоило ей больших усилий, и, словно желая искупить дурное чувство, с каким она, наверное, весь день вспоминала свою покойную сестру мисс Дженкинс, в чем теперь горячо раскаивалась, она долго и подробно рассказывала мне, как добра и как умна была Дебора в юности, как она решала, какие платья им следует надеть на званый вечер (призрачный, зыбкий образ тоскливых званых вечеров в далеком-далеком прошлом, когда мисс Мэтти и мисс Пул были юными девушками!), и как Дебора вместе с их матушкой создала общество помощи беднякам и обучала девочек стряпне и шитью, и как Дебора однажды танцевала с лордом, и как она гостила у сэра Питера Арли, а потом пыталась поставить скромный дом священника на ту же ногу, что и Арли-Холл, где держали тридцать слуг, и как она ухаживала за мисс Мэтти во время долгой болезни, о которой я прежде ничего не слыхала, но которую теперь мысленно отнесла ко времени, последовавшему за отказом мистера Холбруку. Вот так мы весь долгий

ноябрьский вечер вполголоса говорили о былых временах.

На следующий день мисс Пул пришла сказать, что мистер Холбрук скончался. Мисс Мэтти выслушала ее молча — ведь после того, что она рассказала нам накануне, мы ничего другого ждать и не могли. Мисс Пул упорно добивалась от нас слов сожаления, спрашивая, не грустно ли это, то и дело повторяя:

— Только вспомнить этот чудный июньский день, когда он казался таким здоровым! И он мог бы прожить еще двадцать лет, если бы не уехал в этот мерзкий Париж, где они все время устраивают революции.

Она умолкла, ожидая, не скажем ли мы чего-нибудь. Я увидела, что мисс Мэтти не в силах произнести ни слова — она вся дрожала, — а потому я сказала то, что чувствовала на самом деле, и, посидев еще довольно долго (не сомневаюсь, все это время мисс Пул думала о том, как спокойно приняла мисс Мэтти ее новость), наша гостья наконец удалилась.

Мисс Мэтти приложила все старания, чтобы скрыть свои чувства — даже от меня — и больше никогда не упоминала мистера Холбрука, хотя книга, которую он ей привез, лежит на столике возле ее кровати рядом с Библией. Она полагает, что я не слышала, как она попросила крэнфордскую модистку переделать ее чепцы так, чтобы они стали похожи на чепцы миссис Джеймисон, и не обратила; внимания на ответ:

— Но она же носит вдовьи чепцы, сударыня!

— Да? Я имела в виду только фасон... не вдовий, конечно, а такой, как у миссис Джеймисон.

Именно эти усилия породили нервное подергивание головы и рук, которое я с этих пор стала замечать у мисс Мэтти.

Весь вечер того дня, когда мы узнали о кончине мистера Холбрука, мисс Матильда была молчалива и задумчива. После молитвы она снова позвала Марту, но, казалось, не знала, что ей сказать.

— Марта! — произнесла она наконец. — Вы молоды... — и умолкла, так что Марта, чтобы напомнить ей, о чем она начала говорить, сделала книксен и сказала:

— Да, сударыня, с вашего разрешения. В прошлый октябрь, сударыня, мне сравнялось двадцать два года.

— И может быть, Марта, в один прекрасный день вы встретите молодого человека, который вам понравится и которому вы понравитесь. Я, правда, сказала, чтобы вы не заводили дружков, но если вы встретите такого молодого человека и скажете мне и я увижу, что он достойный молодой человек, я позволю, чтобы он навещал вас раз в неделю. Не дай бог, — продолжала она тихо, — чтобы я причинила горе юным сердцам.

Она говорила так, словно разрешала затруднения, которые могут возникнуть в далекою будущем, а потому несколько растерялась, когда Марта радостно затараторила:

— С вашего разрешения, сударыня, вот Джем Хирн — он плотник, зарабатывает в день три шиллинга шесть пенсов, и в нем росту без башмаков шесть футов один дюйм, с вашего разрешения, сударыня. И если вы утречком наведете о нем справки, вам все скажут, что он не вертопрах какой-нибудь, а уж он-то как рад будет прийти сюда завтра вечером!

Хотя мисс Мэтти и была ошеломлена, она покорилась Судьбе и Любви.

ГЛАВА V

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Я часто замечала, что почти всем людям свойственна привычка экономить на тех или иных мелочах, тщательно сберегая какую-то ничтожную долю пенса, причем всякая неудача в этом вызывает горькую досаду, хотя тот же человек способен бросать шиллинги или даже фунты на самые пустые затеи. Я знавала одного пожилого джентльмена, который со стоической невозмутимостью принял известие о банкротстве акционерного банка, где хранилась часть его капитала, но весь долгий летний день пилил своих семейных за то, что кто-то из них вырвал (а не аккуратно отрезал) исписанные листки из его ставшей теперь бесполезной банковской книжки. Ведь в результате из нее выпало и несколько чистых листков, и этот ненужный расход бумаги (экономия которой была его коньком) расстроил его гораздо больше потери денег. Когда в употребление вошли конверты, они превратились для него в источник вечных мучений, и он несколько смирился с таким переводом возлюбленного своего материала, только когда ему удавалось ценой долгого и кропотливого труда вывернуть наизнанку конверт от полученного им письма, дабы его можно было использовать вновь. Даже теперь, когда годы несколько его укротили, он печально поглядывает на дочерей, если они, принимая приглашение, пишут ответные три строчки на целой чистой странице, а не на половинке. Должна признаться, что такая слабость

свойственна и мне. Моя страсть — веревочки. Мои карманы всегда набиты клубочками бечевки, подобранных и свернутых, чтобы использовать их при случае, который никогда не представляется. Меня очень раздражает, если веревочку на пакете разрезают, вместо того чтобы терпеливо и аккуратно распутать каждый узел. А как хватается у людей духа с такой небрежностью пользоваться резиновыми кольцами, которые представляют собой, так сказать, обожествленные веревочки, я, право, не в силах понять. Для меня резиновое колечко — это бесценное сокровище. У меня хранится такое кольцо, далеко не новое — я подобрала его с пола почти шесть лет назад. Честное слово, я несколько раз пыталась применить его к делу, но у меня так и не хватило духа позволить себе подобное мотовство.

Кое-кого огорчают крохотные кусочки масла. Они перестают следить за разговором, злясь на привычку некоторых людей обязательно брать масла больше, чем им требуется. Вы не замечали тревожного (почти гипнотического) взгляда, который подобные люди устремляют на такой кусочек? С каким облегчением они, если бы могли, убрали бы его с глаз долой, сунув в собственный рот и проглотив! И они испытывают глубочайшее облегчение, если тот, на чьей тарелке покоится злополучный кусочек, внезапно отламывает корочку жареного хлеба (хотя вовсе его не хочет) и доедает свое масло. Во всяком случае, это не напрасный расход.

А мисс Мэтти Дженкинс берегла свечи. У нас было много способов, позволявших употреблять их как можно меньше. Она часами продолжала вязать в ранние зимние вечера (она умела делать это и в темноте, и при свете камина), а когда я просила разрешения зажечь свечи, чтобы закончить манжеты, которые подрубала, она говорила что будет гораздо приятнее «посумерничать». Свечи обычно появлялись в комнате вместе с чаем, но зажигались они по одной. Так как мы жили в постоянном ожидании знакомых, которые могли зайти в любой вечер (но никогда не заходили), требовалась некоторая сноровка, чтобы наши свечи всегда были одинаковой длины и можно было бы сделать вид, будто они всегда горят у нас обе. Поэтому без гостей они горели по очереди, и чем бы мы ни занимались, о чем бы ни говорили, мисс Мэтти не спускала глаз с горящей свечи, готовая в нужную минуту погасить ее и зажечь другую, прежде чем длина их окажется настолько разной, что им уже не удалось бы выровняться до конца вечера.

Как-то вечером эта экономия свечей особенно меня раздражала. Мне очень надоело сидеть и «сумерничать», хочу я того или нет, тем более что мисс Мэтти задремала и я боялась разбудить ее, начав мешать уголь в камине, а потому я не могла даже сесть на коврик у огня и, поджариваясь, шить при его свете, как делала обычно. Мне показалось, что мисс Мэтти видит во сне свою юность, так как она раза два бормотала слова, касавшиеся тех, кто давно уже умер. Когда Марта принесла зажженную свечу и чай, мисс Мэтти, вздрогнув, проснулась и посмотрела вокруг недоуменным взглядом, точно ожидала увидеть совсем не нас. Ее лицо омрачила легкая грусть, когда она узнала меня, но она тут же попыталась улыбнуться мне, как всегда. Пока мы пили чай, она говорила о своем детстве и молодости. Быть может, это-то и напомнило ей, что следовало бы просмотреть старые семейные письма и уничтожить те из них, которые не предназначались для чужих глаз, — она часто говорила, что пора бы заняться письмами, но все не бралась за них, словно страшась той боли, которую может причинить такое чтение. Однако в этот вечер она после чая встала и пошла за ними — в темноте, так как гордилась тем, что у каждой вещи в ее доме было свое неизменное место, и всегда поглядывала на меня с неодобрением, если я выходила из своей спальни с зажженной свечой, чтобы взять что-нибудь в соседней комнате. Когда она вернулась, по комнате распространился легкий приятный запах тонкинских бобов. Этот запах я замечала у всех вещей, которые принадлежали ее матери, а многие письма были адресованы ей — пожелтевшие пачки любовных писем шестидесяти-семидесятилетней давности.

Мисс Мэтти развязала ленту со вздохом, но тут же его подавила, словно не полагалось сожалеть о том, как быстро проходит время и сама жизнь. Мы согласились, что будет лучше, если мы будем просматривать их раздельно, беря по письму ив одной и той же пачки и пересказывая содержание друг другу, прежде чем его уничтожить. До этого вечера я не представляла себе, какой это скорбный труд — читать старые письма, хотя не берусь объяснить, почему. Сами письма были настолько радостными, насколько могут быть письма — во всяком случае, эти первые. Их преисполняло яркое и живое ощущение настоящего времени, такое сильное и всепроникающее, словно время это не могло миновать, а теплые бьющиеся сердца, запечатлевшиеся на этих страницах, не могли умереть и бесследно исчезнуть с солнечного лика земли. Мне кажется, я не испытывала бы такой грусти, если бы в письмах ее было, больше. Я заметила, что по морщинистым щекам мисс Мэтти скатываются слезинки и она часто протирает очки. И во мне проснулась надежда, что уж теперь-то она зажжет вторую свечу — ведь слезы застилали и мои глаза, а при свете второй свечи было бы легче разбирать бледные, выцветшие строчки. Но нет! Даже слезы не заставили ее забыть о бережливости.

Первые письма хранились в двух пачках, связанных вместе и снабженных пометкой (почерком мисс Дженкинс): «Письма, которыми обменивались мой досточтимый отец и нежно любимая матушка перед тем, как они вступили в брак в июле 1774 года». Крэнфордскому священнику, по моим подсчетам, было тогда лет двадцать семь, а мисс Мэтти сказала мне, что ее мать вышла замуж восемнадцати лет. Я хорошо представляла себе покойного священника по его портрету в столовой, на котором он был изображен чопорным, величественно прямым, в огромном парике, в полном облачении и в мантии, а его рука опиралась на единственную опубликованную им проповедь — и теперь мне было как-то странно читать эти письма. Они были исполнены пылкой юной страсти — короткие безыскусственные фразы, только что продиктованные сердцем, совсем не похожие на пышный латинизированный джонсоновский стиль напечатанной проповеди, которую он произнес перед лондонским судьей, совершавшим объезд округа. Эти письма представляли любопытный контраст с письмами его юной невесты. Ей, по-видимому очень досаждало, что он требует от нее выражений любви и она не совсем понимала, зачем он все время повторяет по-разному одно и то же. Но зато она весьма ясно излагала свое горячее желание иметь белое «падуасу»[85] (чем бы это ни было), и шесть или семь писем содержали главным образом просьбы, чтобы ее возлюбленный пустил в ход свое влияние на ее родителей (которые, очевидно, держали ее в ежовых рукавицах), дабы они купили ей такой-то и такой-то наряд, а главное — белое «падуасу». Его совсем не заботило, как она одета: ему она всегда представлялась очаровательной, в чем он старательно ее и заверял, когда она просила, чтобы он в своем ответе упомянул, что ему особенно нравятся вот такие фасоны, а она покажет его письмо родителям. Однако в конце концов он как будто понял, что она не согласится назначить день свадьбы, пока не сошьет себе *trousseau*[86] по своему вкусу, и прислал ей письмо, которое, судя по всему, сопровождало большой сундук со всевозможными нарядами и украшениями и в котором он просил, чтобы она оделась так, как ей хочется. Это было первое письмо с пометкой тонким изящным почерком «от моего дорогого Джона». Вскоре после этого они поженились — во всяком случае, об этом свидетельствовал, как я решила, — перерыв в их переписке.

— Мы должны их сжечь, я полагаю, — сказала мисс Мэтти, нерешительно поглядывая на меня. — Кому они будут нужны, когда меня не станет?

И одно за другим она начала бросать их в пылающий огонь, дожидаясь, чтобы каждое вспыхнуло, сгорело и улетело в трубу легким белым пеплом, и лишь затем обрекая на ту же судьбу следующее. В комнате теперь стало достаточно светло, но я, как и она, замороженно следила за гибелью этих писем, заключавших искренний жар честного мужественного сердца.

Далее следовало письмо тоже с пометкой мисс Дженкинс: «Письмо с благочестивыми поздравлениями и наставлениями от моего достопочтенного деда моей возлюбленной матушке по поводу моего рождения. А также несколько практических советов о желательности содержания конечностей новорожденных младенцев в тепле от моей добросердечной бабушки».

Первая часть действительно заключала в себе суровую и проникновенную картину материнских обязанностей и предостережения против зол этого мира, которые грозно подстерегают двухдневного ребенка. Жена его ничего не пишет, добавил старый джентльмен, ибо он ей это запретил, так как нездоровье, вызванное вывихнутой лодыжкой, не позволяет ей (заявил он) держать в руке перо.

Однако в самом низу страницы стояло крохотное «перевернуть», и на обороте действительно оказалось письмо к «моей милой, милой Молли» с просьбой, чтобы она, выйдя из своей комнаты в первый раз, ради всего святого, поднялась бы по лестнице вверх, а ни в коем случае не спустилась бы вниз, и с советом укутывать ножки малютки во фланель и греть ее у огня, хотя сейчас и лето, потому что младенцы такие слабенькие.

Было очень трогательно наблюдать по письмам, которыми молодая мать, по-видимому, постоянно обменивалась с бабушкой, как любовь к ребенку изгоняет из ее сердца девическое тщеславие. В них опять начало фигурировать белое «падуасу», вновь заняв весьма видное место. В одном оно было перешито в крестильный наряд для младенца. Оно украшало малютку, когда она вместе с родителями отправилась погостить день-другой в Арли-Холле. Оно делало ее еще прелестней, когда она была «самой прилестной крошкой на всем свете. Милая матушка, если бы вы видели ее! Скажу безпрестрасно, она обещает вырасти настоящей красавицей!». Я вспомнила мисс Дженкинс, седую, морщинистую, иссохшую, и подумала, а узнала ли ее мать среди райских кущей. И тут же почувствовала, что да, узнала и что они предстали там друг другу в ангельском обличии.

Письма священника появились вновь только после большого перерыва. И его жена метила их уже по-другому — не от «моего дорогого Джона», но от «моего досточтимого супруга». Письма писались по случаю издания той самой проповеди, которая была изображена на портрете. Эта проповедь, произнесенная «перед его честью

верховным судьей», а затем «изданная по желанию прихожан», была, по-видимому, кульминацией, центральным событием всей его жизни. Ему пришлось поехать в Лондон, чтобы проследить за тем, как ее будут печатать. Он посетил многих друзей и советовался со всеми ними, прежде чем решил, какому типографу можно поручить столь важное дело, и в конце концов почетная обязанность была возложена на Дж. и Дж. Ривингтонов. Этот торжественный случай, по-видимому, пробудил в достойном священнослужителе особое литературное вдохновение, так как во всех его письмах к жене непременно появлялась латынь. Одно из них, я помню, кончалось так: «И я вечно храню в памяти добродетели моей Молли, *dum memor ipse mei, dum spiritus regit artus*», [87] что, принимая во внимание не слишком гладкий стиль и нередкие орфографические ошибки той, кому он писал, неопровержимо доказывает, насколько он «идеализировал» свою Молли, а, как говаривала мисс Дженкинс: «Нынче люди постоянно твердят об идеализировании, что бы это слово ни значило». Но и это было пустяками по сравнению с латинскими виршами, которые ему вдруг пришла охота сочинять и в которых Молли неизменно фигурировала как «Мария». Письмо с *carmen* [88] было снабжено ее пометкой: «Древнееврейские стихи, присланные мне моим досточтимым супругом, когда я ожидала письма, колоть ли свинью, но придется подождать. Не забыть послать эту поэму сэру Питеру Арли, как желает мой супруг». В приписке, сделанной его рукой, указывалось, что она была напечатана в «Журнале для джентльменов» за декабрь 1782 года.

Ее письма мужу (которые он хранил так бережно, словно это были *Epistolae* [89] Марка Туллия Цицерона [90]), несомненно, приносили отсутствовавшему супругу и отцу гораздо больше удовлетворения, чем его письма ей. Она рассказывала ему о том, как Дебора каждый день очень аккуратно подрубает заданный шов и читает ей вслух из книг, которые он указал, и какая она «бойкая не по летам», послушная девочка, но все время задает вопросы, на которые ее мать не знает, что ответить. Но, конечно, она не роняет себя, говоря «не знаю», а либо начинает мешать уголь в камине, либо отсылает «бойкую» девочку с каким-нибудь поручением. Теперь любимицей матери была Мэтти, обещавшая (подобно сестре в ее возрасте) стать настоящей красавицей. Это я прочла мисс Мэтти вслух, а она улыбнулась и слегка вздохнула, когда я дошла до простодушного пожелания, чтобы «малютка Мэтти не была щиславной, даже если она и вырастет красавицей».

— У меня были прелестные волосы, милочка, — сказала мисс Мэтти, — и красивые губы.

И я заметила, что она тут же поправила чепец и выпрямилась, но вернемся к письмам миссис Дженкинс. Она рассказывала мужу о приходских бедняках — какие незатейливые домашние лекарства она прописала, какое послала подкрепляющее средство прямо с плиты. По-видимому, она грозила всем бездельникам, розгой его гнева. Она спрашивала у него распоряжений относительно коров и свиней, хотя не всегда их получала, как я уже упомянула выше.

Когда вскоре после напечатания проповеди у них родился сын, добрая бабушка уже скончалась, но в пачке хранилось еще одно письмо от деда, еще более суровое и злое, так как теперь от ловушек света следовало оберегать мальчика. Старик живописал все разнообразные грехи, в которые может впасть мужчина, и к концу я уже не понимала, каким образом хоть одному мужчине удастся умереть естественной смертью. У меня создалось впечатление, что жизнь почти всех друзей и знакомых почтенного старца должна была неизбежно завершаться виселицей, и меня несколько не удивило, что жизнь человеческую он называл не иначе как «юдолю слез».

Мне показалось странным, что я никогда прежде ничего не слышала про этого брата, но я решила, что он умер во младенчестве, — иначе его сестры, конечно же, упоминали бы его имя.

Мало-помалу мы добрались до пакетов, содержащих письма мисс Дженкинс. Их мисс Мэтти было жаль сжигать. Прочие, сказала она, интересны только тем, кто любил писавших, и ей было бы больно, если бы они попали в руки чужих людей, которые не знали дорогой матушки, не знали, какой превосходной женщиной она была, хотя и не всегда писала слова так, как их пишут нынче. Но письма Деборы так прекрасны! Чтение их может принести пользу кому угодно. Она довольно давно читала миссис Чэпоун, [91] но помнит, как думала тогда, что Дебора могла бы сказать то же самое несколько не хуже. Ну, а миссис Картер! [92] Ее письма восхваляют только потому, что она написала «Эпиктета», но зато Дебора никогда бы не позволила себе употребить столь простонародное выражение, как «видать»!

Мисс Мэтти очень не хотелось предавать эти письма огню, что было совсем нетрудно заметить. Она не допустила, чтобы я быстро и небрежно прочитала их про себя. Нет, она забрала их у меня и даже зажгла вторую свечу, чтобы прочесть их вслух с надлежащим выражением и не запинаясь на длинных словах. О, боже мой! Как я жаждала фактов вместо рассуждений, пока длилось это чтение! Этих писем нам хватило на два вечера, и не скрою, что я успела за это время поразмыслить над всякой всячиной, хотя неизменно оказывалась на своем посту к концу каждого предложения.

Письма священника, его жены и тещи все были достаточно кратки и содержательны, а кроме того, написаны простым почерком и тесными строчками. Иной раз целое письмо умещалось на четвертушке листа. Бумага пожелтела, чернила побурели, а некоторые листы (как объяснила мне мисс Мэтти) пересылались еще старинной почтой: штамп в уголке изображал почтальона, мчащегося во весь дух на коне и трубящего в рог. Письма миссис Дженкинс и ее матери заклеивались большими круглыми красными облатками, ибо писались еще до того, как «Покровительство» мисс Эджуорт[93] изгнало употребление облаток из приличного общества. Судя по всему, франкированные конверты были в большой цене, и стесненные в средствах члены парламента даже расплачивались ими со своими кредиторами. Преподобный Дженкинс запечатывал свои эпистолы огромной печатью с гербом, и по тому тщанию, с каким исполнялся этот обряд, можно было заключить, что, по его мнению, их надлежало аккуратно вскрывать, а не ломать печать небрежной или нетерпеливой рукой. Письма же мисс Дженкинс принадлежали более поздней эпохе как по форме, так и по почерку. Они писались на квадратных листках, которые мы давно уже называем старомодными. Ее почерк в сочетании с ее пристрастием к многосложным словам был превосходно приспособлен для того, чтобы заполнить такой лист, после чего можно было с гордостью и удовольствием искусно писать поперек него. Бедную мисс Мэтти это ставило в тупик, так как слова разрастались, точно снежный ком, и к концу письма достигали невероятной величины. В одном из писем к отцу, несколько богословском и аргументативном по тону, мисс Дженкинс упомянула Ирода, тетрарха Идумеи. Мисс Мэтти прочла вместо этого «Ирод, петрарх Этрурии» и была довольна так, словно нисколечко не ошиблась.

Я не помню точных дат, но, кажется, самую длинную серию писем мисс Дженкинс написала в 1805 году, когда гостила у каких-то друзей под Ньюкаслем-на-Тайне. Эти друзья были близко знакомы с начальником тамошнего гарнизона и узнавали от него о всех приготовлениях, которые делались, чтобы отразить вторжение Буонапарте,[94] ибо некоторые люди полагали, что он попытается высадиться в устье Тайна. Мисс Дженкинс, очевидно, очень тревожилась, и первые из этих ее писем отличались вполне внятным языком и содержали описание того, как семья ее друзей готовилась к этому ужасному событию, одежды, связанной в узлы, чтобы можно сразу же бежать в Олстон-Мур (дикое гористое местечко на границе Нортумберленда и Камберленда), а также сигнала, который должен был предупредить, что пора бежать, и одновременно призвать к оружию волонтеров — подать же его (если мне не изменяет память) должны были звонари, ударив в церковные колокола особым, зловещим образом. Однажды, когда мисс Дженкинс со своими друзьями присутствовала на званом обеде в Ньюкасле, вдруг раздался этот набат (не слишком умная репетиция, если мораль басни о мальчике и волке содержит в себе зерно истины, но, как бы то ни было, сигнал подали), и на следующий день мисс Дженкинс, едва оправившись от испуга, подробно описала звук набата, охвативший всех ужас, спешку и тревогу, после чего, отдышавшись, добавила: «Какими ничтожными, дорогой батюшка, в настоящую минуту представляются все наши вчерашние страхи умам спокойным и любознательным!» И тут мисс Мэтти прервала чтение:

— Но, право же, милочка, тогда они вовсе не были ничтожными или пустыми. Помню, как я просыпалась по ночам, и мне казалось, что я слышу топот французов, вступающих в Крэнфорд. Многие говорили, что нам следует укрыться в соляных копиях — и мясо там прекрасно сохранилось бы, но только, пожалуй, нас мучила бы жажда. А отец произнес множество проповедей; утренние были посвящены Давиду и Голиафу и должны были вдохновить простых людей на то, чтобы в случае нужды они пустили в ход лопаты и кирпичи, а в вечерних доказывалось, что Наполеон (это еще одна из кличек Бони, как мы его называли) — не что иное, как Аполлион и Абадонна.[95] Помню, отец ожидал, что его попросят напечатать эти вечерние проповеди, но, наверное, прихожане уже наслушались их вдоволь.

Питер Мармадьок Арли Дженкинс («бедный Питер», как начала называть его тут мисс Мэтти) в это время находился в школе в Шрусбери. Священник вновь взялся, за перо и подновил свою латынь, дабы переписываться с сыном. Было очевидно, что письма мальчика писались по образчику. Они отличались завидной серьезностью, повествовали о том, как он занимается, и о различных его интеллектуальных устремлениях и чаяниях, время от времени подкрепляемых цитатами из древних авторов. Но порой животная натура прорывалась в коротеньких фразах вроде нижеследующей, которая, видимо, была написана с трепетной поспешностью уже после того, как письмо прошло цензуру: «Милая мамочка, пришли мне, пожалуйста, сладкий пирог и положи в него побольше цукатов». «Милая мамочка», вероятно, посылала ответы своему сыночку в форме пирогов и сладостей, потому что в этой пачке ни одного ее письма не было, но зато она содержала набор посланий от отца, на которого латынь в письмах сына подействовала, как звук боевой трубы на старого кавалерийского коня. Конечно, я мало что знаю о латыни, и возможно, это великолепный язык, однако,

мне кажется, он не слишком полезен, во всяком случае, если судить по тем кусочкам, которые мне запомнились из писем старого священника. Например, такой: «На твоей карте Ирландии этого города нет, но Bonus Bernardus non videt omnia,[96] как гласят Proverbia[97]». Вскоре стало совершенно ясно, что «бедный Питер» то и дело попадался на проказах и шалостях. В пачке было несколько писем к отцу, полных напыщенных выражений раскаяния по поводу какой-то проделки, а среди них оказалась плохо написанная, плохо сложенная, плохо запечатанная записка, вся в пятнах слез: «Милая, милая, милая, дорогая мамочка, я исправлюсь, я правда исправлюсь, но, пожалуйста, пожалуйста, не более из-за меня. Я этого не стою, но я буду хорошим, милая мамочка».

Когда мисс Мэтти прочла эту записку, она не могла от слез вымолвить ни слова и молча протянула ее мне. Потом она встала и унесла ее в священные пределы своей комнаты из страха, что мы можем нечаянно ее сжечь.

— Бедный Питер! — сказала она. — Его все время наказывали. Он был слишком покладист. Товарищи вовлекали его в нехорошие шалости, а сами оставались в стороне. Но он был большой проказник. И не мог удержаться, если ему представлялся случай пошутить. Бедный Питер!

ГЛАВА VI БЕДНЫЙ ПИТЕР

Будущее бедного Питера простиралось перед ним, не без приятности размеченное его близкими, однако Bonus Bernardus non videt omnia и на его карте. Ему предстояло кончить шрусберийскую школу с отличием, после чего собрать еще более обильную жатву отличий в Кембридже, а затем получить приход, как подарок от его крестного отца сэра Питера Арли. Бедный Питер! Его жизненный путь оказался совсем не таким, как надеялись и планировали его близкие. Мисс Мэтти рассказала мне все подробности, и, по-моему, это принесло ей большое облегчение. Он был любимцем их матери, которая, по-видимому, обожала всех своих детей, хотя слегка побаивалась ума и образованности Деборы. Дебора была любимицей отца и, когда он разочаровался в Питере, стала его гордостью. Единственным отличием, которое Питер заслужил в шрусберийской школе, была репутация на редкость доброго малого и заводилы всяческих проказ. Отец был огорчен, но мужественно попробовал исправить дело. У него не было денег, чтобы послать Питера подготовиться к университету у какого-нибудь хорошего преподавателя, но он мог сам его подготовить, и мисс Мэтти поведала мне о грозных приготовлениях — о словарях и лексиконах, загромоздивших кабинет их отца в то утро, когда Питер приступил к занятиям.

— Бедная мамочка! — сказала мисс Мэтти со вздохом. — Я хорошо помню, как она стояла в передней неподалеку от двери кабинета и прислушивалась к голосу отца. Я сразу понимала по ее лицу, все ли идет хорошо. И довольно долго все шло хорошо.

— Ну, а почему же лотом все пошло дурно? — спросила я. — Наверное, из-за этой скучной латыни?

— Нет, не из-за латыни. Отец был доволен Питером, потому что с ним Питер занимался очень усердно. Но он думал, что над жителями Крэнфорда можно подшучивать и ставить их в смешное положение, а им это не нравилось. Да и кому понравилось бы, что над ним смеются? Он все время их дурачил. «Дурачить» — грубое слово, милочка, и, надеюсь, вы не скажете своему батюшке, что я его употребила: мне не хотелось бы, чтобы он думал, будто я употребляю грубые выражения, хотя столько лет провела рядом с такой женщиной, как Дебора. И сами его ни в коем случае не употребляйте. Право, не знаю, как оно сорвалось у меня с языка. Наверное, потому, что я думала про бедного Питера, а это было его любимое словечко. Но тем не менее он был настоящим джентльменом. И походил на милого капитана Брауна тем, что всегда старался помогать старикам и детям. И все же он любил шутить и проказничать и почему-то думал, будто пожилые крэнфордские дамы готовы поверить чему угодно. В те дни здесь жило много старых дам; конечно, и теперь наше общество состоит почти из одних дам, но мы далеко не так стары, как бывали стары дамы в дни моей молодости. Мне и сейчас трудно удержаться от смеха, когда я вспоминаю некоторые проделки Питера. Нет, я не стану рассказывать вам о них, милочка, потому что боюсь, как бы они не шокировали вас меньше, чем следовало бы, — ведь они были совсем неблагонравными. Однажды он даже обманул нашего отца, переодевшись дамой, которая будто бы остановилась в городе проездом и пожелала познакомиться со священником, «издавшим столь превосходную проповедь, произнесенную в дни судебной сессии». Питер рассказывал, что он ужасно перепугался, когда увидел, как отец всему поверил — он заговорил о своих проповедях про Наполеона Буонапарте и даже

предложил переписать их для нее... то есть для него... нет-нет, для нее, ведь Питер был тогда дамой. Он рассказывал мне, что никогда еще так не трусил, как в те минуты, пока отец говорил. Он думал, что отец догадается, но ведь тогда Питеру пришлось бы очень плохо. И все равно кончилось это для него не так уж хорошо, потому что отец поручил ему переписать все двенадцать буонапартовских проповедей для приезжей дамы, а ведь это же был сам Питер, вы понимаете? Он был этой дамой. И один раз, когда ему очень хотелось пойти удить рыбу, он сказал: «Черт бы побрал эту бабу» — очень грубое выражение, милочка, но Питер не всегда следил за своей речью так, как следовало бы. «Отец до того рассердился, что я чуть не умерла от страха. И все-таки мне очень хотелось смеяться, глядя, как Питер делал исподтишка книксены всякий раз, когда отец хвалил прекрасный вкус этой дамы и здравость ее суждений.

— А мисс Дженкинс знала об этих проделках? — спросила я.

— Нет-нет! Дебору они так шокировали бы! О них не знал никто, кроме меня. Ах, если бы я всегда знала планы Питера! Но иногда он мне ничего не говорил. Он все повторял, что старушкам в городе не хватает пищи для пересудов, но мне кажется, он ошибался. Они три раза в неделю получали «Сентджеймскую хронику», [98] так же как и мы сейчас, а у нас всегда есть в избытке о чем поговорить; я помню, что стоило им сойтись вместе, и они ни на минуту не умолкали. Но, возможно, школьники разговаривают больше, чем дамы. И вот случилось нечто очень печальное и ужасное.

Мисс Мэтти встала, подошла к двери и приотворила ее — в передней никого не было. Тогда она позвонила и, когда вошла Марта, велела ей сходить за яйцами на ферму по ту сторону городка.

— Я запрю за вами дверь, Марта. Вам ведь не страшно пойти?

— Нет, сударыня, ни чуточки. Джем Хирн только рад будет меня проводить.

Мисс Мэтти выпрямилась во весь рост и, едва мы остались одни, выразила сожаление, что Марте несколько не хватает девичьей скромности.

— Мы задумываем свечу, милочка. Ведь разговаривать можно и при свете камина. Ну вот! Видите ли, Дебора уехала недели на две погостить у каких-то друзей. Я помню, день был очень тихий, совсем безветренный, и сирень стояла в полном цвету, так что, наверное, была весна. Отец ушел навестить больных прихожан — я помню, что видела, как он спускался с крыльца в парике, широкополой шляпе и с тростью. Не могу понять, что делалось с нашим бедным Питером — он был таким добрым, и все-таки ему всегда словно доставляло удовольствие дразнить Дебору. Она никогда не смеялась его шуткам и считала, что он неблаговоспитан и недостаточно прилежен, и это все его сердило.

И вот, как оказалось, он пробрался в ее спальню и надел ее старое платье, шаль и шляпку — те, что она постоянно носила в Крэнфорде, и в городе не нашлось бы человека, который не знал бы этой шали и шляпки. А потом он так завернул подушку, что можно было подумать, будто (вы уверены, милочка, что хорошо заперли дверь? Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь услышал)... будто это младенец в длинной белой рубашечке. Он сказал мне после, что хотел только дать городу пищу для разговоров, ему и в голову не приходило, что это может бросить тень на Дебору. И он начал расхаживать по ореховой аллее так, что кусты закрывали его только наполовину, и нянчил подушку, точно младенца, и говорил всякие ласковые слова, как всегда делают в таких случаях. И тут... тут на улице как раз показался отец, который, как всегда, шел величественно и неторопливо. И что же он увидел? Густую толпу — человек двадцать, не меньше, — которая прильнула к ограде его сада. Сначала он решил, что они смотрят на новый рододендрон, который был в полном цвету и которым он очень гордился, а потому замедлил шаг, чтобы они могли полюбоваться подольше. И ему пришла в голову мысль, что это может послужить темой для проповеди, и он начал обдумывать, нельзя ли сопоставить рододендроны с лилиями полевыми. [99] Бедный отец! Когда он подошел ближе, ему показалось странным, что его никто не замечает, но все головы прижимались к ограде: все что-то пристально разглядывали в саду. Отец остановился рядом с ними, собираясь, как он объяснил позже, пригласить их в сад, чтобы там полюбоваться прекрасными дарами растительного царства, когда... ах, милочка, я и сейчас дрожу при одном воспоминании об этом... он сам взглянул за ограду и увидел... Не знаю, что он тогда подумал, но старый Клейр говорил мне, что лицо у него стало от гнева совсем серым, а глаза под сдвинутыми черными бровями метали пламя. И он сказал — таким ужасным голосом, — чтобы они остались стоять тут, чтобы никто не посмел сделать ни шагу, а сам с быстротой молнии распахнул калитку, схватил бедного Питера, сорвал с него одежду — платье, шаль и шляпку, а подушку кинул за ограду тем, кто там стоял. Потом... он и правда был вне себя от гнева... потом он на глазах у всех этих людей начал бить Питера тростью!

Милочка, эта мальчишеская шалость в солнечный день, когда все, казалось, было так хорошо, разбила сердце моей матери, а моего отца навсегда сделала другим человеком. Да-да! Старый Клейр говорил, что Питер тоже

побелел — совсем как отец — и стоял под градом ударов неподвижно, точно статуя, а ведь отец бил что есть силы. Когда он остановился, чтобы перевести дух, Питер сказал хрипло: «Вы кончили, сэр?» — но не пошевелился. Не знаю, что ответил отец и ответил ли он что-нибудь. Но старый Клейр рассказывал, что Питер повернулся к людям за оградой и отвесил им поклон, такой торжественный и величественный, что ему мог бы позавидовать любой джентльмен, а потом медленно пошел к дому. Я была в кладовой — помогала маме готовить настойку из первоцвета. С тех пор я не переношу этой настойки и запаха этих цветов тоже: мне сразу становится дурно, как в тот день, когда Питер вошел, гордо, точно мужчина... да, и его лицо было уже лицом не мальчика, а взрослого мужчины. «Матушка! — сказал он. — Я пришел сказать, да благословит вас бог». Я заметила, что губы у него дрожат, и мне кажется, он не посмел сказать более нежных слов из-за того, что уже решил сделать. Она взглянула на него испуганно, с недоумением и спросила, что случилось. Он не улыбнулся и ничего не сказал, а только обнял ее и поцеловал, как будто не мог с ней расстаться, но прежде чем она успела заговорить, он выбежал вон. Мы с мамой ничего не понимали, и она велела мне пойти к отцу и спросить, что произошло. Он расхаживал взад и вперед по кабинету, и лицо у него было очень сердитое. «Скажи своей матери, что я наказал Питера тростью, и наказал по заслугам». Я не посмела его расспрашивать. Когда я передала маме его слова, она опустилась на стул, точно ей стало дурно. Помню, несколько дней спустя я увидела на куче сухих листьев увядшие цветки первоцвета, выброшенные, чтобы сгнить там и распасться прахом. В этом году у нас в доме не делали настойки из первоцвета, ни в этом, ни в следующем... и никогда больше.

Потом мама пошла к отцу. Я помню, что думала тогда о том, как царица Эсфирь шла к царю Артаксерксу.[100] Потому что мама была очень красивой и тоненькой, а отец выглядел таким же грозным, как Артаксеркс. Через некоторое время они вместе вышли из кабинета, и мама объяснила мне, что случилось, и сказала, что пойдет сейчас к Питеру, потому что этого хочет отец (только Питеру она так не скажет), и поговорит с ним о его поступке. Но Питера в его комнате не было. Мы осмотрели весь дом. Питера нигде не было. Даже отец, который сначала не хотел участвовать в поисках, вскоре присоединился к нам. Дом был очень старинный — в одну комнату надо было подниматься по ступенькам, в другую спускаться по ступенькам, и так повсюду. Сначала мама звала негромко и нежно, словно желая успокоить бедного мальчика: «Питер! Питер, милый! Это я!» — но потом, когда вернулись слуги, которых отец разослал в разные стороны искать Питера, когда мы узнали, что его нет ни в саду, ни на сеновале, мама стала звать его громче, с отчаянием: «Питер! Питер, маленький мой! Где ты?» — потому что она почувствовала и поняла, что этот долгий поцелуй был прощальным. До вечера мама без отдыха искала его повсюду, где только можно было, хотя каждый закоулок уже успели осмотреть раз двадцать, и не только слуги, но и она сама. Отец сидел, опустив голову на руки, и прерывал молчание, только когда возвращались слуги, не узнав ничего нового. Тогда он отнимал руки от лица, такого сильного и печального, и снова посылал их на поиски куда-нибудь еще. Мама, не переставая, ходила из комнаты в комнату, выходила в сад, снова возвращалась — совсем бесшумно, ни на секунду не присаживаясь. Ни она, ни отец не решались уйти из дома, ожидая возвращения слуг. Наконец (уже почти стемнело) мой отец встал. Он взял под руку маму, которая быстро вошла в одну дверь и сразу направилась к другой. Она вздрогнула от его прикосновения, потому что забыла обо всем на свете, кроме Питера.

«Молли! — сказал он. — Я не предполагал, что это может кончиться так». Ища утешения, он заглянул ей в лицо, белое как полотно, совсем безумное. Ведь ни она, ни отец не осмеливались высказать вслух терзавшую их ужасную мысль, что Питер наложил на себя руки, и тем более — начать другие, страшные поиски. Отец не нашел в воспаленных, тоскливых глазах жены знакомого выражения, он не обрел у нее того сочувствия, которое прежде она всегда была готова излить на него, хотя он и был сильным мужчиной, и при виде этого скорбного отчаяния из его глаз наконец хлынули слезы. Однако едва она это заметила, ее взгляд стал мягче и ласковее, и она сказала: «Милый Джон! Не плачьте. Пойдемте со мной, и мы его отыщем». И говорила она так уверенно, словно и правда знала, где искать Питера. Она взяла большую руку отца своей маленькой нежной рукой и повела его по тому же томительному кругу из комнаты в комнату, из дома в сад и назад в дом, а по его щекам все катились и катились слезы.

Ах, как мне не доставало Деборы! У меня не было времени плакать, потому что теперь слуги приходили за распоряжениями ко мне! Я написала Деборе, прося ее вернуться домой. Я послала к мистеру Холбруку... Бедный мистер Холбрук! Вы знаете, о ком я говорю... То есть я не к нему послала, а попросила одного доверенного человека узнать, не у него ли Питер. Ведь одно время мистер Холбрук иногда посещал наш дом — вы знаете, что он был кузеном мисс Пул, — и всегда был очень добр к Питеру, научил его ловить рыбу... Он со всеми был добр, и я подумала, что Питер мог отправиться к нему. Но мистер Холбрук дуда-то уехал, а Питера

там никто не видел. Уже настала ночь, но все двери были распахнуты настежь, и отец с мамой все ходили и ходили по комнатам и саду, хотя прошло больше часа с тех пор, как он стал ходить вместе с ней. И за все это время они не произнесли ни единого слова. Я распорядилась, чтобы в гостиной затопили камин, и горничная начала собирать чай, потому что я хотела, чтобы они чего-нибудь съели и согрелись, и тут старый Клейр попросил разрешения поговорить со мной.

«Я взял на мельнице сеть, мисс Мэтти. Попробовать сейчас поискать в прудах или отложить до завтра?»

Я помню, как смотрела на него, силясь понять, о чем он говорит, а когда поняла, то громко засмеялась. Какая жуткая мысль: наш веселый, милый Питер... застывший, неподвижный, мертвый! Я и сейчас еще слышу этот мой смех.

Дебора вернулась на следующий день, прежде чем я пришла в себя. Она не поддалась бы слабости, как я, но мои вопли (мой страшный смех завершился рыданиями) заставили очнуться маму; как ни мешались от горя ее мысли, она сразу овладела собой, едва кому-то из ее детей понадобилась помощь. Возле моей кровати я увидела ее и Дебору. По их лицам я поняла, что о Питере нет известий — тех ужасных, тех жутких известий, которых я больше всего страшилась, пока оставалась в этом полубесчувственном состоянии.

Бесплодность розысков, мне кажется, принесла точно такое же успокоение и маме: я убеждена, что накануне она бродила по дому и саду, гонимая мыслью, что где-то здесь Питер уже висит мертвый. Ее кроткие глаза после этого так и не стали прежними: теперь они смотрели беспокойно, жадно, словно что-то постоянно искали и не находили. Ах, это было ужасное время! И ведь все произошло так внезапно, в такой тихий солнечный день, когда сирень стояла вся в цвету.

— А где же был мистер Питер? — спросила я.

— Он отправился в Ливерпуль, а ведь тогда была война, и в устье Мерсея стояло несколько военных кораблей, и когда такой красивый крепкий юноша (он был почти шести футов роста) захотел завербоваться, ему только обрадовались. Капитан написал отцу, а Питер — маме. Погодите! Эти письма ведь должны быть где-то здесь.

Мы зажгли свечу и нашли письмо капитана и письмо Питера. А кроме того, мы нашли простенькое молящее письмо миссис Дженкинс Питеру, посланное в дом его приятеля, к которому, как ей казалось, он мог отправиться. Письмо возвратили нераспечатанным, и так нераспечатанным оно и осталось, случайно положенное в пачку с другими письмами тех лет. Вот оно:

«Мой родной, милый Питер!

Ты не подумал, как мы будем огорчены, я знаю, иначе ты не ушел бы из дома. Ты ведь такой добрый. Твой отец сидит и вздыхает так, что у меня сердце разрывается. Горе его совсем сломало, а ведь он только сделал то, что считал правильным. Может быть, он был слишком строг, и, может быть, я была недобра к тебе, но богу известно, как мы любим тебя, мой дорогой, мой единственный мальчик. Дон очень без тебя скучает. Вернись и обрадуй нас, ведь мы все тебя так любим. Я знаю, знаю, что ты вернешься».

Но Питер не вернулся. В тот весенний день он видел лицо своей матери в последний раз в своей жизни. Та, кто написала это письмо, последняя — и единственная, — кто видел то, что было в нем написано, давно умерла. И вскрыть его досталось мне, совсем ей чужой, еще не родившейся на свет, когда все это произошло.

В письме капитана говорилось, что они должны немедленно приехать в Ливерпуль, если хотят повидаться с сыном, и по какой-то нелепой прихоти судьбы это письмо где-то почему-то задержалось.

Мисс Мэтти продолжала:

— А тогда как раз происходили скачки, и все почтовые лошади в Крэнфорде были из-за них в разгоне, но отец с мамой поехали в своей собственной двуколке, и... милая деточка, они опоздали! Корабль уже отплыл. А теперь прочтите письмо Питера маме.

Оно было исполнено любви, и грусти, и гордости своей новой профессией, и обиды, что его опозорили перед всем Крэнфордом, но завершалось оно мольбой, чтобы она приехала и повидалась с ним, прежде чем его корабль покинет устье Мерсея: «Мамочка, возможно, нам доведется участвовать в сражении. Я надеюсь, что так и будет, и мы побьем французишек, но перед этим я должен, должен увидеть тебя!»

— А она опоздала, — сказала мисс Мэтти. — Опоздала.

Мы сидели молча, думая о смысле этих бесконечно печальных слов. Наконец я попросила мисс Мэтти рассказать, как переносила ее мать свое горе.

— Она была само терпение, — ответила мисс Мэтти. — Но ее здоровье никогда не было крепким, и эти несчастья совсем подорвали ее силы. Отец все сидел и смотрел на нее и казался гораздо печальнее, чем она. Он словно не мог смотреть ни на что иное, если она была рядом, и он стал таким кротким, таким ласковым. Если он

говорил что-нибудь в своей прежней манере, — как будто его слово было законом, — он тут же подходил к нам, клал руку нам на плечи и тихим голосом спрашивал, не обидел ли он нас. Когда он говорил так с Деборой, я это понимала: она ведь была такой умной! Но когда он обращался так ко мне, я еле сдерживала слезы.

Но ведь он видел то, чего не видели мы: что случившееся убивает маму. Да, убивает ее (погасите свечу, милочка, мне легче говорить в темноте) — она же всегда была хрупкой и не могла выдержать подобного испуга и потрясения. Но она улыбалась ему и утешала его — не словами, а взглядом и тоном голоса, всегда веселыми и бодрыми, когда он был рядом. И она часто повторяла, что Питер, конечно, очень скоро станет адмиралом — он ведь такой храбрый и умный, и говорила о том, как она мечтает увидеть его в мундире, и о том, какие шляпы носят адмиралы, и о том, как ему больше подходит быть моряком, чем священником, — и все это весело, так, чтобы отец поверил, будто она рада последствиям злополучного утра и расправы тростью, воспоминание о которых мучило его неотступно, мы все это знали. Но, милочка, как горько она рыдала, оставаясь одна! И вскоре она настолько ослабела, что уже не могла сдерживать слез при Деборе и при мне и все время просила нас передать Питеру то-то и то-то (их корабль отправился в Средиземное море или куда-то туда, а потом его перевели служить в Индию, а по суше тогда сообщения не было). Но она по-прежнему повторяла, что никому не дано знать часа своей смерти и что мы не должны думать, будто ее час уже близок. Мы этого не думали, но мы это знали, видя, как она тает день ото дня.

Я понимаю, милочка, что глупо плакать, когда я, наверное, уже скоро с ней свижусь.

И только подумайте, деточка, на другой день после ее смерти — она ведь и года не прожила после того, как Питер ушел из дома, — на другой день ей пришла посылка из Индии от ее бедного мальчика! Это была индийская шаль, пушистая и белая, с узенькой каемочкой по краю, как раз такая, какая понравилась бы маме.

Мы подумали, что это может немного отвлечь отца, который всю ночь просидел, держа ее за руку, а потому Дебора отнесла ему шаль и письмо Питера. Сначала он словно ничего не замечал, и мы попытались завести разговор о шали, развернули ее, стали хвалить. Тогда он неожиданно поднялся и сказал: «Мы похороним ее в ней. У Питера будет хотя бы такое утешение, и она сама бы этого пожелала».

Ну, возможно, это было неразумно, но что мы могли сделать или возразить? Когда у человека горе, с ним не спорят. Он взял шаль и погладил ее. «Как раз такая, о какой она мечтала перед свадьбой, а мать ей не купила. Я узнал об этом только много времени спустя, иначе у нее была бы такая шаль... да, была бы. И вот теперь она у нее будет».

Мама в гробу казалась такой красивой! Она всегда была хороша собой, а теперь выглядела такой прелестной, почти прозрачной, и такой молодой. Она казалась моложе Деборы, которая стояла около, вся содрогаюсь. Мы расположили шаль мягкими красивыми складками, а мама улыбалась, точно была довольна; приходило много людей — весь Крэнфорд, — чтобы попрощаться с ней, потому что они ее любили, да и как же было ее не любить! И деревенские женщины приносили букеты полевых цветов, а жена старого Клейра принесла белых фиалок и попросила, чтобы их положили ей на грудь.

В день похорон мамы Дебора сказала мне, что пусть ей сделают предложение хоть сто человек, она никогда не выйдет замуж и не покинет отца. Вряд ли все-таки их могло быть так много — я не знаю, сделал ли ей предложение хоть кто-нибудь, — но это не умаляет благородства ее слов. Она была отцу такой дочерью, каких, мне кажется, свет еще не видел и больше не увидит. Зрение у него совсем ослабело, и она читала ему книгу за книгой, писала под его диктовку, переписывала проповеди и всегда была готова выполнить любое его поручение по делам прихода. Она умела гораздо больше бедной мамы и однажды даже написала за отца письмо епископу. Но он неутешно горевал по маме, весь приход это замечал. Не то чтобы он стал менее деятельным — напротив, и, кроме того, помогал теперь тем, кто нуждался в его помощи, с большей кротостью. Я делала все, что было в моих силах, чтобы Дебору ничто не отвлекало и она могла постоянно быть возле него. Я ведь ни на что важное не гожусь, и самое лучшее, что мне дано делать, это тихонько брать на себя разные мелкие хлопоты и освобождать от них других. Но отец совсем переменялся.

— А мистер Питер приезжал потом домой?

— Да, один раз. Он приехал лейтенантом, адмиралом он не стал. И они с отцом были такими друзьями! Отец посетил вместе с ним всех своих прихожан, он так им гордился! Он выходил из дома, только опираясь на руку Питера. Дебора улыбалась (мне кажется, после маминой смерти мы больше никогда не смеялись) и повторяла, что ее убрали в чулан. Но на самом деле это было не так: отец всегда звал ее, когда надо было написать письмо, прочесть что-нибудь или что-то обсудить.

— А что было потом? — спросила я после паузы.

— А потом Питер снова ушел в море, и через некоторое время отец скончался, благословив нас обеих и

поблагодарив Дебору за все, чем она была для него, и, конечно, наши обстоятельства переменялись: мы должны были переехать в этот маленький домик и вместо трех горничных и слуги обходиться одной служанкой; но, как всегда говорила Дебора, мы строго соблюдали правила хорошего тона, хотя по воле судьбы и должны были жить просто. Бедная Дебора!

— А мистер Питер? — спросила я.

— В Индии случилась какая-то большая война — не помню ее названия, и с тех пор мы ничего о Питере не слышали. Я думаю, что он умер, и иногда меня тревожит, что мы не носили по нему траура. А порой, когда я сижу одна и в доме совсем тихо, мне кажется, что на улице раздаются его шаги, и сердце у меня замирает, а потом начинает биться очень сильно. Но шаги всегда затихают дальше по улице, а Питер не приходит... Это Марта вернулась? Нет-нет, милочка! Я пойду сама. Вы же знаете, я умею находить дорогу в темноте; А у двери меня немножко обдует свежим воздухом и, может быть, станет легче голове: она что-то разбалывается.

И мисс Мэтти спустилась вниз. Я зажгла свечу, чтобы в комнате было уютнее, когда она вернется.

— Это была Марта? — спросила я.

— Да. И я немного беспокоюсь, потому что, открывая дверь, услышала очень странный шум.

— Где? — спросила я, заметив, что ее глаза стали совсем круглыми от испуга.

— На улице... прямо за дверью... Мне показалось, что там...

— Разговаривают? — подсказала я, когда она запнулась.

— О нет! Целуются...

ГЛАВА VII ВИЗИТЫ

Как-то утром, когда мы с мисс Мэтти сидели за рукоделием — еще не было двенадцати и мисс Мэтти не сменила чепца с желтыми лентами, который прежде был парадным чепцом мисс Дженкинс и который мисс Мэтти теперь носила в уединении своего дома, а чепец, изготовленный в подражание головному убору миссис Джеймисон, надевала, только выходя куда-нибудь или ожидая гостей, — в комнату заглянула Марта и доложила, что ее хозяйку хотела бы видеть мисс Бетти Баркер. Мисс Мэтти сказала, чтобы Марта пригласила мисс Баркер подняться в гостиную, а сама поспешила к себе в спальню переменить чепец, но так как она забыла очки, а к тому же пришла в некоторое волнение из-за странного времени, выбранного для этого визита, я несколько не удивилась, увидев, что она просто водрузила второй чепец поверх первого. Мисс Мэтти не подозревала об этом и смотрела на нас с безмятежной улыбкой. Впрочем, мне кажется, и мисс Баркер ничего не заметила: не говоря уж о том малозначительном обстоятельстве, что она была далеко не так молода, как прежде, все ее внимание поглощала цель ее прихода, о которой она и поведала с угнетающим смирением, нашедшим выход в бесконечных извинениях.

Мисс Бетти Баркер была дочерью старого крэнфордского причетника, подвизавшегося на избранном им поприще в дни мистера Дженкинса. Она и ее сестрица служили камеристками в хороших домах и накопили достаточно денег, чтобы открыть мастерскую дамских шляп, пользовавшуюся покровительством окрестных знатных дам. Леди Арли, например, время от времени отдавала девицам Баркер выкройку своего старого чепца, и они немедленно вводили этот фасон в моду среди высшего крэнфордского света. Я говорю «высший свет» потому, что девицы Баркер заразились царившим там духом и гордились своими «аристократическими связями». Они отказывались продавать чепцы и ленты тем, у кого не было родословной. Немало фермерш и их дочек сердито покидали тонное заведение девиц Баркер и направляли свои стопы в мелочную лавку, владелец которой мог позволить себе на доходы от продажи стирального мыла и сыроватого сахара ездить в (он говорил — «Париж», пока не заметил, что патриотизм и джонбульность[101] его клиентов не позволяют им следовать вкусам презренных мусью) Лондон, где, как он частенько заверял своих покупательниц, королева Аделаида[102] только неделю назад появилась точно в таком же чепце, отделанном желтыми и голубыми лентами, а король Вильгельм не преминул сделать ей комплимент за столь удачный выбор головного убора.

Девицы Баркер, которые не преступали пределов истины и брезговали покупательницами, не принадлежавшими к числу избранных, тем не менее процветали. Обе были добросердечны и мало думали о себе. Я не раз видела, как старшая сестра (она в свое время была горничной у миссис Джеймисон) несла питательное блюдо какой-нибудь бедной старухе, Они только рабски следовали примеру знатных особ, не

желая «иметь ничего общего» с теми, кто стоял на одну ступень ниже их. А когда старшая сестра умерла, оказалось, что они скопили достаточно, чтобы мисс Бетти могла закрыть мастерскую и удалиться от дел. Кроме того, она (как я, кажется, упоминала) обзавелась короной, что в Крэнфорде служит почти таким же признаком респектабельности, как в некоторые круги — собственный кабриолет. Ни одна из крэнфордских дам не одевалась наряднее ее, и мы этому не удивлялись, ибо все знали, что она донашивает шляпки, чепцы и ужасные ленты, которые прежде лежали на складе ее мастерской. Закрывает она ее лет пять-шесть назад, а потому везде, кроме Крэнфорда, ее туалет мог бы показаться несколько *passee*. [103]

В это утро мисс Бетти Баркер явилась пригласить; мисс Мэтти к себе на чай в следующий вторник. Узнав, что я гощу у мисс Мэтти, она пригласила и меня, хотя я заметила, что она несколько опасается, не занялся ли мой отец, переселившись в Драмбл, «этой мерзкой торговлей хлопком», тем самым низринув свое семейство из горных сфер «аристократического общества». Она предварила свое приглашение таким множеством извинений, что раздражила мое любопытство. Разумеется, она позволила себе «большую дерзость». Что такое она натворила? Наблюдая, как она мучится из-за своей неслыханной смелости, я уже совсем уверовала, что она написала королеве Аделаиде, прося сообщить ей рецепт стирки тонких кружев. Однако дерзость эта исчерпывалась тем, что она пригласила миссис Джеймисон — бывшую хозяйку своей сестры! «Памятуя о прежнем ее занятии, извинит ли мисс Мэтти подобную вольность?» «А! — подумала я. — Она заметила удвоенный чепец и решила исправить головной убор мисс Мэтти». Но нет! Она просто испрашивала разрешения пригласить также мисс Мэтти и меня. Мисс Мэтти наклонила голову в знак согласия, и я подумала, что, делая это любезное движение, она не могла не ощутить необычный вес и чрезвычайную высоту своего головного убора. Однако она, по-видимому, ничего не заметила и, благополучно выпрямившись, продолжала беседовать с мисс Бетти ласково и снисходительно, без тени того тягостного смущения, которое неминуемо охватило бы ее, заподозри она, насколько оригинально выглядит ее чепец.

— Так, значит, миссис Джеймисон обещала быть у вас? — спросила мисс Мэтти.

— Да, миссис Джеймисон с величайшей добротой и снисходительностью сказала, что будет рада провести у меня вечер. Но поставила небольшое условие: она прибудет с Карло. Я сказала ей, что если у меня есть к кому слабость, так это к собакам.

— А мисс Пул? — осведомилась мисс Мэтти, которая думала о том, как бы составить партию в преферанс без участия Карло.

— Я собираюсь пригласить мисс Пул. Само собой, я не могла пригласить ее прежде, чем пригласила бы вас, сударыня, дочь нашего священника. Поверьте, я не забываю, кем был мой папаша при вашем батюшке.

— И разумеется, миссис Форрестер?

— И миссис Форрестер. По правде говоря, я думала побывать у нее прежде, чем у мисс Пул. Хотя обстоятельства ее жизни переменились, сударыня, она — урожденная Тиррел, и мы не должны забывать о ее родстве с Бигсами из Биглоу-Холла.

Мисс Мэтти гораздо больше интересовалась та мелочь, что миссис Форрестер прекрасно играла в карты.

— Миссис Фиц-Адам... я полагаю...

— Нет, сударыня, всему есть предел. Миссис Джеймисон, я думаю, вряд ли будет приятно знакомство с миссис Фиц-Адам. Я питаю к миссис Фиц-Адам глубочайшее уважение, но не могу считать ее достойной общества таких особ, как миссис Джеймисон и мисс Матильда Дженкинс.

Мисс Бетти Баркер отвесила мисс Мэтти низкий поклон и поджала губы. Исполненный достоинства взгляд, который она искоса бросила на меня, без слов сказал, что хотя она — всего лишь удалившаяся от дел модистка, но отнюдь не демократка и понимает все тонкости сословных различий.

— Могу ли я просить вас сделать милость прийти в мое скромное жилище как можно ближе к половине седьмого, мисс Матильда? Миссис Джеймисон обедает в пять, но любезно обещала быть у меня не позже этого часа. — И с глубоким плавным реверансом мисс Бетти Баркер покинула нас.

Моя пророческая душа предсказала мне, что днем нам сделает визит мисс Пул, которая обычно являлась к мисс Мэтти после любого события — или в предвидении любого события, — чтобы подробно обсудить его с ней.

— Мисс Бетти сказала мне, что приглашен лишь самый небольшой и самый избранный круг, — сообщила мисс Пул после того, как они с мисс Мэтти обменялись сведениями.

— Да, она так сказала. Не приглашена даже миссис Фиц-Адам.

Миссис Фиц-Адам была овдовевшей сестрой крэнфордского врача, о котором я уже упоминала. Они происходили из почтенной фермерской семьи, и родители их были вполне довольны своим жребием. Эти

добрые люди носили фамилию Хоггинс. Мистер Хоггинс был теперь крэнфордским доктором. Нам не нравилась эта мужицкая фамилия, мы считали ее грубой. Одно время мы надеялись обнаружить родственную связь между ними и той маркизой Эксетер, которую звали Молли Хоггинс, но доктор, ничуть не заботясь о собственных интересах, ничего не желал знать об этом родстве и полностью его отрицал, хотя, как однажды заметила дорогая мисс Дженкинс, одну из его сестер звали Мэри, а имена в семье обычно передаются из поколения в поколение.

Вскоре после того, как мисс Мэри Хоггинс вышла замуж за мистера Фиц-Адама, она на много лет исчезла из этих мест. Так как она не вращалась в высшем свете Крэнфорда, никто из нас в свое время не полюбопытствовал узнать, кем был мистер Фиц-Адам. Он скончался и ушел к праотцам, а никто из нас так и не заметил его существования. И тогда миссис Фиц-Адам вновь появилась в Крэнфорде («смело, будто лев», как выразилась мисс Пул) уже зажиточной вдовой, облачившейся в черные шуршащие шелка столь быстро после кончины супруга, что бедная мисс Дженкинс имела основание заметить: «Право, бумазея выразила бы более глубокую скорбь!»

Я помню конклав дам, собравшийся, чтобы решить, следует ли исконным крэнфордским обитательницам голубых кровей сделать визит миссис Фиц-Адам или нет. Она поселилась в большом доме с флигелями, который до этих пор всегда как бы служил патентом благородного происхождения для того, кто в нем обитал, ибо в давние времена, лет за семьдесят — восемьдесят до описываемых событий, в нем изволила проживать незамужняя дочь какого-то графа. Кроме того, кажется, считалось, что этот дом дарует своему обитателю особо тонкий ум, так как у дочери графа леди Джейн была сестра, леди Анна, которая во времена американской войны вышла замуж за генерала,[104] а этот генерал написал две-три комедии, которые все еще время от времени давались на лондонских подмостках, — и когда мы читали объявления о них, то гордо выпрямлялись, убежденные, что Друри-Лейн делает Крэнфорду весьма изящный комплимент. Тем не менее вопрос о визитах к миссис Фиц-Адам все еще не был решен, когда дорогая мисс Дженкинс умерла, а вместе с ней умерло и четкое представление о суровых требованиях кодекса аристократизма. Как заметила мисс Пул: «Ведь большинство крэнфордских дам хорошего происхождения — либо бездетные вдовы, либо старые девы, и если мы не станем менее взыскательными и разборчивыми, скоро у нас тут никакого общества не останется».

Миссис Форрестер поддержала ее.

Насколько ей было известно, «Фиц» обязательно означает нечто аристократическое. Вот, например, Фиц-Рой — если она не ошибается, некоторые королевские дети звались Фиц-Рой. Или Фиц-Кларенсы — они же дети милого доброго короля Вильгельма IV. Фиц-Адам! Прелестная фамилия, и, по ее мнению, почти наверное означает «Дитя Адама». Никто, у кого в жилах не течет хотя бы капля благородной крови, не посмеет зваться «Фиц». Фамилия — великое дело. У нее был кузен, который писал свою фамилию через два маленьких «ф» — ффулкс, и он презирал заглавные буквы и утверждал, что с них пишутся фамилии, придуманные позднее. Она даже опасалась, что он умрет холостяком, — настолько он был разборчив. Когда он познакомился на водах с некой миссис ффарингдон, она сразу произвела на него глубокое впечатление. Это была очень красивая женщина, образчик хорошего тона — вдова с прекрасным состоянием; и «мой кузен мистер ффулкс» женился на ней — и все из-за ее двух маленьких «фф».

У миссис Фиц-Адам не было ни малейших шансов познакомиться в Крэнфорде с каким-нибудь мистером Фиц... и так далее, а потому она, несомненно, поселилась тут не по этой причине. Мисс Мэтти считала, что ее привела сюда надежда проникнуть в высший свет города — это, несомненно, было бы весьма приятным шагом вверх для *si-devant*[105] мисс Хоггинс; и если она питала подобные надежды, то было бы жестоко их обмануть.

А потому все нанесли визиты миссис Фиц-Адам, то есть все, кроме миссис Джеймисон, которая имела обыкновение показывать, насколько она высокородна, не замечая миссис Фиц-Адам, когда судьба сводила их на чьем-нибудь званом вечере. Приглашенных дам бывало не больше девяти-десяти, и миссис Фиц-Адам выделялась среди них дородством, а кроме того, она непременно вставала, когда входила миссис Джеймисон, и делала очень низкие реверансы, стоило той взглянуть в ее сторону — такие низкие, что, по-моему, миссис Джеймисон глядела на стенку над ней, потому что она ни разу даже бровью не шевельнула, точно вовсе ее не видела. Но миссис Фиц-Адам продолжала свое.

Весенние вечера стали уже светлыми и долгими, когда трое-четверо дам в жестких капюшонах встретились у двери мисс Баркер. А вы знаете, что такое жесткий капюшон? Его надевают над чепцом или шляпой, выходя на улицу, и больше всего он похож на верх извозчичьей пролетки — правда, иногда он бывает несколько меньшего размера. Жесткие капюшоны неизменно производят ошеломляющее впечатление на крэнфордских детишек, и на этот раз два-три мальчугана, игравшие в тихом солнечном переулке, бросили свои забавы и в безмолвном

изумлении окружили мисс Пул, мисс Мэтти и меня. Мы также хранили безмолвие, а потому ясно расслышали громкий, подавленный шепот внутри дома мисс Баркер:

— Погоди, Пегги! Погоди, пока я не сбегаю в спальню вымыть руки. Когда я кашляну, открывай дверь. Я в одну минуту управлюсь.

И правда, не прошло и минуты, как мы услышали не то хриплое «апчхи!»; не то кукареканье, и дверь перед нами тотчас распахнулась. За ней стояла круглоглазая девушка, растерянно взиравшая на почтенное общество жестких капюшонов, которые проследовали мимо нее без единого слова. Немного опомнившись, она проводила нас в небольшую комнату, которая прежде служила мастерской, а теперь была временно превращена в гардеробную. Там мы отшпилили низ юбок, одернули их и перед зеркалом придали нашим лицам приятное и любезное выражение, положенное для званных вечеров, а затем с поклонами и с «после вас, сударыня» уступили миссис Форрестер право первой подняться по узенькой лестнице, которая вела в гостиную мисс Баркер. Она сидела там — величественная и безмятежная, так, словно нам только почудился этот необыкновенный кашель, после которого у нее, наверное, и сейчас еще ныло горло. Добрая, кроткая, бедно одетая миссис Форрестер была тотчас подведена ко второму почетному месту, которое, подобно сиденью принца Альберта[106] возле сиденья королевы, было хорошим, но не настолько хорошим. Самое почетное место, разумеется, предназначалось для высокородной миссис Джеймисон, которая уже, пыхтя, поднималась по лестнице, а Карло на каждой ступеньке описывал вокруг нее стремительную петлю, словно намереваясь сбить ее с ног.

Как горда и как счастлива была мисс Бетти Баркер! Она помешала в камине, закрыла дверь и села как можно ближе к ней на самом кончике стула. Когда вошла Пегги, пошатываясь под тяжестью чайного подноса, я заметила, что мисс Баркер томят мучительные опасения, как бы Пегги не забылась. При обычных обстоятельствах служанка и хозяйка держались друг с другом как близкие приятельницы, и теперь Пегги очень хотела что-то сообщить мисс Баркер по секрету, а мисс Баркер очень хотела ее выслушать, но полагала, что долг истинной леди требует от нее ничего подобного не допускать. А потому она упорно не замечала ни шепота, ни знаков Дегги. Однако, ответив раза два невпопад на вопросы своих гостей, она вдруг воскликнула, осененная блестящей мыслью:

— Бедненький миленький Карло! Я совсем забыла о нашем песике. Пойдем вниз, моя прелесть, и ты получишь свое угощение, да-да!

Через несколько минут она вернулась, такая же безмятежная и благодушная, но, по-моему, она забыла покормить «бедненького миленького песика» — во всяком случае, он весьма жадно набрасывался на оброненные кусочки кекса. Чайный поднос был нагружен очень тяжело, чему я от души обрадовалась, так как была не на шутку голодна, но я опасалась, что остальные гости сочтут столь обильное угощение вульгарным. Я знаю, как они поступили бы у себя дома, но тут груды всяческого печенья быстро пошли на убыль. Я заметила, что миссис Джеймисон с обычной неторопливостью и обстоятельностью ест тминный бисквит, и немного удивилась, вспомнив, как на своем последнем вечере она объясняла нам, что у нее в доме этот бисквит не подают — он слишком напоминает ей душистое мыло. Нас она всегда угощала миниатюрными «дамскими пальчиками» из сдобного теста. Однако миссис Джеймисон снисходительно извинила мисс Баркер это незнание обычаев высшего света и, чтобы не подчеркивать ее промаха, скушала три больших куска тминного бисквита с невозмутимым благодушием жующей коровы.

После чая произошло некоторое замешательство. Нас было шестеро, а потому четверо могли составить партию в преферанс, предоставив двум остальным развлекаться криббеджем. Однако все, кроме меня (я побаивалась крэнфордских дам за картами, потому что для них не существовало занятия более важного и серьезного), выразили твердое желание сыграть пульку-другую. Даже мисс Баркер, хотя она и заверяла всех, что не отличит мизера от марьяжа, тем не менее, несомненно, горела желанием сесть за преферанс. Однако вскоре весьма неожиданный звук положил конец затруднению. Если бы возможно было предположить, что невестка барона способна храпеть, я сказала бы, что миссис Джеймисон в эту минуту испустила залихватый храп, ибо в комнате было жарко, а она от природы была склонна к сонливости и не устояла перед соблазном чрезвычайно покойного кресла — и вот миссис Джеймисон сморила дремота. Раза два она с усилием открывала глаза и улыбалась нам тихой, хотя и рассеянной улыбкой, но даже любезность недолго могла подвигать ее на такие усилия, и она погрузилась в крепкий сон.

— Мне очень лестно, — прошептала мисс Баркер за карточным столиком своим трем партнершам, которых она, несмотря на полное незнакомство с преферансом, немилосердно обыгрывала, — очень-очень лестно видеть, что миссис Джеймисон чувствует себя совсем как дома в моем бедном маленьком жилище; я не могу вообразить более приятного комплимента.

Меня мисс Баркер снабдила книгами — в форме четырех прекрасно переплетенных комплектов модных журналов десятилетней давности — и, придвинув маленький столик со свечой, предназначенной для меня одной, объяснила, что ей известно, как молодежь любит смотреть картинки. Карло лежал у ног своей хозяйки, похрапывая и вздрагивая. Он тоже чувствовал себя совсем как дома.

Наблюдать за сценой, разыгрывавшейся над карточным столом, было очень интересно. Четыре быстро кивающие чепца почти сталкивались над его серединой, «торгуясь» шепотом, но в спешке иногда повышая голос, и мисс Баркер то и дело увещевала их:

— Тише, сударыни! Будьте добры, тише, миссис Джеймисон почивает.

Лавировать между глухотой миссис Форрестер и дремотой миссис Джеймисон было очень нелегко. Но мисс Баркер превосходно справлялась со своей тяжелой задачей. Она шепотом повторяла то, что было сказано, гримасами и движением губ стараясь втолковать миссис Форрестер, что объявили их партнерши, а затем ласково улыбалась всем нам и бормотала про себя:

— Очень-очень лестно! Ах, если бы моя бедная сестрица дожила до этого дня!

Внезапно дверь широко распахнулась, Карло вскочил, отрывисто затявkal, и миссис Джеймисон проснулась. А может быть, она вовсе и не спала — ведь, как она объяснила почти тут же, комната была так ярко освещена, что ей пришлось закрыть глаза, но она с большим интересом слушала нашу остроумную и поучительную беседу. На пороге вновь появилась Пегги, пунцовая от важности.

«О, хороший тон! — подумала я. — Снесешь ли ты этот последний удар?»

Ибо мисс Баркер заказала на ужин (вернее, сама приготовила, в чем я нисколько не сомневаюсь, хотя она и воскликнула: «Пегги, что это вы нам принесли?») — а губы сложила в удивленную улыбку, показывая, какой это для нее неожиданный, хотя и приятный сюрприз) самые изысканные яства — устриц в раскрытых раковинах, запеченных омаров, желе и кушанье, которое называется «купидончики» и весьма нравится крэнфордским дамам, но так дорого, что его подают лишь в самых торжественных случаях (не знай я более утонченного и античного его названия, я сказала бы, что это макароны, вымоченные в коньяке). Короче говоря, нас собирались потчевать самыми лучшими и самыми вкусными блюдами, а потому мы снисходительно подчинились гостеприимной хозяйке, хотя и в ущерб нашему хорошему тону, который вообще никогда не ужинал, что не мешало ему, подобно всем, кто не ужинает, томиться на званых вечерах особо острым голодом.

По-видимому, мисс Баркер в прежних своих сферах свела знакомство с напитком, который зовется «шеррибренди». Мы же — никто из нас — ничего подобного даже не видели и со светским недоумением отказались, когда она нам его предложила:

— Самую капельку, малюсенькую рюмочку, сударыни; запить устрицы и омаров. Говорят, они иногда проходят не очень легко.

Мы все закачали головами, точно китайские болванчики женского пола, но в конце концов миссис Джеймисон позволила себя уговорить, а мы последовали ее примеру. Напиток оказался не то чтобы невкусным, но таким жгучим и крепким, что мы сочли необходимым показать, насколько ни к чему подобному не привыкли, и принялись ужасно кашлять — почти так же странно, как мисс Баркер перед тем, как Пегги открыла нам дверь.

— Какой крепкий! — сказала мисс Пул, ставя на стол; пустую рюмку. — Право, в нем есть спирт.

— Только самая капелька, ровно столько, чтобы он не портился, — объяснила мисс Баркер. — Вот как мы смачиваем коньяком бумагу, которой закрываем банки с вареньем, чтобы оно не плесневело. Я частенько чувствую себя навеселе, покусав сливового пирога.

Я, однако, сомневаюсь, чтобы сливовый пирог понудил миссис Джеймисон пуститься в откровенности, а вот отведав шерри-бренди, она сообщила нам про ожидаемое событие, о котором до сих пор хранила, полное молчание.

— Моя свойственница леди Гленмайр намерена погостить у меня некоторое время...

Все хором воскликнули «Неужели!» и смолкли. Каждая из присутствующих дам мысленно перебирала свои туалеты, решая, годятся ли они для появления в обществе вдовы барона. Ведь когда у кого-нибудь из наших друзей кто-нибудь гостил, остальные обязательно устраивали званые вечера и чаепития. И, услышав эту новость, мы все почувствовали приятное волнение.

Вскоре после этого явились служанки с фонарями, о чем и доложила Пегги. За миссис Джеймисон прибыл портшез, который с трудом втиснулся в узкую прихожую мисс Баркер, в буквальном смысле слова «закупорив проход». Старые носильщики (днем они были башмачниками, но когда их звали нести портшез, они обряжались в странного вида старые ливреи — длинные кафтаны с небольшой пелериной, ровесники портшеза, точно

сошедшие с картин Хогарта[107]) долго и искусно маневрировали, пятились, поворачивались, повторяли все с начала, прежде чем им удалось выбраться со своей ношей из дверей мисс Баркер. Мы слышали быстрый дробный топот их ног по тихой улочке, когда надевали жесткие капюшоны и подшпиливали юбки. Мисс Баркер суетилась около и предлагала помощь — впрочем, если бы она не помнила о прежнем своем занятии и не желала, чтобы мы о нем забыли, она, несомненно, предлагала бы ее куда более настойчиво.

ГЛАВА VIII

«ВАША МИЛОСТЬ»

На другой день утром — сразу же после двенадцати — к мисс Мэтти явилась мисс Пул. Объясняя причину своего визита, она сослалась на какие-то пустяки, но было нетрудно догадаться, что за ее приходом кроется что-то более серьезное. Так оно и оказалось.

— Ах, кстати! Вы, конечно, сочтете меня невеждой, но знаете, я, право, теряюсь... как мы должны обращаться к леди Гленмайр? Надо ли говорить «ваша милость» в тех случаях, когда обыкновенным людям мы говорим «вы»? Я все утро ломаю над этим голову... И надо ли говорить «миледи» или, как всегда, «сударыня»? Вы ведь знакомы с леди Арли, так, может быть, вы объясните мне, как положено обращаться к титулованным особам?

Бедная мисс Мэтти! Она сняла очки, потом снова их надела, но так и не сумела вспомнить, как обращались к леди Арли.

— Это было так давно! — сказала она. — Ах, какая у меня плохая голова! К тому же я и видела ее раза два, не больше. Я хорошо помню, что сэра Питера мы называли «сэр Питер», но он бывал у нас гораздо чаще, чем леди Арли. Дебора бы знала! «Миледи»... «Ваша милость»... звучит очень странно, как-то неестественно. Я никогда раньше об этом не задумывалась, но теперь, когда вы меня об этом спросили, я, право, не знаю, что сказать...

Можно было уже не сомневаться, что мисс Пул не почерпнет у нас никаких полезных сведений: мисс Мэтти с каждой минутой все больше терялась и в конце концов совсем запуталась, как к кому следует обращаться.

— Право же, — объявила мисс Пул, — я думаю, мне будет лучше побывать у миссис Форрестер и рассказать ей о нашем небольшом затруднении. Ведь так легко разнервничаться... а не хотелось бы, чтобы леди Гленмайр думала, будто мы в Крэнфорде не имеем понятия о правилах этикета.

— Дорогая мисс Пул, может быть, вы заглянете сюда на обратном пути и скажете мне, на чем вы порешили. На чем бы вы с миссис Форрестер ни остановились, я уверена, что это будет правильно. «Леди Арли», «сэр Питер», — пробормотала мисс Мэтти, пытаюсь припомнить, что именно она говорила когда-то.

— А кто такая леди Гленмайр? — спросила я.

— О, она вдова мистера Джеймисона — покойного мужа миссис Джеймисон, то есть вдова его старшего брата. Миссис Джеймисон была в девичестве мисс Уокер, дочерью губернатора Уокера. «Ваша милость». Если они выберут это обращение, милочка, вам придется разрешить мне сначала немного попрактиковаться на вас. Не то, когда я в первый раз назову так леди Гленмайр, я совсем сконфужусь.

А потому мисс Мэтти испытала только облегчение, когда ее с весьма невежливой целью навестила миссис Джеймисон. Я не раз замечала, что апатичным людям свойственна особая тихая наглость — и миссис Джеймисон явилась весьма прозрачно намекнуть, что она предпочтет, чтобы крэнфордские дамы не делали визитов ее свойственнице. Я почти не помню, как она это выразила, потому что вся горела негодованием, пока она неторопливо объясняла свои желания мисс Мэтти, которая, как истинная леди, была просто не в состоянии понять чувство, заставлявшее миссис Джеймисон притворяться перед титулованной свойственницей, будто она водит знакомство только с лучшими семьями графства. Мисс Мэтти пребывала в полном недоумении еще долго после того, как я догадалась, что привело к ней миссис Джеймисон.

Когда же она поняла, к чему клонит высокородная дама, было просто удовольствие смотреть, с каким тихим достоинством она приняла столь неучтивую выходку. Мисс Мэтти несколько не обиделась — для этого она была слишком добра и кротка, и, вероятно, сама не заметила возмущения, которое вызвало в ней поведение миссис Джеймисон. Но я уверена, что подобное чувство в ней все-таки пробудилось, и оттого-то она перевела беседу на другую тему не столь робко и более решительно, чем обычно. Из них двоих миссис Джеймисон держалась куда более нервно, и я заметила, что она была рада уйти.

Вскоре после этого вернулась мисс Пул, вся красная и негодующая.

— Нет, вы подумайте! У вас сейчас была миссис Джеймисон — мне Марта сказала, — и нас просят не делать визиты леди Гленмайр. Да! Я встретила миссис Джеймисон на полдороге к миссис Форрестер, и она так прямо мне об этом и заявила. От неожиданности я не смогла ничего ответить. А надо было бы сказать что-нибудь очень резкое и саркастическое. Ну, может быть, к вечеру я что-нибудь придумаю. А ведь леди Гленмайр — всего-навсего вдова шотландского барона, если уж на то пошло! Я все-таки решила побывать у миссис Форрестер, чтобы посмотреть в ее «Книге пэров», что это за леди, которую надо держать под стеклянным колпаком: вдова шотландского барона, он никогда даже не заседал в палате лордов и, уж наверное, был нищ, как Иов, а сама она — пятая дочь какого-то там мистера Кэмбелла. Вы же как-никак дочь крэнфордского священника и в родстве с семейством Арли, а ведь сэр Питер мог бы стать виконтом Арли, все так говорят.

Мисс Мэтти попыталась успокоить мисс Пул, но ее усилия остались тщетными. Обычно добродушная и уступчивая, мисс Пул пылала гневом.

— А я-то сегодня утром заказала себе новый чепец! — воскликнула она в конце концов, выдав причину, почему требование миссис Джеймисон так ее уязвило. — Миссис Джеймисон еще увидит, удастся ли ей залучить меня в четвертые партнерши, когда у нее не будет гостить ее сиятельная шотландская родня!

Выходя из церкви в первое воскресенье после прибытия леди Гленмайр в Крэнфорд, мы усердно разговаривали друг с другом и поворачивались спиной к миссис Джеймисон и ее гостье. Если нам нельзя сделать ей визита, то мы и смотреть на нее не желаем! (Хотя мы умирали от любопытства узнать, как она выглядит.) Но днем мы несколько утешились, — расспросив Марту. Она не принадлежала к тем сферам общества, чье внимание было бы косвенным комплиментом леди Гленмайр, и вдоволь нагляделась на приезжую.

— Это вы, сударыня, про коротенькую даму, которая была с миссис Джеймисон? А я думала, вам интереснее, как была одета молодая миссис Смит — она ведь новобрачная. (Миссис Смит была супругой мясника.) Мисс Пул воскликнула:

— Ах, боже мой! Да что нам за дело до какой-то миссис Смит! — но тут же умолкла, потому что Марта продолжала:

— На коротенькой даме, которая сидела рядом с миссис Джеймисон, платье было довольно-таки старое, черное шелковое, и накидка из пастушьего пледа, сударыня, глаза у нее черные и очень блестящие, сударыня, а лицо такое приятное и бойкое; не очень-то молода, сударыня, но я бы сказала, что помоложе миссис Джеймисон. Она все время церковь оглядывала, живо, будто птица, а юбки подхватила, выходя из дверей, до того быстро и бойко, что я только подивилась. И вот что я вам скажу, сударыня: уж так она похожа на миссис Дикон из» «Запряженной кареты», что сказать невозможно.

— Шшш, Марта! — перебила ее мисс Мэтти. — Это непочтительно!

— Разве, сударыня? Ну, так прошу прощения, только Джем Хирн то же самое сказал. Он сказал, что она такая же бойкая и хваткая баба...

— Леди, — поправила мисс Пул.

— ...леди, как миссис Дикон.

Миновало еще одно воскресенье, а мы по-прежнему отвращали наши взоры от миссис Джеймисон и ее гостьи и обменивались между собой замечаниями, которые нам казались весьма уничтожающими — едва ли не чересчур. Наша саркастическая манера выражаться, видимо смущала мисс Мэтти.

Быть может, к этому времени леди Гленмайр обнаружила, что дом миссис Джеймисон — не самое веселое и оживленное место в мире; быть может, миссис Джеймисон обнаружила, что большая часть лучших семейств графства отбыла в Лондон, а те, кто остался, не проявили должного интереса к пребыванию леди Гленмайр в столь близком от них соседстве. Великие события порождаются малыми причинами, а потому я не берусь судить, что заставило миссис Джеймисон переменить решение и разослать всем недавно отвергнутым крэнфордским дамам приглашение на небольшой вечер в следующий вторник. Приглашения разнес сам мистер Муллинер. Он упрямо не желал считаться с тем, что у каждого дома есть черный ход, и стучал в парадную дверь куда громче своей госпожи, миссис Джеймисон. Три маленькие записочки он нес в большой корзине, чтобы показать своей госпоже, какая это тяжесть, — хотя они без труда уместились бы в его жилетном кармане.

Мы с мисс Мэтти без долгих разговоров согласились, что прежде взятое на себя обязательство вынудит нас в указанный вечер остаться дома. Вечер вторника мисс Мэтти обычно посвящала тому, что скручивала из всех писем и записочек, полученных за неделю, длинные жгутики для зажигания свечей, — в понедельник она всегда приводила в порядок свои счета, не оставляя ни пенни долга за прошлую неделю, а потому скручивание жгутиков естественным образом падало на вторник, что давало нам законный предлог отклонить приглашение

миссис Джеймисон. Однако прежде, чем наш ответ был написан, в гостиную влетела мисс Пул с развернутой запиской в руке.

— Вот так! — воскликнула она. — А! Я вижу, вы тоже получили записочку. Лучше поздно, чем никогда. Я могла бы предсказать миледи Гленмайр, что двух недель не пройдет, как она будет рада-радехонька нашему обществу.

— Да, — ответила мисс Мэтти, — нас пригласили на вечер вторника. И может быть, вы заглянете к нам в этот вечер выпить чая? Приходите с рукоделием. В этот день я всегда проглядываю счета и письма за прошлую неделю и скручиваю из них жгутики для свечей; но это все-таки нельзя назвать прежде взятым на себя обязательством, которое вынуждает меня остаться дома, хотя я намеревалась ответить именно так. Если же вы придете, совесть моя будет совсем чиста, а, к счастью, ответ я еще не ото слала.

Пока мисс Мэтти говорила, я заметила, что мисс Пул сильно переменялась в лице.

— Так, значит, вы решили не ходить? — спросила она.

— Разумеется, — спокойно ответила мисс Мэтти. — И вы, полагаю, тоже?

— Не знаю... — произнесла мисс Пул. — Нет, пожалуй, я пойду, — добавила она быстро и, заметив удивление на лице мисс Мэтти, объяснила: — Видите ли, было бы неприятно, если бы миссис Джеймисон подумала, будто ее поступки и слова настолько значительны, что могут кого-то оскорбить; это поставило бы нас в унижительное положение, чего я, например, вовсе не хочу. Для миссис Джеймисон было бы очень лестно, если бы мы дали ей повод думать, будто что-то ею сказанное мы помним неделю... нет, даже десять дней спустя.

— Да, наверное, нехорошо так долго хранить обиду и сердиться; к тому же она, возможно, вовсе и не хотела задеть нас. Но, должна признаться, сама я никогда не сказала бы того, что сказала миссис Джеймисон — чтобы мы не делали визитов... Нет, я, право, думаю, что не пойду.

— Полноте! Мисс Мэтти, вы должны пойти. Вы же знаете, что наш добрый друг миссис Джеймисон гораздо флегматичнее большинства людей и не разбирается в тонких чувствах, которыми вы наделены в столь значительной степени.

— В тот день, когда миссис Джеймисон явилась сказать, чтобы мы к ней не ходили, я как раз подумала, что они есть и у вас, — простодушно заметила мисс Мэтти.

Но у мисс Пул, кроме тонких, чувств, был еще и щегольской чепец, который она жаждала показать восхищенному миру, а потому она, по-видимому, совершенно забыла гневные слова, произнесенные ею менее, двух недель назад, и была готова руководствоваться в своих поступках тем, что она назвала великим христианским принципом «простить и забыть». Она очень долго читала милой мисс Мэтти наставления в этом духе и под конец даже объявила, что она, как дочь покойного крэнфордского священника, просто обязана купить новый чепец и отправиться на званый вечер миссис Джеймисон. И потому мы «с большим удовольствием приняли», а не «с большим сожалением вынуждены были отказаться».

Расходы на туалеты в Крэнфорде исчерпываются главным образом вышеупомянутой их частью. Если голова была спрятана под щегольским новым чепцом, наших дам, как и страусов, не заботила судьба их тела. Старенькие платья, белые почтенного возраста воротнички, множество брошей и вверху, и внизу, и спереди, и с боков (одни с нарисованными собачьими глазами, другие как золоченые рамки, охватывающие гробницы и плакучие ивы, искусно выложенные из волос, а третьи — с миниатюрами дам и джентльменов, сладко улыбающихся из складок накрахмаленного муслина) — старые броши, как неизменное украшение, и новые чепцы, как дань моде: крэнфордские дамы всегда одевались с целомудренной элегантностью и строгостью, по удачному выражению мисс Баркер.

И вот в тот достопамятный вторник миссис Форрестер, мисс Мэтти и мисс Пул явились к миссис Джеймисон в трех новых чепцах, а также с таким набором брошей, какого Крэнфорд не видел со дня своего основания. На платье мисс Пул я насчитала семь брошек. Две были небрежно приколоты к чепцу (одна, из шотландской гальки, изображала бабочку, и при очень живом воображении ее можно было принять за настоящее насекомое), одна скрепляла у горла косынку, одна — воротничок, одна украшала корсаж на полпути от воротничка к талии, а еще одна красовалась на поясе. Где помещалась седьмая, я запомнила, но где-то она была, это я знаю твердо.

Но я забежала вперед. Прежде чем описывать туалеты, мне следовало бы рассказать о прибытии общества к миссис Джеймисон. Эта дама проживала в большом доме, расположенном как раз за чертой города. Дорога, по которую было известно, что она должна стать улицей, проходила возле самой парадной двери, не отделенная от нее ни садом, ни двором. Солнце ни при каких обстоятельствах не озаряло фасада этого дома. Правда, жилые комнаты располагались в задней его части и выходили на прекрасный сад, а окна фасада принадлежали кухням,

комнате экономки и кладовым, и в одном из этих помещений, по слухам, имел обыкновение восседать мистер Муллинер. И правда, краешком глаза мы нередко видели его затылок, густо обсыпанный пудрой, которая покрывала также воротник сюртука и простиралась ниже до самого пояса. Эта внушительная спина неизменно бывала занята чтением «Сентджеймской хроники», раскрытой во всю ширину, чем отчасти и объяснялось запоздание, с каким газета добиралась до нас, — подписную плату мы вносили в равных долях с миссис Джеймисон, но, по праву своей высокородности, она всегда читала ее первой. В этот же вторник задержка очередного номера была особенно неприятной, так как и мисс Пул, и мисс Мэтти — в особенности первая — жаждали перед общением с аристократией запасть самыми свежими придворными новостями. Мисс Пул сказала нам, что нарочно оделась к пяти часам и до последней минуты ждала, не принесут ли «Сентджеймскую хронику» — ту самую «Сентджеймскую хронику», которую безмятежно читала, напудренная голова, когда мы проходили мимо знакомого окна.

— Какая наглость! — произнесла мисс Пул тихим негодующим шепотом. — Я бы с удовольствием спросила у него, не вносит ли его хозяйка четвертую часть подписной платы лишь для того, чтобы газету читал он один.

Мы посмотрели на нее с восхищением, ошеломленные смелостью этой мысли, ибо мистер Муллинер внушал всем нам трепетное благоговение. Он, казалось, ни на миг не забывал, какую честь сделал Крэнфорду, снизойдя поселиться здесь. Мисс Дженкинс, твердо отстаивая достоинство своего пола, порой обращалась к нему, как к равному, но даже мисс Дженкинс не была способна на большее. В самом веселом и милостивом расположении духа он походил на обиженного какаду. Говорил он ворчливо и односложно. Он всегда оставался в прихожей, как мы ни умоляли его не ждать нас, и тотчас делал оскорбленную физиономию из-за того, что мы задерживаем его там; мы же дрожащими руками старались побыстрее привести себя в презентабельный вид.

Когда мы поднимались по лестнице, мисс Пул дерзнула пошутить — обращаясь как будто бы к нам, она рассчитывала позабавить мистера Муллингера. Мы все улыбнулись, чтобы показать, насколько непринужденно мы себя чувствуем, и робко покосились на мистера Муллингера в поисках поддержки. Ни один мускул не дрогнул на этом деревянном лице, и мы тотчас перестали улыбаться.

Гостиная миссис Джеймисон выглядела очень уютно: заходящее солнце заливало ее своими лучами, а большое квадратное окно было обрамлено вьющимися растениями. Мебель была белой с золотом, и отнюдь не позднего стиля (стиля Людовика Четырнадцатого, как, если не ошибаюсь, его называют) со всеми этими раковинами и завитушками. О нет! Стулья и столы миссис Джеймисон не имели ни единой кривой линии, ни единого изгиба. Ножки столов и стульев сужались книзу, но были строго четырехугольными. Стулья были расставлены в один ряд вдоль стены, кроме пяти, выстроенных правильным полукругом у камина. Спинки их украшали белые поперечины с золочеными шишечками. Ни поперечины, ни шишечки не располагали сидящего к непринужденной позе. Лакированный столик был посвящен литературе — на нем покоились Библия, «Книга пэров» и молитвенник. Еще один, квадратный столик был отведен под изящные искусства, и на нем нашли приют калейдоскоп, карточки для игры в разговоры, карты-головоломки (нанизанные на выцветшую атласную ленту, которая в свое время была розовой) и шкатулка, старательно расписанная по образцу чайных ящичков. Карло лежал на вышитом коврике и неучтиво залаял, когда мы вошли. Миссис Джеймисон встала, одарила каждую из нас вялой улыбкой и беспомощно поглядела мимо нас на мистера Муллингера, словно надеясь, что он нас усадит, — если же нет, то у нее для этого сил не найдется. А он, вероятно, полагал, что мы и сами отыщем дорогу к полукругу стульев у камина — полукруг этот, уж не знаю почему, привел мне на память Стоунхендж.[108] Леди Гленмайр пришла на помощь нашей хозяйке, и впервые в доме миссис Джеймисон нас усадили уютно, а не кое-как. Леди Гленмайр, когда теперь наконец мы смогли поглядеть на нее, оказалась живой, низенькой женщиной средних лет — в юности она, несомненно, была очень хорошенькой и все еще сохраняла миловидность. Я заметила, что первые пять минут мисс Пул посвятила разглядыванию ее платья, и полагаюсь на суждение, которое услышала от нее на другой день:

— Душечка! Все, что на ней было, не стоило и десяти фунтов — даже вместе с кружевом.

Мысль о том, что и вдова барона может еле сводить концы с концами, была не лишена приятности и отчасти примирила нас с тем, что ее супруг никогда не заседал в палате лордов: ведь когда мы впервые услышали об этом, нами овладело такое чувство, будто у нас обманом выманили наше уважение — вроде бы лорд и все-таки не лорд.

Вначале мы все хранили почти нерушимое молчание. Мы размышляли, какую тему избрать, какая беседа будет достаточно возвышенна, чтобы оказаться достойной внимания ее милости. Недавно подорожал сахар, а так как приближалась пора варки варенья, эта новость волновала все наши хозяйственные сердца и стала бы естественным предметом разговора, если бы рядом не было леди Гленмайр. Но мы не были уверены, ест ли

титулованная знать варенье, и тем более — осведомлена ли эта знать о том, как оно варится. Наконец, мисс Пул, наделенная немалым мужеством и *savoir faire*, [109] обратилась к леди Гленмайр, которая, по-видимому, тоже не знала, как прервать затянувшееся молчание, со следующим вопросом.

— Давно ли ваша милость изволили быть при дворе? — осведомилась она и обвела нас немного смущенным, но торжествующим взглядом, словно говоря: «Видите, как тонко я выбрала тему, подобающую рангу этой приезжей».

— Я там ни разу в жизни не бывала, — сказала леди Гленмайр с сильнейшим шотландским акцентом, но очень приятным голосом. А затем, словно извиняясь за резковатость такого ответа, она добавила: — Мы очень редко ездили в Лондон — только два раза за все время моего замужества, а до этого нас у отца было так много («пятая дочь мистера Кэмбелла», — конечно, подумали мы все), что он не мог нас часто вывозить — даже в Эдинбург. Может, кто-нибудь из вас бывал в Эдинбурге? — спросила она со внезапной надеждой, что эта тема может оказаться обоюдоинтересной. Никто из нас в Эдинбурге не бывал, но дядя мисс Пул однажды переночевал там, что мы и выслушали с большим удовольствием.

Тем временем миссис Джеймисон предавалась недоуменным размышлениям о том, почему мистер Муллинер не подает чая, и в конце концов это недоумение просочилось из ее губ.

— Так я позвоню, дорогая? — энергично сказала леди Гленмайр.

— Нет... лучше не надо... Муллинер не любит, когда его торопят.

Нам всем очень хотелось чаю, так как мы обедали в более ранний час, чем миссис Джеймисон. Подозреваю, что мистер Муллинер не пожелал отрываться от «Сентджеймской хроники» ради того, чтобы утруждать себя сервировкой чая. Его госпожа ерзала на стуле и время от времени повторяла:

— Не понимаю, почему Муллинер не несет чая. Не понимаю, чем он занят.

Леди Гленмайр тоже исполнилась нетерпения, но скорее из сочувствия, и, воспользовавшись тем, что миссис Джеймисон не отвергла ее предложения с прежней категоричностью, довольно резко дернула сонетку. Мистер Муллинер вступил в гостиную с видом надменного удивления.

— О! — сказала миссис Джеймисон. — Позвонила леди Гленмайр. Если не ошибаюсь, ей хотелось бы чаю.

Через две-три минуты чай был подан. Очень хрупким был фарфор, очень старинным — серебро, очень тоненькими — ломтики хлеба с маслом и очень маленькими — кусочки сахара. Несомненно, у миссис Джеймисон любимой статьей экономии был сахар. Крохотные филигранные щипчики, более всего похожие на миниатюрные ножницы, вряд ли были способны раскрыться настолько, чтобы ими можно было взять честный, вульгарный, основательный кусок сахара. А когда я попыталась ухватить два карликовых кусочка сразу, чтобы мои паломничества к сахарнице не были так заметны, щипчики тотчас выронили один кусочек, резко звякнув самым злобным и противоестественным образом. Но еще раньше нам пришлось пережить некоторое разочарование. В маленьком серебряном молочнике были сливки, в молочнике побольше — молоко. Едва мистер Муллинер вошел с подносом, как Карло встал на задние лапки и начал умоляюще помахивать передними, чего нам не позволяла сделать благовоспитанность, хотя я уверена, что голодны мы были не меньше, и миссис Джеймисон сказала, что мы, наверное, извиним ее, если она сначала утолит жажду своего бедненького безгласного Карло. Она тотчас поставила перед ним полное блюдечко, объяснив нам, как умен и рассудителен ее голубчик: он отлично умеет узнавать сливки и ни за что не станет пить чай, если в него налито всего лишь молоко. И молоко было оставлено нам, но мы про себя подумали, что мы умны и рассудительны не меньше, чем Карло, а потому почувствовали себя не только обойденными, но еще и оскорбленными — ведь нас приглашали восхищаться тем, как он виляет хвостиком, изъявляя благодарность за сливки, которые по праву должны были достаться нам. После чая мы оттаяли до обычных тем беседы. Мы были очень благодарны леди Гленмайр за то, что она попросила подать еще хлеба с маслом, и эта общая нужда сблизила нас с ней куда больше, чем самые долгие разговоры о придворных новостях, хотя мисс Пул и говорила потом, что ей очень хотелось узнать, как поживает наша возлюбленная королева, от кого-то, кто видел ее своими глазами.

Дружба, порожденная хлебом с маслом, укрепилась за картами. Леди Гленмайр отлично играла в преферанс и была величайшим знатоком как омбра, так и кадрили. [110] Даже мисс Пул забывала говорить «миледи» и «ваша милость» и с такой невозмутимостью заявляла «ваша сдача, сударыня» и «у вас марьяж, если не ошибаюсь?», словно мы никогда не дебатировали на великом крэнфордском парламенте вопроса о том, как надлежит обращаться к жене барона.

И, словно доказывая, с какой полнотой мы забыли, что находимся в присутствии той, кто могла бы выйти к чаю не в чепце, а с баронской короной на голове, миссис Форрестер поведала леди Гленмайр любопытную историю, хорошо знакомую кружку ее ближайших друзей, но неизвестную даже миссис Джеймисон.

Историйка эта касалась ее воротничка из чудных старинных кружев, единственной памяти о лучших днях, который вызвал восхищение леди Гленмайр.

— Да, — начала миссис Форрестер, — теперь такого кружева нельзя найти ни за какие деньги. Мне рассказывали, что его плели какие-то монахини за границей. И говорят, даже там его больше не делают. Но, может быть, теперь, когда они провели билль об эмансипации католиков, они снова начали его плести. Ну, а пока я очень дорожу моим кружевом. Я боюсь доверить его стирку даже моей горничной (она имела в виду ту уютную девочку, о которой я уже упоминала, — однако наименование «моя горничная» очень ее возвышало). И всегда стираю его сама. — И однажды оно чуть-чуть не погибло. Конечно, вашей милости известно, что такие кружева нельзя ни крахмалить, ни гладить. Некоторые стирают их в сахарной воде, а другие — в кофе, чтобы они обрели нужную желтизну, но сама я пользуюсь очень хорошим рецептом и стираю их в молоке — оно их и подкрахмаливает, и придает им очень хороший сливочный цвет. Так вот, сударыня, я аккуратненько их сложила (а прелесть тонких кружев в том, что они занимают совсем мало места, если их намочить) и опустила в молоко, но тут, к несчастью, мне пришлось выйти из комнаты. Вернувшись, я увидела на столе мою кисоньку: она воровато оглядывалась и как-то странно кашляла, точно подавилась. И представьте себе, сначала я ее пожалела! Я сказала: «Бедная кисонька, бедная кисонька!» — и вдруг увидела, что чашка с молоком пуста — вылизана досуха! «Ах ты, скверная кошка!» — вскричала я и, право же, так рассердилась, что шлепнула ее, но это не принесло никакой пользы, а только протолкнуло кружево дальше — ну, как хлопают ребенка по спине, когда он подавится. Я чуть не расплакалась от досады, но решила, что попробую что-нибудь придумать, а не сдамся без борьбы. Я надеялась, что от кружева ей может стать нехорошо, но, наверное, сам Иов не выдержал бы, если бы увидел, как всего четверть часа спустя эта кошка преспокойно вошла в комнату и замурлыкала, будто просила, чтобы ее погладили. «Нет, кисонька! — сказала я. — Если у тебя есть хоть какая-то совесть, то уж этого ты ждать не можешь!» И тут на меня снизошло озарение. Я позвонила горничной и послала ее к мистеру Хоггину попросить у него от моего имени сапог. Мне казалось, что в такой просьбе нет ничего особенного, но Дженни потом говорила, что молодые люди в приемной хохотали чуть ли не до упаду оттого, что мне понадобился сапог. Когда он был принесен, мы с Дженни засунули в него кисоньку, загнув ее передние лапки вниз, так что она не могла их высвободить и начать царапаться, а потом дали ей ложечку смородинового желе, в которое (прошу прощения у вашей милости) я подмешала рвотного камня. Никогда не забуду, в какой тревоге я провела следующие полчаса. Я отнесла кисоньку к себе в спальню и расстелила на полу чистое полотенце. Я чуть было не расцеловала ее, когда она вернула кружево почти совсем таким, каким оно было раньше. У Дженни уже кипела вода, и мы долго его отмачивали и снова отмачивали, а потом разложили на ветках лавандового куста на солнцепеке, и только после этого я смогла до него дотронуться и положила его снова в молоко. Зато, теперь вашей милости и в голову бы не пришло, что оно побывало внутри у кисоньки.

В течение вечера мы узнали, что леди Гленмайр намерена гостить у миссис Джеймисон еще долго, так как от своей квартиры в Эдинбурге она отказалась и у нее не было причин торопиться в этот город. Мы скорее этому обрадовались, так как она произвела на нас самое приятное впечатление, а к тому же было весьма утешительно убедиться по некоторым косвенным намекам, что она не только обладает многими аристократическими качествами, но и совершенно чужда «вульгарного богатства».

— Но ведь вам, должно быть, очень неудобно возвращаться домой пешком? — осведомилась миссис Джеймисон, когда было доложено о приходе наших горничных.

Миссис Джеймисон неизменно задавала этот вопрос: ведь у нее в сарае стояла собственная карета и она всегда брала портшез, даже когда идти было совсем недалеко. Ответы были не менее привычными.

— О нет! Ведь вечер такой приятный и безветренный!

— Прогулка удивительно освежает после оживленного вечера!

— Звезды так хороши!

(Последняя фраза принадлежала мисс Мэтти.)

— Вы любите астрономию? — спросила леди Гленмайр.

— Не очень, — ответила мисс Мэтти, от смущения перепутав астрономию с астрологией. Впрочем, в любом случае она сказала чистую правду, так как читала астрологические предсказания Фрэнсиса Мура, и они ее напугали, а относительно астрономии она однажды в доверительной беседе призналась мне, что не верит, будто Земля находится в непрерывном движении, и ни за что не поверила бы, даже если бы могла, — стоит ей подумать об этом, как ее одолевают головокружение и дурнота.

Постукивая деревянными калошками, мы в этот вечер ступали по плитам тротуара с особым изяществом, так

как наши чувства обрели необыкновенную утонченность и аристократичность после чая с «ее милостью».

ГЛАВА IX СИНЬОР БРУНОНИ

Вскоре после событий, которые я описала в прошлый раз, мне пришлось вернуться домой, так как захворал мой отец. Я очень тревожилась за него и некоторое время вовсе не думала ни о том, как поживают мои милые крэнфордские друзья, ни о том, как леди Гленмайр переносит скуку столь долгого своего визита к миссис Джеймисон, у которой она продолжала гостить. Когда отец немного окреп, я уехала с ним к морю, и всякая моя связь с Крэнфордом прервалась: почти год я не получала никаких известий о моем милом городке.

В конце ноября, когда отец совсем поправился и мы возвратились домой, я получила письмо от мисс Мэтти — весьма таинственное письмо. Она начинала фразу за фразой, не доводя их до конца, сливая их друг с другом и перепутывая столь же беспорядочно, как перепутываются слова на промокательной бумаге. Мне удалось разобрать только следующее: если моему батюшке лучше (на что она от души надеется) и если он вонмет предостережению и будет носить шубу с Михайлова дня до благовещенья, то не могу ли я сообщить ей: в моде ли тюрбаны? Ожидается такое развлечение, какого в городе никто не видел с тех самых пор, когда приезжали уомвелловские львы[111] и один из них откусил ручку маленького ребенка, а она, пожалуй, уже слишком стара, чтобы думать о платьях, но без нового чепца обойтись никак нельзя, и, узнав, что сейчас носят тюрбаны и, наверное, придут лучшие семьи графства, она хотела бы выглядеть прилично, если я привезу ей головной убор от своей модистки. Ах да! Какая рассеянность — она совсем забыла, она пишет в надежде, что я навешу ее в следующий вторник, потому что тогда она надеется доставить мне большое удовольствие, но писать об этом больше не будет и полагается на мой выбор, только цвет морской волны — ее любимый. На этом письмо кончалось, однако в постскрипуме мисс Мэтти добавила, что, пожалуй, ей следует сообщить мне замечательную крэнфордскую новость: на следующей неделе в среду и в пятницу синьор Врунони намерен показать свое неподражаемое магическое искусство в зале крэнфордской ассамблеи.

Я обрадовалась приглашению моей дорогой мисс Мэтти, независимо от фокусника, и твердо решила воспрепятствовать тому, чтобы она обезобразила свое маленькое скромное личико огромным сарацинским тюрбаном, а потому купила ей очень милый изящный чепец того фасона, который носят пожилые дамы, однако у нее он вызвал лишь горькое разочарование, когда она проводила меня в спальню, якобы для того, чтобы помешать уголь в камине, но в действительности, я полагаю, затем, чтобы посмотреть, не покоится ли в шляпной картонке, которую я привезла, большой тюрбан цвета морской волны. Тщетно я крутила чепец на пальце, показывая, как он выглядит сбоку и сзади, — ее заветной мечтой был тюрбан, и теперь она сумела только сказать, видом и голосом выражая покорность судьбе:

— Я знаю, вы сделали все, что могли, милочка. Он совершенно такой, какие носят в Крэнфорде все дамы уже целый год. Признаюсь, мне хотелось чего-нибудь поновее — чего-нибудь вроде тюрбанов, которые, как говорит мисс Бетти Баркер, носит королева Аделаида. Но он очень красивый, милочка, и лиловый цвет гораздо практичнее цвета морской волны. Да и к тому же не о нарядах должен думать человек. Если вам что-нибудь понадобится, милочка, вы мне скажете? Вот колокольчик. Наверное, тюрбаны еще не появились в Драмбле?

С этими словами милая старушка грустно вздохнула и вышла из комнаты, оставив меня переодеваться к вечеру, — она ожидала мисс Пул и миссис Форрестер и выразила надежду, что я не очень устала и смогу присоединиться к ним. Разумеется, я не устала и поспешила распаковать саквояж и привести в порядок свое платье, но, как я ни торопилась, гости прибыли прежде, чем я была готова, и я услышала голоса в гостиной. Когда я открывала дверь, до меня донеслись слова:

— Было глупо ждать, что в лавках Драмбла может найтись что-то аристократичное. Бедная девочка, она сделала все, что могла, в этом я не сомневаюсь!

Однако даже если бы она бранила не только Драмбл, но и меня, я все-таки была бы рада: лишь бы она не изуродовала себя тюрбаном.

Из трио крэнфордских дам, сидевших сейчас в гостиной, наибольшее число приключений всегда выпадало на долю мисс Пул. У нее была привычка все утро ходить по лавкам, где она ничего не покупала (разве что клубочек ниток или кусок тесьмы), а только рассматривала новые товары и собирала городские новости. Кроме того, она имела обыкновение ничтоже сумняшеся заглядывать в самые разные места, чтобы удовлетворить свое

любопытство, что, если бы не ее аристократичный и чопорный вид, могло бы быть сочтено наглостью. И теперь по тому, как она выразительно откашливалась, выжидая, чтобы все второстепенные темы (вроде чепцов и тюрбанов) были убраны с дороги, мы поняли, что она готовится в первую же паузу сообщить нам нечто особое — а какой человек, наделенный хотя бы малой толикой стеснительности, сумеет долго поддерживать непринужденную беседу, если один из собеседников презрительно молчит, пропуская мимо ушей все, что говорит общество, словно это жалкие, банальные пустяки в сравнении с новостью, которую он мог бы поведать, если бы его попросили об этом надлежащим образом? Мисс Пул начала:

— Сегодня, когда я вышла из лавки Гордона, я случайно заглянула к «Георгу» (троюродная сестра моей Бетти служит там горничной, и я подумала, что Бетти будет приятно узнать, как ей живется), но никого не увидела и поднялась по лестнице в зал ассамблеи. (Мы с вами не забыли этого зала, мисс Мэтти, ведь верно? И *menuets de la cour!*[112] В рассеянности я вошла, совсем не думая, куда и зачем я иду, как вдруг заметила, что приготовления к завтрашнему вечеру там в самом разгаре — зал перегородили поперек большими рамами, и подмастерья Кросби как раз набивали на них красную фланель. Кругом было темно и жутко, и я, совсем растерявшись, все в том же рассеянии пошла за ширмы, как вдруг какой-то джентльмен (настоящий джентльмен, уверяю вас) преградил мне дорогу и спросил, по какому делу он мог бы мне служить. Он говорил на таком ломаном языке, что я невольно вспомнила «Тадеуша Варшавского», «Венгерских братьев»[113] и «Санто Себастьяни». И пока я мысленно рисовала себе его прошлую жизнь он с поклонами вывел меня из зала. Но погодите! Вы еще и половины не слышали! Я уже спускалась по лестнице, как вдруг встретила — кого бы вы думали? — троюродную сестру моей Бетти! Разумеется, я остановилась поговорить с ней, чтобы сделать приятное Бетти, и она сказала мне, что я видела не более и не менее, как самого фокусника! Джентльмен, который объяснялся на ломаном языке, был не кто иной, как синьор Брунони! И в эту минуту он прошел мимо нас по лестнице с таким изящным поклоном! В ответ я сделала реверанс — у всех иностранцев такие учтивые манеры, что поневоле заражаешься. Однако, когда он спустился вниз, я спохватилась, что обронила в зале перчатку (на самом деле она преспокойно лежала у меня в муфте, но я обнаружила это только позже). А потому я вернулась, и в ту минуту, когда я подходила к проходу сбоку от ширмы, кого же я увидела? Того самого джентльмена, который остановил меня раньше, а потом обогнал на лестнице! Только теперь он появился из внутренней части зала, где нет никаких дверей, — вы-то помните, мисс Мэтти! — и снова спросил на своем приятном ломаном языке, по какому делу я сюда явилась. То есть он выразился вовсе не так прямо, но, по-видимому, он твердо решил не пускать меня за ширму, а потому я объяснила, что потеряла перчатку, которая, как ни странно, в ту же самую минуту и отыскалась.

Так, значит, мисс Пул видела фокусника — настоящего живого фокусника! И мы засыпали ее вопросами:

— Он с бородой?

— Молодой или старый?

— Блондин или брюнет?

— Он выглядел, как... как... (И, запутавшись, я задала свой вопрос по-другому.) Как он выглядел?

Короче говоря, из-за своей утренней встречи мисс Пул стала героиней вечера. Если она и не была розой (то есть фокусником), то, во всяком случае, видела ее вблизи.

Фокусы, ловкость рук, магия, колдовство — вот о чем мы говорили весь этот вечер. Мисс Пул держалась несколько скептически и была склонна полагать, что можно найти научное объяснение даже для деяний Эндорской волшебницы.[114] Миссис Форрестер верила во все, начиная от привидений и кончая воем собаки, предсказывающим смерть. Мисс Мэтти становилась на сторону то одной, то другой, соглашаясь с доводами той, которая говорила последней. Мне кажется, внутренне ей были ближе взгляды миссис Форрестер, но это уравнивалось желанием показать себя достойной сестрой мисс Дженкинс — той мисс Дженкинс, которая никогда не разрешала служанкам называть «саванами» застывшие кружочки сала у основания свечки и всегда требовала, чтобы их называли «колечками». И чтобы сестра мисс Дженкинс была суеверна? Нет, об этом не может быть и речи!

После чая меня послали вниз в большую столовую за тем томом старинной энциклопедии, который содержал слова на букву «Ф», дабы мисс Пул могла набраться научных объяснений для фокусов, которые нам предстояло увидеть в следующий вечер. Это помешало партии в преферанс, на которую рассчитывали мисс Мэтти и миссис Форрестер, ибо мисс Пул так увлеклась статьей и иллюстрациями к ней, что нам казалось жестоким мешать ей, хотя я все-таки время от времени выразительно зевала в подходящий момент — меня глубоко трогала кротость, с какой мисс Мэтти и миссис Форрестер сносили свое разочарование. Впрочем, мисс Пул читала от этого только еще более усердно, делясь с нами интереснейшими сведениями вроде нижеследующих:

— А! Понимаю. Все ясно как божий день. Буква «А» означает шарик. Поместите «А» между «Б» и «Г»... нет-нет, между «В» и «Е» и прижмите второй сустав среднего пальца своей левой руки к кисти своей правой Р. Что может быть проще! Дорогая миссис Форрестер, фокусы и колдовство целиком исчерпываются алфавитом. Разрешите, я прочту вам вот этот небольшой отрывок.

Миссис Форрестер жалобно попросила мисс Пул пощадить ее, так как она с самого детства никогда не воспринимала того, что ей читали вслух. Тут я уронила колоду, которую тасовала, шуруша картами как можно громче, и этим ловким маневром принудила мисс Пул вспомнить, что после чая предполагался преферанс, и с некоторой неохотой сестра за карточный столик. Как просияли лица ее двух партнерш! Мисс Мэтти, правда, довольно долго мучилась, потому что мисс Пул пришлось прервать свои научные изыскания, и она то и дело забывала карты и никак не могла сосредоточиться, пока не успокоила своей совести, предложив мисс Пул взять этот том энциклопедии домой. Мисс Пул с благодарностью согласилась, сказав, что Бетти захватит его, когда придет с фонарем.

Весь следующий день мы пребывали в радостном волнении при мысли об ожидающем нас удовольствии. Мисс Мэтти поднялась к себе в спальню переодеться задолго до назначенного часа и настояла, чтобы и я последовала ее примеру, а когда я была готова, мы обнаружили, что у нас остается еще полтора часа до того, как «двери откроются точно в семь». Пройти же до этих дверей нам нужно было всего двадцать ярдов! Однако, как сказала мисс Мэтти, нехорошо слишком чем-то увлекаться и забывать о времени, а потому нам следует спокойно посидеть, не зажигая свечей, до без пяти минут семь. Так мы и сделали: я вязала, а мисс Мэтти тихонько дремала.

В конце концов мы отправились в путь и у дверей под аркой «Георга» встретились с миссис Форрестер и мисс Пул — последняя с еще большей горячностью продолжала обсуждать вчерашнюю тему, так что «А» и «Б» сыпались на наши головы, точно град. Она даже записала, как она выразилась, «рецепты» разных фокусов на обороте старого конверта и была готова подмечать и объяснять все тонкости искусства синьора Бруни.

Мы вошли в гардеробную, которая примыкала к залу, и, поправляя свой хорошенький новый чепчик перед старинным зеркалом, совсем непохожим на нынешние, мисс Мэтти украдкой вздохнула, вспомнив свою ушедшую молодость и последний раз, когда она была тут. Зал ассамблеи был пристроен к гостинице лет сто назад на средства местных помещиков, которые зимой время от времени приезжали сюда с семьями, чтобы потанцевать и поиграть в карты. Немало провинциальных красавиц, позже танцевавших менуэт перед королевой Шарлоттой,[115] впервые плыли в нем по этому залу. Рассказывали, что его некогда озаряла своим присутствием одна из мисс Ганнинг,[116] и совершенно точно известно, что богатая красивая вдова леди Уильямс именно здесь была очарована благородной внешностью молодого художника, который писал портрет кого-то из местных помещиков и приехал со своим покровителем в крэнфордскую ассамблею. И если все, что рассказывают, правда, бедной леди Уильямс дорого обошелся ее красивый муж. Но теперь по сторонам зала не улыбалась и не заливалась румянцем ни одна красавица, и очаровательный художник не пленял сердца поклоном, *chapeau bras*;^[117] зал стал угрюмым и грязным, розовая краска посерела, от лепных венков и гирлянд по стенам отвалились большие куски штукатурки, но все-таки он еще хранил аромат аристократичности, пусть тронутый тлением, и смутные воспоминания о давно прошедших днях заставили мисс Мэтти и миссис Форрестер, едва они вступили в него, гордо выпрямиться и изящно засеменить по проходу, точно на них были обращены взоры знатного общества, а не двух мальчишек, которые, коротая время, по очереди грызли большой леденец.

Мы остановились возле второго ряда. Я не сразу сообразила почему, но тут мисс Пул спросила у проходившего мимо полового, ожидаются ли на представлении первые семь графства, и когда он, мотнув головой, сказал, что как будто нет, мисс Мэтти с миссис Форрестер сели в первом ряду перед мисс Пул и мной, и нам было очень удобно переговариваться. Первый ряд вскоре был усилен и обогащен леди Гленмайр и миссис Джеймисон. Так мы шестером занимали два передних ряда, и входившие время от времени компании лавочников, уважая наше аристократическое уединение, рассаживались на задних скамьях. Во всяком случае, так я решила, судя по звукам их голосов и по шуму, который они поднимали, плюхаясь на облюбованные места. Но когда, истомленная зрелищем упрямого зеленого занавеса, не желавшего подниматься и вперявшегося в меня сквозь дырочки двумя загадочными глазами, точно в повести о старинном гобелене, я готова была обернуться и посмотреть на веселое общество позади меня, мисс Пул сжимала мой локоть и умоляла не оборачиваться, ибо «так не делают». «Как делают», мне осталось неизвестно, но скорее всего это нечто невероятно скучное и утомительное. Как бы то ни было, мы все сидели, устремив взгляд прямо перед собой и выпрямив спину; мы смотрели только на дразнящий занавес и понижали голоса до неслышного шепота — так

мы опасались поднять вульгарный шум в месте общественного развлечения. Удобнее всех устроилась миссис Джеймисон — она уснула.

Наконец глаза исчезли, занавес задергался, и одна его половина поднялась раньше второй, которую прочно заклинило; тогда первая половина вновь опустилась, и после новых усилий невидимой руки занавес все-таки взвился, открыв нашим взорам великолепного джентльмена в турецком костюме. Он восседал за маленьким столиком и смотрел на нас (по-моему, теми же самыми глазами, которые я перед этим видела в дырочках занавеса) с безмятежным и снисходительным величием, «будто существо иных сфер», как с чувством воскликнул кто-то позади меня.

— Это не синьор Бруони, — сказала мисс Пул решительно и столь громко, что, по-моему, он ее услышал, — во всяком случае, он бросил на нас поверх своей пышной бороды взгляд, исполненный немого упрека. — У синьора Бруони бороды нет, но, впрочем, может быть, он скоро выйдет.

Так она уговорила себя быть терпеливой. Тем временем мисс Мэтти произвела разведку через лорнет, протерла его и снова посмотрела. Затем она повернулась ко мне и сказала ласковым, кротким, печальным голосом:

— Вот видите, милочка, тюрбаны сейчас действительно носят.

Но времени на разговоры у нас не было. Великий Турок, как решила называть его мисс Пул, встал и представился зрителям как синьор Бруони.

— Я ему не верю! — воскликнула мисс Пул с вызовом. Он снова поглядел на нее тем же полным достоинства и упрека взглядом.

— Не верю! — повторила она с еще большей решительностью. — У синьора Бруони на подбородке не было этого меха, он выглядел, как подобает бритому христианину и джентльмену.

Энергичные возгласы мисс Пул сыграли свою благую роль, пробудив миссис Джеймисон, которая широко раскрыла глаза в знак пристальнейшего внимания, что заставило мисс Пул умолкнуть и позволило Великому Турку продолжить его речь, но изъяснялся он на очень ломаном языке — настолько ломаном, что между отдельными частями одного предложения нельзя было уловить никакой связи. В конце концов он сам это заметил и, оставив слова, приступил к делу.

Вот тут-то мы были поражены! Я не могла понять, как он умудряется проделывать все это — несмотря даже на мисс Пул, которая вытаскивала свой конверт и принялась читать вслух, весьма и весьма внятным шепотом, «рецепты» наиболее простых из его фокусов. Никогда мне еще не доводилось видеть, чтобы человек так свирепо хмурился, как хмурился Великий Турок на мисс Пул, но, как она сказала, не христианской же кротости ждать от мусульманина! Если мисс Пул держалась скептически и была занята не столько его фокусами, сколько своими «рецептами» и схемами, то мисс Мэтти и миссис Форрестер только дивились и пребывали в крайнем недоумении. Миссис Джеймисон то и дело снимала очки и протирала их, словно думала, будто вся магия заключается в каком-то их изъяне, а леди Гленмайр, хотя она и навидалась в Эдинбурге всяких любопытных вещей, эти фокусы привели просто в восхищение, и она не согласилась с мисс Пул, которая заявила, что, немного попрактиковавшись, их может делать кто угодно, да и она сама возьмется повторить все его чудеса, если ей дадут час-другой, чтобы изучить статью в энциклопедии и развить гибкость среднего пальца.

В конце концов мисс Мэтти и миссис Форрестер пришли в состояние благоговейного ужаса и принялись перешептываться. Я сидела прямо позади них и невольно подслушивала их слова. Мисс Мэтти спросила у миссис Форрестер ее мнение, прилично ли присутствовать при подобном зрелище. Сама она опасается, не поощряют ли они нечто не вполне... Легкое покачивание головой восполнило многоточие. Миссис Форрестер ответила, что она думает то же самое и ей тоже кажется... все это так странно! Она убеждена, что в булке сейчас оказался ее собственный платок, а ведь всего пять минут назад она держала его в руке. И кто был поставщиком этой булки? Она убеждена, что не Дейкин, ведь Дейкин — церковный староста. Внезапно мисс Мэтти чуть-чуть повернулась ко мне.

— Милочка, не оглянетесь ли вы... вы ведь приезжая, и это не вызовет неприятных пересудов — не оглянетесь ли вы, чтобы посмотреть, присутствует ли здесь наш священник? Если он здесь, мы можем считать, что церковь одобряет представления этого чародея, и у меня на душе станет спокойнее.

Я оглянулась и увидела высокого сухопарого священника, который сидел среди мальчиков из приюта — эта стража, принадлежавшая к его собственному полу, позволяла ему не опасаться многочисленных крэнфордских старых дев. Его добродушное лицо расплывалось в широкой улыбке, а мальчики вокруг него весело хохотали. Я сказала мисс Мэтти, что церковь поощрительно улыбается, и она успокоилась.

Я еще ни разу не упоминала мистера Хейтера, крэнфордского священника, потому что мне, достаточно

состоятельной и счастливой молодой девушке, не приходилось встречаться с ним. Он был старый холостяк, но опасался, что ему могут приписать матримониальные намерения, словно восемнадцатилетняя девушка, и на улицах при виде крэнфордских дам тотчас скрывался в первой попавшейся лавке или подворотне. И разумеется, я несколько не удивлялась тому, что он отклонял решительно все приглашения на карточные вечера. По правде говоря, я всегда подозревала мисс Пул в том, что она усердно охотилась за мистером Хейтером в первые годы его пребывания в Крэнфорде, и в этом меня ничуть не разубеждало то обстоятельство, что теперь она не менее его самого опасалась, как бы молва не начала соединять их имена. Он отдавал все свое время бедным и сирым и в этот вечер привел приютских мальчиков посмотреть представление, заплатив за них из собственного кармана. На этот раз добродетель обернулась собственной наградой, ибо они охраняли его со всех сторон, точно пчелиный рой — свою царицу. Он чувствовал себя среди них в такой безопасности, что осмелился даже поклониться нам, когда мы проходили мимо после конца представления. Мисс Пул, казалось, его не заметила и с удвоенной энергией принялась убеждать нас, что мы стали жертвой обмана и вовсе не видели настоящего синьора Брунони.

ГЛАВА X ПАНИКА

Мне представляется, что приезд синьора Брунони в Крэнфорд действительно оказался началом той цепи событий, которые мы тогда связывали с ним, хотя не берусь утверждать, что он и правда имел к ним какое-то отношение. Внезапно городок наполнился всевозможными тревожными слухами. Произошло два грабежа — настоящих, bona fide [118] грабежа; виновники были арестованы и преданы суду — и тут все начали бояться, что их ограбят. Во всяком случае, у мисс Мэтти мы еще очень долго каждый вечер совершали обход кухонь, погребов и чуланов — процессию возглавляла мисс Мэтти, вооруженная кочергой, а за ней следовали я со щеткой и Марта с совком и каминными щипцами, дабы было чем подать сигнал тревоги, — нечаянно загремев ими, она часто ввергала нас в такой ужас, что мы запирались на засов в задней кухне, или в кладовой, или еще где-нибудь и прятались там, пока не приходили в себя, после чего продолжали обход с удвоенной бдительностью. Днем мы выслушивали от лавочников и обитателей окраин жуткие истории о повозках, запряженных лошадьми, чьи копыта были обернуты фетром, и о людях в темной одежде, которые в глухую ночь разъезжали в этих повозках по городу, — без сомнения, выискивая дом без охраны или незапертую дверь.

Мисс Пул, сама державшаяся с великой храбростью, старательно собирала эти истории и рассказывала их так, что они казались особенно страшными. Однако мы узнали, что она выпросила одну из старых шляп мистера Хоггинса, чтобы повесить ее у себя в прихожей, и усомнились (во всяком случае, я), действительно ли она сочтет появление у себя в доме грабителя таким уж забавным приключением, как утверждает. Мисс Мэтти сама называла себя большой трусихой, но продолжала ревностно совершать обход дома и только начинала его все раньше и раньше, так что в конце концов мы уже заканчивали его в половине седьмого, а в семь мисс Мэтти укладывалась спать, «чтобы ночь, поскорее прошла».

Крэнфорд так долго мнил себя честным и нравственным городом, что теперь воображал, будто и не может быть, ничем иным благодаря своей воспитанности и аристократичности, а потому темное пятно на его репутации причиняло ему удвоенные страдания. Но мы утешались сами и утешали друг друга мыслью, что грабежи эти совершали не крэнфордцы — несомненно, такой позор мог навлечь на город лишь чужой человек (или чужие люди), и только из-за него нам приходилось принимать столько предосторожностей, точно мы жили среди краснокожих индейцев или французов.

Это последнее сравнение нашего еженощного осадного положения принадлежало миссис Форрестер, чей отец воевал под командованием генерала Бургойна [119] в Америке, а муж сражался с французами в Испании. [120] И она полагала, что именно французы каким-то образом повинны и в мелких кражах, которые представляли собой неоспоримый факт, и в грабежах и разбое на большой дороге, которые не шли дальше слухов. На нее в свое время глубочайшее впечатление произвели разговоры о французских шпионах, и она нет-нет да и обращалась вновь к этой мысли. Теперь ее теория была такова: крэнфордцы так уважают себя и так благодарны аристократии, милостиво соизволившей жить в поместьях вблизи городка, что они ни в коем случае не позволили бы себе запятнать свою благовоспитанность нечестностью или безнравственностью; следовательно, нам остается считать, что грабят люди пришлые. А если пришлые, то почему бы и не иностранцы? А если

иностранцы, то уж кто, как не французы? Синьор Брунони говорил на ломаном языке, точно француз, и хотя он расхаживал в тюрбане, точно турок, миссис Форрестер ведь видела гравированный портрет мадам де Сталь[121] в тюрбане и портрет господина Денона[122] в таком же костюме, какой был на фокуснике, из чего неопровержимо вытекало, что тюрбаны носят не только турки, но и французы. И можно не сомневаться, что синьор Брунони — француз, французский шпион, выскивающий в Англии слабые и незащищенные города, а раз так, то он обязательно должен иметь сообщников. У нее, у миссис Форрестер, всегда было свое мнение о приключении мисс Пул в гостинице «Георг», когда та увидела двух человек там, где полагалось быть всего одному. Французы напридумали хитростей и уловок, о которых англичане, слава богу, и понятия не имеют, и она, хотя и пошла посмотреть фокусника, все время чувствовала, что поступает дурно, — ведь это представление, наверное, выходило за границы дозволенного добрым христианам, хотя мистер Хейтер на нем и присутствовал. Короче говоря, мы еще никогда не видели миссис Форрестер в подобном волнении, а так как она была дочерью и вдовой офицера, мы, разумеется, очень считались с ее мнением.

По правде говоря, я не знаю, что было правдой, а что — ложью в слухах, которые в то время распространялись по городку с быстротой пожара, но тогда мне представлялось вполне правдоподобным, что в Мардоне (маленьком городке в восьми милях от Крэнфорда) грабители проникали в дома и лавки через дыры, которые проделывали в стенах, разбирая и унося кирпичи в полночный час так бесшумно, что ни в доме, ни вокруг него никто не слышал ни звука.

Услышав об этом, мисс Мэтти в отчаянии сдалась.

Что толку, сказала она, в замках, засовах, колокольчиках на окнах и ежевечерних обходах дома? Эта уловка — настоящий фокус. И теперь она верит, что без синьора Брунони тут дело не обходится.

Как-то днем, часов около пяти, нас испугал торопливый стук в дверь. Мисс Мэтти велела мне бежать к Марте и сказать, чтобы она ни в коем случае не отпирала дверь пока она (мисс Мэтти) не произведет разведки через окно предварительно вооружившись скамеечкой для ног, дабы обрушить ее на голову неведомого гостя, когда в ответ на ее вопрос «кто тут?» он посмотрит вверх и окажется, что его лицо закрыто черным крепом. Но оказалось, что пришла всего лишь мисс Пул в сопровождении Бетти. Мисс Пул поднялась в гостиную. В руке она держала корзиночку и, несомненно, пребывала в состоянии величайшего волнения.

— Сберегите ее! — воскликнула она, когда я хотела взять у нее корзинку.

— Это мое столовое серебро. Я убеждена, что существует план ограбить нынче ночью мой дом. Я пришла поручить себя вашему гостеприимству, мисс Мэтти. Бетти будет ночевать у своей троюродной сестры в «Георге». Я могу, если вы разрешите мне остаться, все ночь просидеть на стуле; ведь мой дом стоит в таком отдалении от остальных, что нас, конечно, никто не услышит, как бы мы ни кричали!

— Но что вас так встревожило? — осведомилась мисс Мэтти. — Вокруг вашего дома рыскали какие-нибудь подозрительные люди?

— О да! — вскричала мисс Пул. — Три раза мимо него прошли двое мужчин самого зловещего вида, а всего полчаса назад нищая ирландка, едва Бетти приоткрыла дверь, чуть не ворвалась в дом, твердя, что ее дети умирают с голоду и она должна поговорить с хозяйкой. Заметьте — «с хозяйкой», хотя в передней висела мужская шляпа и было бы естественнее сказать «с хозяином»! Но Бетти успела захлопнуть дверь и прибежала ко мне. И мы собрали ложки и сидели у окна до тех пор, пока не увидели, что Томас Джонс возвращается с работы, а тогда мы его окликнули и попросили проводить нас в город.

Мы могли бы с торжеством напомнить мисс Пул, как она щеголяла своей храбростью, пока не напугалась, но мы очень обрадовались, убедившись, что и она не свободна от человеческих слабостей, а потому нам не хотелось злорадствовать. Я с большой охотой уступила ей на ночь свою комнату, а сама спала с мисс Мэтти. Но прежде, чем мы удалились на покой, они обе успели припомнить и рассказать столько жутких историй про грабежи и убийства, что у меня мороз по коже подирал от страха. Мисс Пул, по-видимому, очень хотела доказать, что, насмотревшись за свою жизнь столько ужасов, она имела право на этот раз струхнуть, а мисс Мэтти не желала отстать от нее и на каждый ее рассказ отвечала вдвое более страшным, и в конце концов мне почему-то вспомнилась старинная сказка про соловья и музыканта, которые, поспорив, кто поет лучше, соревновались до тех пор, пока бедная Филомела не упала мертвой.

Одна из их историй преследовала меня потом еще очень долго — история о девушке из Камберлена, которую оставили сторожить дом, когда остальные слуги отправились на ярмарку, а господа были в Лондоне. В дверь постучал бродячий торговец и попросил разрешения оставить на кухне большой и тяжелый тюк своих товаров, сказав, что вернется за ним вечером, а девушка (дочь егеря), бродя от скуки по дому, увидела в зале ружье и сняла его, чтобы рассмотреть поближе, а оно выстрелило в открытую дверь кухни прямо в тюк, и из него

медленно-медленно просочилась темная струя крови. (С каким наслаждением мисс Пул рассказывала эту часть истории, смакуя каждое слово!) Описание дальнейшего мужественного поведения девушки она довольно-таки сократила, и у меня осталось только смутное представление, что та каким-то образом взяла верх над грабителями с помощью утюгов, которые сначала раскалила докрасна, а затем снова сделала черными, обмакнув в расплавленное сало.

Мы расстались на ночь, с трепетом думая о том, что нам доведется услышать утром, причем я испытывала лихорадочное желание, чтобы ночь поскорее прошла: ведь разбойники могли из какого-нибудь своего тайника увидеть, как мисс Пул уносила серебряные ложки, и тогда у них появилась бы двойная причина напасть на наш дом.

Однако нам не довелось услышать ничего необыкновенного, пока наследующий день к нам не зашла леди Гленмайр. Кухонная утварь у задней двери сохраняла точно то же положение, какое мы с Мартой придали ей, нагромоздив кастрюли на сковородки, точно бирюльки, так что они обрушились бы с оглушительным грохотом, если бы к филенке притронулась снаружи хотя бы кошка. Я несколько недоумевала, что, собственно, должны мы будем делать, если этот сигнал тревоги разбудит нас среди ночи, и сказала мисс Мэтти, что, по-моему, нам следует сунуть головы под одеяло — тогда грабители не будут опасаться, что мы сможем их впоследствии опознать. Однако мисс Мэтти, дрожа от страха, отвергла этот план и заявила, что наш долг перед обществом — помочь их аресту, и она, во всяком случае, постарается схватить их и запереть до утра на чердаке.

Когда пришла леди Гленмайр, мы чуть было ей не позавидовали: дом миссис Джеймисон действительно подвергся нападению! Во всяком случае, они увидели следы мужских сапог на клумбе под кухонными окнами, где «мужчинам делать нечего», а Карло лаял всю ночь напролет, словно вокруг дома бродили чужие. Миссис Джеймисон, была разбужена леди Гленмайр, и они вместе начали дергать сонетку колокольчика, который находится в комнате мистера Муллинера на третьем этаже, а когда в ответ на этот призыв его голова в ночном колпаке показалась над перилами и они сообщили ему о своих страхах, он тотчас скрылся в своей спальне, запер дверь — чтобы не сквозило, — как он объяснил им на следующее утро, и, приоткрыв окно, доблестно крикнул, что отделает предполагаемых грабителей по-своему, если они поднимутся к нему на третий этаж. Однако, как заметила леди Гленмайр для них это было небольшим утешением — ведь, прежде чем взобраться к нему, грабители должны были бы пройти мимо ее спальни и спальни миссис Джеймисон, а к тому же оказаться необыкновенными любителями драк, иначе с какой стати они, вместо того чтобы спокойно грабить никем не охраняемые первый и второй этаж, полезли бы в мансарду, где им еще предстояло бы взломать дверь, чтобы наконец добраться до мужественного защитника этого дома. Леди Гленмайр некоторое время стояла в гостиной, прислушиваясь, а затем предложила миссис Джеймисон снова лечь спать, но та объявила, что ей будет спокойнее, если она не ляжет, а останется сидеть и сторожить Тепло укутавшись, миссис Джеймисон расположилась сторожить на диване, где в шесть часов утра горничная и обнаружила ее погруженной в глубокий сон. А леди Гленмайр легла в постель и до зари не сомкнула глаз.

Когда леди Гленмайр закончила свое повествование, мисс Пул удовлетворенно закивала. Она не сомневалась, что мы услышим о странных происшествиях в Крэнфорде в эту ночь — и вот мы о них услышали. Очевидно, грабители намеревались напасть на ее дом, но, убедившись, что они с Бетти начеку и унесли серебро, злодеи, изменив свой план, направились к дому миссис Джеймисон, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Карло не залаял, как подобает хорошей собаке.

Бедный Карло! Ему уже недолго оставалось лаять. То ли разбойники, рыскавшие по городку, боялись его, то ли, возжаждав отомстить ему за то, что он прогнал их в роковую ночь, они его отравили, то ли (как полагали люди менее образованные) его сразила апоплексия, потому что ел он много, а гулял мало — но, во всяком случае, через два дня после этой полной событий ночи Карло нашли мертвым. Он лежал, вытянув лапки, словно, бежал в надежде ценой столь непривычных усилий спастись от неумолимого преследователя, имя которому — Смерть.

Мы все очень жалели Карло, старого нашего друга, который столько лет тьякал на нас, а таинственность его смерти внушила нам большую тревогу. Не кроется ли за всем этим синьор Брунони? Он ведь, по-видимому, убил канарейку одним властным словом, его воля как будто обладала смертоносной силой, и, как знать, не скрывается ли он где-нибудь в окрестностях Крэнфорда, творя с ее помощью всякие ужасы?

Мы шепотом обменивались этими предположениями по вечерам, однако утром мужество возвращалось к нам вместе с солнечным светом, и через неделю мы оправались от потрясения, которое причинила нам смерть Карло, — все, кроме миссис Джеймисон. Бедняжка горевала так, как не горевала со времени кончины своего супруга. Мисс Пул даже сказала, что высокородный мистер Джеймисон сильно пил и причинял ей немало

страданий, а потому смерть Карло, быть может, оказалась для нее более тяжелым ударом. Впрочем, мисс Пул всегда была склонна к некоторому цинизму. Однако совершенно ясно было одно: миссис Джеймисон следовало переменить обстановку, и мистер Муллинер придерживался тут самой категорической точки зрения — он покачивал головой всякий раз, когда мы осведомлялись о здоровье его госпожи, и говорил про то, что она потеряла аппетит и спит очень дурно, самым зловещим голосом, и не без основания, так как наиболее естественным для нее состоянием всегда было есть и спать. И раз уж она не ест и не спит, значит, и дух ее, и здоровье совсем расстроены.

Леди Гленмайр (которой Крэнфорд, по-видимому, пришлось очень по вкусу) считала, что миссис Джеймисон вовсе незачем ехать в Челтнем, и не раз и не два ясно давала понять, что это затея мистера Муллинера, который очень перепугался, когда на дом было совершено нападение, и с тех пор имел обыкновение жаловаться на то, какая это тяжкая обязанность — защищать столько женщин. Но как бы то ни было, миссис Джеймисон уехала в Челтнем под охраной мистера Муллинера, а леди Гленмайр осталась единственной хозяйкой в доме с поручением следить, чтобы служанки не обзаводились дружкойми. Дракон из нее получился очень милый, и едва выяснилось, что ей можно остаться в Крэнфорде, как она пришла к выводу, что ничего лучше поездки миссис Джеймисон в Челтнем нельзя было и придумать. Свой дом в Эдинбурге она сдала и пока не имела собственного крова, а потому необходимость присматривать за удобным жилищем ее свойственницы пришлось ей очень кстати.

Мисс Пул полагала, что может с полным правом считаться героиней ввиду принятых ею решительных мер, когда она бежала от двух мужчин и одной женщины, которых она теперь называла не иначе, как «эта шайка убийц». Их внешность она описывала в самых ярких красках, и я заметила, что при каждом повторении ее рассказа к этой внешности добавлялась какая-нибудь новая злодейская черта. Один был высок — и стал великаном, прежде чем мы окончательно с ним расстались; разумеется, волосы у него были черные — и мало-помалу они превратились во всклокоченную гриву, падавшую ему на глаза и на плечи. Другой был низенький и коренастый — и прежде чем с ним было покончено, на спине у него вырос горб; волосы у него были рыжеватые, но скоро стали, морковными, и она была почти уверена, что один глаз у него слегка косил — оба глаза у него свирепо смотрели в разные стороны. А у женщины глаза горели злобой, и она отличалась мужским телосложением — скорее всего переодетый мужчина; позже мы услышали про щетину на ее подбородке, про басистый голос и мужскую походку.

Если мисс Пул с восторгом рассказывала о событиях этого дня всем, кто о них расспрашивал, то другие куда менее гордились своими столкновениями с грабителями. Мистер Хоггинс, врач, подвергся нападению у самого своего порога, едва дернул звонок, и два негодяя, скрывавшиеся в тени крыльца, успели заткнуть ему рот и ограбить его прежде, чем слуга открыл дверь. Мисс Пул не сомневалась, что этот разбой, конечно, окажется делом рук «ее шайки», и в тот же день, когда узнала про него, поспешила проверить, в порядке ли ее зубы, и расспросить мистера Хоггинса. От него она пришла прямо к нам, а потому мы узнали то, что она узнала непосредственно из первоисточника, пока еще пребывали в волнении, вызванном этой животрепещущей новостью, — ведь само событие произошло накануне вечером.

— Ну уж! — сказала мисс Пул, опускаясь на стул с решительностью человека, который постиг смысл жизни и всего сущего (а такие люди никогда не ступают легко и садятся всегда плотно). — Ну уж, скажу я вам, мисс Мэtti! Мужчины — это мужчины. Любой из них желает, чтобы его считали Самсоном и Соломоном, вместе взятыми, таким сильным, что никто не способен побить его, и таким мудрым, что перехитрить его невозможно. Вы, наверное, замечали, что они всегда все знают наперед, хотя объявляют об этом, только когда что-то уже случится. Мой отец был мужчиной, и я хорошо знаю всю их породу.

Она умолкла, чтобы перевести дух, и мы с удовольствием воспользовались бы этой паузой, дабы исполнить роль хора, но не совсем понимали, что нам следует сказать и какой, собственно, мужчина вызвал эту филиппику против всей их породы. А потому мы поддержали ее лишь укоризненным покачиванием головы и негромким восклицанием:

— Да, они непостижимы, что и говорить!

— Нет, вы только подумайте! — продолжала мисс Пул. — Я подвергаю себя опасности лишиться еще одного из оставшихся у меня зубов (ведь это ужасно, в какой власти у дантиста мы оказываемся! Я, например, всегда разговариваю с ними очень кротко, пока не вырву рта из их когтей), и все-таки мистер Хоггинс оказывается настоящим мужчиной и не желает сознаваться, что его вчера вечером ограбили!

— Так его не ограбили!? — воскликнул хор.

— Откуда вы это взяли! — вскричала мисс Пул, разгневавшись на наше легкоеверие. — Я убеждена, что его

ограбили, как мне и рассказывала Бетти, только ему стыдно сознаться в этом. И разумеется, очень глупо, что он допустил, чтобы его ограбили на его собственном крыльце. Возможно, он чувствует, что это отнюдь не возвысит его в глазах общества, а потому пытается скрыть случившееся. Но он мог бы не стараться обмануть меня, утверждая, будто я слышала преувеличенное описание мелкой кражи, случившейся на прошлой неделе, когда у него из кладовой на заднем дворе похитили кусок баранины. Он имел наглость добавить, что, по его мнению, мясо утащила кошка. Не сомневаюсь, что, докопайся я до истины, оказалось бы, что это был тот самый переодетый женщиной ирландец, который шпионил вокруг моего дома, прикрываясь историей о голодных детях.

После того как мы надлежащим образом осудили скрытность мистера Хоггинса и выбрали мужчин вообще, ссылаясь на него, как на типичного их представителя, мы вернулись к той теме, которую обсуждали, когда пришла мисс Пул, — а именно, можем ли мы в столь беспокойные времена принять приглашение, только что полученное мисс Мэтти от миссис Форрестер, которая, по обыкновению, хотела бы ознаменовать годовщину своей свадьбы чаем в пять часов и партией в преферанс после чая. Миссис Форрестер упомянула, что приглашает нас не с легкими сердцем, так как дороги, она боится, не безопасны. Но, продолжала она, может быть, кто-нибудь из нас согласится взять портшез, а остальные, ускорив шаги, попробуют не отстать от бегущих рысцей носильщиков, и таким образом все мы благополучно доберемся до Оверплейса, городского предместья. (Нет, предместье — это слишком пышное обозначение для кучки домиков, отделенных от Крэнфорда пустырем ярдов в двести шириной, через который вела темная и уединенная дорога.) Можно было не сомневаться, что мисс Пул ждет дома такая же записка, а потому ее визит к нам оказался очень кстати: мы могли подробно обсудить с ней это приглашение. Мы все предпочли бы отклонить его, но чувствовали, что было бы жестоко предоставить миссис Форрестер в одиночестве вспоминать свою не очень счастливую и не слишком удачно сложившуюся жизнь. Мисс Мэтти и мисс Пул в течение многих лет обязательно бывали у нее в этот день, и теперь они храбро решили не отступить перед ужасами Темного проселка, лишь бы сохранить верность дружбе.

Однако, когда наступил вечер, мисс Мэтти (ибо было единодушно решено, что ввиду легкой простуды портшезом воспользуется она), прежде чем ее упрятали туда, как чертика в коробочку, взяла с носильщиков обещание, что они — что бы ни случилось — не убегут и не бросят ее, запертую в портшезе, на расправу убийцам. Но я заметила, что, после того как они дали требуемое обещание, ее лицо все же, выразило суровую решимость мученицы, и, глядя на меня сквозь стеклянную дверцу, она печально и зловеще покачала головой. Тем не менее мы добрались до дома миссис Форрестер вполне благополучно и только сильно запыхались — ведь речь шла о том, кто быстрее пробежит Темный проселок, и, боюсь, бедную мисс Мэтти порядком растрясло.

Миссис Форрестер сделала кое-какие добавления к обычному угощению в знак признательности за то мужество, с каким мы ради нее пренебрегли столь грозной опасностью. Неизменный ритуал аристократического неведения касательно того, какие яства вздумалось приготовить прислуге, был совершен, и вечер прошел бы в тихой гармонии за преферансом, если бы не увлекательный разговор, который завязался не знаю как, но касался, само собой разумеется, разбойников и грабителей, наводнивших окрестности Крэнфорда. Не отступив, перед опасностями Темного проселка и имея таким образом в запасе доказательство нашей храбрости, а к тому же, возможно, желая доказать, насколько мы превосходим мужчин (*videlicet*, [123] мистера Хоггинса) в откровенности, мы принялись описывать свои тайные страхи и те предосторожности, которые каждая из нас принимает. Я призналась, что всегда ужасно боюсь увидеть глаза — глаза, которые следят за мной, сверкая в какой-нибудь тусклой, гладкой, деревянной поверхности, и что, если в минуту паники я осмелюсь подойти к зеркалу, я обязательно поверну его обратной стороной, страшась увидеть позади себя глаза, глядящие из мглы. Я заметила, что мисс Мэтти собирается с духом для исповеди, и вот она открыла нам свой секрет. С самого детства, ложась спать, она боялась, что кто-то, спрятавшийся под кроватью, схватит ее за ту ногу, которая еще стоит на полу. Когда она была моложе и подвижнее, сказала она, то обыкновенно прыгала в кровать с некоторого расстояния, чтобы обе ее ноги сразу оказались в безопасности, но ее прыжки раздражали Дебору, которая всегда отходила ко сну изящно, и ей пришлось отказаться от этой предосторожности. Но теперь ее все чаще вновь охватывает былой ужас, особенно после нападения на дом мисс Пул (мы все уже твердо уверовали, что на него действительно было совершено нападение), и тем не менее ей не хочется заглядывать под кровать — как неприятно было бы обнаружить, что там прячется мужчина, увидеть его свирепую злобную физиономию. А потому она кое-что придумала — может быть, я обратила внимание, что она попросила Марту купить ей за пенни детский мячик? Теперь она каждый вечер бросает этот мячик под кровать: если он свободно выкатывается с другой стороны, то можно ни о чем не думать, если же нет... она не забывает при этом

держаться за сонетку, чтобы тут же громко позвать Джона или Гарри, словно ожидая, что на ее звонок явятся дюжие лакеи.

Мы все горячо одобрили эту хитроумную выдумку, и мисс Мэтти, погрузившись в умиротворенное молчание, бросила взгляд на миссис Форрестер, словно приглашав ее тоже рассказать о своей тайной слабости.

Миссис Форрестер покосилась на мисс Пул и попыталась слегка переменить тему: она сообщила нам, что взяла взаймы мальчика из соседнего домика, обещав его родителям мешок угля к рождеству и обязавшись каждый вечер кормить его ужином, если он будет ночевать у нее. Когда он явился в первый раз, она объяснила ему его обязанности и, убедившись, что он очень смышлен, вручила ему саблю майора (майор был ее покойным мужем) с тем чтобы на ночь он клал ее себе под подушку, повернув заточенную сторону лезвия к изголовью. По ее мнению мальчуган был необыкновенно сметлив: увидев треуголку майора, он объявил, что с ней на голове берется в любую минуту напугать двух англичан или четырех французов). Однако она вновь принялась толковать ему, что времени надевать треуголку или еще что-нибудь у него не будет: едва слышав где-нибудь шум, он должен тотчас кидаться туда с саблей наголо. Когда я высказала предположение, что подобное кровожадное и категорическое распоряжение может стать причиной несчастного случая, например, Дженни пойдет умываться, а он бросится на нее и проткнет насквозь прежде, чем успеет разобраться, что перед ним вовсе не француз, миссис Форрестер объяснила, что ничего подобного не ожидается, так как он спит необыкновенно крепко и по утрам его приходится долго трясти или обливать холодной водой, чтобы разбудить. Наверное, столь глубокий сон объясняется тем, что он ужинает очень плотно — бедняжка дома жил впроголодь, и она велела Дженни кормить его вечером получше.

Эта история, однако, не могла заменить признания в тайных страхах, и мы принялись уговаривать миссис Форрестер сказать нам, что, по ее мнению, могло бы внушить ей наибольший ужас. Она помолчала, помешала в камине, задула свечи, а затем произнесла звучным шепотом:

— Привидения!

И она посмотрела на мисс Пул, словно заявляя, что это так и что она от своих слов не отступит. Подобный взгляд сам по себе уже был вызовом. И мисс Пул обрушила на нее дурное пищеварение, игру воображения, обман зрения и еще немало доводов, почерпнутых у доктора Феррьеера и доктора Хибберта. Мисс Мэтти, как я упоминала раньше, питала некоторую веру в привидения, а потому то небольшое, что она сказала, поддерживало точку зрения миссис Форрестер, которая, ободренная таким сочувствием, заявила, что привидения — это часть ее религии и что уж ей-то, вдове майора, известно, чего следует бояться, а чего нет; короче говоря, я никогда ни раньше, ни потом не видела эту кроткую, уступчивую и терпеливую старушку такой разгоряченной.

Все бузинное вино в мире не могло бы в этот вечер смыть воспоминание о разногласиях между мисс Пул и хозяйкой дома. Более того, когда бузинное вино было подано, это послужило поводом для нового спора, ибо Дженни, маленькая служанка, пошатываясь под тяжестью подноса, сообщила, что она совсем недавно собственными глазами как-то вечером видела привидение на Темном проселке — на том самом проселке, по которому нам предстояло возвращаться домой.

Хотя эта последняя мысль пробудила в моей душе довольно неприятное чувство, я все же не могла не улыбнуться положению Дженни, напомиавшему положение свидетельницы, которую подвергают перекрестному допросу прокурор и адвокат, не стесняясь задавать наводящий вопросы. Сама я пришла к заключению, что Дженни, несомненно, видела нечто такое, чего нельзя было объяснить только несварением желудка. Дама в белом и без головы — вот что она показала на допросе и вот на чем продолжала настаивать, поддерживаемая сознанием, что хозяйка втайне ей сочувствует, с каким бы испепеляющим презрением ни смотрела на нее мисс Пул. И не только она, но и многие другие видели эту безголовую даму, которая сидела у придорожной канавы, ломая руки; точно от горя. Миссис Форрестер время от времени бросала на нас торжествующие взгляды, но ведь ей-то не предстояло пройти по Темному проселку, прежде чем она могла бы спрятаться под своим одеялом.

Одеваясь, чтобы отправиться домой, мы благоразумно не заговаривали о безголовой даме — ведь нам не были известно, не находятся ли ее призрачная голова и уши где-то поблизости и не существует ли между ними и злополучным телом у Темного проселка какой-либо духовной связи. А потому даже мисс Пул чувствовала, что об этих материях не следует говорить легкомысленно, дабы не раздражить и не оскорбить это горюющее туловище. Во всяком случае, так мне показалось, ибо вместо то чтобы весело болтать, как водилось во время этой процедуры, мы завязывали ленты наших накидок с самым похоронным видом. Мисс Мэтти плотно задернула занавески на дверцах портшеза, чтобы не увидеть чего-либо неприятного, и носильщики (то ли воодушевленные близостью конца своих трудов, то ли потому, что дорога шла под гору) припустили так бодро

и резво, что мы с мисс Пул еле поспедали за ними. Мисс Пул совсем запыхалась и была способна лишь умоляюще повторять «не покидайте меня!» и с такой силой цепляться за мой локоть, что я не покинула бы ее, явись перед нами хоть сто привидений. Какое это было облегчение, когда носильщики, устав от тяжести своей ноши и от собственной быстроты, остановились отдохнуть как раз там, где к Темному проселку подходит дамба Хедингли! Мисс Пул отпустила меня ухватилась за одного из носильщиков.

— Не могли бы вы... не могли бы вы пойти дальше по дамбе? Темный проселок такой неровный, а мисс Мэтти от тряски делается дурно.

Из портшеза донесся приглушенный голос;

— Ах! Пожалуйста, идите дальше! Что случилось? Я прибавлю вам шесть пенсов, если вы пойдете побыстрее. Пожалуйста, не стойте тут!

— А я дам вам шиллинг, — с достоинством сказала мисс Пул дрожащим голосом, — если дальше вы пойдете по дамбе Хедингли.

Оба носильщика что-то буркнули в знак согласия, подхватили портшез и затрусили по дамбе, так что заботливое желание мисс Пул избавить мисс Мэтти от тряски исполнилось: дамбу покрывала мягкая глубокая грязь, а потому даже упасть там можно было бы без дурных последствий, хотя встать, наверное, оказалось бы далеко не так просто.

ГЛАВА XI СЭМЮЭЛ БРАУН

На следующий день я повстречала леди Гленмайр и мисс Пул, которые вместе отправились на поиски старухи, славившейся в околотке редкостным умением вязать шерстяные носки. Мисс Пул сказала мне с добродушно-презрительной усмешкой:

— Я как раз рассказывала леди Гленмайр о нашей милой миссис Форрестер — о том, что она боится привидений. Причиной тут, разумеется, уединенная жизнь и глупые истории, которых она наслушалась от этой своей Дженни.

Мисс Пул, исполненная величавого спокойствия, сама была настолько выше глупых суеверных страхов, что, упомянув, как я обрадовалась, когда накануне вечером она уговорила носильщиков свернуть на дамбу Хедингли, я несколько устыдилась и перевела разговор на другую тему.

Под вечер мисс Пул явилась к мисс Мэтти, чтобы рассказать ей о приключении — настоящем приключении, которым ознаменовалась их утренняя прогулка. Они не знали, по какой тропинке им следует идти через луга, чтобы найти старую вязальщицу, и зашли навести справки в небольшой трактир на Лондонской дороге милях в трех от Крэнфорда. Хозяйка пригласила их присесть и отдохнуть, пока она сбегает за своим благоверным, который лучше нее сумеет указать им правильный путь, и вот, пока они сидели в зале; где пол был посыпан чистым песком, туда вошла маленькая девочка. Они подумали, что это хозяйская дочка, и заговорили с ней о каких-то пустяках, но затем вернулась миссис Робертс и объяснила, что девочка ей вовсе не родня, а просто пока живет у них вместе с отцом и матерью. Затем она принялась рассказывать очень длинную историю, из которой леди Гленмайр и мисс Пул почерпнули только два-три несомненных факта, а именно, что месяца полтора тому назад у самых их дверей опрокинулась рессорная тележка, в которой ехали двое мужчин, женщина и эта самая девочка. Один из мужчин сильно расшибся — правда, все кости у него остались целы, но его «оглушило», как выразилась хозяйка, и, возможно, он получил серьезные внутренние повреждения, потому что с тех самых пор он лежит больной у них в доме, а жена, мать этой самой девочки, ухаживает за ним. Мисс Пул осведомилась кто он такой и как он выглядит. И миссис Робертс ответила, что на джентльмена он не похож, но и на простого человека тоже — если бы он и его жена не были таким приличными, тихими людьми, то она даже подумала бы что он ярмарочный скоморох или там бродячий актер так как на тележке у них стоял большой сундук, полный уж она не знает чего. Она помогла распаковать его чтобы достать их белье и одежду, перед тем как второй мужчина — кажется, брат-близнец первого — уехал в тележке неизвестно куда.

Тут мисс Пул кое-что заподозрила и высказала мнение что такое исчезновение сундука, лошади и тележки по меньшей мере странно, однако почтенную миссис Робертс намек мисс Пул, по-видимому, привел в большое негодование: мисс Пул сказала даже, что трактирщица рассердилась так, словно она в глаза назвала ее мошенницей. Миссис Робертс объявила, что дамы могут сами во всем убедиться, если соизволят поговорить с

женой больного. И, как сказала мисс Пул, все их сомнения сразу исчезли при первом же взгляде на честное, измученное, загорелое лицо этой женщины, которая, едва леди Гленмайр ласково с ней заговорила, разразилась слезами, не в силах сдержаться, и перестала плакать, только когда трактирщица объяснила, зачем ее позвала, а тогда, подавив рыдания, засвидетельствовала истинно христианскую доброту мистера и миссис Робертс. Мисс Пул уверовала в ее печальную историю с жаром, равным ее прежнему скептицизму, и доказательством может служить тот факт, что ее сочувствие бедному страдальцу ничуть не стало меньше, когда она обнаружила, что он — не кто иной, как наш синьор Бруони, которому Крэнфорд последние полтора месяца приписывал всевозможные злодейства! Да-да! Его жена сказала, что на самом-то деле он — Сэмюэл Браун («Сэм» — называла она его), но мы до конца продолжали величать его «синьором». Это было куда благозвучнее.

Их разговор с синьорой Бруони закончился тем, что было решено поручить ее мужа заботам врача; все расходы, связанные с этим, леди Гленмайр обещала взять на себя и сама отправилась к мистеру Хоггинсу попросить, чтобы он сегодня же съездил в «Восходящее солнце» и посмотрел синьора. А если его придется перевезти в Крэнфорд, поближе к мистеру Хоггинсу, сказала мисс Пул, она берется присмотреть для него подходящую квартиру и договориться о плате. Конечно, миссис Робертс с самого начала и до конца была очень добра, но, все-таки; их долгое пребывание у нее в доме причиняло ей некоторые неудобства.

Когда мисс Пул рассталась с нами, мы с мисс Мэтти были полны утренним происшествием не меньше, чем она сама. Весь вечер мы только о нем и говорили, всячески его обсуждали и легли спать, торопя наступление утра, когда, несомненно, от кого-нибудь узнаем, что думает и советует мистер Хоггинс, ибо, как заметила мисс Мэтти, хотя мистер Хоггинс и употреблял выражения вроде «хожу с вальта» или «дуракам закон не писан», а преферанс называл «преф», но, по ее мнению, он тем не менее весьма достойный человек и очень искусный врач. Собственно, мы весьма гордились нашим крэнфордским доктором как доктором. И, услышав, что королеве Аделаиде или герцогу Веллингтону[124] нездоровится, мы часто жалели, что они не послали за мистером Хоггинсом; впрочем, по зрелом размышлении, мы скорее радовались этому обстоятельству, ибо, заболел мы сами, что мы делали бы, если бы мистер Хоггинс тем временем стал придворным врачом? Дамы гордились им как доктором, но как человек, а вернее, как джентльмен он заставлял нас скорбно покачивать головой и сожалеть о том, что ему не довелось прочесть «Писем» лорда Честерфилда[125] в те дни, когда его манеры еще поддавались улучшению. Однако его заключение о состоянии синьора мы считали непогрешимым, и когда он сказал, что заботливый уход должен поставить его на ноги, мы перестали опасаться за жизнь бедняги.

И тем не менее все наперебой старались помочь ему, словно имелись серьезные основания для тревоги — как оно, собственно говоря, и было, пока мистер Хоггинс не взялся его лечить. Мисс Пул присмотрела чистенькую и удобную квартирку, хотя, конечно, и очень скромную, мисс Мэтти послала за ним портшез, который мы с Мартой перед тем, как носильщики отправились за больным, хорошенько прогрели — мы поставили внутрь него жаровню, полную раскаленных углей, а потом плотно закрыли дверцу, закупорив дым и жар внутри до той минуты, когда синьор сядет в него в «Восходящем солнце». Леди Гленмайр под руководством мистера Хоггинса взяла на себя медицинскую часть и выискала в шкафчиках миссис Джеймисон все аптечные ложечки и мензурки, а также забрала все тумбочки с такой непринужденностью, что мисс Мэтти несколько встревожилась, представив себе: как могли бы посмотреть на это мистер Муллинер и его госпожа, знай они о происходящем. Миссис Форрестер изготовила свое прославленное хлебное желе, и оно ожидало его прибытия на квартире, чтобы ему было чем подкрепиться после дороги. Преподношение этого желе было у милой миссис Форрестер знаком наивысшего расположения. Мисс Пул однажды попросила у нее рецепт, но выслушала довольно резкую отповедь: миссис Форрестер сообщила ей, что при жизни не имеет права никому его давать, а после ее смерти, о чем сказано в ее завещании, он перейдет к мисс Мэтти. А как мисс Мэтти (правда миссис Форрестер, вспомнив эту статью своего завещаний и торжественность случая, назвала ее «мисс Матильду Дженкинс») сочтет нужным распорядиться этим рецептом — сделает ли она его достоянием гласности или тоже завещает кому-нибудь, — она, миссис Форрестер, не знает и никаких условий ей не ставит. И это-то восхитительное, питательное, единственное в своем роде хлебное желе миссис Форрестер и прислала нашему бедному больному фокуснику. Кто говорит, будто аристократия высокомерна? Вот дама, урожденная Тиррел,[126] происходящая по прямой линии от великого сэра Уолтера, который застрелил короля Вильгельма Рыжего, дама, в чьих жилах струится кровь того, кто убил в Тауэре маленьких принцев, — и эта дама каждый день старалась приготовить что-нибудь повкуснее для Сэмюэла Брауна, бродячего фокусника! Но, говоря серьезно, было, очень приятно убедиться, сколько добрых чувств пробудило появление среди нас этого бедняги. И не менее приятным было то, что великая крэнфордская паника, вызванная его первым появлением в турецком наряде, сама собой исчезла без следа, едва мы увидели его снова — бледного, слабого, смотревшего по сторонам смутным взором, который

немного прояснялся, только когда больной глядел на свою верную жену или на бледную, грустную дочурку.

Почему-то мы все вдруг перестали бояться. Наверное, убедившись, что тот, кто своим непревзойденным искусством пробудил в нас жажду чудес, а в будничной жизни не сумел справиться с понесшей лошадь, мы вновь как бы обрели самих себя. Мисс Пул приходила по вечерам со своей рабочей корзиночкой так спокойно, словно вокруг ее уединенного дома и на ведущих к нему пустынных дорогах никогда не рыскала «эта шайка убийц»; миссис Форрестер сказала, что, по ее мнению, ни Дженни, ни она сама не должны бояться безголовой дамы, которая плачет и стонет на Темном проселке, ибо подобным существам, конечно, не дано вредить тем, кто выходит из дома, чтобы делать добро, насколько это в их силах, с чем Дженни боязливо согласилась; однако теория хозяйки не оказала никакого воздействия на практику служанки, пока последняя не нашла на изнанку своей рубашки две полоски красной фланели так, что они образовали крест.

Я застала мисс Мэтти за тем, что она обматывала свой мячик — тот самый, который закатывала под кровать, — яркими шерстяными нитками всех цветов радуги.

— Милочка, — сказала она, — мне так жаль эту измученную заботами крошку. Хотя ее отец и фокусник, глядя на нее, можно подумать, что она ни разу в жизни не играла ни в одну веселую игру. Когда я была девочкой, я таким способом делала очень красивые мячики, и вот решила попробовать сейчас — если он получится хорошим, я сегодня же отнесу его Фебе. Наверное, шайка отправилась в другие места — ведь ни о грабежах, ни о разбоях больше ничего не слышно.

Мы все были настолько поглощены опасным состоянием синьора, что забыли и о грабителях и о привидениях. Леди Гленмайр сказала даже, что, насколько ей известно, никаких грабежей и не было — только двое мальчуганов утащили несколько яблок из сада фермера Бенсона да вдова Хейуорд, торгуя на рынке, недосчиталась полудесятка яиц. Но это было уже слишком: не могли же мы признать, что нашу панику породили столь ничтожные причины. Не успела леди Гленмайр договорить, как мисс Пул негодуяюще выпрямилась и заявила, что хотя она с удовольствием согласилась бы с ней, что иных оснований для тревоги у них не было, однако, вспоминая мужчину, переодетого женщиной, который пытался ворваться к ней в дом, пока его сообщники поджидали снаружи, и зная от самой же леди Гленмайр о следах на клумбах миссис Джеймисон, и принимая во внимание тот факт, что мистер Хоггинс был дерзко ограблен на собственном крыльце... Но тут леди Гленмайр перебила ее, выразив глубокое убеждение, что вся эта история — не более чем фантазии, сплетенные вокруг куска мяса, украденного кошкой. Она очень покраснела, пока говорила это, и меня ничуть не удивила воинственная поза, которую приняла мисс Пул, — не будь леди Гленмайр «ее милостью», мы, конечно, услышали бы куда более решительные возражения, чем «как же, как же!» и другие столь же отрывочные восклицания, единственно допустимые в присутствии миледи. Однако едва леди Гленмайр удалась, мисс Пул принялась поздравлять мисс Мэтти с тем, что им пока еще удалось избежать брачных уз, которые, как она заметила, делают людей чрезвычайно легковверными. Собственно говоря, если женщина не сумела избежать замужества, это уже неопровержимо свидетельствует о ее большом природном легковверии, и то, что леди Гленмайр сказала об ограблении мистера Хоггинса, показывает, до чего доходят люди, поддавшиеся подобной слабости. Совершенно очевидно, что леди Гленмайр поверит любым небылицам, если уж она проглотила эту жалкую выдумку о куске баранины и кошке, которой он пытался обмануть самое мисс Пул, но она-то всегда была начеку и не полагалась на слова мужчин.

Мы, как и желала того мисс Пул, возблагодарили судьбу за то, что не связали себя узами брака, но, мне кажется, больше мы были рады тому, что грабители покинули Крэнфорд. Во всяком случае, на эту мысль меня навела речь, которую произнесла в тот же вечер мисс Мэтти, когда мы сидели вечером у камина, и из которой следовало, что муж представляется ей надежным защитником от воров, грабителей и привидений, — она сказала, что не позволила бы себе предостерегать юных девиц от брака, как это постоянно делает мисс Пул. Разумеется, брак всегда сопряжен с риском, как она убедилась теперь, приобретя некоторый жизненный опыт, но она помнит дни, когда мечтала выйти замуж ничуть не меньше всех других.

— Не за кого-то определенного, милочка, — поспешила она добавить, словно опасаясь, что сказала лишнее. — А просто как в известном присловье: девицы всегда говорят: «Когда я выйду замуж», а джентльмены говорят: «Если я женюсь».

Эта шутка была произнесена довольно печальным тоном, и ни я, ни она, мне кажется, не улыбнулись. Впрочем, слабые отблески огня совсем не освещали лица мисс Мэтти. Помолчав, она продолжала:

— Нет, я все-таки не сказала вам правды. Это было так давно, и никто не догадывался, сколько я об этом думала тогда — разве что мама. Но могу сказать, что было время, когда я не предполагала, что на всю жизнь останусь только мисс Мэтти Дженкинс; ведь даже если бы я сейчас встретила человека, который захотел бы на

мне жениться (а, как говорит мисс Пул, никогда нельзя считать себя в безопасности), я не могла бы дать ему согласия — надеюсь, это не очень его огорчило бы, но я бы не могла дать согласия ни ему, ни кому-либо другому, кроме того человека, за которого я когда-то думала выйти замуж. А он умер и так и не узнал, почему я сказала «нет», хотя столько раз думала... Ну, не важно, что я думала. На все воля божья, и я очень счастлива, милочка. Ни у кого нет таких добрых друзей, как у меня, — добавила она, взяв мою руку в свои.

Если бы я не знала про мистера Холбрука, я, наверное, что-нибудь сказала бы, когда она умолкла, но теперь я не придумала ничего, что прозвучало бы естественно, а потому мы обе некоторое время хранили молчание.

— Когда-то отец, — начала она затем, — велел нам вести дневники, разграфленные пополам. На одной стороне мы должны были утром записывать, как, по-нашему, пройдет наступающий день, а вечером писали на другой стороне, как он прошел на самом деле. Некоторым людям было бы очень тягостно рассказывать о своей жизни таким способом (при этих словах на мою руку упала слеза)... Я не хочу сказать, что моя жизнь была печальной, но только она оказалась совсем не такой, как я ожидала. Помню, как-то в зимний вечер мы с Деборой сидели у огня в нашей спальне — я помню все так ясно, будто это было вчера, — и строили планы нашей будущей жизни, мы обе, хотя вслух о них говорила только она. Она сказала, что хотела бы выйти замуж за архидьякона и писать его пастырские послания, а, как вы знаете, милочка, она не вышла замуж и, насколько мне известно, ни разу в жизни не встретила холостого архидьякона. Я никогда не была честолюбива да и пастырские послания писать я не сумела бы, но мне казалось, что я могла бы хорошо вести хозяйство (мама всегда называла меня своей правой рукой), и я всегда очень любила детишек — даже самые робкие малыши охотно тянули ко мне ручки; в юности я половину свободного времени проводила у бедняков нашего прихода, нянча их младенцев. Но не знаю почему, когда я стала печально и серьезной — это случилось года через два, — малышки начали меня дичиться, и боюсь, я утратила этот мой дар хотя люблю детишек по-прежнему, и каждый раз, когда я вижу мать с ребенком на руках, у меня щемит сердце. И знаете, милочка (тут давно забытые угли в камин внезапно рассыпались, взметнулся язык пламени, и увидела, что ее глаза, устремленные на что-то невидимо и несбывшееся, полны слез), — мне иногда снится, что у меня есть ребенок, всегда один и тот же — маленькая девочка лет двух. Она не становится старше, хотя я вижу ее во сне уже много лет. По-моему, мне ни разу не снилось, чтобы она говорила или шумела. Она очень тихая и безмолвная, но она приходит ко мне, когда ей очень грустно или очень весело, и я просыпаюсь, чувствуя у себя на шее ее теплые ручки. Вот и прошлой ночью — может быть потому, что я легла спать, думая о мячике для Фебы, моя деточка пришла ко мне во сне и подставила мне губки, как настоящие малышки подставляют их настоящим матерям перед тем, как идти спать. Но это все вздор, милочка! Только пусть слова мисс Пул, не отпугнут вас от брака. Мне кажется, это очень счастливое состояние, а немножко легковерия только облегчает жизнь — во всяком случае, это лучше, чем всегда сомневаться и видеть везде трудности и неприятности.

Если бы брачные узы и стали внушать мне опасение, то причиной тут была бы не мисс Пул, а участь бедного синьора Бруони и его жены. Однако всякие опасения забывались при виде того, как в заботах и горестях они думали не о себе, а друг о друге и какую радость получали они от общества друг друга или маленькой Фебы.

Синьора однажды рассказала мне довольно много об их прежней жизни. Все началось с того, что я спросила, действительно ли у ее мужа есть брат-близнец, как говорила мисс Пул. Такое сходство представлялось мне настолько чудесным, что я, конечно, усомнилась бы в словах мисс Пул, если бы она не была незамужней. Но синьора, или, вернее, миссис Браун (она предпочитала, чтобы ее называли так) сказала, что это истинная правда и что ее деверя часто принимали за ее мужа — весьма удобное обстоятельство для их профессии.

— Хотя, — продолжала она, — как можно принять Томаса за настоящего синьора Бруони, я, хоть убейте, не понимаю. Но он так говорит, а не верить ему я не могу. Человек-то он очень хороший: не знаю, как бы мы расплатились по счету в «Восходящем солнце», если бы не деньги, которые он нам посылает, и все-таки за моего мужа его могут принять только люди, которые ничего не смыслят в искусстве. Возьмите хоть фокус с шариками, мисс: там, где мой муж разгибает все пальцы, а мизинец красиво оттопыривает, Томас сжимает руку в кулак, и сразу кажется, что у него тут невеста сколько шариков. А кроме того, он ведь не бывал в Индии и не умеет носить тюрбан как полагается.

— Вы были в Индии? — спросила я с удивлением.

— А как же! Много лет, сударыня. Сэм был сержантом в Тридцать первом полку, и когда полк отправили в Индию, я вытащила жребий «ехать», и даже сказать вам не могу, до чего я обрадовалась: для меня ведь разлука с мужем была бы прямо как медленная смерть. Хотя, сударыня, знай я все наперед, может, я бы выбрала сразу умереть, чем переносить все, что мне пришлось перенести. Правда, я была с Сэмом и могла о нем заботиться, но ведь, сударыня, я шестерых детей потеряла! — И она посмотрела на меня тем странным взглядом, который я

видела только у матерей, чьи дети умерли, безумным взглядом, точно что-то вечно ищущим и не находящим. — Да! Шестеро их у меня умерли в этой жестокой Индии, точно бутончики, которые сорвали безвременно. И каждый раз я думала, что не смогу больше, не захочу больше любить ребенка. А когда родился следующий, я любила его не только за него самого, но и за всех его мертвых братцев и сестричек. И когда я носила Фебу, я сказала мужу: «Сэм, когда ребенок родится и я окрепну, я от тебя уеду. Мне это сердце разобьет, но ведь, если и этот малютка умрет, я сойду с ума; я и сейчас уже как сумасшедшая. Но если ты отпустишь меня в Калькутту и я пронесу мое дитя всю дорогу шаг за шагом, то, может, это и пройдет. И я буду во всем себя урезывать, и буду копить, и буду просить милостыню, и, если нужно будет, — умру, лишь бы мне сесть на корабль и уехать домой в Англию, где наш ребенок останется жив». Да благословит его господь! Он сказал, что отпустит меня. И он начал откладывать из своего жалования, а я откладывала каждый пенни, который получала за стирку или другую какую работу, а когда родилась Феба, я, только окрепла, сразу пустилась в путь. Одиноко мне было. Через густые леса, где под этими громадными деревьями всегда темно, по речному берегу (только я выросла в Уорикшире, возле самого Эйвона, и журчание воды было словно весточка из дому), от станции к станции, от одной индийской деревни к другой шла я, неся своего ребенка. У супруги одного офицера нашего полка, сударыня, я видела маленькую такую картинку — какого-то иностранца-католика: пресвятая дева с маленьким Спасителем. Она его держит на руках, а сама так нежно вокруг него изгибается и прижимает щеку к его щеке. Ну, и когда я пошла проститься с этой дамой, — я у нее стирала, — она горько так заплакала. Она ведь тоже потеряла своих детей, и у нее не было малыша, чтобы спасти его, как я надумала спасти свою девочку. И я так осмелела, что попросила ее подарить мне эту картинку. А она заплакала еще сильнее и сказала, что ее дети сейчас с малюткой Иисусом. Она дала мне картинку и сказала, что слышала, будто художник написал ее на дне бочонка — оттого-то она и круглая. И вот, когда становилось мне совсем неважно идти, а сердце словно свинцом наливалось (ведь я то начинала бояться, что так и не доберусь до дома, а то вспоминала мужа, а один раз мне померещилось, будто моя маленькая вот-вот умрет), я доставала эту картинку и смотрела на нее, пока мне не начинало казаться, что пресвятая мать говорит со мной и меня утешает. И туземцы все были очень добры. Мы друг друга не понимали, но они видели, что я несу на руках ребенка, и подходили ко мне, давали мне рис и молоко, а иногда — цветы. Я немножко этих цветов засушила и всегда вожу их с собой. А один раз, когда утром я была совсем слаба, они хотели, чтобы я осталась у них подольше (это я поняла), и начали пугать меня, чтобы я не шла через лес, — а он и вправду казался очень дремучим и темным. Но мне чудилось, что смерть гонится за мной, чтобы отнять у меня мою девочку, и что я должна идти вперед, нигде не задерживаясь. И я вспомнила, что господь всегда заботился о матерях с самого сотворения мира, и подумала, что он позаботится и обо мне, а потому попрощалась с ними и ушла. А однажды моя крошка заболела, и мы с ней обе нуждались в отдыхе — и тогда господь привел меня к доброму англичанину, который жил совсем один среди туземцев.

— И в конце концов вы благополучно добрались до Калькутты?

— Да, благополучно. Когда я узнала, что идти остается всего два дня, то я ничего не могла с собой поделывать, сударыня, — может, это было идолопоклонство, не мне судить, только я зашла с моей девочкой в туземный храм у дороги, чтобы возблагодарить бога за его великое милосердие. Я ведь подумала, что место, где другие люди в радости и печали молятся своему богу, наверное, должно быть свято. И я устроилась служанкой к больной даме, которая на корабле очень привязалась к моей малютке, а через два года Сэм отслужил свой срок и вернулся на родину, ко мне и к нашей девочке. Тут надо было решать, как он станет зарабатывать хлеб насущный, только никакого ремесла он не знал. Но в Индии он научился разным фокусам у бродячего фокусника, ну и решил попробовать, а не получится ли у него что-нибудь тут. И дело пошло так хорошо, что он взял себе в помощь Томаса — но только помощником, а не вторым фокусником, хоть Томас сейчас и один устраивает представления. А то, что они близнецы и похожи друг на друга как две капли воды, очень нам было полезно, и они напридумывали много собственных штук. И Томас — очень хороший брат, только у него нет такой благородной осанки, как у моего мужа, а потому я не могу понять, как это публика принимает его за самого синьора Брунони, хоть он об этом и пишет.

— Бедняжка Феба! — сказала я, подумав о девочке, которую она несла на руках все эти сотни миль.

— Это вы правду сказали! Я уж думала, что мне ее не выводить, когда она заболела в Чандерабаддаде, но добрый ага Дженкинс взял нас к себе, и это ее, наверное, спасло.

— Дженкинс! — повторила я.

— Да, Дженкинс. Наверное, все, кто носит эту фамилию, добрые люди. Вот и эта пожилая дама, которая каждый день водит Фебу гулять...

Но я думала о другом: не пропавший ли Питер этот ага Дженкинс? Правда, многие утверждали, что он умер.

Но, с другой стороны, многие слышали, что он в Тибете стал Великим ламой. Мисс Мэтти верила, что он жив. И я решила навести справки.

ГЛАВА XII ПОМОЛВКА

Действительно ли чандерабаддадский ага Дженкинс — это крэнфордский «бедный Питер» или нет? Как выразился кто-то: вот в чем был вопрос.[127]

У меня дома мои родные, когда им больше нечего делать, принимаются бранить меня за несдержанность. Недостаток сдержанности — это мой особый порок. У каждого человека есть свой особый порок, неизменная черта характера — так сказать, *piece de resistance*,[128] чтобы его друзьям было что кромсать, чем они с большим удовольствием и занимаются. Мне надоело постоянно слышать, что я опрометчива и несдержанна, а потому я решила хотя бы раз явить собой образец осмотрительности; и мудрости. Нет, я ни словом, ни намеком не выдам своих подозрений относительно аги. Я наведу справки и обо всем, что узнаю, расскажу только дома отцу, как старинному другу обеих мисс Дженкинс и всей их семьи.

Собирая факты, я постоянно вспоминала рассказ; моего отца о дамском благотворительном комитете, председателем которого ему довелось быть. Он говорил, что все время невольно вспоминал то место у Диккенса, в котором описывается, как веселое общество пело хором, причем каждый с наслаждением тянул свою любимую песню. Так и в этом комитете каждая дама произносила речь о том, что ее занимало больше всего, к величайшему своему удовлетворению, но без всякой пользы для предмета, обсудить который они собрались. Однако и этот комитет не шел ни в какое сравнение с крэнфордскими дамами, как я убедилась, попытавшись собрать у них сведения о росте бедного Питера, о его внешности, о том, когда и где его видели в последний раз и какие слухи о нем до них доходили. Например, я спросила мисс Пул (и мне казалось, что я выбрала для вопроса очень удачную минуту, так как задала его во время визита к миссис Форрестер — ведь они обе знавали Питера, и я думала, что вдвоем им будет легче припомнить многие подробности), я спросила мисс Пул, какие известия о нем были самыми последними, и вот тогда-то она и сообщила мне ту нелепость, о которой я уже упоминала — что его выбрали тибетским Великим ламой, после чего каждая из них заговорила о своем. Миссис Форрестер начала с закутанного в покрывало пророка в «Лалла-Рук»[129] — не думаю ли я, что он должен был изображать Великого ламу, хотя Питер вовсе не был безобразен, а, напротив, даже почти красив, если бы не веснушки. Я было обрадовалась — ведь, сделав эту петлю, она все-таки вернулась к Питеру, но мгновение спустя милая старушка уже рассуждала о «Калидоре» Роленда и о достоинствах косметики и различных помад для волос вообще, причем с таким жаром, что я принялась слушать мисс Пул, которая через лам, как выючных животных, добралась до перуанских ценных бумаг и биржевых курсов, после чего сообщила свое самое низкое мнение об акционерных банках вообще и о том, в котором мисс Мэтти хранит свои деньги — в частности. Тщетно я перебила ее вопросом:

— А когда... в каком году вы слышали, что мистер Питер стал Великим ламой?

Это только вызвало у них спор, плотоядные ламы животные или нет, причем велся он не совсем на равных, так как миссис Форрестер призналась (после того как они успели погорячиться и вновь остыть), что она всегда путает плотоядных и травоядных — так же как «горизонтальный» и «перпендикулярный». Впрочем, она очень изящно извинилась, объяснив, что в ее время подобные слова применялись только для того, чтобы учить, как их грамотно писать.

Единственный факт, который я почерпнула из этого разговора, сводился к тому, что Питер, когда о нем слышали в последний раз, безусловно, жил в Индии «или где-то там поблизости» и что эти скудные сведения о его местопребывании достигли Крэнфорда в тот год, когда мисс Пул сшила себе платье из индийского муслина, уже давным-давно изношенное (мы стирали его, и штопали, и во всех подробностях проследили историю его упадка и гибели уже в виде оконной занавески, прежде чем смогли продвинуться дальше); это был тот год, когда в Крэнфорд приезжал зверинец Уомвелла — мисс Мэтти еще специально хотела посмотреть слона, чтобы лучше представлять себе, как Питер ездит на таком животном, а заодно увидела и боа-констриктора, которого ей вовсе не хотелось представлять себе, рисуя в воображении страну, где обитает Питер; да-да, тот самый год, когда мисс Дженкинс выучила наизусть какие-то стихи и на всех званных вечерах имела обыкновение упоминать, что Питер «озирает род людской от Китая и до Перу».[130] и все находили это весьма возвышенным

и отвечающим случаю — ведь Индия и правда лежит между Китаем и Перу, если только поворачивать глобус слева направо, а не справа налево.

Вероятно, мои расспросы и любопытство, которое они не замедлили пробудить у моих друзей, сделали нас слепыми и глухими к тому, что происходило вокруг. Мне казалось, что солнце всходило и сияло над Крэнфордом и дождь лил на него точно так же, как всегда, и я не заметила никаких знамений, которые могли бы предвещать необычайное событие. И насколько мне известно, не только мисс Мэтти и миссис Форрестер, но даже сама мисс Пул, которую мы считали почти пророчицей из-за свойственного ей дара провидеть то, что случалось, до того, как оно случалось (хотя она не любила тревожить своих друзей и никогда заранее им ничего не сообщала), — даже сама мисс Пул была вне себя от изумления, когда пришла поведать нам поразительную новость. Но мне необходимо взять себя в руки: еще и теперь, вспоминая эту новость, я от удивления забыла законы хорошего стиля, и если не сумею справиться со своими чувствами, то, пожалуй, забуду и правила грамматики.

Мы сидели — мисс Мэтти и я, — как обычно: она спиной к свету с вязаньем в покойном кресле, покрытом голубым ситцевым чехлом, а я с «Сентджеймской хроникой», которую читала ей вслух. Через несколько минут мы отправились бы вносить те небольшие изменения в наш туалет, которые принято делать в Крэнфорде перед приемными часами (они там начинаются с двенадцати). Я отлично помню и эту сцену, и этот день. Мы разговаривали о том, как быстро пошло выздоровление синьора после наступления теплой погоды, хвалили искусство мистера Хоггинса и скорбели об отсутствии у него утонченности и хороших манер (в том, что мы обсуждали именно это, можно усмотреть странное совпадение, но тем не менее так оно и было), когда вдруг услышали стук — стук визитера, три четких удара, — и опрометью бросились (впрочем, это более фигура речи: у мисс Мэтти разыгрался ревматизм и быстро ходить она не могла) к себе в спальни, чтобы переменить чепцы и воротнички, но тут нас остановил голос мисс Пул, которая поднималась по лестнице, крича:

— Не уходите! Я не могу ждать! Я знаю, что еще нет двенадцати... но останьтесь, в чем вы есть... Мне надо с вами поговорить!

Мы постарались сделать вид, будто это вовсе не мы вскочили так поспешно, что она услышала это снизу; ведь, само собой разумеется, нам вовсе не хотелось, чтобы люди думали, что мы храним старую одежду, дабы донашивать ее в «священном домашнем приюте», как мисс Дженкинс однажды изящно назвала заднюю комнату, где завязывала банки с вареньем. А потому мы удвоили утонченность наших манер и были весьма утонченны в течение тех двух минут, пока мисс Пул переводила дух и разжигала наше любопытство, воздевая руки горе в изумлении и опуская их долу в молчании, точно слова оказывались слишком слабы и выразить подобную новость можно было только пантомимой.

— Нет, вы только подумайте, мисс Мэтти! Вы только подумайте! Леди Гленмайр женится... то есть выходит замуж, хотела я сказать... Леди Гленмайр... Мистер Хоггинс... Мистер Хоггинс и леди Гленмайр женятся!

— Женятся! — сказали мы. — Женятся! Какое безумие!

— Женятся, — сказала мисс Пул со свойственной ей решительностью. — Я, как и вы, сказала: женятся! И еще я сказала: в какое дурацкое положение ставит себя ее милость! Я бы могла сказать и «какое безумие!», но удержалась, ибо услышала об этом в лавке, где было полно народа. Ума не приложу, что случилось с женской деликатностью чувств! Нам с вами, мисс Мэтти, было бы стыдно, если бы о нашем браке разговаривали в бакалейной лавке и приказчики все слышали бы!

— Но, — заметила мисс Мэтти со вздохом, точно оправляясь от тяжелого удара, — может быть, это неправда. Может быть, мы несправедливы к ней.

— Нет! — объявила мисс Пул. — Я взяла на себя труд удостовериться. Я пошла прямо к миссис Фиц-Адам попросить у нее поваренную книгу (я знала, что у нее она есть), и принесла ей свои поздравления а propos [131] тех затруднений, которые, несомненно, испытывают холостые джентльмены с домашним хозяйством, а миссис Фиц-Адам выпрямилась и сказала, что это, насколько ей известно, действительно так, хотя каким образом и где я могла об этом узнать, она не понимает. Она сказала, что у ее брата и леди Гленмайр дело совсем слажено. «Дело слажено»! Какое вульгарное выражение! Но ее милости придется снизойти еще и не к такому недостатку утонченности. У меня есть основания полагать, что мистер Хоггинс ежевечерне ужинает хлебом, сыром и пивом!

— Женятся, — еще раз повторила мисс Мэтти. — Мне и в голову не приходило... Двое наших знакомых женятся. Это уж совсем близко.

— Настолько близко, что у меня сердце замерло, когда я об этом услышала, и вы успели бы сосчитать до двенадцати, прежде чем оно снова забилося, — сказала мисс Пул.

— И чей только черед теперь настанет! Здесь в Крэнфорде бедная леди Гленмайр могла, казалось бы, считать себя в безопасности, — заметила мисс Мэтти с кроткой жалостью в голосе.

— Гм! — воскликнула мисс Пул, вздернув голову. — Вы ведь, наверное, помните песенку бедного милого капитана Брауна «Тибби Фаулер» и строчки: «Хоть на гору заберется, жениха примчит ей ветер»?

— Но, мне кажется, все дело тут в том, что Тибби Фаулер была богата.

— А в леди Гленмайр есть привлекательность, которую я, например, постыдилась бы иметь.

Тут я заговорила о том, что меня поразило больше всего:

— Но каким образом мог ей понравиться мистер Хоггинс? Что она ему понравилась, это меня не удивляет!

— Ну, не знаю. Мистер Хоггинс богат и недурен собой, — сказала мисс Мэтти. — К тому же характер у него хороший, а сердце доброе.

— Она выходят замуж ради прочного положения, вот в чем дело. А сумку с медицинскими инструментами, я полагаю, берет в придачу, — объявила мисс Пул, сухо усмехнувшись собственной шутке. Однако, подобно большинству людей, которые думают, что произнесли суровую и саркастическую речь, исполненную к тому же тонкого остроумия, она начала несколько отходить: после этого упоминания о сумке с медицинскими инструментами ее мрачность заметно пошла на убыль, и мы принялись строить предположения о том, как примет эту новость миссис Джеймисон. Особа, которой она поручила свой дом, дабы было кому отпугивать дружков от служанок, обзавелась собственным дружком! И дружок этот был тот самый человек, которого миссис Джеймисон объявила вульгарным и неприемлемым для крэнфордского света — причем не только из-за его фамилии, но и из-за его голоса, его красного лица, его сапог, пахнущих конюшней, и собственной его персоны, пахнущей лекарствами. Навещал ли он леди Гленмайр в доме миссис Джеймисон? Если да, то никакая хлорная известь не очистит этот дом в глазах его владелицы. Или же все их свидания ограничивались случайными встречами в комнате бедного больного фокусника, к которому оба они были чрезвычайно добры, чего мы не могли не признать, как ни возмущал нас этот мезальянс? И тут выяснилось, что одна из горничных миссис Джеймисон последнее время хворала и мистер Хоггинс несколько недель лечил ее. Итак, волк забрался в овчарню и теперь готовился утащить пастушку. Что скажет миссис Джеймисон? Мы вглядывались во мрак будущего, точно ребенок, который провожает взглядом фейерверочную ракету в облачном небе, предвкушая оглушительный треск и ослепительный ливень сверкающих искр. Затем мы спустились с небес на землю и к настоящему времени, принявшись расспрашивать друг друга (хотя ровно ничего не знали и не располагали ни единым фактом, чтобы строить на нем заключения) о том, когда ЭТО свершится. И где? Каков годовой доход мистера Хоггинса? Перестанет ли она употреблять свой титул? И удастся ли заставить Марту и других уважаемых служанок Крэнфорда докладывать о супружеской паре «леди Гленмайр и мистер Хоггинс»? Но будут ли им делать визиты? Даст ли нам миссис Джеймисон свое на то позволение? Или нам придется выбирать между высокородной миссис Джеймисон и павшей леди Гленмайр? Леди Гленмайр нравилась всем нам гораздо больше. Она была весела, добра, общительна и любезна, а миссис Джеймисон была тупа, бездеятельна, спесива и скучна. Но мы признавали верховную власть миссис Джеймисон уже столько лет, что теперь даже мысленное нарушение запрета, наложение которого мы только предвидели, представлялось нам изменой.

Миссис Форрестер застигла нас в заштопанных чепцах и заплатанных воротничках, но мы даже не вспомнили о них, до того нам не терпелось посмотреть, как она примет новость, сообщение которой мы благородно предоставили мисс Пул, хотя могли бы опередить ее, пожелай мы воспользоваться нечестным преимуществом; у нее, едва миссис Форрестер вошла в комнату, случился крайне несвоевременный припадок кашля, длившийся не менее пяти минут. Я никогда не забуду молящего выражения ее глаз, когда она смотрела на нас, прижимая к лицу носовой платок. Взгляд ее яснее всяких слов говорил: «Не допустите, чтобы природа лишила меня сокровища, которое по праву принадлежит мне, хотя я не могу воспользоваться им сию минуту». И мы не допустили.

Удивление миссис Форрестер не уступало нашему, а оскорблена она была куда сильнее, ибо это затрагивало ее сословие, и она гораздо яснее нас видела, какое пятно кладет подобное поведение на всю аристократию.

Когда они с мисс Пул ушли, мы попытались успокоить наши смятенные души, но эта новость слишком глубоко взволновала мисс Мэтти. Она прикинула, и оказалось, что в последний раз кто-то из ее знакомых — если не считать мисс Джесси Браун — сочетался браком болеет пятнадцати лет назад, и, как она сказала, это совсем ее ошеломило, и теперь она просто не представляет себе, что еще может случиться.

Не знаю, только ли это мое воображение, или и правда после объявления о помолвке в любом кругу общества его незамужняя часть начинает щеголять необычной веселостью и новизной туалетов, точно безмолвно и

бессознательно объявляя: «Мы тоже девицы!» И в течение двух недель после этого, достопамятного визита мисс Пул они с мисс Мэтти говорили и думали о шляпках, платьях, чепцах и шالях гораздо больше, чем за последние несколько лет, вместе взятых. Впрочем, причиной могла быть весенняя погода — март выдался на редкость: теплый, и в сверкающих лучах ясного солнца меха и всяческие шерстяные ткани казались не слишком уместными. Сердце мистера Хоггинса было покорено отнюдь не нарядами леди Гленмайр: она по-прежнему навещала бедняков и больных все в тех же скромных, поношенных платьях. Я видела ее только мельком — в церкви или на улице, потому что она как будто избегала встреч со знакомыми, но я заметила, что лицо ее, казалось, помолодело, губы стали как будто более алыми и больше не сжимались в узкую полоску, а глаза смотрели на все так светло и нежно, словно она проникалась любовью к Крэнфорду и ко всему в нем. Мистер Хоггинс сиял; расправив плечи, он шагал по среднему проходу церкви в скрипящих новых сапогах, которые заявляли о грядущей перемене в его положении не только взгляду, но и слуху. Ведь легенда гласила, что до этой поры он расхаживал в тех же самых сапогах, в каких впервые начал объезжать своих больных двадцать пять лет назад, только они чинились сверху и снизу: у них менялись и головки, и подошвы, и каблуки, да и самая кожа становилась то черной, то коричневой, никто уже не помнил, сколько раз.

Ни одна из крэнфордских дам не пожелала санкционировать этот брак, поздравив невесту или жениха. Мы предпочитали игнорировать эту историю до возвращения нашей повелительницы миссис Джеймисон. Пока же она не вернулась и не показала, как нам следует держаться, эта помолвка оставалась для нас чем-то вроде ног испанской королевы[132] — фактом несомненным, но упоминанию не подлежащим. Узда, наложенная на наши языки (видите ли, если мы не говорили об этом с заинтересованными сторонами, то как же мы могли получить ответы на мучившие нас вопросы?), начинала становиться невыносимой, и любопытство уже сильно подточило наши понятия о достоинстве молчания, но тут наши мысли внезапно были отвлечены — крупнейший лавочник Крэнфорда, который торговал и бакалейными товарами, и сыром, и модными материями, и шляпками, объявил, что им получены образчики весенних мод, каковые и будут выставлены в следующий вторник в его заведении на Хай-стрит. А мисс Мэтти только этого и дожидалась, чтобы сшить себе новое шелковое платье. Правда, я предлагала выписать выкройку из Драмбла, но она отказалась, мягко дав мне понять, что еще не забыла, как была разбита ее мечта о тюрбане цвета морской волны. Я была рада, что нахожусь на месте, дабы противодействовать властным чарам оранжевых и пунцовых — шелков.

Тут мне следует сказать несколько слов о себе самой. Я уже упоминала о давней дружбе моего отца с семейством Дженкинс — возможно даже, что мы находились с ними в каком-то дальнем родстве. А потому он охотно разрешил мне провести в Крэнфорде всю зиму после того, как мисс Мэтти в дни паники послала ему письмо, в котором, я подозреваю, сильно преувеличила мои способности и мужество как защитницы дома. Но теперь, когда дни стали длиннее и веселее, он начал настаивать на моем возвращении, и я медлила только из-за довольно зыбкой надежды получить более определенные сведения, которые позволили бы мне согласовать описание аги Дженкинса, полученное от синьоры, с тем, что я сумела почерпнуть из разговора с мисс Пул и миссис Форрестер о внешности: «бедного Питера» до его исчезновения.

ГЛАВА XIII

ПРЕКРАЩЕНИЕ ПЛАТЕЖЕЙ

Утром в тот самый вторник, когда мистер Джонсон намеревался выставить весенние моды, почтальонша принесла нам два письма. Собственно, мне следовало бы сказать не «почтальонша», а «жена почтальона». Почтальоном был хромой башмачник, очень чистоплотный, честный человек, пользовавшийся в городе большим уважением, но сам он разносил почту только по большим праздникам вроде рождества или пасхи, и уж в эти дни письма, которые полагалось бы доставить в восемь утра, появлялись у адресата не раньше двух-трех часов дня, так как, бедняга Томас пользовался всеобщей симпатией и ему всюду оказывали радушный прием. Он имел обыкновение повторять, что «сыт по горло — ведь есть три-четыре, такие дома, где хочешь не хочешь, а усадят тебя завтракать», а к тому времени, когда он доедал свой последний завтрак и являлся в следующий дом, там уже садились обедать. Но какие бы искушения ни вставали на его пути, Том всегда бывал трезв, вежлив и весел, прочее же, как говаривала мисс Дженкинс, преподавало всем нам урок терпения, который, но ее твердому убеждению, не мог не пробудить это бесценное качество в некоторых душах, где, если бы не Томас, оно так и осталось бы подспудным и никому не ведомым. В душе мисс Дженкинс терпение,

безусловно, было весьма подспудным качеством. Она постоянно ждала писем и постоянно барабанила пальцами по столу до тех пор, пока почтальонша либо не стучала в дверь, либо не проходила мимо. На рождество и на пасху она барабанила по столу от завтрака до ухода в церковь и после возвращения из церкви до двух часов — за исключением тех случаев, когда требовалось помешать в камине, а тогда она обязательно опрокидывала решетку и бранила за это мисс Мэтти. Но Томаса с такой же неизменностью ждал самый ласковый прием и отличный обед; мисс Дженкинс стояла над ним, как доблестный драгун, и задавала ему вопросы о его детях — что они поделывают, в какую школу ходят — или же распекала его, если на свет обещал появиться еще один отпрыск, а затем вручала ему по шиллингу и по мясному пирожку даже для грудных младенцев (ее обычный подарок всем детям) с добавлением полукроны для отца и матери. Милую мисс Мэтти письма интересовали куда меньше, но она ни за что на свете не согласилась бы принять Томаса не столь радушно или уменьшить положенные ему дары, хотя я замечала, что ее несколько стесняет церемония, которая для мисс Дженкинс служила великолепным поводом давать советы ближним и благодетельствовать их. Мисс Мэтти украдкой всовывала ему в руку все деньги сразу, точно стыдясь. Мисс Дженкинс же вручала ему каждую монету отдельно, указывая: «Это для вас, это для Дженни» и т. д. Мисс Мэтти даже незаметно высылала Марту из кухни, пока он ел, а однажды, насколько мне известно, посмотрела сквозь пальцы на то, что кушанье мгновенно исчезло в его синем платке. Мисс Дженкинс же обязательно выговаривала ему, если он не выскребал тарелку дочиста, сколько бы на нее ли было наложено, и сопровождала каждый его глоток тем или иным наставлением.

Я довольно далеко отклонилась от тех двух писем, которые утром в этот вторник ожидали нас на столе вместе с завтраком. Мое письмо было от отца, а письмо мисс Мэтти — печатный циркуляр. Письмо отца было обычным мужским, то есть очень скучным, и содержащиеся в нем сведения исчерпывались тем, что он здоров, погода держится дождливая, в торговле застой и ходят всякие неприятные слухи. Затем он спрашивал, не знаю ли я, сохранила ли мисс Мэтти свои акции Городского и сельского банка, так как поговаривают, что дела этого банка очень плохи; впрочем, он это всегда предвидел и предупреждал мисс Дженкинс много лет назад, когда она решила вложить все их маленькое состояние в этот банк — единственный неразумный поступок этой умнейшей женщины, который ему известен (единственный раз, когда она поступила наперекор его советам, как я отлично знала). Но если что-то действительно произойдет, я ни в коем случае не должна покидать мисс Мэтти, пока могу быть ей полезна, и т. д.

— От кого ваше письмо, милочка? А я получила очень любезное приглашение, подписанное «Эдвин Уилсон» — меня просят присутствовать на весьма важном собрании акционеров Городского и сельского банка, которое состоится в Драмбле в четверг двадцать первого. Как учтиво с их стороны вспомнить про меня!

Мне не понравилось это «весьма важное собрание», так как я, хотя и не имела почти никакого представления о делах, почувствовала сильное опасение, что это подтверждает слова моего отца. Однако, подумала я, дурные вести приходят быстро, а потому я решила не упоминать о моих тревогах и сказала мисс Мэтти только, что мой отец здоров и шлет ей поклон. Она все еще держала свое письмо и с удовольствием его перечитывала. Затем она сказала:

— Я помню, они прислали Деборе точно такое же приглашение, но это было не удивительно: всем же было известно, как она умна. А я, боюсь, не смогу им помочь. Особенно если речь пойдет о каких-нибудь счетах — я ведь не умею складывать и вычитать в уме. Деборе, я знаю, очень хотелось поехать, и она даже заказала новую шляпку, но в назначенный день она сильно простудилась, а потому они прислали ей очень вежливый отчет о том, что было сделано. Кажется, выбрали директора. Как по-вашему, они хотят, чтобы я помогла выбрать директора? Конечно, я сразу назову вашего батюшку.

— У него нет акций этого банка, — сказала я.

— Да-да, я вспоминаю. Он, по-моему, был очень против, когда Дебора их купила. Но она была настоящей деловой женщиной и всегда решала сама за себя. И как видите, все эти годы они платили по восемь процентов.

Из-за намека в письме моего отца эта тема была мне очень неприятна, и, решив переменить разговор, я спросила, когда, по ее мнению, нам будет лучше всего пойти посмотреть модные образчики.

— Видите ли, милочка, — сказала она, — с одной стороны, посещать подобные выставки раньше двенадцати не принято, но с другой стороны, тогда там соберется весь Крэнфорд, а на глазах у всего света как-то неприятно слишком интересоваться платьями, отделкой и чепцами! Излишнее любопытство в таких случаях — это дурной тон. Дебора всегда умела выглядеть так, словно самые последние моды ей уже давно известны. Она переняла эту манеру у леди Арли, которая и в самом деле знакоилась с новыми модами раньше, в Лондоне. А потому я думаю, что мы могли бы заглянуть туда сразу после завтрака, — мне и правда нужно купить полфунта чаю, — и не торопясь все разглядеть, чтобы точно себе представить, каким должно быть мое новое шелковое платье. А

потом, после двенадцати, мы пойдем спокойно, уже не думая о туалетах.

Мы принялись обсуждать новое шелковое платье мисс Мэтти, и я обнаружила, что ей впервые в жизни предстоит самой выбрать для себя что-то существенное, а не мелочь — ведь мисс Дженкинс, каков бы ни был ее вкус, обладала несравненно большей решительностью, и просто поразительно, как подобные люди подчиняют себе все и вся, опираясь только на силу воли. Мисс Мэтти с таким восторгом предвкушала, как будет обзирать блестящие шелка, словно на пять соверенов, отложенных для покупки, можно было купить все материи в лавке, и (вспомнив, как я сама провела в игрушечной лавке добрых два часа, прежде чем смогла указать, на какое чудо следует истратить серебряный трехпенсовик) я обрадовалась тому, что мы придем туда пораньше и у нее будет достаточно времени для блаженных колебаний.

Если там по счастливой случайности окажется шелк цвета морской волны, то из него и будет сшито платье, если же нет, то мисс Мэтти думала остановить свой выбор на светло-оранжевом, а я полагала, что серебристо-серый будет ей больше к лицу, и мы прикидывали, сколько ярдов шелка потребуется, пока не дошли до дверей лавки. Нам предстояло купить чай, выбрать шелк, а затем подняться по железной винтовой лестнице на бывший чердак, служивший теперь залой для выставки мод.

Молодые приказчики мистера Джонсона щеголяли в этот день лучшими своими улыбками и лучшими своими галстуками и выбежали к нам из-за прилавка с поразительной быстротой. Они хотели тут же проводить нас наверх, но, памятуя, что прежде дело, а удовольствие потом, мы остались внизу купить чай. И тут оказалось, что мисс Мэтти пребывает в большом рассеянии чувств. Если она узнавала, что выпила зеленого чаю, то считала своим долгом не спать после этого полночи (когда она не знала, что пьет именно зеленый чай, то дело обходилось без подобных последствий, чему я не раз бывала свидетельницей), а потому зеленый чай в дом не допускался, и все же теперь она сама спросила это ядовитое зелье, полагая, что говорит о шелке. Впрочем, ошибка была тут же исправлена, и приказчики принялись развешивать перед нами шелка. К этому времени лавка наполнилась народом, так как день был рыночный и Крэнфорд из окрестностей съехалось немало фермеров и их работников. Они заходили в лавку, пригладив волосы, и робко поглядывали по сторонам: им и хотелось поподробнее рассказать дома хозяйке и девочкам про выставку товаров, и в то же время они стеснялись щеголеватых приказчиков и чувствовали себя не на месте среди пестрых шалей и летних материй. Однако один фермер с честным и добрым лицом все-таки подошел к прилавку около которого стояли мы, и смело попросил показать ему шаль-другую. Остальные деревенские жители довольствовались бакалейным прилавком, но наш сосед, по-видимому, забыл про робость, так ему хотелось сделать приятный сюрприз жене или дочери, и вскоре я уже прикидывала, кто дольше будет держать около себя приказчика — он или мисс Мэтти. Фермеру каждая новая шаль казалась красивее предыдущей, а мисс Мэтти улыбалась и вздыхала над каждой новой штукой шелка, которую перед ней развешивали — каждый новый цвет выгодно оттенял другой, а рядом со всей этой грудой, как она выразилась, и радуга показалась бы бледной.

— Боюсь, — нерешительно сказала она, — выбрав что-то, я буду жалеть, почему не выбрала что-то другое. Посмотрите, какой прелестный пунцовый цвет. Зимой он будет выглядеть таким теплым! Но ведь наступает весна. Как мне хотелось бы иметь по шелковому платью на каждое время года, — добавила она, понижая голос, как делали в Крэнфорде все мы, когда говорили о том, что хотели бы, но не могли себе позволить. — Впрочем, — продолжила мисс Мэтти более громким и веселым голосом, — сколько у меня было бы с ними хлопот! А потому, пожалуй, я выберу шелк только на одно платье. Но какой же мне взять, милочка?

И она наклонилась над сиреневым шелком в желтый горошек, а я подвинула к ней штуку спокойного желтовато-зеленого цвета, который несколько терялся среди этой яркой пестроты, зато сам шелк был очень добротный. Но тут наше внимание отвлек наш сосед. Он, наконец выбрал шаль ценой шиллингов в тридцать, и его ли так и сияло: несомненно, он предвкушал, как обрадуется этому подарку его Молли или Дженни. Вытащив из кармана панталон кожаный кошелек, он протянул приказчику пятифунтовый банковский билет в уплату за шаль и за несколько свертков, которые ему принесли от бакалейного прилавка, — и вот тут-то мы к нему и повернулись. Приказчик разглядывал банкноту с некоторой растерянностью.

— Городской и сельский банк! Я не уверен, сэр, но как будто мы сегодня утром получили предупреждение не брать билетов этого банка. Я сейчас справлюсь у мистера Джонсона, сэр, но боюсь, мне придется просить, чтобы вы уплатили наличными или банкнотами какого-нибудь другого банка.

Мне еще никогда не приходилось видеть, чтобы лицо человека столь внезапно становилось воплощением такого отчаяния. У меня просто сердце сжалось от жалости.

— Ах ты!.. — воскликнул он, стукнув кулаком по прилавку, точно хотел проверить, что тверже. — Что же, по-вашему, золото и банкноты на земле валяются — нагнись да подбирай?

Мисс Мэтти так заинтересовалась происходящим, что забыла про свое шелковое платье. По-моему, она не расслышала названия банка, а я по чистой трусости не хотела, чтобы она поняла, о чем идет речь, и потому принялась восхищаться сиреневым шелком в желтый горошек, хотя минуту назад безоговорочно его отвергала. Но все оказалось бесполезным.

— Какой это банк? То есть я хочу спросить, какой банк выпустил вашу банкноту?

— Городской и сельский банк.

— Покажите мне ее, — сказала она негромко приказчику, беря у него банкноту, которую он принес назад фермеру.

Мистер Джонсон очень сожалел, но, по его сведениям, билеты этого банка стоили теперь не дороже бумаги, на которой были напечатаны.

— Я не понимаю, — прошептала мне мисс Мэтти. — Это же наш банк — Городской и сельский банк.

— Да, — ответила я. — Этот сиреневый цвет очень подойдет к лентам вашего нового чепца, — добавила я, расправляя материю так, чтобы на нее упал свет, от души желая, чтобы фермер поскорее ушел, и уже раздумывая над тем, благоразумно ли и правильно ли с моей стороны допустить, чтобы мисс Мэтти сделала такую дорогую покупку, если дела банка и правда столь плохи, что лавочники отказываются брать его банкноты.

Однако мисс Мэтти приняла ту свою мягкую, исполненную достоинства манеру держаться, которую пускала в ход очень редко, хотя она ей удивительно шла, и, ласково положив ладонь на мою руку, сказала:

— Пока оставим шелка, милочка. Я не поняла вас, сэр, — продолжала она, обращаясь к приказчику, который занимался фермером. — Это фальшивая банкнота?

— Нет-нет, сударыня. Она настоящая, но видите ли, сударыня, это акционерный банк, и ходят слухи, что он вот-вот лопнет. Мистер Джонсон только исполняет свой долг, как мистер Добсон, конечно, понимает.

Но мистер Добсон не ответил улыбкой на вопросительный полупоклон. Он продолжал рассеянно вертеть банкноту в пальцах, угрюмо уставившись на сверток с только что купленной шалью.

— Нелегко это бедному человеку, — сказал он, — который должен каждый фартинг зарабатывать в поте лица своего, но что поделаешь! Забирайте свою шаль обратно, любезный. Придется Лиззи и дальше обходиться старой накидкой. Вон те финики для ребятишек, я их им пообещал, ну, так их я возьму. А вот табак и прочее...

— Я дам вам пять соверенов за вашу банкноту, — сказала мисс Мэтти. — Произошла какая-то ошибка, потому что я — акционер этого банка, и, конечно, мне сообщили бы, если бы что-нибудь случилось.

Приказчик шепнул что-то мисс Мэтти через прилавок. Она поглядела на него с сомнением.

— Возможно, — ответила она. — Но я ничего не понимаю в делах. И знаю только, что если он лопнет и если честные люди потеряют свои деньги, потому что брали наши банкноты... Я не знаю, как это сказать. — Она смутилась, внезапно заметив, что начала длинную речь перед четырьмя слушателями. — Но только я хотела бы обменять мои золотые монеты на эту банкноту, если вы согласны (она повернулась к фермеру). И вы сможете отвезти вашей жене эту шаль. Ведь мне просто придется отложить покупку шелка на несколько дней, — объяснила она мне. А тогда все, конечно, выяснится.

— А если выяснится что-то плохое? — спросила я.

— Что же, в таком случае простая честность требует, чтобы я, как акционер, вернула этому доброму человеку его деньги. Мне все это совершенно ясно, но вы знаете, что я не умею говорить так понятно, как другие. Только, мистер Добсон, вы должны отдать мне вашу банкноту и купить то, что собирались, на эти соверены.

Фермер посмотрел на мисс Мэтти с безмолвной благодарностью, стесняясь и не умея выразить ее словами, но продолжал вертеть банкноту в пальцах.

— Не хотелось бы мне, чтобы другие несли убытки вместо меня, если она и вправду ничего не стоит. Да только пять фунтов — немалые деньги для семейного человека. И к тому же, как вы говорите, десять против одного, что через день-другой эта бумажка снова будет не хуже золота.

— На это не надейтесь, почтенный, — вставил приказчик.

— Тем больше оснований, чтобы ее взяла я, — спокойно сказала мисс Мэтти, пододвигая свои соверены к фермеру, который неохотно протянул ей в обмен банкноту. — Благодарю вас. Я отложу покупку шелка дня на два. Возможно, тогда у вас и выбор будет больше. Милочка, не пойти ли нам наверх?

Мы рассматривали модные образчики с таким же любопытством и так же подробно, словно шелк на новое платье был уже куплен. Насколько я могла заметить, происшествие внизу несколько не уменьшило интереса мисс Мэтти к фасону рукавов и покрою юбок. Раза два она выражала удовольствие, что мы имеем возможность разглядывать шляпки и шали не торопясь, наедине друг с другом. Однако я с самого начала испытывала по

этому поводу некоторые сомнения, так как время от времени краешком глаза замечала, что за накидками и мантильями прячется какая-то фигура, и в конце концов с помощью ловкого маневра внезапно столкнулась лицом к лицу с мисс Пул, также одетой в утренний костюм (главная особенность которого заключалась в том, что она вышла из дома без зубов, но в вуали, чтобы скрыть их отсутствие). Она явилась в лавку с той же целью, что и мы, но теперь быстро распрощалась с нами — как она объяснила, у нее невыносимо болела голова и ей трудно было разговаривать.

Когда мы спустились в лавку, оказалось, что там нас поджидает добросердечный мистер Джонсон. Ему сообщили об обмене золотых монет на банкноту, и из самых лучших чувств он с большой любезностью и некоторым отсутствием такта поторопился выразить мисс Мэтти свои соболезнования и растолковать ей истинное положение вещей. Я могла только надеяться, что до него дошли преувеличенные слухи — ведь он сказал, что ее акции стоят меньше, чем ничего, и что банк не заплатит и шиллинга за фунт. Меня несколько утешило то, что мисс Мэтти, казалось, не совсем ему поверила. Впрочем, я не могла сказать, так ли это на самом деле, или она притворяется, ибо крэнфордские дамы ранга мисс Мэтти умели держать себя в руках и сочли бы свое достоинство униженным, если бы хоть чем-то выдали удивление, отчаяние или какое-нибудь другое такое же чувство собеседнику более низкого звания, да еще в лавке, полной народу. Но как бы то ни было, домой мы шли в молчании. Стыдно признаться, но насколько помню, меня рассердила и раздосадовала та решительность, с какой мисс Мэтти отдала свои соверены за злополучную банкноту. Мне так хотелось, чтобы она сшила себе новое шелковое платье, которое было ей очень нужно. И ведь обычно она проявляла такую нерешительность, что кто угодно мог отговорить ее от самого твердого намерения, однако на этот раз я почувствовала, что любые доводы окажутся бессильны — оттого-то я и сердилась.

После двенадцати мы признались друг другу, что успели узнать о новых модах все наиболее интересное, и пожаловались на телесную усталость (которая на самом деле была смятением духа), а потому решили больше из дома не выходить. Но о банкноте мы не обмолвились ни словом. Затем внезапно, сама не зная почему, я спросила мисс Мэтти, считает ли она себя обязанной выкупать за соверены все билеты Городского и сельского банка, которые попадутся ей на глаза. Не успела я договорить, как готова была откусить себе язык за эти слова. Мисс Мэтти бросила на меня печальный взгляд, словно я еще больше усугубила владевшую ею растерянность, и минуту-другую хранила молчание. Потом она сказала — моя милая, милая мисс Мэтти — без тени упрека в голосе:

— Дочка, мой ум никогда не был таким, какой называют ясным, и очень часто мне бывает тяжело решать, как я должна поступить, когда все уже случилось. И я была очень рада оттого, что сегодня утром сразу поняла, в чем состоит мой долг, увидев рядом с собой этого бедного фермера. Но у меня нет сил все время думать о том, что я сделаю, если случится то-то или то-то. И лучше будет просто подождать и посмотреть, что произойдет на самом деле; я верю, что тогда мне будет ниспослана помощь, если только я не стану заранее поддаваться тревоге и волнению, вы ведь знаете, милочка, что я не похожа на Дебору. Если бы Дебора была жива, то она, несомненно, привела бы в порядок их дела прежде, чем они их так запутали бы.

Обедали мы без всякого аппетита, хотя и пытались вести непринужденный разговор о посторонних предметах. Когда мы вернулись в гостиную, мисс Мэтти отперла бюро и начала просматривать свою приходо-расходную книгу. Я так раскаивалась в моих утренних словах, что не посмела предложить ей помощь, и только не мешала ей, пока она, наморщив лоб, водила пером по столбцам сверху вниз. Некоторое время спустя она закрыла книгу, заперла бюро, прошла в тот угол, где я уныло сидела у огня, и села рядом. Я тихонько вложила свою руку в ее, она нежно сжала мои пальцы, но не произнесла ни слова. После долгого молчания она наконец сказала с насильственным спокойствием в голосе:

— Если банк разорится, я потеряю сто сорок девять фунтов тринадцать шиллингов и четыре пенса годового дохода; у меня останется только тринадцать фунтов в год.

Я крепко сжала ее руку. Я не знала, что ответить. Вскоре (в темноте мне не было видно ее лицо) я почувствовала, что ее пальцы судорожно дернулись в моих, и поняла, что она хочет сказать что-то еще. Она заговорила, и я услышала в ее голосе рыдание:

— Я надеюсь, что в этом нет ничего дурного... ничего грешного... только я очень рада, что бедная Дебора избежала этого. Она не вынесла бы подобной перемены в наших обстоятельствах, у нее ведь была такая благородная, такая возвышенная душа.

Это все, что она сказала о своей сестре, которая, вопреки всем доводам, настояла на том, чтобы поместить все их небольшое состояние в этот злополучный банк. В этот вечер мы зажгли свечу позднее обычного, и пока свет не погасил нас заговорить, сидели в грустном безмолвии.

Однако после чая мы взялись за шитье с притворной бодростью, которая, впрочем, вскоре стала почти настоящей, и принялись обсуждать все то же удивительное событие — помолвку леди Гленмайр. Мисс Мэтти была почти готова признать, что все вовсе не так уж плохо:

— Я не собираюсь отрицать, что мужчины в доме причиняют много хлопот. Я сужу не по собственному опыту: мой отец был сама аккуратность и, входя в переднюю вытирал ноги не менее тщательно, чем любая женщина. И все же мужчины обычно знают, как следует поступить в трудную минуту, а это большое утешение — иметь возле себя подобную опору. Теперь леди Гленмайр уже не будет ездить, не зная, где приклонить голову, а обретет собственный дом и спокойно заживет среди приятных и сердечных людей вроде нашей доброй мисс Пул или миссис Форрестер. И мистер Хоггинс, в сущности, очень представительный мужчина, ну, а его манеры... что такого, если они и не слишком изысканны? Я знавала людей, наделенных и истинно добрым сердцем, и большим умом, которые, хотя и не обладали тем, что некоторые считают утонченностью, тем не менее были честными и великодушными.

Она умолкла, грезя о мистере Холбруке, и я не отвлекала ее, потому что мои мысли были заняты планом, который пришел мне в голову довольно давно, но который теперь из-за грозившего банкротства банка необходимо было привести в исполнение как можно скорее. В тот же вечер, после того как мисс Мэтти удалилась на покой я предательски вновь зажгла свечу и села в гостиной сочинять письмо аге Дженкинсу — письмо, которое должно было бы глубоко взволновать его, если бы он оказался Питером, но всякому другому показалось бы сухим изложением фактов. Прежде чем я кончила, церковные куранты успели пробить два.

На следующее утро стало известно и официально и неофициально, что Городской и сельский банк прекратил платежи. Мисс Мэтти лишилась всего своего состояния.

Она пыталась говорить со мной спокойно, но когда упомянула, что теперь ей придется жить на пять шиллингов в неделю, то не сумела сдержать слез.

— Я плачу не о себе, милочка, — сказала она, утирая их. — Мне кажется, я заплакала из-за очень глупой мысли, представив себе, как горевала бы мама, если бы она могла это знать. Ведь она всегда заботилась только о нас, а не о себе. Но у многих бедняков и этого нет, а я умею довольствоваться малым, и, благодарение богу, когда я заплачу за бараний бок, отдам Марте ее жалованье и внесу плату за дом, у меня не останется никаких долгов. Бедняжка Марта! Я думаю, ей будет грустно расставаться со мной.

Мисс Мэтти улыбнулась мне сквозь слезы, и я знаю, что она предпочла бы, чтобы я видела не их, а только эту улыбку.

ГЛАВА XIV ДРУЗЬЯ В НУЖДЕ

То, как мисс Мэтти безотлагательно начала менять свою жизнь, чтобы приспособиться к своему новому положению, послужило мне хорошим уроком — и, наверное, могло бы кое-чему научить и других. Едва мисс Мэтти спустилась в кухню, чтобы поговорить с Мартой и сообщить ей о случившемся, я тихонько ускользнула из дома с письмом аге Дженкинсу и направилась к синьоре узнать его точный адрес. Я взяла с синьоры слово хранить все в секрете, но, впрочем, ей были свойственны военная краткость и сдержанность, и она всегда говорила очень мало, если не считать минут сильного душевного волнения. К тому же (что удваивало мою уверенность в безопасности этого секрета) синьор уже настолько поправился, что подумывал через несколько дней покинуть Крэнфорд и вновь отправиться в странствия вместе с женой и маленькой Фебой. Собственно говоря, я застала его над большой черно-красной афишей, в которой перечислялись таланты синьора Брунони и недоставало только названия того города, где он покажет их публике. И он, и его жена были так поглощены вопросом о том, каким словам красные буквы придадут наибольшую эффектность, что прошло довольно много времени, прежде чем мне удалось отвести синьору в сторону и задать ей свой вопрос, — но перед этим у меня успели спросить несколько советов, и я разуверилась в мудрости своих ответов тотчас, едва синьор высказал свои сомнения и доводы против... Наконец я получила адрес, записав его на слух, и выглядел он очень странно. По дороге домой я бросила конверт в ящик и минуту стояла, глядя на деревянную крышку с зияющей щелью, которая отделяла меня от письма, лишь мгновение назад зажатого в моих пальцах. Оно ушло от меня, как жизнь — безвозвратно. Ему предстоит качаться на океанских волнах, и, может быть, на нем останется след морской воды; его повезут под пальмами, и оно пропитается всеми тропическими ароматами — клочок бумаги, всего час

назад такой знакомый и обыкновенный, отправился в путь в чуждые, ни ведомые страны за Гангом. Но я не могла долго предаваться подобным размышлениям, мне нужно было торопиться домой, чтобы мисс Мэтти меня не хватилась. Дверь мне отворила Марта с лицом, опухшим от слез. Едва увидев меня, она снова заплакала, вцепилась в мой локоть, втащила меня в переднюю и громко хлопнула дверью, спрашивая, правда ли то, что говорит мне Мэтти.

— Я от нее никогда не уйду. Нет уж. Я ей так прямо и сказала и еще сказала, что не знаю, как это она придумали отказать мне. Я бы на ее месте этого ни за что не сделала. Будто я такая же вертихвостка, как Розы, которая прослужила у миссис Фиц-Адам семь лет с половиной и вдруг польстилась на прибавку. Я сказала, что уж я-то мамоне так служить не стану, я-то понимаю, когда у меня хорошая хозяйка, хоть она и не понимает, когда у нее хорошая служанка...

— Но, Марта... — начала я, когда она на мгновение смолкла, утирая слезы.

— Нет уж, вы мне этих «но, Марта» не говорите, — огрызнулась она, рассердившись на мой назидательный тон.

— Будьте же благоразумны...

— А вот не буду! — объявила она, полностью обретая свой голос, который до тех пор приглушался всхлипываниями. — Благоразумно всегда только то, что другие хотят сказать. А по мне, я тоже ничего неразумного говорить не собираюсь. Да хоть бы и так! Я все равно все скажу и от своего слова не отступлю. У меня есть деньги в сберегательном банке, и платьев я себе нашла много, и от мисс Мэтти я не уйду. Нет уж! Пусть она мне отказывает от места хоть каждый божий день.

И Марта уперла руки в бока, точно бросая мне вызов, а я, по правде говоря, не знала, как мне ее переубедить, и к тому же чувствовала, насколько мисс Мэтти, здоровье которой все больше слабело, нуждается в заботах этой, доброй и преданной девушки.

— Ну... — сказала я наконец.

— Спасибо, что вы хоть с «ну» начали! Скажи вы опять «но», так я бы вас и слушать не стала. А теперь послушаю.

— Я знаю, как много потеряет мисс Мэтти, расставшись с вами, Марта...

— А я что ей говорила? И о том, как она после сама же жалеть будет, — с торжеством ответила Марта.

— И все же у нее осталось теперь так мало, так ничтожно мало, что я не представляю, как она сможет вас кормить — ей ведь и самой придется чуть ли не голодать. Я говорю вам про это, Марта, потому что считаю вас настоящим другом милой мисс Мэтти, но, как вы сами понимаете, ей такие разговоры были бы очень неприятны.

По-видимому, я нарисовала даже еще более черную картину, чем сама мисс Мэтти, потому что Марта опустила на первый попавшийся стул и расплакалась в голос (мы с ней стояли на кухне).

Наконец она отняла передник от лица и, глядя прямо мне в глаза, спросила:

— Поэтому мисс Мэтти и не пожелала сегодня заказать пудинг на обед? Она сказала, что ей не хочется сладкого и что вы с ней обойдетесь бараньей котлеткой. Так я ее и послушала! Вы ей ничего не говорите, только я приготовлю для нее пудинг по ее вкусу, а заплачу за него сама, и вы уж приглядите, чтобы она его покушала. Человеку в горе всегда утешительно видеть на столе что-нибудь вкусненькое.

Я обрадовалась, что энергия Марты нашла непосредственный и практичный выход в сотворении пудинга, так как это позволило отложить бурный спор о том, оставит ли она службу у мисс Мэтти или нет. Марта надела чистый, передник, готовясь отправиться в лавку за маслом, яйцами и всем прочим, что могло ей потребоваться. Она не желала ни крошки взять из домашних запасов, а потому сняла с полки старый чайничек, в котором хранились ее расхожие деньги, и отсчитала нужную сумму.

Мисс Мэтти, когда я вошла к ней, была очень тихой и печальной, но вскоре она уже пыталась улыбаться ради меня. Мы решили, что я напишу отцу и попрошу его приехать и посоветовать, как и что делать дальше. После того как письмо это было отправлено, мы начали обсуждать планы будущего. Мисс Мэтти намеревалась снять одну комнатку, взять с собой столько мебели, сколько потребуется, чтобы ее обставить, а остальное продать и тихонько существовать на то, что будет оставаться после уплаты квартирной хозяйке. Меня это не удовлетворило: я лелеяла более честолюбивые замыслы и принялась обдумывать, каким образом пожилая женщина, получившая то образование, которое давали девицам полвека назад, могла бы зарабатывать себе на жизнь или хотя бы пополнять свой скудный доход, не утрачивая при этом касты. В конце концов я отбросила это последнее условие и все-таки была не в силах вообразить, что такое могла бы делать мисс Мэтти.

Разумеется, первой моей мыслью было преподавание. Если бы мисс Мэтти могла хоть чему-то учить детей,

это позволило бы ей проводить много времени в обществе шаловливых крошек, которых она так любит. Я перебрала в уме все ее таланты. Как-то она говорила, что могла бы сыграть на фортепьяно «Ah! vous dirai-je, maman?» [133], но это было очень-очень давно, и призрачная тень былых музыкальных успехов исчезла бесследно уже много лет; назад. Точно так же когда-то она умела очень ловко сводить узоры для рিশелье — она отмечала фестоны и дырочки, прикладывая кусок фольги к образчику и прижимая их к оконному стеклу. Но этим исчерпывались ее достижения в рисовании, и я решила, что их будет явно недостаточно. Не лучше обстояло дело и с теми основами солидного английского образования — рукоделием и употреблением глобуса, — в которых наставляла своих питомиц, директриса пансиона для благородных девиц, куда все крэнфордские торговцы посылали своих дочерей. Зрение мисс Мэтти ослабело, и я опасалась, что она не сможет сосчитать нитки в узоре или верно подобрать разные оттенки шерсти для лица королевы Аделаиды на верноподданнических ковриках, которые в то время было модно вязать в Крэнфорде. Что же до употребления глобуса, то я сама никогда не могла уяснить, зачем это нужно, а потому не мне было судить, способна ли мисс Мэтти преподавать этот предмет; однако мне представлялось, что экваторы, тропики и прочие таинственные круги были для нее весьма и весьма воображаемыми линиями и что в Знаках Зодиака она видела только остатки черной магии.

Искусства же, в которых она, по ее собственному мнению, особо отличалась, исчерпывались изготовлением жгутиков для зажигания свечей, которые она вырезывала из цветной бумаги, придавая им форму перьев, и вязанием изящнейших подвязок. Однажды, получив в подарок особенно красивую пару, я сказала, что испытываю большой соблазн уронить одну из них на улице, чтобы ею могли полюбоваться и другие люди, но эта маленькая шутка (совсем-совсем маленькая) так оскорбила ее понятия о приличиях и вызвала такие искренние, такие серьезные опасения, как бы в один прекрасный день искушение не оказалось слишком сильным, что я от души пожалела о своих легкомысленных словах. Подношение этих искусно связанных подвязок, букетика ярких жгутиков или карточной колоды, по-особому обмотанной шелком для вышивания, как все знали, свидетельствовало об особом расположении мисс Мэтти. Но станет ли кто-нибудь платить за обучение своих детей подобным искусствам? А главное, станет ли мисс Мэтти продавать за презренный металл уменье изготовлять пустячки, дорогие тем, кто ее любил?

Мне пришлось смириться и снизить до чтения, письма и четырех правил арифметики, но, читая утром вслух главу из Священного писания, мисс Мэтти всегда откашливалась перед длинными словами. И мне представлялось сомнительным, чтобы она могла одолеть главу с родословной, сколько бы она ни кашляла. Почерк у нее был прекрасный и очень изящный, зато правописание!.. Она словно считала, что чем оно фантастичнее и чем больше затруднений ей доставляет, тем больше уважения она выказывает своему адресату. Во всяком случае, слова, написанные без единой ошибки в письме ко мне, превращались в подлинные головоломки, когда она писала моему отцу.

Нет! Не было ничего, в чем она могла бы наставлять подрастающее поколение крэнфордцев, разве что они с охотой и прилежанием попробовали бы научиться у нее терпению, смиренной кротости, доброте и умению тихо довольствоваться тем малым, что было ей дано. Я ломала и ломала голову до той минуты, пока Марта, вся опухшая от слез, не объявила, что обед подан.

У мисс Мэтти были свои маленькие привычки, которые Марта обыкновенно считала пустыми капризами, не стоящими ее внимания, детскими фантазиями, от которых пятидесятивосьмилетней старушке пора было бы избавиться. Но сегодня Марта не забыла ни о чем. Хлеб был нарезан с той немислимой степенью совершенства, которую, как помнилось мисс Мэтти, предпочитала ее матушка, а занавеска на окне была задернута так, что совсем скрывала от взгляда глухую стену соседней конюшни, но не заслоняла ни единого листочка на тополе, одевавшемся в нежный весенний наряд. К мисс Мэтти Марта обращалась тем тоном, который эта верная, но грубоватая служанка обычно приберегала для маленьких детей — я еще ни разу не слышала, чтоб она так говорила со взрослыми.

Я забыла предупредить мисс Мэтти о пудинге и опасалась, что она не воздаст ему должного, так как у нее в этот день совсем не было аппетита. А потому, воспользовавшись минутой, когда Марта унесла жаркое, я посвятила мисс Мэтти в эту тайну. Ее глаза наполнились слезами, и она не могла вымолвить ни слова удивления или восторга, когда Марта вернулась, гордо неся перед собой пудинг, которому с неподражаемым искусством, была придана форма льва couchant. [134] Лицо Марты сияло, и она поставила блюдо перед мисс Мэтти с торжествующим «Вот!». Мисс Мэтти хотела поблагодарить ее и не смогла. Тогда она взяла руку Марты и ласково ее пожала, отчего Марта расплакалась, да и я с трудом сохранила необходимое самообладание. Марта выбежала из комнаты, а мисс Мэтти пришлось раза два откашляться, прежде чем она смогла заговорить.

Наконец она сказала:

— Как мне хотелось бы сохранить этот пудинг под стеклянным колпаком, милочка.

Образ льва couchant с глазками-изюминками, вознесенного на почетное место в середине каминной полки, так подействовал на мою взбудораженную фантазию, что я начала смеяться, несколько удивив мисс Мэтти.

— Право, милочка, мне приходилось видеть под стеклянными колпаками и куда более некрасивые предметы, — заметила она.

Я также их видела — много и часто, а потому я придала своему лицу серьезное выражение (и тут же чуть не расплакалась), после чего мы обе принялись за пудинг, который и правда был удивительно вкусным — и все-таки каждый кусочек застревал у нас в горле, так полны были наши сердца.

Нам надо было о многом подумать, а потому в послеобеденные часы мы почти не разговаривали, и они прошли очень спокойно. Но когда Марта принесла чайный прибор, меня осенила новая мысль. А почему бы мисс Мэтти не начать торговать чаем? Почему бы не стать агентом Индийской чайной компании, существовавшей в те годы? Я не могла обнаружить в этом плане никаких темных сторон, а преимуществ он сулил много — конечно, при условии, что мисс Мэтти согласится снизить до столь плебейского занятия, как торговля. Чай не был ни сальным, ни липким, что было важно, так как мисс Мэтти не переносила ничего сального и липкого. Для него не потребуется витрины. Правда, без небольшой благородной дощечки с указанием, что ей дано разрешение торговать чаем, обойтись будет нельзя, но, наверное, дощечку эту удастся прибить так, чтобы ее никто не видел. К тому же чай легкий, и мисс Мэтти будет нетрудно снимать его с полок. Против моего плана было только одно возражение: он включал необходимость покупать и продавать.

Я рассеянно отвечала на вопросы, которые мисс Мэтти задавала мне почти столь же рассеянно, как вдруг мы услышали тяжелые шаги на лестнице и тихий шепот под дверью, которая вдруг приоткрылась и тотчас опять захлопнулась, точно под воздействием невидимой силы. Потом в гостиную вошла Марта, таща за собой высокого широкоплечего молодца, совсем багрового от смущения, которое заставляло его то и дело приглаживать волосы.

— С вашего разрешения, сударыня, это всего только Джем Хирн, — объяснила Марта.

Она так запыхалась, что, видимо, ей пришлось приложить некоторые физические усилия, прежде чем она преодолела его нежелание вступить в аристократические пределы гостиной мисс Матильды Дженкинс.

— И, с вашего разрешения, сударыня, он хочет сейчас же обвенчаться со мной. И, с вашего разрешения, сударыня, нам надо бы подыскать себе жильца, кого-нибудь тихого и спокойного, чтобы свести концы с концами, а уж дом мы выберем самый удобный. И, милая мисс Мэтти, уж простите меня за дерзость, только не согласились бы вы поселиться у нас? Джем этого хочет не меньше меня... Что же ты молчишь, дуралей? (Вполголоса Джем.) Мог бы и поддакнуть мне. Но он все равно очень этого хочет, верно ведь, Джем? Только, видите ли, он немножко ошалел, что ему приходится говорить с благородной дамой.

— Да не в том дело, — перебил ее Джем, — А просто ты меня совсем ошаршила: я ж вовсе не думал жениться так вот в один присест, ну, и от такой спешки и правда ошалеть можно. Я вовсе и не против, сударыня (это было адресовано мисс Мэтти), да только Марта если уж что заберет в голову, так чтоб сразу было по ее, а женитьба, сударыня, женитьба мужчине предел кладет, можно сказать. Ну, а как дело будет кончено, я и сам, пожалуй, спасибо скажу.

— С вашего разрешения, сударыня, — заявила Марта, которая дергала его за рукав, толкала локтем и еще по-всякому старалась заставить замолчать, — не надо его слушать. Он сейчас опомнится. Да ведь вчера вечером он от меня не отставал: когда да когда мы поженимся, и только пуще уговаривал, как я сказала, что пока ни о чем таком и думать не хочу. Ну, вот он от радости и растерялся немножко. А насчет того, чтобы взять жильца, так ты, Джем, этого не меньше меня хочешь, сам ведь знаешь. (Новый удар локтем под ребра.)

— Само собой, если мисс Мэтти согласится поселиться у нас, а так нужно мне очень, чтобы в доме чужой народ толочся! — объявил Джем весьма нетактично, что, как я заметила, совсем вывело Марту из себя: ведь она изо всех сил старалась представить дело так, будто оба они мечтают о жильце и мисс Мэтти сделает им большое одолжение, дав согласие поселиться у них.

Что до мисс Мэтти, то они ввергли ее в полную растерянность. Принятое ими (а вернее говоря, Мартой) решение тотчас вступить в брак ошеломило ее и совсем заслонило план Марты.

— Брак — вещь очень серьезная, Марта, — начала она.

— Что верно, то верно, сударыня, — изрек Джем. — Но не то чтобы я что имел против Марты.

— То ты мне проходу не давал, чтобы я скорее согласилась пойти за тебя, — заявила Марта, вся красная и готовая расплакаться от досады, — а теперь срамишь меня перед хозяйкой.

— Да что ты, Марта! Ладно тебе! Только человеку нужно и дух перевести, — сказал Джем, пытаясь взять ее за руку, но это ему не удалось. Тогда, заметив, что она обиделась гораздо сильнее, чем ему казалось, Джем, видимо, постарался собраться с мыслями и с прямотушным достоинством (за десять минут до этого я бы ни за что не поверила, что он может так выглядеть) сказал, повернувшись к мисс Мэтти: — Сударыня, вы ведь понимаете, что я не могу не уважать тех, кто был добрым с Мартой. Я же с самого начала думал, что она будет моей женой — только попозже, а она всегда твердила, что добрее вас никого на свете нет. И хоть, если по чистой совести сказать, обыкновенные жильцы мне ни к чему, но коли вы, сударыня, окажете нам честь поселиться у нас, то уж Марта все сделает, чтобы вам было хорошо, а я постараюсь поменьше попадаться вам на глаза: по-моему, это самое лучшее, что может сделать такой неотесанный парень, как я.

Мисс Мэтти то и дело снимала очки, протирала их и снова надевала. Однако она сумела сказать только следующее:

— Пожалуйста, из-за меня не торопитесь жениться. Пожалуйста! Ведь брак — это такая серьезная вещь!

— Но мисс Матильда обдумает ваше предложение, Марта, — сказала я, так как оно показалось мне очень заманчивым и я не хотела, чтобы его отвергли без размышлений. — И, во всяком случае, ни она, ни я не забудем вашей доброты. И вашей тоже, Джем.

— Что верно, то верно, сударыня. Я ведь от чистого сердца говорил, хотя немножко и растерялся, что вот так прямо и женюсь, и, может, что и не так сказал. Вообще-то я не прочь, только мне время нужно, чтобы попривыкнуть. Ну, так чего же ты, Марта, плачешь и дерешься, чуть я к тебе подойду?

Последнее было произнесено *sotto voce* и заставило Марту выскочить из комнаты, чтобы ее возлюбленный мог догнать ее и утешить. А мисс Мэтти опустила на стул и расплакалась, объяснив затем, что столь скорый брак Марты ее поразил и она никогда себе не простит, если бедняжка поторопилась из-за нее. Боюсь, я больше жалела Джема, но и мисс Мэтти и я вполне оценили доброту честной пары, хотя почти ничего об этом не сказали, а заговорили о неожиданностях и опасностях, которыми чреват всякий брак.

На следующее утро в очень ранний час я получила записочку от мисс Пул, сложенную так хитро и запечатанную столькими печатями, чтобы сохранить тайну, что я порвала ее прежде, чем мне удалось ее вскрыть. А когда я добралась до самой записки, то так и не сумела толком понять, о чем идет речь, столь сложным и эзоповским был ее язык. Однако я разобрала, что мисс Пул ждет меня у себя в одиннадцать часов утра — число «одиннадцать» было написано и буквами и цифрами, а «утра» подчеркнуто дважды, словно без этого мне могло бы прийти в голову посетить ее в одиннадцать часов вечера, хотя весь Крэнфорд имел обыкновение крепко спать уже в десять. Вместо подписи стояли инициалы мисс Пул в обратном порядке — «П. Э.», но поскольку Марта вручила мне записку «с наилучшими пожеланиями от мисс Пул», гадалщика для того, чтобы узнать, от кого она, не требовалось, и если имя отправителя нужно было сохранить в тайне, оставалось только радоваться, что я была одна, когда Марта принесла мне эту записку.

Я явилась к мисс Пул в назначенный час. Дверь мне открыла ее маленькая горничная Бетти, наряженная по-воскресному, точно этот будний день должен был ознаменоваться каким-то великим событием. И гостиная наверху тоже была убрана соответственным образом. На столе накрытом лучшей картонной скатертью из зеленого сукна, стоял письменный прибор. На шкафчике покоился поднос с графинчиком только что налитой настойки из первоцвета и бисквитами «дамские пальчики». Сама мисс Пул была в парадном туалете, словно готовилась к приему визитеров, хотя еще не пробило одиннадцати. В уголке гостиной тихо плакала миссис Форрестер, и мой приход как будто послужил сигналом для новых слез. Не успели мы поздороваться (со зловещей таинственностью), как в дверь снова постучали и в гостиную вошла миссис Фиц-Адам, совсем багровая от быстрой ходьбы и волнения. По-видимому, больше мисс Пул никого не ждала, так как она произвела несколько действий, свидетельствующих о намерении приступить к делу: помешала в камине, открыла и закрыла дверь, откашлялась и высморкалась. Затем она усадила нас вокруг стола таким образом, чтобы я оказалась напротив нее, и в заключение спросила меня, действительно ли справедлива, как она опасается, печальная новость о том, что мисс Мэтти лишилась всего своего состояния.

Разумеется, ответить на это я могла только одно, и мне еще не приходилось видеть такого безыскусственного сочувствия, какое появилось на трех обращенных ко мне лицах.

— Ах, как мне хотелось бы, чтобы миссис Джеймисон была здесь! — произнесла миссис Форрестер, нарушая общее молчание, но, судя по выражению лица миссис Фиц-Адам, она отнюдь не разделяла этого желания.

— Но и без миссис Джеймисон, — сказала мисс Пул с легчайшим оттенком оскорбленного достоинства в голосе, — мы, крэнфордские дамы, собравшиеся в моей гостиной, можем принять некоторые решения. Мне кажется, никто из нас не обладает тем, что именуется богатством, хотя мы все располагаем приличным

состоянием, достаточным для элегантного и утонченного вкуса, который в любом случае пренебрег бы вульгарным выставлением напоказ своих денежных средств. (Тут мисс Пул, как я заметила, бросила быстрый взгляд на зажатую в ладони карточку, на которой, я полагаю, она набросала кое-какие заметки.) Мисс Смит, — продолжала она, обращаясь ко мне (все присутствующие звали меня попросту Мэри, но случай был торжественный), — я побеседовала частным образом, посвятив этому вторую половину вчерашнего дня, с этими дамами о несчастье, постигшем нашего общего друга, и мы все единодушно согласились, что, поелику мы обладаем чем-то сверх необходимого, для нас будет не только исполнением долга, но и радостью... истинной радостью, Мэри, — ее голос на этом месте прервался, я она была вынуждена протереть очки, прежде чем продолжать, — оказать посильную помощь ей... мисс Матильде Дженкинс. Однако, принимая во внимание деликатное чувство щепетильной независимости, присущее каждой утонченной женской натуре (тут она, несомненно, вновь обратилась к своей карточке), мы желали бы внести свою лепту втайне и скрыто, дабы не оскорбить чувства, мною выше упомянутого. И цель, которую мы имели в виду, приглашая вас сюда сегодня утром, такова: считая вас дочерью... то есть прелику ваш батюшка пользуется ее доверием во всех финансовых делах, мы предположили, что, посоветовавшись с ним, вы могли бы изыскать способ, с помощью которого нашу лепту удалось бы представить, как законную сумму, каковую мисс Матильде Дженкинс положено получать от... Вероятно, ваш батюшка, зная, куда она вкладывала свои деньги, сможет заполнить этот пробел.

Мисс Пул закончила свою речь и обвела присутствующих взглядом, ожидая знаков одобрения и согласия.

— Я изложила то, что вы имели в виду, милостивые государыни, не так ли? А теперь, пока мисс Смит будет обдумывать свой ответ, разрешите предложить вам небольшое угощение.

Я не смогла ответить почти ничего. Мое сердце переполняла такая благодарность за их доброту и заботливость, что для нее у меня не было слов, а потому я пробормотала что-то вроде того, что «я передам сказанное мисс Пул моему отцу» и что «если удастся что-нибудь устроить для милой мисс Мэтти»... тут я окончательно утратила власть над собой, и меня пришлось отпаивать стаканчиком настойки из первоцвета, прежде чем мне удалось совладать со слезами, которые я подавляла уже третий день. А хуже всего было то, что и они тоже дружно заплакали. Плакала даже мисс Пул, хотя она сотни раз повторяла, что дать волю своим чувствам в чьем-либо присутствии значит выказать непростительную слабость и неуменье сдерживаться. Ее слезы сменились досадой на меня зато, что я подала им дурной пример, а к тому же, я полагаю, она рассердилась, что я не сумела ответить на ее речь такой же речью. Знай я заранее, что будет сказано, и запиши я на карточку подходящие слова для выражения тех чувств, которые, по-видимому, могли пробудиться в моем сердце, я попыталась бы сделать то, чего она хотела. Теперь же, когда мы справились со своим волнением, первой заговорила миссис Форрестер:

— Среди друзей я могу признаться, что я... нет, не то чтобы бедна, но и не богата, о чем жалею из-за милой мисс Мэтти. Но, с вашего разрешения, я напишу, сколько я могу дать, и запечатаю — и поверьте, поверьте, милая Мэри, я хотела бы, чтобы это было больше.

Тут я поняла, зачем были приготовлены чернила, перья и бумага. Все они написали, сколько могут давать в год — каждая на своем листке, — расписались и с таинственным видом запечатали листки. Если их предложение будет принято, мой отец, обещав хранить все в секрете, получал право заглянуть в листки, если же нет — их следовало вернуть невскрытыми тем, кто их писал.

Когда эта церемония завершилась, я встала, собираясь уйти, но тут оказалось, что каждая из них хотела поговорить со мной наедине. Мисс Пул задержала меня в гостиной, чтобы объяснить мне, почему она в отсутствие миссис Джеймисон позволила себе «возглавить это движение», как ей угодно было выразиться, а также для того, чтобы уведомить меня, что из надежных источников ей стало известно, что миссис Джеймисон возвращается домой в сильном негодовании против своей свойственницы, которой придется немедленно покинуть ее дом и (если она не ошибается) возвратиться в Эдинбург сегодня же вечером. Разумеется, она не могла рассказать об этом в присутствии миссис Фиц-Адам, тем более что, по ее мнению, помолвка леди Гленмайр с мистером Хоггинсом не выдержит грозного недовольствия миссис Джеймисон. В заключение мисс Пул заботливо расспросила меня о здоровье мисс Мэтти, и на этом моя беседа с ней закончилась.

Спустившись вниз, я обнаружила, что у двери столовой меня поджидает миссис Форрестер. Она поманила меня внутрь, закрыла дверь и попыталась что-то мне объяснить, но, по-видимому, тема эта была чрезвычайно щекотливой, и я уже начала было отчаиваться, решив, что так никогда и не пойму, в чем, собственно, дело. Наконец бедная старушка выговорила роковые слова — трепеща так, словно она созналась в неслыханном преступлении, она открыла мне, на какие крохи, на какие жалкие крохи она существует. Признание это было вырвано у нее опасениями, как бы мы не подумали, будто ее любовь и уважение к мисс Мэтти измеряются той

незначительной суммой, которая названа в ее записке. А ведь эта сумма, отдаваемая с такой охотой, составляла более двадцатой части того дохода, на который миссис Форрестер должна была жить, содержать дом и маленькую служанку, как подобает урожденной Тиррел. Когда же весь этот доход не достигает и ста фунтов, отказ от двадцатой его части означает необходимость многого себя лишать и приносить жертвы, пусть ничтожные и незаметные на взгляд света, но имеющие иную цену в некоей учетной книге, про которую мне доводилось слышать. Ей так хотелось бы быть богатой, сказала она и продолжала повторять это, вовсе не думая о себе, а движимая лишь грустным неосуществимым желанием надежно оградить мисс Мэтти от нужды.

Я довольно долго успокаивала ее, а когда наконец вышла из дома мисс Пул, меня перехватила миссис Фиц-Адам, которая тоже хотела доверить мне секрет, но противоположного характера. Она побоялась записать столько, сколько могла и хотела бы дать. Она сказала, что не осмелилась бы взглянуть мисс Мэтти в глаза, если бы допустила подобную дерзость.

— Мисс Мэтти! — продолжала она. — Я ведь думала, что лучше нее барышни и на свете нет, в те дни, когда я была простой деревенской девчонкой и возила в город яйца, масло и всякую такую всячину. Папенька, хоть и был зажиточным, всегда посылал меня туда, как прежде маменьку, и я каждую субботу отправлялась в Крэнфорд, торговала, узнавала цены, ну, и все такое. И вот, помню, как-то повстречала я мисс Мэтти на дороге, которая ведет в Комхерст. Она шла по тропинке, которая проложена повыше дороги, — ну, вы знаете, а рядом с ней ехал верхом какой-то джентльмен и что-то ей говорил, а она смотрела на букетик цветов, которые собрала, обрывала у них лепестки и, по-моему, плакала. Она прошла мимо меня, но потом обернулась и побежала за мной, чтобы справиться — и так сердечно! — о моей бедной маменьке, которая лежала тогда на смертном одре. А когда я расплакалась, она взяла меня за руку и стала утешать, а ведь ее дожидался этот джентльмен, и на сердце у нее, бедняжки, видно, было нелегко. И я еще тогда подумала, какая это честь, что со мной так ласково разговаривает дочка городского священника, которая бывает в гостях в Арли-Холле. С той поры я ее навсегда полюбила, хоть, может, это и была с, моей стороны большая смелость. Но если бы вы могли придумать способ, чтобы я дала больше остальных и никто про это не узнал, я была бы очень вам признательна, деточка. И мой брат будет только рад лечить ее без всякой платы — ну, и лекарства там или пиявки. Я знаю, что он и ее милость (вот уж не думала я, деточка, в тот день, про который вам рассказывала, что стану золовкой титулованной дамы!) — готовы для нее сделать что угодно. И мы все тоже.

Я сказала ей, что нисколько в этом не сомневаюсь, и обещала все, что она хотела, так как торопилась домой к мисс Мэтти, у которой были все причины встревожиться — ведь я покинула ее на два часа и не могла бы объяснить за чем. Однако она не заметила, сколько прошло времени, так как была занята бесчисленными приготовлениями, предвзятыми решительное событие — отказ от дома. Эти хлопоты, несомненно, были для нее облегчением: ведь, по ее словам, стоило ей задуматься, как она вспоминала бедного фермера с ничего не стоящей пятифунтовой бумажкой и чувствовала себя очень нечестной. Но если это тягостно для нее, то какие же муки должны испытывать директора банка, которые, конечно, знают о несчастьях, вызванных его крахом, куда больше, чем она? Я почти рассердилась на нее за то, что она делила свое сочувствие между директорами (по ее мнению, они терзались невыносимыми угрызениями совести из-за того, что так скверно распорядились деньгами других людей) и теми, кто пострадал, подобно ей самой. Она даже полагала, что бедность — более легкое бремя, чем угрызения совести, но я про себя надумала, что директора банка вряд ли с ней согласятся.

На свет были извлечены семейные реликвии, чтобы установить их денежную стоимость, которая, к счастью, оказалась незначительной; право, не знаю, как бы мисс Мэтти в противном случае нашла в себе силы расстаться с обручальным кольцом своей матери, с нелепой булавкой, которой ее отец уродовал свое жабо, и с прочим. Тем не менее мы рассортировали их согласно их стоимости, и когда на следующее утро приехал мой отец, мы были готовы к разговору с ним.

Я не собираюсь докучать вам подробностями — в частности, потому, что тогда я не понимала того, чем мы занимались, а теперь ничего не помню. Мисс Мэтти и я согласно кивали, знакомясь со счетами, планами, отчетами и разными деловыми документами, хотя, как я глубоко убеждена, не понимали в них ни слова. Мой отец обладал превосходным деловым умом и решительностью, а потому, стоило нам задать самый пустячный вопрос или выразить малейшее недоумение, он отрывисто восклицал: «Э? Э? Но это же ясно как божий день. Что вы хотите возразить?» А поскольку мы не понимали, что он предлагает, нам было трудно высказать наши возражения, тем более что мы вовсе не были уверены, есть ли они у нас. Поэтому мисс Мэтти вскоре впала в состояние нервной покорности и при каждой паузе произносила «да-да» или «конечно», требовалось ли это или нет. Однако когда я, подобно хору, подхватила «решительно так», произнесенное мисс Мэтти трепетным, исполненным сомнения голосом, отец мгновенно обернулся ко мне и спросил: «Но что тут решать?» И право

же, я и по сей день этого не знаю. Однако мне следует упомянуть, что он приехал из Драмбла помочь мисс Мэтти, когда его собственные дела находились в довольно тяжелом положении и каждая минута была у него на счету.

Затем мисс Мэтти оставила нас, чтобы распорядиться насчет завтрака (разрываясь между желанием приготовить для моего отца какое-нибудь вкусное и изящно сервированное блюдо и убеждением, что теперь, лишившись всех своих денег, она не имеет права на подобные желания), и я рассказала ему о совещании крэнфордских дам у мисс Пул. Пока я говорила, он то и дело проводил рукой по глазам, а когда я сообщила ему, как Марта просила мисс Мэтти поселиться у них с Джемом, он отошел от меня к окну и принялся барабанить пальцами по подоконнику. Затем он внезапно обернулся и сказал:

— Видишь, Мэри, как безыскусственная доброта всюду завоевывает себе друзей. Черт возьми! Какую проповедь мог бы я сказать об этом, будь я попом! А так у меня выходит что-то бессвязное, но, конечно, ты понимаешь, что я хотел бы сказать. После завтрака мы с тобой пойдем погулять и обсудим эти планы подробнее.

Тут как раз был подан завтрак — горячая сочная баранья отбивная и ломтики нарезанного и поджаренного ростбифа. Все это было съедено до последнего кусочка, к большому удовольствию Марты. Затем отец без обиняков сказал мисс Мэтти, что хочет поговорить со мной с глазу на глаз и потому пойдет прогуляться и посмотреть старые места, а я потом ей сообщу, какой план нам представляется наилучшим. Перед тем как мы ушли, мисс Мэтти отозвала меня в сторону и сказала:

— Помните, милочка, я осталась последней... То есть я хочу сказать, что никому не будет неприятно, чем бы я ни занялась. А я готова взяться за любую полезную и честную работу. И мне кажется, если Дебора и узнает там, где она сейчас, ей не будет так уж горько, что я больше не могу считать себя принадлежащей к благородному сословию. Видите ли, милочка, ей ведь будет известно все. Только скажите мне, что я могу делать, чтобы вернуть, насколько мне удастся, бедным людям их деньги.

Я расцеловала ее и побежала догонять отца. Результат нашего разговора был таков: если никто не будет против, Марта и Джем обвенчаются как можно скорее, и все они будут жить в нынешнем доме мисс Мэтти, так как большую часть платы за него покроет сумма, которую крэнфордские дамы предложили выплачивать ежегодно, а те деньги, которые мисс Мэтти будет платить Марте за квартиру, та сможет тратить на нее же. Распродажу имущества отец сначала не одобрил. Он сказал, что за старую фамильную мебель, как ее ни оберегали и ни лелеяли, удастся выручить очень малой что эти крохи будут лишь каплей в море долгов Городского и сельского банка. Но когда я объяснила, насколько успокоит чуткую совесть мисс Мэтти сознание, что она сделала все, что могла, он сдался — после того как я рассказала ему о случае с пятифунтовой банкнотой и он выбрал меня за то, что я не сумела помешать мисс Мэтти. Затем я упомянула о том, как мне пришлось в голову, что она могла бы увеличить свой скудный доход, продавая чай, и, к моему удивлению (сама я было совсем от нее отказалась), мой отец ухватился за эту мысль со всей энергией опытного коммерсанта. По-моему, он начал считать цыплят задолго до осени, так как немедленно прикинул, что в Крэнфорде она сможет получить прибыли от этой торговли до двадцати фунтов в год. Маленькую столовую внизу можно переделать в лавку без каких-либо стеснительных ее атрибутов. Прилавком будет служить стол, одно окно останется, как есть, а другое заменит стеклянная дверь. Эта блестящая идея, видимо, подняла меня в его глазах. Мне оставалось только надеяться, что оба мы не упадем в глазах мисс Мэтти.

Но она выслушала меня терпеливо и была довольна всем, что мы предложили. Она знает, сказала она, что мы стараемся сделать для нее все как можно лучше, и она только надеется, только ставит единственным условием, что она по мере сил будет уплачивать то, что может считаться ее долгом — ради своего отца, который пользовался в Крэнфорде таким уважением. Мы с отцом договорились упоминать о банке как можно реже, а если удастся, то и вовсе о нем не упоминать. Некоторые наши планы, видимо, привели ее в недоумение, но утром она достаточно долго наблюдала, как мне доставалось за недостаток сообразительности, а потому не осмелилась задавать слишком много вопросов. Так что все сошло хорошо, и она только выразила надежду, что из-за нее никто излишне не поторопится связать себя брачными узами. Когда мы заговорили о том, что ей следует торговать чаем, это, как я заметила, ее сильно смутило — но не из-за связанной с этим утраты аристократического статуса, а лишь потому, что она опасалась не справиться со своими новыми обязанностями и робко предпочла бы некоторые лишения деятельности, для которой не годилась. Однако, заметив, что мой отец не намерен отступить, она со вздохом обещала попробовать, а если у нее ничего не получится, то ведь ей можно будет оставить это занятие. Хорошо хоть, что мужчины как будто никогда не покупают чаю, а особенный страх ей внушали именно мужчины. Они говорят так резко и так громко! И так быстро считают,

сколько с них следует и какую сдачу они должны получить! Вот если бы ей было можно только продавать конфеты детям, им она, наверное, сумела бы угодить.

ГЛАВА XV

СЧАСТЛИВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я покинула Крэнфорд, только когда дела мисс Мэтти были устроены наилучшим возможным образом. Было даже получено одобрение миссис Джеймсон, решившей, что мисс Мэтти дозволяется продавать чай. Этот оракул в течение нескольких дней размышлял, должна ли торговля чаем лишить мисс Мэтти ее светских привелегий или нет. Мне кажется, миссис Джеймсон метила больше в леди Гленмайр, когда наконец она вынесла свой приговор, а именно: если, согласно строгим законам придворного этикета, положение замужней женщины определяется рангом ее мужа, то незамужняя женщина сохраняет статус своего отца. Таким образом, Крэнфорд получил позволение делать визиты мисс Мэтти, а что до леди Гленмайр, то наносить визиты ей он собирался и без всякого позволения.

Но каково же было наше удивление, наше смятение, когда мы узнали, что в следующий вторник в город возвращаются мистер и — подумать только! — миссис Хоггинс. Миссис Хоггинс! Неужели она навсегда отказалась от своего титула и из чистейшей бравады порвала свои связи с аристократией, чтобы стать какой-то Хоггинс? Она, которая до смертного часа могла бы называться леди Гленмайр! Миссис Джеймсон была довольна. По ее словам, так подтвердилось то, что она знала с самого начала — что вкусы у этой особы самые низменные. Однако «эта особа» в воскресенье в церкви казалась очень счастливой, а мы не сочли нужным приспустить вуали на шляпках с той стороны, которая была обращена к мистеру и миссис Хоггинс, как сделала это миссис Джеймсон, не увидев в результате ни его сияющего лица, ни ее смущенного румянца, очень ее красившего. Пожалуй, даже Джем и Марта не так светились счастьем, когда они к вечеру, в свою очередь, впервые появились на людях как муж и жена. В тот день, когда мистер и миссис Хоггинс принимали визитеров, миссис Джеймсон, чтобы несколько утишить бушевавшую в ее груди бурю, приказала опустить шторы у себя в доме, точно во время похорон, и ее лишь с трудом удалось уговорить не отказываться от «Сентджеймской хроники» — в такое негодование привела ее эта газета, поместив на своих страницах объявление об этом бракосочетании.

Распродажа имущества мисс Мэтти прошла великолепно. Она сохранила мебель гостиной и спальни (первой из этих комнат она согласилась пользоваться, пока Марта не подыщет для нее жильца), и в эти же гостиную и спальню ей пришлось втиснуть всевозможные вещи, которые — как заверил ее аукционщик — были куплены для нее на распродаже неизвестным другом. Я всегда подозревала, что этим другом была миссис Фиц-Адам, но ей, несомненно, помогал сообщник, знавший, какие вещи были особенно дороги мисс Мэтти из-за воспоминаний юности. Разумеется, весь остальной дом выглядел довольно голо, за исключением маленькой спальни, мебель которой отец позволил мне купить на случай моих будущих приездов, если мисс Мэтти захворает.

Собственные мои небольшие сбережения я израсходовала на всевозможные конфеты и леденцы, чтобы детишки, которых так любила мисс Мэтти, начали приходить к ней. Чай в ярко-зеленых жестяных ящичках и конфеты в стеклянных вазах — мы с мисс Мэтти испытывали немалую гордость, когда оглядывали лавку вечером накануне ее открытия. Марта отскребла половицы до снежной белизны, а перед столом-прилавком расстелила пеструю клеенку, на которой должны были стоять покупатели. В комнате приятно пахло штукатуркой и побелкой. Очень маленькая дощечка с надписью «Матильда Дженкинс, лицензированная торговля чаем» пряталась за притолокой новой двери, а на полу два ящика с чаем, испещренные кабалистическими письменами, ждали, чтобы и их содержимое было переложено в жестянки.

Мисс Мэтти, как мне следовало бы упомянуть раньше, не чувствовала себя вправе продавать чай, так как в городе уже имелась лавка мистера Джонсона, многочисленные товары которого включали и этот колониальный продукт. А потому, прежде чем окончательно примириться с мыслью о своем новом занятии, она тайком от меня отправилась к нему, чтобы поставить его в известность о нашем плане и осведомиться, не повредит ли это его торговле. Мой отец назвал ее щепетильность «отъявленным вздором» и заметил, что не понимает, «как стали бы жить торговцы, если бы они только и делали, что соблюдали интересы друг друга, отчего коммерческой конкуренции сразу же пришел бы конец». И быть может, для Драмбла это не годилось, однако в

Крэнфорде все уладилось как нельзя лучше, ибо мистер Джонсон не только любезно успокоил мисс Мэтти и рассеял ее опасения, но, насколько мне известно, неоднократно присылал к ней покупателей, заявляя, что у него чай простой, а вот у мисс Дженкинс можно найти все самые лучшие сорта. А дорогой чай — это излюбленный предмет роскоши зажиточных ремесленников и богатых фермеров, которые презрительно отворачиваются от «конгу» и «сучона», принятых во многих благородных домах, и берут для себя только зеленый «ганпаудер» и черный «пекоу».

Но вернемся к мисс Мэтти. Было удивительно приятно наблюдать, как ее бескорыстие и простодушные понятия о справедливости пробуждали в окружающих такие же добрые чувства. Она как будто никогда не опасалась, что кто-то может обмануть ее — ведь сама она этого ни при каких обстоятельствах не сделала бы. Я слышала, как она оборвала клятвенные заверения торговца углем, сказав спокойно: «Я знаю, вам было бы очень неприятно, если бы вы привезли мне неполный вес угля». И если в тот раз уголь и был отмерен неполной мерой, я убеждена, что больше этого никогда не случалось. Злоупотребить ее доверием людям было так же стыдно, как злоупотребить доверием ребенка. Однако мой отец утверждает, что «такое простодушие, возможно, хорошо для Крэнфорда, но в большом мире оно до добра не доведет». И наверное, большой мир весьма дурен, так как мой отец, подозревающий, всех, с кем он заключает сделки, и принимающий всяческие предосторожности, тем не менее только в прошлом году потерял из-за чьего-то плутовства более тысячи фунтов.

Я задержалась в Крэнфорде ровно на столько времени, сколько понадобилось, чтобы мисс Мэтти свыклась со своим новым образом жизни, а также чтобы упаковать библиотеку ее отца, которую купил крэнфордский священник. Он написал мисс Мэтти очень доброе письмо, объясняя, «как рад он будет приобрести столь отлично подобранную библиотеку, какой, несомненно, должна быть библиотека покойного мистера Дженкинса, за любую назначенную цену». А когда она дала согласие — с грустной радостью, потому что книгам предстояло вернуться в дом ее юности и снова выстроиться у привычных стен, — он прислал сказать, что не знает, найдется ли у него место для них всех, а потому не окажет ли ему мисс Мэтти любезность и не оставит ли кое-какие из них на своих полках. Но мисс Мэтти сказала, что у нее есть Библия и джонсоновский «Словарь», а времени на чтение у нее, к сожалению, вряд ли будет оставаться много. Тем не менее я сохранила несколько книг из уважения к доброте священника.

Деньги, которые он заплатил, а также вырученные при распродаже частично были истрачены на запасы чая, а частично отложены на черный день, то есть на случай болезни и на старость. Сумма эта была очень невелика, но и она потребовала уверток и лжи во спасение (я считала, что это очень дурно — в теории, и предпочла бы не делать этого на практике), но мы знали, как будет мучиться мисс Мэтти, если ей станет известно, что у нее что-то отложено, когда долги банка еще не выплачены. К тому же ей так и не сказали, что ее друзья помогают платить за дом. Я предпочла бы открыть ей это, но таинственность придавала доброму поступку старушек некоторую остроту, которая им очень нравилась. Поэтому первое время Марте приходилось постоянно подыскивать уклончивые ответы на недоуменные вопросы, каким образом они с Джемом могут позволить себе жить в подобном доме, но мало-помалу шепетильная тревога мисс Мэтти утихла, и она свыклась с существующим порядком вещей.

Я уехала от мисс Мэтти с легким сердцем. Количество чая, проданного за первые два дня, превзошло самые радужные мои надежды. Казалось, и в городке, и в его окрестностях все разом остались без чая. Единственное, что мне не нравилось в манере мисс Мэтти торговать, была та жалобная настойчивость, с которой она упрашивала своих клиентов не покупать зеленый чай, объявляя его медленным ядом, который разрушает нервы и приносит всевозможные беды. А упрямство, с каким они его покупали, несмотря на все ее предупреждения, так ее огорчало, что она, как мне казалось, была уже готова перестать его продавать, потеряв при этом половину своих клиентов, и я судорожно изыскивала примеры долголетия, объяснявшиеся исключительно постоянным употреблением зеленого чая. Однако решающим доводом, положившим конец спору, оказалась моя удачная ссылка на ворвань и сальные свечи, которые эскимосы не только с удовольствием едят, но и отлично переваривают. После этого мисс Мэтти признала, что «на вкус и цвет товарищей нет», и с этих пор прибегала к уговорам лишь в тех случаях, когда покупатель, по ее мнению, был слишком молод и неискушен, а потому не мог знать, какое губительное влияние оказывает зеленый чай на некоторые организмы, и довольствовалась привычным вздохом, когда его предпочитали люди, чей возраст, казалось бы, мог подвигнуть их на более мудрый выбор.

Я приезжала из Драмбла по меньшей мере один раз в три месяца, чтобы привести в порядок счета и ответить на деловые письма. Кстати о письмах: мне становилось все более стыдно вспоминать про мое письмо аге Дженкинсу, и я очень радовалась, что никому о нем не упомянула. Я надеялась только, что письмо пропало.

Никакого ответа на него не пришло. Будто его и вовсе не было.

Примерно через год после того, как мисс Мэтти открыла лавку, я получила иероглифические каракули Марты, которая умоляла меня приехать в Крэнфорд как можно скорее. Испугавшись, что мисс Мэтти заболела, я выехала в тот же день и очень удивила Марту, которая открыла мне дверь. Как обычно, мы удалились для секретной беседы на кухню, и Марта сказала мне, что роды у нее ожидаются совсем скоро — через неделю, много через две, а, как ей кажется, мисс Мэтти об этом даже не подозревает, так не возьму ли я на себя объяснить ей положение дел, «потому как, мисс, — продолжала Марта, истерически всхлипывая, — боюсь я, что она этого не одобрит, и уж не знаю, кто будет о ней заботиться, пока я снова не встану на ноги!»

Я утешила Марту, обещав, что останусь в Крэнфорде, пока она совсем не оправится, и только посетовала, почему она не объяснила мне в письме причину этого внезапного вызова — тогда бы я сразу же захватила необходимую одежду. Но Марта так легко начинала плакать и была в таком расстройстве, что я не стала говорить о себе, а попыталась успокоить ее и отогнать, мысли о всех вероятных и возможных несчастьях, которые во множестве рисовались ее воображению.

Затем я тихонько вышла из дома и направилась к двери лавки, словно покупательница, желая застать мисс Мэтти врасплох и посмотреть, как она чувствует себя в своей новой роли. Был теплый майский день, а потому притворена была только малая половина двери. Мисс Мэтти сидела за своим прилавком и вязала подвязки чрезвычайно сложным способом, — впрочем, сложным он казался только мне, а ее нисколько не затруднял, и она негромко напевала в такт быстрому мельканию спиц. Я сказала «напевала», но, вероятно, музыкант не употребил бы этого слова для обозначения немелодичного, хотя и приятного мурлыканья надтреснутого голоса. Не столько по мотиву, сколько по словам я узнала «Славословие», но безмятежное его звучание говорило о душевном спокойствии, и пока я стояла на улице у двери, меня охватила тихая радость, отлично гармонировавшая с этим ясным майским утром. Я вошла в лавку. Сначала мисс Мэтти не узнала меня и встала, готовясь обслужить покупательницу, но уже через секунду бдительный кот вцепился в ее вязанье, которое она уронила, обрадованно всплеснув руками. Мы немного поговорили, и вскоре я убедилась, что Марта сказала правду: мисс Мэтти даже не подозревала о приближающемся семейном событии. Тогда я решила не вмешиваться в естественный ход вещей, не сомневаясь, что получу у мисс Мэтти прощение для Марты, когда явлюсь к ней с младенцем на руках, вопреки всем опасениям преданной служанки, твердившей, что мисс Мэтти ей никогда не простит (ведь новое существо потребует от своей матери внимания и забот, а это казалось ей изменой мисс Мэтти).

Но я оказалась права. По-моему, это у меня наследственное качество, так как мой отец утверждает, что почти никогда не ошибается. В одно прекрасное утро, через неделю после моего приезда, я постучалась в комнату мисс Мэтти, держа на руках маленький сверток из фланели. Когда я показала ей, что это такое, она, исполнившись благоговения, попросила меня подать ей с тумбочки очки и стала рассматривать крохотное существо с нежным любопытством, словно дивясь его миниатюрному совершенству. Весь день она не могла оправиться от изумления, ходила на цыпочках и была очень молчалива. Но она тихонько поднялась наверх повидать Марту, и обе она поплакали от радости, а потом мисс Мэтти начала поздравлять Джема и, запутавшись, не знала, как кончить, но тут ее спас звонок в лавке, что принесло не меньшее облегчение и застенчивому, гордому, добросердечному Джему, который в ответ на мои поздравления так энергично потряс мне руку, что, по-моему, она и сейчас еще побаливает.

Пока Марта оставалась в постели, у меня было множество хлопот. Я ухаживала за мисс Мэтти и готовила ей еду. Я подвела итоги в ее счетной книге и проверила состояние жестяных ящичков и стеклянных ваз. Кроме того, я иногда помогала ей в лавке и очень забавлялась, а иногда и тревожилась, наблюдая ее манеру торговать. Если ребенок просил унцию миндальных конфет (а четыре большие конфеты того сорта, который держала мисс Мэтти, весили именно столько), она всегда добавляла еще одну — «для довеска», по ее выражению, хотя весы и так показывали больше унции. Когда же я пробовала возражать, она отвечала: «Эти крошки так их любят!» И не было никакого смысла растолковывать ей, что пятая конфета, весившая четверть унции, превращала такую продажу в прямой убыток для ее кармана. А потому я припомнила историю с зеленым чаем и оперила мою стрелу на ее же собственный манер. Я объяснила ей, как тяжелы для желудка миндальные конфеты и как могут разболеться детишки, если съедят их слишком много. Этот довод не пропал втуне, и с этих пор вместо пятой конфеты она сыпала в их подставленные ладонки мятные или имбирные леденцы, дабы предотвратить опасность, которой была чревата их покупка. Разумеется, торговля леденцами, ведущаяся на такой основе, не обещала быть прибыльной, однако я была очень довольна, убедившись, что от продажи чая мисс Мэтти выручила за год больше двадцати фунтов. К тому же, свыкнувшись со своим новым занятием, она даже начала

находить в нем удовольствие, так как благодаря ему у нее завязались дружеские отношения со многими окрестными жителями. Она всегда отпускала им чай полным весом, а они, в свою очередь, приносили «дочке покойного священника» маленькие домашние подарки — головку сливочного сыра, пяток свежих яиц, корзиночку только что поспевших ягод, букетик цветов. Она сказала мне, что порой эти подношения занимали весь прилавок.

Что же касается Крэнфорда вообще, то дела там шли, как обычно. Джеймисоновско-хоггинсовская междоусобица все еще была в полном разгаре, если только существуют междоусобицы, в которых рьяно участвует лишь одна сторона. Мистер и миссис Хоггинс были очень счастливы и, как большинство счастливых людей, предпочли бы вражде дружеские отношения. Более того, миссис Хоггинс, памятуя о прошлой их близости, искренне желала вернуть себе расположение миссис Джеймисон. Но миссис Джеймисон самое их счастье считала оскорблением для фамилии Гленмайр, к которой она все еще имела честь принадлежать, и упрямо отвергала все попытки к примирению. Мистер Муллинер, как верный член клана, усердно поддерживал свою госпожу. Завидев на улице мистера или миссис Хоггинс, он тут же шествовал на другую сторону и предавался созерцанию окружающей жизни вообще и своей дороги в частности, пока предмет его вражды не оставался позади. Мисс Пул развлекалась тем, что прикидывала, как миссис Джеймисон выйдет из положения, если она сама, мистер Муллинер или кто-нибудь еще из ее домашних вдруг заболит — вряд ли у нее хватит духа позвать мистера Хоггинса, после того как она обошлась с ними подобным образом. Мисс Пул просто не терпелось, чтобы с миссис Джеймисон или ее домочадцами приключилась болезнь либо они себе что-нибудь повредили, ибо тогда Крэнфорд наконец узнал бы, как разрешит миссис Джеймисон это затруднение.

Марта начала подниматься с постели, и я уже назначила день своего отъезда, но тут как-то под вечер, когда я сидела с мисс Мэтти в ее уютной лавочке (погода, помнится, была намного холоднее, чем в мае три недели назад, а потому мы топили камин и держали дверь плотно закрытой), мы увидели, что мимо окна медленно прошел незнакомый джентльмен и остановился перед дверью, словно отыскивая глазами вывеску, которую мы так тщательно спрятали. Он достал лорнет и несколько раз оглядел дверь, пока наконец не обнаружил дощечку. Затем он вошел в лавку. И тут мне внезапно пришло в голову, что это сам ага! Ведь в покрое его костюма проглядывало что-то иностранное, а лицо покрывал такой густой загар, словно он много лет провел под палящими лучами солнца. Его смуглая кожа резко контрастировала с густыми белоснежными волосами, а всматриваясь во что-то, он странно щурил темные пронизательные глаза и морщил щеки. Именно так он посмотрел на мисс Мэтти, когда вошел. Сначала его взгляд остановился на мне, но тотчас скользнул на мисс Мэтти, и его глаза сощурились так, как я только что описала. Мисс Мэтти слегка растерялась и взволновалась, но так бывало всегда, когда в ее лавку заходил мужчина. Она опасалась, что он вознамерится расплатиться банкнотой или в лучшем случае совершеном и ей придется подсчитывать сдачу, чего она терпеть не могла. Однако этот покупатель продолжал стоять перед ней, ничего не спрашивал и только глядел на нее, барабанив пальцами по столу, совсем так, как когда-то мисс Дженкинс. Мисс Мэтти (как она после мне рассказывала) совсем уж собралась спросить, что ему угодно, но тут незнакомец внезапно повернулся ко мне:

— Вас ведь зовут Мэри Смит?

— Да, — ответила я.

Если у меня и были сомнения в том, кто он такой, теперь они рассеялись, но я не представляла себе, что он скажет или сделает дальше и как мисс Мэтти перенесет радостную неожиданность, когда, он ей откроется. По-видимому, он тоже не знал, как приступить к делу, потому что начал вдруг оглядываться, словно решил купить что-нибудь и оттянуть время. Его взгляд остановился на миндальных конфетах, и он смело попросил фунт «вот этих штучек». Вряд ли у мисс Мэтти нашелся бы целый фунт миндальных конфет, но, кроме необычной грандиозности этой покупки, ее огорчила мысль о несварении желудка, которое должно было неминуемо последовать за поглощением их в таком количестве. Она взглянула на него, собираясь возразить. И нежность, смягчившая его лицо, нашла нежданный отклик в ее сердце. Она сказала:

— Это же... ах, сэр, неужели вы Питер? — и вся задрожала.

Во мгновение ока он очутился позади стола и обнял, ее, а она всхлипывала без слез, как плачут люди в старости. Я принесла ей рюмочку вина — она так побледнела, что встревожилась не только я, но и мистер Питер. Но все время повторял:

— Я напугал тебя, Мэтти, напугал тебя, моя девочка.

Я сказала, что ей следует пойти в гостиную и прилечь там на кушетке. Она вопросительно посмотрела на брата, чью руку продолжала крепко сжимать, даже когда почти лишилась чувств. Он заверил ее, что не расстанется с ней и она позволила ему увести себя наверх.

Я решила, что мне следует сбегать на кухню поставить чайник на огонь, чтобы можно было выпить чаю пораньше; а затем остаться в лавке и не мешать брату и сестре — ведь, несомненно, им нужно будет поведать друг другу очень многое. Кроме того, я должна была сообщить эту новость Марте, которая так расплакалась, что и я еле удержалась от слез. Между всхлипываниями она спрашивала: а уверена ли я, что это действительно брат мисс Мэтти? Ведь я говорю, будто он совсем седой, а она столько раз слышала, что он очень красивый молодой джентльмен. Такое же недоумение, по-видимому, мучило за чаем и мисс Мэтти, которую мы усадили в покойное кресло напротив мистера Дженкинса, так, чтобы она могла вдоволь на него наглядеться. Она почти не пила чая, а только смотрела, о еде же не могло быть и речи.

— Вероятно, жаркий климат старит людей очень быстро, — произнесла она словно про себя. — Когда ты уехал из Крэнфорда, у тебя на голове не было ни единого седого волоска.

— Но сколько лет прошло с тех пор? — улыбаясь, спросил мистер Питер.

— Да-да, конечно! Наверное, мы с тобой стареем. Но все-таки я не думала, что мы такие уж старые. Зато седые волосы очень идут тебе, Питер, — добавила она, опасаясь, не обидела ли его тем, что не сумела скрыть, какое впечатление произвела на нее его внешность.

— Видно, и я забыл о времени, Мэтти, потому что, как ты думаешь, какие подарки привез я тебе из Индии? В Портсмуте в моем багаже лежит для тебя платье из индийского муслина и жемчужное ожерелье. — Он улыбнулся, словно его позабавил контраст между такими подарками и наружностью его сестры, но она в первую минуту не подумала об этом и только восхитилась, их элегантностью. Несколько мгновений она мысленно видела себя в платье из индийского муслина и в жемчужном ожерелье и инстинктивно поднесла руку к шее — к тонкой изящной шейке, которая (как говорила мне мясе Пул) в дни ее юности была прелестной. Но пальцы дотронулись только до складок мягкого муслина, который теперь всегда окутывал ее до самого подбородка, и это прикосновение напомнило ей, что в ее лета уже не носят жемчужных ожерелий. Она сказала:

— Боюсь, я слишком стара для них. Но все равно с твоей стороны было очень мило выбрать такие подарки. Именно они обрадовали бы меня больше всего много лет назад... когда я была молода.

— Так я и подумал, моя маленькая Мэтти. Я помнил твои вкусы: они были так схожи со вкусами нашей милой мамы.

При этом слове брат и сестра нежно взяли за руки, и, хотя оба замолчали, мне показалось, что они могли бы многое сказать друг другу, если бы не мое присутствие. Я встала, собираясь приготовить мою спальню для мистера Питера, с тем чтобы самой спать с мисс Мэтти. Но, заметив мое движение, он вскочил.

— Мне нужно сходить в «Георг» и оставить за собой номер. Мой саквояж тоже там.

— Нет! — в отчаянии вскричала мисс Мэтти. — Ты не должен уходить. Пожалуйста, милый Питер... Мэри, прошу вас... нет, ты не должен уходить!

Она так взволновалась, что мы оба пообещали ей все, что она хотела. Питер снова сел и протянул ей руку, которую она для пущей надежности сжала обеими руками, а я покинула их, чтобы перенести свои вещи.

До самой-самой поздней ночи, до самого-самого рассвета разговаривали мы с мисс Мэтти. Ей надо было многое: сообщить мне о жизни и приключениях своего брата, про которые он рассказал ей, пока они остались наедине. Она утверждала, что прекрасно во всем разобралась, но я так до конца и не поняла, как, собственно, все произошло, а когда впоследствии я утратила первый благоговейный страх перед мистером Питером и попробовала расспросить его сама, он посмеялся моему любопытству и нарасказал мне множество историй, удивительно походивших на воспоминания барона Мюнхгаузена, и мне оставалось только прийти к заключению, что он надо мной подшучивает. От мисс Мэтти же я слышала, что он волонтером участвовал в осаде Рангуна,[135] был взят в плен бирманцами, вошел в милость к вождю небольшого племени, вылечил его кровопусканиями от какой-то опасной болезни, и в конце концов получил свободу. Письма, которые он писал после долголетнего пребывания в плену, возвращались из Англии со зловещей пометкой «за смертью адресата», и, решив, что все его близкие умерли, он остался в Индии и начал выращивать индиго и собирался окончить свои дни в стране, с обитателями и нравами которой давно свыкся, когда получил мое письмо. С той странной порывистостью, какую он не утратил и в старости, он продал свою плантацию и все свое имущество первому же покупателю и вернулся на родину к бедной старой сестре, которая, глядя на него, чувствовала себя богаче и счастливее любой принцессы. В конце концов я уснула под звук ее голоса, но вскоре проснулась от легкого скрипа двери, и мисс Мэтти, извинившись, что разбудила меня, виновато забралась в кровать. По-видимому, когда она перестала черпать у меня подтверждения, что ее давно пропавший брат действительно вернулся и спит под одним с ней кровом, она начала опасаться, не грезил ли она наяву — а вдруг Питер вовсе не провел с ней этого блаженного вечера, а вдруг настоящий Питер давно уже спит последним сном под океанскими валами

или под каким-нибудь неведомым восточным деревом? И этот ее нервный страх стал таким сильным, что она поднялась и пошла убедиться, действительно ли он здесь, послушав у двери его спокойное, ровное дыхание. Мне не хотелось бы называть эти звуки храпом, но я слышала их сквозь две закрытые двери — и мало-помалу они утишили волнение мисс Мэтти и убаюкали ее.

Не думаю, что мистер Питер вернулся на родину из Индии богатым, как набоб. Сам он даже считал себя бедняком, но ни его, ни мисс Мэтти это особенно не заботило. Как бы то ни было, он имел достаточно, чтобы жить в Крэнфорде «очень аристократично» вместе с мисс Мэтти. Дня через два после его приезда лавка была закрыта, и ватаги уличных ребятишек с восторгом ожидали ливня конфет и леденцов, который время от времени обрушивался на их мордашки, задранные к окнам гостиной мисс Мэтти. Иногда мисс Мэтти увещевала их, прячась за оконной занавеской: «Милые детки, смотрите не захворайте», но сильная рука увлекала ее в глубь комнаты, и снова вниз сыпался сладкий град. Запасы чая были частично преподнесены крэнфордским дамам, а кроме того, его раздали старикам, еще помнившим мистера Питера в дни его озорной юности. Платье из индийского муслина было отложено для милой Флоры Гордон (дочери мисс Джесси Браун). Гордоны последние годы жили на континенте, но должны были скоро вернуться, и мисс Мэтти, исполненная сестринской гордости, радостно предвкушала, как она познакомит их с мистером Питером. Жемчужное ожерелье исчезло, и примерно тогда же мисс Пул и миссис Форрестер получили много прекрасных и полезных подарков, а гостиные миссис Джеймисон и миссис Фиц-Адам украсились изящными индийскими безделушками. Не была забыта и я. Среди прочего мне было вручено собрание сочинений доктора Джонсона — самое лучшее, какое только удалось достать, великолепно переплетенное, и милая мисс Мэтти со слезами на глазах попросила меня считать его подарком и от ее сестры. Короче говоря, никто не был забыт, и более того: всякий человек, даже самый незаметный и смиренный, который когда-нибудь оказал мисс Мэтти ту или иную услугу, мог быть уверен в сердечной благодарности мистера Питера.

ГЛАВА XVI

МИР НИСХОДИТ НА КРЭНФОРД

Нет ничего удивительного, что мистер Питер стал любимцем Крэнфорда. Дамы восхищались им одна больше другой — ведь их тихая жизнь поразительно оживилась с приездом человека из Индии, тем более что человек этот рассказывал истории, которые посрамили бы самого Синдбада Морехода, и, как выразилась мисс Пул, сам был куда интереснее любой из сказок «Тысячи и одной ночи». Что до меня, то, всю свою жизнь балансируя между Драмблом и Крэнфордом, я была склонна счесть истории мастера Питера чистейшей правдой, несмотря на всю их удивительность, но когда я обнаружила, что стоило нам на этой неделе принять за чистую монету приключение более или менее правдоподобное, как на следующей нам подносилась доза вдвое более крепкая, у меня появились некоторые сомнения. Тем более что в присутствии его сестры, как я обратила внимание, истории из индийской жизни становились несколько пресноватыми. Не то чтобы она знала об этом больше нас — скорее наоборот. Кроме того я заметила, что с нашим священником, когда он приходил с визитом, мистер Питер разговаривал о странах, в которых ему довелось побывать, совсем иначе. Но, пожалуй, крэнфордские дамы перестали бы считать его столь замечательным путешественником, если бы они услышали и эти его рассказы. Им он нравился еще больше именно потому, что был, как они выражались, «таким восточным».

Однажды на званом вечере, который дала в его честь мисс Пул, пригласив самое избранное общество — его почтила своим присутствием сама миссис Джеймисон и даже предложила прислать мистера Муллинера прислуживать за столом, а потому, естественно, мистер и миссис Хоггинс и миссис Фиц-Адам в число приглашенных включены не были, — так вот, на этом вечере у мисс Пул мистер Питер объявил, что устал сидеть на жестком стуле с неудобной прямой спинкой и попросил разрешения сесть на пол по-турецки. Мисс Пул с восторгом дала согласие, и он с невозмутимой серьезностью расположился на ковре. Однако, когда мисс Пул спросила меня громким шепотом, «не нахожу ли я, что он похож на повелителя правоверных», я невольно вспомнила бедного Саймона Джонса, хромого портного, и пока миссис Джеймисон медлительно рассуждала об элегантности и удобности этой позы, мне пришло на память, как мы все под водительством этой высокородной дамы безоговорочно осудили мистера Хоггинса за вульгарность, хотя он всего лишь положил ногу на ногу, продолжая чинно сидеть на стуле. Многие застольные привычки мистера Питера производили странное впечатление в присутствии таких дам, как мисс Пул, мисс Мэтти и миссис Джеймисон, особенно когда я

припомнила отодвинутый зеленый горошек и двузубые вилки за обедом у бедного мистера Холбрука.

Это имя приводит мне на память разговор, который произошел между мистером Питером и мисс Мэтти как-то вечером в то лето, когда он вернулся в Крэнфорд. День был необыкновенно жарким, и мисс Мэтти очень устала от горячего солнца, которым ее брат наслаждался. Она, как я помню, не смогла даже по нянчить ребенка Марты, хотя в последнее время это стало самым большим ее удовольствием и младенец чувствовал себя у нее на руках так же хорошо, как у матери, — так продолжалось до тех пор, пока он не стал слишком тяжел для хрупких сил мисс Мэтти. В тот день, о котором я рассказываю, мисс Мэтти чувствовала себя более слабой и вялой, чем обычно, и несколько ожила, только когда солнце зашло и мы пододвинули ее кушетку к открытому окну, из которого, хотя оно и выходило на городскую улицу, время от времени веяло душистым запахом сена — его приносил с окрестных лугов легкий ветерок, то чуть-чуть освежавший неподвижный воздух сумерек, то вновь замиравший. Душное безмолвие нарушалось множеством звуков, доносившихся из многочисленных распахнутых окон и дверей. Даже дети, несмотря на поздний час (было что-то между десятью и одиннадцатью), еще не ложились и затеяли на улице игру, потому что в дневную жару у них не было охоты бегать и кричать. Мисс Мэтти радовалась, замечая, как мало горит свечей даже в тех домах, где царил наибольшее оживление. Некоторое время мистер Питер, мисс Мэтти и я сидели молча и думали о своем, а затем мистер Питер внезапно сказал:

— Знаешь, малютка Мэтти, когда я в последний раз покидал Англию, я готов был поклясться, что ты вот-вот выйдешь замуж. Если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что ты так и останешься старой девой, я бы расхохотался ему в лицо.

Мисс Мэтти ничего не ответила, а я попыталась придумать, как бы переменить разговор, но не сумела, и он снова заговорил, опередив меня:

— Я тогда не сомневался, что Холбрук, хозяин Вудли — отличный был человек, — поведет к алтарю мою маленькую Мэтти. Вам, наверное, трудно будет поверить, Мэри, но в свое время моя сестричка была на редкость хорошенькой — во всяком случае, так думал я и, конечно, бедняга Холбрук, уж в этом я убежден. И почему только он умер до того, как я вернулся, чтобы поблагодарить его за все то добро, которое он сделал никчемному щенку, каким я тогда был? Потому-то я и заподозрил, что он к тебе равнодушен — ведь когда мы отправлялись на рыбную ловлю, то говорили только про Мэтти да про Мэтти. Бедная Дебора! Какой нагоняй задала она мне однажды за то, что я пригласил его к завтраку, когда утром она видела в городе карету Арли — а вдруг миледи решит заехать к нам? С тех пор много лет прошло, чуть не вся жизнь прожита, а кажется, было это только вчера! Лучшего зятя я себе и пожелать бы не мог. Наверное, ты плохо разыграла свои карты, малютка Мэтти, ты допустила где-то промашку — вот был бы у тебя твой брат в посредниках, а, девочка? — сказал он, беря ее за руку. — Это что еще? Ты же вся дрожишь, Мэтти, из-за этого проклятого сквозняка. Мэри, сию же минуту закройте окно!

Я исполнила его просьбу, а потом наклонилась поцеловать мисс Мэтти и посмотреть, действительно ли она озябла. Она схватила мою руку и крепко ее сжала — но, по-видимому, сама того не сознавая, так как через минуту-другую заговорила с нами обычным голосом, улыбнувшись нашей тревоге, хотя терпеливо подчинилась нашему требованию немедленно лечь в теплую постель и выпить стакан некрепкого негуса. На следующий день я покидала Крэнфорд, но перед отъездом убедилась, что открытое окно длительного вреда не причинило. Последние недели я приглядывала за теми переделками и изменениями, которые нужно было произвести в доме. Лавка опять стала столовой, пустые гулкие комнаты вновь наполнились мебелью.

Кто-то высказал предположение, что Марте и Джему следовало бы поселиться где-нибудь еще, но мисс Мэтти и слышать об этом не хотела. Право, я никогда не видела ее такой рассерженной, как в ту минуту, когда мисс Пул объявила, что это было бы лучше всего. Нет, пока Марта хочет оставаться у мисс Мэтти, мисс Мэтти будет этому только рада. Да и Джем тоже — такой мужчина в доме только приятен: она его неделями не видит. Ну, а будущие дети... если они все окажутся такими ангельчиками, как ее крестница Матильда, то чем больше их будет, тем лучше, — если, конечно, и Марта так думает. К тому же следующую девочку назовут Деборой (в свое время мисс Мэтти с неохотой отступила перед упрямством Марты, которая во что бы то ни стало решила назвать свою первую дочку Матильдой). А потому мисс Пул пришлось сдаться, и она совсем другим тоном сказала мне, что раз уж мистер и миссис Хирн и дальше будут жить здесь, мы поступили очень разумно, наняв Марте в помощь ее племянницу.

Когда я уезжала, мисс Мэтти и мистер Питер были устроились как нельзя удобнее и всем довольны. Только злополучная ссора между миссис Джеймисон и плебейскими Хоггинсами, а также их сторонниками еще огорчала нежное сердце сестры и была противна дружелюбной натуре брата. Однажды я шутиливо предсказала,

что ссора эта будет длиться только до той поры, пока миссис Джеймисон или мистеру Муллинеру не случится прихворнуть, а уж тогда они поспешат помириться с мистером Хоггинсом. Однако мисс Мэтти не понравилось, что я столь легкомысленно готова обрадоваться такой беде, как болезнь. Впрочем, год еще не кончился, а все уже уладилось самым наилучшим образом.

В одно знаменательное октябрьское утро я получила из Крэнфорда два письма. И мисс Пул и мисс Мэтти приглашали меня приехать, чтобы повидаться с Гордонами, которые вернулись в Англию живыми и здоровыми вместе с двумя своими детьми, уже совсем взрослыми. Милая Джесси Браун, сменив фамилию и положение, сохранила свой прежний приветливый характер. Она написала, что они с майором Гордоном рассчитывают быть в Крэнфорде четырнадцатого, и просила передать приветы и поклоны миссис Джеймисон (названной первой из уважения к ее высокородности), мисс Пул и мисс Мэтти — разве она может забыть, как добры они были к ее бедному отцу и сестре? — миссис Форрестер, мистеру Хоггинсу (тут опять следовало упоминание о давней его доброте) и его жене, которая в этом качестве должна извинить миссис Гордон ее желание познакомиться с ней, тем более что в бытность свою в Шотландии майор имел честь принадлежать к числу ее друзей. Короче говоря, перечислены были все, начиная от городского священника (который был назначен в Крэнфорд в промежутке между смертью майора Брауна и свадьбой мисс Джесси и оказался причастным ко второму из этих событий) и до мисс Бетти Баркер. И все были приглашены на званый завтрак — то есть все, кроме миссис Фиц-Адам, которая поселилась в Крэнфорде, когда мисс Джесси Браун оттуда уже уехала, и которая была очень расстроена тем, что ее не пригласили. Включение в почетный список мисс Бетти Баркер вызвало некоторое удивление, но, как указала мисс Пул, нам ведь было известно, в каком пренебрежении к светским приличиям воспитывал бедный капитан своих дочерей, и вот ради него мы поступились своей гордостью. Миссис же Джеймисон соблаговолила усмотреть своего рода комплимент в том, что мисс Бетти (сестру ее бывшей горничной) поставили в один ряд с «этими Хоггинсами».

Но когда я приехала в Крэнфорд, о собственных намерениях миссис Джеймисон еще ничего известно не было. Будет ли высокородная дама присутствовать на завтраке или нет? Мистер Питер объявил, что она должна там быть — и будет; мисс Пул покачала головой и усомнилась. Но мистер Питер был изобретательным человеком. Во-первых, он убедил мисс Мэтти написать миссис Гордон, сообщить ей о существовании миссис Фиц-Адам и попросить, чтобы эта добросердечная, благожелательная женщина была включена в список приглашенных. Ответ пришел с обратной почтой. В него была вложена любезная записочка для миссис Фиц-Адам, и он содержал просьбу, чтобы мисс Мэтти сама вручила ее адресату и объяснила причину такого упущения. Миссис Фиц-Адам чрезвычайно обрадовалась, и без конца благодарила мисс Мэтти. Мистер Питер сказал: «Миссис Джеймисон предоставьте мне». Так мы и поступили, тем более что не имели ни малейшего понятия, как бы мы сумели принудить ее изменить раз принятое решение.

Ни я, ни мисс Мэтти не знали, как идут дела, пока накануне приезда Гордонов мисс Пул не спросила у меня, не думаю ли я, что у мистера Питера и миссис Джеймисон есть матримониальные намерения, ибо миссис Джеймисон и в самом деле собирается присутствовать на завтраке в «Георге». Она уже послала мистера Муллинера распорядиться, чтобы перед креслом в самом теплом углу была поставлена скамеечка для ног — она там будет, а ей известно, что мебель у них очень высокая. Подхватив эту новость, мисс Пул сделала из нее множество всяких выводов и принялась оплакивать еще большее число вытекавших из них следствий.

— Если Питер женится, что станет с бедной милой мисс Мэтти? Да еще на миссис Джеймисон!

Мисс Пул, по-видимому, думала, что в Крэнфорде есть и другие невесты, которые сделали бы больше чести его вкусу, и, мне кажется, она имела в виду какую-то девицу, так как несколько раз повторила:

— Для вдовы думать о чем-то подобном — это такая грубость чувств!

Когда я вернулась домой к мисс Мэтти, мне и вправду показалось, что мистер Питер подумывает о браке с миссис Джеймисон, и я расстроилась не меньше мисс Пул. Он держал в руке пробный оттиск большой афиши. «Синьор Брунони, придворный маг владыки Дели, раджи Ауда, тибетского Великого ламы и т. д.», намеревался «дать в Крэнфорде только одно представление» вечером следующего дня, в мисс Мэтти с ликующей улыбкой показала мне письмо Гордонов, обещавших остаться на представление, которым мы, по словам мисс Мэтти, были обязаны Питеру, и только ему. Он написал синьору, прося его приехать, и взял на себя все расходы. Бесплатные приглашительные билеты будут разосланы всем, кого только сможет вместить зал. Короче говоря, мисс Мэтти была в восторге — завтрак в «Георге» с милыми Гордонами и синьор в зале ассамблеи вечером. Но я... я видела только роковые слова:

«Под покровительством ВЫСОКОРОДНОЙ МИССИС ДЖЕЙМИСОН».

Так, значит, она пожелала взять под свою высокую руку развлечение, которое мистер Питер приготовил для

общества! Быть может, она собирается вытеснить из его сердца мою милую мисс Мэтти и снова обречь ее на одиночество? И я ждала завтрашнего дня без всякого удовольствия, а простодушная радость мисс Мэтти только усугубляла мою тревогу и раздражение.

Вот так я продолжала сердиться и досадовать, преувеличивая каждый пустяк, который мог послужить новой пищей для моего дурного настроения, пока мы все не собрались в большой столовой «Георга». Майор и миссис Гордон, хорошенькая Флора и мистер Людовик были в высшей степени веселы, приятны и любезны, но я почти не видела их, поглощенная наблюдением за мистером Питером. Как я заметила, мисс Пул занималась тем же. Мне еще никогда не приходилось видеть миссис Джеймисон в таком оживлении: казалось, ее чрезвычайно интересует то, что говорил ей мистер Питер. Я подобралась поближе, чтобы послушать. И ощутила большое облегчение, убедившись, что говорит он не о любви, а, несмотря на всю серьезность его лица, опять принялся за старые штучки. Он рассказывал ей о своих путешествиях по Индии и описывал невероятную высоту Гималайских гор. Один штрих за другим увеличивал их размеры, и каждый был нелепее предыдущего, но миссис Джеймисон слушала с восхищением и полным доверием. Вероятно, требовались очень сильные стимулирующие средства, чтобы вывести ее из обычной апатии. В заключение мистер Питер сообщил, что разумеется, на такой высоте не водится ни одно из животных, обитающих ниже, — и дичь, и все прочее были совсем иными. Однажды он выстрелил, как ему казалось, в летящую птицу, а когда она упала, к большому своему смущению, обнаружил, что подстрелил херувима! В эту секунду мистер Питер перехватил мой взгляд и так лукаво мне подмигнул, что мои опасения сразу рассеялись: нет, он, конечно, и не помышлял жениться на миссис Джеймисон! По ее лицу было видно, что она неприятно изумлена.

— Но, мистер Питер, застрелить херувима... не кажется ли вам... Боюсь, это было святотатство!

Мистер Питер скрыл улыбку и сделал вид, что его очень смутило это предположение, которое (объявил он совершенно правдиво) было высказано ему впервые. Не с другой стороны, миссис Джеймисон должна помнить, что он много лет прожил среди дикарей, которые все были язычниками, а некоторые, должен он с сожалением признать, так и вовсе диссидентами.[136] Затем, увидев, что к ним приближается мисс Мэтти, он поспешно переменил разговор, а еще через несколько минут подошел ко мне и сказал:

— Пусть вас не шокируют мои историйки, чопорная малютка Мэри. Я считаю миссис Джеймисон честной добычей, и, кроме того, я задался целью умиловить ее, а для этого в первую очередь необходимо не давать ей уснуть. Я подкупил ее, попросив быть патронессой моего бедного фокусника на этот вечер, и теперь стараюсь, чтоб у нее не хватило времени вспомнить о своей злости на Хоггинсов, — вон они как раз входят в вал. Я хочу, чтобы все тут были друзьями — эти ссоры так волнуют Мэтти. И сейчас я снова примусь за свое, а вы не делайте шокированного вида. Я намерен войти сегодня в зал перед представлением, ведя правой рукой миссис Джеймисон, а левой — миледи миссис Хоггинс. Вот посмотрите, добыюсь я этого или нет!

Каким-то образом он этого добился, и они даже заговорили друг с другом. Майор и миссис Гордон очень помогли этому доброму делу тем, что ничего не знали о холодности, существовавшей между некоторыми обитателями Крэнфорда.

С этого дня в крэнфордском обществе вновь воцарился былой дружественный дух, чему я очень рада, помня, как добра моя милая мисс Мэтти и как она любит тишину и мир. Мы все любим мисс Мэтти, и иногда мне кажется, что в ее присутствии мы все становимся лучше.

1853 г.

1

Титания — в средневековом фольклоре — королева фей, жена Оберона.

2

Белгравия — фешенебельный район Лондона, недалеко от Гайд-парка.

3

Темпль - одно из двух Лондонских обществ адвокатов и здание, в котором она находится.

4

Берэ - сорт груши, масляная груша.

5

Аристид - (лат. Aristides, греч. Аристидис) (около 540 — около 467 до н. э.), афинский политический и военный деятель. Содействовал Клисфену в его законодательных реформах, был одним из стратегов афинян в Марафонской битве (13 сентября 490 до н. э.). В 489–488 гг. до н. э. был первым архонтом Афин. На этом посту Аристид отражал интересы богатых землевладельцев, выступал против планов Фемистокла укрепления мощи морских сил. Вследствии конфликта с Фемистоклом в 482 г. до н. э. Аристид подвергся остракизму и был изгнан на десять лет из Афин, но после всеобщей амнистии по случаю персидского вторжения, в рядах афинян принял участие в борьбе против захватчиков. Аристид участвовал в Саламинском сражении (сентябрь 480 г. до н. э.), в качестве стратега руководил войском в битве при Платеях (26 сентября 479 г. до н. э.). В 478 до н. э. стал командовать всем греческим флотом в войне против персов, стал инициатором и руководителем Делосского союза (Первого афинского морского союза). С 477 г. до н. э. отошел от политической деятельности. В Афинах Аристид считался образцом справедливости и неподкупности, за что получил прозвище «О Дикеос» — «Справедливый».

6

Пифиас и Дамон - греч. миф. Два друга, известные своей взаимной преданностью. Дамон предложил себя в заложники за Пифиаса, который обвинялся в измене Дионису из Сиракуз. Когда Пифиас вернулся спасти друга, он был помилован.

7

Бьюла - земля Израиля (Исайя 62:4)

8

Алхамбра - цитадель и дворец в Гранаде, Испания, построенный для маврских королей в 13-14 вв., известен своими богатыми украшениями.

9

«Старший Брат» («The Elder Brother») - комедия 17 века, написанная Джоном Флетчером и Филиппом Мэссингером. В пьесе рассказывается о двух братьях и их притязаниях на наследство отца.

10

«Откровение» Иоанна Богослова Гл.8 ст.11.

11

Раскольники или диссентеры - распространенное в Англии в 16–17 вв. название лиц, не согласных с культом и вероучением англиканской церкви.

12

Квакеры - последователи протестантского религиозного течения, проповедующего пацифизм и благотворительность; возникло в Англии во второй половине 17в.

13

Иезавель - жена израильского царя Ахава, отличавшаяся распутством и склонностью к язычеству.

14

Бесси говорит о притче (Евангелие от Луки, зачин 16 ст. 19–31), в которой нищий Лазарь попадает в рай после смерти, а богач - в ад. И богач, испытывая неимоверные муки, просит Лазаря: «омочи конец перста своего в воде и прохлады язык мой», ибо он «мучается в пламени том».

15

Имеется в виду пеликан как символ самоотверженной родительской любви: считалось, что он разрывает клювом собственную грудь и кормит птенцов собственной кровью.

16

Патмос - греческий остров в Эгейском море, место ссылки, где святой Иоанн написал свой «Апокалипсис».

17

«Лиззи Линдсей» («Leezie Lindsay») - известная шотландская баллада о молодой девушке Лиззи Линдсей, которую соблазнил богатый шотландский лорд.

18

Тассо, Тасс (Tasso) Торквато (1544–1599) — итальянский поэт, автор принесшей ему известность героической поэмы «Освобожденный Иерусалим», над которой он трудился 30 лет. На английский язык была переведена Эдвардом Фэйрфаксом (Edward Fairfax).

19

Делай то, что должно, и будь, что будет.(фр.)

20

«Комментарии ко всей Библии» Мэттью Генри — Matthew Henry's «Commentary on the Whole Bible».

21

«The Miller of the Dee» («Мельник с реки Ди») — традиционная народная песня в графстве Честер на северо-западе Англии.

22

Откровение Иоанна Богослова 14:13.

23

Книга Иова 3:17.

24

Псалтирь 126:2.

25

Екклесиаст VII, 6. Выражение означает «дурацкий смех».

26

Даниель О'Рурк — герой ирландского фольклора.

27

Книга пророка Иеремии 31:29.

28

Мирное Общество или Международное Мирное Общество, первоначально известное, как Общество за продвижение постоянного и всеобщего мира, было основано 14 июня 1816 г. для продвижения постоянного и всеобщего мира. Оно пропагандировало постепенное, соответственное и одновременное разоружение всех наций и принципы арбитража.

29

Поэтами рождаются, а не становятся (лат.).

30

Евангелие от Иоанна 14:1.

31

Au pied de la lettre (фр.) - в буквальном смысле слова, буквально.

32

«И с уст ее, мне виделось, слетал
Любвеобильный дух благословенный
И говорил душе: «Живи, вздыхая!»»
Данте Алигьери «Новая жизнь» сонет XXVI

33

Долорес — скорбная (исп).

34

Пресвитерианин — представитель пресвитерианства — религиозной конфессии, возникшей в Шотландии в 16 веке, которая отвергает епископат и признает только сан пресвитера, избираемого народом; во главе церкви стоит синод из равноправных пасторов и пресвитеров.

35

Пэдди — прозвище ирландца.

36

Уна и Дуэсса — героини поэмы Эдмунда Спенсера «Легенда о Рыцаре Красного Креста». Символизируют две противоположности. Уна представляет истину, Дуэсса — ложь и предстает в красивом облике, но ее красота всего лишь оболочка.

37

О котях из Килкенни говорится, что они отчаянно дрались между собою и пожрали друг друга так, что остались только хвосты.

38

Гептархия (от греч. hepta — семь и arche — власть, царство) — семь царств, термин, введенный английскими историками 16 в. для обозначения периода истории Англии с конца 6 — начала 7 вв. до 9 в., характеризовавшегося отсутствием политического единства страны. Под «7 царствами» имелись в виду англосаксонские королевства Уэссекс, Суссекс, Эссекс, Мерсия, Нортумбрия, Вост. Англия, Кент. В действительности число королевств не было постоянным.

39

Тор («громовник»), в германо-скандинавской мифологии бог грома, бурь и плодородия. Он был одним из сыновей верховного бога Одина и богини земли Ёрд или Фьёргюн.

40

Tendresse — симпатия, нежность (фр.).

41

Леди Баунтифул — женщина, которой доставляет удовольствие показывать людям, как она богата и щедра, раздавая вещи бедным людям.

42

Preux chevalier — (фр.) доблестный рыцарь, кавалер.

43

Методизм — течение в протестантизме; возникло в Англии в 18 в.; методисты выступают за последовательное, методическое соблюдение религиозных предписаний.

44

Pis aller — (фр.) за неимением лучшего, соглашаться на худшее.

45

Оденвалд — горный район в Германии. Название может быть производным от Odins Wald (лес Одина).

46

Vis inertiae (лат.) — бездействие, лень, вялость.

47

«Сладкое мясо» — блюдо из поджелудочной, реже зубной, железы, особ. телячьей; букв. сладкий хлеб.

48

Вашти — жена персидского царя Ахазеруса. Была низложена за то, что отказалась продемонстрировать свою красоту перед гостями (Книга Эсфири 1–2).

49

Мордехай — двоюродный брат царицы Эсфири, знатный еврей при дворе царя Ахазеруса. Отказался падать ниц перед своим политическим соперником - персидским сановником Аманом (Книга Эсфири 2–9).

50

«Герман и Доротея» — поэма И.В. Гёте.

51

«Эванджелина» — поэма американского поэта Генри Лонгфелло.

52

Строка из трагедии «Гамлет» У. Шекспира.

53

Да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (фр.) — девиз английского ордена Подвязки.

54

Chateau en Espagne — воздушный замок (фр.).

55

Строка из стихотворения Роберта Геррика «К нарциссам».

56

Бытие 30: 1–2.

57

Без страха и упрёка (фр.).

58

Зенобия — царица Пальмиры, после убийства мужа стала править единолично. Была женщиной умной, энергичной, красивой, нравственной, образованной, отважной и очень честолюбивой. Зенобия решительно отказалась признать Аврелиана императором, привлекла к себе персов и другие восточные народы и вступила на путь завоевательной политики.

59

Кроммер — курорт на Норфолкском побережье Англии.

60

Книга пророка Исаяи 23:8.

61

Из А. Теннисона.

62

Строка из стихотворения Томаса Хейвуда.

63

Именно газете «Манчестер гардиен» — органу буржуазных либералов — принадлежало наиболее резкое и бездоказательное выступление против романа «Мэри Бартон» (28 февраля 1849 г.).

64

«... древние законы острова Мэн.» — Мэн — один из Британских островов, расположенный в Ирландском море. Он входит в состав Великобритании, но в значительной мере сохранил самоуправление. Обычай, требовавший, чтобы каждый новый закон, прежде чем войти в силу, публично оглашался с горы Тинуолд,

вышел из употребления совсем недавно.

65

Корпоративный дух (франц.).

66

«Джок из Хейзелдина» — баллада Вальтера Скотта (1771–1832), героиню которой насильно выдают замуж, но в день свадьбы она бежит к своему возлюбленному, Джоку из Хейзелдина.

67

Кстати (франц.).

68

«Записки Пиквикского клуба» — Роман Чарльза Диккенса (1812–1870) «Посмертные записки Пиквикского клуба» выходил отдельными выпусками с апреля 1836 по 1837 год. Первые очерки Диккенса были объединены в сборнике, носившем заглавие «Очерки Боза».

69

Джонсон Сэмюэл (1709–1784) — английский писатель, журналист и лексикограф, игравший виднейшую роль в литературной жизни Англии второй половины XVIII века. Он составил «Словарь английского языка», издавал несколько журналов, в том числе «Рассеянный», значительная часть которого писалась им самим. Его философская повесть «Расселас, принц Абиссинский» (1759) посвящена теме несоответствия между человеческим стремлением к счастью и реальным осуществлением этих стремлений.

70

Вполголоса (итал.).

71

В курсе (франц.).

72

«Воин в пернатых шлемах» — искаженная цитата из «Отелло» В. Шекспира, акт III, сцена 3.

73

«...незаслуженно носящего название мыса Доброй Надежды.» — Мыс Доброй Надежды, находящийся на южной оконечности Африки, был назван так открывшими его португальскими моряками, которые искали морской путь в Индию. Однако из-за частых ураганов, бушующих в этом районе, его нередко называли «Мысом Бурь».

74

«...яствами духа, напитком беседы ученой» — строка из сатиры древнеримского поэта Горация (65-8 гг. до н. э.), переведенной на английский язык поэтом А. Попом (1688–1744).

75

«...к прозрачным родникам родного языка, ничем не замутненным» — строка из стихотворения американского поэта Джона Уитьера (1807–1892) «Джеймс Рассел Лоуэлл».

76

«Вот Он убивает меня, но я буду надеяться!» — Библия, книга Иова, XIII, 15.

77

«Рождественская песня» — один из рождественских рассказов Чарльза Диккенса, опубликованный в 1843 году.

78

«Армейские списки» — периодически публиковавшиеся списки офицерского состава английской армии.

79

«Мой покой не нарушайте» — строка из стихотворения английского поэта Т. Грея (1711–1771) «Нисхождение Одина». Предыдущая строка гласит: «И уста без сил смолкают».

80

Йомен — Так называли в средневековой Англии свободного земледельца, не имевшего рыцарского звания. В описываемую эпоху — исторический термин.

81

Герберт Джордж (1593–1633) — английский поэт.

82

Амина — жена одного из персонажей сказок «Тысячи и одной ночи», оказавшаяся ведьмой-оборотнем. Это открылось, в частности, потому, что рис она ела, накалывая по одной рисинке на шило.

83

«Блэквудс», точнее «Блэквудс мэгезин» — основанный в 1817 году литературно-критический журнал консервативного направления.

84

«Замок Локсли» — поэма английского поэта А. Теннисона (1809–1892), вышедшая в свет в 1842 году.

85

Падуасуа — тяжелая шелковая материя.

86

Приданое (франц.).

87

Пока я не забуду сам себя, пока ведет меня мой слабый дух (лат.)

Стихами (лат.).

Послания (лат.).

Марк Туллий Цицерон (106-43 гг. до н. э.) — древнеримский политический деятель, знаменитый оратор. Его послания друзьям считаются образцом классической латыни.

Чапуон Эстер (1727–1801) — английская писательница, сотрудничала в журнале Сэмюэла Джонсона «Рассеянный». Особенной популярностью пользовались ее «Письма об обогащении ума».

Картер Элизабет (1717–1806) — английская поэтесса и переводчица. Знала девять языков, в том числе древнееврейский и арабский. Находилась в долговременных дружеских отношениях с Сэмюэлом Джонсоном, напечатавшим в «Рассеянном» две ее статьи.

Эджуорт Мэри (1767–1849) — английская романистка, в свое время пользовавшаяся большой популярностью.

«...отразить вторжение Буонапарте.» — С 1803 года Англия находилась в состоянии войны с Францией. Военные действия велись в основном на море. В 1804 году французский император Наполеон Бонапарт (1769–1821) энергично готовился к высадке в Англии, однако несколько побед, одержанных англичанами над французским флотом, положили конец этим планам. Противники Наполеона нередко произносили его фамилию на итальянский лад — «Буонапарте», подчеркивая его итальянское происхождение. В Англии его презрительно называли «Бони».

Абадонна (по-гречески Аполлион) — имя одного из верховных демонов в христианской мифологии.

96

Добрый Бернард видит не все (лат.).

97

Пословицы (лат.).

98

«Сентджеймская хроника» — придворная газета. В описываемую эпоху официальной резиденцией английского короля был Сентджеймский дворец.

99

«...с лилиями полевыми.» — Имеется в виду евангельский текст: «Посмотрите на лилии полевые, как они растут: не трудятся, не прядут, но говорю вам, что и Соломон во всей своей славе не одевался так, как всякая из них» (Матфей, VI, 28–29).

100

«...как царица Эсфирь шла к царю Артаксерксу.» — Имеется в виду библейская «Книга Эсфири», в которой рассказывается о борьбе между Эсфирью, любимой женой персидского царя Артаксеркса, и его визирем. Чтобы разрушить козни визиря, Эсфирь была вынуждена пойти к царю без приглашения, хотя такое нарушение дворцовых порядков грозило ей смертью.

101

Джонбульность — Джон Буль — персонаж сатиры «История Джона Буля» (1712), олицетворявший английскую нацию. С тех пор это имя употребляется для обозначения Англии или собирательных черт английского национального характера.

102

Королева Аделаида — жена английского короля Вильгельма IV, царствовавшего с 1830 по 1837 год. Его предшественник Георг IV разошелся с женой в 1806 году, обвинил ее в супружеской неверности и затеял против нее скандальный бракоразводный процесс. Таким образом, в Англии почти двадцать пять лет фактически не

было королевы, чем и объясняется повышенный интерес и почтение крэнфордских дам к «добропорядочной» Аделаиде.

103

Вышедшим из моды (франц.).

104

«...вышла замуж за генерала.» — По-видимому, речь идет о генерале Джоне Бургойне, который в 1776 году, во время американской Войны за независимость, командовал английской армией, направленной из Канады на подавление восставших колонистов, потерпел поражение и капитулировал, за что подвергся в Англии гонениям. Бургойн был автором нескольких пьес, наиболее известная из которых комедия «Наследница» пользовалась большим успехом и долго держалась на сцене. В юности, еще будучи лейтенантом, он женился на дочери графа Дерби, которую романтически похитил, но через три года уехал из Англии и вернулся туда уже после смерти жены.

105

Бывшей (франц.).

106

Принц Альберт (1819–1861) — муж английской королевы Виктории, царствовавшей с 1837 по 1901 год. Он носил титул «принца-консорта» и был официально отстранен от всех дел, связанных с управлением страной.

107

Хогарт Уильям (1697–1764) — знаменитый английский художник, создавший ряд картин, сатирически изображавших сцены из жизни различных слоев современного ему английского общества.

108

Стоунхендж — постройка каменного века в окрестностях английского города Солсбери. Она состоит из огромных вертикально поставленных монолитов, которые в центральной ее части расположены подковой.

109

Уменьем себя вести (франц.).

110

Омбр и кадриль — популярные в XVIII веке карточные игры.

111

«...уомвелловские львы» — Уомвелл был владельцем одного из первых в Англии странствующих зверинцев.

112

Придворный менуэт (франц.).

113

«Тадеуш Варшавский» — роман английской писательницы Джейн Портер (1776–1850).
«Венгерские братья» — роман Анны Марии Портер (1780–1832), сестры Джейн Портер.

114

Эндорская волшебница — в Библии колдунья, обладавшая властью вызывать души умерших.

115

Королева Шарлотта (1744–1818) — жена английского короля Георга III.

116

«...одна из мисс Ганнинг.» — Сестры Ганнинг, Мария (1733–1760) и Элизабет (1734–1790), славились своей красотой. Первая вышла замуж за графа Ковентри, вторая — за герцога Гамильтона.

117

Сняв шляпу (франц.).

Подлинных (лат.).

Генерал Бургойн — см. прим. 42.

«...сражался с французами в Испании» — Попытка Наполеона в 1808 году захватить Испанию вызвала там всенародное восстание. В войне за свою независимость испанцы прибегли к помощи Англии. Английские войска вели в Испании военные действия против французов с 1808 года вплоть до падения наполеоновской империи в 1814 году.

Мадам де Сталь (1766–1825) — французская писательница. На портрете кисти художника Жерара (1770–1837) она изображена в тюрбане, которые были модны в начале века.

Денон Доминик (1747–1825) — французский художник и гравёр. В 1798–1799 годах сопровождал французские войска во время экспедиции в Египет и в 1802 году издал книгу «Путешествие по Верхнему в Нижнему Египту во время кампании Бонапарта», которую сам иллюстрировал. В то время Египет входил в состав Турецкой империи.

А именно (лат.).

Герцог Веллингтон (1769–1852) — английский полководец и государственный деятель, пользовался в Англии большой популярностью, как победитель Наполеона при Ватерлоо. В 1834–1835 годах был министром иностранных дел.

Лорд Честерфилд (1694–1773) — английский политический-деятель и дипломат. Прославился своими «Письмами к сыну», которые представляют собой настоящий кодекс обычаев и манер английского великосветского общества середины XVIII века.

126

Тиррел — Английский король Вильгельм II Рыжий (1087–1100) был во время охоты найден убитым стрелой. Современники считали его убийцей французского рыцаря Тиррела, который сразу бежал во Францию, а оттуда отправился в крестовый поход. В 1483 году Джеймс Тиррел, сторонник будущего короля Ричарда III, руководил убийством малолетних племянников Ричарда, законных наследников престола. В 1502 году он был казнен Генрихом VII, свергнувшим Ричарда III.

127

«...вот в чем был вопрос.» — слегка измененная цитата из знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть» (Шекспир, «Гамлет», акт III, сцена 1).

128

Главное блюдо (франц.).

129

«Лалла-Рук» — поэма английского поэта Т. Мура (1779–1852), опубликованная в 1817 году. Она состоит из четырех восточных сказок, первая из которых называется «Хоросанский пророк под покрывалом».

130

«...озирает род людской от Китая и до Перу.» — строка из стихотворения Самюэла Джонсона «Тщета человеческих желаний».

131

Касательно (франц.).

132

«...чем-то вроде ног испанской королевы.» — Имеется в виду следующий исторический анекдот: когда французской принцессе, невесте испанского короля, город, через который она проезжала на пути к жениху,

преподнес корзину шелковых чулок, сопровождавший ее испанский посол с негодованием отверг этот подарок, заявив, что у испанской королевы нет ног.

133

Признаться ли вам, мама? (франц.).

134

Лежащего (франц.) — геральдический термин.

135

«...участвовал в осаде Рангуна.» — Рангун, столица Бирмы, был взят англичанами в 1824 году в начале первой англо-бирманской войны, но вскоре отбит обратно.

136

Диссиденты — в Англии общее название ряда сект, ее признающих догматов англиканской церкви.